

**Сборник статей по истолковательному и
назидательному чтению
Четвероевангелия.
Том II
Матвей Васильевич Барсов**

Вход Господень в Иерусалим

О входе Иисуса Христа в Иерусалим

(Мф. 21:1–5)

Св. Иоанн Златоуст. «Воскресное чтение», 1810

И егда приближишася во Иерусалим и приидоша в Виффагию к горе Елеонстей, тогда Иисус посла два ученика, глаголя има: идита в весь, яже прямо вама: и абие обрящета осля привязано, и жребя с ним: отрешивша приведита Ми: и аще вама кто речет что, речета, яко Господь его требует: абие же послет я. Сие же все бысть, да сбудется реченное пророком (Захариеню), глаголющим: рцыте дщери сионове: се, Царь твой грядет тебе кроток, и всед на осля и жребя, сына подъяремнича (Мф. 21: 1–5). Часто и прежде сего Иисус Христос входил в Иерусалим, но никогда не входил с такою славой. Почему же так? Потому что тогда было еще начало строительства Его и Сам Он не был столько известен, притом и время страданий еще не было близко. Посему Он жил, не отличаясь ничем от прочих, и по большей части скрывал Себя; иначе Его явление не было бы столь удивительно и только бы возбудило в иудеях большой гнев. Когда же Он показал уже много опытов Своей силы, и крест был уже при дверях, тогда более и более прославляется и время от времени с большею известностью делает все, что могло воспламенить их. Конечно, это возможно было и с самого начала, но было бы не нужно и бесполезно. А ты размысли со мною, сколько здесь чудес и сколько исполнилось пророчеств? Иисус Христос сказал: *обрящета осля*, – и тут же предрек, что никто не будет препятствовать, но лишь услышат, замолчат.

Сего события не должно почитать маловажным. Что заставило сих бедных людей, может быть, земледельцев, без всякого противоречия отдать свою собственность? И – что я говорю, без противоречия? Нет даже и не спрашивая, или спросив, замолчать и уступить? Если они ничего не сказали, когда уводили их скот, или если и сказали что-либо, но услышав, что Господь его требует, – уступили без всякого противоречия; то и другое равно удивительно, тем более что не

видели Его Самого, а только учеников. Сим самым Иисус Христос дает разуместь, что Он мог воспрепятствовать жестоковейным иудеям, когда они пришли схватить Его, и сделать их безгласными, но только не захотел сделать сего.

С другой стороны, Он научает сим учеников и всякого без противоречия жертвовать всем, что бы Он ни потребовал, даже самую душу; ибо если и незнакомые Ему повиновались Его требованию, то тем более они должны жертвовать Ему всем. Далее, Иисус Христос исполнил здесь слова пророка Захария, который сказал, что Царь будет сидеть на осли. Воссед на осле, Он исполнил сие последнее пророчество, и в то же время, прообразуя Своими действиями будущее, дал другое пророчество. Каким же образом? Он предвозвестил сим призвание нечистых язычников, то есть что Он в них почиет, что они приидут к Нему и за Ним последуют. Впрочем, Иисус Христос, по моему мнению, не по сей только причине благоволил воссесть на осле, но и для того, чтобы подать нам правило жизни, везде поставляя нам за правило удовлетворять только крайним нуждам. Так и теперь, если бы случилось, что кто-нибудь по немощи имел нужду в животных, то Господь Иисус Христос и в сем случае сделал ограничение, показывая, что не на конях, не на мулах надобно мчаться, но должно довольствоваться ослом и не простираться далее необходимого. Притом нельзя не видеть, как сбывается пророчество и словами и самым делом? *Се, Царь твой грядет тебе кроток, и всед на осле и жребя юна.* Не на колеснице едет, как обыкновенно поступают другие цари, не требует дани, не наводит Собою страха, не имеет копьеносцев, но и здесь показывает величайшую кротость. Спроси у иудея: был ли какой-нибудь царь, который бы на осли въезжал в Иерусалим? Он ни об одном тебе сего не скажет, как только о Нем.

Но Он, как я выше сказал, делал сие в предзнаменование будущего. Здесь чрез осленка означает Церковь и народ новый, который был некогда нечист, но, после того как воссел на нем Иисус Христос, сделался чистым. Заметь же, какая точность во всем прообразовании. Ученики отвязывают подъяремников:

и иудеи, и мы призваны в новоблагодатную Церковь чрез апостолов. Наша блаженная и славная участь и в иудеях возбудила ревность; осел идет позади осленка. И действительно, после того как Иисус Христос усвоит Себе язычников, тогда и иудеи по своей ревности приидут к Нему, что ясно показывает апостол Павел, говоря: *Яко ослепление от части Израилеви бысть, Дóндеже исполнение языков внидет: и тако весь Израиль спасется.* Итак, из сказанного видно, что это было пророчество. Видно отсюда и то, что апостолы приведут язычников без труда. И действительно, как никто не препятствовал апостолам, когда они повели оных животных; так никто не мог остановить их в призвании язычников, когда они уловляли их проповедью. Далее, Христос садится не на нагого осленка, но на покрытого одеждами апостолов: это значит, что апостолы, принимая что-либо от усердия язычников, и свое все отдают им, как говорит Павел: *Аз же в сладость иждиву, и иждивен буду по душам ваших (2Кор.12:15).* Но обрати внимание и на послушание осленка, как он, вовсе необученный и не зная еще узды, не помчался быстро, пошел тихо и спокойно. И это услужило предзнаменованием будущего, выражая покорность язычников и скорую их перемену к благоустроенной жизни.

О входе Господнем в Иерусалим. Изъяснение пророчества и таинства сего дня

(Мф. 21:4–5)

Свт. Филарет, митр. Московский

Сие же все бысть, да сбудется реченное пророком, глаголющим, рцыте дщери Сионово: се Царь твой грядет тебе кроток, и всед на осля и жребя, сына подъяремника (Мф. 21:4–5). Два предмета можно здесь рассматривать: дивное событие пророчества и новое пророчество события.

Если бы еще и не открыто было событие пророчества Захариина – по самому сему пророчеству можно примечать, что им обещается дивное событие. Кто бы мог ожидать, чтобы какой-нибудь царь в царственный город торжественным шествием вступил на юном жребяти, рожденном от подъяремной ослицы? И если бы кто явился в таком виде с именем царя, – можно ли было думать, что его примут с искренним веселием и торжественными восклицаниями, а не с посмеянием или пренебрежением? Издревле цари победоносные шествовали на конях; мирные вельможи, по простоте древних обычаев, путешествовали, правда, на ослицах; но на осля, рожденное от *подъяремные*, то есть, от работной, носящей тяжести ослицы, и притом на осля юное, необученное, не отвыкшее от матери, царю воссесть свойственно ли, вероятно ли было? Как же пришло на мысль Захарии предсказывать торжественное шествие и сретение Царя, *вседшего на подъяремника и жребца юна*? Как могло исполниться такое предсказание? И то, и другое не могло быть иначе, необыкновенным, от Бога устроенным образом. По сей необычайности предсываемого действия, сами иудеи признают издревле доныне, что пророчество Захарии о кротком Царе относится к Мессии, или иначе ко Христу, хотя не узнают Его, бедные, в кротком Иисусе.

Но если в самом пророчестве Захарии уже можно усматривать необычайность события, им возвещаемого, то

внимательное рассматривание самого события еще более может открыть чудесного и прямо Божественного.

Когда какому царю надлежит торжественно вступить в царственный город, торжественность сия составляется посредством предварительных распоряжений и приготовлений. Но ничего такого не находим у Господа нашего, до самого дня, почти до самого часа царского вшествия Его в Иерусалим. Вчера Он вечерял в Вифании, где воскресил Лазаря; и при помазании ног Его миром говорил о предварительных распоряжениях не к воцарению, а к погребению Своему. Было там немало народа, но *не Иисуса ради токмо, но да и Лазаря видят* (Ин. 12:9). Сегодня поутру идет Он в Иерусалим, сопровождаемый учениками, так же, как и в другие дни. *Идяше преди*, пишет святой Лука, *восходя во Иерусалим* (Лк. 19:28). Нет никаких приготовлений. Никто не думает о Его воцарении. *Сих же не разумеша ученицы Его прежде* (Ин. 12:16). Внезапно сие начинается и вдруг совершается. *И бысть*. Не доходя до Виффагии, недалеко уже и от самого Иерусалима, дает Он неожиданное повеление: *и бысть, яко приближися в Виффагию и Вифанию, к горе нарицаемой Елеон, посла два ученик Своих, глаголя: идита в прямную весь: и в нюже входяща обрящета жребя привязано, на неже никтоже николиже от человек вседе* (Лк. 19:29–30), – по другому евангелисту обстоятельнее: *осля привязано и жребя с ним* (Мф. 21:2). Примечайте внимательно, поистине Божественно действует Божественный Царь наш. Он видит пророчество; видит близкую минуту, когда ему надлежит исполниться; но еще нет орудий к исполнению оного. Он взирает не телесным оком Своим, но Своим всеведением, и потребное тотчас обретается. *Абие обрящета осля привязано и жребя с ним*. Чудесно, найдено сие орудие, но и то не менее чудесно, оно взято. *Отрешивша, приведита, Ми*, глаголет Он двум ученикам. Господи! – могли бы сказать посылаемые, – как можно сие сделать: отрешить чужое осли, неизвестным посланникам, и вести, куда не знает хозяин? Подлинно, сие могло затруднить апостолов; подлинно, видимая несбыточность повелеваемого могла сопровождаться непослушанием посылаемых, если в другом случае встреченное ими

затруднение сопровождалось и бегством, и отречением от Господа; и тогда бы дело разрушилось и пророчество не исполнилось. Но и здесь Божественное ведение Царя нашего провидело готовность посылаемых, а Божественная власть Его над сердцами укрепила их против всякого сомнения. То же ведение провидело вопрос хозяина осляти: *почто отрешаета?* Та же власть над сердцами предварительно дала на сие с виду нимало не убедительный для незнакомого, но на самом деле непреодолимый оказавшийся ответ: *Господь требует* (Лк. 19:31). И посланные взяли и привели ослия, не зная чье; и хозяин осляти отдал его, не зная, кому и на что. Между тем *народ мног, не царски созванный, но пришедый в праздник* (Ин. 12:12), не по гласу проповедника, но по славе воскресения Лазарева, исходит в сретение Иисусу; и, объятый внезапным восторгом, вместо приготовленных украшений постилагает Ему ризы, вместо царских знамен и оружия возьмет ветви древесные; предшествует, последует, восклицает кроткому Царю, без всякой царской пышности несомому спокойно ослышавшему, которого никакая человеческая рука не приобучала до сей минуты ни к какому бремени. Как произошли все сии нечаянности? Поистине, сие все бысть, да сбудется реченное пророком. Сбылось несбыточное, дабы ясно было видно, что действует Тот, у Которого *не изнеможет всяк глагол* (Лк. 1:37).

Изошрим взор – и увидим в самом событии новое пророчество еще более дивного события.

Вход Господень в Иерусалим не есть простое изъяснение настоящего, но паче пророчество и предзнаменование будущего воцарения Его. Царство Его не есть сей Иерусалим, который вскоре разрушат, или земля Иудейская, которую вскоре опустошат и поработят, но Церковь, которой и *врата ада не одолеют* (Мф. 16:18). Ослия и жребя, на котором Он восседает для царского Своего шествия, означают два рода людей, над которыми Он пришел духовно царствовать, – иудеев и язычников. Ослия подъяремное есть образ иудеев, долго носивших на выях своих иго закона, *иго*, егоже – признается лучший из них – *ни отцы наша, ни мы возмогахом понести* (Деян. 15:10), и которое поэтому нужно было переменить на иго

Христа благое и бремя Его легкое. Жребя необученное знаменует язычников, не укрощенных учением, не знающих закона. Апостолы беспрепятственно берут жребя и ося; то есть апостолы, несмотря на препятствия, покоряют Царствию Христову иудеев и язычников. Господь восседает на жребя; ося за ним последует; то есть сперва покоряются Царствию Христову большею частью язычники, а когда predetermined из язычников войдут в полноту Церкви, тогда и оставшиеся иудеи обратятся и постигнут их. Необученное жребя благочинно несет на себе Царя; то есть невежественные и своевольные прежде язычники вскоре образуются учением и заповедями Христовыми. Ризы постилают Царю; то есть совершенные последователи Христовы все свое отдают Ему. Дети приемлют и славословят Царя, то есть сердца, детские по простоте и искренности, приемлют Христа верою, прославляют Его любовью.

О значении входа Господня в Иерусалим

Иннокентий Херсонский. «Последние дни земной жизни Иисуса Христа»

Обозревая служение Иисуса Христа, припоминая, как Он поступал до сего времени, как тщательно уклонялся всех случаев, где усердие народа могло дойти до необдуманных действий в Его пользу; как часто самим последователям и ученикам Своим запрещал объявлять всенародно, что Он есть всеми ожидаемый Царь Израилев; наконец, постоянно отвергал всякую земную почесть, отдалял все поводы к той мысли, что Он имеет какие-либо виды на престол Своих праотцев по плоти; припоминая, говорю, все это и взирая на Иисуса Христа в продолжение настоящего дня, иной может подумать, что Им принят теперь как бы другой, противоположный образ действия, что Он намерен, согласно всеобщим ожиданиям, действительно явить Себя видимым Царем Израиля и восстановить престол Давида, хотя не в таком плотском виде, как то воображали многие из иудеев. Между тем Божественный Учитель истины оставался непреложно тем же, чем был прежде; и торжественный вход Его во Иерусалим совершен с полной уверенностью, что чрез несколько дней в сем же Иерусалиме Его осудят на смерть, предадут язычникам и пригвоздят ко кресту как величайшего преступника. Что же после сего была за цель столь необыкновенного поступка? Для чего допущено Богочеловеком, чтобы пред самым страданием и смертью воздан был Ему некий вид царственной почести, от коей Он так постоянно уклонялся во время Своего служения? Подобным снисхождением Его к патристическому восторгу народа, искавшего видеть в Нем восстановителя престола Давидова, не могла ли даже питаться в народе мечтательная надежда земного царства Мессии, которую Он старался искоренять столь ревностно? Самым врагам Иисусовым не давалось ли чрез сие благовидного предлога обвинять Его в каких-либо земных замыслах? Вопросы сии, занимавшие еще святого Иоанна Златоуста, тем паче должны остановить на себе наше

размышление, что вшествие Иисуса Христа в Иерусалим не раз подвергалось превратным толкам врагов христианства.

Евангелисты Матфей и Иоанн, повествуя о входе в Иерусалим, замечают, что событие сие последовало вследствие предсказания пророка о таковом вшествии во Иерусалим Мессии. Посему на вышеприведенные вопросы можно бы отвечать (как и отвечали некоторые), что Спаситель, Который еще Своему Предтече благоволил сказать, что Ему надобно *исполнить всякую правду*, и по воскресении ученикам Своим объявил, что на Нем надлежало исполниться всему, писанному о Нем Моисеем и пророками, восхотел исполнить и пророчество о входе Своем во Иерусалим, и притом буквально, дабы те из иудеев, кои знали и понимали сие пророчество (а такие были), не имели права сказать, что на Нем сего не исполнилось. Но таким ответом дело было бы решено только наполовину; потому что выражения евангелистов *да сбудется реченное пророком*, *да исполнится Писание* и прочие означают не причину события, а указание на пророчество о событии; так как и вообще Мессия имел сделать то или другое не потому, что пророки представляли Его поступающим таким или другим образом, а напротив, пророки изображали Его в том или другом виде потому, что Ему надлежало по другим причинам иметь сей, а не другой вид. Посему полного ответа на вопрос о цели торжественного вшествия Иисусова в Иерусалим должно искать не в предсказании, которое само зависело от события, а в существе и обстоятельствах самого события.

И действительно, обращая внимание на служение Иисуса Христа, и особенно на Его отношение к народу иудейскому, нетрудно заметить, что такое событие, как торжественное вшествие в Иерусалим, было нужно, и именно пред Его страданием.

Иисус Христос пришел на землю как Спаситель всего рода человеческого; но пришел яко Мессия, обещанный предварительно народу иудейскому и имеющий среди него явиться миру. Как обетованный Израилю Мессия, возведен Он Пресвятой Деве Марии при самом Его зачатии, а при рождении – пастырем вифлеемским; как обетованный Израилю Мессия,

указан Он Иоанну Крестителю, а Иоанном – народу; как обетованный Израилю Мессия, Он учил, творил чудеса, обличал, пророчествовал, и проч. Кто из иудеев был внимателен к учению Иисуса Христа и Его деяниям и судил беспристрастно – тот давно мог признать Его в своем сердце Мессиею, хотя бы и не слышал торжественного объявления об Его достоинстве. Но для большей части народа требовалось, чтобы Он Сам всенародно объявил Себя Мессиею, предвозвещенным пророками; в народе господствовало даже мнение, что Мессия откроется хотя внезапно, но так торжественно, что о приходе узнают все иудеи во всех концах света. В сем ожидании, конечно, было не без мечтательности; но было нечто и совершенно справедливое, основанное на предсказаниях пророков и на самом существе дела; ибо явлению такого великого и необыкновенного лица, как Мессия, по необходимости надлежало прийти во всеобщую известность.

Но сего-то самого и не было еще сделано доселе. Иисус Христос не только не именовал Сам Себя прямо Мессиею, но часто даже ученикам Своим запрещал называть Себя пред народом этим именем, поступая в сем случае по плану Своей Божественной премудрости. Посему некоторые с истинным или притворным усердием говорили Ему громко: *Доколе души наши вземлешь?* (долго ли Тебе держать нас в недоумении?) *Аще Ты еси Христос, рцы нам не обинуясь* (скажи нам прямо). Для удовлетворения всем сим нуждам, для отклонения всех недоумений Сыну Человеческому надлежало явиться дочери Сионой в полном виде Царя кроткого, дабы она, отвергнув в Нем Жениха своего, не могла сказать, что отвергла Его по неведению. И вот в сем-то самом и состояла главная цель настоящего торжественного входа Иисусова в Иерусалим! Это было для всех иудеев всенародным объявлением, что Иисус Христос есть их истинный Мессия. Неоспоримым доказательством сего служат собственные слова Его, произнесенные Им пред вратами Иерусалима: «О, если бы ты хотя в сей день твой уразумел, что служит к спасению твоему!» Выражение *день сей твой* показывает чрезвычайную важность настоящего события для народа иудейского, ту важность,

которую мы сейчас усвоили ему. Действительно, *днем сим* с отвержением Мессии навсегда была решена судьба народа Израильского. В таком случае подлинно, если бы ученики умолкли, то заговорили бы самые камни. Так время было важно и невознаградимо!

Нетрудно усмотреть, почему такому всенародному объявлению, что Иисус Христос есть Мессия, належало последовать не прежде, как при самом конце Его служения. Непременным следствием его со стороны синедриона имело быть если не принятие за Мессию, то решительное преследование Иисуса Христа и Его смерть; но смерть прежде сего была бы безвременна, потому что еще не было положено прочное основание Царству Божию на земле, для учреждения коего сошел на землю Сын Божий. С другой стороны, если бы Иисус Христос, объявив Себя Мессиею, и следовательно, по понятиям народа Царем Израиля, оставался на земле долее, то народ иудейский, вероятно, не удержался бы от беспокойных движений и произвел бы во имя пришедшего Мессии восстание против Рима. Теперь краткость времени, протекшего до страданий Иисуса Христа, не позволила мечтательности народной дойти до подобной крайности, а крест Его решительно полагал конец в последователях Его всем подобного рода замыслам. Независимо от сего, нельзя не заметить, что для входа во Иерусалим избран был, и, конечно, не без особенного намерения, тот самый день (10 марта), в который в каждом семействе избирали агнца, имевшего служить Пасхою. Кто видел в агнце пасхальном не один припоминательный знак прошедшего благодеяния Божия, оказанного праотцам иудеев в Египте, но и прообразование великого Агнца Божия, имевшего прийти для искупления грехов всего мира (а такие люди были), – для того такое совпадение времени должно было быть весьма поучительно. В самом деле, после Своего входа во Иерусалим, остальные дни до Своей смерти Иисус Христос обращался между народом не иначе, как жертва, видимо обреченная на заклание: дни сии проведены были и Им Самим, и врагами Его именно в приготовлении к Его смерти.

Что касается до самого образа вшествия во Иерусалим и его подробностей, то в сем отношении явно поступлено в сообразность древнему пророчеству, и поступлено с величайшею мудростию. Несмотря на некоторую, по сей причине, неизбежную торжественность, все было предусмотрено так, чтобы исполнение пророчества не послужило пищею народной мечтательности о земном царстве Мессии. Между почитателями Иисуса Христа было немало людей важных и богатых, которые по одному слову могли бы доставить Ему всё нужное того, чтобы явиться дочери Сионовой в величии Царя Израилева. Но Он не делает сего; является всему Иерусалиму с обычною для Него простотою, смирением, даже убожеством. Его именуют Царем Израилевым; Ему поют: *осанна*; пред Ним сыплют ветви, постилают одежды, – почести, выражающие величайшую любовь, искренность и силу усердия, но где торжественная колесница? Где вооруженные слуги? Где царские украшения? Все это заменено двенадцатью учениками, столь же убогими, как и Учитель, ослицею и осленком, взятыми на время у других!... Самый последний из владельцев никогда не являлся в такой простоте и убожестве, как теперь – Иисус! Все, чем украшался вход Его, состояло из непритворной радости и усердия народа и учеников Его, так что внимательный наблюдатель уже теперь мог видеть ту святую истину, изреченную впоследствии пред Пилатом, что Царство Иисуса Христа не от мира сего.

Посему, вслед за отцами Церкви, можно сказать о сем торжественном входе еще гораздо более, а именно, что целью его было между прочим и намерение, одушевлявшее все поступки Иисуса, – уничтожить в уме Своих соотечественников мечту о земном царстве Мессии. В самом деле, мнимым основанием сей мечты служили преимущественно те места у пророков, где Мессия описывается как Царь. Иисус Христос всенародно показал теперь, как можно быть Царем-Мессией, описанным пророками, и в то же время быть совершенно чуждым земного владычества. После сего нет низшего места той ложной мысли, которая сделалась впоследствии времени всеобщею между иудеями: то есть что пророчества о Мессии,

по их резкой противоположности, не иначе можно согласить, как допустить двух Мессий: одного сильного – Царя, Сына Давидова; другого – бесславного, страждущего и умирающего, от колена Ефремова. Иисус Христос с нравственно-духовным величием Своим, со Своим страданием и смертью совместил в Себе в сем случае то, что в предсказаниях пророков о Мессии казалось земным, частным и местным, именно, чувственное явление всему народу Израильскому в виде Царя, едущего на молодом осле, и принятие от Иерусалима всенародных почестей в качестве Сына Давидова.

Если бы, заметим еще, в торжественном вшествии Иисуса Христа в Иерусалим заключалось что-либо противное существовавшему тогда гражданскому порядку вещей, что-либо неблагоприятное для тогдашнего римского правительства, то возможно ли, чтобы римская стража, всегда строгая, а особенно усугублявшая свою бдительность во время праздников, не обратила никакого внимания на это шествие? Но подобного внимания нисколько не обращено. Возможно ли, чтобы сие событие осталось в совершенной неизвестности для игемона иудейского, человека подозрительного и весьма строгого, который для поддержания римского самовластия охотно употреблял огонь и железо при самых не важных подозрениях? Но Пилат, как из всего видно, нисколько не знал или не заботился о сем событии. Не очевидно ли после сего, что, по мнению самой римской стражи и начальства – свидетельство, сильнее коего и нельзя желать, – вшествие Иисуса Христа в Иерусалим не только не заключало в себе ничего несовместимого с видами римлян, с выгодами кесаря, но и не выходило из обыкновенного порядка вещей?

Обратимся, наконец, к самим врагам Иисусовым: кто сильнее их мог клеветать на Него? И кто готовее был на клеветы против Него всякого рода? Однако при всей злобе своей они не осмелились поставить Ему в вину входа Его в Иерусалим ни в синедрионе, ни пред Пилатом: так дело сие было чисто, невинно, свято.

Торжественный вход Господа нашего Иисуса Христа в Иерусалим

(Ин. 12:12–19; Мф. 21:1–11; 14–17; Мк. 11:1–11; Лк. 19:29–44)

Свящ. М. Некрасов. «Душеполезное чтение», 1875

Прежде шести дней Пасхи прииде Иисус в Вифанию. Так, святой евангелист Иоанн начинает свой рассказ о входе Господа нашего Иисуса Христа в Иерусалим. На этот раз Господь пришел сюда из небольшого городка Еффраима, лежавшего на краю дикой и страшной пустыни Сорокадневной. В ней три с половиною года назад Он приготавливал Себя сорокадневным постом к великому служению на спасение рода человеческого: в эти же места Господь Иисус по воскрешении Лазаря удалился на короткое время до наступления Своих страданий, для приготовления к ним. Укрепив Себя молитвенною беседою к Богу Отцу, Он шел из Еффраима в Иерусалим, как Агнец, на заклание ведомый. По пути Он зашел в Вифанию к друзьям Своим, которые приготовили для Него вечерю.

Весть о пришествии Спасителя всегда предваряла Его. Посему, как только стало известно, что Он в Вифании, толпы людей устремились туда; люди, видевшие Лазаря воскресшего, пожелали видеть Воскресителя; не видавшие Лазаря тем сильнее пожелали видеть и Лазаря, и Иисуса. Как бы удовлетворяя общему желанию, Спаситель на другой день пошел в Иерусалим. Многочисленные толпы, пришедшие в Вифанию, сопровождали Его; многочисленные толпы, не успевшие прежде прийти в Вифанию, шли Ему навстречу; у всех было одно желание – видеть Иисуса, пророка из Галилеи, Воскресителя Лазаря. Но здесь произошло то, что обыкновенно бывает, когда множество народа собирается в одно место, чтобы видеть что-нибудь, – почти никто, или только немногие видят. За множеством народа Господь был виден только шедшим подле Него. Это весьма естественное препятствие еще более усиливает и без того горячее желание видеть Его. Но вот Он останавливается; бесчисленные толпы группируются около

Него; у всех один вопрос: что там такое? Что Он делает? Не творит ли Он чуда? Не говорит ли речи?

В самом деле, там происходило что-то не совсем обыкновенное: известно, что Иисус Христос всегда ходил пешком, а между тем Он посылает теперь двух учеников в близлежащее селение за ослом с явным намерением не идти, а ехать в Иерусалим, и это тогда, когда до Иерусалима было так близко, всего каких-нибудь версты полторы.

«Пойдите, говорил Он двум ученикам, в противолежащее селение; вошедши в него, найдете молодого осла, привязанного, на которого никто из людей никогда не садился; отвяжите его и приведите. И если кто спросит вас: зачем отвязываете? – скажите ему так: он надобен Господу. Посланные пошли и нашли, как Он сказал. Когда же отвязывали молодого осла, хозяева его сказали им: зачем отвязываете осленка? Они отвечали: он надобен Господу. И приведи его к Иисусу и, накинув одежды свои на осленка, посадили на него Иисуса» (Лк. 19:30–35). Здесь не знаешь, чему более удивляться, всеведению ли Господа, обнимающему все не только великое, но и малое, или покорности учеников и послушанию хозяина осла; одни беспрекословно идут исполнять поручение, если и не невозможное, если и не опасное, то во всяком случае странное; а другой по одному слову: *он надобен Господу*, – отдает неизвестным людям для неизвестной цели, быть может, все свое состояние. Не образ ли это истинного последователя Христова, который должен оставить все, чтобы следовать за Господом?

Когда бесчисленные толпы, так горячо желавшие видеть Иисуса, увидали Его, крик восторга невольно вырвался из груди тьмочисленного народа: *Осанна! осанна! Благословен грядый во имя Господа! Осанна в вышних!* (то есть да спасет, или да сохранит тебя Всевышний). В жару усиливавшегося все более и более восторга многие снимали с себя одежду и постилали по дороге, по которой ехал Спаситель, другие резали финиковые ветви и, потрясая ими в воздухе, с восторгом восклицали: *Осанна!* Шествие приняло торжественный, царский вид. Так действительно на Востоке встречали царей; так не особенно

давно иудеи встречали Симона вождя с хвалением и ваиями (1 Макк. 13:51); так персы устилали миртами дорогу Ксерксу при переходе его в Европу... Посему нет ничего удивительного, что те, которые видели в Иисусе Мессию, думали, что теперь-то настал час, когда Он откроет царство в Иерусалиме, что Он затем туда и идет, чтобы сесть на престоле Давидовом и судить языки... Восторг их не знал границ; им уже чудилось, как пред возлюбленным Мессиею склоняются и цари, и царства, и сами они занимают видные места в Его царстве. Другие, хотя и не признавали в лице Иисуса Мессию, тем не менее видели в Нем великого пророка; они рады были сему случаю, чтобы выразить Ему свое уважение и свою благодарность за то добро, которого так много сделал Иисус из Назарета. Наконец, третьи (этаких, конечно, была большая часть) были увлечены общою радостью, общим восторгом: они радовались, торжествовали, громко кричали *осанна*, сами не давая себе отчета в этом. Но то несомненно, что все радовались, радовались искренно, чистосердечно. Увы! Это была последняя радость Израиля! После того в истории этого благословенного некогда народа мы слышим только стон и плач: этот стон, этот плач вот уже около двух тысяч лет раздается, а скоро ли он кончится?!

По всему было видно, что такое радостное, торжественное настроение нравится Сыну Человеческому. Он, не отказавшийся торжествовать скромное брачное торжество в Кане, не мог не радоваться при виде этой всенародной радости. Были, однако, люди, которым не нравилось это торжество. Смотрите, вот приближаются к нашему Спасителю некоторые люди; они очень озабочены, на лице их тревога, не то испуг, не то досада. Кто они? Что им надо? Богатая одежда показывает, что они не принадлежат к простому классу народа. Вот они подле Самого Спасителя. Смотрите, какие на них большие хранилища, какие длинные воскрилия! Это давнишние враги нашего Спасителя, это фарисеи. Удивительное постоянство! Как тень за телом, так они всюду за Иисусом: нигде не оставляют Его в покое, всюду следят за Ним. Послушаем, что-то они скажут Господу.

Учитель! – говорят они, – вели им замолчать, *запрети ученикам Своим*. Видите ли, они заботятся об участии своего

народа! Кому неизвестны эти народолюбцы? «Смотри, торжество становится слишком шумным, как бы на него не обратили римляне внимания». Так под личиною любви к отечеству скрывают они свою злобу. *Запрети ученикам Своим.* Но разве одни ученики ликуют? Торжествует весь народ; из уст всех слышится: *Осанна!* Что нужды? Фарисеям хочется унижить торжество Господа в своих и Его глазах. «Ведь все это дело затеял небольшой кружок Твоих учеников, а за них достанется всему народу». Так тешится бессильная злоба! Что же ответил Спаситель? *Если они умолкнут, то камни возопиют*, то есть что это событие предвидено и предназначено Промыслом Божиим, что посему никакие усилия человеческие не могут отвратить его; что достоинство Мессии Он так ясно доказал Своими делами, что никакая злоба не может затмить его. Фарисеи, отличные знатоки Священного Писания, в чем нужно отдать им справедливость, не могли при этом не вспомнить замечательного пророчества Захарии: *Скажите дочери Сионовой: се Царь грядет к тебе, кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной* (Зах. 9:9). Пророчества сего они никогда, ни прежде, ни после не относили к другому лицу, кроме Мессии. И потому они принуждены были замолчать, затаив злобу.

Появление злобных фарисеев среди ликующего народа было темным облаком на светлом и ясном небе. Оно не могло не пробудить скорбных чувствований, печальных мыслей в Сыне Человеческом. Между тем шествие приблизилось к спуску с горы Елеонской. Пред глазами народа открылся весь Иерусалим, тот Иерусалим, при мысли о котором трепетало и теперь еще трепещет сердце иудея, Иерусалим, которого никогда не забывал и не забывает иудей даже до настоящего времени, Иерусалим, град священный, град Царя Небесного, столь любезный, столь дорогой для иудея, что он клялся им как особенною святынею. «Если забуду тебя, Иерусалим, – говорили иудеи, – забудь меня, десница моя». Поэтому что удивительного, если теперь при виде Иерусалима народная радость достигла высшей степени, и торжественное *осанна!* в виду священного города еще громче раздавалось из уст тех

израильтян, которые в лице Иисуса Христа видели Мессию? «Итак, вот вождественнейший момент, которого они с таким нетерпением ожидали, о котором так горячо молились! Восстани же, Иерусалиме! Подними главу твою, дщи Сионя! Светися, светися, Иерусалим! Ликуй ныне и веселися, Сион! Се Царь твой грядет! Падет гордая претория! И от востока, и запада, и севера, и юга приидут и поклонятся тебе языцы! Такие, конечно, мысли и чувства волновали их сердце, и от избытка сердца уста немолчно восклицали: *осанна*.

Но в противоположность радостному чувству народа, наш Спаситель был преисполнен скорби, и скорбь Его была так велика, что, не вмещаясь в сердце, выразилась в обильных слезах. Спаситель плакал. Ах! Мог ли не плакать Тот, Кто пришел спасти погибшее? Пред Ним Иерусалим, тот Иерусалим, о котором Он прежде сказал: *Невозможно есть погибнуть пророку кроме Иерусалима (Лк. 13:33)*. Итак, вот это гнездо фарисеев, избивших пророков и камнем побивших посланных к ним! Вот храм, но это уже не дом молитвы, а вертеп разбойников! Вот дома первосвященников, где так безнаказанно осудят Его, и поругаются Ему, и осмеют, и оплюют Его! Вот претория Пилата, где, признавши Его невинным, предадут на бичевание и затем на распятие! Вот те улицы, где Он падет под тяжестью креста! А вот, наконец, за городом виднеется ужасная Голгофа с своим великим крестом! Но не собственная участь занимает нашего Господа. Не о Себе Он плачет, а о Иерусалиме и детях его. О, если бы эти безмерные страдания послужили во спасение всем людям, и первее иудеям, сродникам Его по плоти! Но этого не будет! Пред Сердцеведцем будущее, как настоящее Он знает, что вместо настоящего *осанна!* – этот же самый народ неистово будет кричать: *Распни, распни Его!* Он видит, как этот некогда возлюбленный народ отвергается Богом, как римские войска осаждают этот самый, ликующий теперь Иерусалим, как рушатся стены города; горит храм, сотни тысяч иудеев избиваются мечом, другие сотни тысяч отводятся в плен в рудники, и весь Израиль, как пыль ветром, рассеивается по лицу вселенной и становится притчей и поношением для всех

народов, – видит, и слезы невольно катятся из Божественных очей Его! Увы! Печальна участь христоубийственного народа на сей земле. Что же ждет его на Страшном Суде? Но и этого мало. Взорам Его представляется будущая история Церкви Его. Ах, сколько и там печального! Сколько христиан своим поведением бесчестят Его святое имя! Сколько христиан своими делами вторично распинают Сына Божия! Как часто честолюбие первосвященников и книжников раздирает Церковь Христову! Как часто гордость Пилатов попирает все святое на земле! Мог ли при сем не плакать Тот, Кто пришел пострадать и умереть за спасение рода человеческого?

Проникнутый до глубины души грядущими бедствиями, долженствующими разразиться первее всего над Иерусалимом, Спаситель воскликнул: «О, если бы ты хотя в этот день, благоприятствующий тебе, понял, что Служит к благосостоянию твоему! Но это скрыто от очей твоих! И вот, придут на тебя дни, когда враги твои поднимут насыпь против тебя, окружают тебя, стеснят тебя со всех сторон, разорят тебя до основания, побьют детей твоих среди тебя и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени, в которое так чудно посетил тебя Бог!» Увы! На этом самом месте, где Спаситель произносил эти слова, чрез 38 лет после сего римляне построили окопы и со всех сторон окружили Иерусалим высоким валом, так что нельзя было ни войти в него, ни выйти из него.

Между тем шествие приблизилось к Иерусалиму. Тогда, по выражению евангелиста Матфея, *потрясется весь град*. Оставшиеся в Иерусалиме с недоумением спрашивали: кто это? В честь кого устроено это торжество? Это Иисус, отвечали им, Пророк, Иже от Назарета Галилейского. И сопровождаемый бесчисленным множеством народа Иисус вошел в храм, как Господь храма. Здесь тотчас приступили к Нему слепые и хромые. На этот раз их особенно было много; в надежде получить большую милостыню от усердия богомольцев, эти несчастные сходились в Иерусалим на праздники большими толпами; и всем им преподал Спаситель исцеление. Эти чудеса не могли не усилить восторга сопровождавших и встречавших Господа. Но когда дети стали повторять во храме восклицания,

слышанные ими на пути от отцов, и начали взывать: *Осанна Сыну Давидову!* – первосвященники и книжники закипели негодованием и сказали Ему: «Слышишь, что они говорят?» Иисус Христос отвечал: «Да! а разве вы не читали: *в устах юных и грудных детей Ты приготовил Мне хвалебную песнь?*»

Поразительно было продолжение этих слов в псалме Давидовом; далее следовало: *Вопреки враждующим против Тебя, дабы сделать безмолвными врага и мятежника.* Книжники не могли не припомнить про себя этих слов, и они связали им уста.

Иисус Христос как Господь храма осмотрел все во храме. Но как время было уже позднее, то Он оставил храм и с двенадцатью учениками пошел из города в Вифанию, чтобы провести там ночь.

**Какой смысл соединяли иудеи с восклицанием:
*осанна в вышних, благословен грядый во имя
Господне*, – и какое значение имеет оно в наших
церковных службах**

«Душеполезное чтение», 1860

Сим торжественным восклицанием иудеи приветствовали Спасителя при вступлении Его в Иерусалим, незадолго до крестной смерти Его. Воспоминанию этого события Святая Церковь посвятила особое празднество в так называемое Вербное воскресенье. В церковной службе на сей праздник, равно как и на Лазареву субботу, многократно повторяется восклицание: *осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне*. То же восклицание входит в состав песнопения, которое поется каждый раз на литургии вслед за возгласом священнодействующего об ангелах, поющих, вопиющих, взывающих и глаголющих победную песнь. Но чем многократнее и чаще повторяется означенное восклицание в церковных службах, тем нужнее знать, в каком смысле оно употреблено иудеями и употребляется в церковных службах.

Прежде всего надобно заметить, что приветственные слова: *осанна в вышних...* – читаются в 117 псалме, воспевающим торжество победы над врагами. Виновник торжества, по изображению псалма, шествует с поля брани во храм для принесения благодарственной жертвы Господу, даровавшему победу над врагами. Народ и священники с восторгом встречают грядущего во храм, шумными кликами выражают благожелания ему и призывают на него благословение Божие: *осанна в вышних*, то есть: да благопоспешит ему Всевышний, *благословен грядый во имя Господне*, то есть: как теперь по благословению Божию получил успех в борьбе со врагами, так и впредь да будет во всех намерениях и предприятиях благословен шествующий в храм Господа для воздания Его святому имени славы и чести.

Трудно с точностью определить, какой именно победитель врагов избранного народа изображается в псалме, но кто бы он

ни был, нет сомнения, что под образом его представляется Христос победитель врагов всего человеческого рода: греха, смерти и дьявола; ибо некоторые стихи сего псалма Сам Он прилагает к Себе. Знали и иудеи, что псалом относится к Мессии; по свидетельству блаженного Иеронима, они употребляли его наряду с теми молитвами, в которых просили Бога о пришествии Мессии. Но если бы и не знали о таком значении псалма иудеи, современные Спасителю, то пальмовые ветви, с какими они встретили Его при входе в Иерусалим, могли привести им на память стихи псалма, потому что псалом хорошо был известен им; он воспеваем был всеми в праздник кущей, в продолжение которого народ носил в руках древесные ветви. Пред вступлением Спасителя в Иерусалим возбуждено было всеобщее к Нему внимание чудом воскрешения Лазаря. Враги Спасителя принимали меры, чтобы погубить Его и чрез то предотвратить взрыв народного усердия к Нему. Но, несмотря на козни врагов, оно обнаружилось самым торжественным образом. Народ устроил царскую встречу Спасителю, входящему в Иерусалим. Смирненное вступление Господа в Иерусалим истолковано было иудеями (за исключением немногих истинно веровавших в Него) согласно с их мечтами о Христе как земном могущественном царе. Им казалось, что наступила минута освобождения их отечества от власти римлян, что вступающий в Иерусалим Спаситель восстановит престол Давидов, покорит их власти все другие народы и вознесет их на высшую степень земного могущества и славы. На самое чудо воскрешения Лазаря они взирали как на залог предстоящих Иисусу Христу успехов в устройении земного царства, и этих одних успехов они желали Ему и ожидали от Него. *Осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне*, – вопияли они Ему, выражая это именно желание и ожидание, то есть да поможет Тебе Всевышний совершить благополучно переворот в земной судьбе иудейского народа, восстановить царство Давидово. Что именно такое, а не другое значение имело в устах иудеев приветственное восклицание *осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне*, – это ясно видно из других восклицаний, какие они присоединяли к сему

восклицанию. Благословенно во имя Господа наступающее царство отца нашего Давида (Мк. 11:10). Благословен Царь, грядущий во имя Господне (Лк. 19:38). Благословен приходящий во имя Господне Царь Израилев (Ин. 12:13). *Осанна* (да поможет Господь) *Сыну Давидову* (Мф. 21:9).

Слыша такие восклицания, Спаситель не мог не сожалеть, что иудеи возлагают на Него несбыточные, не соответствующие цели Его пришествия на землю надежды. Вступая в Иерусалим, Он совершенно чужд был намерений, свойственных царю земному, царю-завоевателю, каким иудеи хотели видеть Мессию. Сами иудеи, если бы отложили предвзятые понятия и мечты, легко могли бы заметить, что подобных намерений не было у Иисуса Христа. Воинственному царю надлежало бы совершить въезд в Иерусалим на коне, животном, употреблявшемся на войне, а не на таком животном, на котором имели обычай ездить лица, отправлявшие мирные гражданские должности, (на осле) и на котором по самому пророчеству Захарии, без сомнения известному иудеям, должен был предстать пред ними Мессия в образе Царя кроткого, невоинственного. Горько было Спасителю, что иудеи, торжественно встречая Его, ожидали от Него того, чего Он не мог и не хотел сделать для них. Самые почести, оказанные Ему при сем случае, не радовали Его. Когда в сопровождении ликующего народа стал Он спускаться с горы Елеонской к городу, Он не мог удержаться от слез, взглянув на него. Душа Его возмутилась при мысли о несчастной судьбе, ожидающей этот город и всю страну за то, что иудеи отринут своего Мессию, не захотят принять от Него то, что Ему надлежало и что Он готов был сделать для их блага. «О, если бы ты (Иерусалим), – Говорил Он со слезами, – хотя бы в сей день твой узнал то, что служит к благосостоянию твоему! Но сие сокрыто от очей твоих».

Но, сожалея об ослеплении Своего народа, о несбыточных мечтах и ожиданиях, с какими он взирал на Него в эти минуты, Спаситель не уклонился от почестей, какими сопровождаемо было Его вшествие в Иерусалим. Напрасно некоторые из фарисеев предлагали Ему унять восторг народа. Он отвечал

им: «Я вам сказываю: если они замолчат, то камни возопиют» (Лк. 19:40). Когда Он вступил в храм и дети стали взывать Ему: *осанна Сыну Давидову!* – враги Спасителя снова выразили Ему свое недовольство и негодование на эти почести, но Он сказал: «Разве вы не читали: в устах юных и грудных детей Ты приготовил Мне хвалебную песнь»? (Мф. 21:16.) Зачем, спрашивается, Спаситель принимал царские почести и торжественные в честь Его восклицания от народа, когда смысл, какой соединяем был народом с этими восклицаниями, не мог быть Ему приятен? Спаситель хотел внушить всем и каждому, что Он действительно есть Царь, но Царь не земной, что Он действительно пришел основать Царство, но Царство не от мира сего (Ин. 18:36), что Он есть Царь духовный и пришел водворить на земле, доселе бывшей под владычеством греха и проклятия, Царство правды, мира и радости о Дусе Святе, иначе говоря, Царство благодати. Таким образом, торжественное событие входа Господа Иисуса Христа в Иерусалим было знаменательно собственно в духовном отношении, именно означало духовную власть, какую Спаситель долженствовал воспринять над миром после крестных страданий и смерти Своей. Вот почему это событие празднуется Святою Церковью с такою торжественностью. Вот почему Святая Церковь в своих службах научает нас многократно повторять в честь Спасителя те же радостные восклицания, какими иудеи приветствовали Его! Но само собою разумеется, что наша радость при воспоминании сего события должна быть отлична от радости иудеев, какую они выражали во время самого события. Само собою понятно, что восклицания *осанна в вышних* должны иметь в устах наших свой особый смысл, совершенно отличный от того, какой они имели в устах иудеев. В чем же состоит сие отличие?

Иудеи восклицанием *осанна* приветствовали Спасителя как имевшего, по их мнению, основать земное царство; мы сим восклицанием приветствуем Его как Царя духовного, владычество Коего открывается собственно в душах верующих во имя Его. Иудеи приветствовали в лице Христа будущего победителя врагов избранного народа и всемирного

завоевателя, видя залог Его будущих успехов в чуде воскрешения Лазаря; напротив, мы, яко победителю смерти и ада, вопием Ему *осанна*, и в воскрешении Лазаря видим залог общего воскресения. Иудеи восклицанием *осанна* испрашивали Христу помощи Всевышнего для одоления предстоящих Ему трудностей всемирного завоевания и устройства земного царства; напротив, мы, зная, что вход Спасителя в Иерусалим был шествием Его на вольные страдания и смерть ради нашего спасения, приветствием *осанна* выражаем молитвенное желание пред Богом Отцем, да будут сии страдания и смерть благопоспешны и спасительны для нас, да не лишит Он нас участия в плодах искупления, да омоет наши грехи Кровию Единородного Сына Своего и да сподобит нас достигнуть вечного блаженства. Подобное сему значение имеет *осанна* и в литургии; так как в той части литургии, где употребляется это восклицание, содержится действенное воспоминание страданий и смерти Спасителя. В сем случае мы как бы так взываем: Боже Отче! Возлюбленный Сын Твой, единожды принеши Себя в жертву за грехи наши на крестном жертвеннике, благоволит доселе являться на алтарях христианских в качестве бескровной жертвы. Да будет сия жертва, пред которою мы возносим свои молитвы, угодна пред Тобою, благопоспеши ей, Всевышний, быть благоплодною для душ наших, *осанна в вышних*.

Почему иерусалимские отроки в знании веры оказались более успешными, нежели первосвященники и ученые?

Из Беседы на освящение храма святителя Стефана Пермского

Видевшие же архиереи и книжники чудеса, яже сотвори, и отроки зовуща в церкви и глаголюща: осанна Сыну Давидову, негодоваша (Мф. 21:15).

Какое это странное явление в Иерусалимском храме! Христос Царь кроткий и спасающий, входит во храм, творит благодетельные чудеса, дает хромым хождение, слепым прозрение – и на это негодуют. Отроки благоговейно приветствуют Его: *осанна сыну Давидову* – и на это негодуют. И кто же? Архиереи и книжники, люди, которые, конечно, удобнее детей могли узнать Христа и лучше их рассудить, какого благоговения и прославления Он достоин.

Как могла произойти эта нечаянность, что иерусалимские отроки оказались в знании веры более успешными, нежели первосвященники и ученые? Мысль о Христе и ожидание пришествия Его пред временем сего пришествия весьма распространены были не только между православными в Церкви ветхозаветной, но даже и между неправославными. С уверенностью говорит самарянка: *Вем, яко Мессия приидет, глаголемый Христос: егда Той приидет, возвестит нам вся (Ин. 4:25)*. И примечательно, что у нее видно понятие о Христе не так грубое, как у многих плотских иудеев: она не представляет Его земным царем и завоевателем, а совершеннейшим руководителем к истинному богопознанию и богочтению. Если самарянка неправославная, имевшая, как обличал ее Господь, пять мужей и еще шестого без имени законного мужа, – если женщина, которой тем менее удобно было снискивать духовную мудрость, чем более она предана была чувственности, знала, однако, о Христе так немало, – то не более ли знания о Нем предполагать должно в современных ей православных иудеях, не омраченных преобладающими

страстями и пороками? Итак, иерусалимские отроки могли в Иерусалиме от добрых отцов и матерей слышать то же самое, что говорила на кладезе Иаковлевом самарянка: *Мессия приидет, глаголемый Христос – возвестит нам вся*. И когда они слышали еще, что явился Иисус, Который возвещает Царствие Божие и тайны Божии, хотя не без притчей, указывает пути к блаженству, призывает к покаянию и прощает грехи, требует веры и над верующими творит спасительные чудеса, исцеляет неизлечимых, изгоняет злых духов, воскрешает мертвых и тем являет в Себе силу Божескую; тогда и детского, незрелого разума при неомраченном страстями сердце достаточно было, чтобы ожидаемого, дотоле неизвестного Христа узнать в лице Иисуса. Когда же они слышали, что Иисус грядет в Иерусалим, увидели путь к Иерусалиму и улицы Иерусалима полными народом, сдвигающим и сопровождающим Его с торжественными восклицаниями; тогда, чтобы удобнее принять участие в торжестве, они устремились во храм, еще не занятый народом, и здесь, устроившись в особый детский собор и лик, возгласили входящему во храм Господу: *Осанна Сыну Давидову!* Может быть, и некоторые от князей, которые веровали в Него, но фарисей ради не исповедовали, да не из сонмищ изгнаны будут (Ин. 12:42), отеческою властью послали в сей собор своих детей, чтобы хотя чрез них облегчить свою совесть исповеданием Христа с меньшею опасностью от фарисеев, от строгости которых сих исповедников защищал их детский возраст.

Мысли свт. Феофана на плач Иисуса Христа в Иерусалиме

(Лк. 19:38–41)

Народ взывает: *осанна!* – а Господь плачет. Не совершается ли нечто подобное и при наших торжествах церковных? Тогда видимость была торжественна; но Господь смотрел на то, что было в душах невидимо, и видел его достойным плача. И у нас видимость на праздниках всегда празднественна; но таково ли бывает внутреннее всех настроение? Иной не понимает совсем силы и значения праздников; иной чутьем темно ощущает нечто и ясно ничего не видит; и мало кто и видит, и чувствует, и располагается достойно празднеству. Жертв праздники наши берут много, но сколько из них отделяется Господу и братьям? Или ничего, или самая незначительная малость, все почти берет чрево и суетность. От Господа укрыться это не может, и не дивно, если Он, говоря по-человечески, плачет, когда мы издаем торжественные возгласы. Таковы-то искупленные, оправданные, усыновленные!... Дали обет, приняли обязательство – духом ходить и похотей плотских не совершать, а тут у них что идет? Сыны Царствия хуже последних рабов!...

От Понедельника до вечера Среды

21-я гл. евангелия от Матфея и параллельные

Проклятие смоковницы

(Мк. 11:12–14; Мф. 21:18–19)

На другой день поутру Иисус Христос пошел с учениками из Вифании в город и взалкал. И, увидев издалека близ дороги одну смоковницу покрытую листьями, пошел, не найдет ли чего на ней; но, пришедши к ней, ничего не нашел на ней, кроме одних листьев, хотя, судя по времени, смоквы не могли быть с нее обобраны. И сказал ей: «Чтобы отныне никто не вкушал от тебя, и впредь да не будет от тебя плода вовек!» Все ученики слышали этот приговор.

О символическом и нравственном знаменовании проклятия смоковницы

Свт. Иоанн Златоуст

Для чего проклята смоковница? Для учеников – чтобы их ободрить. поскольку Он всегда благодетельствовал и никого не наказывал; между тем надлежало Ему показать и опыта Своего правосудия и отмщения, дабы и ученики, и иудеи узнали, что Он хотя и мог иссушить, подобно смоковнице, Своих распинателей, однако же добровольно предает Себя на распятие и не иссушает их; то Он и не захотел показать этого над человеками, но явил опыт Своего правосудия над растением.

Св. Исидор Пелусиот

Господь не без причины проклял смоковницу (не думай сего, ненасытимый испытатель Божественного!), но с намерением показать неблагодарным иудеям, что и для наказания имеет Он достаточную силу. поскольку во всех чудесах Его видели, что никому не причиняет ничего скорбного, то предполагали, что может только благодворить, не имеет власти подвергать злостраданию порочных. Посему примером существа неодушевленного уверяет, что может и наказывать, но не соизволяет сего по благодости. Итак, дерево засохло, чтобы утешить людей. Но соединен с сим вместе и таинственный

некий смысл, по преданию от мудрых старцев дошедший до нас; а именно: что смоковница есть древо преслушания, листья ее употреблены были преслушными для своего прикрытия; и человеколюбиво проклята она Христом, чтобы не приносила более плода, послужившего причиною греха. Ибо второе пришествие Бога будет уже не для вочеловечения, но для воздаяния каждому за соделанное им.

Листья без плодов

Георгий Конисский, архиеп. Белорусский

На другой день после торжественного входа Своего в Иерусалим Христос Спаситель возвращался туда из Вифании, где имел ночлег в гостеприимном доме праведного Лазаря, и на пути взалкал: *утру*, говорит евангелист, *возвращься во град, взалка* (Мф. 21:18). Тот, Кто сорок дней постился пред началом евангельской проповеди, Тот, Который говорил о Себе: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшего Мя и совершу дело Его* (Ин. 4:34), – Сей великий Постник Учитель, теперь, ранним утром взалкал, и, увидев издалече смоковницу *едину при пути, прииде к ней*, чтобы хотя плодами ее утолить алчбу Свою... Видно, накануне, при встрече Его в Иерусалиме никто не позаботился принять Его в дом свой и предложить Ему трапезу... Но и на смоковнице плодов не было: *Ничто же обрете на ней, токмо листвие едино*. И вот, Он изрекает суд Свой над бесплодным деревом: *Да николиже от Тебе плода будет во веки!* (Мф. 21:19).

Приступим вслед за Христом к сей бесплодной смоковнице и подумаем: кого она знаменовала в свое время и не укрывает ли она и нас под своими листьями? Дерево ни разума, ни чувства не имеет, а потому ни закону, ни преступлению не может подлежать. Кого же она изображала? Без сомнения, прежде всего сонмище иудейское, которое только листвием закона, только одними обрядами прикрывалось, а о делах закона, о внутреннем благочестии вовсе не радело. Ходили, например, иудеи в храм и приносили тучные жертвы и в то же время враждовали друг на друга, убивали, обманывали, брали взятки, правды не творили, ворах полагали. Потому-то Бог и

говорил им чрез Исаию пророка: *Что Мне множество жертв ваших? Исполнен есть всесожениями: тука агнцев и крове юнцов и козлов не хочу... Не приходите являться Мне, и ходите по двору Моему не приложите!* (1:11–12). Хранили иудеи посты, как и фарисей о себе сказал: *Пощуся дважды в субботу (в неделю). Но что это были за посты, Сам Бог говорит о сем чрез того же пророка: Аще в судех и сварех (ссорах) поститесь и биеете пястями смиренного, Вскую Мне поститесь и хотите услышану быти с воплем гласу вашему. Не такового поста Аз избрах* (Ис. 58:4–5). Молились фарисеи долгими молитвами, и нередко выходили для того на распутия, дабы видел их народ и почитал снятыми; но эти мнимые святые, вторгаясь в дома бедных вдовиц, похищали их последнее достояние... Давали беспрекословно иудеи и десятины на церковь по закону, даже от таких ничтожных вещей, как огородные овощи, но в то же время совсем забывали самое главное в законе: суд, милость и веру! (Мф. 23:23). Наблюдали они и чистоту внешнюю в пище и питии, показывали себя опрятными, благоговейными и благочестивыми, но и эта чистота и наружный вид благочестия были нечисты в очах Божиих, как изъяснил Спаситель: *Горе вам книжницы и фарисее, яко очищаете внешняя склянницы и блюда, внутрь же есте полны хищения и неправды.*

Наконец, иудеи созидали гробницы телам пророческим и говорили: о, когда бы мы были во дни отец наших, мы не были бы общниками им в крови пророков! А сами между тем дышали убийством на Самого Христа, и потому Спаситель говорил им: *Сами свидетельствуете, яко сынове есте избивших пророки, – и вы исполните меру отец ваших!* (Мф. 23:30–31). Так, иудеи, державшие закон только на языке, а не в сердце, были подобны смоковнице бесплодной, одни только листья на себе имеющей!

Но пора, братие, оглянуться нам и на самих себя. Не таковы ли и наши дела, какие были у иудеев? Не подобны ли и мы оной бесплодной и проклятой смоковнице? Ах, други мои! И у нас листьев немало, а плодов не видно ни единого! Что как не листья наша молитва, когда приходим в церковь не затем, чтобы с кротким мытарем вздохнуть и Богу помолиться, а затем,

чтобы с гордым фарисеем повеличаться и похвалиться, и притом хвалиться не постами и подаяниями на церковь, а новомодными нарядами и убранствами? Что как не листья наша исповедь, когда исповедующийся не ощущает в сердце ни страха, ни сожаления, не имеет живой крепкой веры в Того, чья Кровь очищает грехи, не дает ни Богу, ни отцу духовному твердого обещания отстать от грехов, и лишь только выходит из церкви, как тотчас же и возвращается на прежние греховные дела?... Не листья ли, – дрожа и сам, как лист, сие говорю, – не листья ли одни и самое причащение Тела и Крови Господней, когда причастившийся не успеет вкусить Тела Сына Божия и обогреть уста свои Его Кровию, тотчас же снова изменяет Ему, как Иуда: соединяясь со Христом, сделавшись с Ним единое тело, он снова расторгает сей святейший союз, прилепляясь по-прежнему к миру и плоти?... Одни листья у нас и самая милостыня, и все благотворения, когда я одною рукою бросаю, а другою отнимаю, – копейки даю, а тысячи беру, когда я бедных и невинных насущного хлеба лишаю, а тех, кто льстит мне, обогащаю, – когда благотворю потерявшим честь и совесть, а не богобоязненным, – исполнителям воли моей, а не Божией... Итак, и у нас все одни только листья да листья, а где же плоды? Или и мы скажем, что не пришло еще время смоквам, как сказал евангелист о бесплодной смоковнице? Но ведь мы не дерево, которое нуждается для приношения плодов в весне, лете и осени... Для плодоношения, то есть для исполнения обязанностей наших, нам дана целая жизнь... И в весну юности, и в лето мужества, и в осень старости мы можем и должны приносить Творцу нашему сладкие плоды добрых дел. Не препятствует нам в том и самая зима, не только естественная, но и духовная, то есть всякие беды и скорби. Тогда только окончится для нас время, удобное для приношения, когда постигнет нас кончина жития и предсмертная болезнь отнимет у нас и разум, и чувства. Вот тогда, и только тогда, хотя бы мы и пожелали, не сможем уже ничего сделать Богу угодного!...

Хозяин ждет от своего сада плодов в том случае, если он каждое деревцо прилежно окапывал, удобрял, от бурь и

насекомых защищал, во время засухи поливал. Так, Бог говорил у пророка о ветхозаветном Израиле: *Виноград бысть возлюбленному в розе, на месте тучне: ограждением оградих его и окопах и насадих лозу избранну, и создах столп посреде его и предточилюе ископах: и ждах, да сотворит гроздие, и сотвори терние (Ис. 5:1–2).* Но кто может исчислить все благодеяния Творца, коими Он во всякое время, каждый день и час наделяет нас, ограждая нас Своею сильною рукою от врагов видимых и невидимых, осыпая нас дарованиями, телу и душе благопотребными? Он благодетельствует нам, но и от нас ждет плодов, а находит только все листья да листья!... Что же, братие? Ужели мы захотим услышать и о себе тот же приговор, какой разгневанный Бог произнес некогда ветхозаветному винограду Своему – народу еврейскому праведным судом Своим? *Отниму, говорит Он, от винограда ограждение его, и будет в расхищение: разорю стену, и будет в поправление: оставлю виноград Мой, и к тому не обрежется, ниже покопается и взыдет на нем, якоже на лядине (борозде), терние: и облаком заповем (повелю), еже не одождити на него дождя (Ис. 5:5–6).* Станем ли ожидать для себя оной ужасной клятвы, которая иссушила до самого корня бесплодную смоковницу, которая рассеяла иудеев по лицу всей земли, соделала их презренными у всех народов и, что еще более ужасно, оставила их пребывать в неверии, по оному приговору Спасителя: *Да николиже от Тебе плода будет во веки?* О, грозное слово, паче ужасного грома и молнии, до самой внутренности души проходящее и сожигающее...

Не будем же подражать беззаконному сонмищу иудейскому, не станем ожидать проклятия Божия на самих себя; постараемся быть достойными Божия благословения – не листья только, но и плоды добрых дел принося Делателю душ наших – Христу Спасителю. Алчет Он и теперь спасения нашего – поспешим же утолить Его алчбу обильными и сладкими смоквами добрых дел, чтобы за сие Он благословил нас в здешней жизни изобилием плодов земных, а в блаженной вечности сподобил вкушать от сладостей небесных, уготованных избранникам Его! Аминь.

Свт. Феофан. «Мысли на каждый день года»

Господь осудил смоковницу на бесплодие за то, что по виду она так была покрыта листьями, что надлежало быть на ней и плодам, которых на деле, однако, не оказалось. В применении к жизни христианской листья означают внешние дела благочестия и внешние подвиги, а плоды – внутренние расположения. По закону так: первые должны происходить из последних; но по снисхождению к немощам – крайняя мера: последние должны развиваться вместе с первыми. Когда первые в силе, а последних нет и в зародыше, то отсюда выходит ложь жизни, которая выражается так: *казаться*, но не быть. Вначале, может быть, и не имеется это несчастное настроение в мысли, а потом оно является незаметно и устанавливает собою строй жизни. Кто наляжет слишком на внешность и пристрастится к ней, у того внимание к сердцу закрывается, чувства духовные гложут и водворяется холодность. На этой степени жизнь духовная замирает; остается вид благочестия без силы его. Поведение совне исправно, а внутри все наизуворот. Следствием этого – бесплодие духовное: делаются дела, но они вот – мертвые.

Смоковница, покрытая листьями, была благолепна на вид, но не удостоилась одобрения от Господа, потому что не было на ней плодов, а плодов не было потому, что не было внутренней плодородительной силы. Сколько таких смоковниц бывает в нравственном смысле! На вид все исправно, а внутри ничего нет. Степенны, честны и все христианское исполняют, а духа жизни о Христе Иисусе не имеют; оттого не имеют плодов живых, и то, что есть в них, только кажется плодом, а не есть. В чем же дух жизни о Христе Иисусе? На это скажем: одно в нем есть от Господа, а другое от нас. Что от Господа, то, собственно, и есть плодородительная духовная сила; а что от нас, то есть только приемник этой силы. О последнем и позаботься больше. Тут корень – чувство, что ты погибающий, и что если не Господь – погибнешь; отсюда во всю жизнь, при всех делах и трудах – сердце сокрушенно и смиренно. Далее, как преднее неизвестно, а врагов много и спотыкание возможно поминутно, то – страх и трепет в содеянии спасения, и непрестанное вопияние: «Имиже веси судьбами, спаси мя».

Горе почивающему на чем-нибудь, кроме Господа; горе и тому, кто трудился для чего-нибудь, кроме Господа! Спроси себя, трудившийся в делах, которые считаются богоугодными: для кого трудишься? Если совесть смело ответит, только для Господа, – добре, а если нет – то ты строишь дом на песке. Вот несколько указаний о плодородном внутреннем духе. Посему и о прочем разумевай!

Священник Буткевич. Новейшее экзегетическое толкование «Жизнь Господа нашего Иисуса Христа»

При рассмотрении евангельских повествований о проклятии смоковницы, мы не должны упускать из виду слова Марка: «И видя издалека смоковницу, имеющую листья» (καί ἰδὼν συκὴν ἀπὸ μακρόθεν εἶχουσιν φύλλα), а также и указание Матфея на то, что смоковница была покрыта *листьями*.

Нужно заметить, что палестинская смоковница прежде всего распускает почки, а затем уже листья. Когда же листья смоковницы достигли известной величины и известного количества, тогда уже можно надеяться найти на дереве по крайней мере несколько зрелых смокв. Вследствие этого всю историю проклятия смоковницы можно представить следующим образом. Проходя из Вифании в Иерусалим, Иисус Христос почувствовал голод. Он осматривается вокруг и видит вдали (ἀπὸ μακρόθεν) одну смоковницу (μίαν ἐπὶ τῆς ὁδοῦ); (Мф. 21:19), которая отличалась от всех других смоковниц, во множестве находившихся на том пути, тем, что имела уже листья. В то время года (то есть в конце марта или в начале апреля) это было совершенно необыкновенным явлением. Но так как плоды смоковниц развиваются раньше листьев, ибо листья развиваются только вместе с созрением плодов, то на дереве, покрытом листьями, Христос, очевидно, уже мог ожидать также и смокв. Правда, появление листьев на смоковнице было, собственно говоря, слишком раннее и даже преждевременное; тем не менее множество листьев давало право ожидать, что на дереве есть также и преждевременные или ранние плоды. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что, по евангельскому рассказу, Иисус, увидя смоковницу, покрытую

листьями, подошел к ней с целью найти несколько смоков, чтобы утолить Свой голод.

На первый взгляд кажется как будто бы странным, каким образом Иисус мог высказывать Свое негодование на дерево, которое не имеет своей воли, а следовательно, ни в чем не может быть и ответственным, на дерево, которое возрастил Его Небесный Отец и облек этим множеством роскошных листьев; непонятно, как Он мог проклясть это дерево только за то, что оно не могло удовлетворить Его голода и обмануло Его надежду, когда оно само не могло располагать собою. Чтобы яснее понять это загадочное, на первый взгляд, поведение Иисуса, мы прежде всего должны бросить взгляд на ту внутреннюю связь, в которую поставлено это событие. Иисус Христос торжественно, как Царь Израилев, равно ожидаемый и иудеями и язычниками, вошел в Иерусалим сопровождаемый толпами народа и встречаемый необыкновенными приветствиями: «Осанна Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне»! Затем Он посетил храм Иерусалимский, «и осмотрев все» (καὶ περὶβλεψάμενος πάντα), вечером возвратился в Вифанию (Мк. 11:11). На следующее утро, снова желая посетить Иерусалим и храм, Иисус на пути совершил настоящее чудо. Таким образом, проклятие смоковницы находится в середине между тем, что Христос уже видел в Иерусалиме и храме пред совершением этого чуда, и тем, что Ему предстояло еще сделать в Иерусалиме (то есть очищение храма). Отсюда само собой представляется весьма вероятным, что это чудесное знамение непосредственно относилось к той последней борьбе, которую вел Христос с односторонними представителями иудейского теократизма. Вот почему нельзя отрицать того взгляда многих евангельских толкователей, по которому в проклятой смоковнице нужно видеть образ самого Израиля. К этому, с одной стороны, дает повод ветхозаветная символика, а с другой – мы имеем основание думать, что Сам Христос именно так смотрел на это чудесное событие. По вышеуказанному взгляду лучших евангельских комментаторов, это чудесное событие есть не что иное, как дополнение Божественным действием того, что раньше Христос высказал в

притче о смоковнице только на словах (Лк. 13:6–9). Притча о смоковнице осталась как бы незаконченной. Христос заключил ее просьбою виноградаря не срубливать смоковницы еще на один год в надежде, что, может быть, хоть в этом году она принесет плод. «Господин! – сказал виноградарь, – оставь ее еще и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, не принесет ли она плода; если же нет, то в следующий год срубишь ее». И вот теперь, когда общественное служение Иисуса Христа уже почти оканчивалось, когда были употреблены все средства для спасения и обращения погибших овец дома Израилева, когда почва, на которой росла приточная смоковница, была, как только возможно, удобрена, – оканчивался и тот год, который выпросил у Господа виноградарь для своей любимой, но бесплодной смоковницы. Отсюда понятно, что такое евангельское проклятие смоковницы и какой оно имеет в себе глубокий смысл. Это действие символически пророческое, указывавшее именно на тот суд, который должен был совершиться над Израилем, и притом совершиться чрез тех, пред глазами которых было совершено это символически пророческое действие и которые вскоре сами с удивлением увидели чудесное исполнение слов Христовых (то есть чрез учеников). Отсюда понятен и весь смысл этого чудесного события. Смоковница, как мы сказали, была образом ложного Израиля. Христос ищет на дереве плодов, потому что на этом дереве находились уже листья. Хотя еще и для Израиля не наступило времени жатвы (то есть последнего суда), но так как на нем были признаки плодов – листья Божественного откровения (закон, пророки, жертвоприношения, храм и различные религиозные богооткровенные обряды), то от него нужно было ожидать и ранних плодов. Израиль должен был раньше других народов уверовать в обетованного Мессию, потому что он раньше других народов был подготовляем к этому необыкновенными, сверхъестественными, Богооткровенными средствами, как и на евангельской смоковнице были листья в такое время, когда все другие смоковничные деревья еще не имели их. Но иудейский народ упорно отверг Ангела завета, который шел в свой

собственный храм; дерево, полное листьев, не имело, однако, плода. Господь «гневаается» на смоковницу и проклинает ее, говоря: «Да не будет же впредь от тебя плода вовек». Вследствие этого смоковница засыхает, израильский народ, не принесший плодов даже после усердного, сверхъестественного ухода за ним, перестает быть народом Божиим, народом сверхъестественного обетования. Смоковничное дерево, проклятое Господом, пока не выброшено долой совсем, не уничтожено; оно еще остается по-прежнему при пути, но уже навсегда обречено быть бесплодным и засохшим; жизненные токи в нем прекратились, и само оно стало существовать только как немой исторический памятник своей прежней кипучей и небесполезной для проходящих жизни. Никто уже на этом дереве не найдет плода, чтобы утолить свой голод и бодро дойти до Иерусалима. А не такова ли судьба и иудейского народа? Он не уничтожен совсем, он остался в мировой истории и даже продолжает существовать еще и теперь, но только как грозный, бездушный и безжизненный памятник прошлого; только как сухая мумия, взглянув на которую, всякий путник невольно подумает лишь о том, что когда-то и в ее груди была ключом бурная, кипучая жизнь. Не уверовав во Христа, иудейский народ стал уже неспособным к жизни: он уже перестал носить на себе плоды Божественного откровения, а потому и не в силах утолить религиозного голода ни одного путника, идущего к небесному Иерусалиму.

Иисус Христос на замечание о засохшей смоковнице внушает ученикам о силе веры

(Мк. 11:20–26; Мф. 21:20–22)

Поутру, проходя тем же путем, что и вчера, ученики Иисуса Христа с изумлением увидели, что смоковница, красовавшаяся листьями при дороге, засохла до корня. Петр тотчас же обратил внимание Иисуса Христа на это. «Равви! — сказал он. — Посмотри: смоковница, которую Ты проклял, засохла». Иисус Христос отвечал на это: «Имейте веру в Бога. Потому что, истинно говорю вам, если будете иметь веру и не усомнитесь,

то не только сделаете, что сделано с смоковницей, но ежели и этой горе (Масличной) скажете: поднимись и ввергнись в море! – и не усомнитесь в сердце своем, но поверите, что сбудется по словам вашим, – будет, что ни скажете. Потому сказываю вам: все, чего вы в молитве просить будете, верьте, что получите, и будет вам». Не получите только тогда, когда бы вы захотели чудодейственную веру употребить во вред ближнему: «И (потому) когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же вы не простите людям согрешений их, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших».

Изгнание из храма торжников

(Мк. 11:15–18; Лк. 19:45–48; Мф. 21:12–13)

«Пришли в Иерусалим. И вошел Иисус Христос в храм Божий, и начал изгонять всех продающих в нем и покупающих, и опрокинул столы меновщиков (иностранной монеты на священную) и места у продавцов голубей, и не позволял, чтобы кто проносил чрез храм какую-либо постороннюю вещь, и учил их: *«Не сказано ли в Писании: дом Мой домам молитвы наречется для всех народов, а вы сделали его (шумным торжищем беззаконной корысти), как вертеп разбойников?»* Услышавши это, книжники, старейшины народа и первосвященники (которые, конечно, если не больше, то хотя соизволением участвовали в этом неуместном торжище), придумывали, как бы погубить Его, но не находили, что бы сделать с Ним. Боялись Его. Он начал учить в храме, и весь народ неотступно слушал Его и был в восхищении от учения Его».

Слова св. Иоанна Златоуста к 12–13 стихам 21-й гл. Евангелия от Матфея

Об изгнании из храма торжников говорит и Иоанн, только говорит в начале Евангелия, а Матфей в конце. Посему вероятно, что это случилось два раза, и притом в разное время, как видно и из обстоятельств времени, и из ответа иудеев

Иисусу. У Иоанна говорится, что это случилось в самый праздник Пасхи, а у Матфея – задолго до Пасхи. Там говорят иудеи: *Кое знамение являеши нам?* (Ин. 11:18), а здесь молчат, хотя Христос и укорил их; молчат потому, что все уже дивились Ему. Тем большего достойны обвинения иудеи, что Христос не один раз делал это, а они все еще не переставали торговать в храме и называли Христа противником Божиим, тогда как и отсюда должны были видеть честь, воздаваемую Им Отцу, и собственное Его могущество.

Мысли свт. Феофана на 46 стих 19-й гл. Евангелия от Луки

«Мысли на каждый день года»

Дом Мой – дом молитвы есть. И точно, только войди во храм, и уж посылает тебя на молитву. Все тут так расположено и так делается, чтобы располагать и споспешествовать молитве. Посему, если хочешь возгреть молитву в сердце своем, ходи чаще в храм Божий. Дóма так не помолишься, как в храме. Есть такие, которые и дóма тепло молятся, но если дóма так, то насколько выше того в храме? Но, бывая в храме, не телом только бывай в нем, а более духом. Стань, где потише, и, зря умом Господа пред собою, изливай пред Ним душу свою. Мечтания разгоняй, забот не допускай, и одному делу внимай – делу молитвы. Поднимай тяжелую душу горé и дебелость ее разбивай созерцанием вещей Божественных. Если есть что за тобою, сними с себя покаянием и обетом исправления. Если совесть не сыта, подбавь дел самоотвержения и любви. Стоя во храме, заготовляйся и на все время, как будешь вне храма, не отступать от Господа мыслью, а выну предзреть Его пред собою, чтобы не подвиглись стопы твои с правого пути на неправый. От этого, когда придешь в храм, тебе легче будет держать себя в нем как должно. А от достодолжного пребывания в храме опять легче будет держать тебе внимание пред Господом, когда будешь вне храма... Итак, пойдет все выше и выше расти твое пребывание в Господе, а больше этого чего еще желать?

Мысли свт. Феофана на 13 стих 21-й гл. Евангелия от Матфея

«Мысли на каждый день года»

Храм Мой храм молитвы наречется: вы же сотвористе и (его) вертеп разбойником. Всем известно, что храм требует благоговейства, собранности мыслей, углубленного богомыслия и стояния в присутствии Божию, однако кто исполняет это? В храм идут с желанием помолиться, постоять в нем немного с теплым усердием, а потом мысли начинают бродить, и в голове происходит торг еще шумнее того, какой встретил Господь в храме Иерусалимском. Отчего же так? Оттого, что пребывание в храме есть отражение всей жизни. Как живут, так и в храме себя держат. Храм влияет и несколько поддерживает духовные движения, но потом обычное течение духовного строя берет свое. Потому, если хочешь, чтобы твое пребывание во храме было достойным стоянием пред лицом Господа, подготавливайся к тому жизнью обыною; ходи, сколько можешь, в молитвенном настроении. Этот труд доведет тебя до того, что и в храме все время прстоишь благоговейно. Это же благоговейство воодушевит тебя на благоговейство и в обычной жизни. Так пойдешь все выше и выше. Помоги же, Господи, начинай!

Примирение кажущихся противоречий в повествованиях различных Евангелий об очищении храма

Свящ. В. С. Марков. «О Евангелии от Матфея». «Православное обозрение», 1873

Между повествованиями святых Матфея и Марка нельзя не признать некоторого различия, которое состоит в том, что по сказанию Евангелия от Матфея выходит, что очищение храма от продающих и покупающих последовало непосредственно после входа Иисуса Христа в Иерусалим и на другой день утром произошло событие проклятия смоковницы, на которой Иисус Христос не нашел плода (Мф. 21:10–19). Между тем как в

Евангелии от Марка говорится, что Иисус Христос изгнал из храма Иерусалимского продающих и покупающих уже на другой день после Своего входа в Иерусалим, после того как Он проклял смоковницу, на которой не оказалось плода (Мк. 11:11–17). Из этих двух повествований выводят то заключение, что они противоречат одно другому в определении дня очищения Иисусом Христом храма от торжников.

Но это указание противоречия в Евангелии Матфея с Евангелием Марка основывается на неправильном понимании цели и плана повествования Евангелия от Матфея. Для каждого внимательного читателя должно быть понятно, что Евангелие это имеет по преимуществу прагматический характер. Евангелист Матфей не столько заботится о том, чтобы изложить события в хронологическом порядке, сколько о том, чтобы сгруппировать их (не нарушая, конечно, порядка общего хода событий) для доказательства предположенной им своей мысли. Из этого группирования фактов сообразно с известной идеей объясняется то, что, сказав о входе Иисуса Христа в Иерусалим, евангелист Матфей непосредственно за тем передает и другой факт, случившийся в Иерусалиме, именно изгнание из храма продающих и покупающих, хотя это событие случилось уже на другой день, как об этом отдельно повествует евангелист Марк, который излагает события так, как они случились по порядку времени. Евангелист Матфей решительно не обращает внимания на то, произошло ли очищение храма в день входа Иисуса Христа в Иерусалим или на другой день после него. Сообразно с своею целью евангелист Матфей не находит нужным подробно говорить о том, что, Иисус Христос, вошедши в Иерусалим, в первый раз не сделал здесь ничего особенного, но за повествованием о вшествии Иисуса Христа в Иерусалим он передает и замечательное дело, которое вскоре затем было совершено Иисусом Христом; а потом упомянул и о том, что после входа Своего в Иерусалим Иисус Христос пошел в Вифанию и переночевал там, и на другой день утром Он проклял смоковницу. Здесь замечательно то, что евангелист Матфей не говорит, в какое именно утро произошло это проклятие: прежде

ли очищения храма или после сего, и таким образом не определяет точно самого дня совершения этого очищения, потому что не считает этого важным для своей цели, а следовательно, и не противоречит точному определению времени этого события, сделанному евангелистом Марком. Примером такой же неопределенности Евангелия Матфея в хронологическом отношении может служить 23 стих, следующий за речью Иисуса по поводу иссохшей смоковницы. Евангелист Матфей выражается таким образом: «Когда пришел Он (Иисус) в храм и учил, приступили к Нему первосвященники и старейшины народа», и проч., тогда как из Евангелия Марка ясно видно, что это случилось уже на третий день после торжественного входа Иисуса Христа в Иерусалим. Таким образом, различие в повествованиях евангелистов Матфея и Марка о событии очищения храма заключается не в противоречии их, но в образе и цели изложения этого события.

Еще более разностей находят в евангельских повествованиях об очищении храма Иисусом Христом, когда сравнивают сказания об этом событии Евангелия от Матфея с повествованием о том же событии Евангелия от Иоанна. В Евангелии от Матфея событие очищения храма представляется случившимся пред последнею Пасхою, после торжественного входа Иисуса Христа в Иерусалим, незадолго до Его смерти (Мф. 21: 12–15), между тем как евангелист Иоанн говорит, что Иисус Христос изгнал из Иерусалимского храма продающих и покупающих в первое время Своего общественного служения, когда еще приближалась первая Пасха из тех, которыми обыкновенно измеряется время Его служения (Ин. 2:13–16). Но Иисус Христос мог совершить очищение храма в первое время Своего общественного служения, как и пред последнею Пасхою. Вступая на поприще Своего общественного служения роду человеческому, Он должен был явить Себя миру тем, Кем Он был на самом деле, показать Свое Божественное величие как Сына Божия (снедаемого ревностью о славе Божией). Поэтому при виде бесчиния в храме Божиим Иисус Христос, вступая в общественное служение, должен был показать Свою власть над неуважающими святыню, обличить в невнимательности к

Своему служению священников и левитов, возвыситься пред ними в глазах народа, показать Себя пророком, вообще приобрести Себе известность посланника неба и таким образом приготовить веру в Себя как Мессию.

Очищение храма повторилось пред последнею Пасхою. Как скоро повторилось прежнее нерадение к святому месту храма, Иисус Христос имел прямые побуждения снова выгнать из храма продающих и покупающих в нем. Если Он для показания Себя небесным посланником прежде Своего вступления в общественное служение должен был с силою выразить Свой гнев на бесчинствующих в храме, то в конце Своего общественного служения, когда Он был уже всем известен как великий пророк и когда, с другой стороны, ненависть врагов Его достигла высшей степени, Он имел еще более побуждений вооружиться против нарушения благоговения в храме, чтобы, с одной стороны, укрепить в народе веру в Себя, а с другой – не подать повода к обвинению в допущении религиозных беспорядков. «Как Владыка дома, то есть храма, – говорит блаженный Феофилакт Болгарский, – Он (Иисус Христос) выгнал из него торгующих, показывая сим, что все, принадлежащее Отцу, принадлежит и Ему. Сделал Он это и Потому, что имел попечение о благолепии храма». Еще большим подтверждением мысли о втором очищении храма Иисусом Христом пред последнею Пасхою как событии особенном, отличном от первого очищения пред первою Пасхою, служит то, что в Евангелии от Матфея, равно как и в других синоптических Евангелиях, событие очищения храма пред последнею Пасхою рассказывается некоторыми особенными подробностями, чем как то же событие описывается случившимся пред первою Пасхою в Евангелии от Иоанна. Можно сказать более: общего между повествованиями об очищении храма в первую Пасху и в последнюю находится весьма немного, именно то, что Иисус Христос в том и другом случае очистил храм от продающих и покупающих, остальные же подробности повествований об этом событии совершенно различны. По Евангелию от Иоанна, иудеи спрашивали о власти, которою Он это сделал, и Иисус отвечал на это

символически: «Разрушьте храм сей; и Я в три дня воздвигну его» (Ин. 2:19); по повествованию же евангелиста Матфея, иудеи не спрашивали Его о власти, по которой Он изгнал из храма продающих и покупающих, вероятно, потому, что они уже знали ответ Его, данный им при первом очищении храма, а негодовали на Него только за то, что Он позволял детям восклицать Ему: «Осанна Сыну Давидову», на что Иисус Христос отвечал им словами пророчества: «Из уст младенец и ссуших совершил еси хвалу» (Мф. 21:15–16). Это отличие второго очищения храма, повествуемого в Евангелии от Матфея, от первого, находящегося в Евангелии от Иоанна, подтверждается и сказаниями евангелистов Марка и Луки, которые описывают второе очищение храма также отлично от сказания евангелиста Иоанна. В Евангелии от Марка не упоминается ни о каких вопросах со стороны иудеев, а говорится только, что книжники и первосвященники искали, как бы погубить Иисуса, но в то же время боялись Его, потому что весь народ благоговел пред Ним, удивлялся учению Его (Мк. 11:18); по повествованию же Евангелия от Луки первосвященники и книжники не тотчас после очищения храма, а уже после, может быть, на другой, или даже на третий день, спрашивали Иисуса, какою властью Он творил это (Лк. 20:12).

Все это доказывает различие между тем очищением храма, о котором повествует евангелист Матфей согласно с прочими синоптиками, и тем, которое передает евангелист Иоанн. Можно даже указать причины, почему евангелист Иоанн повествует только о первом очищении храма, между тем как евангелист Матфей (равно как Марк и Лука) – только о последнем. Причина этого заключается в том, что евангелист Иоанн изображает жизнь Иисуса Христа, начиная с первой Пасхи, о которой ничего не упоминается в Евангелии от Матфея; и так как евангелист Иоанн писал свое Евангелие после всех других канонических Евангелий, то он по преимуществу и излагает те события, которые опущены в других Евангелиях. Итак, правильное понимание повествований об очищении храма, находящихся в Евангелиях Матфея и Иоанна, решительно устраняет всякие противоречия между этими сказаниями, убеждая нас в том, что

в действительности Иисус Христос дважды изгонял из храма продающих и покупающих в нем – в первый раз пред первую Пасху, а во второй – пред последнюю.

Изложение содержания речи Иисуса Христа по поводу пришествия эллинов и изъяснение ее

(Ин. 12:20–36)

Свящ. М. Некрасов. «Душеполезное чтение», 1875

«Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые эллины». Так начинается рассказ об этом событии святой евангелист Иоанн. «Они подошли к Филиппу, который был из Вифсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господин! Нам хочется видеть Иисуса. Филипп идет и говорит о том Андрею; и потом Андрей и Филипп сказывают о том Иисусу».

Пришедшие эллины были, конечно, из числа тех, которые сознали пустоту языческого идолослужения. Это были, по выражению книги Деяний Апостольских (17:4) *честивии* (чтущие Бога) эллины и, приняв иудейское верование во единого Творца и Правителя мира, считали долгом в три великие праздника (Пасхи, Пятидесятницы и поставления Кущей) являться в Иерусалим для принесения жертвы Иегове. Они назывались прозелитами. Прозелитов было два разряда: прозелиты *правды*, которые вполне принимали иудейство, обрезывались и пр., и прозелиты *врат*, которые, отказавшись от язычества, не вполне принимали закон Моисеев, не обрезывались. Будучи свидетелями торжественного входа Христова в Иерусалим, слыша о многочисленных чудесах, совершенных Иисусом Христом, эллины легко могли подумать, не Тот ли это, о Котором так много говорят и Которого с таким нетерпением ждут иудеи, то есть не Мессия ли это? И решились обратиться к Нему за решением своих недоумений о Его лице и, быть может, о каком-либо предмете веры. Можно думать, что это были прозелиты врат. Что не праздное любопытство влекло их к Иисусу Христу, это видно из слов их: «Желаем видеть Иисуса», слово *видеть* на языке Священного Писания не значит

смотреть, а знать, дознать, на самом деле испытать (Лк. 2:26); видеть же Иисуса, смотреть на Него они могли и сами. Эллины не осмеливаются прямо подойти к Иисусу Христу, а обращаются сначала к Филиппу, и Филипп счел их просьбу столь важною, что не тотчас сказал о них Христу, а предварительно посоветовался с Андреем, и затем уже, и то не один, как бы не желая принять ответственность на себя одного, а вместе с Андреем, доложил о них Иисусу Христу!

«Иисус же сказал им в ответ». Евангелист не говорит, кому сказал в ответ; нужно думать, что последующие слова относятся как к эллинам, так и к ученикам и народу вместе, что видно из стихов 24 и 34 этой же главы. «Пришел час прославиться Сыну Человеческому». Пришло время распространять славу Божию между язычниками; иудеи продолжают упорствовать, а язычники сами идут. Прежде Он говорил апостолам: «На путь язык не идите» (Мф. 10:5), а теперь наступает час, когда нужно проповедовать Евангелие не одним иудеям, а и язычникам, всему миру. Посему время идти на страдания, чтобы довершить дело искупления рода человеческого. Страдания Господа в Евангелии называются славою, например: *ныне прославися Сын Человеческий*.

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Сравнивает Себя с зерном, а Свою смерть и погребение с посевом пшеницы. Не к пророкам обращается, а к простому и понятному для всех явлению природы, потому что пред Ним не одни иудеи, а и язычники, которые не знали пророков. Как зерно тогда только приносит плод, когда умирает под землею, так учение и дела Его тогда только принесут плод спасения, когда Он Своими крестными страданиями и смертью принесет Богу Отцу искупительную жертву за грехи людей. Сими словами Христос и ученикам, и эллинам открывает тайну спасающей смерти Своей. Итак, пусть не смущаются ученики, что Он идет на смерть, и притом тогда, когда стали обращаться к Нему язычники; вследствие смерти Его особенно усилится проповедь Евангелия и уверуют язычники. Пусть и эллины оставят языческую философию и

уверуют в силу крестных страданий и смерти Сына Божия, и тогда само собою разрушатся их сомнения, и душа их найдет мир.

«Любящий душу свою потеряет ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почитит Отец Мой». В этих словах Спаситель кратко излагает сущность христианского нравоучения, подобно как в первых изложил сущность христианского вероучения. Самоотвержение, простирающееся до готовности не щадить жизни своей за истину с надеждою сохранить душу для жизни вечной – вот чего требует Иисус Христос от Своих последователей. Эллинам особенно нужно было напомнить о самоотвержении, потому что основанием языческой нравственности служило самолюбие. «Делай другому хорошо, чтобы тебе самому было хорошо» – вот правило их жизни! Трудна заповедь Спасителя; но зато как высока награда за исполнение ее! Истинный последователь Христов будет там, где пребывает Сам Христос, то есть на небе – в вечной славе: его не только наградит, но и почитит Отец Небесный!

«Душа Моя теперь возмутилась: и что Мне сказать? (это ли?) Отче! Избавь Меня от часа сего. Но на сей час Я и пришел. (Нет. Вот что скажу Отче! Прославь имя Твое!)»

Мысль о предстоящих страданиях и смерти приводит в смущение душу Сына Человеческого. Так тяжки эти страдания! Но потому-то они так и драгоценны пред очами правды Божией. «Так бы не следовало говорить, – пишет святой Иоанн Златоуст, – Тому, Кто убеждает других идти на смерть; но на самом деле такие слова особенно приличны такому человеку. Чтобы не сказали, что Ему легко Любомудрствовать о смерти, когда Он Сам недоступен для человеческих страданий, легко убеждать нас, когда Он Сам вне опасности, Он показывает, что и Он страшится смерти, однако для пользы других не отказывается умереть. Впрочем, это относится к воспринятому Им человечеству, а не Божеству. Хотя смерть приводит нас в трепет, как бы так говорит Господь, но все же мы не должны избегать ее. Ведь Я возмущен ныне, однако не говорю об

избавлении от смерти, потому что надобно переносить то, чему следует быть. Не говорю: избавь Меня от часа сего; но что? Отче! Прослави имя Твое! Хотя смущение заставляет Меня говорить те слова, но Я говорю противное. Прослави имя Твое, то есть возведи Меня на крест. Этим показывает, что умирает за истину; ибо смерть Свою называет славою Божиею».

«Тогда пришел с неба глас: и прославил, и еще прославлю!» Прославил чудесами, могущественным действием учения Его на сердца верующих, например, апостолов (Мф. 9:9; Ин. 6:68), слуг первосвященнических (Ин. 7:32–40), жены, воскликнувшей: *блаженно чрево, носившее Тебя* (Лк. 11:27) и проч. И опять прославлю... даже во время безмерного унижения, во время самой смерти, особенно же воскресением, вознесением на небо, седением одесную Мене и чудесным распространением Евангелия по всей земле.

Это – третье свидетельство с неба об Иисусе Христе. Первое было при крещении, второе при преображении, третье теперь. Итак, в начале общественного служения Иисуса Христа, в середине и конце Сам Бог Отец свидетельствовал о Нем как о Сыне Своем. На Иордане небесный глас был слышан Иоанном Крестителем; для него он преимущественно и назначался, для укрепления веры его, что крещенный Сам есть действительно Агнец Божий, взёмляй грехи мира; на Фаворе глас был слышан тремя избранными учениками, да веруют, что Учитель их – Сын Божий, Господь Моисея и Илии, и да не соблазняются подлежащим Ему крестом. Теперь небесный глас раздается пред иудейским народом и первенцами из языческого мира. Сам Спаситель говорит, что глас сей для народа. «Не для Меня был глас сей, но для народа», для опровержения мнения фарисеев, будто Он не от Бога, – мог ли быть не от Бога Тот, о Ком Сам Бог свидетельствует? – для того, чтобы если не теперь, то по крайней мере впоследствии в предстоящем Господу унижении видели Его славу и победу над злом.

«Ныне суд миру сему»... Мир, пред которым и над которым Христос произнес этот суд, представляли, с одной стороны, иудеи, зараженные фарисейством со своею мнимою святостью, с другой – язычники со своим легкомыслием в деле веры, со

своею распушенностью в жизни. Своею смертью, Своим прославлением Он погубит мудрость мудрых и разум разумных отвергнет, покажет, что мудрые мира сего обезумели (Рим. 1:22; 1Кор. 1:19), что их мудрость есть вражда против Бога, есть глупость и нечестие; что в учении только Христовом – свет и спасение для людей. «Ныне князь мира сего изгнан будет вон». Князь мира – диавол, который чрез грехопадение получил не только доступ к людям, но и власть над ними, как над своими пленниками и рабами (Еф. 2:2). Особенно он владеет языческим миром чрез идолопоклонство. Он-то виновник того ослепления и ожесточения, с каким иудеи преследуют Христа (2Кор. 4:4). «Князем мира, – говорит святой Кирилл, – называется не потому, чтобы был таким по правде, а потому, что обманом и хищением приобрел себе такую славу, при худобе тех, которые принимают власть его». Итак, чрез грех диавол владеет миром. поскольку же Иисус Христос Своими крестными страданиями и смертью оправдал нас пред Богом во всяком грехе, а Дух Святой в таинствах усвоит нам праведность, приобретенную нам Христом, то, очевидно, диавол не имеет на нас никакого права. Он изгнан будет вон; владычество его прекратится; идолы будут изгнаны вон; храмы разрушены; сам он, пораженный во главу, ввержен будет в тьму кромешную, где червь неусыпаемый и огонь неугасаемый.

«И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе». «Словами *когда Я вознесен буду от земли* говорит о вознесении на крест и чрез крест о вознесении на небо. Когда Я пострадаю и затем прославлюсь, тогда соберу под крест, как под знамя победное, всех Моих читателей. Всех привлеку: иудеев и язычников, греков и римлян, варваров и скифов, богатых и бедных, свободных и рабов, образованных и необразованных, философов и рыбаков, мужчин и женщин – всех. *Привлеку*. Так как их держит тиран и сами по себе они не могут прийти (как связанные) и освободиться из его рук, потому что он не допускает их, то Я Сам привлеку их Своею благодатью» (св. Иоанн Златоуст). «Чудно это привлечение людей, могущественное, однако не стесняющее свободы людей! Слово апостолов быстро несется по языческому миру и

езде находит души, увлекающиеся и увлекаемые незримой силою для последования Христу. Учение их не льстит ни одной страсти, напротив, объявляет войну всем; однако и страсти замолкают пред ним, и сердца дышат только для Христа. Язычество, сильное мирскою властью, употребляет все меры жестокости, чтобы подавить христианство; а христианство влечет к себе самых врагов Его. Ложная философия в угоду страстям то придумывает клеветы на христианство, то вводит в него ереси, чтобы обессилить небесное учение; но небесное учение одолевает врагов своих. Люди и народы разного образования, с разными характерами и привычками, с разными условиями климатической жизни признают в учении Галилейского учителя счастье для земли и спасение для вечности. С какою точностью история народов оправдывает пророчество Сына Божия: *вся привлеку к Себе* («Учение о Слове». Филарет, архиеп. Черниговский).

«Народ отвечал Ему: мы слышали из закона, что Христос пребывает вовек; как же Ты говоришь, что должно вознесену быть Сыну Человеческому? Кто этот Сын Человеческий?» Законом называют не одни книги Моисеевы, а все Священное Писание Ветхого Завета. В Ветхом Завете есть поразительные по ясности места, в которых говорится, что Мессия придет в униженном виде, будет страдать, умрет на кресте и проч. (53 глава пророка Исаии; 21 псалом и др.); но первосвященники и книжники, намеренно или ненамеренно, оставляли эти места без всякого внимания. Пророчества же о духовном Царстве Мессии, каковых также очень много в Ветхом Завете, например: Ис. 10:7; Дан. 2:44; Иез. 37 и др., – они объясняли в том смысле, что Мессия оснует видимое, земное царство. Таким-то образом эти народные учителя затворяли вход в Царство Небесное человекам, сами не входили и других не допускали (Мф. 23:13).

«Тогда Иисус Христос сказал им: еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма; а ходящий во тьме не знает, куда идет. Пока свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света». «О каком времени говорит здесь Господь? – спрашивает святой Иоанн Златоуст. – Разумеет ли всю настоящую жизнь, или только время до

креста? Я думаю, то и другое, потому что, по неизреченному Его человеколюбию, многие уверовали в Него и после креста. А говорит Он это для того, чтобы возбудить их к вере, что и прежде делал (Ин. 7:33)». «Спаситель как бы так говорил иудеям: спешите пользоваться в простоте сердца тем, что вы видите и слышите от Меня и чрез Меня, не увлекаясь сомнениями, не предаваясь вопросам, не тратя на это времени, которого остается весьма мало» (Иннокентий. «Последние дни»); иначе тьма предубеждений и суеверий покроет вас; тяжкий грех христоубийства темным покрывалом ляжет на духовные очи ваши; само Священное Писание перестанет просвещать вас как потому, что оно ясно только при вере во Христа, так и потому, что ваши первосвященники и книжники исказят оное, извратят смысл главнейших пророчеств. «В самом деле, чего не делают теперь иудеи, однако не знают, что делают, но ходят как бы во тьме. Думают, что идут по прямому пути, а на самом деле идут противоположным путем, соблюдают субботу, хранят закон, наблюдают правила касательно пищи, но не знают, куда идут» (св. Иоанн Златоуст). Тоже самое сими словами Господь внушает и каждому из нас: еще немного времени, и в последний раз зайдет для тебя это солнце; в последний раз Господь позовет тебя к покаянию чрез Свою Церковь, и затем тело твоё ляжет в могилу, а душа? Если она в этой Жизни не просвещала себя единым незаходящим, вечным светом, то удел её за гробом – вечная тьма!

«Сказав сие, Иисус отошел и скрылся от них. Он пошел в Вифанию и там провел ночь» (Мф. 21:17).

(Ин. 12:24)

Свт. Филарет, митр. Московский. Из «Слова в Великий Пяток»

Аще зерно, – так говорил Иисус Христос о Себе Самом, – аще зерно пшенично пад на земли, не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит (Ин. 12:24). О, как скоро сие зерно Божественного семени, умирающее на кресте, дает окрест Себя отрасли новые жизни! Смотрите, как еще прежде кончины Иисуса, на древе проклятия в устах разбойника, процветает молитва: Помяни мя, Господи, во

Царствию Твоему! – и сей подлинно райский цвет в тот же день переносится в рай Божий. Смотрите, как вместе с потрясенною землею и расседшимися камнями сокрушается каменное дотоле сердце язычника и немедленно износит зрелый плод уст исповедующихся Спасителю: *Воистину Божий Сын бе Сей*. Каким непреодолимым влечением, оставившие Иисуса живого собираются окрест Его креста и гроба! Наипаче же явилась победа креста в Иосифе Аримафейском. Доколе он знал Иисуса как пророка и чудотворца, он не имел мужества открыть себя Его учеником: *потаен страха ради Иудейска* (Ин. 19:38). Но когда узнал, что Иисус умер смертью осужденного, то Вознесенный от земли повлек его к Себе с такою силою, что он не внял ни чести, ни боязни человеческой, и не поколебался обнаружить даже пред правительством свое участие в Распятом: *дерзнув, вниде к Пилату, и проси телесе Иисусова* (Мк. 15:43). Не тою ли же силою и давно сгнившие в вертограде смерти зерна показали необычайный плод, – *многа телеса усопших святых восташа?*

Мысли свт. Феофана на тот же стих

«Мысли на каждый день года»

Аще зерно пшенично, пад на землю, не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит. Итак, если хочешь быть плодоносным – умри; умри настоящим образом, чтобы в сердце носить чувство, что ты умер. Как мертвый ни на что окружающее не отзывается, так делай и ты: хвалят – молчи, и бранят – молчи, и прибыль получишь – молчи; сыт – молчи, и голоден – молчи. Будь таков ко всему внешнему, внутренне же держи себя там, где бывает всякий умерший, – в другой жизни, пред лицом Бога всеправедного, готовясь услышать последний приговор. Какой же, скажете, плод от этого, когда тут все замрет? Нет, не замрет, а явится энергия, да еще какая! Одна минута осталась, скажешь себе, – сейчас приговор; дай поспешу сделать что-нибудь, – и сделаешь. Так и в каждую минуту.

**Изъяснение и нравственное приложение
слов Иисуса Христа: *дондеже свет имате,
веруйте во свет, да сынове света будете***

(Ин. 12:36)

«Воскресное чтение», 1809

Свет имате, говорится нам. Это тот свет, о коем благовествует евангелист: *в том живот бе и живот бе свет человеком, свет истинный, иже просвещает всякого человека, грядущего в мир* (Ин. 1:4, 9). Было время, когда свет сей являлся чувственно на земли, животворящим словом освещал умы, проникал в самые жестокие сердца, врачевал неисцелимо болящих и воскрешал мертвых; было время, когда свет сей сиял на Фаворе, как солнце, а на Голгофе, скрываясь от очей мира, превращал день в глубокую ночь; сей же свет озарил самые глубины смерти и ада, заставил князя тьмы отказаться от своих вековых пленников, и узников тьмы возвел в горнее царство света. С тех пор оный свет более невидим для очей телесных; но тем не менее он сияет и животворно действует в роде человеческом. С тех пор образовалось сильное царство и на земли – открылось Царство благодати, тот прекрасный вертоград Божий, в коем силою солнца духовного возрастают, цветут и созревают для вечной жизни бесчисленные души. И в сем-то новом Царстве Божиим живем мы, просвещенные светом истины, возрожденные благодатию святого крещения, питаемые словом Божиим и таинствами Святой Церкви. Словом, *тма мимоходит, и свет истинный сей уже сияет* (1Ин. 2:8).

Но, *дондеже свет имате, веруйте во свет*, говорит нам слово Божие. До которого времени будет сиять для нас свет благодати? До последнего часа здешней жизни, а потом или переведет нас в горнее Царство света или сокроется от нас навеки. Как велико данное нам время на земли? Не знаем; но, как бы ни было велико, прилично и нам слово Господне, сказанное иудеям: *еще мало свет в вас есть: ходите, да тма вас не имет* (Ин. 12:35). Ибо что время наше против вечности? И что оно по себе? *Пára бо есть*, говорит апостол Иаков, яже

вмале является, потом же исчезает (Иак. 4:14). Время спешит; поспешим и мы воспользоваться тем, что дано нам во времени. Доколе свет у нас есть, будем веровать во свет; будем идти неуклонно по пути, по коему он ведет нас, будем стремиться к той цели, которую показывает. Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения (2Кор. 6:2); ночь прейде, а день приблизися: отложим убо дела темная, и облечемся во оружие света (Рим. 13:12); да не спим, якоже и прочии, но да бодрствуем и трезвимся, – оболкшися в броня веры и любве, и ишем упования спасения (1Фес. 5:6,8). Если ты спишь еще, если все еще любишь тьму греха, то востани спяй и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос (Еф. 5:14). Веруйте во свет, да сынове света будете. Вот почему необходимо веровать во свет: иначе нельзя быть никому сыном света или всегдашним, блаженным жителем Царства Господня. Кто не возлюбит света, кто не вверит ему всего себя, не исполнится им как единственною стихиею жизни, как может навсегда пребывать во свете? Как будет сыном света? А разве нужно непременно сыном, а не временным только жителем или пришельцем света? «Да, непременно нужно, если не хочешь остаться сыном тьмы. Все действия Божии в роде человеческом, все домостроительство спасения нашего клонится к тому, чтобы отделить навсегда свет от тьмы, произведенной грехом, и ничего не оставить среднего, общего между ними. Помысли же: вот, будет некогда совершенное отлучение света от тьмы, в области света будет сиять одно духовное Солнце, и ночи не будет тамо, и не потребуют света от светильника, ни света солнечного (Откр. 22:5).

Думаем ли мы со своею привязанностью к делам тьмы снести такое сияние? Способны ли мы жить в таком свете? Нет, не глаза ночных птиц, а глаза орлов потребны тому, кто хочет жить в сиянии солнца незаходимого. Посему-то всего более желает нам апостол сих очей светоносных, *просвещенных очес сердца (Еф. 1:18)*. Какие это просвещенные очи сердца? Очи веры; ибо, по словам того же апостола, *вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых (Евр. 11:1)*, и мы ныне должны ходить верою, а не видением (2Кор. 5:7).

Заключение к истории общественного служения Иисуса Христа в Евангелии Иоанна

(12:37–50)

Филарет, архиеп. Черниговский. «Учение о Слове»

Ст. 37–43. Следуют замечания евангелиста о состоянии иудеев. «Сколько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него; чудеса совершаемы были не тайно, не за глазами представителей иудейства, а в виду народа, в виду книжных людей и правителей иудейских». И однако иудеи остались неверующими. «Да сбудется слово Исаии пророка»... «Да сбудется» – сказано вместо слов: так что сбылось слово Исаии, то есть означает не причина, а последствие. Пророк (Ис. 53:1) говорил: «Господи! Кто поверил слышанному от нас? И кому открылась мышца Господня?» Гордость людей чувственных не хотела верить тому, что смиренный раб Иеговы, униженный, измученный, был Мессия. То же самое – в истории Иисуса. Та же гордость людей, мечтающих о земном царстве, о земной славе иудейского народа, отворачивается с презрением от Иисуса. Значит, пророк описывал то, что совершается с Иисусом, жалуется на дела нечестивой гордости современников Иисусовых. «Потому не могли они веровать, – продолжает евангелист, – что, как еще сказал Исаия, народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами и не уразумеют сердцем и не обратятся, чтобы Я исцелил их». Евангелист приводит слова пророка в виде несколько измененном, но удерживая точный смысл их. Господь говорил пророку: «Утучни сердце народа сего и загради уши его, и закрой глаза его, чтобы он глазами своими не видел» (6:10). Пророки иногда являлись, как будто делали они то, что совершили сами люди, по испорченности воли своей (Иер. 1:10; 31:18; Ос. 6:5; Иез. 43:3). Этим выражалось только крайнее отвращение Иеговы от этих нечестивых людей. Св. Иоанн Златоуст пишет: «Что предсказал пророк, предсказал потому, что так непременно будет... Должно было совершиться, потому что иудеи неизлечимы. Если же и поставлено здесь слово «не могли», но оно то же значит, что «не хотели». Точнее сказать:

иудеи не могли верить потому, что, долго злоупотребляя своею свободою, привели себя в нравственную невозможность верить, неверие стало любимым началом жизни их; так же как добрые люди долгим упражнением в добре достигают того, что считают невозможным творить тот или другой порок. При тех великих чудесах, какие совершал Иисус, при том чистом и высоком учении, которое преподавал Он, неверие иудеев – явление изумительное. Оно останавливало на себе внимание современников евангелиста; оно возбуждает вопросы и после евангелиста. Евангелист в разрешение подобных вопросов указывает на учение пророков; и они показывали, что иудеи приведут себя в такое нравственное состояние, что не будут видеть света. «Сие сказал Исаия, когда видел славу Его и говорил о Нем». Чью славу видел? По мнению св. Иоанна Златоуста, славу Отца. Нет. Евангелист объясняет, почему не верили в Иисуса, и говорит об Иисусе. Значит, по словам евангелиста, Исаия видел славу Иисуса. В каком же виде видел Его пророк? Он видел Иегову, окруженного небесными воинствами и восхваляемого ими, и говорил с трепетом: «Очи мои увидели Царя, Иегову воинств» (6:1–5). Итак, евангелист дает видеть в Христе Иисусе Бога истинного. «Впрочем, и из начальников многие уверовали в Него, но ради фарисеев не исповедовали»... Этим точнее определяется значение сказанного об иудеях, так что слова «они не уверовали» получают такой смысл: «многие не уверовали». Даже из начальников многие были верующими. Сказав это, евангелист вводит в душевное состояние уверовавших членов синедриона; он рассказывает тайны слабой совести их. «Ради фарисеев не исповедовали, чтобы не быть отлученными от синагоги». Евангелист указывает ту же болезнь в душах этих людей, на которую указывал Спаситель, когда говорил: «Как вы можете верить, когда друг от друга приемлете славу, а славы, которая от единого Бога, не ищите?» (Ин. 5:44). Синедрионисты и фарисеи хотели казаться людьми высокого полета, а на деле были людьми низкими, пресмыкались пред подобными себе людьми пустыми. Члены синедриона Иосиф и Никодим остались верными Спасителю и при крестной смерти Его; они

же исповедывали Его и пред синагедрионом (Ин. 7:50; Лк. 23:51). Потому строгое замечание евангелиста имеет в виду не их, а других, которые по временам также казались верующими, но, слишком дорожа мирскими выгодами, остались в числе явных врагов Иисуса.

Ст. 44–50. Содержание наставлений, предложенных Христом в разное время. Так как нельзя представить примера, где целая речь Спасителя состояла бы из повторений сказанного прежде, без всякой новой мысли, как это видно в стихах 44–50, и такое извлечение мыслей из поучений Спасителя вполне прилично ученику Христову, то в стихах 44–50 надобно признать продолжение размышления Иоаннова. Связь с предшествовавшим такая: словами Христа Иисуса показывается виновность неверия иудеев.

Иисус же воззва и рече: аорист ἐκράξε καὶ εἶπεν не может значить давнопрошедшего, но выражает повторявшееся действие. Иисус возвещал вслух и говорил: *Веруй в Мя не верует в Мя, но в Пославшаго Мя. И видяй Мя видит Пославшаго Мя.* То и другое показывает во Христе не одну человеческую личность, которая была бы отдельна от Божества. Потом учит, что вера переходит через Него к Богу, чрез посланного к пославшему, чрез Сына к Отцу. Те же мысли (Ин. 8:19, 42; 5:24, 38). Так учили и апостолы Петр (1Пет. 1:21) и Павел (Евр. 7:25). *Видяй*, по слову евангелиста, то же, что веруй, а не то, что холодно размышляющий; *видяй* – в том же состоянии, как видел Исаия в явившемся Господе славу Христову (ст. 38).

Ст. 46. *Аз свет в мир приидох, да всяк веруй в Мя во тме не пребудет.* Мысль предложена была (Ин. 8:12). Только здесь в резком виде представлено печальное состояние человека, остающегося без веры во Христа. Кто остается без веры в Иисуса, тот останется во тьме, какие бы меры ни брал он выйти из тьмы.

Ст. 47–48. *И аще кто услышит глаголы Моя и не верует: Аз не сужду ему...* Слыша хулы иудеев на Иисуса, могли смущаться тем, что Иисус Христос оставляет их ненаказанными. В успокоение таким объясняется, что Сын Божий пришел

спасать мир, для произнесения же осуждения миру будет свое время. На это указано было (Ин. 3:17–18). Особенность здесь – состояние неверия. Это не то, что одна небрежность, невнимание, а то состояние, когда понимают достоинство наставления, однако отвергают его с презрением гордым, видят истину и стараются не допустить ее до души (Евр. 3:12–19).

Ст. 49–50. *Аз не от Себе глаголах...* Упорное презрение, оказываемое к Иисусу Христу, относится и к Отцу, Которого поручения исполняет Он. Об этом говорено было не раз (Ин. 5:24, 30; 6:39–40; 7:16; 8:38).

Ответный вопрос о происхождении крещения Иоаннова

(Мф. 21:23–27)

Толкование святого Иоанна Златоуста

Гордые и надменные иудеи, желая прервать беседу с учениками, подошли к Нему с вопросом: *Коею властию сия твориши?* поскольку иудеи не могли унизить Его чудес, то выставляют Ему поступок Его в храме с торжниками. Подобный вопрос предложили они и у евангелиста Иоанна, хотя не теми же словами, но в том же смысле. Они там говорят: *Кое знамение являеши нам, яко сия твориши?* (Ин. 11:19). И Христос отвечал им: *Разорите Церковь сию, и трети денми воздвигну ю.* А здесь Он приводит их в крайнее затруднение. Отсюда очевидно, что случай, описываемый Иоанном, был в начале служения Иисуса, когда Он только что начал творить чудеса, а описываемый Матфеем был при конце Его служения. Смысл вопроса иудеев был такой: получил ли Ты кафедру учительскую или рукоположен ли во священника, что выказываешь такую власть? Хотя Христос ничего не сделал, чтобы показывало гордость, а только установил благочиние во храме; но, не имея ничего сказать против Иисуса, иудеи и в этом Его укоряют. Впрочем, по причине чудес они не смели укорять Его в то самое время, когда Он изгнал торжников из храма, но укоряют Его уже после, когда увидели Его. Что же Христос? Он не прямо отвечает на их вопрос, показывая тем,

что они могли знать о Его власти, если бы захотели, но Сам спрашивает их, говоря: *крещение Иоанново откуда бе, с небесе ли, или от человек (Лк. 20:4)?* Но как это относится к делу, спросишь ты? И очень. Ибо если бы они сказали: *с небесе*, – Он отвечал бы им: *почто убо не веровасте Ему?* Потому что, если бы верили Иоанну, то и не спрашивали бы об этом, так как о Нем говорил Иоанн: *Емуже несмь достоин отрешити ремень сапогу Его (Лк. 3:16).* И еще: *Се Агнец Божий, взявляй грехи мира (Ин. 1:29);* и также – *Сей есть Сын Божий (3:31).* И еще: *Грядый свыше над всеми есть;* и опять: *Емуже лопата в руку Его, и отребит гумно Свое.* Посему, если бы иудеи поверили Иоанну, то нетрудно было знать им, какою властью Христос делает это. поскольку же иудеи с лукавством отвечали Ему: *не вемы*, то Христос не сказал им: и Я не знаю, но что же? – *ни Аз вам глаголю.* Если бы они в самом деле не знали, то надлежало бы научить их; но так как они поступали лукаво, то Христос справедливо ничего не отвечал им. Почему же иудеи не сказали, что крещение Иоанново было от человеков? Боялись народа, сказано. Видишь ли развращенное сердце? Богом всюду пренебрегают, а для людей все делают. Ибо и Иоанна боялись для людей, уважая святого мужа не для него самого, но для народа; для народа они не хотели верить и в Иисуса Христа, и вот где источник всех зол для них!

Мысли свт. Феофана о том же

На вопрос Господа об Иоанне Предтече архиереи и старцы думали: так ли скажем или так, все для нас невыгодно, а потому решили лучше прикрыться незнанием. Интерес свой связал им язык и не дал им засвидетельствовать истину. Если бы они любили истину больше, чем себя, была бы иная речь, иное было бы и дело. Свой интерес закрыл истину и не допустил ее до сердца, помешал образоваться искреннему убеждению и сделал его равнодушным к ней. И всегда так: эгоистические стремления – источные враги истины. Все другие враги идут за ними и действуют чрез посредство их. Если разобрать, как родились все заблуждения и ереси, то окажется, что всех их источник именно этот. На словах – истина, истина; а

на деле – мешает истина в том и в том отношении; надо ее устранить, а поставить на место ее благоприятную нам ложь. Отчего, например, являются материалисты-нигилисты? Оттого, что идея Бога Творца, Промыслителя и Судии, с идеею о духовности души, мешает им шире жить по своим наклонностям, вот и отстраняют ее. Что не истина руководит нигилистами, это видно из ничтожности оснований, на которых они утверждают: им желательно, чтобы было так, как они думают, и всякий призрак, отражающий их мысли, выставляется ими как свидетель истины. Если бы они отрезвились хоть немного – тотчас бы увидели ложь свою. Но себя жаль, потому и остаются так, как есть.

Притча о послушном и непослушном сыне

(Мф. 21:28–32)

Толкование святого Иоанна Златоуст

Далее Иисус Христос говорит им: *Что же ся вам мнить? Человек некий имяше два сына, и пришед к первому, рече: чадо, иди днесь, делай в винограде моем. Он же отвещав рече: не хочу; последи же раскаявся, иде. И приступль к другому рече такоже. Он же отвещав рече: аз, Господи, иду, и не иде. Кий же обою сотвори волю отчу? Глаголаша Ему: первый.* Христос опять притчами обличает иудеев, намекая как на неповиновение их, так и на покорность отверженных прежде язычников. Ибо здесь под двумя сыновьями разумеются язычники и иудеи. Первые, не давая обещания в послушании и не слышав закона, самым делом оказывали послушание; а последние, хотя говорили: *вся, елика рече Бог, сотворим и послушаем*, – но на самом деле не оказывали покорности закону. Потому, дабы иудеи не подумали, что закон и без исполнения приносит им пользу, Христос показывает, что это-то самое и осуждает их. Согласно с этим говорит и Павел: *Не слышателие закона праведни пред законом, но творцы закона, сии оправдятся* (Рим. 2:13). Потому, чтобы иудеи осудили сами себя, Спаситель заставляет их самих произнести приговор.

Когда же они, не понимая цели притчи, произнесли приговор, тогда Он уже открывает им самый смысл притчи и

говорит: *Яко мытари и любодейцы варяют вы в Царствии Божием. Прииде бо к вам Иоанн путем праведным, и не веровасте ему, мытари же и любодейцы вероваша ему: вы же видевше не раскаястесь последи веровати ему* (ст. 31–32). Если бы Он просто сказал: блудницы прежде вас войдут в Царствие Божие, то слова Его показались бы им тяжкими; но теперь, когда сами они объявили свое мнение, то слова Его для них кажутся не так тяжкими. Для сего же Он приводит и причину, какую же? Иоанн, говорит Он, пришел к вам, а не к ним, и притом путем праведным. Ибо вы не можете обвинить его, как человека нерадивого и бесполезного. Он вел и жизнь неукоризненную, и имел большую попечительность; однако вы и тогда не послушали его. После этого следует другое осуждение, то есть, что мытари уверовали; за сим еще обвинение, именно: вы, и видев сие, не одумались после, чтобы поверить ему, тогда как надлежало вам сделать это прежде. А это не заслуживает никакого прощения. Слово *варяют* не потому сказано, что иудеи последуют мытарям, но что и они, если захотят, могут войти в Царствие Божие. Ибо ничто так не возбуждает грубых людей, как ревность; потому Христос всегда говорит; последние будут первыми, и первые последними. Для того Христос и представляет в пример блудниц и мытарей, дабы иудеи возревновали. Ибо грех блудниц и грех мытарей суть грехи величайшие, происходящее от грубой любви, один к телу, другой к деньгам. Притом Христос научает, что верить Иоанну значит истинно повиноваться закону Божию. Итак, блудницы входят в Царствие Божие не по одной благодати, но и по правде. Ибо входят они уже не как блудницы, но как послушные и верующие, чистые и переменившиеся. Обличив иудеев во всем этом, Христос, наконец, наносит им самый тяжкий удар, говоря: *Вы же видевше не раскаястесь последи веровати ему*. Худо не делать доброго в самом начале, но еще большего осуждения достоин тот, кто после не исправляется.

Мысли свт. Феофана

(Мф. 21: 28–32)

В притче о двух сынах второй из них проворно сказал: *Иду, – и не иде*. Это образ всех скороспелых благонамерений, которые привести в исполнение недостает потом постоянства воли и терпения. Сердце легкое тотчас готово на всякое представляющееся ему добро, но нетвердая и нетрудолюбивая воля отказывается от делания на первых же порах. Эта немощь встречается почти у всех. Как же избежать такой несостоятельности пред самим собою и пред другими? А вот как: не начинай ничего, не обдумав и не рассчитав, что на предпринимаемое достанет сил. Так Господь поведал в притче о начинающем войну и приступающем к построению дома. В чем же этот расчет? В том, по сказанию тех же приточных внушений Господа, чтобы вооружиться наперед самоотвержением и терпением. Посмотри, есть ли у тебя эти подпоры всех тружеников в добре, – и если есть, начинай дело; а если нет, то наперед запасись ими. Если запасешься, то, что ни встретится на пути к намеренному, все перетерпишь и преодолеешь и начатое доведешь до конца. Расчет не то значит, что, коль скоро трудновато дело, – брось, а то, чтобы воодушевить себя на всякий труд. Отсюда будет исходить твердость воли и постоянство делания. И не будет с тобою никогда того, чтобы ты сказал – иду, а потом не пошел.

Притча о винограднике

(Мф. 21:33–42)

«Воскресное чтение», 1831

«Один хороший хозяин, – говорит Спаситель, – насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем точило (для собрания ягод и выжимания из них сока), построил (сторожевую) башню и, отдав виноградарям, отлучился. Когда настало время собирания плодов, хозяин послал к виноградарям своих слуг взять плоды. Но виноградари, схвативши слуг, иного прибили, иного убили, иного побили камнями. Хозяин послал других слуг, больше прежнего; но виноградари и с ними поступили так же, как с первыми. Тогда хозяин послал сына своего, думая в себе: постыдятся сына моего. Но виноградари, увидевши сына, сказали друг другу: это

наследник; пойдем убьем его и завладеем наследством. И, схвативши его, вывели вон из виноградника и убили. Что сделает хозяин с этими виноградарями, когда придет в виноградник свой?» – спросил Господь Своих слушателей. Все отвечали ему: злодеев этих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды в свое время. «Так, – заключил Спаситель, – и от вас отнимется Царство Божие, и дано будет народу, приносящему плоды его».

Эта притча раскрывает пред нами всю судьбу еврейского народа, раскрывает все заботы и попечения Божии об этом народе, и то, как он, по своему жестокосердию, навлек на себя праведный гнев Божий, тяготеющий над ним и до сего времени. Еврейский народ был любимым виноградником доброго хозяина – Царя Небесного. Еще в лице праотца Авраама еврейский народ избран был Богом из всех народов в усыновление и особенное благоволение и попечение; ему одному даны были все обетования, или, как говорит святой апостол Павел, *вверена быша словеса Божии* (Рим. 3:2); на него излиты все милости и щедроты Божии. *Сын Мой первенец Израиль* (Исх. 4:22), говорил Бог о народе еврейском чрез Моисея, и для этого первенца разделялось море, сходила с неба манна, камень источал воду и т. п. *Что аще сотворю винограду Моему, и не сотворих ему?* Вот в каких чертах изображается близость Божия к народу еврейскому и попечение Божие о нем! Сам Бог говорит, что Он все сделал для народа еврейского и затем уже не знает, чего бы ни сделал для блага его. Наконец, от этого народа произошел Спаситель мира – *свет во откровение языков и слава людей Своих – Израиля*. Какое преимущество может быть выше этого? Какое благоволение Божие может быть больше того, когда Сам Сын Божий снисхождение Свое на землю первоначально относил ко благу еврейского народа! *Несмы послан*, говорит Он, *только к овцам погибшим дому Израилева* (Мф. 15:24).

Чемже заплатил народ еврейский за такую любовь Божию к нему, за такое попечение, за такие милости Божии? Самую черною неблагодарностью, жестокосердием и вероломством.

Вместо плодов правды и благочестия, которых требовал Бог от Своего виноградника, он принес *терние*; народ еврейский попрал завет и закон Божии, осквернил себя нечестием и беззакониями и не раз предавался идолопоклонству и неверию. Сам Бог жалуется на неблагодарность и жестокосердие избранного народа Своего: *Сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене. Позна вол стяжавшаго его, и осел ясли господина своего: Израиль же Мене не позна и людие Мои не разумеша* (Ис. 1:3).

Господь Бог, видя озлобление и развращение народа Своего, по неизреченному долготерпению Своему посылал к нему Своих рабов – пророков, чтобы они обращали его от пути заблуждения на путь истины, научали его служить Богу своему верою и правдою. Но виноградари, то есть старейшины и законоучители народа еврейского, сами будучи развращены и жестокосерды, жестоко поступали и с посланниками Божиими, которые требовали как от них самих, так и от вверенного смотрению их народа добрых плодов. Редкий из пророков не был гоним ими, а многие, как Исаия, Иеремия, Иезекииль, Захария, были преданы насильственной смерти. *Кого из пророков не изгнаша отцы ваши?* – укорял своих современников иудеев первомученик Стефан, от них же побитый камнями (Деян. 7:52). В заключение же всего они не устыдились известить вон из виноградника, т. е. из Иерусалима, и распять на кресте надежду и утеху Израилеву, своего Спасителя – Единородного Сына Божия. Это было самое ужасное злодеяние со стороны народа еврейского и вождей его. Этим злодеянием иудеи ясно показали, что они стали совершенно недостойны имени избранного народа, и что хотя еще у них были книги закона, храм, священники и жертвы (оплот, точило, столп и делатели), но все это потеряло уже свою цель и свое действие. Все расположение сердца их и вся их жизнь были направлены совершенно не по закону Божию. Справедливо говорит святой апостол, обличая иудеев своего времени: *Ты, Иудей, в законе хвалишися, и преступлением закона Бога безчестуеши* (Рим. 2:17, 23). Поэтому как нельзя более справедливый приговор призвали на себя и на народ

старейшины иудейские, когда ответили Господу, что *господин виноградаря злых виноградарей – их самих – зле погубит, и виноград предаст иным делателем, иже воздадут ему плоды во времена своя*. Бог так точно и поступил с народом еврейским. Вскоре их столица – Иерусалим – разрушена до основания, наибольшая часть иудеев предана смерти, остальная же до сего времени расточена по всему лицу земли. Так отнято от евреев Царство Божие и дано иному языку, творящему плоды его!

Какой это язык, избранный Богом на место неблагодарного и вероломного Израиля? Этот язык или народ – мы, христиане; мы – новый виноградник, насажденный от Самого Господа, по слову Его: *Аз есмь лоза, вы же рождие* (Ин. 15:5). Мы – сыны нового Израиля; нам теперь усвоены все достоинства и преимущества Израиля ветхого, и даже еще большие преимущества. Мы, по словам апостола, *род избран, царское священство, люди обновления* (1Пет. 2:9); *мы наследницы Божи*~~и~~*, снаследницы же Христу* (Рим. 8:17); *мы храм Бога живого, и Дух Божий живет в нас* (1Кор. 3:16). Нам даны все средства к тому, чтобы мы могли приносить добрые плоды: *Святая Церковь – столп и утверждение истины* (1Тим. 3:15) есть наш *оплот*, наше, ограждение; животворящая Кровь Иисуса Христа и благодать Святого Духа, как из *точила*, в Святой Церкви подаются обильно для душ, *алчущим и жаждущим правды* (Ин. 7:38; Мф. 5:6). Для возвращения плодов веры и дел благих мы поручены *делателям* – пастырям и учителям, *призванным к совершению святых, в дело служения* (Еф. 4:12). Так, все нам дано для того, чтобы мы могли *жить свято и целомудренно, отверглись нечестия и мирских похотей*, как свойственно сынам нового благодатного Царства.

Все указанные достоинства и преимущества принадлежат только тем из нас, которые живут достойно своего высокого звания. Если же мы одним только именем отличаемся от жестоковейных иудеев, если только одними устами исповедуем Христа, а сердцем и делами отменяемся от Него, если, будучи искуплены крестною смертью Спасителя, вторично распинаем Его своим вероломством, неверием и неблагодарностью, то не

только все осуждения и клятвы, произнесенные Богом на ожесточенных иудеев, падут на нас, но постигнет нас участь еще горшая.

Изъяснение притчи о винограду

(Мф. 21:33–43)

Илиодор, архиеп. Курский. «Христианское чтение», 1849

Человек некий бе домовит, иже насади виноград, и оплотом огради его, и ископа в нем точило, и созда столп, и вдаде и делателем, и отъиде (Мф. 21:33). Кто этот домовладыка, мудрый и добрый? Это Бог премудрый, всеблагий, всемогущий, Господь неба и земли, ангелов и человеков, верховный Владыка, Коим все во благо устроится на небе и земле. На небе Им устроено Царство славы, на земле Царство благодати.

Насади виноград. На земле насадил Он виноград, то есть Свою Святую Церковь сперва в земном рае, потом среди избранного народа, на Сионе, и во всей вселенной.

Оплотом огради. Богонасажденный виноград, Святая Церковь, не оставлен без особого промысления: *огражден оплотом*, то есть законом, на сердцах и на скрижалях написанным.

Ископа в нем точило, или тиски. Это жертвенник, на коем проливалась кровь животных, в очищение грехов, по вере в крестную жертву грядущего Спасителя мира.

И созда столп – это сперва скиния ветхозаветная, потом храм Иерусалимский, где долженствовало приноситься поклонение истинному Богу и приносилось.

И вдаде и делателем, и отъиде. Кто эти делатели? Это священники, вожди и начальники церкви иудейской. Это суть все иудеи, коих Господь избрал в наследие Свое паче всех языков, возвестил им слово истины, дал закон, вверил тайну искупления, утешил обетованиями. поскольку Господь не связывает произволения человеческого властью Своею и не может нарушить вечного закона свободы принуждением к добру, то Он и иудеям дал свободу поступать по произволению своему.

Отъиде. Отходит Господь от делателей винограда, когда не стесняет свободного их произвола в действиях их и являет долготерпение Свое к согрешающим. Посему иудеям оставалось свободно принять заповеди и обетования, благоугождать Господу правдою нелицемерною и непринужденною, приносить покаяние в согрешениях, пользуясь долготерпением Господним.

Егда приближися время плодов, посла рабы Своя к делателем, прияти плоды его (ст. 34). Вот и время отчета в делах добрых и злых, – время суда и воздаяния! Так *всем время и время всякой вещи под небесем: время садити и время исторгати насажденное*, говорит мудрый (Еккл. 3:1). Посему и в Церкви ветхозаветной и новозаветной были уставлены свои сроки для духовного сеяния и плодоприношения. И когда сии сроки исполнялись, тогда Небесный Домовладыка посылал рабов Своих к людям прияти плоды правды, – патриархов – во дни Церкви патриархальной, пророков – во дни Церкви подзаконной, апостолов и других богомудрых мужей – во дни Церкви новозаветной. Сии провозвестники воли Божией, суда и милости Его, не только нашли на земле мало избранных, но сами подверглись от злых делателей, сынов века, поношению, ранам и смерти. Злые делатели не только не принесли плодов благочестия, но и нанесли оскорбления рабам Господа! *И емше делателе рабов его, оваго убо биша, оваго убита, оваго же камением побита. Паки посла ины рабы множайша первых: и сотвориша им такоже* (ст. 35–36). Таковы были злонравные иудеи по отношению к пророкам и апостолам. Так много и так тяжко и ныне страдают рабы Господни – ревнители истины и добродетели – от сынов века сего!

Последи же посла к ним сына своего, глаголя: усрамятся сына моего (ст. 37). Кто этот сын посылаемый? Это Единородный Сын Отца Небесного, Господь наш Иисус Христос, по воле Отца Небесного явившийся во плоти среди иудеев для спасения мира. Так многократно и многообразно *древле глагола Бог сынам и дщерам ветхозаветной Церкви во пророцех*, в последок же дней ее возглаголал *нам в Сыне*, говорит апостол Павел. *Се прииду на землю*, сказано устами псалмопевца о

Христе, Спасителе мира, еже *сотворити волю Твою, Боже мой, восхотех и закон Твой посреде чрева моего* (Пс. 39:7–8). Казалось бы, что появление Сына Божия среди народа, Богом избранного в наследие, долженствовало привести иудеев в разум истины, породить в них чувство стыда и сокрушения о своем нечестии и призвать на путь веры и благочестия. Нет, при появлении наследника всяческих, Сына Божия, в коварных сердцах книжников и фарисеев родилось коварное и злое намерение погубить Его. За что? Не за вину какую-либо по закону, а незаконно, по одной зависти и вражде к Нему, по одному желанию восхитить достояние Его – власть над всею иудейскою церковью. Делатели же, *видевше сына, реша в себе: сей есть наследник: приидите, убием его и удержим достояние его!* Коварные иудеи! Если Иисус Христос есть истинный Сын Божий, наследник в дому Его, то зачем посягать не только на достояние Его, но и на жизнь Его? Если же в душе вашей таится злое намерение погубить Иисуса Христа, Сына Божия, то зачем коварно языком именуете Его наследником, а в сердце неверном питаете злобу и зависть к Нему? Зачем язык и сердце ваши не согласны между собою? Или лучше, зачем они согласно обращены на убийство Благодетеля и Спасителя душ наших?

И емше его, изведоша вон из винограда и убиша (ст. 39). За злым намерением последовало злейшее действие – убийство неповинного. Иудеи остались упорны в своем неверии и нечестии. Они не устыдились, не убоялись восстать на Господа; они не только отвергли Христа, но погубили Его зверонравно. Евангельское сказание подробно показывает, где, от кого и сколько пострадал Господь, где и как умер, за кого и для чего. Он пострадал много от книжников и фарисеев во Иерусалиме, распят вне града Иерусалима на Голгофе, на кресте. *Темже Иисус вне врат* (града) *пострадати изволил* (Евр. 13:12). Для чего вне Града? У злых было и злое намерение к страданиям Богочеловека присовокупить вящее поношение, а у Всеблагого хранилось благое изволение принести жертву не за иудеев только, но и за язычников. *Пострадати изволил Иисус вне града, да освятит Своею Кровию люди*, то есть весь род

человеческий. Для того и руки Спасителя на кресте простерты, дабы привлечь все народы к Отцу Небесному.

Егда убо приидет господин, что сотворит делателем тем? Глаголаша ему: злых зле погубит и виноград предаст иным делателем, иже воздадят ему плоды во времена своя (ст. 40–41). Господин винограда – это Бог правосудный. Пришествие его – это явление правды Его на нераскаянных и нечестивых делателей винограда – книжников и фарисеев и всех врагов Иисусовых. Господь Бог не Сам произносит по Своей правде и власти суд над нечестивыми, но первоначально отдает преступление на суд им самим. Спрашивает: чего достойны злые делатели, посягнувшие на жизнь Сына Его и Наследника в дому Его? Отвечают: жестокой смерти. – *Злых зле погубит*. Так, осуждение строго, но вместе праведно. За беспрельдно тяжкое злодеяние потребно и тягчайшее наказание. Это и сами делатели злые сознают, и сами на себя произносят праведный приговор. Что же будет с виноградом? Останется без делателей? Предастся на расхищение? Нет, вручен будет лучшим делателям. *И виноград предаст иным делателем, иже воздадят ему плоды во времена своя* (ст. 41). *Иные делатели* – это апостолы и их преемники, пастыри и учителя. Это все мудрые и верные рабы Царствия Христова. Сии делатели принесли плоды в свое время. Они не только сохранили вверенную Святую Церковь, но и распространили оную по всей вселенной, – насадили в ней веру и благочестие, оградили ее оплотом Божественных догматов, воздвигли храмы, украсили ее высокими подвигами и христианскими добродетелями, положили здравие и жизнь во славу ее.

Суд, какой произнесли злые делатели на самих себя, признан от Господа справедливым, подкреплен словами псалмопевца, утвержден собственным судом Господним. *Глагола им Иисус: несте ли чли николиже в писаниих? Камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла. От Господа бысть сие, и есть дивно во очию вашею. Сего ради глаголю вам, яко отыметя от вас Царствие Божие и дастся языку, творящему плоды его* (ст. 42–43). Что это за дом зиждемый и что за зиждители? Это то же, что виноград

насаждаемый и делатели винограда, то есть Церковь и начальники иудейской церкви, книжники и фарисеи. Кто краеугольный камень, соединяющий две стены, но пренебреженный зиждителями? Это Сын, убитый делателями винограда – иудеями, Господь Иисус, твердое основание положивший церкви из иудеев и язычников. И все это носит дивную печать мудрости, благодати и всемогущества Божия. И все устроилось по судьбам Всевышнего: *от Господа бысть сие, и есть дивно во очию вашею*. Церковь Христова основана на кресте Его, украшена дражайшею Кровию Его, утверждена чудесами и знамениями, распространена по всей вселенной Божественным учением Его, сохраняется бдительным промыслом Его и вовеки силою и действием Его останется незыблемою и неразрушимою. А врагам ее что угрожает, что ожидает их? Отчуждение от Царствия Божия, от лица Христова. *Сего ради глаголю вам: отыметсЯ от вас Царствие Божие и дастсЯ языку, творящему плоды его*. И подлинно, злонравные иудеи отвержены от Царства Божия за небрежение о краеугольном камени, то есть за неверие во Христа, и рассеяны по лицу земли за нечестие, а в Церковь Христову, в блаженное Его Царство призваны те из иудеев и язычников, кои с верою и любовью приняли Христа, Его крест, принесли плоды христианских добродетелей, подвиги высокого самоотвержения и чистой любви.

Толкование Иннокентия Херсонского на 42 и 44 стихи 21 гл. Евангелия от Матфея

«Последние дни земной жизни Иисуса Христа»

Ст. 42. *Несте ли чли николиже в писаниих: камень, егоже не в ряду сотвориша зиждущии, сей бысть во главу угла*. Слова эти указывают на псалом 117:22–23. Псалом сей содержит таинственную песнь, коею Давид благодарит Бога во храме по низложении врагов своих. Государство иудейское сравнивается здесь с зданием, коего строители суть Саул и старейшины двенадцати колен Израилевых. Камень, ими отверженный, есть Давид, коего потом Сам Бог положил во главу угла – сделал царем и победителем. поскольку же Давид был свыше установленным пророком великого потомка своего –

Мессии, то многие черты из его царствования и личной судьбы в таинственном смысле относятся к Иисусу Христу (Деян. 4:11; Рим. 9:33; Еф. 2:20; 2Тим. 2:19; 1Пет. 2:7).

Ст. 44. *И падый на камени сем сокрушится, а на нем же падет, сотрывает и.* Надобно полагать, что Иисус Христос имел при сем в виду следующее место из пророчеств: Ис. 8:14–15; у пророка с камнем святым сравнивается Бог, а нечестивые уподобляются людям, кои, будучи поражены страхом, бегут и, претыкаясь о святой камень, падают и разбиваются. В настоящем случае под камнем разумел Иисус Себя Самого. Под упдающими на сей камень разумеются те иудеи, кои, соблазнясь Его уничиженным состоянием, не принимали Его учения. Для таковых покаяние было легко, и они терпели только одно наказание – лишение благодетий. Но были между неверующими во Христа и такие люди, на коих сам камень имел упасть, чтобы раздавить их; потому что они грешили не по слабости и неведению, а по злобе и буйству; были нераскаянны, а потому недостойны и помилования. Одно из таких страшных падений последовало при разрушении Иерусалима.

22-я гл. Евангелия от Матфея и параллельные

Притча о браке царского сына

(Мф. 22:1–14)

Блаженный Иероним. Изъяснение Евангелия в 14 Неделю по Пятидесятнице. «Воскресное чтение», 1818

Уподобися Царствие Небесное человеку царю, иже сотвори браки сыну своему.

Этот царь, соделавший брачный пир для сына своего, есть всемогущий Бог, Который сделал брачный пир для Господа нашего Иисуса Христа и Святой Церкви Его, составленной из иудеев и язычников.

И посла рабы своя призвати званныя на браки, и не хотяху приити.

Под именем рабов здесь разумеется, во-первых, Моисей, чрез которого Бог приглашенным дал закон, а потом святые пророки, которые призывали иудеев и которых сии презрели.

Паки посла уни рабы, глаголя: рцыте званым: се обед мой уготовах, юнцы мои и упитанная исколет, и вся готова, – приидите на браки.

Под именем этих других рабов разумеются святые апостолы; а под именем обеда, тельцов и других откормленных животных можно разуместь или богатство Царя Небесного, представляя под видом чувственных блага духовные, или величие учения, вполне изображающего нам волю Божию.

Они же небрегше отъидоша, ов убо на село свое, ов же на купли своя: прочии ж емше рабы его, досадиша им и убиша их.

Нехотящие покориться Евангелию много различаются между собою. Те, кои не хотят придти на пир по занятию своими делами, не столько виновны, как те, кои, презрев расположение к себе царя, оскорбили или убили посланных к ним слуг. В сей притче не говорится об убиении жениха, а только о презрении, которое показали к брачному торжеству приглашенные на оное, убив посланных звать их.

Слышав же царь той, разгневался, и послав вой своя, погуби убийцы оны и град их зажже.

Выше, когда было говорено о приглашении на брачный пир и о делах милосердия Божия, царь назван человеком; а здесь, когда дело идет об отмщении, упоминается просто царь, без прибавления имени человек. Под именем войска можно разуместь или лютых ангелов, о которых говорится в 77 псалме (ст. 49), или римлян, которые, избив иудейский народ под предводительством Веспасиана и Тита, сожгли мятежный Иерусалим.

Тогда глагола рабом своим: брак убо готов есть, званнии же не быша достойны. Идите убо на исходища путей, и елицех аще обрящете, призовите на брак. И изшедше раби о́ни на распутия, собраша всех, елицех обретоша, злых же и добрых: и исполнися брак возлежащих.

Эти призванные на пир с перекрестков были язычники, которые действительно находились не на дороге, а на распутях. Но спрашивается: каким образом были между ними и добрые? Это объясняет апостол, когда говорит, что язычники, исполняющие закон по естеству, осуждают иудеев, не исполнивших закона писаного (Рим. 2:27). Впрочем, язычники по сердечным расположениям много разнятся друг от друга: одни из них весьма склонны к порокам, а другие честны и преданы добродетели.

Вшед же царь видети возлежащих, виде ту человека, не оболченна в одеяние брачное, и глагола ему: друже, како вшел еси семо, не имый одеяния брачна. Он же умолча.

Под этим вшествием царя в храмину пиршества для осмотра пировавших разумеется день суда, когда Господь откроет дела и подвиги каждого из людей; а под именем человека, не имевшего одеяния брачного, разумеются совокупно все злые, чуждые дел, предписываемых законом и Евангелием, которые составляют одеяние нового человека. Если кто из именующихся христианином явится в день суда не в брачном одеянии, то есть не с делами небесного человека, но в оскверненной ризе, в рубищах ветхого человека, тому Господь скажет: *Друже, како вшел еси семо?* Называется другом потому, что был приглашен на пир, и обличается в бесстыдстве, потому что скверною одеждою нанес бесчестие святому торжеству

брачному. Сказано, что этот человек умолчал: это значит, что тогда нельзя будет ни раскаяться в грехах, ни запереться при свидетельстве всего мира.

Тогда речет царь слугам: связавше ему руце и нозе, возмите его и вверзите во ту кромешную: ту будет плачь и скрежет зубом.

Связание рук и ног, также плач и скрежет зубов, можно почитать указанием на истину воскресения тел; но можно видеть в связании рук и ног у грешников то значение, что руки перестанут там производить злое, а ноги устремляться на пролитие крови. Плач же и скрежет зубов упомянуты для того, чтобы дать понятие о тяжести мучений адских.

Мнози бо суть звани, мало же избранных.

Сими словами Господь заключил сию притчу, как и притчу о виноградарях, дабы показать, что в притчах сих мы должны обращать внимание не на начало, а на конец.

**Из слова Симеона Нового Богослова на
слова Евангелия: уподобися Царствие
Небесное человеку царю, иже сотвори браки
сыну своему и посла рабы своя призвати
званные...**

(Мф. 22 и далее)

«Душеполезное чтение», 1878

Кого здесь называет царем Господь наш Иисус Христос? Никого иного, как Самого Бога и Отца Своего. И для кого другого сотворил Отец браки, Кроме Единородного Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа? Какого же царя дочь благоволил Владыка всяческих и Господь избрать в невесту Сыну Своему? Из нас людей каждый, собираясь женить своего сына, со всем вниманием высматривает ему в невесты дочь какого-нибудь более знатного и более богатого, чем сам он. Но Бог кого найдет хоть бы сколько-нибудь равным Себе, чтобы дочь его взять в невесты Сыну Своему? О сем Царе говорится у пророков, что Он *содержай круг земли, и живущия на ней аки пруги* (Ис. 40:22), Бог вечный, Бог устроивый концы земли –

(ст. 28), и на ничесомже утвердивый столпы ея (Иов. 38:6), призираяй на землю и творяй ю трястися (Пс. 103:32). Итак, такой Царь чью дочь взял в невесты и сотворил браки Сыну Своему? Узнаете чью. Но безмерное снисхождение Божие делает меня иступленным. Хочу сказать и трепещу. Но опять воодушевляясь благодатию Его, приемлю смелость и говорю, что взял Он дочь человека, согрешившего пред Ним, сотворившего блуд и убийство, то есть взял в невесты дочь блудника и убийцы. Видишь ли благодать и снисхождение неизреченное и несравненное? Видишь ли предельное человеколюбие? Видишь ли море любви и благодати? После сего всякий, считающий себя великим, пусть научится из того, что я говорю, смиренномудрствовать и никого никогда не презирать, хотя бы он был царь, величайший всех других царей, или вельможа, знатнейший всех других вельмож, или богач, богатейший всех богачей. Пусть взирает он на владыку и единого Вседержителя, живущего во свете неприступном и неизреченном, – на Него, говорю, пусть смотрит, как Он снизошел много, что благоволил взять дочь блудника и убийцы в невесты Единородному Сыну Своему, невидимому, непостижимому, неисследимому, Содетелю и Творцу всяческих, тебя ради и твоего спасения. Но кто сей блудник и убийца, коего дочь избрал Бог в невесты Ему? Давид, сын Иессеев, убивший Урию и соблудивший с женою его. Его-то дочь, говорю, Марию, пренепорочную, чистую и пречистую Деву взял Он в невесты. Я называю Ее пренепорочною и пречистою, сравнивая ее с нами человеками, рабами Ее; но сравнивая ее с Женихом Ее и Отцем Его, называю Ее человеком, как и все люди, только святою и пресвятою паче всех людей, непорочною и чистейшею из всех родов.

Итак, Ее, Деву Марию, взял Он в невесты и сотворил браки Сыну Своему. Каким образом? Слушай повнимательнее. Отец Господа нашего Иисуса Христа послал с высоты небесной одного из рабов Своих Гавриила-архангела сказать Деве: радуйся! Он тотчас сошел на землю и соделался служителем таинства, говоря Деве: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! И со словом сим во утробу Девы вошло все ипостасное

единосущное и совечное Отцу Слово Бог, и чрез наитие и содействие единосущного Ему Духа восприяло плоть от непорочных и чистых кровей Ее, сделавшись совершенным человеком с телом и душою. И се неизреченное сочетание! Се таинственный брак Божий! Так совершился новозаветный союз Бога с человеками: Он принял плоть и даровал Божество. Сам пресущественный, преестественный Бог неслиянно соединился с тленным и бедным естеством и существом нашим человеческим. Зачала Дева и предивно родила о двух естествах, Божестве и человечестве, единого Сына, совершенного Бога и совершенного человека, Господа нашего Иисуса Христа, Который ни девства Матери Своей не нарушил, ни от недр Отца Своего не отлучился.

Впрочем, руководясь словами Святого Евангелия, мы можем помыслить при сем и сказать и нечто иное, что таинственно всегда бывает со всеми сынами света. Ибо по какой причине не сказано: сотвори брак сыну своему, а – *браки*? По какой? По той, что такой же точно брак бывает и с каждым верным сыном дня. Бог и с нами сочетается пречистым и пренепорочным браком и производит в нас некое таинство, высшее всякой человеческой силы. Что же такое есть это, производимое Им в нас? Послушай с вниманием, да уразумеешь. После того как Сын Божий и Бог, вошед во утробу Пресвятыя Девы и восприяв от Нее человеческое естество, и соделавшись человеком, родился от Нее, как мы сказали, совершенным человеком и совершенным Богом, будучи один и тот же Бог и человек неслиянно, – после сего, коль скоро и мы, человеки, веруем в Сына Божия и Сына Приснодевы и Богородицы Марии и, веруя, приемлем верно в сердца свои слово о сем и устно сие исповедуем, каясь при сем от всей души во всех прежних грехах своих, тотчас Сей Бог Слово Отчее входит и в нас, как и во утробу Приснодевы: мы приемлем Его, и Он бывает в нас, как семя. Слыша о сем страшном таинстве, ужасайся, но прими слово о нем с верою и убеждением. Так зачинаем Его и мы, не телесно, как зачала Дева и Богородица Мария, но духовно, однако существенно. Мы имеем в душах своих Того Самого, Которого зачала и

пренепорочная Дева. И как Пресвятой Девы не опалил огонь Божества, так как Она была пренепорочна; так и нас не опаляет Он, когда имеем сердца свои чистыми и непорочными, но бывает в нас небесною росой, источником воды живой, потоком жизни вечной. Что мы подобным образом приемлем непокровенный огонь Божества, об этом послушай, как говорит Сам Господь: *Огня приидох воврещи на землю (Лк. 12:49)*. Какой это другой огонь, кроме единосущного по Божеству Духа, с Коим вместе входит в нас и созерцается и Сын со Отцом? Но поскольку Сын Божий и Бог воплотился уже однажды от Девы и родился от Нее телесно, паче слова и разума, и невозможно Ему опять воплощаться и рождаться телесно в каждом из нас; то что Он творит? Ту самую пренепорочную плоть, которую принял Он от Пречистой Марии Богородицы и в коей от Нее родился, преподает нам в таинстве, и вкушая ее, мы имеем внутри себя, разумеется каждый достойно причащающийся, всего воплощенного Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия и Сына Девы, Пренепорочной Марии, сидящего одесную Бога и Отца, по слову Его же Самого: *Ядый Мою Плоть и пий Мой Кровь во Мне пребывает и Аз в нем (Ин. 6:56)*. Вселяясь же в нас, Он не познается сущим в нас телесно, яко плод чрева, как был в Пресвятой Деве, но есть бестелесно в нас, и соединяется с существом и естеством нашим неизреченно, и нас обоготворяет, так как мы соделываемся сотелесниками Ему, бывая плоть от плоти Его и кость от костей Его.

Вот таинство браков, кои сотворил Бог и Отец равночестному, единосущному и соприисущному едиnorodному Сыну Своему и звал на него многих. Он послал рабов Своих звать званых на браки, но они не хотели пойти. Кто же были эти посланные? Пророки. А кто позванные? Евреи. Они и тогда, и с самого начала были позваны, но не хотели слушать звавших. Тогда послал, говорит Евангелие, Царь Отец других рабов, говоря: *Рцыте званым: се обед мой уготовах, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова: приидите на браки. Они же небрегше отъидоша, ов убо на село свое, ов же на купли своя, прочии же емше рабов его, досадиша им и*

убиша их (Мф. 22:4–6). Кого же называет здесь Господь вторыми рабами посланными? Святых апостолов Своих. А обед какой это? Небесное Царствие, которое уготовал Бог от сложения мира для званых и приходящих на него по собственному произволению. Юнцами же и упитанными кого называет Он? Самого Сына Приснодевы и Бога, Который есть телец упитанный от сложения мира, на сие определенный, на то, то есть, чтобы быть приносиму в жертву и быть снедаему. Он же есть и юнец, яко по силе своей непобедимый. Назван же Он здесь юнцами во множественном числе, потому что святая Плоть Его разделяется на многие частицы, из которых каждая есть опять весь Христос. Он столько силен, что побеждает всех врагов тех, кои причащаются Его, и им самим дает силу побеждать мири область чадом Божиим быти. Называется еще и единоклеточным агнцем Он, всенепорочный Агнец Божий, яко всесовершеннейший, каковым был. Он носит крест, как роги, которым (крестом) дал Он и смертоносный удар врагу нашему диаволу, когда на нем распяли Его и убили евреи.

Другими рабами, как я сказал, называет здесь Господь святых апостолов, которых послал Он созывать проповедью, заповедав им на путь языков не идти и во град Самарийский не входить, но идти паче к погибшим овцам дома Израилева, то есть к евреям; но они и апостолов не приняли, а иных из них поносили и били, иных же совсем убивали, из числа которых есть и первомученик Стефан. *И слышав о сем царь той, разгневался, и послав вой своя, погуби убийцы оны, и град их зажже* (ст. 7). Убийцами называет Господь нечестивых евреев, которых Он побил, уничтожил и опустошил посредством римских воинов. Ибо и злые называются Божиими воинами, когда посылаются для наказания других злых, как говорит пророк Давид: *Поем на ня гнев ярости Своея, ярость и гнев и скорбь, послание ангелы лютыми* (Пс. 77:49), Тогда, наконец, глагола царь рабом своим: *брак уже готов есть, званнии же не быша достойни. Идите убо на исходища путей, и елицех аще обрящете, призовите на браки* (ст. 8–9). Видишь ли последовательность и порядок вещей? Видишь ли точность притчи? – Тогда глагола: когда это? Когда евреи, позванные в

Царство Небесное, не только не восхотели слушать их, но поносили и убивали. Тогда уже послал Он их во весь мир ко всем языкам. *И изшедши*, говорит далее притча, *раби ѓни на распутия, собраша всех, елицех обретоша, злых же и добрых: и исполнися брак возлежащих* (ст. 10). Апостолы обошли всю вселенную, проповедуя слово Божие, и собрали во единство веры и Боговедения всех тех, которые послушались их и которые были злы, но преложились от злых дел своих и сделались добрыми. *Вшед же царь видети возлежащих, виде ту человека не оболчена во одеяние брачное: и глагола ему: друже, како вшел еси семо, не имый одеяния брачна? Он же умолча. Тогда рече царь слугам: связавше ему руце и нозе, возмите его и вверзите во тму кромешнюю: ту будет плач и скрежет зубом. Мнози бо суть звани, мало же избранных* (ст. 11–14). Видишь, что говорит Господь? Что на браки собираются те, кои прелагаются от зла и делаются добрыми и добродетельными; те же, которые имеют на себе какое-либо лукавство или зло, хотя и входят на браки, но извергаются и изгоняются со стыдом ангелами, которые здесь называются слугами. Те, которые остались сидящими за трапезою, суть святые. Впрочем, я знаю некоторых, которые думают, что под неимущим одеяния брачного здесь нужно разуместь тех, которые осквернили тела свои блудами, прелюбодействами и убийствами; но это не так. Всякий, оскверненный какою бы то ни было страстью и греховною склонностью, не имеет одеяния брачного. И что это справедливо, послушай, что говорит святой Павел: *Не льстите себе, ни блудницы, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы* (которые называются и идолослужителями), *ни татие, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы* (но скажу и от себя, ни те, которые имеют ненависть или зависть к какому-либо брату), *Царствия Божия не наследят* (1Кор. 6:9–10) и не имеют части и места на брачном торжестве Господа нашего Иисуса Христа. Видишь, как всякая страсть и всякий грех оскверняют одежду души нашей и изгоняют нас из Царства Небесного?

О вопросе фарисеев: *достойно ли есть дати кинсон кесаревы*, и ответ Иисуса Христа

(Мф. 22:15–22)

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова в день восшествия на престол Государя Императора

Фарисеи, завидуя славе Господа Иисуса и будучи раздражены обличениями от Него и неблагоприятными для них предсказаниями, решились погубить Его и общим совещанием изобрели для сего средство. *Фарисее, пишет святой евангелист Матфей, совет восприяша, яко да обольстят Его словом (22:15).* А святой Лука дополняет: *да имут Его в словеси, во еже предати Его начальству и области ижемонове (20:20).*

Сличим сие начало предприятия с окончанием, намерение с последствием, и усмотрим над безобразием дел человеческих величественный образ действующего Провидения Божия, которое искусно задуманные, но неблагонамеренные предприятия обращает в стыд изобретателям и даже из зла производит благо. Фарисеи думали, как сетью, хитрым и лицемерным словом, уловить Иисуса и неизбежно вовлечь в погибель; но покушение кончилось тем, что Его словом обнаружена их слабость и посрамлено их невежество. Исконный враг рода человеческого думал чрез них погубить Христа и разрушить едва только полагаемое основание Церкви Христовой; но вместо того дал только Христу случай провозгласить учение, навеки утверждающее союз между Церковью и государством, благоприятный для спокойствия Церкви, существенно важный для блага и прочности государства.

Хитрость и неблагонамеренность фарисеев прежде слов открывается в лицах посланников их ко Христу. *Посылают к Нему ученики своя со иродианы.* А почему же не пошли к Нему сами? Без сомнения, по тому расчету, что в случае успешного действия чрез учеников насладятся успехом так же, как бы сами действовали; а в случае неудачи пусть лучше на лице учеников падет стыд, а учителя останутся в стороне. Но для

чего посылают не одних учеников своих, а присоединяют к ним иродиан? Здесь-то и является искусство злоумышления. Когда Иудея, прежде независимая, покорена была римлянами, тогда неприятная, по причине нового и чуждого владычества, обязанность платить подать римскому кесарю сделала для многих занимательным вопрос: *достойно ли есть дати кинсон кесареви, или ни?* Иродиане и фарисеи были о сем противоположных мнений. Иродиане, заимствовавшие наименование от Ирода, который получил свою власть от кесаря римского, утверждали, что должно платить подать кесарю, и противников сего мнения почитали мятежниками. Напротив, фарисеи, согласно с зилотами, мнимыми *ревнителями* закона Божия, полагали, что иудеи как народ Божий должны, в отличие от языческих народов, платить одну только дань Богу, в Его храм по полусиклю с души, как предписано в законе Моисеевом, и что платить подать римскому кесарю, идолопоклоннику, значит оскорблять истинного Бога. Как же сии люди противоборных между собою мнений соединяются теперь, чтобы действовать заодно? Они отлагают на время свою вражду, чтобы общими силами сделать зло ненавистному тем и другим Учителю истины. Вот их расчет. Если Он скажет, что *достойно есть дати кинсон* римскому кесарю, то фарисеи провозгласят, что Он изменил народу Божию и Богу, и таким образом, опровергнут в лице Его достоинство посланника Божия и веру к Нему народа. Если же скажет *Не достойно есть дати кинсон* кесарю, то иродиане донесут на Него римскому правителю как на мятежника и подвергнут Его суду смертному. Не правда ли, что сеть крепко связана и ловко расставлена, *да имут Его в словеси?*

Как приманка для привлечения в сеть, положен вопрос: *достойно ли есть дати кинсон кесареви?* Но Тот, Кого хотят уловить, видит не только приманку, но и скрытую за ней сеть, не только вопрос, но и сердца и намерения вопрошающих. Чтобы положить осязательное основание решению вопроса, Он требует *златицу кинсонную*, монету, которую надлежит употребить для уплаты подати, и, на взаимный вопрос: *чий образ сей и написание?* – получив неизбежный ответ, что это

изображение и надписание кесарева, и следственно, право его на монету очевидно, произносит решение, которое расторгает сеть и в то же время уловляет самих ловителей: *Воздадите убо кесарева кесареви, а Божия Богови*. На что теперь пожалуется ревность фарисеев? Сказано: *Воздадите Божия Богови?* – Что донесут игемону иродиане? Сказано: *Воздадите кесарева кесареви*. Тем и другим должно быть стыдно, что предлагали, как будто необычайно трудный, такой вопрос, который разрешается одним взглядом на монету.

Но фарисеям и иродианам стыд, а всему миру спасительное поучение.

Особенного примечания достойно, что, хотя вопрос фарисеями предложен был только об обязанности к кесарю и хотя сей вопрос указанием на кинсон и заповедию *воздадите кесарева кесареви* разрешается достаточно и непобедимо, – Господь, однако, сим не удовлетворился, но простер Свой ответ за предел вопроса и непосредственно присовокупил другую заповедь: *и Божия Богови*, означая сим союз обеих заповедей и неполноту первой без последней. Подобно сему, и в других случаях слово Божие обязанность к царю непосредственно соединяет с обязанностью к Богу. Так говорит ветхозаветный мудрец: *Бойся Бога, сине, и царя* (Притч. 24:21). Так и апостол Петр: *Бога бойтесь, царя чтите* (1Пет. 2:17).

Ответ саддукеям о воскресении мертвых

(Мф. 22:23–33; Мк. 12:18–27; Лк. 20:27–39)

Иннокентий, архиеп. Херсонский. «Последние дни жизни Иисуса Христа»

Посрамленные ответом Иисуса Христа, фарисеи и иродиане удалились. Для саддукеев показалось обстоятельство сие благоприятным случаем испытать и свои силы, дабы победою над Иисусом Христом унижить вместе и гордость фарисеев, кои были всегдашними их соперниками и врагами. Может быть, хотели даже изведать, не одобрит ли Иисус Христос, так злобно оскорбленный фарисеями, учения их секты и не покажет ли Себя благосклонным к саддукейству, в каковом случае им надлежало бы уже изменить свою ненависть к Нему на приязнь,

по крайней мере приостановить дальнейшее преследование. Такую надежду могли основывать, между прочим, на том, что Иисус Христос, постоянно обличая фарисеев, реже и менее говорил против саддукеев. Какую бы, впрочем, цель ни имели саддукеи, только искушение их уже не заключало в себе личной опасности для Иисуса Христа: хотели сразиться одною ученостью. Предмет для состязания взят был тот самый, который непрестанно обращался в споре между фарисеями и саддукеями – воскресение мертвых. Иисус Христос постоянно и всенародно учил, что души человеческие бессмертны и что все умершие должны некогда воскреснуть. Для опровержения сей истины саддукеи выбрали самое сильное из своих возражений, которое, вероятно, почиталось неотразимым в их спорах с фарисеями. Потом, как люди, не имеющие никаких тайных и опасных для Иисуса Христа видов, приступили к делу прямо.

«Учитель! Моисей сказал: ежели кто умрет, не имея детей, то брат его должен взять за себя жену его и восставить племя брата своего. Вследствие сего закона случилось вот что: было семь братьев: первый, женился, умер и, не имея детей, оставил жену брату своему: другой, взяв ее, также умер бездетным; подобным образом умер третий и четвертый, – даже до седьмого. Наконец, после всех умерла и жена. Спрашивается, (продолжал саддукей): которого из семи мужей будет она женою в то время, когда все воскреснут? Все семеро (прибавил он) имели ее».

К чему идет дело и для чего предложен странный случай с женою – надлежало доразуметь. Так обыкновенно поступали раввины в своих состязаниях, указывая на какой-либо пример, делая одни намеки и не употребляя отдельных умозаключений и выводов, к коим житель Востока не может привыкнуть. По нашему образу изъяснения мыслей, сила возражения саддукейского состояла в следующем: «В книгах Моисеевых не только нет никакого доказательства бессмертия душ, но еще есть нечто такое, что совершенно противоречит учению о воскресении мертвых; именно – закон касательно ужичества. Ежели мертвые воскреснут (как учат фарисеи и Ты), то жена, представленная в пример, должна по закону ужичества

принадлежать или всем семи мужьям, или никому, что равно нелепо; но такового нелепого закона (каковым оказывается закон ужичества в отношении к бессмертию) Моисей, мудрейший, Богодухновенный законодатель, дать не мог; следовательно, по учению Моисея, нет воскресения мертвых, и мы, не принимая учения о бессмертии, совершенно правы». Умствование, казалось бы, не без силы: только им предполагалась недоказанная и ложная мысль, что чувственный союз супружества остается в силе и по воскресении мертвых, в будущей жизни, между теми лицами, кои были супругами в настоящей жизни. И фарисеи не все допускали последнее мнение, а Иисус Христос не одобрял ни того, ни другого. Тем удобнее было отвечать на софизм.

Не оттого ли именно, сказал Господь саддукеям, и происходит ваше заблуждение, что вы не знаете истинного смысла Писаний и не имеете правильного понятия о всемогуществе Божиим? Самый образ мыслей ваших о состоянии будущей жизни нелеп и ложен. Жениться, выходить замуж есть принадлежность только настоящей жизни, в которой господствует чувственность. Но там нет ничего чувственного; а потому нет и брака. Сыны воскресения будут сынами не плотскими, а Божиими; их состояние подобно состоянию ангелов.

Замечания сего уже было достаточно для посрамления саддукеев; потому что им совершенно опровергалось возражение саддукейское и с его основанием. Но Господь, вероятно, видел возможность вывести некоторых саддукеев из их заблуждения: посему не удовольствовался одним опровержением возражения, а присовокупил с Своей стороны весьма убедительное доказательство бессмертия.

Столь же несправедливо, продолжал Он, думаете вы, что в законе Моисеевом нет ничего о воскресении мертвых и будущей жизни. Разве вы никогда не читали тех мест, где описывается явление Бога Моисею? Как там называет Себя Бог? «Аз есмь», говорит Он, Бог Авраамов, Бог Исааков, Бог Иаковлев. Но Бог не есть Бог мертвых, а живых; посему у Него все живы».

Саддукеи молчали. Доказательство, приведенное Иисусом Христом, кроме неожиданности (у саддукеев почиталось за несомненное, что в книгах Моисея нет подобных указаний на бессмертие) отличалось глубиной и духовностью смысла, невиданную в умствованиях раввинов, большею частью мелочных и слабых. Каждый невольно чувствовал, что Бог действительно не назвал бы Себя Богом Авраама, Исаака и Иакова, если бы сии святые мужи вовсе перестали существовать. Некоторые из саддукеев выразили свое одобрение даже вслух народа, который тем более радовался, что торжество Иисуса над саддукеями казалось Ему собственным торжеством.

Ответ законнику на вопрос о заповедях

(Мф. 22:35–46)

«Воскресное чтение», 1825

В числе других совопросников явился к Иисусу Христу один законник, или законоучитель, искушая Его и спрашивая: которая из заповедей больше всех в законе? Человек этот, как можно судить по самому его названию, принадлежал к разряду лиц, отличавшихся особенным знанием закона и принимавших на себя обязанность быть его толкователем.

Вопрос, предложенный законником Спасителю, был один из главных вопросов, занимавших в ту пору иудейское общество, и служил выражением тогдашнего настроения умов. Когда под влиянием секты фарисейской развилось в народе преувеличенное понятие о важности внешних обрядовых дел закона и вместе с этим начал между ними иссякать дух истинного богоугождения; тогда они, вместо того чтобы под руководством богодарованного закона идти путем предположенной для него цели, путем покаянной веры и любви к Богу, и самым опытом изведать его главные и существенные требования, стали вдаваться в излишние и скрупулезные рассуждения о том, какие заповеди в законе имеют больше важности, какие меньше, и среди их выискивать главную заповедь, чтобы на ее исполнении успокоить надежду своей праведности. Мнения были различны и по самому

направлению, принятому иудеями, естественно, склонялись более ко внешним и формальным предписаниям закона; например, существовало у многих то мнение, что заповедь о жертвах, как таком деле, которое исключительно совершается в честь Иеговы и составляет именно первую заповедь закона; считались также в числе главных заповедей другие правила обрядности – закон о хранении субботы, об обрезании, и т. п. Конечно, при этих рассуждениях одни старались выказать свое превосходство над другими в понимании закона, и святая воля Божия делалась вследствие того предметом человеческого совопросничества и состязания; между тем подобные споры не могли не приводить в недоумение и истинных ревнителей закона. Таким образом, отчасти чтобы найти удовлетворение недоумению, отчасти чтобы изведать мысль Иисуса, законоучитель обращается к Нему с своим вопросом.

Посмотрим теперь, какой дан ему Спасителем ответ. В другом случае, то есть если бы вопрос был обращен не к такому важному лицу, это обстоятельство могло бы не заслуживать особенного внимания; но тут Сам Начальник веры и Совершитель спасения дает Свой отзыв на вопрос, действительно важный по своему общему содержанию. Что же отвечал Спаситель? *Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всею мыслию твоею* (ст. 37): это, говорит, есть первая и наибольшая заповедь. Но вслед за тем Он присоединяет к ней другую – подобную: *возлюбиши искреннего, то есть ближнего твоего, яко сам себе,* – (ст. 39), и в заключение прибавил, что в сих двух заповедях состоит весь закон и пророки – то есть сущность всего учения закона и пророков. Таким образом, Спаситель указал не только первую и большую заповедь закона, но и общее существенное содержание его заповедей, обнимающее собою все сии последние без исключения. Все это, по смыслу Его слов, заключается в *любви*, которая, сосредоточиваясь в любви к Богу, проявляется потом любовью к ближним. Из этого видим, что Спаситель поставляет дух и существо закона выше его внешних предписаний, и как Провозвестник благодати Нового Завета, который пишется на скрижалях сердца, указывает для

человека высоту нравственного совершенства в его внутренней жизни – в чувстве сердца и вообще в проявлениях духовной жизни. Впрочем, Он не опускает здесь из виду положительных требований закона, и слов Его нельзя назвать каким-либо уклонением от прямого ответа на предложенный вопрос: обе указанные заповеди приведены Им из того же древнего закона и еще прежде высказаны у Моисея в разных местах (Втор. 6:5; Лев. 19:18). Тут показывается, что и ветхий закон не составляет существенной противоположности с Новым Заветом и в коренных основаниях своих имел одну и ту же окончательную для человека цель – утвердить в его душе внутреннее общение с Богом и обратить это для него в предмет первой потребности.

Но где же прямой ответ на вопрос законника, когда Спаситель говорит сначала об одной заповеди, но тут же указывает на две и в заключение ту и другую из них вместе поставляет основанием закона и пророков? Которую из них нужно считать главной, и одну ли ее нужно признавать такою? Будем точнее держаться собственных же слов Спасителя. Когда Он приводит заповедь любви к Богу и говорит, что это есть первая и большая заповедь в законе, то значит, так и нужно понимать ее. На нее даже нельзя смотреть иначе, судя по самому содержанию сей заповеди и по самой форме ее изложения. Человеку вменяется в обязанность – любить Господа Бога своего всем сердцем своим, всею душою, всею мыслию. Можно объяснять различным образом эти выражения; так, например, под «сердцем» можно разуметь душевную способность чувствований, или, как другие понимают, стремлений; под «душою» – способность живых ощущений, или же вообще духовную силу жизни и деятельности, под «мыслию» – умственную силу человека. Но во всяком случае выходит то общее замечание, что любовь к Богу должна царствовать над всем, что есть в душе человека, занимать его собою ежечасно и ежеминутно: остается ли тут место для другой какой-либо сторонней любви? После сего можно разве только удивляться тому, каким образом законник, спрашивавший Иисуса, и другие не сознавали всего значения этой обязанности. Единственное на это объяснение мы находим в том вышеуказанном

обстоятельстве, что они слишком отдалялись от внутреннего духа служения Богу и всю нравственную деятельность свою сосредоточивали на делах внешности, а потому здесь только и видели для себя правило жизни.

Но почему Спаситель приводит потом другую заповедь закона, считая Свой ответ как бы неоконченным? Он говорит, что вторая заповедь подобна первой: у иудеев были очень извращены и сужены понятия о любви к ближним, которую они ограничивали приязнью к единоплеменникам, и то более внешнею, чем внутреннею; теперь Христос внушает законнику должное понятие о том, как важна священная обязанность любви к ближним и какого требует к себе внимания. Заповедь о любви к ближним подобна первой потому, что, как и первая, сосредоточивает внимание человека не во внешних, условленных отношениях приличия или каких бы то ни было житейских форм, которые часто бывают сухи и холодны, без содержания, а во внутреннем чувстве благорасположенности; требует от человека таких же чувств бескорыстия и самоотвержения, как та; наконец, нераздельно с нею соединена при самом исполнении. Только истинная любовь к ближним в человеке может подать твердое и несомненное свидетельство о том, что он любит Бога, потому что здесь человек имеет самое живое и близкое к Нему поприще для развития и выражения собственной любви к Богу. *Не любяй брата своего, егоже виде, говорит апостол Иоанн, Бога егоже не виде, како может любити? (1Ин. 4:20).* По смыслу апостольского замечания выходит, что если любовь человека не обнаруживается надлежащим образом в отношении к собратиям Его, то значит, она и вовсе не существует у него в действительности и не имеет для себя соответственного упражнения. В отношении к христианину замечание апостола тем более имеет применение, что христианская любовь к ближним существует ради Бога и держится на единстве общей веры и благодати искупления: христианин, любя общего Отца всех, любит потому и каждого, *рожденного от Него (1Ин. 5:1)*; так же точно любит они всех людей как предмет Божественной любви. Это в особенности и соединяет обе заповеди тесным союзом, не нарушая

господствующего значения одной из них и в то же время в обеих вместе сосредоточивая успех человеческого усовершенствования.

Заповедь закона говорит, что человек должен любить ближнего, как самого себя. А как обыкновенно выражается у нас любовь к самим себе? Не одним только словом или случайным возбуждением внутреннего чувства, но всегда вместе и делом: мы находимся постоянно в движении и деятельности, заботясь о своем благосостоянии. Значит, и в отношении к ближним своим человек должен быть исполнен такой же деятельной благожелательности и готовности служить их пользам.

Когда потом снова собрались фарисеи, Спаситель со Своей стороны предложил им вопрос, который должен был обличить несостоятельность их понятий о личном достоинстве Мессии. Иисус Христос, давая им частые и очень убедительные уверения в том, что Он есть истинный Мессия, в то же время неоднократно свидетельствовал о Себе как о Сыне Божиим; но это последнее обстоятельство, вместо того чтобы усилить в них веру в посланного Богом Спасителя, обращалось у них только в укор для Него. Поэтому Он теперь относится к ним с общим вопросом: «Что вы думаете о Христе, – чей Он сын»? Отвечают Ему: «Давидов» (Мф. 22:42). Ответ был верный и согласный с Писанием, но неполный, потому что не говорил ничего о Божественном достоинстве Мессии, которое они, действительно, и опускали из внимания. Теперь Спаситель указывает им на свидетельство самого Давида о Мессии и спрашивает: «Как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: *Рече Господь Господеви Моему: седи одесную Мене, Дóндеже положу враги Твоя подножие ног Твоих?*» (ст. 43–44; Пс. 109:1). Без сомнения, фарисеи были очень хорошо убеждены, что приведенное место псалмопевца относится к Мессии и что имя Господа, которое здесь Ему усвоится, указывает на Его Божеское величие: потому что ни слова не могли ответить на предложенный вопрос и, следовательно, самым молчанием своим признали, что Иисус Христос, являясь в качестве Мессии, имеет право присвоить Себе величие и власть Божественную. Как бы то ни было, для нас при объяснении указанного псалма настоящий случай имеет

очень большую важность, потому что Сам Спаситель ясным образом определяет значение слов псалмопевца.

23-я гл. Евангелия от Матфея и параллельные

Обличительная речь против фарисеев

(Мф. 23; Мк. 12:38–39; Лк. 20:45–46)

Иннокентий, архиеп. Херсонский. «Последние дни земной жизни Иисуса Христа»

Довольно спокойный тон, с коим книжники, несмотря на посрамление свое, продолжали и возобновляли несколько раз беседу, служил, казалось, доказательством, что ненависть их к Иисусу Христу еще не достигла высшей степени. Между тем она совершенно созрела, и только привычка лицемерить делала ее не так приметною. Господь совершенно видел сердце врагов Своих, как оно грубо и неисправимо; посему, приближаясь в концу служения Своего, почел за нужное без всякой пощады обнаружить пред народом низость их характера и поступков, дабы предостеречь от подражания им простые души.

Обратившись к народу, Он произнес ту обличительную против них речь, которой всегда будут трепетать лицемеры.

«На Моисеевом седалище¹, – так начал Он, – воссели книжники и фарисеи: все, что они велят вам наблюдать, наблюдайте, только по делам их не поступайте, потому что они сами говорят и не делают; связывают бремена тяжелые и неудобноносимые² и кладут на плеча людям, а сами и пальцем не хотят двинуть их. Все же дела свои делают с тем, чтобы быть видимыми от людей; для сего именно расширяют свои хранилища³ и увеличивают воскрылия⁴ одежд своих. Также любят первые места на пиршествах и в синагогах, и чтобы им кланялись в народных собраниях, и чтобы звали их: учитель! учитель! Вы, – продолжал Господь, обратившись к ученикам, – не следуйте сему примеру; не называйтесь учителями⁵; ибо у вас один Учитель – Христос, а вы все братья; и отцом⁶ себе не называйте никого на земле (как то делают фарисеи); ибо у вас один Отец, Иже на небесех. Не позволяйте также, подобно им, величать себя начальниками⁷; потому что у вас один начальник – Христос. Большой из вас да будет всем слуга. Ибо возвышающий себя унижится, а унижающий возвысится».

«Горе вам (воскликнул Господь, обратя речь к фарисеям), книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царствие Небесное человекам и не только сами не входите в него, но и желающих войти не допускаете. Горе вам, книжники, фарисеи, лицемеры, кои поядаете дома вдовиц⁸ и самую молитву обращаете в предмет лицемерия, продолжая оную из тщеславия: тем тягчайшее ожидает вас осуждение! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, кои обходите сушу и море, чтобы обратить хотя одного в иудейство, а обратив, делаете его сыном геенны, вдвое худшим Вас самих! Горе вам, вожди слепые, кои учите, что если кто клянется храмом, то ничего, а если кто поклянется златом храма, то непременно должен исполнить клятву! Слепые и несмысленные! Что больше: злато или храм, освящающий злато? Также учите вы, что если кто поклянется жертвенником, то ничего: а если кто поклянется даром, что на жертвеннике, тот должен исполнить клятву. Глупые и слепые! Что больше – дар или жертвенник, освящающий дар? Ужели вы не разумеете, что клянущийся жертвенником, клянется им и всем, что на нем? – И кто клянется храмом, клянется им и Живущим в нем? И кто клянется небом, клянется престолом Божиим и Сидящим на нем⁹? Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, дающие десятину со всех малых растений¹⁰ – с мяты, аниса и тмина; между тем оставляющие существенное, в чем состоит закон: правосудие, милость и верность: сие-то надлежало прежде исполнять, а потом уже (если угодно) думать о том. Вожди слепые, оцеживающие комара¹¹, а поглощающие верблюда! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, кои с такою заботливостью очищаете внешность чаш и блюд¹², между тем как внутренность ваша исполнена хищения и неправд! Фарисей-слепец! Очисти прежде то, что в чаше, тогда и внешность ее будет чиста. Чему уподобить вас, лицемеров? Разве гробам окрашенным, кои снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты¹³. Так и вы снаружи кажетесь праведными, а внутри полны лицемерия и беззакония! Несчастные! Вы строите гробницы пророкам¹⁴ и украшаете памятники праведников, и говорите: «Если бы мы жили во дни

отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророческой». Говоря таким образом, вы сами свидетельствуете, что вы сыны людей, кои избили пророков. Дополняйте же меру преступлений отцов ваших... Змии, порождения ехидны! Как убежите вы от осуждения в геенну? Слышите, что Премудрость Божия вещает вам чрез Меня¹⁵: «Се я еще пошлю к ним пророков и мудрых книжников¹⁶; но из них одни будут убиты... иные распяты... прочие преследуемы и биты в синагогах». Так вы сделаете все сие, дабы пришла на вас кровь пророков и посланников Божиих, убитых вашими предками, – от Авеля праведного до Захарии, сына Варахиина, который (так чтите вы храм!) умерщвлен между храмом и жертвенником¹⁷. Аминь, аминь глаголю вам, яко все сие приидет на род сей, отяготеет над настоящим поколением, над вами и чадами вашими... Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камением побивающий посланных к тебе! Колико крат хотел Я собрать чад твоих, как птица собирает птенцов своих под крыле своя¹⁸, но вы не восхотели! Да будет же то, чему быть должно! Се, оставляется дом ваш пуст!...¹⁹ Истинно говорю вам, вы не увидите Меня отныне, доколе не изыдете во сретение с восклицанием: благословен грядый во имя Господне!

Мысли свт. Феофана

(Мф. 23:13)

«Мысли на каждый день года»

Горе вам... яко затворяете Царствие Небесное пред человеки. Это сказано архиереям, которые и сами не учат народ спасительному пути, и священников не заставляют делать то; сказано и священникам, которые оставляют народ в небрежении, не заботясь толковать им, что нужно для спасения души. От этого народ пребывает в слепоте, и одна часть остается в уверенности, что идет исправно; другая, хоть и замечает, что у нее не так дело идет, но не идет куда следует, потому что не знает, как и куда идти. От этого разные нелепые понятия в народе; от этого находят у него прием и раскольники, и молоканы, и хлысты, от этого удобно идет к нему и всякое злое учение. Священник обычно думает, что у него в приходе

все исправно, и хватается за дело только тогда, когда это зло уже разрастается и выходит наружу. Но тогда уже ничего не поделаешь. Священник первым делом совести своей должен считать – взрослых усовершенствовать в ведении христианской веры, а юное, народившееся поколение с первых сознательных лет готовить, толкуя им, что нужно и можно им знать, когда и как будет удобнее.

О личности Захарии, сына Варахии

(Мф. 23:35)

Прот. Вишняков. «Святой великий пророк, Предтеча и Креститель Господень Иоанн»

Ориген, святой Василий Великий, святой Петр Александрийский, святой Иоанн Златоуст, святой Епифаний и другие говорят, что Иисус Христос разумел здесь Захарию – отца Иоанна Крестителя. И действительно: 1) Спаситель в указанном месте (Мф. 23:29–36), обличая иудеев за избивание прежде бывших пророков, приписывает эти злодеяния виновным в том отцам их; их же называет только сынами убийц, сочувствующими делам своих предков; а умерщвление Захарии, сына Варахиина, приписывает прямо тем людям, к которым обращает речь Свою, и представляет их самих виновниками этого убийства... *Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмами жертвенником.* 2) По церковному преданию, отец Захарии – родитель Предтечи – назывался Варахией (Четьи-Минеи, сент. 5). Если святой Лука в месте, сходном по содержанию с разбираемым местом святого Матфея, употребляет имя Захарии без отеческого его названия (Лк. 11:51), то он делает то же и при наименовании отца Предтечи (1:11). Между тем святой Матфей, говоря о том же, как и святой Лука, Захарии, прямо называет его сыном Варахии. Замечательно, что святой Матфей, повествовавший также и об Иоанне Крестителе (3), только раз, и именно здесь (23:35), назвал по имени его родителя. 3) Иисус Христос в рассматриваемом нами месте поставляет Захарию в числе пророков, и притом как бы последним из предвозвестивших о пришествии Спасителя мира и убитых самими иудеями (см.

Деян. 7:52). Святому Захарии – отцу Предтечи действительно приписывается в Евангелии дар пророчества (Лк. 1и след.). Он же по справедливости может считаться последним из убитых иудеями пророков; ибо, хотя собственно последним ветхозаветным пророком называется и есть сын Захарии – Иоанн Креститель (Мф. 11:13), но убийцами его были не собственно иудеи (Мф. 21:26), а Ирод Антипа, правитель Галилеи (Мф. 14:1–12). Следовательно, в указанном изречении Спасителя неудобно разуместь другого какого-либо Захарию, например Захарию, сына Иодая, умерщвленного иудейским царем Иоасом в Иерусалиме, *во дворе Дому Господня*, около 850 г. до Рождества Христова (2Пар. 24:20–21), как думают многие из новейших толковников Писания (см. Толковое Евангелие архимандрита Михаила). Ибо: 1) сын Иодая называется *Азариєю*. Хотя у евреев обычно было употребление этих двух имен одного вместо другого (2Пар. 26:5–17); но толкование, основывающееся только на этом обыкновении, не может быть твердым. 2) Азария, сын Иодая, не был в собственном смысле пророком – прорицателем будущего; но только вдохновенным обличителем тогдашнего нечестия Иоасова. 3) После Азарии нечестивые иудеи убили многих пророков, например, Исаию (около 720 г.), Амоса, Михея, Иеремию (около 615 г.). И кого от пророков, по слову первомученика Стефана, *не изгнаша и не убиша жестоковыйные иудеи* (Деян. 7:52)? Посему, если древний Азария, сын Иодая, есть одно и то же лицо с Захариєю, сыном Варахииним, упоминаемым в Евангелии, – то как с этим согласить слова Иисуса Христа, Который убиение пророков со стороны иудеев ограничивает смертью сего самого Захарии? Ужели пролитие невинной крови стольких святых, совершенное иудеями впоследствии времени, Господь не почитал за тяжкое преступление? Из всего этого удобнее заключить, что упоминаемый Спасителем Захария, сын Варахиин, был убит не в древние времена, а незадолго пред тем, так сказать, на памяти современников Господа; потому Он и обличает убийц как совершивших злодеяние против Захарии недавно, и, по-видимому, около того же страшного периода времени, когда эти

злодеи имели *исполнить меру отцов своих* (Мф. 23:32). Нельзя также почитать упоминаемого в Евангелии Захарию за одного из двенадцати меньших пророков, оставившего каноническую книгу своего имени; потому что этот древний пророк, по свидетельству святого Епифания, *скончался мирно* в глубокой старости. Еще менее можно допустить, будто бы в словах Спасителя указывается на Захарию, сына Варухова, убитого зилотами среди храма во время осады Иерусалима Титом. Если бы Спаситель говорил о каком-либо имеющем быть Захарии, то, сообразно порядку речи, сказал бы о нем не *егоже убисте*, а *егоже убие*те, подобно тому как в предшествующих словах сказал: *распнете, изженете* и в последующих: *приидут вся сия*. И можно ли было ставить в сравнение со святыми пророками этого Захарию, сына Варухова, который, по свидетельству истории, был невежественный фанатик и нисколько не верил евангельской проповеди?

Изъяснение из св. Иоанна Златоуста 37–39 стихов 23 гл. Евангелия от Матфея

Иерусалиме, Иерусалиме! Что значит это сугубое воззвание? Это голос милосердия, сострадания и великой любви. Как будто пред любимую женщиною, которую постоянно любили, которая презрела любившего ее и чрез то заслужила наказание, Он оправдывается тогда, как намерен уже был поразить казнию. То же делает Он и чрез пророков, когда говорит: *И рекох, обратися ко Мне, и не обратися* (Иер. 3:7). Сделав такое воззвание к Иерусалиму, Христос исчисляет совершенные им убийства: *Избивый пророки, и камением побиваяй посланные к тебе, колькраты восхотех собрати чада твоя, и не восхотесте!* (ст. 37). Несмотря на эти преступления против Него, Он говорит в оправдание Свое, что и всем этим ты не отвратил Меня от себя и не отклонил великого благоволения Моего к тебе, но, напротив, Я хотел, и не однажды или два раза, но многократно привлечь тебя. *Колькраты восхотех собрати чада твоя, якоже собирает кокош птенцы своя под криле, и не восхотесте!* Сими словами

Он показывает, что они всегда отдалялись от Него по причине грехов; сравнением же изъясняет Свою любовь, потому что эта птица горячо любит своих птенцов. Такое сравнение пророков с крыльями, везде, и в песни Моисея, и в псалмах, означает особенное смотрение и попечение. *И не восхотесте*, продолжает Он: *се оставляется вам дом ваш пуст* (ст. 38), то есть чужд Моего покровительства. Итак, Сам Он прежде покровительствовал им, поддерживал, хранил их, Сам Он и наказывает их всегда. И теперь Он угрожает казнью, которой они всегда чрезвычайно страшились; ибо она указывает на совершенное превращение их гражданского быта. *Глаголю бо вам, яко не имате Мене видети отселе, Дóндеже речете: благословен грядый во имя Господне!* (ст. 39). И это голос любви пламенной, сильно влекущей их не прошедшими только, но и будущими событиями; ибо здесь Он говорит о будущем дне Своего второго пришествия. Но что? Неужели они с этого времени не видели Его? Говоря *отселе*, Он указывает не на этот самый час, но на все время, которое протекло до Его страдания. поскольку они всегда укоряли Его в том, что Он богопротивник и Враг Богу, то Он и убеждает их любить Себя тем, что показывает Свое единомыслие с Отцом, Свое присутствие в пророках. Поэтому употребляет те же самые слова, какие и пророк. Чрез это же самое Он намекал на воскресение и указывал на второе пришествие, давая разуместь самим неверующим, что тогда поклонятся Ему. Но как Он указал на это? Предсказывая многое будущее, именно, что пошлет пророков, что их будут убивать в самых синагогах, что сами они потерпят крайние бедствия; что дом останется пустым; что они подвергнутся таким ужасным несчастьям, каких прежде никогда не было. Все это для самых бессмысленных и упорных могло быть ясным указанием на Его второе пришествие. Спросим их: не посылал ли Он к ним пророков и мудрых? Не убивали ли они их в синагогах? Не оставлен ли дом их пустым? Не постигли ли род этот все наказания? Все это очевидно, и никто не будет спорить. Как все это сбылось, так сбудется и последнее Его предсказание, и тогда, без сомнения, они покорятся Ему, но это не принесет никакой пользы в оправдание им, так же как и

раскаивающимся тогда по причине политических переворотов. Потому пока есть время, будем делать добро.

Мысли свт. Феофана

(Мф. 23:38)

Сколько милостей явил Господь Иерусалиму (то есть иудеям)! И, наконец, все-таки вынужден был сказать: *се оставляет дом ваш пуст*. Известно всем, какие были от этого последствия: иудеи до сих пор бездомны. Не бывает ли подобного с душою? Печется об ней Господь и всячески ее вразумляет; покорная идет указанным путем, а непокорная остается в своем противлении Божию званию. Но Господь не бросает и ее, а употребляет все средства, чтобы ее вразумить. Возрастает упорство – возрастает и Божие воздействие. Но всему мера. Душа доходит до ожесточения, и Господь, видя, что уже ничего более сделать с нею нельзя, оставляет ее в руках падения своего, – и гибнет она, подобно фараону. Вот и возьми всякий, кого борют страсти, себе отсюда урок, что нельзя безнаказанно продолжать поблажку до конца. Не пора ли бросить и не по временам только себе отказывать, а сделать уже решительный поворот? Ведь никто не может сказать, когда преступит границу. Может быть, вот-вот и конец Божию долготерпению.

Древние и новые толкования на 39 стих 23-й гл. Евангелия от Матфея

И. Спасский. «Душеполезное чтение», 1889

Глаголю бо вам, яко не имате Мене видети отселе, Дóндеже речете: благословен грядый во имя Господне. Некоторые (еп. Михаил) относят это явление ко времени разрушения Иерусалима и рассеяния иудеев, когда обнаружившаяся в величайших бедствиях карающая рука Божия должна была, говорят, уничтожить всякое сомнение и противодействие делу Христа и вынудить признание Его за Мессию. Другие же толкователи, как Иоанн Златоуст, думают, что Господь говорил о дне Своего второго пришествия, когда

одни добровольно, а другие невольно воздадут славу Грядущему на облаках небесных. Евфимий Зигабен по поводу разбираемых слов Христа высказал отчасти подобную же мысль. Рассуждая о значении слов *доколе не воскликнете* и пр., он спрашивает: когда это они скажут? И отвечает: добровольно никогда не скажут, поневоле же во время второго пришествия Христа, когда Он придет с силою и славою многою и когда признание не принесет им ни малейшей пользы. Наконец, большинство новозаветных толковников (Кейль, Вейс и проч.) в стихе 39 видят указание на будущее явление Господа в духе, которое будет при ожидаемом обращении иудеев. Это будет откровение Христа, которое узрит обратившаяся в христианство иудейская нация и о котором, кроме прочих мест Писания (Песн. 8:8–10; Рим. 11), в книге пророка Захарии (12:10) говорится как об изобильном излиянии Святого Духа и на иудеев. Из слов Господа видно, что будет радостное явление Его, не похожее на второе Его пришествие, когда *восплачутся вся племена земная* (Мф. 24:30). Это – время их будущего обращения к Мессии, когда потомки тех, которые кричали: «Распни, распни», воспрянув от векового заблуждения, примут Его с радостным восклицанием: *благословен грядый во имя Господне!*

О двух лептах вдовицы

(Лк. 21:1–3)

Иннокентий, архиеп. Херсонский. «Последние дни жизни Иисуса Христа»

Вышедши из внутренних притворов храма, Иисус остановился у дверей внешнего притвора женщин, и, сев для отдохновения против ящика, в который богомольцы клали деньги, смотрел на проходящий народ. Клали многие весьма много, иные из усердия, а иные (фарисеи) и по тщеславию. Господь безмолвствовал. Между тем подошла к ящику одна бедная вдова – и положила две лепты (полушки). По всему видно было, что она отдавала последнее. Для людей о фарисейским чувством такой дар показался бы не стоящим внимания. Но Господь, взирал не на деньги, а на сердце

дающих: поступок вдовы был для Него многоценен. Подозвав к Себе учеников, как бы желая разделить с ними дорогую находку, Он сказал им: «Смотрите, сия бедная вдова более всех положила в сокровищницу!» Ученики дивились, не понимая сказанного. «Прочие, – продолжал Господь, – клали от избытка, а она от скудости: те жертвовали храму тем, без чего Могут обойтись, а она пожертвовала все, что имела, – может быть, последний кусок хлеба!» Замечание, сделанное о поступке вдовицы, открывает характер не только ее, но в некотором отношении Самого Иисуса. Поучительно видеть, как самое отдохновение Его употребляемо было в пользу и как Он не оставлял без внимания самых обыкновенных случаев, коль скоро в них выражалось что-либо поучительное. Не таковы были фарисейские учителя! Они постоянно занимались маловажными вещами, но, не умея извлекать из них ничего важного, сами сделались странными и жалкими.

О том же толкования свт. Феофана

«Мысли на каждый день года»

Вдовица положила в сокровищное хранилище (в кружку церковную) две лепты (полушки примерно), а Господь говорит, что она положила больше всех, хотя другие клали тогда рублями и десятками рублей. Что же дало перевес ее лепте? Расположение, с каким сделано приношение. Видишь, какая разность доброделания бездушного, по обычаю, и доброделания с душою и сердцем? Не внешняя постановка дела дает ему цену, а внутреннее расположение. От сего бывает, что дело, выдающееся по всем отношениям, никакой цены пред Богом не имеет, а дело, незначительное по виду, высокою ценою оценивается. Что отсюда следует, само собою видно. Но не вздумай кто небрежь о внешнем, замышляя ограничиться одним внутренним. Вдовица та не получила бы одобрения, если бы сказала себе: имею желание положить и я, да что делать? Только и есть у меня, что две лепты. Отдай их, сама ни при чем останусь. Но как поимела желание, так и сделала, предав живот свой в руки Божии. И если бы не положила ничего, никто бы ее не осудил, ни люди, ни Бог. Но

тогда она не явила бы и такого расположения, которое ее выделило из ряда других и сделало славною во всем христианском мире.

24-й гл. Евангелия от Матфея и параллельные

Пророчество Господа нашего Иисуса Христа о разрушении Иерусалима и о втором пришествии Своем на землю

(Мф. 24; Мк. 13; Лк. 21)

«Воскресное чтение», 1818

За несколько дней пред крестным страданием Своим Иисус Христос, после грозного обличения на фарисеев и книжников и после умиленного плача о судьбе Иерусалима, исходя из храма, произнес страшный приговор на упорных в неверии иудеев: *Се оставляется дом ваш пуст* (Мф. 23:38–39). Потом, когда ученики указали Ему на великолепие зданий храма, Он сказал им: *Видите ли вся сия? аминь глаголю вам, не имать остати zde камень на камени, иже не разорится* (Мф. 24:1–2). В сих словах Спасителя заключалось предречение о важнейших для всего мира событиях, и потому апостолы желали узнать поподробнее, что будет. Исшедши из Иерусалима, Иисус Христос удалился на Елеонскую гору, где обыкновенно проводил ночи в последнее время пред Своим страданием. Со ската горы сей Иерусалим виден был весь, а великолепный храм его стоял прямо пред взорами зрителя. Там-то, приступивши к Учителю своему, ученики спросили Его: *«Рцы нам, когда сия будут? и что есть знамение Твоего пришествия и кончина века?»* (ст. 3). И Господь изобразил пред ними грядущее с такою подробностью, с какою нужно было открыть его не для одних только святых апостолов, но и для всех верующих.

Пророчество Иисуса Христа разделяется на две части. Сначала Он предрекает судьбу Иерусалима и чад его (Мф. 24:4–22; Мк. 13:5–20; Лк. 21:8–24), а потом изображает будущее пришествие Свое на землю как начало Царства славы. (Мф. 24:23–31; Мк. 13:21–27; Лк. 21:25–27). Время разрушения Иерусалима с его храмом и рассеяние народа иудейского сближается с временем преобразования целого мира, потому,

без сомнения, что первое происшествие служит образом последнего, что предварительный суд над иудеями предзнаменует окончательный суд над миром: то скончались судьбы Церкви ветхозаветной, а то совершатся судьбы Церкви новозаветной. Связь между сими двумя событиями – неразрывная, и всеобъемлющий взор Господа видит их как бы на одной картине. Но граница между ними положена в самом же Его пророчестве. Одною чертою означает Он продолжение времени между судом над Иерусалимом и судом над миром; но как далеко простирается черта сия – неизвестно: *Иерусалим будет попираем языки, Дóндеже скончаются времена язык* (Лк. 21:24): вот расстояние между первым посещением гнева Божия на землю и вторым пришествием на нее Сына Божия. Но когда сие будет? Никому, кроме Всеведущего, не ведомо.

Первая часть пророчества перешла для нас в историю, и если бы нужно было кратко изобразить страшную участь Иерусалима и иудеев в ту эпоху, о которой говорится в пророчестве, то историку оставалось бы только повторить слова Спасителя, переменив форму повествования.

Отвечая прямо на вопрос апостолов, Иисус Христос начинает пророчество описанием признаков грядущего бедствия, и так как здесь касается судьбы их и судьбы всего, малого еще, стада Его последователей, то сначала дает разуметь, что грядущие бедствия состоят в тесной связи с христианством. *Блюдите, да никтоже вас прельстит. Мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще: аз есмь Христос: и мнози прельстят* (Мф. 24: 4–5): вот первая черта времени грядущего. По вознесении Иисуса Христа на небо скоро оправдалось это первое предречение. Только что начало прозябать семя христианства, как его окружили уже плевелы лжеучения. Симон-волхв, хотевший купить за серебро дары Духа Святого, объявляет себя чудным, указывает на себя как на Мессию и хочет спорить словом и делом с самими апостолами. Менандр, один из учеников Симона, повторил нечестие своего учителя. Вообще, брожение умов на Востоке способствовало там распространению всякой лжи и обмана, лишь бы они проповедовались во имя Мессии. Отвергнув истинного Христа

Спасителя, упорные иудеи как будто старались найти себе Мессию где бы ни было и безумно отзывались на призывы обольстителей.

Услышати же имате брани и слышания бранем. Зрите, не ужасайтесь: подобает бо всем быти: но не тогда есть кончина. Восстанет бо язык на язык и царство на царство: и будут глади и пагубы, и труси по местом. Вся же сия начало болезнем (Мф. 24:6–8; Мк. 13:7–8; Лк. 21:9–11). Конечно, слова сии относятся преимущественно к восстанию иудеев против римлян; но самый образ выражения показывает, что предрекается не одна война народа с народом, а, кроме того, неурядица и смятение повсюду: *услышите брани и слышания бранем*. Этою краткою чертой весьма точно означает характер времени пред разрушением Иерусалима. Подняв оружие против римлян, иудеи стекались, под отечественные знамена свои с поспешностью с необыкновенным усердием; но не было порядка в этой массе народа, хотевшего преобразиться в подобные римским легионы. Скоро оказались раздоры между начальниками иудейских ополчений, и прежде сражений со врагами кровь иудеев полилась от междоусобий. В Галилее Иоанн Фискал хочет оспорить власть у Иосифа. В Иерусалиме зилоты грабят публичную казну, отнимают имущества у богатых, умерщвляют лучших соотечественников и, наконец, призывают идумеев в стены Иерусалима для усиления своей партии против первосвященников, книжников и левитов. В самом храме кровь проливалась и вместо псалмопения слышен был свист летающих камней и вопли раненых. Таковы были настроения в Иудее. На стороне самих врагов иудеев – римлян – были в то самое время не меньшие смятения. По смерти Нерона в полтора года сменились три императора, и каждая смена сопровождалась возмущением войск и народа. В Иудею как одну из римских провинций скоро доходили известия о переменах в Риме; посему, слыша обо всем этом, житель Палестины мог справедливо помыслить: «Вселенная – неспокойна; везде возмущения, распри, кровопролития:

последние времена!» *Но подобает всем сим быти, а не тогда есть кончина.*

К беспорядкам мира политического имели присоединиться, по пророчеству, грозные явления в самой природе, и это не умедляло исполниться. Еще при императоре Клавдии был страшный голод почти во всей империи, а судя по тому, что святой апостол Павел во все время своих путешествий так много заботился о милостыне для иерусалимской братии, бедствие это особенно долго терпели жители Палестины. По местам были также землетрясения, разрушавшие целые города. Язва заходила с юго-запада Римской империи и, достигши самого Рима, произвела повсюду страшные опустошения. Кроме сих знамений небесного гнева на землю, над Иерусалимом Господь явил особенные знамения близкого правосудия Своего: целый год над ним виделась комета наподобие меча; в храме ночью замечался свет дневной; от коровы, веденной на жертву в праздник Опресноков, родился агнец; восточные врата храма, покрытые медью, отворились в полночь сами собою, тогда как обыкновенно их с трудом могли отворять двадцать человек; в облаках представлялись колесницы и войска; в день Пятидесятницы при входе священников в храм слышен был необычайный шум и, наконец, раздельный глас: «Прейдем отсюда!» Так точно исполнилось слово Господне: *И будут глади и пагубы и труси по местом, страхования же и знамения с небесе будут (Лк. 21:11).* Но вся сия еще только начало болезнем.

Тогда предадут вы в скорби и убьют вы: и будете ненавидимы всеми языки имене Моего ради. И тогда соблазняются мнози, и друг друга предадут, и возненавидят друг друга. И мнози лжепророцы встанут и прельстят многия. И за умножения беззакония, изсякнет любы многих. Претерпевый же до конца, той спасется. И проповестся сие Евангелие Царствия по всей вселенной во свидетельство всем языком: и тогда кончина (Мф. 24:9–14; Лк. 21:12–19; Мк. 13:9). И это все исполнилось еще прежде разрушения Иерусалима, хотя должно будет повториться, и, без сомнения, в несравненно больших размерах, и пред кончиною мира.

История гонения на апостолов известна каждому. Они были в темницах и, можно сказать, на первом же шагу евангельской проповеди подверглись заключению. Други Божии соделались предметом почти всеобщей ненависти и преследований. Немногим из них суждено было умереть в мире; большая часть из них потерпели мучения от гонителей и умерщвлены прежде разрушения Иерусалима. О бесчисленных соблазнах, о предательстве и вообще об оскудении любви свидетельствовали сами апостолы: *Вне уду брани, внутрь уду боязни, восклицал апостол Павел, беды от сродник, беды от язык, беды во градах, беды в пустыни, беды во лже-братии, и пр. (2Кор. 11:26).* Равным образом свидетельствовали они и о лжепророках, вооружаясь против них силою слова благодатного и ограждая от их лести и коварства верное стадо Христово (2 Петр., Иуд., 2Кор. 11и мн. др). Но среди этих бедствий, среди бесчисленных препятствий для проповедания веры Христовой Евангелие Царствия должно было распространяться до пределов мира – и оно распространилось и восторжествовало над всеми усилиями врагов своих. *Во всю землю изыде вещание апостолов и в концы вселенныя глаголы их (Рим. 10:13),* благовествование проповедано было всей твари поднебесной (Кол. 1:25), когда еще издали собиралась гроза над Иерусалимом и никто еще не мог предвидеть страшной участи отверженного народа иудейского.

Егда убо узрите мерзость запустения, реченную Даниилом пророком, стояшу на месте святе (уже четет, да разумеет): тогда сущии во Иудеи да бежат в горы: и уже на крове, да не сходят взяти, яже в дому его: и уже на селе, да не возвратится вспять взяти риз своих. Горе же не праздным и доящим в тыя дни. Молитесь же, да не будет бегство ваше в зиме, ни в субботу. Будет бо тогда скорбь велия, якоже не бысть от начала доселе, ниже имать быти. И аще не быша прекратилися дние они, не бы убо спаслася всяка плоть: избранных же ради прекратятся дние оны (Мф. 24:15–22; Мк. 13:14–20; Лк. 21:20–23). Вот и кончина, страшная кончина Иерусалима и с ним всего Иудейского царства. *Егда узрите мерзость запустения* и пр. или – как у евангелиста Луки – *егда*

зрите Иерусалим обстоим вои: тогда разумеите, яко приближися запустение ему (21:20). Не ожидайте никакой перемены обстоятельств к лучшему, но пользуйтесь первыми средствами ко спасению. Враги *объидут и обьимут* Иерусалим со всех сторон, как пророчествовал Господь еще прежде об этом (Лк. 19:43); следовательно, не останется никакой надежды на спасение для тех, кои не поспешат удалиться при самом приближении опасности. В самом деле, римские войска под предводительством Тита так облегли город, что для осажденных не было никакого средства избежать гибели. Тогда-то наступала скорбь, какой не было и не будет. «Кто подумает, что это сказано преувеличенно, – замечает святой Иоанн Златоуст, – тот пусть прочитает сочинения Иосифа и узнает истину». Так состояние осажденных было ужасно! Страшный голод свирепствовал между многочисленным народом, заключенным в тесных стенах Иерусалима. Скоро весь запас хлеба был потреблен; алчные предались отчаянию и делали страшные беспорядки в городе. Каждый день увеличивалось число жертв голодной смерти. Иные решались бежать тайно из города, но от мучений голода попадались на мучения крестной смерти. Наконец, отчаяние овладело народом в высшей степени, когда узнали, что одна мать приготовила в пищу себе собственное дитя свое. Такова была скорбь, постигшая народ сей. И если бы не прекратились такие дни, то не спасся бы никто из иудеев. *Но ради избранных, то есть ради верующих в Господа Иисуса Христа, прекратились дние оны...* Однако город разрушен был до основания, а от великолепного храма не осталось впоследствии камня на камне.

И пленени будут во вся языки: и Иерусалим будет попираем языки, Дóндеже скончаются времена язык (Лк. 21:24). Сия черта пророчества исполняется и доселе пред взорами целого мира. Иудеи рассеяны по вселенной, Иерусалим попирается неверными! Были попытки со стороны самих иудеев к воссоединению всего Израиля, и со стороны христиан к освобождению города святого от неверных; но глагол Божий непреложен!

Во второй части пророчества изображается второе, славное пришествие Иисуса Христа на землю.

Тогда еще кто речет вам, и пр. Когда же это? Когда скончаются времена язык, то есть когда войдет в Церковь Христову predetermined число язычников (ср. Рим. 11:25, 36). Тогда-то наступит время славного пришествия Христова.

Ближайшими признаками его будут восстание лжепророков и лжехристов, которые *дадут знамения и чудеса велия, якоже прельстят, еще возможно, и избранные* (Мф. 24:23–24; Мк. 13:21, 23; ср. 2Фес. 11:9–10), и потом страшные явления во вселенной: помрачение солнца и луны и ниспадение звезд. На земле распространится ужас, скорби и смятение; ибо силы небесные подвигнутся (Мф. 24:29; Мк. 13:24–25; Лк. 21:25–26).

И тогда узрят знамение Сына Человеческого, то есть крест, по изъяснению святого Иоанна Златоуста, а вслед затем и Самого Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою многою. Сие явление сколько будет торжественно, столько же внезапно и неожиданно, – подобно явлению молнии, исходящей от востока и являющейся до запада. По трубному звуку ангелов соберутся избранные от четырех ветров, от конца до конца вселенной (Мф. 24:27–31; Мк. 13:26–27; Лк. 21:27). И затем всемирный суд!

В заключение пророчества Иисус Христос внушает ученикам Своим особенную бдительность в ожидании сих страшных событий. Без сомнения, это наставление дано в лице апостолов верующим всех веков и времен.

Пророчество Спасителя о храме, Иерусалиме и народе иудейском

(Мф. 24:2; Лк. 21:24)

«Воскресное чтение», 1826

Не видите ли вся сия? аминь глаголю вам, не имать остати zde камень на камени, иже не разорится (Мф. 24:2). *И падут во острии меча, и пленени будут во вся языки: и Иерусалим будет попираем языки, Дóндеже скончаются времена язык* (Лк. 21:24). Иерусалимский храм, не в первом, а

во втором своем виде. Который был слабым подобием первого, – и в этом виде был в свое время одним из чудес мира. Сооружение и восстановление его стоило государству несметных сумм. Камни, из которых он был построен, имели иные до 45 вершков длины и состояли из чистейшего мрамора. Его кровли были покрыты полированным золотом, которое с такую силою отражало лучи солнца, что ни одна птица, как говорили, не могла сесть на эту кровлю, потому что не в состоянии была выносить ослепительного блеска ее. Иудеям казалось несбыточным, чтобы можно было совершенно уничтожить столь прочное и величественное произведение искусства. Они никак не могли представить, чтобы нашелся другой дерзкий человек, подобный Навуходоносору, который бы решился поднять руку на разрушение величественной святыни, предмета общего удивления и народного благоговения. Наконец, они выпустили из виду разрушение первого храма и привыкли верить, что этот храм находится под особенной защитой Самого Иеговы, Который избрал его местом селения славы Своей.

Но не прошло и 40 лет по вознесении Иисуса Христа, как стены храма были сравнены с землей, и плуг – в собственном смысле слова – прошел по развалинам славного здания. Из истории Иосифа Флавия мы узнаем, что во время осады Иерусалима не только иудеи, но и самые враги их – римляне – заботились о сохранении величественного храма, но все усилия их оказались тщетными. «Когда Иерусалим был взят, – пишет очевидец событий, – кроткий Тит, вопреки совету своих полководцев, хотел сохранить храм для славы имени римского. Но Господь судил иначе! Посреди боя Тит с военачальниками отправился гасить огонь, показавшийся внутри храма. Но он напрасно рассылал повеления: раздраженные легионы не слышали их или не хотели слышать. Тит устремился в самую внутренность святилища и надеялся еще спасти его, потому что пламя охватило внешние стены. Он окликал воинов для погашения пожара и велел сотнику даже убивать непокорных – но все напрасно! Ненависть к иудеям, ожесточение в битве, жажда корысти превозмогли послушание римское. Тот самый

воин, который последовал за Титом в горящее преддверие, не приметно положил огонь под затворы внутренних ворот, и внезапно вспыхнуло пламя из самой середины. Тит принужден был удалиться и, вопреки его воле, обнялось огнем все святилище... Когда все было истреблено и не было чего щадить в Иерусалиме, тогда и Тит велел воинам разметать до самых оснований весь город и храм, сохранив только три башни для памяти будущих поколений. Воины так уравнили землю, что нельзя было даже подозревать существования города». От этого храма остаются теперь кучи камней, лежащих близ мечети Омара. Один раз в год позволено иудеям собираться к этому месту и молиться у священных остатков древности. Убеленные сединами раввины со слезами и раздирающими воплями обнимают эти камни, как бы желая исполнить слова пророка: *Благоволиша раби твои камене Сиона и персть его ущедрят* (Пс. 101:15).

Что теперь Иерусалим! Это был некогда обширнейший и многолюднейший город, украшенный всем, что тогда было плодом наук и искусств. Это был центр самой плодородной страны в свете, произведения которой считались лучшими произведениями, и горы и долины которой были покрыты садами и дышали температурой всех поясов земли. Там, казалось, сияло райское солнце и вечный воздух Эдема. Но каков теперь вид Палестины и Иерусалима? Плодородия уже нет; сады уничтожены молнией и землетрясениями; нивы засохли от зноя или засыпаны песком; от величественных зданий остался прах и пепел, города превратились в кладбища, жители ни на одну минуту не могут почитать себя безопасными от нападений кочующих арабов и страдают под игом мусульманским. Ученые путешественники, посещавшие Палестину, с величайшею скорбью описывают нынешнее запустение древней столицы иудейской. «Если бы я, – пишет Шатобриан, – жил тысячу лет, то никогда не забыл бы того места в Палестине, с которого я бросил первый взор на Иерусалим. Когда проводник мой воскликнул: «Вот святой город Иерусалим», – то я не мог поверить словам его. Мне показалось, что я вижу безобразную массу каменных обломков.

Пылающее солнце вверху и каменная пустыня внизу напомнили мне пророческие слова Второзакония: *И будет небо над главою твоею медяно, и земля под тобою железна. Да даст Господь дождь земли твоей прах, и перст с небесе снидет на тя* (28:23). Ни один ручей, ни один поток не пересекают страшной пустыни: вокруг нет никаких признаков плодородия; не видно никаких обозов, приближающихся к стенам города. Его здания – развалины, его площади – кладбища!» «Видя пред собою, – пишет наш отечественный путешественник, – город, увенчанный куполами и минаретами, обнесенный стенами и башнями, вы ищите движения, но все пусто! Изредка, кое-где медленно шагает обремененный ношею верблюд, сопровождаемый полунагим арабом; изредка мелькнет между гробами, как привидение, завернутая в саван мусульманка, беседовавшая с любимым прахом, или удрученный летами, с посохом в руке, монах сопровождает дальнего поклонника... Это запустение, это молчание, непрерываемое ни шумом листьев, ни говором людским – торжественны! Здесь и природа, и люди как бы находятся в беспрестанном ожидании судного дня... И эти сдвинувшиеся с могил своих надгробные камни, кажется, готовы уже освободить от заключения мертвецов своих»... (Путешествие Норова).

После разрушения Иерусалима и храма народ иудейский был отведен в плен и рассеян по всему лицу земли. И в наше время ни один народ не представляется до такой степени рассеянным и угнетенным, как иудеи. Они и доселе, так сказать, странствуют по земному шару, не находя нигде прочного пристанища. В какой стороне нет их? Они дышат воздухом и востока, и запада, и севера, и юга; пьют воду Темзы, Миссури, Миссисипи, Ганга, Дуная, Рейна, Енисея. В каждом сколько-нибудь замечательном местечке с самого раннего утра и до позднего вечера вы можете слышать голоса их, можете дивиться их суетливости, хитрости, изворотливости. И замечательно, что, несмотря на свой вечный плен, иудеи до сих пор не теряют надежды на избавление; они доселе ждут обетованного Мессию и все мысли свои устремляют к Иерусалиму или, по крайней мере, к долине Иосафатовой, на

которой, по их верованию, *Мессия соберет вся языки*. Но напрасно! Божественный суд видимо тяготеет над этим народом. Благосостояние его ни в какие времена рассеяния не было прочно и безопасно; во все времена иудеи служили предметом насмешек и презрения. Таким же будет состояние их, по пророчеству Спасителя, еще долго-долго, пока не придут последние судьбы их от Господа.

Вся, яже писано, в наше назидание писано. Какое же назидание мы выведем из этого пророчества о разрушении Иерусалима и храма?

История прошедшего времени больше или меньше известна каждому из нас. Припомним, сколько в этом прошедшем погребено великого и славного! Со времени падения первого человека сколько миллионов людей почилло вечным сном, и тела их превратились в землю, из которой взяты! Все, что эти миллионы почитали великим или малым, хорошим или худым, все, чем они обладали и чего лишались, о чем радовались или плакали, – все это кануло в вечность. Что ныне Тир, эта столица коммерческого мира? Куча песку, на которой рыбаки развешивают свои сети. Что Рим, одно имя которого приводило в трепет отдаленные народы? Развалины прежнего величия; и житель его не скажет теперь с гордостью: «Я римский гражданин, пользующийся повсюду вниманием и защитой». Что Афины, это око Греции, это всемирное училище, куда со всех стран света стекалось множество для изучения мудрости и изощрения искусства? Малый городок, который едва в состоянии поддержать свои великолепные развалины. Где Вавилон, Пальмира, Ниневия?... *Вся быша от персти, и вся в персть возвратишася* (Еккл. 3:20).

Но, тогда как гибнут дела рук человеческих, мы должны помнить, что никогда не погибнет награда или наказание за наши дела.

Не Веспасиан и Тит были главною причиною разрушения Иерусалима и плена народа иудейского, а грехи этого народа, не омытые слезами покаяния. *Иерусалиме, Иерусалиме! Колькраты восхотех, говорит Спаситель, собрати чада твоя, якоже кокош собирает птенцы своя под криле, и не*

восхотесте, – се оставляется дом ваш пусть! Итак, суд Божий, тяготеющий над нераскаянным грешником, – вот истина вечная и непременная! Если ты приобретал сокровища неправдою и обманом или если ты скрыл, подобно неключимому рабу, упоминаемому в Евангелии; если ты созидал свои жилища на развалинах, облитых слезами бедных и нищих; если ты почитал всякое средство законным для достижения целей; если ты предавался удовольствиям, забывая нужды ближних, – твой грех низведет на тебя суд правды небесной, проклятие на тебя от ближних твоих низведет на тебя, на твое благополучие, кару с неба, и над тобою совершится временный суд Божий, чтобы покаянием спасти тебя от суда и осуждения вечного. Такой суд, такое наказание несут теперь и иудеи, на время отверженные Богом со своим Иерусалимом и храмом. Добрые дела – вот чтоечно! Это такое сокровище, которого червь не поядает, тля не тлит и татие не подкапывают и не крадут (Мф. 6:20). Богатство преходит, но милостыня не остается туне. Слава человеческая забывается, но благословение Божие пребывает вовеки. Разрушаются надгробные памятники, но слезы любви, которые падут на прах твой из очей осчастливленных тобою, падут не даром.

Будем помнить, что есть *град вечный, ему же содетель и художник Бог*; что *еще земная наша храмина тела разорится, создание от Бога имамы, храмину нерукотворенну, вечну на небесех* (Евр. 11:10).

Наставление Иисуса Христа о мужестве в бедствиях

(Мф. 24:6)

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова в день рождения Государя Императора

Христос Спаситель между прочими изречениями о судьбе ветхого Иерусалима и новой Своей Церкви указывает Своим последователям на будущие брани и заповедует им быть мужественными: *услышати же имамы брани и слышания бранем: зрите, не ужасайтесь* (Мф. 24:6).

Господь дает и причину, почему при виде угрожающих событий мы не должны быть боязливы, а должны быть мужественны. *Зрите, говорит, не ужасайтесь, подобает бо всем сим быти.* Вот слово, из которого не вдруг можно почерпнуть углубленный в нем разум. По рассуждению обыкновенному, от беспокоящего слышания можно было бы найти успокоение в тех мыслях, что угрожающего не будет, по крайней мере, вероятно, не будет, или что оно не коснется тех, которые видят опасность; а мысль, что угрожающее непременно должно последовать, может, казалось бы, только увеличить, а не уменьшить страх. Но не так велит рассуждать Христос, Божия Премудрость и Божия Истина. *Зрите, говорит, не ужасайтесь, подобает бо всем сим быти.* Если бы события происходили случайно, то как рассудком нельзя поставить предел угрожающему случаю, так нельзя было бы поставить предел страху. Но когда знаем, что события происходят, не как случится; что жребий человеков и человеческих обществ не предан неограниченно произволу и страстям человеческим; когда помышляем, что все явления на зрелище мира, не только благоприятные, но и могущие потревожить и утешить, каковы брани и слышания бранем, бывают, как *подобает быти*, по предусмотрению Божию, под невидимым управлением Промысла Божия, в направлении к благим целям Божеского мироправления; тогда, хотя бы все народы мира восстали, чтобы утешить нас, этот страх, если уповаем на Бога, может быть так мал, как малы пред Богом все народы, а они, по слову пророка, *яко капля от кади, и яко притяжение веса вменишася* (Ис. 40:15). Как бы ни велика была сила неправды, она не может разрушить истинного блага верующих и уповающих на Бога, – блага внутреннего и вечного; и благосостояние внешнее и временное может поколебать не более, как сколько допустит Бог; а Он попускает, растворяя Свой суд милосердием, защищая правых и побуждая к исправлению согрешивших, дабы потом исчерпанную ими меру скорбей и лишений наполнить утешением и воздаянием. Итак, храни веру, правду, упование на Бога и не будь боязлив, вверяя себя Божией Провидению. Так

должно понимать и исполнять слово Христово: *зрите, не ужасайтесь, подобает бо сим всем быти.*

Ум пытливый может сказать: каким образом *подобает быти* и таким событиям, как брани, слышания бранем, бедствия, страдания, даже лучших из человеков, и это под управлением премудрого, праведного и благого Провидения? Это возражение может показаться сильным, но в самом деле оно только дерзновенно, потому что чрез него земной прах покушается взлететь на небо, судить Творца и Судию мира и постигнуть тайны Его мироправления. Подробное исследование сего вопроса потребовало бы более времени, нежели мы теперь имеем. Дадим совопроснику краткий ответ. Не слышал ли ты, что Христос о бранях и слышаниях браней, и о бедствиях Своих последователей сказал: *подобает всем сим быти*? Можешь ли сомневаться в том, что Христос есть самая Премудрость, самая Правда, самая Благодать? Как же можешь сомневаться и в том, что если чему по Его предусмотрению, под Его владычеством, *подобает быти*, то непременно бывает и будет сообразно с премудростию, правдою и благодатию? Можешь сие усмотреть и в самых событиях, если будешь смотреть чистым оком.

Мысли свт. Феофана на 12 стих 24-й гл. Евангелия от Матфея

«Мысли на каждый день года»

За умножение беззакония иссякнет любы многих. Любовь уничтожается беззакониями; чем больше грехов, тем меньше любви. Где все грехи, там не ищи любви. Стало быть, кто взыщет распространения любви и сокращения нелюбви, тот должен позаботиться об умалении грехов и сокращении области грехолюбия. Вот настоящее начало гуманности! Приняв его, надо принять и все способы, какими можно противодействовать греху. Грехи вовне суть плод внутренней греховности. Внутренняя же греховность вся коренится на эгоизме с его исчадиями. Следовательно, гуманистам надо в законе себе взять такие порядки, какими подавляется эгоизм, а эгоизм сильнее всего подавляется недаванием себе воли. Не давай

себе воли, и скоро одолеешь эгоизм. Напротив, какие хочешь употребляй средства против эгоизма, ничего не сделаешь с ним, если будешь давать свободу воле. Отсюда следует, что где ищут волюшки во всем, там ищут расширения эгоизма и иссякновения любви, – ищут большого зла.

Мысли свт. Феофана на 13 стих 24-й гл. Евангелия от Матфея

«Мысли на каждый день года»

Претерпевый до конца, той спасется. Но не всякий терпящий спасется, а только тот, кто терпит на пути Господнем. На то жизнь эта, чтобы терпеть, и всякий что-нибудь терпит, и терпит до самого конца. Но терпение нейдет впрок, если оно не бывает ради Господа и Святого Евангелия Его. Вступи на путь веры и заповедей евангельских: поводы к терпению умножатся, но терпение с этой минуты начнет плодоносить венцы, и то терпение, которое доселе было пусто, сделается плодоносным. Каким ослеплением окружает нас враг, что только то терпение и представляет тяжелым и невыносимым, какое встречает на пути добра, а то, которое сам он налагает на работающих страстям, представляет легким и ничего не стоящим, хотя оно тяжелее и безотраднее того, которое несут борющиеся со страстями и противляющиеся врагу! А мы, слепые, и не видим этого... Трудимся, терпим и выбиваемся из сил ради врага, на свою же гибель.

Мысли св. Исидора Пелусиота на 16–18 стихи 24-й гл. Евангелия от Матфея

Суции во Иудеи да бежат на горы. Утвердившиеся в благочестии (сие означает Иудея) да имеют в виду вышнее прибежище, ограждаясь своим исповеданием. *И уже на крове, да не сходит взяти яже в дому его* (ст. 17). Кто пренебрег настоящий свой дом, поправ всякое здешнее жилище, стал высок по жизни и изгнал из себя вселявшиеся в нем страсти, тот да не увлекает за собою ничего такого, ни боязни, ни нерадения, ни тщеславия, ни пристрастия к богатству: все это

есть схождение с высоты. *Иже на селе, да не возвратится взяти риз своих* (ст. 18). Кто совлекся ветхого человека и отрешился от плотского, тот да облачается в человека нового, который обновил его в познание Божие и очистил от тины. Все сии в безопасности будут от одного великого злострадания.

Мысли св. Исидора Пелусиота на 19 стих 24-й гл. Евангелия от Матфея

Горе непраздным и доящим в тыя дни, – сказано душам, которые чреватые Божественною любовью, но не осмеливаются свободно изречь и породить исповедание веры в Бога и твердо стоять за оное, приобрели же детское и несовершенно понятие о Божием долготерпении и не имеют в виду твердого упования наград, но угрозами или нападениями приведены в расслабление и лишили себя будущего.

Толкование св. Василия Великого на 20 стих 24-й гл. Евангелия от Матфея

Молитесь, да не будет бегство ваше в зиме, или в субботу. Поэтому надобно заметить, что не сотворил Бог зимы или непохвальной субботы. Ибо написано: *Жатву и весну Ты создал еси я* (Пс. 73:17). А мы в зиме, когда властвуют в нас плотские страсти. Посему так надобно разумеать евангельское сие изречение: да не будет бегство наше, когда преобладает в нас худшее или когда губим жизнь свою в праздности. Ибо такую мысль внушает оно словом *суббота*, чтобы сподобились мы одного благословения: *Блажен раб той, егоже, пришед господин, обрящет бдяща* (Мф. 24:46).

Мысли свт. Феофана на 23 стих 24-й гл. Евангелия от Матфея

«Мысли на каждый день года»

Аше кто речет вам: се zde Христос, или онде, не имите веры. Христос Господь, Спаситель наш, устроив на земле Святую Церковь, благоволит пребывать в ней, яко Глава ее,

Оживитель и Правитель. *Зде Христос*, – в Православной нашей Церкви, и в другой какой-либо нет Его. И не ищи, не найдешь. Почему, если кто из неправославного сборища придет к тебе и станет внушать: у нас Христос, – не ими веры. Если услышишь от кого: у нас апостольская община и у нас Христос, – не ими веры. Апостолами основанная Церковь пребывает на земле; это есть Православная Церковь. И *зде Христос*. А та, вчера устроенная община, не может быть апостольскою, и в ней нет Христа. Если кого услышишь говорящим: во мне говорит Христос, – а между тем Церкви он чуждается, пастырей ее знать не хочет и таинствами не освящается; не верь ему: в нем не Христос, а другой дух, присвояющий себе имя Христа, чтобы отвлекать от Христа Господа и от Святой Церкви Его. И никому не верь, кто будет внушать тебе малое что, чуждое Церкви. Всех таких признавай орудиями духов лестчих и лживыми проповедниками лжи.

Толкование на 28 стих 24-й гл. Евангелия от Матфея

Епископ Михаил. «Толковое Евангелие»

Относящие это изречение ко второму пришествию Господа в связи с предшествующим объясняют его так: «Как молния объявляется внезапно и всем бывает видима, так и пришествие Христово (второе) будет видимо для всех живущих в мире... И как на мертвый труп скоро собираются хищные орлы, так и туда, где явятся Христос, придут все святые, парящие на высоте добродетелей, и вознесутся на облака, подобно орлам. Христос иносказательно именуется трупом, потому что Он умер за нас» (Феофилакт; ср. Златоуст, Иероним, Евфимий Зигабен). Или так: труп есть образ духовно мертвых (ср. 8:22; Лк. 16:24), которые подлежат суду Мессии и наказанию; и выражение *соберутся* орлы означает то же, что сказано 13:41, а именно, что ангелы, которые имеют быть посланы Мессией, соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную. Относящие это изречение ко времени разрушения Иерусалима под трупом разумеют Иерусалим и иудеев, а под

орлами римлян, осадивших и взявших город, и смысл дают такой: Господь придет для суда над преступным городом и народом и, по Его мановению таинственному, римские войска с своими победоносными знаменами ринутся, как хищные орлы, на мертвый труп и растерзают его.

Знамение Сына Человеческого

(Мф. 24:30)

Я. Щеголев. «Воскресное чтение», 1883

На вопрос учеников о признаках и времени второго пришествия Господня и кончины мира Иисус Христос после признаков общих и отдаленных, которые хотя будут предвестниками приближения времени кончины мира, но не будут еще указывать на наступление самого этого времени, – после таких признаков указал и на такого рода знамения, которые будут непосредственными и решительными указателями наступления времени кончины мира и страшного суда. В числе таких знамений указано имеющее быть пред кончиною мира *явление на небе знамения Сына Человеческого* (Мф. 24:3–33).

Что это за знамение? Из чего оно будет состоять и какого вида?

Имя Сын Человеческий, которым называл Себя Иисус Христос во все продолжение земной Своей жизни до крестной смерти, есть имя *обещанного Мессии*, взятое из пророческого видения, описанного в главе 7:9–14 книге пророка Даниила, где изображается, как к Сидящему на огненном престоле Ветхому деньми пришел *на облацех небесных яко Сын Человеч*, как Ему даны были власть и честь и Царство, чтобы все люди, племена и народы повиновались Ему, а власть Его – власть вечная, *яже не преидет, и Царство его не рассыплется*. Из многих пророческих имен обетованного Мессии имя Его Сын Человеческий более всех распространено было между еврейским народом времен Иисуса Христа еврейским вероучением, потому что это имя Мессии более других имен соответствовало любимому представлению о Нем как о великом и славном царе земном, тем более что книга пророка

Даниила написана на сиро-халдейском языке, который был тогда живым языком еврейского общества, тогда как древнееврейский язык был языком церковно-религиозного учения в храме и синагогах и языком малопонятным народу.

При таком значении и употреблении имени Сын Человеческий что следует разуметь под знаменiem Его, о котором идет речь? Очевидно, что это знамение должно иметь тесную связь с самим этим именем, так чтобы в представлении об одном необходимо соединялось представление и о другом. Только под этим условием была совершенно ясна для учеников речь Господа о небесном явлении знамения Сына Человеческого. Посему образ этого знамения нам следует искать в том же источнике, из которого взято самое имя Сын Человеческий, то есть в вышеуказанном пророческом видении пророка Даниила. Какое же знамение сопровождает там явление Сына Человеческого? Прежде чем Он явился на облаках небесных и приблизился к Ветхому деньми за получением чести, власти и всемирного вечного Царства, у пророка изображается следующая картина видения: «Я видел, что престолы были поставлены. Ветхий деньми сел; одежда Его как снег бела и волосы на голове Его, как волна чистая; престол Его пламень огненный, колеса его огонь горящий. Река огненная, струясь, выходила от него. Тысячи тысяч служили Ему и мириады мириад стояли пред Ним. Суд сел, и книги раскрылись. Я видел в видении ночном, и вот, в облаках небесных шел подобный Сыну Человеческому и дошел до Ветхого деньми, и я к Нему был приведен. И Ему дана была держава», и проч. Изображенное в этом видении, то есть явление на небе престолов, восседание на одном из них Ветхого деньми, или Бога Отца, окруженного тьмами тем ангелов и готового творить суд над делами людей, и проч., как приговорительные явления, предшествовавшие появлению на облаках Сына Человеческого, имевшего получить власть для совершения самого суда, – все эти явления и должно признать знаменiem Сына Человеческого, которое, как в видении пророка Даниила, должно предшествовать появлению Иисуса Христа пред Страшным Судом на облаках небесных. Этот порядок небесных явлений

удерживает и Сам Иисус Христос всякий раз, когда говорит о картине Страшного Суда. Так, только после явления знамения Сына Человеческого люди узрят Самого Сына Человеческого, грядущего, как у пророка Даниила, на облаках небесных (Мф. 24:30). И в другом месте о том же Страшном Суде Господь говорит так: *егдаже приидет Сын Человеческий в славе Своей и вси святии Ангелы с Ним: тогда сядет на престол славы Своея* (Мф. 25:31), то есть появление престола славы имеет предшествовать явлению Самого Сына Человеческого.

Крест Иисуса Христа есть знамя победы Его, символ надежды, основа упования для верующих в небесную помощь Его в продолжение борьбы Церкви, воинствующей на земле. Всякое явление этого знамени на помощь и утешение воинствующих христиан во всякое время имеет свое глубокое значение. Но в последний день мира, когда Господь Иисус вступит во владычество над миром в качестве Царя и Судии, какое тогда дать значение образу креста? Тогда Ему подобают атрибуты не борьбы, а власти, не символы страданий Исккупителя, а символы славы и величия (Его) Бога. Последний день мира есть последний день борьбы воинствующей Церкви и первый день торжества ее, – последний день веры и упования и первый день видения и осуществления уповаемого. Тогда все земные образы славы Христовой отойдут в область прошедшего, а откроется для блаженных видение славы Его без символов, а лицом к лицу.

Толкование св. Иоанна Златоуста на 32–34 стихи 24 гл. Евангелия от Матфея

От смоковницы же научитесь притчи; егда уже вайя ея будут млада, и листвие прозябнет, ведите, яко близ есть жатва. Тако и вы, егда видите сия вся, ведите, яко близ есть при дверех (ст. 32–33).

Так как Иисус Христос сказал: *Абие по скорби дний тех солнце померкнет, и будет кончина*, ученики же Его спросили, когда это будет, и желали знать самый день; то Он представил им в пример смоковницу, показывая сим, что немного осталось

времени, и что скоро будет Его пришествие. И это подтвердил Он не одною только притчею, но и сими словами: *Видите, яко близ есть при дверех*. Вместе с сим Иисус Христос пророчествует и о духовном лете, то есть о той тишине, которая в тот день настанет для праведных после обуревающей их теперь зимы; грешникам же, напротив, предсказывает зиму по прошествии лета, что подтвердил впоследствии, сказав, что день тот застанет их посреди роскоши и удовольствий. Впрочем, Он привел в пример смоковницу не столько для означения времени, ибо мог бы означить иное и другим образом, сколько для подтверждения того, что Его предсказание непременно исполнится. Ибо как необходимо быть первому, так равно и последнему. Вообще, как Сам Иисус Христос, когда предсказывает будущее, всегда объясняет это необходимыми в природе явлениями; так и подражающий Ему блаженный апостол Павел. Так, беседуя о воскресении мертвых, Иисус Христос говорит: *Аще зерно пшенично пад на землю не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит* (Ин. 12:24).

И блаженный апостол Павел, ученик Его, употребляет тот же пример, рассуждая с коринфянами о воскресении: *безумне, говорит он, ты еже сееши, не оживет, аще не умрет* (1Кор. 15:36). Потом Иисус Христос, дабы опять вскоре не приступили к Нему ученики Его с вопросом, когда это случится, – напоминает им о приближении сего времени: *Аминь глаголю вам, не мимоидет род сей, Дóндеже вся сия будут* (ст. 34). Что Он разумел под словом *вся сия*? То, что случилось с Иерусалимом: войны, голод, мор, землетрясения, лжехристы, лжепророки, повсеместное распространение Евангелия, мятежи, раздоры и все, что, как мы сказали, должно случиться до Его пришествия. Как же Он сказал: *не преидет род сей*? Здесь говорится не о роде, тогда жившем, но о роде верных; ибо род означает не только время, но и образ религии и жизни. Так сказано: *сей род ищущих Господа* (Пс. 23:6). Сверх сего Иисус Христос прежде сказал: *подобает бо всем сим быти*; и еще: *проповестся Евангелие сие*. То же и здесь Он выражает, говоря, что все сие непременно сбудется, а род верных

пребудет и не прервется ни от одного из вышеозначенных бедствий. Разрушится Иерусалим, и погибнет большая часть иудеев, но ничто не преодолеет сего рода, ни голод, ни мор, ни землетрясение, ни ужасы браней, ни лжехристы, ни лжепророки, ни прельстители, ни соблазнитель, ни предатели, ни лжебратия, ни другие подобные сим искушения.

Небо и земля мимоидет, слова же Моя не мимоидут

(Мф. 24:35)

«Воскресное чтение», 1823

Так твердо, повелительно и всемогуще слово Божие! Есть оно на вещественных небесах и на нашей земле: это повеление творческое, это законы мира. О нем сказано: *в век, Господи, слово Твое пребывает на небеси* (Пс. 118:89); *повеление положи и не мимоидет* (Пс. 148:6). Все изменяется, все преходит; а это слово Божие не изменится и не прейдет. Земля и небо погибнут, Ты же пребывавши: и вся яко риза обетшают, и яко одежду сиеши я, и изменятся. Ты же тойжде еси, и лета Твоя не оскудеют (Пс. 101:27–28). А как неизменяем Бог, так неизменяема воля Его, мысль и слово Его. Посему же неизменяемому слову, вечному повелению и предначертанию творческому и все изменится, что преходит, все обновится, что состареет. Силою сего же слова некогда *небеса мимоидут, земля, и яже на ней дела сгорят и явится новое небо и новая земля* (2Пет. 3:10, 12).

Но это в мире физическом, где твари неразумные не могут изменить сами ничего как в своем состоянии, так и в своих законах, которым повинуются без сознания, по необходимости. Что же сказать о мире нравственном, мире существ разумных и свободных? Тоже, то есть что и здесь, хотя все изменяется, и изменяется при действии свободной, изменчивой, непостоянной воли многих разумных тварей, слово Божие, закон Всесвятого, не изменяется, но пребывает и пребудет во всей своей святости и правде вечно.

Таково, говорит Господь наш, и Мое слово: *слова Моя не мимоидут*. Таковы Его заповеди, таков Завет Новый, таково Евангелие! Из недр вечной любви и правды проистекло слово Христово, и ничто ни во времени, ни в вечности не упразднит его; ибо это слово Всемогущего, слово Творца, которое превыше всех сил тварных. Падут на земле царства, разрушатся все памятники мудрости и славы человеческой, а вера Христова не падет, Святая Церковь не разрушится. Господь Иисус Христос восторжествует над всеми врагами Своими. *О имени Иисусове поклонится всяко колено небесных, земных и преисподних* (Флп. 2:10).

А между тем что делаешь ты, мудрость века сего? Не подкапываешь ли ты основания вечного, неразрушимого? Смотри, оно само разрушит тебя, как и предсказано: *Всяк падый на камени том, сокрушится, а на немже падет, стрыет его* (Лк. 20:18). Что делаете вы все, враги Церкви Христовой? Вы проповедуете учение не Христово, учение, враждебное Евангелию. Но *аще человек или Ангел с небесе благовестит нам паче благовествованного Апостолами Христовыми, – анафема да будет* (Гал. 1:8). Вы не боитесь этой анафемы? Но Сам Бог говорит: *Погублю премудрость премудрых*; Он погубит эту премудрость за то, что она не уразумела Его (1Кор. 1:19–21), за то, что истинную премудрость Божию отвергла и почла безумием. Вы, лжемудрецы, обуяете, вы сами друг друга назовете безумными, учения ваши одно другое низвергают и будут низвергать, а то учение, которое гоните, учение Слова Вечного, будет стоять и не поколеблется вовеки!

Толкование св. Василия Великого на слова: часа и дня того никтоже вест

(Мф. 24:36)

Если Сын не имеет ведения о всем том, о чем имеет ведение Отец, то солгал Сказавший: *Вся, елика иматъ Отец, Моя суть* (Ин. 16:15); *якоже Отец знает Мя, и Аз знаю Отца* (Ин. 10:15). Если же иное дело – знать Отца, и иное – знать принадлежащее Отцу; но знать Отца – больше, нежели знать

принадлежащее Отцу (потому что всякий больше принадлежащего ему); то Сын, зная большее, ибо сказано: *никтоже знает Отца, токмо Сын* (Мф. 11:27), не знал бы меньшего, что невозможно. Итак, умолчал Он о времени суда потому только, что не полезно было людям слышать о сем; ибо всегдашнее ожидание делает более ревностными в благочестии, а знание, что до суда еще долго, сделало бы более нерадивыми в благочестии, по надежде, что можно спастись, покайсявшись впоследствии. Да и возможно ли, чтобы Ведавший все, что будет до того часа (ибо все сие сказал), не знал этого часа? Иначе напрасно и апостол сказал: *в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2:3).

Слово *никто*, как кажется, выражает нечто общее, так что ни одно лицо не исключается сим речением. Но не так оно употребляется в Писании, как мы заметили в изречении: *никтоже благ, токмо един Бог* (Мк. 10:18), Ибо Сын говорит сие, не исключая тем Себя из естества Благого. Но поскольку Отец есть первое благо, то уверены мы, что в слове *никтоже* подразумевается слово *первый*. Подобно изречение: *никтоже знает Сына, токмо Отец* (Мф. 11:27). Ибо здесь не обвиняет Духа в неведении, но свидетельствует, что в Отце в первом есть ведение Его естества. Так, думаю, и сие: *никтоже веси* (Мф. 24:36), сказано потому, что Господь первое ведение настоящего и будущего приписывает Отцу и во всем указывает на первую причину. Иначе каким образом изречение сие или соответствует прочим свидетельствам Писания, или может быть соглашено с общими нашими понятиями, когда веруем, что Единородный есть образ Бога невидимого, образ же не телесного очертания, но Самого Божества и величий, представляемых принадлежащими Божией сущности, образ силы, образ премудрости, поколику Христос именуется *Божией силой и Божией премудростью* (1Кор. 1:24)? Без сомнения же, ведение есть часть премудрости, и Сын не изображает в Себе всей премудрости, если не достает Ему чего-нибудь. Да и как Отец Тому, *Имже веки сотвори* (Евр. 1:2), не показал малейшей части веков, того дня и часа? Или каким образом Творцу всяческих

недостает ведения малейшей части сотворенного Им? Как не знает самой кончины Тот, Кто говорит, что пред приближением кончины явятся такие и такие знамения на небе и по местам на земле? Когда говорит: *не тогда кончина* (Мф. 24:6), не как сомневающийся, но как знающий определяет время. Притом, если вникать благомысленно, то Господь многое говорит людям от Своего человечества, например: *даждь Ми пити* (Ин. 4:7) – слова Господа, выражающие телесную потребность. Впрочем, Просящий был не плоть неодушевленная, но Божество, приявшее одушевленную плоть. Так и теперь, кто приписывает неведение Приявшему все на Себя по домостроительству и Преуспевающему *премудростью и благодатию у Бога и человек* (Лк. 2:52), тот не уклонится от благочестивого разумения.

Толкование св. Григория Богослова на 32 стих 13-й гл. Евангелия от Марка

Никто не знает последнего дня или часа, ни Сам Сын, токмо Отец (Мк. 13:32). Для всякого явно, что Сын знает как Бог, приписывает же Себе незнание как человек, поколику только видимое может быть отделяемо от умопредставляемого. Таковую мысль подает и то, что наименование Сына поставлено здесь отрешенно и безотносительно, то есть без присовокупления: чей Он Сын, чтобы разумели мы сие неведение в смысле более сообразном с благочестием и приписывали оное человечеству, а не Божеству. Итак, если достаточно сего объяснения, остановимся на нем и не будем входить в дальнейшие исследования, а если нет, представим и второе толкование. Как все прочее, так и ведение важнейших тайн относи к Причине из уважения к Родителю. Но мне кажется, что и тот составил себе не низкое понятие, кто, с одним из наших любословов, стал бы читать сие место так: и Сын не по иному чему знает день и час, как потому, что знает Отец. Ибо какое из сего заключение? поскольку знает Отец, а посему знает и Сын, то явно, что ни для кого сие неизвестной непостижимо, кроме первой Причины.

Толкование св. Иоанна Златоуста

(Мф. 24:36)

Беседа на Евангелие от Матфея

О дни же том и часе никтоже вест, ни Ангели небесны, ни Сын, токмо Отец един. Словом *ни Ангели* Иисус Христос научает учеников Своих, чтобы они не старались узнать того, чего не знают и самые ангелы. Словом *ни Сын* возбраняет им не только знать, но и спрашивать об оном. Что слова сии сказаны Им с сим намерением, познай из того, что по воскресении с большею силою воспретил им любопытство, когда заметил, что они излишне предаются ему. Теперь положил многие и бесчисленные признаки, а тогда сказал просто: *несть ваше разумети времена и лета* (Деян. 1:7). И дабы ученики не сказали: вот нас презирают за наше недоумение, и ужели мы того достойны, для сего Он и присоединяете *яже Отец положи во Своей власти*. Если бы это было не так, если бы в самом деле Сын Божий не знал о времени кончины, то когда же бы Он узнал оное? Вместе с нами? Но кто станет утверждать это? Он знал Отца так, как и Отец Сына, и ужели не знал о последнем дне? Сверх сего *Дух испытует и глубины Божия* (1Кор. 3:10). А Сын будто бы не знал и времени суда? Он знал, каким образом должно судить, знал тайны каждого; возможно ли же, чтобы Он не знал того, что менее важно? Если *вся тем быша, и без Него ничтоже бысть*, то может ли быть, чтобы Он не знал одного дня? Ибо если Он сотворил веки, то сотворил и времена; если сотворил и времена, то, без сомнения, сотворил и день. Как же Ему не знать сего дня, который Он сотворил?

Толкование на слова: два будета на селе

(Мф. 24:40)

Св. Ефрем Сирий

Слышал ты, что *два будета на селе: един поемлетя, а другой оставляется. Две мелюще в жерновах: едина поемлетя, и едина оставляется. Двое на крове* и так далее. Стоящие на крове – это люди на высоте почестей: судии, правители, цари, властелины. Ибо есть судия праведный и есть

судия неправедный; и праведный изъе́млетсЯ из огня, а неправедный оставляется. А находящиеся *на селе*, то есть в мире сем, это земледельцы, люди необразованные и незначительные по роду и богатству, прославленные и непрославленные, и одни праведные, а другие неправедные. И праведные поемлются, а неправедные оставляются в огне. *Мелю́щия* же – это все множество жен, а в частности, и души, принявшие на себя рабское иго и окончившие жизнь в немощи. Ибо есть жены праведные и неправедные, есть и рабы праведные и неправедные. Есть и немоществующие праведные, каковы Иов и Лазарь, а также и неправедные, каковы Каин и Гиезий. Посему говорит: *Два будет на одре* (Лк. 17:35), означая их немощь. Праведные поемлются, а неправедные оставляются. Как поемлются праведные, пусть скажет сие Павел: *Живущии о Господе восхищены будут на облацех на воздусе и всегда с Господом будут* (1Фес. 4:17). Как оставляются неправедные? Ангелы соберут избранных от четырех ветр (Мф. 24:31), а нечестивых сожгут огнем неугасающим (Мф. 3:12).

Не предполагай, что неугасимый огонь мучения будет от дров и что распалять его будут какие-либо приставники, как думают пустословящие в народе. Но обрати взор на Содом и посмотри на пещь, в которой нет дров. Представь себе окаменение жены, и подивись огненному прещению. Вместе были тогда Лот и жена и две дочери, но Лот с дочерьми не истреблен огнем, а жена не избежала огненного прещения. Суд Божий предоставил каждого собственному его жребию. Так и на суде. Праведные поемлются, как Лот, а неправедные оставляются, как жена его.

**Прп. Исидора Пелусиота толкование на
слова: *в ночь сию будета две мелюще***

(Мф. 24:41)

Чинами ангельскими и ликом апостолов судятся человеческие преднамерения, потому что от первых отлучен их предстоятель, а от последних – предатель. То же самое, как

найдешь, совершается и ныне: одни напрягают силы и пребывают во бдении, другие же расслабевают от лености и нерадения; из них-то, когда Господь приходит во славе Своей, одни поемлются, другие оставляются.

О том же

В сказанном: будут две мелюще в одном жернове, – *едина поемлетя, и едина оставляется*, – под жерновом разумеи коловратность настоящей жизни, которая, ни на минуту не останавливаясь, течет мимо нас и со скоростью жернова все изменяет, а под двумя мелющими – как бы различие жизни в одном и том же или чине, в подвижничестве ли то, или девстве, или воздержании, или целомудрии или страннолюбии, или вере; так как многие посвящают себя на это, но не все с одинаковым намерением: одни преуспевают в добродетелях ради будущего воздаяния, а другие добродетельны напоказ. И последние восприемлют награду свою в здешних похвалах и оставляются при жернове, а первые поемлются.

Мысли свт. Феофана на 42 стих 24-й главы Евангелия от Матфея

Бдите, яко не весте, в кий час Господь ваш приидет (Мф. 24:42). Если бы это помнилось, не было бы и грешников; а между тем, не помнится, хоть и всякий знает, что это несомненно верно. Даже подвижники самые строгие, и те не сильны были свободно держать память об этом, а ухитрялись прикреплять ее к сознанию, так, чтобы она не отходила: кто гроб держал в келии, кто упрашивал сотоварищей своих по подвигу спрашивать его о гробе и могиле, кто держал картинки смерти и Суда, кто еще как. Не касается души смерть, она и не помнит ее. Но всячески, не может же не касаться души то, что тотчас следует за смертью; уж об этом-то она не может не иметь заботы, так как тут решение ее участи на веки вечные. Отчего ж этого-то она не помнит? Сама себя обманывает, что не скоро и что авось как-нибудь дело пройдет не худо для нас. Горькая! То уж несомненно, что которая душа держит такие мысли, та нерадива и поблажает себе, – так как же думать, чтобы дело

суда прошло для нее благоприятно? Нет, надо так себя держать, как держит ученик, которому предстоит экзамен: что ни делает он, а экзамен нейдет из головы; такое памятование не позволяет ему и минуты понапрасну тратить, а все время употребляет он на приготовление к экзамену. Когда бы и нам так настроиться!

Мысли свт. Феофана на 6 стих 21-й гл. Евангелия от Луки

«Мысли на каждый день года»

Ученики указывали Господу на красоту здания и утварей храма; а Он сказал: *приидут дние, в няже не остане камень на камени, иже не разорится*. Это подпись всему красному мира сего. На вид кажется прочно и вековечно; но день-другой, смотришь, как ничего не бывало: и красота увядает, и силы истощаются, и слава меркнет, и умы изживаются, и одежда изнашивается. Все в себе самом носит силу разрушительную, которая не лежит, как семя неразвитое, а состоит в непрестанном действии, и все течет к своему концу. *Преходит образ мира сего. Убо образам ходит человек, сокровиществует и не весть, кому соберет я*. А мы все суедемся, все хлопочем, и хлопочем, и хлопотам нашим конца нет. Встречаем кругом себя постоянные уроки, а все свое, – словно слепы и ничего не видим. Да и правду сказать, что слепы или ослеплены: и себе, и ничему окружающему нас и владеемому нами, конца не чаем. И что еще? Обставившись, как нам представляется, хорошо, уверены, что стоим твердо, как на утесе; тогда как положение наше скорее похоже на то, как если бы мы стояли на трясине: вот-вот провалимся. Но не чуем этого и предаемся беспечному наслаждению текущим, как будто всегда имеющим пребывать. Помолимся же, да откроет Господь умные очи наши, и да узрим все, не как оно кажется, а как оно есть.

Род премудрости последователей Иисуса Христа

(Лк. 21:13–15)

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова в храме св. мученицы Татианы при Московском университете

Прилучится же вам во свидетельство. Положите убо на сердцах ваших, не прежде поучатися отвещавати: Аз бо дам вам уста и премудрость (Лк. 21:13–15). Чтобы трудная встреча с бедствиями не сделалась сугубо трудною от их нечаянности, Христос Спаситель предварил об них Своих последователей: *Возложат на вы руки своя и ижденут, предающе на сонмища и темницы, ведомы к царем и владыкам, имене Моего ради; и присовокупил: Прилучится же вам во свидетельство.* То есть гонения за веру должны привести вас к тому, чтобы засвидетельствовать. О чем? Очевидно, об истине веры Христовой, о Божественной силе Христовой. Заметим, что из сего изречения Христова древнею Церковию заимствовано наименование *свидетеля* для означения *мученика*, так что на греческом языке *мученик* не иначе называется, как *свидетелем*. Можно догадаться, что для свидетельствования о Христе среди сонмищ иудейских, вооруженных законом и преданиями, и пред лицом царей и владык языческих, действующих лжемудрованием, лестью, силою и яростью, потребна была немалая мудрость. Но на что догадка? Сие видно из продолжения слова Христова: *Положите убо на сердцах ваших, не прежде поучатися отвещавати: Аз бо дам вам уста и премудрость, ейже не возмогут противитися или отвещати вси противляющиеся вам.* Что Христос Спаситель обещал, то, без сомнения, и делом исполнил. Итак, Он мученикам дал, и они имеют *премудрость*, победоносную над всем, что ей противоборствует.

Но что за род премудрости у мучеников? Какой состав ее? Как определить ее? Книга Премудрости изображает премудрость следующими главными чертами: *целомудрию и разуму учит, правде и мужеству, ихже потребнее ничтоже есть в житии человеком (Прем. 8:7).* И вот черты премудрости, которые прекрасно и величественно светят в словах, деяниях и страданиях мучеников христианских.

Не высок ли *разум* или *благорассуждение* является у них, когда они, вопреки наследственным предрассудкам, уразумели нелепость многобожия, познали единого истинного Бога, усмотрели неудовлетворительность внешнего иудейского закона, открыли потребность благодати Христовой и ее Божественную силу и действительность?

Как совершенно их *целомудрие* или воздержание, когда они отреклись не только от всех страстных чувственных удовольствий, но большею частью и от невинных; и не только не искали удовольствий, но решались на жесточайшие страдания, чтобы сохранить чистыми мысль, совесть, сердце, душу и тело!

Как строга их правда или праведность, когда словом: «Я не христианин», или даже одним молчанием, они могли бы избавиться от страданий и смерти, но они не хотели ослабить правды ниже словом, ниже молчанием; или когда, например, один из них, которому вложили в руку фимиам и насильно поднесли ее на языческий алтарь, допустил жечь сию руку, но не разжал перстов, чтобы фимиам не упал на алтарь, что удовлетворило бы истязателей и избавило бы его от мучения; или, когда, перенося несправедливые и жестокие оскорбления, лишения, истязания, не только не помышляли они об отмщении, но и оказывали гражданской и государственной власти гонителей точное повиновение во всем, что не противно закону Божию и нравственному!

Как величественно их мужество, когда язычество сражалось с ними угрозами, хулениями, бичами, разными орудиями пытки, огнем, раскаленным железом, кипящим маслом, мечем, но победа доставалась никому не уязвляющему оружию веры и любви Божией и терпения; когда, например, святой Лаврентий, лежа одним боком на раскаленной сковороде, сказал мучителям: «Сожжено; оборотите на другой бок», – или когда святой Иаков Персиянин, которому отсекали члены один за другим, при отсечении каждого члена произносил славословие Богу, как свойственно победителю!

Жребий мученичества не для всех; но мученическая мудрость не для одних мучеников. Она спасла и прославила их

и светит всем на пути истины и спасения.

В терпении вашем стяжите души ваша

(Лк. 21:19)

«Воскресное чтение», 1801

Совет ли это или повеление? Как примешь: совет, если захочешь слушать охотно, с любовью; повеление, когда имеешь слух слабый и тугой. Впрочем, совет ли это, повеление ли, только это непременно должно выполнять.

«Стяжать душу?... Но разве мы без души?»

Видно, что так! у каждого из нас есть душа, но не такая, какой быть должно. Истинной души человеческой во многих нет. Есть ли душа у завоевателя, когда он для удовлетворения пустым видам своей гордости проливает реки крови, предаёт огню города и села? Есть ли душа у скупца, который, имея у себя миллионы, проходит мимо больного нищего, не подав ему не копейки? Какая душа у сластолюбца, когда он, предавшись скотским удовольствиям, сделался весь плотию и кровию?

Итак, надобно стяжать душу, то есть приобрести ее и купить.

Но разве душа продается? Где, у кого и как? Собственно, в одном месте: у Бога. Он один может дать нам сердце новое, ум новый и новую душу. Почему те, кои стяжали душу, и называются *новою тварию, созданною по Боге в правде и преподобии истины, созданными во Христе на дела благая*.

У одного Бога можно стяжать душу, но чтобы нам удобнее было стяжать ее, когда только захотим, то Господь открыл нам возможность к тому по разным ближайшим к нам местам. Душу стяжать можно везде: во храме и на торжище, в больнице и темницах, из рук пастырей и нищих, из рук друзей и врагов наших.

Поступать в сем случае, как показывает выражение Спасителя, надобно подобно тому, как мы поступаем в приобретении земных сокровищ.

Как поступает желающий обогатиться? Он не тратит напрасно времени; одно у него на уме и сердце: как бы

приобрести что-нибудь. Благоприятные случаи к тому, времена и места ему все известны, и он не пропустит ни одного.

Подобно сему должно поступать и в стяжании души. Ты узнал, что там-то живет беспомощное семейство; спешి туда с помощью: там можно приобрести душу. Тебя обидели напрасно, чувствительно, не мсти, а воздай любовью – этим стяжешь свою душу. Таким образом, ныне приобретешь одну, завтра другую добродетель; а добродетели суть члены, из коих составляется истинный образ души человеческой.

Все это, явно, требует терпения. Без терпения нельзя разбогатеть и в земном отношении, кольми паче в духовном. Чем выше вещь, тем дороже; а чем дороже, тем труднее приобретается. поскольку же душа дороже всего мира, то – *в терпении вашем стяжите души ваша!*

Толкование на 24 стих 21-й гл. Евангелия от Луки

Леонтий, архиеп. Варшавский. Из Слова в Неделю Ваий. «Слова и речи»

Господь сказал: *Иерусалим будет попираем языки, Дóндеже скончаются времена язык (Лк. 21:24)*. Вот где заключается и решается дальнейшая судьба Иерусалима и вообще Святой земли! Долго она находилась и теперь давно находится под владычеством мусульман, поклонников Магомета. Христианские государи заботились об освобождении святого града и всей Палестины от владычества неверных, от ига мусульманского, но заботы их, надежды их не оправдались. Так называемые крестоносцы завоевали Святую Землю, но христианское царство Иерусалимское недолго устояло и пало пред оружием турок, как бы в доказательство, что царства земные созидаются и разрушаются не по расчетам человеческим, а по воле Божией. Западные крестоносцы под знаменем римского католицизма оказались по своим действиям недостойными обладать Святою Землею, желая искоренять там древнее Православие, которое хранится там неповрежденным при окружающем его неверии и нечестии в продолжение веков в

чистоте. Неоднократно и Россия желала освобождения христиан от владычества турецкого; неоднократные походы русских воинов со времен Петра I не достигли вполне цели, хотя время от времени ослабляли силу мусульманскую. Еще недавно, около двенадцати лет тому назад, русские стояли, можно сказать, у самых врат Константинополя, центра турецкого владычества и, кажется, могли беспрепятственно достигнуть прекращения власти, тяжелой для христианского сердца. Но вышло иное, против ожиданий человеческих. Объясняйте это, как хотите, а верно одно: *не у прииде час* (Ин. 2:4), назначенный Промыслом Божиим для освобождения дорогой всем христианам земли. Доколе же, Господи? Когда настанет этот час? Ответ готов ясный: *Дондеже скончаются времена язык* (Лк. 21:24), то есть когда войдет в Царство Христово полное число язычников (Рим. 11и д.). Когда же? Это известно единому Богу. Нам остается только благоговеть пред судьбами Божиими и в терпении ожидать исполнения Божественных предопределений, для нас неведомых, скоро ли или еще нескоро они исполнятся.

О значении скорбей в жизни человека

(Лк. 21:31)

«Воскресное чтение», 1811

Егда узрите сия бывающа, ведите, яко близ есть Царствие Божие (Лк. 21:31). Представить картину бедствий, имеющих постигнуть род человеческий пред концом мира, Спаситель заключает: *Егда узрите сия бывающа, ведите, яко близ есть Царствие Божие*. Не те ли же признаки приближения Царствия Божия и к каждому человеку в частности, еще прежде предсказанного Спасителем времени? Бедствия и страдания, на кои так малодушно иногда смотрит человек, не возвещают ли души о скором воцарении в ней Христа Спасителя, если только она, подобно мудрым девам, встретит Его надлежащим образом приготовленной? По большей части скорби, и самые тяжкие, поражают тех, в коих Господь находит довольно сил к перенесению их и много добрых дел, достойных того богатого воздаяния, какое всегда следует за испытанием. С другой

стороны, и диавол, предвидя скорое уничтожение своей власти над душою испытываемого любовью Божиею, устремляет на нее все свои стрелы, как устремит их некогда, в последние дни мира, со всею яростью и ожесточением на остаток избранных Божиих. И чем мужественнее душа будет стоять во искушении, тем ближе помощь свыше. Итак, не должно ли назвать жалким ослеплением, что многие из нас не только не переносят терпеливо постигающих несчастий, но еще ропщут на правосудие и милосердие Божие? Немым, но сильным обличением для них в сем случае должна служить самая внешняя природа. Ибо и в ней после бурь и непогод всего естественнее ожидать ясных дней, благорастворенного воздуха, полного, торжественного веселия природы. И душа после скорбных ощущений светлеет, умягчается и чрез то делается способна к сильнейшим впечатлениям радости. То же бывает и в жизни благодатной. Радость спасения не имела бы такого усладительного действия на душу, если бы она не была предварена и уготована тернистым путем искушений. Итак, егда узрите тяготу несчастий, обрушившихся на вас, ведите, яко близ к вам Царствие Божие!

Против невождержания

(Лк. 21:34)

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова на Сырной Неделе

Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапно день той (Лк. 21:34). Если настоящее назначение пищи и питания есть поддержание и возобновление телесного состава, который неприметным образом непрестанно снедает тление, а вкус пищи и приятность питию даны как средства для сей цели; то каждый кусок пищи сверх утоления голода, снedaемый для вкуса, есть доля объядения; каждый глоток питания после угашения жажды и после ободрения сил, употребляемый для приятности, принадлежит к чаше пьянства.

Что же суть наши столы, на которых трудно перечесть различные роды пищи, трудно угадать их состав; трудно

упомнить названия различных родов питания. Не хитросплетенные ли сети, которые мы расставляем друг другу, чтобы уловить в объядении, хотя иногда очень тонком, и в пьянство, хотя с виду трезвом? И не заметишь, как перейдешь от ядения к объядению, как простое употребление питания превратится в пьянство. Надобно прилежно смотреть за собою. Внемлите себе.

Восклонись, несчастный поклонник чрева, и если ты не можешь вдруг выше себя вознести глаз твоих, стань прямо перед зеркалом и посмотри, не написан ли на самом тебе закон против раболепства чреву? Не видишь ли, что выше чрева твоего есть грудь, в которой живет сердце, желающее добра, чувствующее любовь; что над нею еще возвышается глава, в которой царствует ум, созерцающий истину, разум, мыслящий о вероятностях; что под тою и другою, как бы под небом и землею ад, низвержено темное чрево, не умеющее ни мыслить, ни желать? Много ли нужно проницания, чтобы заметить, что оно не владычествовать должно над высшими областями, но быть в служении, в порабощении, в презрении? Если, напротив, ты стараешься более и более угождать чреву в том, чего оно слепо требует, для него желаешь, для него вымышляешь; то берегись, чтобы оно не сделалось сильнее и выше головы, и своею безобразною тяжестью не стало стеснять и подавлять благороднейших действий ума и сердца. *Внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством.*

Под именем сердца Господь понимает вообще *внутренность* человека, что можно видеть из Его собственного другого изречения, в котором Он сии слова соединяет, изъясняя одно другим: *извнутри бо, глаголет, от сердца человека исходят помышления злая*. Итак, под именем сердца, как внутреннейности вообще, в изречении Господнем разуместь должно духовные силы человека с их действиями и совершенствами, в особенности разум, силу хотеть и способность познавать. Смотрите, на что, наконец, может обрушиться подавляющая тяжесть пресыщенного чрева. *Внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша.*

Пресыщением отягченное чрево, как гиря, висит под крылами духа и тянет его к земле, так что при всех усилиях он более бьется о землю, нежели взлетает к небу.

Ужасным бедствием угрожает Господь чревоугодникам. *Найдет, говорит, на вы внезапно день той.* Какой день? – День, которого только малый образ, только предвещание показано было в грозный день Содома, день, который угрожает не одному или несколькими роскошным и сладострастным городам, но целой вселенной, который заставит *издыхать человеков от страха и чаяния грядущих на вселенную.* Господь неоднократно внушает нам, что сей страшный день особенно нечаянно постигнет тех, которые преданы невоздержанию, роскоши, попечению о выгодах и приятностях жизни. *Якоже бо, говорит, бежу во дни прежде потопа, ядущи и пьюще, женящиеся и посягающе, до негоже дне вниде Ное в ковчег: и не уведеша, Дóндеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческого (Мф. 24:38–39).* И еще говорит: *якоже бысть во дни Лотовы: ядяху, пяху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху: в оньже день изыде Лот от Содомлян, одожди камык горящ и огонь с небесе и погуби вся: по тому же будет и в день, в оньже Сын Человеческий явится (Лк. 17:28, 30).*

Поистине, людям, которых гортань отверзается не для того, чтобы воспевать славу Божию или изрекать пред Богом желания сердца, но для того, чтобы, подобно гробу, поглощать и обращать в тление все, что лучшего живет и растет на земле; которые проводят половину жизни в труде обременять свое чрево, а другую в труде влачить сие бремя; у которых вино волнует кровь и отуманивает голову, где им помышлять о делах небесных, прозирать в сокровенные судьбы Божии, вникать в слова пророческие, примечать значения времен, стоять на страже в ожидании грядущего Царствия Божия, которое совсем не про них; поскольку оно *не есть брашно и питие?*

Мысли свт. Феофана

(Лк. 21:34)

«Мысли на каждый день года»

Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством и печалеми житейскими, и найдет на вы внезапно день той. День той, то есть последний день мира или каждого из нас, приходит, как тать, и захватывает, как свет; потому и предписывает Господь: бдите убо на всяко время молящися. А так как сытость и многозаботливость – первые враги бдения и молитвы, то наперед еще указано, чтобы не допускать себя до отяжеления пищею, питьем и печальми житейскими. Кто поел, попил, повеселился – спать, выспался и опять за то же, у того какому быть бдению? Кто и день и ночь занят одним житейским, тому до молитвы ли? «Что ж, – скажешь, – делать? Без пищи нельзя, и ее надо добыть. Вот и забота». Да Господь не сказал: не работай, не ешь, не пей, а да не отяготится сердце ваше этим. Руками работай, а сердце держи свободным; есть – ешь, но не обременяй себя пищею; и вина выпей, когда нужно, но не допускай до возмущения головы и сердца. Раздели внешнее твое от внутреннего, и последнее поставь делом жизни твоей, а первое приделком; там будь вниманием и сердцем, а здесь только телом, руками, ногами и глазами: бди на всякое время молящися, да сподобишься не боязненно стать пред Сыном Человеческим. Чтобы сподобиться этого, надо здесь еще, в жизни своей, установиться пред Господом, а для сего одно средство – бодренная молитва в сердце, совершаемая умом. Кто так настроится – на того не найдет день той внезапно.

25-я гл. Евангелия от Матфея и параллельные

Притча о мудрых и юродивых девах

(Мф. 25:1–13)

Св. Ефрем Сирийский

Пришествие Жениха означает день будущего Христова пришествия; вышедшие во сретение девы означают всех достигших конца.

Сон значит, что все почившие равны; смерть уравнивает всех, подвергая одинаковому тлению.

Вопль, бывший в полунощи, пробудивший дев, – это глас воскресения, который возгремит при конце и воскресит нас.

Вопль был в полунощи; это значит, что в полночь придет Жених обручиться с нами, как обыкновенно женихи ночью поемлют обрученных своих.

И мудрые, и юродивые восстали вместе, сим показывается всякому, что восстанут все.

Пятью светильниками, в которых оскудел елей, изображаются те, которые скудны были милосердными; и поскольку сами не были милостивы, не будут они помилованы на будущем суде.

Мудрые не хотели продать елея юродивым; это ясно показывает нам, что там не место молитве о щедротах.

Сказанное в ответ мудрыми *еда како не достанет и нам и вам* – дает разуметь, что здешние труды наши весьма малы в сравнении с тамошним воздаянием.

Юродивых посылают купить елея, если только можно найти его; это показывает, что в стране той получают помилование одни те, которые сами были милостивы.

Жених пришел до возвращения отшедших; это показывает наше неведение, ибо не знаем, когда приидет Он.

Мудрые вошли с Женихом, и заключена за ними дверь; это – праведники, которые входят и упокоиваются в мирной пристани.

Юродивые остались за дверьми царства; это грешники, которые оставляются на земле, чтобы могли еще оправдаться.

Написано, что юродивые зывали: «Господи, Господи наш!» Это выражает надежду, что и согрешивших щедроты Божии помилуют, может быть, ради трудов их; и потому самому, что осуждены они еще без исследования, могут надеяться, что Милосердый не презрит, может быть, добрых их дел. Жених на вопль их отвечал им: *не вем* – это показывает, что Господь не приемлет такой любви, которая не соединена с милосердием к Его возлюбленным.

Не вем вас – не знаю, кто вы, сказал Господь наш юродивым девам; – это значит, что несовершенно то благоизволение, в котором нет милосердия к нуждающимся.

Дверь заключена для тех, которые остались вне и не вошли с Женихом; это – горнее небо, которое, по Божию мановению, будет заключено, как скоро войдут туда добрые.

Сие мановение есть огонь, который искусит добрых и злых и пламенем любви Божией разлучит праведников с нечестивыми.

Велико будет разделение между теми и другими, неизмеримо расстояние между высотой и глубиной.

Горняя обитель праведников будет неизмеримо выше всякой высоты, и глубина, куда низринутся грешники, будет глубже всякой глубины.

Зрелище света прекраснее всякой красоты, и зрелище человека, отверженного Женихом, гнуснее всего, что ни есть гнусного.

Ничто не сравнится с славой сынов света, и нет ничего подобного мраку сынов тьмы.

Светлость и тьма да научат каждого, какими делами должно заниматься в течение здешней жизни.

В чем состоит истинная мудрость?

(Мф. 25:1–13)

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова в день тезоименитства Государя Императора

Известна вам евангельская притча о мудрых и юродивых девах. Она возбуждает к мудрости не каких-либо избранных подвижников знания, но всех нас. И мудрые, и юродивые девы имели светильники и свет. Чем же отличались и

преимуществовали мудрые? Тем, что сверх того имели елей в сосудах для поддержания света. Свет светильника есть знание ума; елей в сосуде – любовь к добру в сердце. Когда, по истощении времен, отверзнутся двери вечности и явится небесный Жених, свет земного знания угаснет вместе с земною жизнью и с нетлением светильника, то есть преходящих предметов знания. Но душа мудрая, которая благовременно наполняла свой духовный сосуд живою и деятельною любовью, во-первых, к верховному добру, к Богу и Христу, а последовательно и ко всякому добру, помощью сего духовного елея воспламеняет и украшает свой светильник небесным, неугасающим светом, с которым некоснеюще и верно стопою вдет в сретение Божественного Жениха Христа и приемлется в чертог вечной радости.

Любите свет; но не забывайте и елея, которым он питается. Любите знание и мудрость, но не забывайте и добродетели, которою живет мудрость и которая даже есть самая мудрость, как учит многоиспытанный мудрец Иов: *се благочестие есть премудрость, а еже удалятися от зла, есть ведение* (Иов. 28:28).

Значение притчи о десяти девах

Свт. Феофан. «Мысли на каждый день года»

Святой Макарий так изображает смысл притчи: «Мудрые пять дев трезвясь, поспешив к необычайному для своего естества, взяв елей в сосуде сердца своего, то есть подаваемую свыше благодать Духа, возмogli войти с Женихом в небесный чертог. Другие же юродивые девы, оставшиеся при собственном своем естестве, не трезвились, не постарались, пока были еще во плоти, взять в сосуды свои елей радости, но, по нерадению или по самомнению о своей праведности, предались как бы сну; за это и не допущены в чертог царства, не возмogli благоугодить небесному Жениху. Удерживаясь мирскими узами и земною как бы любовью, не посвятили они небесному Жениху всей любви своей и приверженности и не принесли с собою елея. А души, взыскавшие необычайно для естества святыни Духа, всею своею любовью привязаны к

Господу, с Ним ходят, от всего отвращаясь, к Нему устремляют молитвы и помышления, за что и сподобились приять елей небесной благодати. Души же, оставшиеся в естестве своем, по земле пресмыкаются помыслом, о земле помышляют, и ум их на земле имеет жительство. Сами о себе думают они, что принадлежат Жениху и украшены плотскими оправданиями, но, не прияв елей радости, не возродились они Духом свыше».

Притча о талантах

(Мф. 25:14–30)

Блж. Иероним. «Воскресное чтение», 1818

Человек некий отходя, призва своя рабы и предаде им имение свое, и овому убо даде пять талант, овому же два, овому же един, комуждо противу силы его, и отъиде абие.

Этот, предавший своим рабам имение свое, человек есть Иисус Христос, Который пред Вознесением Своим к Отцу предал евангельское учение Своим апостолам и соразмеряет дарования с силами приемлющих. А что в награде Он сравнивал приобретшего два таланта с приобретшим десять, то это потому, что Господь ценит не количество добрых дел наших, но усердие, с коим мы делаем оные. Под именем пяти, двух и одного таланта надобно разуметь или разные дары благодати, которые Господь сообщил нам, или под именем первых – наши пять чувств, под именем вторых – разумение и дела, а под именем третьего – разум, коим мы отличаемся от животных.

Шед же приемый пять талант дѣла в них и сотвори другия пять талант; то есть посредством телесных чувств приобрел познание о небесных предметах, уразумев из рассматривания тварей свойства Творца, из рассматривания телесных, видимых и временных – предметы духовные, невидимые и вечные.

Такожде и иже два, приобрѣте и той другая два.

Подобным образом и сей, что узнал, по мере сил, из закона, усугубил чрез Евангелие или уразумел, что дела и ведение настоящей жизни суть прообразы будущего блаженства.

Приемый же един, шед вкопа его в землю и скры сребро господина своего.

Непотребный же раб презрел заповеди Господни, потому что был предан земным делам и мирским удовольствиям. У евангелиста Луки говорится, что он, сребро господина положи в убрусе (Лк. 19:20), то есть живя сладострастно и роскошно, соделал бесплодным учение Господа.

По мнозе же времени прииде господин раб тех и стязася с ними о словеси.

Много времени пройдет между вознесением Господним и днем второго Его пришествия. Но если самые апостолы дадут отчет в делах своих, то что будет с нами?

И приступль пять талант приемый, принесе другия пять талант, глаголя: господи, пять талант ми еси предал, се другия пять талант приобретох ими. Рече же ему господь его: добре, рабе благий и верный: о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость господа твоего. Приступль же и иже два таланта приемый, рече: господи, два таланта ми еси предал: се другая два таланта приобретох има. Рече же ему господь его: добре, рабе, благий и верный: о мале был еси мне верен, над многими тя поставлю: вниди в радость господа твоего.

Надобно заметить, что блага настоящей жизни, как бы они ни казались велики и многочисленны, в сравнении с благами будущими малозначительны. Господин обоим сим рабам сказал одно: вниди в радость господа твоего, то есть получи то, чего око не видало, ухо не слыхало и что не восходило на сердце человеку. Для верного раба более сей не может быть другой награды, потому что быть с Господом и видеть радость Господа Самого есть самая высшая награда.

Приступль же и приемый един талант, рече: господи, ведях тя, яко жесток еси человек, жнеши, идеже не сеял еси, и собираеши, идеже не расточил еси. И убоявся, шед скрых талант твой в земли: и се имаши твое.

Справедливо Давид молил Господа не уклонить сердце его в словеса лукавствия непщевати вины о гресех (Пс. 140:4). Ибо что сделал этот раб, думая оправдать свою леность и небрежение? Впал в гордость. Ему просто надобно бы было признаться в своем нерадении и просить господина о

помиловании, но он стал клеветать на него и доказывать, что благоразумно сделал, скрыв серебро своего господина, побоявшись, чтобы оно не пропало, если пустится в оборот.

Отвещав же господь его рече ему: лукавый рабе и ленивый, видел еси, яко жну, идеже не сеях, и собираю, идеже не растахих. Подобаше убо тебе вдати серебро мое торжником: и пришед аз взял бых свое с лихвою. Возьмите убо от него талант и дадите имущему десять талант. Итак, сему рабу обратилось в вину то самое, чем он думал оправдаться. Господь назвал его лукавым рабом, потому что он клеветал на Господа; ленивым, потому что не хотел усугубить данного ему таланта. «Если ты знал, – говорит ему, – мою жестокость и что я чужое взыскиваю и жну там, где не сеял, то это самое должно было убедить тебя в том, что я тем строже взыскал бы свое, если бы ты отдал серебро мое торжникам». Под именем серебра здесь разумеется евангельское учение, как это видно из слов псалмопевца, который словеса Господни называет *сребром разжженным, искушенным и очищенным седмицею* (Пс. 11:7); а под именем торговцев разумеются или учителя церковные, пресвитеры и епископы, которым апостолы заповедали учить народ, или все верующие, которые могут это серебро Господне умножить и возратить с прибылью, исполнив самым делом то, чему научены. Взятый от ленивого раба талант отдается представившему десять талантов. Это показывает, что большую награду заслуживает более трудившийся. Так и апостол говорит: *прилежащии добре пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающися в слове и учении* (1Тим. 5:7).

Имущему всегда дано будет, от неимущего же, и еже мнится имея, взято будет от него.

Эти слова значат, что люди, имеющие от природы отличные дарования, лишаются естественного блага, если они ленивы, недейтельностью повреждают свое дарования, и обещанная им награда переходит к таким людям, кои хотя меньшие в сравнении с ними получили от природы дарования, но естественный недостаток вознаградили трудом и старанием.

Можно их и так понимать: человек, имеющий веру и усердие благоугодить Господу, получает от Господа и силы самым делом исполнять свое желание; а кто не имеет веры, тот и прочие добродетели, какие, по-видимому, имел по естеству, потеряет.

И неключимого раба вверзите во тму кромешную; ту будет плачь и скрежет зубом. Господь есть свет; посему, кто посылается прочь от Него, тот лишается света.

Вопрос и ответ св. Василия Великого на 15 стих 25-й гл. Евангелия от Матфея

Что такое талант, и как нам преумножать его? (Мф. 25:15).

Думаю, что притча сказана о всяком даре Божиим, чтобы всякий, какую бы благодать от Бога получать ни удостоился, приумножал ее, обращая в благодеяние и в пользу многих; потому что никто не лишен части в Божией благодати.

Толкование св. Ефрема Сирина на слова: *имущему дано будет и преизбудет*

Творения св. Ефрема Сирина, ч. 2

Написано: *Имущему дано будет и преизбудет: от неимущего же, и еже мнится имея, взято будет от него* (Мф. 25:29). *Что убо речем? Еда неправда у Бога? да не будет* (Рим. 9:14).

Выслушай на сие притчу. В некоторой стороне был владетель дома, у которого были два раба и три пары волов; и он дал одному рабу две пары волов, а другому одну, и сказал им: «Пойдите работайте, пока не приду к вам». Получивший две пары пошел, работал на волах, и сам весьма разбогател, и волов откормил на удивление. А получивший одну пару пошел, привязал волов к яслям, и вовсе ни на что не употреблял их, сам же лег и уснул. Потом приходит господин рабов тех посмотреть на работы их.

И, увидев работу и прибыль получившего две пары, благословил его. После того приходит и к другому рабу и находит его спящим, а волов привязанными к яслям и

истомленными от голода и жажды. И когда господин раба сего увидел, что он ничего не делал, а волы истомлены, тогда сказал сам в себе: «Если оставлю волов своих у этого ленивого раба, погубит он их; поэтому отниму у него волов своих и отдам хорошо работавшему и радевавшему о деле своем»: *имущему бо везде дано будет, и преизбудет: от неимущего же, и еже мнится имея, взято будет от него.*

И Господь также говорит: «Я по благодати призвал его и дал ему возможность, чтобы, делая доброе, приобрел он жизнь вечную: он же уничтожил Меня; за то и сам будет лишен чести». *И человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им (Пс. 47:13). И не восхоте благословения, и удалится от него (Пс. 108:17).* За что же именно? За то, что *не восхоте разумети, еже ублажити. Беззаконие помысли на ложи своем: предста всякому пути неблагоу, о злобе же не негодова (Пс. 35:4–5).* Еда неправда у Бога? да не будет.

Значение притчи о талантах

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова в день рождения Государя

Человек некий, отходя призва своя рабы и предаде им имение свое: и овому убо даде пять талант, овому же два, овому же един, комуждо противу силы его (Мф. 25:14–15). Продолжение известно: получившие более полученное умножили деланием и оборотом и приобрели новое благоволение господина своего; а получивший один талант закопал его в землю, и за лукавство и лень лишился последнего и подвергся тяжкому осуждению. *Человек в сей притче означает Бога Творца и Промыслителя, Который рабам Своим, то есть всем человекам дает различные дары, естественные и благодатные, внутренние и внешние, в особенности же Богочеловека Христа, Который, отходя от земли на небо, восшед на высоту, даде даяния человеком (Еф. 4:18), как то: дары Святого Духа, Евангелие, таинства и вообще вся Божественныя силы яже к животу и благочестию (2Пет. 1:3).* Сии различные таланты даются нам, по притче, комуждо

противу силы его, а по изъяснению апостола, по мере дарования Христова, то есть вполне удовлетворительно для потребностей нашей жизни, которые предвидение Божие определяет, а щедрота Его наполняет. Смотрите же. Правда, что все зависит от дарованных талантов, без которых рабы как были, так и остались бы ни с чем. Но не одно получение талантов, а делание и приращение вводит в радость Господа. И удивительно, что те, которые более имеют, более стараются приобретать; а получивший менее совсем не старается. Не указывает ли сие на нас, которые часто говорим, что мы не апостолы, не святые, не праведные, не имеем их благодати и тем думаем извинить у себя недостаток подвигов и добродетелей? Не то же ли это, как если бы мы сказали: пусть получившие пять или два таланта трудятся, чтобы приобрести другие пять или два; мы получили один, и потому нам позволительно меньше заботиться; довольно, если возвратим полученный. Но Божественный Раздаятель не попустит, чтобы дар Его был расточен безвозмездно и чтобы под личиною немощи укрылись лукавство и лень, но, наконец, отымет пренебреженный дар и неключимому рабу оставит только тьму кромешную.

Мысли свт. Феофана о том же

Притча о талантах дает мысль, что жизнь есть время торга. Надо, значит, спешить воспользоваться этим временем, как на торгу всякий спешит выторговать, что может. Хоть только лапти кто привез или лыко, и тот не сидит сложа руки, но ухищряется зазвать покупателей, чтобы продать свое и купить потом себе нужное. Из получивших от Господа жизнь никто не может сказать, что у него нет ни одного таланта: всякий имеет что-нибудь, да не одно еще: всякому, стало быть, есть чем торговать и делать прибыль. Не озирайся по сторонам и не считай, что получили другие, а к себе присмотрись хорошенько и поточнее определи, что в тебе есть и что можешь приобрести на то, что имеешь, и потом действуй по этому плану без лени. На суде не будут спрашивать, почему не приобрел ты десять талантов, когда имел только один, и даже не спросят,

почему ты на свой один талант приобрел только один, а скажут: что ты приобрел – талант, полталанта или десятую часть его? И награда будет не по тому, что ты получил, а по тому, что приобрел. Ничем нельзя будет оправдаться – ни незнатностью, ни бедностью, ни необразованностью. Когда этого не дано, и спроса о том не будет. Но у тебя были руки и ноги: скажи же, спросят, что ты приобрел ими? Был язык: что им приобрел? Так-то на суде Божиим уравнивается неравенство земных состояний.

Жизнь по закону внешнего долга и по закону нравственности христианской

(Мф. 25:24–25)

Д. Боголепов. «Православное обозрение», 1878

Приступль же и приемый един талант, рече: Господи! ведях тя, яко жесток еси человек, жнешии, идеже не сеял еси, и собираеши, идеже не расточил еси: и убоявся, шед скрых талант твой в земли: и се имаши твое (Мф. 25: 24–25). Однажды Иисус Христос предложил ученикам Своим следующую притчу: некоторый человек, богатый собственник, отправляясь в чужую далекую страну, призвал к себе рабов своих и вручил одному пять талантов серебра, другому два, третьему один, с тем, чтобы они во время его отсутствия торговали на его счет, а потом, когда он возвратился в дом свой, отдали ему доверенный им капитал и известное количество процентов на него. Раздав рабам, каждому сообразно с его силами, деньги, господин удалился. По долгом же времени он возвратился и потребовал от рабов своих отчета. И вот оказалось, что первые два раба, из которых один получил пять, а другой два таланта, приумножили доверенный им капитал вдвое. И так как они оба оказались усердными одинаково, верными и трудолюбивыми, то и услышали они от господина своего одинаковое слово похвалы и награждения: им обоим за верность в малом обещано доверие во многом и, кроме того, даровано участие в радости господина своего, так что они теперь будут в доме его не столько рабами, сколько

друзьями и членами его семейства. Но когда пришел отдавать отчет получивший один талант, то он сказал господину своему: «Господин! Я знал тебя, что человек ты жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле: вот тебе твое». Очевидны были ложь и клевета, придуманные в оправдание себя лукавою лестью, а потому господин обличил клеветника его же собственными словами: «Лукавый раб и ленивый! Ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал. Посему надлежало тебе отдать сребро мое торгующим, и я пришел получил бы мое с прибылью». Обличенный в своем лукавстве ленивый раб был подвергнут строгому наказанию: вместо доверия во многом, что было обещано рабам верным, он лишен был и того таланта, которым и доселе обладал; на место участия в радости господина своего, к чему призваны были рабы верные, он совсем был лишен светлого и теплого крова и выброшен был во тьму кромешную на холод и сырость уличную (Мф. 25:14–30).

В этой притче человек, отправившийся в далекую страну и потом по долгом времени возвратившийся в дом свой, есть Господь наш Иисус Христос, Который по окончании искупительного дела на земле вознесся на небо к Богу Отцу, в конце же времен имеет снова прийти на землю для суда над живыми и мертвыми; рабы же, получившее каждый в свою меру таланты от господина своего, суть верующие во Христа. Таланты, получаемые верующими от Господа, многообразны; под ними разумеется все то, что человек от природы имеет и что в жизни получает от преуспевания в добром: природные силы и способности, как духовные, так и телесные; благодатные дары Духа Святого, сообщаемые каждому верующему в таинствах для укрепления его естественных способностей и сил; положение в обществе, богатство, просвещение и вообще все то, что помогает человеку с большим совершенством проявлять свое нравственное существо. Не все верующие получают от Бога одни и те же таланты, так как не все имеют в жизни одинаковое призвание и назначение. Равным образом не все в одинаковой мере одаряются Богом одними и теми же

талантами: одному дается более, другому менее; но каждому дается *по его силе*. А по сему ты, получивший один талант, не сетуй, как бы обиженный природой и забытый Богом, – помни, что премудрый и всемогущий Раздаятель даров вещественных и духовных лучше тебя знает, какая мера даров по силе тебе, сколько ты можешь употреблять на дело с пользою для себя и для других. Доверившись мироправящему Промыслу, ты вместо бесплодного и часто лукавого сетования все внимание свое утверди на том, что именно от тебя требуется сообразно с данным тебе талантом; ибо это особенно должно быть не забыто тобою: получивший один талант раб признан от господина своего способным к приумножению доверенного ему капитала и призван к отчету в успехах своего делания точно так же, как и получивший пять талантов.

Кто же этот раб ленивый и лукавый? Бывают рабы, которые, подобно неправедному домоправителю одной из притчей Христовых (Лк. 16), расточают вверенное им от Господа имущество, употребляя его не на пользу, а во вред себе и ближним; бывают еще рабы, которые, подобно блудному сыну другой Христовой притчи (Лк. 15), живут распутно и убивают тем в себе совершенно силы духовные и разоряют свое материальное состояние. Все это такие великие пороки, зло возросло здесь до таких больших размеров, что пред сознанием каждого сразу выдает себя в своем действительном достоинстве. Даже сами этого рода несчастные произнесут над собой справедливый приговор, если милосердый Господь даст им «прийти в себя», и они при этом испытают страх и трепет при мысли предстать некогда пред лицо нелицеприятного Судии Бога. Но не таков раб ленивый и лукавый: как вы видите, он считает себя правым пред своим господином и даже не трепещет держать пред ним дерзкий ответ. И это очевидно потому, что, по его суждению, он не растратил и не терял вверенного ему таланта, а напротив, тщательно сохранил его – он скрыл его в земле.

Итак, прежде всего он *скрыл* талант свой: он, следовательно, не употребил данного ему таланта в дело, на пользу себе и ближним и во славу Божию; имея, например,

материальный достаток, не благотворил ближним; обладая значительною силою ума, не воспользовался им для приумножения своих знаний; обладая знанием, не сделал из него приложения к просвещению неведущих и к защите истины от ее врагов. Но скрыв талант свой в земли, он *сохранил* его в целости: он не расточил его, как несправедливый домоправитель, и не потерял его, как блудный сын; ни в каких крупных пороках совесть его не обличает. Замечательно еще и то, что он сохранил свой талант, зарыв его в *землю*, а не завернув его в *платок*, как сделал это негодный раб притчи Христовой о десяти минах (Лк. 19:20): это показывает, что он сохранил талант свой самым обдуманым, осторожным способом. Итак, мало того, что он не страдает нравственною распущенностью; он даже в чем-то являет старание, рачительность, исправность, под которою в особенности и укрывается очевидно лень его в отношении к данному ему таланту. В чем же? В доме господина своего он имел, конечно, и некоторые другие обязанности, кроме той особенной, какая возлагалась на него вверенным ему талантом. В отношении к этим-то обычным обязанностям своего положения, можно думать, он и был вполне исправным рабом.

Если мы соединим все указанные черты ленивого и лукавого раба в один образ и приложим его к той нравственной среде, в которой нам приходится жить и действовать, то нам не трудно будет угадать, какой разряд людей обличает Спаситель в образе ленивого раба притчи о талантах. Это люди, отличающиеся иногда строгою правильностью внешнего благоповедения, но в то же время не имеющие внутри себя, в душе своей, никаких возвышенных стремлений, не полагающие себе в жизни никаких задач, более высоких и широких, нежели отправление своих прямых, непосредственных обязанностей: точное исполнение последних – это для них идеал нравственного совершенства. Это люди, быть может, и без крупных пороков, но зато и без каких-нибудь положительных добродетелей; они, пожалуй, и не обижают ближних, но зато и не благотворят им. В возрасте, призывающем человека к деятельности общественной, такие люди стремятся всячески

освободить себя от нее и ограничивают круг своих нравственных обязанностей делами нравственности индивидуальной; если же обстоятельства поставит их на службу общественную, они не идут далее строго формального отношения к делу. Общее же между всеми такого рода рабами остается то, что все они всячески избегают трудов и подвигов, которых можно избежать, но которые, однако, необходимы, неизбежны, если хотят полученные от Бога таланты развить и усовершенствовать, давая им более и более широкое употребление и приложение. Страх, который только и побуждает их к деятельности, конечно, не может внушить им более широкой деятельности, кроме той, какая необходима, чтобы не быть наказанными.

Нет, христианская нравственность требует от нас во всяком деле именно добровольности, с которой неразрывно соединено исполнение всякой своей обязанности более совершенное, нежели сколько требует от нас внешний долг. Недостаточно сохранять вверенные от Бога таланты – надобно приумножать их, как бы малозначительна ни была мера их, и только в этом последнем случае мы можем надеяться получить от Господа похвалу и одобрение себе и призыв к участию в радости Его Божественно славной жизни. Закон христианской нравственности есть совершенный закон свободы (Иак. 1:25) – он не полагает границ нашим силам и средствам для добра ни в их развитии, ни в их проявлении, ни в их приложении. «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48) – вот идеал духовного совершенства, стремиться к достижению которого призван христианин. Можно ли самодовольно успокоиться, стремясь к этому идеалу, на какой-либо ступени нравственного совершенства (Лк. 17:7–10)? Закон христианской нравственности есть закон духа сыноположения, а не духа рабской боязни (Рим. 8:15), и как таковой – он есть закон внутренний, написанный на сердцах наших, а не заключенный в письмени, в форме известного числа предписаний (2Кор. 3:6); поэтому он требует от нас каждый раз стремиться стать выше, выйти за пределы тех обязанностей, которые прямо предписываются и неисполнение которых влечет за собою кару

правосудия; он требует от нас внутреннего, сердечного отношения к делам своих обязанностей, а не только внешней, формальной исправности; он требует от нас каждый раз добровольных трудов и подвигов, которые составляют необходимую принадлежность христианского духа сыноположения Богу и братства человечеству. Святой апостол Павел, апостольские подвиги которого представляют едва достигаемый образец христиански-нравственного геройства, не удовлетворялся, однако, этими подвигами, а стремился еще к большему: имея право от проповеди жить, он, однако, проповедовал безмездно, чтобы совершать сверх обязательного и тем снискать себе похвалу от Бога. «Если я благовествую, – говорит он, – то нечем мне хвалиться; потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую. Ибо если делаю это добровольно, то буду иметь награду, а если не добровольно, то исполняю только вверенное мне служение. За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно, не пользуясь моею властью в благовествовании» (1Кор. 9:16–18). Это слово и дело апостольское нам следует тверже помнить и чаще вспоминать, чтобы действительно направлять жизнь свою по нравственному христианскому закону.

Изображение Страшного Суда Господня

(Мф. 25: 31–46)

«Воскресное чтение», 1808

Егда приидет Сын Человеческий во славе Своей, так начал Господь изображение Страшного Суда, и вси святии Ангели с Ним: тогда сядет на престоле славы Своея. Таков будет вид Судии, имеющего прийти в последний день мира. Приходил Сын Божий на землю в смиренном образе раба для спасения человеков, для призвания к покаянию заблудших; тогда приидет Он во славе Своей для изнесения последнего суда над родом человеческим. Мы видели Его на земле не имущим, где главу приклонити, гонимым, страждущим, распинаемым; тогда узрим Его сидящим на престоле славы Своей, окруженным тьмами тем ангелов и архангелов, херувимов и серафимов. Так мы

узрим тогда Законодателя, ревнующего о святости законов Своих, которые грешники нарушают с таким спокойствием и равнодушием; узрим Сердеведца, Которому известны все не только дела, но и мысли и желания наши, Который провидит все помышления наши издаля; узрим Судию нелицеприятного, Который воздаст каждому по делом его и по начинаниям сердца. Страшен будет вид сей для земнородных; многие *рекут тогда горам: падите на ны и холмам, покройте ны от лица Седящего на престоле и от гнева Агнча, яко прииде день великий гнева Его, и кто может стати?*

Напротив того, светел и радостен будет день сей для истинных последователей Христовых: *радуемся и веселимся, скажут они, и дадим славу Ему, яко прииде брак Агнчий.*

Вместе с Судиею явятся на суд и свидетели: *и вси святии ангели с Ним*, те святые ангелы, которые теперь в служение посылаемы за *хотящих наследовати спасение*, которые пребывают с нами безотлучно во все время жизни нашей от рождения до смерти, видят все дела наши, слышат все слова наши и наблюдают тайные помышления сердца нашего. Свидетели верные, неподкупные! Ничто не утаится от их взора, все будет представлено на суд.

Пред сим-то Судиею, при сих свидетелях предстанет на суд человечество: *и соберутся пред Ним вси языцы*, все от первого человека и до последних людей, коих страшный день Господень постигнет живыми!

Различие времен и мест, племен и языков, возрастов и состояний прейдет, для всех будет один суд; ибо закон, по которому судимы будут люди, для всех один. Судия и Законодатель один. От всех взыщется один ответ— от мудрого и невежды, от пустынника и гражданина, от богатого и бедного, от христианина последних времен, как от первых учеников Христовых. Как жил и действовал — по закону Божию или по видам самолюбия и влечения страстей? Воспользовался ли всеми предоставленными каждому средствами ко спасению? Вот о чем истязаны будут все и каждый. *И соберутся пред Ним вси языцы.*

На сем-то всеобщем соборе всего человечества, пред лицом страшного Судии и святых ангелов Его, предстанем и мы с тобою, благочестивый читатель, предстанем такими, какими обрящет нас страшный час смертный. И от нас вместе со всеми взыщет отчета в нашей жизни праведный Судия мира. И, во-первых, откроет все дела и слова, мысли и чувства наши, от первого движения младенческого до последнего вздоха смертного. Теперь все прошедшее, сокрываясь от глаз, мало-помалу изглаживается в нашей памяти, все покрывается как бы пеленою, сквозь которую едва усматривает что-либо наше око. Но все то пишется в книге живота, ничто не исчезает, ничто не забыто пред очами всеведущего Судии; и в страшный час суда все-таки оживет в нашей совести; прошедшее сделается настоящим, и очам нашим представится полная картина нашей жизни, внешней и внутренней. Приведутся на память заблуждения детства, о коих мы давно забыли, и если иногда воспоминаем, то под преступным названием невинных шалостей; буйные порывы юности, кои давно ускользнули из нашей памяти, или, что хуже всего, припоминаются с каким-то самодовольством и наслаждением; пороки мужества и старости; предстанут очам нашим все греховные действия, со всеми их последствиями и плодами; все праздные слова, кои, исчезая в воздухе, казались нам как бы не сущими; откроется и тайная история сердца нашего, которая едва известна нам самим; студные пожелания, нечистые помыслы, праздные мечтания – все обнаружится пред всевидящим оком Божиим. Мало того, от нас взыщется отчет не только в том, что сделали, но и в том, чего не сделали, когда могли и должны были сделать. Нам приведутся на память бесчисленные случаи к добродетели, которые предоставляла нам благодать Божия, но которые опущены нами легкомысленно; наш совет мог предупредить преступление, но мы не взяли на себя труда дать его в свое время; наш голос мог защитить истину, но мы побоялись сильного или увлеклись лестным ожиданием и молчали; наше благодеяние могло спасти бедность от порока, но мы не хотели отказать своей прихоти. Нам даровано было столько даров естественных и благодатных, которые остались

без пользы и плода; открыт был путь спасения, по которому мы не шли; дарованы святыя таинства, которыми мы не пользовались. Все это, что кажется нам теперь невинным, в чем не почитали нужным раскаиваться, представится на суде в обвинение наше; во всем том взыщет от нас отчета праведный Судия мира. Взыщет отчета и в грехах ближних наших, которых мы были причиною и которые потому самому вменяются нам. Предстанут очам нашим невинные души, соблазненные нашим примером, увлеченные нашим советом, растленные нашими речами. Иисус Христос, искупивший их Своею Кровию, востребует их от рук наших: *Где есть Авель, брат твой?* Спросит Он и нас, как спрашивал первого братоубийцу: *Глас крове брата твоего вопиет ко Мне.* Испытает, наконец, и самые добродетели наши, откроет источник их в нашем сердце, обнаружит побуждения, изведет на свет преднамерения и цели, – и они предстанут очам нашим, как есть, оскверненные нечистыми побуждениями, честолюбивыми видами, своекорыстными целями.

За сим испытанием совести и откровением дел каждого последует отлучение грешников от праведников: *и разлучит их друг от друга, якоже пастырь разлучает овцы от козлищ.* Ныне в Церкви Божией, как на ниве, растут вкупе плевелы и пшеница. Кто истинно добр и кто притворен, мы не знаем: от того скрытый порок избегает заслуженного посрамления и бесчестия, а неизвестная добродетель лишается должной чести и хвалы.

В день Страшного Суда Божия все откроется в настоящем виде, сделается ясным и очевидными для всякого; Судия мира обнаружит, изведет на свет тайны сердец, так что нетрудно будет различить овец от козлищ! О, какой стыд и срам обмет тогда грешную душу! Слабости и пороки, тщательно скрываемые теперь, обнажатся пред целым светом, пред лицом неба и земли, пред собором ангелов и человеков. Теперь умеем хорошо принаровляться к обстоятельствам, переменять мысли, склонности и характер по духу тех, коим стараемся угодить: день суда Божия обнаружит всякую хитрость и притворство, и знавшие нас узрят и ужаснутся.

Теперь умеем казаться друзьями человечества, ревнителями правды, бескорыстными исполнителями долга, доброжелательными друзьями, даже имеющими образ благочестия и святости; но Сердцеведец откроет пред всеми наше сердце, – и в нем с ужасом увидят все зависть и своекорыстие, любочестие и гордость. О, что будет с нами в сей великий и страшный день откровения тайн сердечных! Но день стыда и посрамления нечестивых будет днем торжества и радости для праведников.

Тогда-то узрит небо и земля, что праведника поруганного, презренного в жизни, скитающегося в вертепах и в пропастях земных, *не бе достоин* весь мир; тогда праведные, отделившись от нечестивых, просветятся, *яко солнце, восхищени будут на облацех в сретение Господа на воздушех. И разлучит их друг от друга, якоже пастырь разлучает овцы от козлищ.*

И поставит овцы одесную Себе, а козлища ошуюю. В настоящей жизни, при всеобщем смешении зла с добром, порок нередко предвосхищает честь у добродетели; люди благочестивые и добродетельные часто занимают низшие степени жизни общественной, а порочные являются на верху почестей и достоинств. День суда Божия положит конец сим беспорядкам. Праведный Судия мира не будет разбирать породы и достоинства, различать благородного от худородного – не примет в уважение узы родства и дружбы; отделит только пшеницу от плевел, добродетель от порока: *и поставит овцы одесную Себе, козлища ошуюю.* Добродетельный отец станет одесную, порочный сын – ошуюю; добродетельный супруг – в лике праведных, порочная супруга – в сонме грешников; бедный Лазарь, которого не удостоивали и взором, явится на лоне Авраамовом, а гордый богач, окруженный ласкателями, – на месте мучения; дикий, недавно просвещенный верою во Христа, займет место между избранными, а рожденный в христианстве останется между отверженными; простолюдин возлетит на облацех небесных, а недостойный служитель алтаря покроется срамом и стыдом; мудрый книжник будет изгнан в страну грешных, а простой умом – посажен на престоле. Так все скорби

обыдут души грешников, и все радости возвеселят сердце праведников! Но радостнее всего для праведников и ужаснее всего для грешников будет последний приговор, который изречет Судия мира, который и теперь нельзя читать или слышать без трепета и умиления.

Тогда речет Царь сущим одесную Его: приидите, благословеннии Отца Моего, – грешники вменяли вас ни во что, почитали отребием мира, ненавидели и оскорбляли, отвращались и презирали; но Отец Мой Небесный запечатлеет вас Своим благословением: Приидите, благословеннии Отца Моего. На земле вы не имели, где главу приклонить, во всю жизнь ради Меня терпели, страдали, бедствовали, сеяли слезами и болезнью; в воздаяние за то Я от вечности уготовал для вас Царство на небе: приидите, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира. Здесь обретете вы искомое упокоение, здесь отыметса всякая слеза от очию вашею, здесь сретит вас вечная радость, счастье и блаженство! Тогда речет и сущим ошуюю Его: идите от Мене, проклятии; Я звал вас гласом любви и милосердия – и вы не слушали; угрожал страхом суда и наказания – вы посмеялись над угрозами; осыпал вас дарами и благодеяниями – но вы остались неблагодарны; посещал бедствиями и скорбями – но вы не почувствовались и не обратились; Я отдал самую Плоть и Кровь Мою для избавления и спасения вашего – и вы вменили ее ни во что; убо и Аз погибели вашей посмеюся, – идите от Мене. Вы были в славе и почтении между человеками; но правда Отца Моего запечатлела вас печатью проклятия, идите от Мене, проклятии. На наслаждение тленными благами, на кратковременные удовольствия плоти вы променяли вечное Царствие, которое обещал Я всем; но есть возмездие вам – огонь вечный, уготованный диаволу, – идите во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его.

И идут сии, заключает Господь слово Свое о Суде, в муку вечную, праведницы же в живот вечный. Мука вечная! Живот вечный! Какие грозные и утешительные, страшные и вожделенные слова; но как мало они действуют ныне на сердце многих и многих! Боже мой! Кто ослепляет так сердце и ум

христиан, верующих в жизнь вечную, что могут с равнодушием и беспечностью слушать, мыслить и говорить о вечности?

О побуждениях к делам человеколюбия в речи Иисуса Христа о Страшном Суде

(Мф. 25:40)

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Беседы пред обетом некоторых сердобольных вдов и при напутствии избранных для попечения о больных и раненых воинах

Христос Спаситель в Своем Божественном учении предлагает нам сильные убеждения к делам человеколюбия и хочет возбудить в нас глубокое чувство человеколюбия.

Чтобы подвигнуть нас на дела человеколюбия, Он отъемлет часть завесы, закрывающей от нас будущее; приближает к нашему созерцанию дальний последний день мира; являет Себя на престоле славы Судиею всего рода человеческого; дает нам предварительно услышать имеющее быть провозглашенным торжественно, в слух всего мира, в слух времени и вечности, решительное определение суда Его: *Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25:34). Кто сии, достигшие столь счастливого решения величайшего судного дела? Кто сии, благословенные Отца Небесного, вводимые в наследие Царствия вечного? Это человеколюбивые. Чем так сильно доказали они свое право на обладание небесным наследием? Какими подвигами сделали себя достойными столь высокой награды? Делами человеколюбия: они напители алчущих, напоили жаждущих, одели нагих, посетили болящих и заключенных в темнице. И поскольку им трудно было бы поверить, что за такие невеликие дела можно получить столь великое воздаяние; то Царь Судия объявляет, что бедствующие человеки суть Его меньшие братия и что служащие им служат Ему Самому; и сим объявлением дает новое сильное побуждение к делам человеколюбия, необычайно возвышая их достоинство.

Углубите мысль вашу в слово Судии мира: *понеже сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе*. Если вы творите добро несчастному, потому что видите в нем жалкое существо, – то вы делаете дело естественного сочувствия. Если благотворите бедствующему потому, что видите в нем соестественного вам человека и сознаете обязанность творить ближнему то, чего желали бы вы себе в подобных обстоятельствах, – то вы делаете дело, свободно и нравственно доброе. Но чтобы ваше благотворительное дело было духовно доброе, достойное Христа, вы должны видеть в бедствующем *меньшого брата* Его, который по сему качеству достоин духовной любви и духовного уважения, кто бы он ни был по своему внешнему положению. При таком воззрении сердце христианина, конечно, скажет ему: поскольку благодати Христа Бога обязан ты бытием, жизнью, достоинством человека, откровением благодати и прощения грехов, благами временными, надеждою благ вечных, и поскольку за бесчисленные благодеяния ты ничего не можешь принести ничего не требующему; то какое для тебя счастье, что твою благодарность и любовь ко Христу можешь ознаменовать на том, которого Он называет Своим меньшим братом! поскольку для тебя Христос от превыспренного небесного престола нисшел на землю и даже до ада, провел на земле тягостную человеческую жизнь, пострадал и умер, – ты ли не снисдешь к *меньшему брату* Его, в какую бы глубину бедствия и унижения ни был он повержен? Не усладительно ли для тебя будет не только твоим избытком наполнить его лишение, но и понести самому лишение для него, и пострадать самому, чтобы облегчить его страдания?

Что такие духовные расположения преимущественно пред вещественностью дел возвышают ценность христианских благотворений, что по таким расположениям и чаша студеной воды становится достойною небесного воздаяния, что таких расположений требует от благотворящих Судия мира, сие можно усмотреть, между прочим, из того, что Он определяет небесную награду за посещение больных, отделяя их от страждущих лишением вещественных потребностей, от алчущих и нагих.

Если, таким образом, вы обязаны посетить больного, не требующего от вас вещественной помощи, а только тяготимого бессилием, болью, скукою болезненного бедствия; то что же можете вы принести к одру его, как разве христианскую любовь, сердечное сострадание, искреннее слово утешения Христова?

О вечных мучениях

(Мф. 25:41)

Свт. Филарет, митр. Московский. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1876

Идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его (Мф. 25:41). Бог осудит злых, поскольку любит добрых; Милосердый судит нераскаянных, потому что милует кающихся. И для чего иначе возвещает Он погибель отверженных, если не для того, что не хочет ничьей погибели? Посему за несколько еще веков дает нам услышать последнее проклятие на шую страну, дабы заблаговременно спастись бегством на десную.

Блажен, кто слушает сие проклятие, не уклоняясь от намерения любви Божией! Тогда и проклятие рождает благословение. Мы должны внимать ему сердцем и умом, а не слухом. Должны познавать в нем ужас состояния отверженных: не ждать для ясности самого опыта.

Итак, праведный Судия лишит осужденных права и возможности наслаждаться Его лицеизрением: *идите от Мене, проклятии.* Сию великую потерю нельзя довольно чувствовать не испытавшим высокого блаженства – видеть Бога! Когда мы видим совершенное произведение ума человеческого – порываемся любопытством видеть творца; когда слышим о достохвальных человеколюбивых деяниях – наши взоры желали бы почить на груди, в коей бьется сердце столь доброе; когда внемлем славе сильных земли, наше воображение устремляется в места их пребывания, и мы почитаем себя счастливыми, если можем поставить себя пред ними. Впрочем, видя лицо мудреца, еще не видят его мудрости; взирая на добродетельного, не видят добродетели; обзревая великолепие, окружающее сильных, не видят того сильного

духа, который проходит и движет огромные члены государственного тела. Телесный взор объемлет только, но видеть Бога – конечно, уже не сим бранным оком – есть созерцать (по возможности ограниченной твари) и Его премудрость – и озаряться новым светом познания; и Его благодать – и исполняться от нее любви и радости бессмертной; и Его величие – и возвышаться до блаженства чистейших духов.

Если не ослепленный страстями, не омраченный предрассудками разум находит удовольствие, рассматривая следы Божества в царстве природы; если верующая душа погружается в восторгах, проходя мысленно чудесные пути благодати в ее таинственном царстве, то что должен чувствовать тот, кто, оставя сии неотдаленные области Вседержителя, проник бы во внутренность державы Его, вступил бы в Его бессмертный град, ощутил бы всюду, и окрест себя, и в себе Его славное присутствие?

Если мы любим слушать, как сии видимые небеса в безмолвии *поведают славу Божию* (Пс. 18:2), малейшее насекомое возвещает величие Творца; то, что, если бы в небесах небес вместо сияния мертвых тел мы узрели свет бессмертных духов, вняли бы немолчному их славословию, соединили бы с хором их наши гласы, научились бы, изливая, так сказать, хвалы в Бога, почерпать из Бога неиссякаемую радость?...

Судите по сему, сколько теряет тот, кто лишается права видеть Бога? Мы, не видя Его ныне по грубости наших чувств и естественной немощи, сколько от того терпим! Какая тьма в разуме! Какая пустота в сердце! Какой глад в желании! Но какой ужасной крайности достигнут сии бедствия, когда они будут не слабостью нашею, но бесконечными следствиями гнева Божия, когда сии случайности существа нашего перейдут в самую природу!... Совокупить тысящу геенн, восклицает св. Иоанн Златоуст, это отнюдь не так тяжело, как быть извержену от славы, быть ненавидиму Богом!

Наказание осужденных на Страшном Суде не состоит в одном лишении благ и лицемерия Божия, но в действительном перенесении зол. Судия посылает их в огонь.

Так угодно будет строгому правосудию, чтобы человек весь был подвержен действию его мщения, так как он весь предавался действию беззакония. Такое же различие полагает оно в наказаниях, какое мы производим во грехах. Из них одни рождаются в душе и чрез нее порабащают себе телесные силы, какова есть гордость или злоба; другие совершаются в теле и оскверняют душу, чрез участие которого она приемлет услаждение, как например, роскошь и сластолюбие. Так, отчуждение от Бога, угрызающее воспоминанием непорядков жизни, совершенное отчаяние, суть казни, снедающие душу, потолику простираются на тело, поколику сие соединено с нею. Огонь есть вещественное мучение, которое терзает тело и чрез него проходит в душу.

И посему напрасно изъясняют сей огонь действием совести; напрасно вопрошают: какие это мучения? Какой это огонь, который бы мог действовать на бессмертного человека? Но разве пределы разумения человеческого должны быть пределами Божия всемогущества? Кто может сие тленное *облеци в нетление* (1Кор. 15:44, 53) и сделать тело духовным, Тому трудно ли приготовить столь тонкий и пронизательный огонь, чтобы так же был ощущаем смертным составом, как нынешний огонь нынешним телом? Кто хочет подробно знать свойство одних мучений, тот пусть изъяснит мне прежде в точности блаженство небесное. Но если бывший на третьем небе не описал того, что там уготовано любящим Бога, и признался, что это совсем невозможно постигнуть человеку более или менее плотскому; то может ли равно представить себе свойство ужасных последних действий гнева Божия тот, кто не нисходил в преисподняя?

Мы можем, и довольно для нас, знать только то, что гнев сей бесконечен: *Идите во огонь вечный*, – глаголет Вечный Судия.

Тщетно некоторые для смятения сей страшной угрозы прибегают к милосердию Божию. Но какое милосердие для тех, кои с непреодолимым упорством отвергают милосердие? Бог есть единое, бесконечное благо; уклонение от Него – единое бесконечное зло. Бог создал человека для Себя; грехопадение

удалило человека от Бога; милосердие паки открыло путь соединиться с Ним. Кто не следует по сему пути, тот по закону правосудия остается подверженным вечному злу как необходимому следствию удаления от Бога.

Поздно будет искать сего пути во мраках ада. Путь к бессмертию лежит в юдоли смертной жизни. Здесь можно иметь светильник, дабы найти его и безопасно продолжать по нему шествие. Смерть для каждого человека, а последний суд для всего рода человеческого, отверзает дверь судьбы. Мудрые девы входят на брак жениха бессмертного, буии же изгоняются. Чтобы получить помилование, должно принести покаяние. Но кто может принять за чистое раскаяние вопль, исторгаемый муками? Чем тягостнее сии муки, тем менее способно сердце иметь другие чувствования, нежели чувство лютейшей скорби. Оно едино подавляет все мысли и желания отчаянием. Итак, смертный! доколе ты носишь смертное тело и вместе с ним подлежишь переменам, ты можешь соделаться лучше или хуже. Но когда сложишь с себя одежду тления и смертности, тогда останется в тебе или бессмертное чувство добра, или бессмертное чувство зла. Ни на небе не родится новых безбожников, *ниже во аде кто исповестся Господеви* (Пс. 6:6).

Адские мучения

Свт. Феофан. «Домашняя беседа», 1873

Есть люди, которые не верят, что будет огонь, червь, скрежет зубов и другие телесные мучения в аде, ожидающие грешников. Хорошо, – а если будут? Кто верит этому, тот ровно ничего не теряет, хоть бы и в самом деле не было таких мучений; а кто не верит, тот будет поражен горьким, но поздним раскаянием, когда придется испытывать то, что так легкомысленно отвергал он на земле. Допустим, впрочем, этого не будет; но ведь нельзя же отвергать, что душа по разлучении с телом останется живою, чувствующею, сознающею себя и что страсти, которым по блажала она здесь, перейдут с нею и в ту жизнь. Если так, то одного этого будет достаточно, чтобы составить самый мучительный ад. Страсти, которыми жила

здесь душа, будут жечь и точить ее, как огонь и червь, и терзать ее непрерывными и неотвратимыми мучениями.

Страсти не суть какие-либо легкие помышления или пожелания, которые являются и потом исчезают, не оставляя по себе следа: это сильные стремления, внутреннейшие настроения порочного сердца. Они глубоко входят в естество души и долгим властвованием над нами и привычным удовлетворением их до такой степени сродняются с нею, что составляют, наконец, как бы ее природу. Их не выбросишь так легко, как легко выбрасывается сор или сметается пыль. Но так как они не естественны душе, а входят в нее по грехолюбию нашему, то по причине этой самой неестественности своей и будут томить и жечь душу. Это все то же, как если бы кто принял яд. Яд этот жжет и терзает тело, потому что противен устройству его; или как если бы кто посадил змею в себя, и она, оставаясь живою, грызла бы его внутренности. Так и страсти, как яд и змия, принятая внутрь, будут грызть и терзать ее, и рада бы была она выбросить их из себя, да не сможет, потому что они сроднились, срослись с нею, а спасительных средств исцеления, предлагаемых здесь Святою Церковью в покаянии и исповеди, тогда не будет. Ну и мучься, и терзайся ими непрерывно и нестерпимо, нося внутри себя адский огонь, вечно палящий и никогда не угасающий.

Употребим еще сравнение. В числе пыток были и такие: накормят чем-либо соленым, да и запрут, не давая пить. Какое мучительное терзание испытывал такой несчастный! Но кто же жжет и мучит его? Извне – никто. Он в самом себе носит мучительное жжение: нечем утолить жажду, жажда и снедает его. Так и страсти: это, ведь, внутренние жаждания, разжигания, вожеления души грехолюбивой; удовлетворишь их – они замолчат на время, а потом опять, еще с большею силою, требуют себе удовлетворения и не дают покоя, пока не получают его. На том же свете нечем будет удовлетворять их, потому что все предметы страстей – предметы земные. Сами они останутся в душе и будут требовать себе удовлетворения; а так как удовлетворить их нечем, то жажда будет все сильнее и томительнее. И чем будет более жить душа, тем более будет

томиться и терзаться неудовлетворимыми страстями; непрекращаемая мука эта все будет расти и расти, и конца не будет этому возрастанию и усилению. Вот и ад! Зависть – червь, гнев и ярость – огонь, ненависть – скрежет зубов, похоть – тьма кромешная. Этот ад начинается еще здесь; ибо кто из людей страстных наслаждается покоем? Только страсти не всю свою мучительность обнаруживают здесь над душою: тело и общежитие отводят удары их; а там этого не будет. Они со всею яростью нападут тогда на душу. «Наконец, в теле сем, – говорит авва Дорофей, – душа получает облегчение от страстей своих и некоторое утешение: человек ест, пьет, спит, беседует, ходит с любезными друзьями своими; а когда душа выйдет из тела, она остается одна с своими страстями и потому всегда мучится ими. Как страдающий горячкою страдает от внутреннего огня, так и страстная душа всегда будет мучиться, бедная, своим злым навыком. Потому-то, – заключает преподобный, – я и говорю вам всегда: старайтесь возделывать добрые в себе расположения, чтобы найти их там; ибо что человек имеет здесь, то исходит с ним отсюда, и то же будет иметь он там».

Вечер Среды

Вечеря в Вифании, в доме Симона

(Мф. 26:6–13; Мк. 14:3–9)

После произнесенных речей в Вифании для Господа устроили вечерю.

И когда был Он в Вифании в доме Симона прокаженного и возлежал, – приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и, разбив сосуд, возливала Ему сие миро на голову. Увидев сие, ученики Его и некоторые другие вознегодовали и говорили между собою: «К чему такая трата мира? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену, более нежели за триста динариев и раздать нищим». И роптали на нее.

Но Господь Иисус, уразумев сие, сказал им: «Что вы смущаете женщину! Оставьте ее. Она доброе дело сделала для Меня. Ибо нищих вы всегда имеете с собою и, когда захотите, можете им благотворить, а Меня не всегда имеете. Она сделала, что могла. Возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению. Истинно, истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала».

О негодовании учеников на поступок жены, помазавшей Иисуса Христа миром

(Мф. 26:8–9)

Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея, ч. 3

Видевше же ученицы Его, негодоваша, глаглюще: чесо ради гибель сия бысть? можаше бо сие миро продано быти на мнозе и датися нищим. Разумев же Иисуса, рече им: что труждаете жену? дело бо добро содела о Мне. Всегда бо нищия имате с собою, Мене же не всегда имате. Откуда родилась в учениках такая мысль? Они слышали, как Учитель говорил: милости хочу, а не жертвы (Ос. 6:6), – и порицал иудеев за то, что они оставляли важнейшее, суд и милость и веру, как на горе рассуждал с ними о милостыне, – и из всего этого выводили заключение и рассуждали друг с другом: если Он не принимает всесожжений и древнего богослужения, то тем менее примет помазание елеем. Так думали ученики. Но Иисус, видя мысли жены, попускает ей приблизиться, и как благоговение ее было велико и усердие неизреченно – то Он по величайшему снисхождению Своему позволил ей излить миро на главу Свою. Если Он не отрекся сделаться человеком, носим быть во чреве, питаться млеком, то чему удивляться, если и сего не отвергает? Как Отец Его принимал курение и дым, так и Он принял блудницу, приемля ее расположение. Но для чего Иисус не просто сказал: доброе дело сделала; а сказал прежде: что труждаете жену? Для того, дабы они знали, что не надобно требовать с самого начала высоких дел от немощных людей. Для сего-то и рассматривает дело не просто каково оно само в себе, но по отношению к лицу жены. Если бы Он давал закон, то не упомянул бы о жене. Но дабы ты знал, что для нее это сказано с тою целью, чтобы ученики не истребили возникающей ее веры, но еще более возбудили; для сего Он говорит вышеупомянутые слова, научая нас тому, чтобы мы принимали, одобряли и возводили к большему совершенству доброе дело, кем бы оно ни было сделано, и не требовали полного совершенства в самом его начале. Что Христос и Сам

желал того, чего желали ученики, это видно из того, что Он повелел носить денежный ящик, хотя и не имел, где главу приклонить. Но теперь не время было исправить поступок, а только принять его. Как прежде сего поступка жены Он не произнес бы такого мнения, если бы кто спросил Его, так после одного поступка имеет в виду только то, чтобы жена не приведена была в смущение от порицания учеников, но удалилась от Него, сделавшись усерднее и лучше чрез служение Ему. Ибо после излияния елея порицание их было уже неуместно. Если и ты увидишь, что кто-нибудь сделал и приносит священные сосуды или заботится о другом каком-нибудь украшении церковном, как-то: об украшении стен и пола, – то не позволяй продавать или потреблять то, что сделано, дабы не ослабить его усердия. Если же кто скажет об этом прежде, нежели сделает, то вели раздать нищим.

О таинственном значении возлияния мира на главу Христову

«Воскресное чтение», 1815

Аминь глаголю вам: идеже аще проповестся Евангелие сие во всем мире, и еже сотвори сия, глаголаано будет в память ее (Мк. 14:9). Значит, весьма замечательно и важно это дело благочестивой жены, возлившей на главу Господню многоценное миро. Самому Господу угодно, чтобы оно было известно всем и составляло часть Его Евангелия. Обратим же внимание на внутреннее значение этого дела веры и любви.

Прииде жена имущи алавастр мира нардного пистикия многоценна, и сокрушивши алавастр, возливаше Ему на главу. Кто была сия жена, – Мария ли сестра Лазарева (Ин. 12:3), или другая подобная ей по вере и усердию к Спасателю, для нас знать это в настоящем случае не важно; важно то в особенности, что эта жена одобрена была Господом, хотя и осуждена другими. Важно то, что Господь дал высокое значение этому излиянию мира: *Возлиавши бо сия, говорит, миро на тело Мое, на погребение Мя сотвори,* то есть приготовила тело Господа на смерть и погребение. Если же смерть и погребение Спасителя мира составляют тайну высочайшую, то и приготовление к ним не должно ли иметь также свою таинственность священную? Чтобы уразуметь таинственное священнодействие жены, представим себе и *Агнца Божия, вземлющаго грехи всего мира, Единородного Сына Божия.* Вот Он, *полный благодати и истины, от исполнения Коего мы все приемлем благодать возблагодарить (Ин. 1:14,16), не в меру приявши Духа (Ин. 3:34), помазанный елеем радости, паче причастник Своих (Пс. 44:8),* давно обрек Себя на жертву крестную для того, чтобы по принесении пресвятого Тела Своего на жертвеннике крестном разлить, как миро, благодать Свою на всех верующих и любящих Его. И сего-то Божественного мира излияние образовало то излияние мира драгоценного, которое совершила благочестивая жена в Вифании. Она сокрушает алавастр свой в знамение того, что и

живоносному Телу Господню надлежало быть сокрушено на кресте для излияния всеочистительной Крови и всеосвящающей благодати. Мироздание возливается на главу Спасителя, – почему? Потому что глава сия есть *злато избранно, очи его яко голубицы на исполненных вод, – ланиты его аки фиалы аромат, прозябающая благовоние, устне его крини, каплющие смирну полну* (Песн. 5:11, 12, 13); то есть мироздание вещественное изливается на главу, точащую мироздание духовное, Божественное. Вся храмина исполнилась благовония от излиянного мира. Не так ли исполнилось благовония благодатного все человечество после того, как сокрушился Божественный алавастр мира крестною смертью? Вот еще при самом кресте ощущает это благовоние разбойник и верою и покаянием переводится к благовониям царя небесного; здесь же один из распинателей – Лонгин-сотник – изменяется благоуханием мира Божественного в исповедника Христова и вопиет: *воистину Божий Сын бе Сей* (Мф. 27:34). Силу святого благоухания почувствовал и народ; *ибо еси, сказано, пришедшии на позор сей, видяще бывающая, бияще перси своя возвращахуся* (Лк. 23:48). Благоухание того же мира привлекает к Господу, уже умершему, Иосифа и Никодима, прежде тайных читателей Его. Что сказать о дальнейших следствиях? *Воня разума Христова*, говорит апостол, *является во всяком месте* (2Кор. 2:12). Благоухание мира Христова отгоняет зловоние неверия и мертвый запах беззаконий в целых народах и повсюду являет жизнь новую, произрастая прекрасный сад добродетелей, достойных неба.

Таково, полагаем, значение мира, излиянного на главу Господню; это прообразовательное указание на тайну спасения нашего, и оно достойно благочестивого внимания. Были многие приготовления к смерти и погребению Спасителя. Таково крещение, когда для нас погружался Господь в Иордане, как Агнец, омываемый пред жертвоприношением; таково преображение, когда и среди света Божественного беседовал Он с пророками о *исходе Своем*; таково и торжественное вшествие в Иерусалим, как ведение Агнца на всенародное заклание, – и все это занимает достойное место в Евангелии как благовестие нашего мира и спасения. Все это устроено было

чрезвычайным промыслом Божиим, все заключалось в предвечном плане искупления. Сюда, без сомнения, относится и тот глас небесный, который слышан был народом незадолго пред страданием Господа в ответ на молитву Его: *Отче, прослави имя Твое! – Прииде же глас с небесе: и прославих и паки прославлю (Ин. 12:28)*. Не должно ли ценить подобным образом дело мироносицы, хотя оно, по-видимому, совершенно без всякого предварительного размышления – в простоте веры и любви? Так! И здесь Дух Божий действовал: Он наставил жену, Он и расположил в ее священнодействии все так, чтобы оно достойно было своего предмета и своей цели.

Заметим, наконец, и то наставление, какое преподает нам здесь Дух Божий. Пример мироносицы показывает, что Господу нашему все то весьма угодно, чем мы себя и других возбуждаем к воспоминанию спасительной смерти Его. Приятно, значит, Господу, когда с верою изображаем мы на себе крестное знамение или в веществе выражаем оное и почитаем; когда благоговейно размышляем о неизреченной любви Его к нам, явленной на кресте, и когда молимся пред крестом Его; благоугодно особенно то, если изображаем крест Господа в самих себе, когда распинаем плоть свою со страстями и похотями и когда терпим скорби благодушно, сраспинаясь таким образом Христу, – это наше миро, приносимое Господу.

Заговор синедриона и предательский замысел Иуды

(Мф. 26:3–4,14–16; Мк. 14:1–2,10–11; Лк. 22:1–6)

Приближался праздник Опресноков, называвшийся Пасхой. Первосвященники и книжники собрались вместе во дворе первосвященника Каиафы и советовались, каким образом захватить Иисуса, наконец, они решили взять Его хитростью и убить Его. Но чтобы народ, стекавшийся в Иерусалим к празднику Пасхи в огромном количестве, не вступился за Него и не произошло бы возмущения, враги Иисуса Христа решили взять Его не в праздник, тайно от народа. Неожиданный случай помог им скоро исполнить свое намерение. Один из учеников Христовых, из числа Его двенадцати апостолов, Иуда Искаротский (уроженец города Кариота), зная их злые намерения относительно Учителя, решился воспользоваться этим для удовлетворения своей страсти к деньгам. Он пришел к первосвященникам во время их совещания и спросил их: «Что вы дадите мне, если я вам предам Иисуса?» Они предложили ему тридцать сребреников. Это была, по закону, цена раба. Иуда согласился на эту сделку и с этих пор искал удобного случая предать Иисуса Христа в руки врагов Его.

Сравнение евангельских сказаний об этом событии и экзегетические примечания

М. Муретов. «Православное обозрение», 1883

В то время как члены великого синедриона, решив во что бы то ни стало взять Иисуса и после праздника Пасхи предать Его смерти, были озабочены исполнением своего намерения, один человек неожиданно изменил их план и ускорил развязку. То был Иуда, по прозванию Искарот, из числа двенадцати приближеннейших учеников Господа.

«Тогда, – так повествует святой Матфей, – один из двенадцати, называемый Иуда Искарот, пошел к первосвященникам и сказал: что хотите дать мне, и я вам предам Его? Они же поставили ему тридцать сребреников. И с того времени искал удобного случая, чтобы Его предать» (Мф. 26:14–16). Марк рассказывает факт в общем согласно с Матфеем, но в частности есть и некоторые особенности. «И пошел, – говорит он, – Иуда Искарот, один из двенадцати, к первосвященникам, чтобы Его предать им. Они же, услышав, обрадовались и обещали ему дать денег. И искал, как бы в удобное время предать Его» (Мк. 14:10–11). Марк не говорит, что сам Иуда, и притом прежде всего, потребовал от синедрионистов денежной награды: Иуда пошел к первосвященникам для того, чтобы предать Господа, деньги же были обещаны Иуде первосвященниками. Кроме того, Марк не указывает точно, какая сумма была обещана Иуде за его злодейство; он говорит вообще, что Иуде обещали дать денег. Лука передает дело так: «Вошел сатана в Иуду, называемого Искаротом, бывшего из числа двенадцати. Он пошел и уговорился с первосвященниками и начальниками о том, как им предать Его. Они обрадовались и положили дать ему денег. И он согласился и искал удобного случая предать Его им без народа» (Лк. 22:3–6). Как и Марк, и Лука не говорит, что Иуда сам наперед потребовал денежной награды; прямою и непосредственною целью его тайного появления пред священниками было предать Иисуса; деньги же предложены

Иуде после уговора о предании Господа, и Искарriot только согласился их взять. Далее, если Матфей, по-видимому, указывает на сребреники, как на главную причину поступка Иудина, а Марк вообще ничего не говорит о мотивах измены, то Лука, согласно с Иоанном (13:2, 27), прямо и выразительно указывает на сатану, который вошел в Иуду. Наконец, согласно с Марком, Лука не указывает точно, сколько сребреников получил Иуда, но говорит вообще о денежной награде, данной предателю от синедриона.

Что же до Иоанна, то он совсем умалчивает об этих предварительных переговорах Иуды с синедрионом. Он упоминает только о последнем появлении Иуды перед первосвященниками за отрядом служителей, с которыми предатель тотчас же отправился в Гефсиманскую рощу для взятия Иисуса (Ин. 13:26–30; 18:3). На этом основании некоторые критики отрицают достоверность синоптических известий, утверждая, что мысль и решение предать Иисуса впервые возникли в Иуде только на Тайной Вечере. Но, не говоря уже о том, что синоптические известия более соответствуют исторической естественности дела, – и в четвертом Евангелии ясно предполагаются предварительные уговоры Иуды с синедрионом – ранее Тайной Вечери. На это указывают слова Господа к Иуде: «Что делаешь, делай скорее» (Ин. 13:27); то же самое приходится заключать из заметки, которою евангелист начинает описание Тайной Вечери: «Когда диавол уже вложил Иуде мысль предать Его» (13:2); наконец, несвойственные Иоанну краткость и общность рассказа о предании Господа несомненно предполагают в читателях знакомство с более подробными синоптическими известиями об этом (ср. 18:3).

К сделанному текстуальному сравнению евангельских повествований присоединим несколько экзегетических замечаний.

Предателем, по известию всех евангелистов, был один из двенадцати Иуда, по прозванию Искарriot, – в греческой рукописи Ἰσκαριώτης, Ἰσκαριώθ, Σκαριώτ, Σκαριώτης, ὁ ἀπό Καριώτου, лат. Carioth, Cariothes и др.

Значение этого прозвания спорно. Одни придают ему вещественный смысл и видят в нем указание или на характер Иуды, или же на его измену. Другие ученые (большинство) принимают прозвание «Искарriot» в географическом значении и видят в нем указание на место рождения Иуды, производя слово Ἰσκαριώθ от евр. isch – муж и собственного Kerijoth – город в колене Иудином на северной границе его, нынешний Куриут. В таком случае это прозвание будет означать: «человек из (города) Кариот, Кариотянин».

В пользу этого производства говорят следующие основания: а) аналогия с подобными же еврейскими прозваниями: isch-jeruschalim – человек из Иерусалима, Ἰεροσός, евр. isch-tob – муж из земли (или города) Тов; б) правописание в некоторых рукописях без начального слова isch – Καριώτης, Καριώθ и лат. Karioth, т. е. просто кариотянин, вместо «человек из Кариота»; в) в некоторых греческих рукописях это название передается словами ὁ ἀπὸ τοῦ Καριώθ – буквальный перевод еврейского isch-kerijoth – кто из Кариота, кариотянин; г) наконец, только при географическом значении этого названия возможно объяснить, что в некоторых древних рукописях оно прилагается и к отцу Иуды – Симону. Таким образом, из двенадцати галилейских учеников Иисуса один Иуда был иудеянин (Деян. 2:7), откуда весьма легко объясняется, почему за ним одним в обществе Иисусовом утвердилось именно географическое прозвище, по месту происхождения.

По известию синоптиков, предварительный переговор Иуды с первосвященниками происходит после того заседания синедриона, на котором было окончательно постановлено казнить Иисуса (Мф. 26:2–6 и парал.) и которое было за два дня до Пасхи, следовательно, после 12 или 13 Нисана, – и ранее того утра, когда Господь послал из Вифании двух учеников в Иерусалим для приготовления пасхальной вечери, следовательно, ранее 13 или 14 Нисана. Таким образом, переговоры Иуды с синедрионом о предании Господа могли происходить только в ночь: или между 12 или 13 Нисана, если последнюю вечерю Господа относить на 13 Низана, или же между 13 и 14 Низана, если 14 Нисана признать пасхальную

вечерю, что вероятнее. На ночное время указывают Матфей и Марк, если рассказывают о предании вслед за вифанскою вечерею в доме Симона прокаженного. Ночного мрака требовало и само дело. Иуда шел уговориться с первосвященниками о тайном захвате Иисуса. Для этого требовалась крайняя осторожность; днем, при многочисленном стечении народа в храме, Иуду могли бы заметить входящим и выходящим из первосвященнического дома, и тогда его коварный замысел остался бы без успеха.

По известиям Матфея и Марка, Иуда явился со своим предложением прямо к первосвященникам. Под этими последними всего естественнее разуместь первосвященника Каиафу и бывшего первосвященника Анана. Но трудно понять, каким образом обыкновенный иудей из низкого сословия мог иметь такой легкий и скорый доступ, и притом в столь неурочное время, к верховным представителям еврейского народа. Кроме того, множественное *ἀρχιερεῖς*, договор с Иудою, изменение первоначального приговора синедриона относительно казни Иисуса и пр., все это дает видеть, что предложение Иуды обсуждалось не одними первосвященниками, и притом домашним образом, но официально, и если не всеми, то наиболее влиятельными членами великого синедриона. Как объяснить это экстренное собрание синедрионистов в ночное время? Разъяснение находим у евангелиста Луки в заметке, что Иуда явился к первосвященникам и начальникам – *στρατηγοῖς*. Что это за стратеги? В 52 стихе той же главы они называются *στρατηγοὶ τοῦ ἱεροῦ* – начальники храма. В Деян. 4ῶ *στρατηγός* стоит рядом с *ἱερεῖς*; в 5:24–26 он представляется важным в иудейской администрации лицом; ему принадлежит судебная власть, в его распоряжении находятся слуги, он стоит в близкой связи с синедрионом; у Иосифа Флавия один стратег по имени Анан вместе с первосвященником Ананием отсылаются Кодратом в Рим как самые знатные лица из иудеев. У того же писателя находим указание, что стратег был одним из первосвященников (то есть из священников, которые были членами великого синедриона); ему принадлежит главный надзор за двором храма; он же имел у себя ключи от медных

ворот храма. В Талмуде он называется «Князем горы храма» (то есть Сиона) и распоряжается храмовыми стражами. Но, кажется, и начальники каждой отдельной стражи назывались также *στρατηγὸί* или *αρχοντες* (Деян. 16:20, 22, 38) и в этом значении всего естественнее принимать это название в рассматриваемом месте. Стратеги жили при храме – в особенных пристройках, точно же, как и первосвященники и члены великого синедриона. Итак, под прикрытием ночного мрака, когда Вифания покоилась мирным сном, Иуда, вероятно, чрез Масличную гору пробирался в Иерусалим ко храму с своим коварным замыслом – тайно выдать Иисуса первосвященникам. В обычное время ворота храма как внутренние, так и внешние, запирались после вечерней жертвы. Но на праздник Пасхи двор храма открывался для народа до полуночи. Без всяких затруднений предатель проник во двор храма и чрез храмовую стражу мог потребовать свидания с первосвященником. Слуги, находившееся в непосредственном ведении стратега, вероятно, доложили сначала своему начальнику, которые не замедлили снести с первосвященниками: дело было серьезное и неотложное. Так, в короткое время могли собраться несколько членов синедриона и во главе с первосвященниками Каиафой и Ананом составить экстренное заседание. Иуда был потребован на аудиенцию. По известию Марка и Луки, радость осветила лица синедрионистов, когда они узнали цель тайного появления пред ними Иуды. И естественно: предложение Искарота как нельзя более согласовалось с собственным планом синедрионистов и облегчало его исполнение, при содействии Иуды достигалось самое главное и вместе самое трудное – взятие Иисуса без шума и свидетелей.

Уговорившись с Иудою относительно времени и места взятия Иисуса, синедрионисты – по Матфею – постановили *ἐσθῆσαν* (ср. Деян. 18:31), или, как пишет Лука, согласно решили (*συνέθεντο*) выдать предателю денежную награду, и притом, по известию Матфея, в количестве тридцати сребреников. В виду *ἐπηγγείλαντο* – «обещали дать ему денег» – Марка нужно полагать, что в этом заседании синедриона было постановлено только выдать награду предателю, но сребреники получены

были Иудею после – в ночь предания Господа. 'Арууриов, евр. shekel, сребреник был первоначально единицею веса вообще, и в частности серебра, также золота и других металлов; но впоследствии это название было усвоено серебряной монете, которая употреблялась у евреев времен Христа при сборе податей в торговых операциях и других случаях как денежная единица – подобно английскому фунту или нашему рублю. Вес сикля, а равно и стоимость его изменялась в разные эпохи, поэтому можно сделать только приблизительное определение их. С древних времен у евреев различались два сикля: обыкновенный и священный; первый стоил вдвое меньше второго. Сикль священный (sekelkedosch) как чеканная серебряная монета был введен у евреев при Симоне около 143 года до Р. Х. (1 Макк. 15:6). Несколько экземпляров этой монеты сохранилось до нашего времени; она имеет круглую форму с изображением пальмы, или чаши, или расцветшего жезла – и надписью: «Ierushalaim kedosch – святой Иерусалим» и «sekel-jesrael – сикль Израилев». На позднейших экземплярах встречаются и греческие надписи. Приблизительный вес и стоимость сикля равняется 272 французским гранам. Из Мф. 27с несомненно открывается, что евангелист понимает священный сикль, а не полусикль обыкновенный. Таким образом, за свое злодейство Иуда получил около 90 франков, или 18–20 рублей серебром.

Сумма эта в Ветхом Завете назначается за раба, убитого волком (Исх. 20:32); у пророка Захарии 30 сребреников упоминаются в качестве презренной и ничтожной суммы, которую неблагодарный народ израильский оценивает попечение о нем Иеговы (Зах. 11:12–13); у пророка Осии эту сумму определяется цена распутной женщины (Ос. 14:2); у раввинов она является, так сказать, специальною ценою каждого раба без различия пола и возраста. Вообще оценка в 30 сребреников в глазах еврея времен Христа служила символом ничтожества и выражала презрение к тому, кто ею оценивался: его цена грошовая, рабская. Вероятно, какой-нибудь остроумный синедрионист думал в этой презренной цене найти средство отмстить ничтожному галилеянину, дерзавшему

колебать высокий авторитет представителей еврейской книжности и учености. Этими 30 сиклями хотели выразить пренебрежение к лжемессии как человеку, который стоит не более любого раба. Предатель, как извещает Лука, согласился (ἐξωμόλουσεν) и взял эти жалкие гроши. Но если злоехидная и спесивая ученость синедрионистов этими 30 сребрениками думала отмстить Иисусу, то Промысел нашел средство дать этой цене другое значение: именно в этой-то презренной сумме буквально исполнилось старинное пророчество Захарии о 30 сребрениках, коими неблагодарный народ оценил отеческое попечение о нем Иеговы: «И сказал им Иегова: если угодно вам, дайте Мне плату Мою; если же нет, не давайте. И они отвесили Мне в уплату тридцать сребреников. И сказал Господь (пророку): брось их в церковное хранилище... высока цена, какую они оценили Меня!... и взял я тридцать сребреников, и бросил их в дом Господень для горшечника» (Зах. 11:12–13). Если за попечения о себе Отца неблагодарный Израиль платит рабскою ценою, что тоже удивительного, если и Сын удостоивается только тридцати сребреников?

Гнусность сердца предателя Иуды

Митр. Григорий. Из Слова во святую Великую Среду. «Духовная беседа», 1858

Тогда шед един от обоюнадесяте, глаголемый Иуда Искаротский, к архиереом, рече: что ми хотите дати, и аз вам предам Его (Мф. 26:14–15).

Иуда, предатель нашего Господа, весьма примечателен в истории дурных людей и стоит того, чтобы обратить на него внимание. Ни мудрость, ни святость жизни, ни многочисленные благодеяния нашего Господа Иисуса Христа не произвели спасительного действия на Иуду. Он никогда не был привязан к Господу сердечною любовью и оставался при Нем не по чему иному, как только по корысти.

Главная страсть Иуды была корыстолюбие, родившееся, вероятно, оттого, что у него находился денежный мешок, принадлежавший нашему Господу с Его учениками. Корыстолюбие, наконец, взяло над ним такую силу, что он не стыдился красть из общего мешка, и брал себе даже и то, что назначалось в милостыню бедным. Когда же он увидел, что ему от Иисуса Христа нельзя ждать никаких временных выгод, то охладел к Нему до того, что даже тридцать сребреников могли расположить его сделаться Его предателем. Корыстолюбие подавило в Иуде все добрые чувствования; он не устыдился даже сам предложить злобным и крайне злонамеренным еврейским архиереям услугу предать им своего Учителя и Господа. За пасхальную вечерю совесть сильно обличала Иуду в преднамеренном им предательстве, однако он, слыша слова Господа к Своим ученикам: *един от вас предаст Мя (Мф. 26:21)*, смело, вслух своих собратий, спрашивал: *еда аз есмь, Господи? (Мф. 26:22)*. Боль, какую Иисус Христос произвел в нем обличением его в предательстве, он сильно чувствовал. Глубокая скорбь Иисуса Христа о том, что Он предается одним из Своих учеников, именно Иудою, не согрела и не смягчила Иудина сердца, хотя он ясно видел ее: Иуда не способен был к состраданию. Чем яснее Иуда видел, что узнают его

предательство, тем сильнее побуждало это его к скорейшему исполнению предательства. Потеряв все уважение и всю привязанность к своему Учителю и Господу, Иуда исполнил предпринятое им злое дело в самом присутствии своего Учителя. Он не только издали указал воинам своего Господа, но подошел к Нему Самому, обнял Его, поцеловал Его. Предательство самое бесстыдное! Как понять такое отвратительное предательство? Как понять, что ученик предал своего Учителя людям худым, явно злобным и злонамеренным, – Учителя благороднейшего, совершенно беспорочного, преисполненного любви и доброжелательства, Учителя, Который так часто всем являл силу Своего всемогущества и ведения, принадлежащего только Богу? Как понять, что этот ученик сам подошел к своему Учителю с людьми, которые должны были связать и взять Его, – подошел и поцеловал Его? Не теряйтесь в догадках. Как никакой плотской человек не может понять побуждений человека духовного и святого; так никакой беспорочный и святой человек не может понять побуждений человека вполне нечестивого; потому что как в том, так и в другом человеке живет и действует сила, высшая человеческой: в первом – Дух Святой, во втором – сатана. Как первый живет в состоянии вышеестественном, так не в естественном состоянии живет и второй. Об Иуде ясно сказано: *и по хлебе вниде в онь (в Иуду) сатана (Ин. 13:27)*. До сего времени в Иуде был еще некоторый стыд, и он таился; но с сего времени он начал поступать совершенно бесстыдно, как не поступает ни один человек, ежели бы сатана не взял его под свою полную власть. А сатана всегда берет под свою полную власть человека в его главной страсти. Доколе человек еще не весь предался своей главной страсти и посему еще не потерял своей совести и не впустил сатаны в свое сердце, до тех пор в нем всегда есть еще некоторый стыд и некоторое действие стыда. А доколе в человеке есть хотя несколько стыда, до тех пор он не может делать зла без некоторой внутренней борьбы, и делает это робко, делает тайно от других, особенно отнюдь не делает в присутствии благородного человека, и нередко желал бы скрыть делаемое им зло даже от себя самого. Но когда он

предается своей любимой страсти вполне, тогда становится совершенно другим человеком; тогда от того, от чего он отступал с ужасом, уже не отступает, привык к тому и, наконец, делает то с непостижимым бесстыдством.

Великий Четверток

Соглашение евангельских сказаний о Пасхе, которую совершил Иисус Христос в навечерии Своей крестной смерти

(Мф. 26:17–20; Мк. 14:12–18; Лк. 22:7–16; Ин. 12:1; 18:28; 19:31)

«Православный собеседник», 1861

Определенные свидетельства трех евангелистов – святого Матфея, святого Марка и святого Луки – поставляют вне всякого сомнения то, что Иисус Христос накануне Своей крестной смерти совершил с своими учениками Пасху, предписанную в Законе Моисеевом, узаконенным образом и в положенное время, то есть в 14 день месяца Нисана, в четверток. Но, несмотря на то, многие писатели высказывали свои сомнения как относительно того, в какой именно день совершил Иисус Христос Свою последнюю на земле Пасху, так и относительно того, законную ли, иудейскую ли Пасху тогда Он совершил. Повод к сомнениям находили в тех местах Евангелия от Иоанна, в которых говорится, что в эту Пасху иудеи ели агнца пасхального в пятницу, в день смерти Иисуса Христа. Возникавшие вследствие таких недоумений мнения о последней Пасхе Иисуса Христа весьма разнообразны. Так, во-первых, одни утверждали, что Иисус Христос на последней Своей вечери с учениками совершил Пасху законную, иудейскую, и именно: Ориген, Епифаний Кипрский, Протерий, патриарх Александрийский, Иоанн Златоуст, Тит, епископ города Боцры (IV века), Кирилл Александрийский, Софроний, патриарх Иерусалимский, Иоанн Дамаскин, Михаил Керулларий, патриарх Константинопольский, Феофилакт Болгарский, Евфимий Зигабен, и т. д.; напротив, другие полагали, что Иисус Христос на последней вечери не совершал Пасхи законной, то есть не вкушал пасхального агнца, а именно: Аполлинарий, епископ Иерапольский (II века), Климент Александрийский, Ипполит Римский, Виктор Антиохийский, составитель «хроники пасхальной» (VII века), Никита Стифат, Петр, патриарх Антиохийский, киевские митрополиты Леонтий и Иоанн (XI века);

во-вторых: одни думали, что Иисус Христос совершил пасху 14 числа месяца Нисана, как, например Евсевий Кесарийский, Протерий и пр., другие доказывали, что 13 числа, например, Климент Александрийский, Ипполит Римский, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Евфимий Зигабен и др., а другие замечали только, что Христос совершил Пасху ранее всех одним днем, не говоря, какого числа, например, Епифаний Кипрский. Такое разнообразие мнений уже указывает на затруднения в соглашении различных сказаний евангелистов об одном и том же событии. Каким же образом согласить выражения евангелиста Иоанна о последней Пасхе Иисуса Христа со свидетельствами трех прочих евангелистов, нимало не изменяя смысла ни тех ни других?

Сравним места Евангелий, где говорится о совершении последней Пасхи Иисусом Христом.

Вот что повествует евангелист Матфей²⁰: «В первый день опресночный приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить Тебе пасху? Он сказал: подите в город к такому-то и скажите ему: Учитель говорит: время Мое близко; у тебя совершу пасху с учениками Моими. Ученики сделали, как повелел им Иисус; и приготовили пасху. Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками» (Мф. 26:17–20).

Евангелист Марк говорит так: «В первый день опресноков, когда закалали пасхального агнца, говорят Ему ученики Его: где хочешь есть пасху? Мы пойдем и приготовим. И посылает двух из учеников Своих, и говорит им: пойдите в город; и встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним. И куда он войдет, скажите хозяину дома того: Учитель говорит: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими? И он покажет вам горницу большую, устланную, готовую²¹; там приготовьте нам. И пошли ученики Его и пришли в город и нашли, как сказал им, и приготовили пасху²². По наступлении вечера Он приходит с двенадцатью. И когда они возлежали и ели, Иисус сказал: истинно говорю вам: один из вас, ядущий со Мною, предаст Меня» (Мк. 14:12–18).

Евангелист Лука излагает дело следующим образом: «Настал день опресноков, в который надлежало заколать²³

пасхального агнца. И послал Иисус Петра и Иоанна, сказав: пойдите, приготовьте нам есть пасху. Они же сказали Ему: где велишь нам приготовить? Он сказал им: вот, при входе вашем в город, встретится с вами человек, несущий кувшин воды; пойдите за ним в дом, в который войдет он, и скажите хозяину дома: Учитель говорит тебе: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими? И он покажет вам горницу большую, устланную; там приготовьте. Они пошли и нашли, как сказал им, и приготовили пасху. И когда настал час, Он возлег, и двенадцать апостолов с Ним. И сказал им: очень желал Я есть с вами пасху сию прежде страдания Моего. Ибо сказываю вам, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божием» (Лк. 22:7–16).

Эти места ясны и не допускают никакого сомнения в том, что Иисус Христос в последней год Своей земной жизни, накануне Своей крестной смерти с двенадцатью учениками Своими вкушал агнца пасхального, предписанного законом и в узаконенное время.

Между тем некоторые места в Евангелии Иоанна показывают, что иудеи в тот год ели агнца пасхального в пятницу, в день смерти Иисуса Христа, и таким образом представляют затруднения к решению вопроса.

Во-первых, такое затруднение представляется в следующем месте: «За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых» (Ин. 12:1). Это случилось, вероятно, в субботу (в последний день недели), потому что вшествие Иисуса Христа в Иерусалим в следующий за тем день совершилось, по преданию, в первый день недели (соответствующий нашему воскресенью). Таким образом, выходит, что Пасха иудейская была тогда в пятницу, а не в четверг, в который совершил ее Иисус Христос. Но здесь затруднение легко может быть устранено. Если евангелист в этом месте определяет время по общеупотребительному у иудеев способу, то он совмещает в своем счислении субботу – день, когда пришел Спаситель в Вифанию, – и четверг накануне Пасхи, то есть то самое навечерие Пасхи, когда агнец пасхальный был вкушаем

Иисусом Христом и Его учениками. Ибо известно, что и это навечерие Пасхи, и самый праздник, который начинался в следующий день, у иудеев были одинаково называемы *Пасхою*. Следовательно, выражение евангелиста Иоанна за *шесть дней* до Пасхи равно прилагается и к четвергу, и к пятнице, и потому не дает еще основания к решительным заключениям. Упомянутое сейчас двоякое употребление слова *пасха* уничтожает другое затруднение, которое можно извлечь из другого места Евангелия Иоанна, где он вечер четверга не называет еще Пасхою, а выражается об нем так: *пред праздником Пасхи* (Ин. 13:1).

Во-вторых, следующие два места того же Евангелия святого Иоанна, по своей трудности, несравненно более важные. Первое: «От Каиафы повели Иисуса в преторию. Было утро; и они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы *можно было есть пасху*» (Ин. 18:28); второе: «Так как *тогда* была пятница, то иудеи (то есть первосвященники и старейшины), дабы не оставить тел на кресте в субботу, ибо та суббота была великий день, просили Пилата, чтобы перебить у них голени, и снять их» (Ин. 19:31). Здесь прямо говорится, что иудеи в этот год праздновали Пасху, то есть ели агнца пасхального, вечером в пятницу. Чтобы устранить затруднение в первом из этих мест, говорит, что под пасхою, которую гонители Иисуса готовились есть в пятницу, разумеется не агнец пасхальный (уже съеденный в четверг), но то мясо, которое оставалось от жертв, принесенных во время празднества в храме. Правда, в Священном Писании эти приношения также называются *пасхою*, но едва ли можно согласиться, что первосвященники и старейшины для того, чтобы можно было есть именно остатки от принесенных жертв, не захотели войти в преторию из опасения оскверниться, если бы только самое празднование Пасхи позволяло им это. Без твердых доказательства нельзя придавать такую важность этим остаткам от жертвоприношений, о которых мы сейчас сказали. Во втором месте день смерти Иисуса Христа назван *пятницею пред Пасхою* (слич. Ин. 19:14), то есть кануном субботы или *днем приготовления* (παρασκευή). Говорят, что каждая пятница

называлась *днем приготовления* (παράσκευῇ) по отношению к следующей субботе. Может быть, хотя мы нигде не находим на это доказательств. Но пусть было так. Все же мы не можем поверить, чтобы *днем приготовления* назывался первый день праздника Пасхи, когда он приходился в пятницу. Ибо первый день великого праздника должен был считаться самым торжественным днем целого года. Но эта пятница, в приведенном месте, очевидно, стоит в тени – о ней упоминается как о *дне приготовления*, а о следующей субботе сказано: *та суббота была великий день*. Почему она была выше, торжественнее, чем другие субботы? Потому что эта суббота была неделей Пасхи. Но если эта суббота получила свою торжественность от праздника, то первый день праздника, конечно, был еще торжественнее, еще важнее этой субботы.

Разбирая указанные затруднения, некоторые писатели утверждали, что именно рассматриваемая пятница и была 14-й день месяца Нисана. Потому-то, думали они, первосвященники и старейшины не хотели входить в преторию, чтобы можно было им есть агнца пасхального вечером. Господь наш, говорили они, не вкушал истинного агнца пасхального, предписанного законом, но совершил только вечерю в память этого агнца, ибо Он предвидел, что вечером будет взят врагами и что поэтому Ему невозможно будет вкушать агнца пасхального по закону.

Защитники этого мнения, чтобы усилить свои доказательства, употребляли еще аналогии. Прилично было, говорили они, Спасителю нашему, Первообразу прообразовательных агнцев, Которого святой апостол Павел называет Агнцем пасхальным, закланным от нас (1Кор. 5:7), умереть в тот самый час, когда был закалаем прообразовательный агнец пасхальный. Конечно, аналогии ничего не доказывают; но когда они так поразительны, как выставленные теперь, то придают некоторую силу мнениям, особенно, когда говорится о Пасхе, которая была богата символами.

Кроме того, ссылаются на новейшие астрономические вычисления, по которым 14-е число месяца Нисана было в пятницу в 33 году нашего летосчисления, а этот год многими

хронологами признается за действительный год смерти нашего Спасителя; тогда как по другим вычислениям 14-е число месяца Нисана рассматриваемого года приходилось в четверг. Как бы то ни было, мы не имеем никакого основания думать, что иудеи были хорошие астрономы и могли делать сложные астрономические вычисления с такою точностью, до какой не только тогда, но даже ныне можно достигнуть с большим трудом. Известно, как трудно было христианам, даже в то время, когда, под правлением христианских императоров – все пособия науки находились в их распоряжении – определить в каждый год, по правилам астрономическим, тот день, в который надлежало праздновать христианскую Пасху. И мы впали бы в большие ошибки, если бы стали судить об астрономических сведениях иудеев по удивительной точности их юбилейного периода, которая давала их хронологии такую степень верности, какой не имеет даже хронология григорианская. Юбилейный период их установлен был Моисеем по откровению Божию: он был результатом таких соображений, которых иудеи не знали. Они так мало упражнялись в астрономических знаниях, что, если верить раввинам, каждый месяц подстерегали на горах явление новой луны для точнейшего определения своих праздников; этот метод часто, конечно, поставлял их сведения в зависимость от облаков и туманов. Таким образом, астрономические вычисления в рассматриваемом вопросе не могут быть приняты во внимание по невозможности приложить их к делу с какою-нибудь достоверностью.

Весьма многие свидетели, и свидетели достовернейшие, отцы и учителя Церкви, как греческие, так и латинские, о которых мы упомянули выше, говорят о празднике, совершенном Иисусом Христом накануне Своей смерти, как о Пасхе законной, которую Он праздновал в определенное законом время и предписанным образом. И как иначе объяснить столь ясные свидетельства трех евангелистов? Правда, Господь наш «очень желал есть эту пасху с Своими учениками» (Лк. 22:15) потому, что хотел в эту вечерю установить святое таинство Евхаристии; но, говоря Своим ученикам так просто и с

такую любовь о приготовлении пасхи для Него, Он, конечно, разумел того пасхального агнца, который естественно представлялся уму апостолов, о котором Он говорил им и в прежние годы, которого ели они каждый год и которого есть пришло время и в этот год.

Чтобы слова евангелиста Иоанна согласить с повествованиями прочих евангелистов, надлежало бы, по общеизвестным строгим правилам герменевтики, изъяснять слова его одного словами прочих трех; но как у трех прочих евангелистов не выражено определенно, в какой *именно день* ели пасхального агнца иудеи, то, нимало не извращая ясного смысла их повествований и свидетельств почтенной древности, можно остановиться на изъяснении тех толкователей, которые утверждают, что Иисус Христос вкушал агнца пасхального со Своими учениками вечером в четверг, в 14-й день Нисана и, следовательно, в узаконенное время и предписанным в законе образом, – что первосвященники и фарисеи ели агнца в следующий день, то есть в пятницу, 15 числа, и что, вероятно, большая часть иудеев поступила точно так же.

Мнение это поддерживали уже многие писатели. Но как 14-й день Нисана назначен был законом Божиим для отправления пасхального торжества, а 15-й день для первого торжества *семидневного* праздника, то естественно возникает вопрос: возможно ли, чтобы Иисус Христос вкушал агнца пасхального в четверг, тогда как архиереи и фарисеи ели бы его в пятницу? Некоторые из древних учителей Церкви уже отвечали на этот вопрос так: «Они (иудеи) ели ее на другой день и нарушили закон, чтобы только достигнуть своего желания – умертвить Его. Не Христос преступил время Пасхи, а они, на все дерзающие и поправшие многие законы; потому что весьма кипели гневом, и многократно покушались взять Его, но не могли. Теперь же, захватив Его неожиданно, они предпочли оставить пасху, чтобы только удовлетворить своему кровожадному желанию». Это побуждение отсрочить Пасху едва ли можно допустить во всей строгости. Архиереи и синагога, которые весьма боялись народа, как мы видим это из многих мест Евангелия, не посмели бы действовать так решительно, тем более что только

за несколько дней пред тем, когда Иуда предложил им продать своего Божественного Учителя, они переменили прежде принятое ими решение – не умерщвлять Иисуса в продолжение праздника (Мф. 26:5, 14–15). Евангелисты также не прошли бы таким решительным молчанием распоряжение архиереев об отсрочке Пасхи для означенной цели.

Есть еще предположение, что по причине многочисленности агнцев пасхальных, которых должно было заколоть в преддверии храма, обитатели Иерусалима и собственно так называемой Иудеи, по заведенному обыкновению, ели агнца пасхального, согласно с законом, в 14-й день месяца Нисана, тогда как галилеяне и все прочие израильтяне, пришедшие из иноплеменных стран, ели его в 13-й день вечером. Поэтому-то Иисус Христос, воспитанный в Назарете и проводивший большую часть жизни Своей в Капернауме, вкушал пасху с Своими учениками, которые все были галилеяне, в 13-й день Нисана, сообразуясь, таким образом, с установлением тех, которые, сидя на седалище Моисеевом, ввели это двоякое торжество.

Гораздо более вероятно другое мнение: что четверг, в который Иисус Христос со Своими учениками вкушал агнца пасхального, был в 14-й день Нисана, следовательно, день, определенный законом, но что архиереи и верховный совет, для того, чтобы две субботы (то есть Пасха и субботний день недели), в которые обе запрещалась всякая работа, не следовали непосредственно одна за другою, перенесли праздник Пасхи с пятницы на седьмой день недели – на субботу, то есть с 15-го числа на 16-е, и таким образом навечерие Пасхи, когда ели пасхального агнца, пришлось в пятницу – 15-го числа. Иисус Христос, исполнявший закон во всей точности, не принял никакого участия в этом нововведении. Это объяснение, кажется, очень просто устраняет все затруднения и поставляет слова евангелиста Иоанна в совершенном согласии с словами трех евангелистов. Может быть, следующие слова евангелиста Луки: «Настал день опресноков, в который надлежало заколоть пасхального агнца» (Лк. 22:7), – заключают в себе намек на самовольное нововведение недостойных князей израильских.

Таким образом, по этому вероятному мнению, Иисус Христос вкушал агнца пасхального, предписанного законом, в четверг вечером, в 14-й день Нисана, в определенное время и предписанным в законе образом, в чем не позволяют нам сомневаться свидетельства трех евангелистов, взятые вместе. Может быть, и другие еще, для которых нововведение архиереев и старейшин было предметом соблазна, ели агнца в тот же самый вечер. Но сами архиереи и старейшины ели пасху в пятницу, 15-го числа, и, вероятно, большая часть иудеев поступила подобно им. По соображению приведенных мест Евангелия от Иоанна с тем обстоятельством, что князья народа проводили этот день в деятельности – именно занимались судебным допросом, где дело шло о жизни или смерти, также переговорами с язычниками, приготовлениями к распятию, которому должен был подвергнуться обвиненный, – по этому соображению оказывается, что в тот день они еще не праздновали Пасху; потому что если бы они праздновали первый день праздника Пасхи, то не стали бы заниматься никаким делом, тем более судом и казнью.

Есть еще обстоятельство, которое заставляет верить, что первый день праздника Пасхи был перенесен иудеями на субботу. Во второй день праздника, то есть, как об этом положительно говорит Иосиф Флавий, 16-го числа Нисана, согласно Божественному установлению, был приносим в храм первый сноп ячменя. Считая от этого дня, праздник Пятидесятницы иудейской приходился в пятидесятый день. По общепринятому преданию, этот праздник в тот год был в первый день недели (воскресенье), так как и воскресение Иисуса Христа из мертвых случилось в этот же день. Но если бы первый сноп ячменя принесен был в седьмой день недели (в субботу), то праздник Пятидесятницы должен был бы падать тоже на седьмой день недели – на день субботний. Следовательно, вторым днем праздника в том году у иудеев была не суббота (16-е число), а первый день недели (17-е число), первым днем праздника – суббота (16-е число), а навечерием Пасхи – пятница (15-е число).

Итак, Спаситель наш Иисус Христос, исполнивший весь ветхий закон и Свою последнюю на земле Пасху совершил законным образом и в установленное время, то есть в четверг вечером – в 14-й день Нисана. Вместе с тем мы не сомневаемся, что Спаситель наш после того, как вкусил пасху в назначенное законом время, умер на кресте в пятницу, именно в ту минуту, когда были закалаемы символические агнцы.

Диакон Кудрявцев. «Христианское чтение», 1867

Первые три евангелиста, согласуясь с евангелистом Иоанном в том, что днем смерти Господа была пятница (Мф. 27:62–64; Мк. 15:42; Лк. 23:54; ср. Ин. 19:14), не могут, по-видимому, быть согласны с ним в том, в каком отношении стоял этот день к законному празднику того года: был ли это день самого праздника или день, предшествовавший ему? По повествованиям первых евангелистов, дело как будто так представляется, что день смерти Господа был и днем самого праздника, следовательно, он был 15-е Нисана, а день вечера был, значит, не иной какой, как 14-е Нисана. По Евангелию же от Иоанна дело представляется так, что день смерти Господа – пятница – не был день самого праздника, а только день предшествовавший ему, значит, это был день 14-е Нисана, а вечера была, следовательно, 13-е Нисана. Вследствие этого три первые евангелиста, начиная говорить о таком времяопределении, формулируют его так: или «в первый день опресночный», как евангелист Матфей, или «в первый день опресноков, когда закалили пасхального агнца», как евангелист Марк, или просто: «приближался праздник опресноков, называемый Пасха», – как евангелист Лука. Последний же евангелист, начиная говорить о таком времяопределении, формулирует его значительно иначе. Он просто говорит, что это было прежде праздника Пасхи: *πρό δέ τῆς εορτῆς τοῦ Πάσχα*. Разница, конечно, не какая-либо догматическая, но тем не менее она касается такого пункта, который не может быть не дорог сердцу христианина и который не может не возбудить в нем самого сильного желания устранить такое важное недоумение. Вот почему ни для одного из кажущихся разногласий не было так много попыток к соглашению, как для

этого. Но, к сожалению, многие из таких попыток не только не облегчили, а скорее затруднили решение вопроса. Между тем этот вопрос не будет представлять ничего особенно трудного, если мы, руководясь преданием отцов Церкви, будем смотреть на повествования евангелиста Иоанна как на дополнения к повествованиям других евангелистов. Вся трудность окажется только в том, что три первые евангелиста, не определив времени события, возбудили в последнем евангелисте желание определять это время возможно точнее и яснее. Вследствие этого вся разность окажется в том, что первые евангелисты говорили менее определенно, а последний – более. Справедливость такого взгляда откроется тотчас, как скоро мы внимательно сравним хронологические указания первых евангелистов с хронологическими указаниями последнего. Первое из указаний евангелиста Иоанна заключается в самом начале повествования его о вечери. *Πρό δέ τῆς εορτῆς τοῦ Πάσχα*. «Прежде праздника Пасхи». Это указание хотя и не принадлежит к числу самых точных, тем не менее оно прямо говорит, что вечеря была не 14 Нисана. Не на праздник Опресноков указывает он, а на праздник Пасхи. Но так как у иудеев праздником Пасхи назывался собственно тот день, в вечер которого вкушаем был агнец пасхальный, то выражение евангелиста «прежде праздника Пасхи» не иное что может означать, как только то, что вечеря была совершена накануне, то есть 13-го числа.

Второе хронологическое указание евангелиста Иоанна гораздо яснее, чем предыдущее. Во время вечери Господь, обличив Иуду в намерении предательства, говорит ему: *Еже твориши, сотвори скоро. Сего же никтоже разуме от возлежащих, к чесому рече ему. Нецыи же мняху, понеже ковчежец имяше Иуда, яко глаголет ему Иисус: купи еже требуем на праздник* (13:27–29). Выражение «на праздник» в сравнении с 1 стихом этой главы не иначе можно понять, как к празднику Пасхи. Следовательно, этот последний предполагается еще ненаступившим. Далее: если бы эти слова произнесены были на вечери 14 Нисана, то немыслимое дело, чтобы апостолы пришли к предположению о какой-либо покупке

в это время даже таких предметов, какие раздавались бедным. Та праздничная ночь, в которую совершалась пасхальная вечеря, считалась временем самым священным, и считалось совершенно незаконным в эту принадлежавшую субботному праздничному дню ночь совершать какую-либо покупку. Особенно немыслимо, чтобы отцы семейств, долженствовавшие участвовать со своими домохозяевами в пасхальной вечери, оставили свои семейства и занимались делами в лавках. Напротив, все это будет очень натурально, если мы примем, что апостолы высказанное предположение выразили в ночи с 13-го на 14 Нисана. В это время действительно купеческий класс в тех видах, чтобы на другой день пораньше окончить свою деятельность, занимался делами более обыкновенного.

Третье указание евангелиста на день совершения пасхальной вечери заключается в указании евангелистом той причины, по которой иудеи не вошли в претор, находившийся в доме Пилата-язычника. Эта причина была та, чтобы им не оскверниться, но есть пасху. Здесь как под словом «пасха» нельзя понимать семидневную жертвенную пищу, или так называемую «хагига», так и под осквернением нельзя понимать того обычного осквернения, которое продолжалось до конца дня. Нельзя понимать слово «пасха» в смысле широком потому, что здесь употреблен член: то Πάσχα, а по библейскому словоупотреблению член употребляется только в тех местах, где говорится собственно об агнце пасхальном; когда же идет дело о жертвах пасхальных вообще, то член опускается (Числ. 28:19–24; Втор. 16:1–3). Точно так же и под осквернением нельзя понимать того осквернения, которое продолжалось будто бы до конца дня и которое не имело будто бы отношения к агнцу пасхальному, употребление которого начиналось уже вечером, относящимся к другому дню. Прежде всего очень невероятно то обстоятельство, чтобы иудеи, находившиеся во время жизни Спасителя в постоянном обращении с язычниками, считали такое обращение вообще нечистым. Но если они, как сказано здесь, опасались осквернения, то это не иначе, как только пред началом той важной трапезы, которая предстояла для них

вечером. Очевидно, только в это время они и могли опасаться таких ничтожных осквернений, как обращение с язычником. Ко всему этому ученый Моверс прибавляет, что если бы здесь разумелся не агнец пасхальный, а обычная хагига, то члены синедриона как занимавшиеся в тот день осуждением Иисуса не могли по законам вкушать ее. Он ссылается далее на Талмуд и говорит, что в 15 Нисана не было обязательно приносить жертву, и следовательно, члены синедриона не могли страшиться лишения такой пищи, которой, в сущности, не могло и быть. Значит, нужно необходимо принять, что под словом «пасха» евангелист понимал употребление агнца пасхального, и опасение иудеев было опасение лишения этого последнего.

Самое ясное указание евангелиста на день совершения вечера заключается в тех местах, где евангелист день распятия Господа называет «пятницею» *παρασκευή τοῦ Πάσχα*: *иудеи же, понеже пятток бе, да не останут на кресте телеса в субботу, бе бо велик день тоя субботы*. Здесь под словом «пятница» нельзя понимать пятницу праздника Пасхи, но пятницу пред Пасхою, в которую вечером должно было вкушать пасхального агнца. Такое понимание имеет следующие основания: 1) хотя слово *παρασκευή* употреблялось иногда для обозначения дня пред субботой, но в Новом Завете везде, где только употребляется это слово, везде употребляется для обозначения покоя, предшествовавшего субботному дню. Так, нельзя понимать *παρασκευή* как день пятницы в том месте, где евангелист говорит, что погребавшие положили Иисуса в ближайшем гробе по причине пятницы иудейской. Точно такое же значение имеет это название и у других евангелистов (Лк. 23:54; Мк. 15:42). 2) Если бы слово *παρασκευή* означало день недели, то была бы совершенно излишняя приставка *του Πάσχα*; в таком случае нужно бы было прибавить не *του Πάσχα*, а *τοῦ σάβτου* или просто употребить *παρασκευή* без всякой приставки. 3) Если бы событие распятия случилось 15 Нисана, в самый день праздника, который праздновался в том году в пятницу, то обозначение следовавшей за этим днем субботы никак не могло бы быть такое, какое евангелист ей дает. Ее никак нельзя бы было назвать великим днем. Все дни, находившееся между

первым и последним днем праздника, назывались малыми днями. Днем же великим назывался только первый и последний день праздника. Такое название встречается в самом Евангелии. Так, говоря о пребывании Иисуса на последнем дне праздника Кущей, евангелист выражается так: «В последний великий день праздника» (Ин. 7:37). Следовательно, с полной уверенностью можно принять, что если евангелист называет субботу великим днем, то называет потому, что к обыкновенному празднику субботы присоединился еще другой, именно – праздник Пасхи: *βε βο велик день тоя субботы*. Значит, можно принять, что события распятия происходили 14 Нисана, а последняя вечеря – 13 Нисана.

Если сопоставим с этими точными и определенными данными) указания на день вечера трех первых евангелистов, то эти последние не только уступят первым по своей численности, но и по своей определенности. Указания евангелистов находятся в одном только месте, где начинают они говорить о вечери, и притом такие, которые и сами по себе недовольно определены, да и в других местах находят себе противоречие. Говоря о дне последней вечери, первые три евангелиста выражаются так: «В первый день опресноков» (τῇ δὲ πρῶτῃ τῶν ἀζύμων – Мф. 26:17). «В первый день опресноков, когда закалили пасхального агнца» (καὶ τῇ πρῶτῃ ἡμέρᾳ τῶν ἀζύμων ὅτε το Πάσχα ἔθυον – Мк. 14:12), «Настал праздник опресноков, в который должно было закалать пасхального агнца» (ἦλθε δὲ ἡ ἡμέρα τῶν ἀζύμων, ἐν ἣ εἶδε θύεσθαι το Πάσχα – Лк. 22:7). Сопоставляя эти три указания, нельзя не заметить, как каждый из евангелистов, сознавая недостаточность выражения своих предшественников, старался уяснить другого. Евангелист Матфей, сказав, что вечеря происходила в день опресноков, употребил такое выражение, которое давало повод думать, что она происходила 15-го Нисана, когда начинался собственно праздник опресноков. Вследствие этого евангелист Марк счел нужным отдалить это время по крайней мере на день назад и потому прибавил: «Когда закалили пасхального агнца». Евангелист Лука заметил, что и это отклонение, сделанное ближайшим его предшественником, недостаточно, и потому

счел нужным еще более ограничить это время и выразился так: «Прииде же день опресноков», то есть только приблизился еще. Таким образом, довольно прямо выраженное указание первого евангелиста было постепенно более и более обобщаемо и, сказать, отклоняемо от того смысла, который мог заключаться в словах первого евангелиста. Уже из этого постепенного уяснения достаточно можно видеть, что выражение πρῶτη не имеет в себе определенного указания на какое-либо время, но это заключение может еще найти для себя поддержку в словоупотреблении. Определенное указание на первый день недели, по изъяснению древних греческих толкователей, никогда не производится чрез слово «πρῶτη», но всегда или по большей части чрез слово «μία». Так, сами первые евангелисты, когда говорили о первом дне недели, в который Христос воскрес, то употребили слово не «πρῶτη», а «μία» (Мф. 28:1; Мк. 16:2; Лк. 24:1; Ин. 20:1). Следовательно, если три первые евангелиста употребили для обозначения дня вечера слово «πρῶτη», а не «μία», то, очевидно, хотели указать на время менее определенное. По объяснению святого Иоанна Златоуста, блаженного Феофилакта и Евфимия Зигабена, днем опресноков евангелисты называют день, предшествовавший празднику Опресноков, в который вечером иудеи должны были есть по закону пасху с опресноками. Но иудеи, говорят они, имели обычай считать дни с вечера, то и день, предшествовавший этому дню, они называли первым днем опресноков. Из всего сказанного следует, что указания первых евангелистов, как указания мало определенные, нимало не противоречат точным указаниям евангелиста Иоанна. Такое заключение можно подтвердить и другими обстоятельствами. Посылая учеников для приготовления комнаты, где должна быть вечеря, Господь велит им сказать такому-то: *Учитель глаголет: время Мое близ есть: у тебе сотворю пасху со ученики Моими* (Мф. 26:18). Такое заявление о близости времени было бы решительно непонятно, если бы Господь хотел совершить вечерю в законное для иудеев время. В этом последнем случае было бы достаточно указать только на желание учителя совершить пасху, и тот, к кому была обращена

речь, вполне бы понял, зачем нужна была такая комната. Есть и еще обстоятельство довольно замечательное. Евангелисты Марк и Лука говорят о возвращении с поля Симона Киринейского, которому иудеи поручили нести крест за Иисусом. Такое возвращение с поля, очевидно, предполагало занятие полевыми работами, которое было бы немыслимо, если бы день распятия был день праздника, исключающий всякого рода деятельность. Представленное нами сопоставление хронологических указаний приводит к несомненному заключению, что разногласия между повествованиями никакого нет, что и первые евангелисты говорят о том же самом дне, как и евангелист Иоанн, только менее определенно, чем этот последний.

При этом рождается только один вопрос, решение которого хотя и не относится прямо к нашему исследованию, но который нельзя обойти молчанием. Вопрос этот состоит в том, по какому же случаю Господь Иисус совершал пасху ранее обыкновенного? Из всех решений этого вопроса самое вероятное, кажется, то, какое дает ученый Гуг и которое, по его собственным словам, было результатом его близкого знакомства с делом. Он говорит, что иудеи после плена Вавилонского, сделавшись много религиознее, начали обременять себя обычаями, для которых не было даже указания в законе Моисея. Так, они не довольствовались празднованием тех дней, которые предписывались Моисеем, но хотели праздновать даже и те, которые им предшествовали. При этом он ссылается на эдикт Августа, где есть уже речь о днях, предшествовавших праздникам, и на талмудические места. Следствием этого, говорит он, было то, что удаление кислых хлебов пред Пасхою, особенно в Галилее, совершалось не только в день, предшествовавший празднику, но даже накануне его, то есть в 13 Нисана. На основании такого мало-помалу образовавшегося взгляда на праздники и в Иерусалиме приготовление агнца пасхального не было безусловно необходимым только в четырнадцатый день. По крайней мере можно полагать, что это дозволено было в отношении к галилеянам, более ревновавшим о днях предпразднственных. К

тому же такое дозволение могло служить большим облегчением для служащих в храме. Заклание 256 000 агнцев в течение нескольких часов было бы слишком обременительно, если бы не дозволялось галилеянам более раннее употребление пасхальных агнцев. Очень неудивительно, что Господь воспользовался этим обычаем галилеян и совершил ветхозаветную пасху ранее обыкновенного, а Сам, как истинный Агнец, долженствовавший заменить прообраз, пострадал 14 Нисана, в день законного празднования Пасхи.

Омовение ног на Тайной Вечери

(Ин. 13:1–17)

Берсье. «Православное обозрение», 1888

Пред праздником Пасхи, Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих, сущих в мире, до конца возлюбил их. И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искароту предать Его, Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его и что Он от Бога исшел и к Богу отходит, встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан. Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: «Господи, Тебе ли умывать ноги мои?» Иисус сказал ему в ответ: «Что Я делаю теперь, ты не знаешь, а уразумеешь после». Петр говорит Ему: «Не умоешь ног моих вовек». Иисус отвечал ему: «Если не умою тебя, не будешь иметь части со Мною». Симон Петр говорит Ему: «Господи! Не только ноги мои, но и руки и голову». Иисус говорит ему: «Омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все». Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все чисты. Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то возлегши опять сказал им: «Знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его. Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете» (Ин. 13:1–17).

«Возлюбив Своих сущих в мире, Он возлюбил их до конца». *До конца*, то есть до последнего часа, когда становится ясным, в чем заключается истинный смысл жизни, когда все мнимое изглаживается и исчезает; *до конца*, то есть до момента несказанных страданий, до момента смертной муки на Голгофе,

на том кресте, где видел Его святой Иоанн, преклоняясь пред милосердием, приносящим себя в жертву за спасение людей.

Иисус хочет еще раз засвидетельствовать эту любовь к Своим ученикам делом, воспоминание о котором навеки запечатлется в их памяти. В этом действии Он хочет дать образ той идеи, которая проникла все Его служение, – идеи добровольного смирения, ради которой Он отдал Себя человечеству. В месте с тем Он хочет показать Своим ученикам, заводящим споры о первом месте в грядущем Царствии, что высшее величие заключается в смирении. Вот почему Он снимает с Себя верхнюю одежду и, как раб, в одном хитоне берет полотенце, Сам опоясывается им и опускается на колена, чтобы умыть ноги Своим ученикам.

«Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его и что Он от Бога исшел и к Богу отходит, встал с вечери... и начал умывать ноги ученикам»... Какое странное сближение! Неужели же Иисус Христос доходит до такой степени смирения именно потому, что знает, что Он от Бога исходит и к Богу отходит? Да, так и должно быть: между этою мыслью и этим действием существует глубокая внутренняя связь. Чем истинно возвышеннее душа человека, тем более доступно ему смирение. Какое же значение имеют для Иисуса, стоящего на безмерной высоте, куда возвела Его воля Отца, все наши жалкие различия в общественном положении, наше ложное величие и наши условные порядки? Какое значение в Его словах имеет наше тщеславие, наше мелкое соперничество, наша борьба себялюбия и гордости? Какое значение имеет людское порицание или презрение в глазах Того, Кто обладает одобрением Божиим? Какое значение имеют все земные унижения для Того, Кто вкусил небесной славы?

О, жалкие поклонники земной славы! Познайте пред лицом коленопреклоненного Спасителя величие унижающего себя милосердия! Воззрите на Него, Господа господствующих, исполняющего обязанность раба, самого презренного раба, ибо на Востоке самый последний из рабов умывает ноги возлежащих за столом. Сравните с этим зрелищем ложное величие эгоизма, хотя бы и наиболее блестящее и

прославленное, – как оно бледнеет и умаляется перед этим высоким самоотвержением! Вот на что захотел Иисус Христос указать свету, вот чего до Него не ведал древний мир, не умевший выразить ни на одном из своих языков слова «смирение». Вспомним, кроме того, что, подвергаясь такому унижению, Иисус Христос возвысил человечество. Без сомнения, и до Него совершались поступки, сходные с Его поступком; так, например, в Индии Будда – может быть, самая благородная и симпатичная личность языческого мира – делил лохмотья и жалкие одры нищих и больных. Но, рассмотревши внимательнее его действия, мы тотчас заметим, что, поступая таким образом, Будда стремился только выполнить требования крайнего аскетизма, чтобы очиститься незаслуженными страданиями. Какая разница между таким стремлением и чувством, воодушевлявшим Иисуса Христа! С того дня, когда в «высокой и устланной горнице» Христос преклонил колена, чтобы исполнить обязанность раба, – раб возвысился, ибо как бы низко ни ставило его людское презрение, он знал, что некогда Сам Спаситель был товарищем его позора и скорби.

Изумление, произведенное этим необычайным поступком, так велико, что апостолы молчат как бы в оцепенении. Лишь один из них не может одержать охватившего его волнения, это – Петр, человек, легко поддающийся первому впечатлению. Во всех таких случаях он первый нарушает молчание. Однажды, когда апостолы колебались ответить на вопрос Иисуса Христа, он первый воскликнул: «Ты – Христос, Сын Бога живого!» В другой раз он же сказал пред удаляющейся от Христа толпой: «Господи! К кому нам идти, как не к Тебе?» – и на этот раз он не может быть молчаливым зрителем смущающего его зрелища и восклицает: «Господи, Тебе ли умывать мои ноги?»

Тогда Иисус отвечает ему известными словами, столько раз уже повторявшимися и столько раз останавливавшими ропот, готовый слететь с уст сомневающихся и колеблющихся. «Что Я делаю теперь, ты не знаешь, а уразумеешь после». Ты не знаешь! Да и как бы мог понять Его Петр, мечтавший о близости царства, готовящегося его Учителю, Петр, мысленно созерцавший, что Иерусалим уже покорен власти Мессии-

победителя, Его враги истреблены и царство Его утверждается среди народов, Петр, сердце которого трепещет в ожидании, что вот-вот, через несколько дней, осуществляются все его грезы? Позже он поймет, позже узнает он, что есть иное Царство, кроме того, о котором он мечтал, иной венец, иная победа: крест покажет ему, к какому торжеству стремился его Учитель, и то унижение, которое теперь смущает его, станет в его глазах вечным напоминанием о том, что и ему, подобно Учителю, следует искать в смирении свое истинное величие.

Слова Иисуса Петру относятся также ко всем нам, и мы должны уразуметь их. «Ты не знаешь теперь, что Я делаю», – так может сказать Господь каждому, ропщущему на постигающее его несчастье. Предначертания Божии стоят выше нашего понимания; даже в самом жалком существовании кроются тайны, сбивающие с толку наш бедный разум. Объясните мне, например, почему прерывается прекрасная и полезная жизнь, между тем как столько бесполезных существ остаются влачить свою жалкую жизнь в страдании? Объясните мне, почему испытание часто обрушивается на самых благочестивых людей и, по-видимому, щадит тех, надменность которых оно могло бы смирить своими ударами? Объясните мне все, что кажется нам роковым в природе и истории! Почему, например, нежно любимый ребенок, окруженный попечениями благочестивых родителей, идет по пути зла с того самого времени, как только может располагать самим собою, и рано погружается в пропасть порока, огорчая и даже сводя в могилу седины старика отца? Объясните мне все несправедливости, все незаслуженные страдания, объясните мне, почему столько тысяч существ осуждены на рождение и жизнь среди нищеты и позора! О, мы рассуждаем об этом, мы одеваем эти скорби в жалкие лохмотья нашей философии, но разве это значит найти объяснение? Да и само Евангелие – вполне ли объясняет оно нам все это?

И все-таки, склоняя голову перед неисповедимостью путей Господних, мы далеки от фатализма; наша покорность – не тупое и нелепое предание себя на волю рока без надежды и утешения. Боже мой, как, должно быть, ужасно склонять голову

перед слепую необходимостью! «Вы здесь ровно ничего не поделаете», – говорят нам в обычное утешение светские люди и полагают, что убедили нас такой перифразой фаталистического принципа. Мы ничего не можем сделать! Да разве вы не видите, что в этом-то именно и заключается то, что усиливает и раздражает скорбь? Сознать свое бессилие, сознавать, что мир движется по пути роковой необходимости и что природа, сокрушая нас своими стихийными силами, не разумнее и не ответственнее простой машины, бесстрастной ко всем слезным мольбам возратить жизнь человеку, измолотому в сцеплении ее зубчатых колес! Нечего сказать, хорошо утешение! О, в тысячу раз лучше бороться до конца и умереть с воплем гнева на устах, чем покориться и жить при таком ходе вещей! Нет, мы не фаталисты. Когда, отказываясь Понять свою судьбу, мы смиренно склоняем голову, то мы преклоняемся Пред волей Отца. Отец говорит нам: «Что Я делаю теперь, ты не знаешь», – Отец, и этого нам довольно. Что удивительного в том, что Его намерения не согласуются с нашими? Что удивительного в том, что мы не можем постичь их? Разве мы обладаем взором Всевышнего или мерой Его? Разве солдат должен идти в битву лишь в том случае, если полководец разъяснит ему план сражения, или каменщик должен закладывать стену лишь в том случае, когда архитектор покажет ему чертеж постройки? Разве мы, бранные существа со взором омраченным грехом, должны повиноваться только в том случае, если видим цели путей Предвечного? Нет, нам нужно смиренно преклонить голову и припомнить слова: «Что Я делаю, не знаешь теперь».

Но если мы не знаем этого сегодня, мы можем познать это завтра. «Ты уразумеешь после», – сказал Иисус Христос. Эти слова стали уже для нас истиной, подтверждаемой опытом. Сколько темных страниц нашей жизни стали нам понятны лишь тогда, когда мы пробежали их по истечении многих лет, подобно древним иероглифическим надписям, остававшимся неразобранными в течение тридцати или сорока столетий и вдруг получившим смысл, потому что было найдено одно какое-нибудь слово, давшее ключ к их разгадке! Вы жаловались на свои неудачи, на несбывшиеся надежды, на расстроенные

планы, на испытания, постигавшие вас; вы обвиняли свою злую судьбу, вы упрекали, может быть, Бога, – и вот во всех этих испытаниях заключалось ваше благо. Этого, конечно, вам было достаточно, чтобы смириться и обратиться к Богу. Вы роптали на то, что Он преграждает вам пути, на которые с жаром бросались другие, более счастливые, и вы не ведали, что это делалось для того, чтобы направить вас на единственный путь, могущий вас спасти и привести ко Господу. Но теперь вы знаете это и вместе с Давидом можете сказать: «Я заблуждался, пока Ты не поразил меня, ныне же я соблюдаю слово Твое», теперь вместо жалобы вы творите дела милосердия, и ропот ваш перешел в благословение.

Последнее, окончательное объяснение будет дано нам за пределами этого мира. Бог оправдает некогда пути Свои, все тайное станет явным, и Божественная премудрость воссияет своим чистым сиянием. Тогда мы узнаем причины всех этих беспорядков, смут, несправедливостей и торжества зла, смущающих ныне нашу веру. Пусть ночь темна и холодна, но мы видим уже, что на горизонте брезжит свет. Свет! Как сладостно это слово тому, кого объемлют дикие призраки ночи; свет – после вековой скорби страдающего в мрачной борьбе человечества, свет после ночной тьмы, в которой тысячи поколений влачат свое жалкое и скорбное существование, свет с его кротким сиянием и благотворным теплом, свет, открывающей нашему взору безграничные горизонты неба, свет, призывавшийся всеми праведниками, которых не могла удовлетворить земля, свет, к которому обращали свои взоры пред смертью все провозвестники истины, этот свет озарит некогда и нас своим безграничным сиянием!

Но Петр не внемлет тому, что ему говорит Учитель; всецело поглощенный своей мыслью, он упорствует в своем намерении и восклицает: «Не умоешь ног моих вовек».

Все мы сказали бы то же, что и апостол Петр, увлекшись подобным чувством сознания своей ничтожности. Чтобы он допустил склониться перед собой на колени своего Учителя, – нет, это для него невозможно; и сердце и разум возмущаются, – он никогда не согласится на это. Но его – ложное смирение.

Истинное смирение ученика состоит прежде всего в том, чтобы исполнять волю учителя.

«Не умоешь ног моих вовек!» – говорит Петр, и Иисус строго отвечает ему: «Если не умою тебя, не будешь иметь части со Мною». Здесь мысль Учителя сразу возносится в более высшую сферу, как это нередко можно заметить в Его беседах. До сих пор, умывая ноги Своим ученикам, Он хотел только дать им урок смирения; но сопротивление Петра привело Его к мысли об ином духовном омовении: об искуплении душ человеческих крестною смертью. «Если не умою тебя»... Все мы должны быть омыты Иисусом Христом. Вникнем в самих себя: настолько ли чиста наша жизнь, чтобы выдержать испытующий взор Бога живого? Можем ли мы так, как мы есть, взойти на небо Его и причастием Его причаститься? Будем помнить, что спасение лишь там, где царствует Божественная правда со всеми ее правами, где предлежит оправдание нашей необузданности, где Божественный Представитель человечества освятил Своими страданиями закон праведности. Будем помнить, что только в единении посредством веры со святою жертвою, принесенной во имя грешного человечества мы можем быть помилованы и очищены: «Если Я не умою тебя, не будешь иметь части со Мною».

Петр еще не понимает глубокого смысла этих слов, но того, что он слышит, довольно, чтобы поразить и утешить его. И вот, несдержанный как в сопротивлении, так в раскаянии, он восклицает: «Не только ноги, но и руки, и голову».

Кто не поймет этого вопля сердца его? Вот уже три года, как он слушает слово Его, видит дела Его и разделяет мысли Его. Не иметь с Ним части – эта мысль ужасает его. Да и куда пойдет он теперь, узнав Иисуса Христа? Что может дать ему мир вместо того, что он нашел у Него? Отвечайте вы, вероломные ученики, далеко отстоящие теперь от Учителя и опускающиеся все ниже и ниже, как по наклонной плоскости, на конце которой вам уже нельзя будет вовеки возвратиться к Нему, – отвечайте, может ли дать вам мир что-либо равнозначное с тем, чем вы обладали у Иисуса Христа? Какой свет он может дать вам, какую радость, какое утешение, какую любовь? О, вы это

прекрасно знаете и никогда об этом не забудете. Если кто пребывал в свете Его, если кто видел небо отверстым, если кто вкусил этого внутреннего мира и Божественной надежды, если кто познал эту ни с чем земным не сравнимую любовь, если кто проникся в душе этим милосердием без малейшей примеси себялюбия, то все остальное покажется ему бездушным и ничтожным. Да, понятно восклицание апостола: «Господи, не только ноги, но и руки и голову».

Ответ Иисуса Христа сначала трудно понять, но тому, кто проник в его смысл, ясно, что даже в Евангелии немного сравнительно равных ему глубоко отрадных и благотворных слов. «Омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь». Разъясним сравнение, выраженное нашим Спасителем, и поучительный смысл его скажется сам собою.

Когда путник, утомленный долгой дорогой, задыхающийся, палимый жгучим солнцем Востока и покрытый едкою пылью пустыни, заметит при дороге источник чистой воды, – тогда он ускоряет шаг, прибегает на берег реки, с наслаждением погружается в волны ее и выходит из них уже освеженным и омытым. Омытым, да, но едва он опять пустится в путь, как пустынная пыль снова загрязняет его ноги, и, придя под ожидавшую его кровлю, ему следует умыть их, чтобы быть вполне чистым. Это – образ, и заключающаяся в нем идея такова.

Когда человек, идущий обычной мирскою стезею и сознающий, как зло охватывает мало-помалу все его существо, встретит на пути своем Бога спасающего и милующего, когда он устремит на Него взор, полный веры и смиренного раскаяния, моля Его о прощении, тогда он вдруг почувствует, как в сердце его нисходит слово верховной милости; тогда он прощен, прощен вполне, тогда все прошлое его изглаживается, все обновляется, и жизнь его начинается вновь. Сам Иисус Христос говорит, что ему более ничего не нужно, то есть что его помилование стало действительно совершившимся фактом, не зависящим более от движений его сердца, его покаяний и слез, что доступ к Богу ему открыт и что отныне он может вступить с Ним в отношения, выражаемые чувствами сыновней

доверчивости и любви. Но проследите за этим прощенным христианином, ощущающим в душе своей такое блаженство, какого не ведают сами ангелы, и изливающим у подножия креста сердце свое, переполненное признательностью, – проследите за ним: едва ступит он несколько шагов по житейской дороге, как грех уже настигнет его. Да, этот ненавистный ему грех еще не раз постигнет его; да, земной прах еще не раз пристанет к стопам его. Он был очищен, но для него необходимо, чтобы то самое милосердие, которое изгладило его прошлые поступки, изо дня в день бодрствовало над ним, отпуская ему его мелкие грехи, колебания и слабости, от которых не свободны даже истинные христиане; ему необходимо – употребляя сравнение Иисуса Христа, – чтобы ноги его, касающиеся праха земного, были ежедневно умываемы, и тогда он будет чист вполне. Такова мысль, заключающаяся в словах Спасителя апостолу Петру, и в Евангелии – это одна из наиболее утешительных мыслей.

«И вы чисты»... В ту минуту, как Иисус произносил эти слова, глубоко печальная мысль сжала сердце Его. «И вы чисты, – говорит Он и добавляет, – но не все»... Здесь был Иуда Искариот.

Итак, в этот последний прощальный час задушевных излияний, в тот час, когда Сын Человеческий готовился в общении Своих учеников к борьбе этой плачевной ночи, – Он должен был сносить присутствие предателя. Рядом с высшим проявлением величайшего милосердия проявился и дух зла в самой отвратительной и ненавистной форме. Здесь был Иуда.

Из этого можно вывести следующее: часто приходится встречать христиан, поколебавшихся в вере и дошедших чуть не до атеизма вследствие соблазнов, смут и расколов, удручающих Церковь. Если послушать их, то выйдет, что Бог не заботится уже о Своих предначертаниях, потому что позволяет злу одерживать такие победы. «Кто возвратит нам, – восклицают они, – Церковь древних дней?» Церковь древних дней! Но где же искать ее? Конечно, не во времена Реформации, ибо ужасная борьба и великие смуты раздирали ее; и не во времена средних веков. Или, может быть, ее следует

искать во времена апостольские? Но чтобы смотреть на Церковь этого времени как на идеал Церкви по ее членам следует вычеркнуть все послания апостола Павла и забыть о всех расколах и соблазнах, раздиравших душу его. Может быть, надо идти еще выше? Хорошо. Вот перед вами Церковь в том виде, как ее основал Сам Иисус Христос, Церковь, состоящая из избранных и призванных Им Самим апостолов, одним словом, Церковь Тайной Вечери. И что же? Среди нее был Иуда, Иуда один из двенадцати... И тем не менее, там был Сам Христос, и с Ним спасение мира и все его грядущее. По какому же праву вы отчаиваетесь в нынешней Церкви? По какому праву утверждаете вы, что Глава ее покинул ее?

Там был Иуда... Приходило ли вам когда-нибудь на мысль, что Иисус Христос преклонял колени пред Иудой, что Иисус Христос умывал ноги Иуде?

Перед таким ужасным зрелищем невольно помутятся мысли, и невольно воскликнешь: это уже слишком! слишком! О, наше мелочное сердце неспособно постигнуть всю глубину Божественного милосердия! Иисус Христос снизошел до этого: Он устремил на предателя последний взгляд, последний призыв немой мольбы, и Своими безгрешными руками умыл ему ноги.

Иисус оставил нам пример. Мы призваны делать добро всем, не только тем, кто нас любит, но и тем, кто нас ненавидит; не только тем, кого мы любим по чувству симпатии, но и тем, кто не нравится нам, кто противен нам. Как тяготит нас эта обязанность, с каким отвращением мы исполняем ее! Идет ли дело о помощи бедным – с нас довольно заметить в них какую-либо порочную привычку, какую-нибудь хитрость или ложь, чтобы отказаться от исполнения долга. Мы не хотим даже допустить, что крайняя нищета уничивает душу, что она ведет к тяжким искушениям, и мы сами бы поддались им, если бы были подвергнуты такому испытанию. Нам нужно каких-то идеальных бедных, нищета которых не уничтожила в них ни величия души, ни возвышенности, ни благородства побуждений, чтобы мы пришли к ним на помощь. Вследствие нашей изнеженности нам претит прикоснуться к нравственным язвам, и вот мы

безжалостно прогоняем нищих жестоким и горьким словом. Чтобы не быть фарисеями, – ибо разве это не фарисейство – дрожать от отвращения при одном прикосновении мытарю, – будем брать пример с нашего Спасителя, склонявшего колена перед Иудой.

И это был Святой и Праведный, и зло никогда не касалось души Его, а мы... у всех нас есть своя тайная повесть, повесть дурных склонностей, вожделений и скрытых страстей. Между теми несчастными, которым мы должны помогать, и нами разница только в степени, а не в существе. Кроме того, и там мы редко сталкивались с обдуманном, черным предательством. Мы сами могли бы быть такими же, как они, но Бог сохранил нас от этого, вот и все. Иисус же был воплощением святости, а Иуда... Иуда был Иуда.

Когда же научимся мы любить? Когда же мы будем милосердны милосердием смиряющимся, всё выносящим и уповающим? Когда же мы, существующие лишь по милости Божией, запечатлеем в своей памяти, что Господь, Которому мы служим, умывал ноги Иуде?

Иисус, окончив омовение ног и обратившись к Своим ученикам, сказал им: «Вы называете Меня Учителем и Господом и правильно говорите, ибо Я точно то». Кто не чувствует Божественной власти и силы, звучащей в этих словах, кто не видит на них печати невыразимого никаким красноречием величия, тот никогда не поймет ни что такое красота, ни что такое величие! «Вы называете Меня Учителем и Господом... Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу».

Протекли года, изменились обычаи; но поучительный пример стоит перед нашими глазами, указывая нам, что истинное величие достигается сердобольным унижением... Смирение... Как легко произнести и как трудно выполнить это слово, как трудно пренебречь суетной славой, честолюбивыми мечтами, всем, что велико в глазах людей, но мало и скудно пред Господом, и избрать себе иной удел, может быть, даже удел отречения и жертвы! Какие усилия, какая победа и как все это противоречит нашим обыденным рассудочным умствованиям!

Да, наше воображение может на минуту стремиться к этому идеалу, но осуществить его, но пойти по этому пути и видеть в нем свое назначение и блаженство, – это чудо, недоступное для человеческой силы, и свершить его может только Бог. Господи, сверши же его! Боже Всемогущий, осуществи этот идеал в сердцах наших и просвети помраченные гордостью очи наши чистым и Божественным сиянием смиренного милосердия!

Умовение ног на Востоке. И вы должны умывать ноги друг другу

(Ин. 13:14)

«Воскресное чтение», 1874

Обыкновенную обувь древних восточных народов составляли сандалии – род подошв из толстой, чаще козьей, кожи, или из пальмовых листьев, прикреплявшихся к ступне ремнями. Делалось это для предохранения ног от солнечного зноя, до того раскаляющего песок, что путешествие босыми ногами в тех странах невозможно. Отсюда понятно, что умовение ног на Востоке составляет необходимость, освежающее средство. И потому умовение ног гостю и его спутникам считалось и считается первую обязанностью гостеприимства.

Обычай этот встречается еще в глубокой древности. В книге Бытия говорится, что Авраам, увидев около своей палатки трех путников, обратился к одному из них и сказал: *Господи, аще убо обретох благодать пред Тобою, не мини раба Твоего. Да принесется вода, и омоются ноги ваши, и прохладитесь под древом* (Быт. 18:3–4).

Когда два ангела пришли в Содом, увидел их Лот и пригласил к себе в дом: *Се, господие, уклонитесь в дом раба вашего, и почийте, и омойте ноги ваша* (Быт. 19:2). Когда слуга Авраама, отправившийся искать невесту для Исаака, стоял у колодезя, то Лаван пригласил его к себе в дом: *Вниди, благословенный от Господа! И вниде человек в дом, и разседла верблюды, и даде плевы и сено верблюdom, и воду умыти нозе его, и ноги мужем, иже бяху с ним* (Быт. 24:31–32).

Припомним историю Иосифа. Когда братья привезли к нему Вениамина, он пригласил их, чрез своего домоправителя, обедать с собою: *и введе человек мужи в дом Иосифов и принесе воду умыти нозе им* (Быт. 43:17–24). Несоблюдение обычая умовения ног считалось признаком презрения, невнимания к гостю и невежества хозяина. Когда Спаситель пришел в дом Симона-фарисея, последний не позаботился

исполнить эту обязанность гостеприимства. Пока Спаситель сидел в доме, вошла бедная грешница. «Ставши позади у ног Его и плача, она начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей» (Лк. 7:38). Зная эту женщину за великую грешницу, Симон удивлялся, почему Спаситель не прогонит ее от Себя. Спаситель отвечал ему: «Видишь ли ты сию женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал; а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла» (Лк. 7:44).

Умовение ног возлагалось обыкновенно на обязанность прислуги. Но Спаситель накануне Своей смерти Сам умыл ноги ученикам, чтобы показать им пример смирения и всегдашней готовности исполнять самые незначительные обязанности любви к другим. «Если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу» (Ин. 13:14).

Этот древний обычай соблюдается на Востоке и доныне. Его исполняют не только иноверцы, но и христиане, живущие там. Да и мы, живущие в другом климате, можем и должны исполнять его. Ласковое слово и доброе дело такое же освежительное средство для скорбящего сердца, какое холодная вода для ног усталого путника.

О умовении ног апостолам

Прп. Нил Подвижник

Почему Господь только ноги, а не другой какой-нибудь член омыл у учеников? Чрез это Он не ноги от нечистоты очистил, но сообщил апостолам Божественную силу. поскольку змею было сказано: ты будешь блюсти пяту человека (Быт. 3:15), то есть весь образ жизни; то Господь омыл ноги учеников в ознаменование очищения духовных ног. Почему Он и говорит: *Даю вам власть наступати на змию и скорпию и на всю силу вражию* (Лк. 10:19), а Исаия сказал: *Коль красны ноги благовествующих мир, благовествующих благая* (Ис. 52:7). Апостолы Христовы, прошедши весь мир, действительно разрушили диавольскую брань, утвердили всюду мир и благовествовали нам блага небесные.

Господь касался ног апостольских, дабы укрепить земные и слабые ноги, имеющие пройти всю вселенную; брался великий врач за пяту, на которую вначале изречен был суд, дабы не дать господствовать яду духовного змия. Посему пята, укрепленная прикосновением рук Господних, попрапа сатану, соблазнявшего вначале прародителей, и таким образом исполнилось предсказание Деворы-пророчицы: *Поперет его душа моя сильная* (Суд. 5:21), и Давида, который, воспевая победную песнь, воскликнул: *Падут под ногами моими, яко брение путей поглажду я* (Пс. 17:39, 43). *Се даю вам власть, наступати*, чтобы губитель более вас не попирает и не соблазнял.

Установление таинства Евхаристии

«Воскресное чтение», 1879

Вечери существовали уже в Ветхом Завете. Это было установление того времени, когда Бог, верный великим обетованиям, данным праотцам, сильною рукою освободил народ Свой от рабства египетского. В ту достопамятную ночь, когда ангел смерти должен был пройти всю Египетскую страну, поражая первенцев египетских, по повелению Божию, каждый отец семейства должен был со всеми своими членами вкушать священную вечерю, тогда как двери домов окропляемы были кровью агнца, мясо которого было вкушаемо на вечери. Ангел-истребитель обходил всякий дом, который был окроплен кровью агнца и в котором совершалась пасха – прехождение Господа. Праздновавшие же уже готовы были в путь и с жезлами в руках ожидали призыва к выходу. То была ночь, в которую Господь освободил Свой пленный народ.

С этим освобождением началась новая жизнь для израильского народа, потому что теперь только он стал народом Божиим. Потому-то пасхальный месяц стал первым из всех месяцев и пасхальная ночь посвящалась ежегодному празднованию, и это соблюдалось с такою строгостью, что опущение празднования наказывалось отлучением от народа Божия. Пасхальная вечеря, которая предшествовала великому избавлению от рабства и через совершение которой народ приготавлился к великому делу Божию, должна была повторяться каждый год в одно и то же время, в ту же самую ночь, в которую совершена в первый раз, с тем лишь различием, что кровью пасхального агнца не кропились двери, но она возливалась на алтарь Господа, на очистилище. При горящих светильниках, приготовленный в путь, с жезлом в руке – так народ Божий должен был из года в год совершать пасхальную вечерю и снедать агнца, кровь коего приносилась в священное место очищения для очищения их душ. Это, без сомнения, была вечеря воспоминания, но всегдашнее и столь строгое совершение ее основывалось на том, что позднейшие

роды получают то, что получил древний род, – плоть агнца и очищение кровью его. И не должен ли был народ, празднуя древнее освобождение, приготовляться к новому высшему освобождению и, совершая пасхальное торжество, в ночь, в которую Господь вывел некогда его из чужой страны, ожидать нового, более совершенного избавления?

В эту-то ночь именно Господь в последний раз собрал вокруг Себя Своих учеников, и от этого-то торжества освобождения Израиля встал Он, чтобы искупить мир. Минута была самая торжественная, какую только можно представить. Ветхий Завет ничем не мог быть так возвеличен, как тем, что Господь, сошедший с неба дать жизнь миру, еще в последние часы Своей земной жизни совершил священную вечерю этого завета со Своими учениками, которых Он избрал из членов этого завета быть светом мира. Но эти часы, в которые Ветхий Завет удостоен такой чести, были последние часы для него. Наступало время, когда Ветхий Завет должен был уступить место новому, высшему Завету, который назначен не для одного народа, а для всех, и не для известного времени, а для всех времен. Но как Ветхий Завет начался избавлением народа из-под чужой власти, и как Ветхий Завет основывался на этом избавлении, так и Новый Завет, назначенный для всех времен и народов, мог начаться лишь после прославления Бога в деле несравненно высшего избавления. Он мог быть основан только на новом избавлении, на искуплении всего человечества, от темной власти, которой подпало оно чрез грех.

Час этого всеобщего и вечного искупления приближался. Искупитель был здесь; вестники искупления были при Нем. В последний раз праздновал Он с ними ветхозаветную вечерю, которая с воспоминанием первой пасхальной вечери заключала в себе в то же время обетование высшей Пасхи. Время обетований и томительных ожиданий проходило, наступало время исполнения.

Здесь совершилось то, что евангелисты Матфей, Марк, Лука и апостол Павел описывают таким образом: *Господь Иисус Христос, в ночь, в которую был предан, взял хлеб, благодарил и преломил, и дал ученикам Своим, говоря: примите и ядите:*

сие есть Тело Мое, за вы даемое. Сие творите в Мое воспоминание. Так же взял Он и чашу по вечери, благодарил и дал им, говоря: приимите и пейте от нея вси: сия есть Кровь Моя Нового Завета, за вы изливаемая во оставление грехов. Сие творите в Мое воспоминание.

Так Господь, при совершении ветхозаветной пасхи, установил пасхальную вечерю Нового Завета. Пасхальной жертвою Ветхого Завета был избранный агнец; пасхальная жертва Нового Завета, Агнец Божий в высшем смысле есть Христос, Сын Божий, Единородный от Отца, полный благодати и истины. Кровь ветхозаветной пасхальной жертвы имела прообразовательно-очищающую силу; она прикрывала прообразовательно грехи народа; Кровь новозаветной жертвы не прообразовательно, а на самом деле есть Кровь очищения для всего мира. Жертва новозаветная одна должна была совершить то, на что все другие жертвы, от начала мира совершавшиеся, только предуказывали; она должна быть жертвою всех жертв, жертвою в высочайшем, несравненном с другими жертвами смысле, которые она уничтожала, потому что была их исполнением, истиною. А так как только истинною жертвою производится истинное очищение грехов, истинное искупление, – то только на этой жертве, на Крови Христа мог основываться новый, всеобъемлющий, вечный завет благодати. В этом смысле Господь сказал: *Сие есть Тело Мое, за вы даемое, и сия чаша есть Новый Завет Моею Кровию, за вы изливаемою во оставление грехов.*

Все слова Господа имеют для нас непреходящее значение; но нет слов драгоценнее этих. Насколько в ту минуту могли понимать их ученики Господа, мы не знаем; но с тех пор, как слова эти исполнились, они стали драгоценным сокровищем для всего христианского общества; ибо они служат всегдашним свидетельством, что глубочайшее уничижение Сына Божия заключало в себе высочайшую славу и что смерть Его есть жизнь всего мира.

Однако Господь не ограничился тем, что так торжественно возвестил Свою смерть и открыл ее благодатное значение Своим ученикам. Преподавая хлеб и чашу, Он установил

навсегда священную вечерю для Своего общества: *Сие творите в Мое воспоминание*, – прибавил Он. Что совершено в пасхальную ночь, то совершено не в воспоминание Его, потому что Он Сам лично находился пред учениками; это было только установлением той вечери, которую должно было совершать общество верующих, когда жертва будет принесена и Кровь Нового Завета будет пролита.

Вечеря Нового Завета, совершенная в пасхальную ночь Спасителем, как и ветхозаветная вечеря, есть жертвенная вечеря. Когда израильтянин со своими домашними вкушал пасхального агнца, он принимал пасхальную жертву и через это делался участником в благословении этой жертвы; и когда христианин вкушает Тело и Кровь Господа в священной евхаристической вечере, он делается причастником жертвы голгофской с ее благословенными плодами. В первую пасхальную ветхозаветную ночь двери домов окроплялись кровью агнца, и ангел смерти, истреблявший первенцев египетских, щадил эти дома, проходя мимо. Точно так же общество новозаветное должно постепенно вкушать Тело и Кровь истинного Агнца Христа, чтобы избежать суда Божия, имеющего совершиться над грешным миром. Пренебрежение ветхозаветною пасхою принесло бы смерть, – не тем ли большее пренебрежение Пасхою новозаветною должно принести наказание и смерть?

Но древняя пасхальная вечеря приурочена была к известному времени – что показывало ее несовершенство и временное значение. Древняя пасхальная вечеря могла быть совершаема только в пасхальную ночь. Вечеря Нового Завета, святая Евхаристия, может быть совершаема во всякое время новозаветным обществом.

Чудесна вечеря, в которой Господь дает нам в пищу Тело Свое, распятое за нас, и Кровь Свою, пролитую на кресте, но не менее чудесно и таинственно явление Сына Божия во плоти и уничтожение Того, Кто есть вечный образ Божий и сияние славы Его, и уничтожение до смерти крестной. Вся область, до которой возвышает нас вера в Сына Божия, есть область чуда, и, без сомнения, Тот, Кто Себя Самого принес в жертву за нас и

пролил Кровь Свою за наши грехи, может, если такова воля Его, питать нас Своею Плотию и напоять Своею Кровию. А что такова Его воля – в этом мы не можем сомневаться, ибо имеем на это повеление Его: *Сие творите в Мое воспоминание.*

О таинстве причащения

О непостижимости таинства Тела и Крови Христовой и о благотворных действиях оного в верующих

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова на память святителя Алексия

Сие есть, глаголет Господь, Тело Мое, еже за вы ломимое. Сия есть Кровь Моя, яже за вы и за многия изливаемая. Как пшеница страдает в жерновах, и под рукою хлебоделателя, и в разжженной печи, да будет хлеб, укрепляющий сердце человека; как кровь грозда страдает в утеснении точила, да будет вино, веселящее сердце человека; так благоволил воплощенный Сын Божий предать Тело Свое на разнообразные страдания елеонские, иерусалимские и голгофские, допустил многострадально источить Кровь Свою в предкрестных и крестных мучениях, дабы в них уготовать нам пищу и питье жизни и врачевания, бессмертия и блаженства.

Таинство Тела и Крови Христовы так дивно и непостижимо, что богомудрые отцы наши, как бы опасаясь за простоту и твердость нашей веры, желают, как бы некими подпорами, подкрепить ее своими богомудрыми рассуждениями. *«Понеже, – рассуждает святой Иоанн Дамаскин, – Адам сей (то есть второй Адам Иисус Христос) духовен есть: подобаше и рождению быти духовному, и пищи таковой же: обаче, поскольку сугуби и сложни есмы, то подобает и рождению быти сугубому и пищи сложной. Сего ради рождение убо нам водою и духом, то есть святым крещением, дадеся: пища же есть самый хлеб животный, Господь наш Иисус Христос, с небесе сшедый. И далее, како будет Мне сие, глаголет Святая Дева, понеже мужа не знаю? И отвеща ей Гавриил Архангел: Дух Святый найдет на Тя и сим Вышняго осенит Тя. И ты такожде вопрошаеши ныне: како хлеб бывает Тело Христово, и вино и вода Кровь Христова? И аз же Тебе глаголю: Дух Святый снисходит и сия творит паче слова и разума». Подобно и святой Иоанн Златоуст увещевает: «Да повинуемся во всем Богу и ничтоже вопреки да глаголем, аще*

и сопротивна быти видится нашим помыслом и зрением глаголемое; но да будет и помысла и зрения нашего истиннейшее Его слово. Тако и в таинствах да творим, не на подлежащая токмо взирающе, но глаголы Его содержаще, слово бо Его непогрешительно, чувство же наше удобь прельщаемо есть: слово же Его никогдаже изменяется, чувство же наше часто соблазняется. Егда убо Слово рече: сие есть Тело Мое – и да повинуемся, и да веруем, и мысленными та да зрим очима. Ничтоже бо чувственно предаде нам Христос, но чувственными убо вещми, вся же мысленная».

Поелику назначение настоящей нашей жизни таково, что мы должны, как изъяснился апостол, *верую ходить, а не видением* (2Кор. 5:7); то и благодатные дары, подаваемые нам в приобщении трапезы Господней, благодатное питание, врачевание, укрепление, просвещение, отражение зла, нетление, также наиболее верую постигаются и упованием объемлются, превыше видения и ощущения, хотя, впрочем, по мере веры, по мере потребности, по мере внимания, достоинства, чистоты, и в ощущении опытном и в явственном действии познаются многими многообразно. По многообразной силе Божественной пищи и питья, по многообразной премудрости и благодати Божественного Питателя ощутительный плод вкушения трапезы Господней является верующим то неизреченною радостью в сердце, то сладкою тишиною в душе, то светлостью в уме, то глубоким миром в совести, то утишением обуревавших искушений, то прекращением страданий душевных и телесных, а иногда и совершенным исцелением, то живейшим ощущением любви к Господу, или умножением ревности силы к духовным подвигам и добродетелям. Но каковы бы ни были наши собственные в сей тайне опыты, скажу паки со святым Иоанном Златоустом: *«Да будет, и помысла и зрения нашего истиннейшее слово Господа нашего»*. После того как Он рек: *ядый Мою Плоть и пий Мой Кровь во Мне пребывает и Аз в нем; ядый Мою Плоть и пий Мой Кровь имат живот вечный* (Ин. 6:56, 54); как дерзнем мы, хотя и недостойные причастники Его Плоти и

Крови, – как дерзнем отрицать то, что Он в нас и мы в Нем и что мы в Нем имеем живот вечный, если только сами не удалимся от Него, если только сами не повергнем себя паки в смерть греховную?

Одно из приятнейших удостоверений как о необходимости для нас, так и о спасительной благотворности трапезы Господней, имеем мы в том, как сильно желал ее Сам Господь наш. Ибо что значат слова Его к апостолам: *желанием возжелех сию пасху ясти с вами*? Ветхозаветной ли пасхи так сильно желает Он? Но она до сих пор была обыкновенна, как совершаемая ежегодно; а отныне должна совершенно прекратиться, когда прообразование должно уступить место пришедшей истине. Итак, нет сомнения, что Он пламенно желает Пасхи новозаветной, – той Пасхи, в которой Сам Себя приносит в жертву, Сам Себя предлагает в пищу. *Желанием*, говорит, *возжелех сию пасху ясти с вами, прежде даже не прииму мук*, после прообразовательной истинную, не только осязаемую, но и созерцаемую, не только вещественную, но духовную и Божественную, не только закланную, но живую и животворящую, начинаемую прежде мук, дабы она была всегдашнею свидетельницею предуведения и свободного принятия мук, но уже заключающую в себе спасительное действие креста, для всех времен, как свойственно действовать вечному началу. *Желанием любви и милосердия возжелех сию пасху ясти с вами*; потому что в ней запечатлевается вся Моя к вам любовь и вся наша истинная жизнь и блаженство.

Господь предложил нам Тело Свое для питания всегдашнего и постоянного

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова по освящении храма Преображения Господня, что на Ордынке

Приимите, ядите (Мк. 14:22). Не довольно ли было бы сказать: *вкусите*, дабы можно было разуметь, что довольно вкусить от трапезы Господней хотя бы однажды или причащаться ее иногда, при особенной нужде, подобно Тому, как употребляют врачевство; ибо трапеза сия и действительно заключает в себе могущественное врачевство для душ и телес, и могущество его как Божественное, так велико, что *еще кто снестъ от хлеба сего и единожды, сего может быть достаточно, да жив будет во веки* (Ин. 6:58). Но нет! Господь предложил нам Тело Свое не для единократного или нечастого и случайного употребления как врачевство, но для питания постоянного и всегдашнего: *ядите*. Если бы Тело Христово предложено было нам только как врачевство – и тогда надлежало бы нам самим просить позволения употреблять врачевство сие чаще, подобно как часты наши немощи, особенно душевные. Но когда Господь даровал нам оное как насущный хлеб, по слову Его: *Хлеб, егоже Аз дам, Плоть Моя есть* (Ин. 6:51); то чрез сие самое не только позволил, но и повелел, чтобы мы часто приступали к Его трапезе. Мы не оставляем себя надолго без хлеба обыкновенного, зная, что иначе ослабевают наши силы и жизнь телесная продолжаться не может: как же не боимся мы надолго оставлять себя без хлеба животного, небесного, Божественного?

Почему Господь к словам *пийте от нея* присовокупил слово *вси*

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова при освящении храма Преображения Господня, что на Ордынке

Пийте от нея вси (Мф. 26). Не пропустим без внимания малого слова *вси*; ибо в каждой черте слова Божия скрывается свет, в каждом звуке премудрость. Господь не сказал о таинственном хлебе: *Приимите, ядите вси*: и праведно, ибо некоторые не могут ясти, например младенцы. Но о таинственной чаше сказал: *Пийте от нея вси*, и таким образом устранил всякое исключение, разумеется для пребывающих в вере и единении церковном. Примечайте же, как отступают от точности заповеди Господней те, которые не допускают до Святых Таин младенцев и малолетних до известного возраста; и как, напротив, верна слову Господню Православная Церковь, когда она и младенцам подает святую чашу, *да пьют от нее вси*, даже и те, которые могут только *пити*, не имея крепости, чтобы *ясти*. Еще больше достойно примечания, как Господь при первом преподании святой чаши в то же время обличает ее отъятие у народа, – нововведение поздних веков. Не знаю, чему здесь больше дивиться, многообразной ли премудрости слова Божия или дерзости мудрования человеческого против ясного слова Божия. Господь видит, что подаваемую Им чашу жизни самочиние захочет похитить у меньших братьев Его; и предварительно поставляет преграду против сей дерзости определительным повелением: *Пийте от нея вси*. Но самочиние не внемлет; нет, не все, говорит оно, простолюдины не должны причащаться от чаши. Благословим Бога, что мы принадлежим к Православной Церкви, которая не причастна сему самопроизвольному мудрствованию, но с верным послушанием слову Христову всем вам предлагает святую чашу: *Пийте от нея вси*. Но чем более утешаюсь я верностью, с которою возлюбленная мать наша Святая Церковь соблюдает законоположительное слово Господа своего, тем с большею заботою смотрю на неточность и недеятельность, с

которую то же слово Господне приемлют многие чада Церкви. Тайная вечеря и здесь та же, как в сионской горнице; тот же Господь и ныне учреждает ее; вы слышите собственное слово Его чрез уста священнодействующего: *Пийте от нея вси*, – вскоре после сего священные врата отверзаются, является служитель таинства, чтобы пригласить вас к исполнению повеления Христова: *пийте от нея вси*; он зовет вас: *со страхом Божиим и верою приступите*. Но вы приступаете ли все? Долготерпелив Господь! – часто ни один. Не смущайтесь много; не укоряя сие говорю; знаю, что в вас это не дерзость самочиния, но недостаток дерзновения в вере; что вы поступаете по обычаю, от предков принятому, веками распространенному; но будьте беспристрастны; сличите ваш обычай с заповедью Христовой; не можете не признать, что обычай мог бы точнее следовать заповеди; что можно бы вам деятельнее исполнять слово Христово. В начальные века христианства хождение в воскресные и праздничные дни в церковь и приобщение Святых Таин составляло для верных одну почти нераздельную обязанность, так что есть церковные правила, которые осуждают *ходящего в церковь и исходящего вон без святого причащения* (Апост. прав. 9; Антиох. Соб. прав. 2). Вот обычай, очевидно, более совершенный, нежели нынешний! Что же касается до тех, которые ниже один раз в год приступают к трапезе Господней или совсем чуждаются ее – суд их написан в Евангелии: *аще не снете Плоти Сына Человеческого, ни пиете Крови Его, живота не имате в себе* (Ин. 6:53).

Не промолчим того, что говорят обыкновенно в свое оправдание редко приступающие к Святым Тайнам: «Мы недостойны; мы не готовы». Мысль сия иногда подлинно происходит от смирения, и тогда она, конечно, не вредит союзу душ со Христом, подобно как сему не повредило смиренное чуждение Петрово: *Изыди от Мене, яко муж грешен есмь, Господи* (Лк. 5:8). Но надлежит осматриваться, чтобы под благовидным покровом имени смирения не притаилась наша холодность к вере и нерадение о исправлении жизни. Ты не готов: не ленись, приготовься. Ты не достоин: не достоин и ни

один человек обращения со Всесвятым, потому что ни один не безгрешен, но как всякому, так и тебе предоставлено верить, каяться, исправляться, быть прощenu и уповать на благодать Спасителя грешников и Взыскателя погибших. Ты говоришь, что недостойн: напрасно ты приемлешь на себя чужую должность; удостоить или не удостоить тебя таинства есть долг тайнодействующателя, а не причастника. Ты не достоин: согласимся, что это правда. Что же далее? Неужели ты хочешь и оставаться недостойным? Если ты беспечно оставляешь себя недостойным общения со Христом на земле – не подвергаешь ли ты себя явной опасности остаться недостойным общения с Ним на небеси? Но если ты страшишься сего недостойнства и хочешь от него избавиться, то избавишься ли, удаляя себя от Христа, от Его благодати, от Его силы, от Его жизни? Не лучше ли, усиленно исправляя свое недостойнство, прибегать ко Христу в таинстве, чтобы принимать от Него помощь и силу к более совершенному исправлению и преуспеянию в благоугождении Богу?

**Из Слова прп. Нила Синайского на евангельское
изречение: *уже иматъ влагалище, да возмет,
такожде и мех: а уже не иматъ, да продаст ризу
свою и купит нож***

(Лк. 22:36)

Творения свв. отцов, т. 31

Предлагаемое изречение с первого взгляда заключает в себе, кажется, большое противоречие и противно прочим наставлениям Господа; но в смысле возвышенном оно как представляет полезное для поучаемых, так и показывает благопопечительность Поучающего, а именно, что наставления свои душевным возрастам, для преспеяния и усовершения по мере возрастания, делает Он сообразными с каждым состоянием. Ибо почему повелевает теперь взять нож тем, которые научены уже подставлять ланиту ударяющим? Почему велит продать ризу и купить нож тем, которые, по принятии ими заповеди не иметь двух одежд, и действительно имели у себя одну, бывшую на них, ризу? Должно приискать решение, сообразное тому и другому повелению, и показать, что прямо следует из обеих заповедей, а именно, что новоначальным прилична первая заповедь, а совершенным – вторая. Ибо, если и непристойно иметь обнаженное тело в смысле буквальном, то в смысле созерцательном не только сие благоприлично, но и крайне полезно. Поэтому, кто защищает буквальный смысл сего изречения, тот может представляющееся в нем затруднение устранить так: апостолам, приступающим еще к богочестию, Господь заповедал нестяжательность, желая, чтобы занимались они только изучением Божественных уроков, но и зная, что для несовершенных только опасно приобретение имущества, преуспевшим и нетерпящим уже вреда от имущества позволяет небоязненно пользоваться имением, так как они не пристрастны уже к деньгам, подобно многим другим, и не преодолеваются прелестью сребролюбия, и говорит: *Егда послах вы без влагалища и без меха, еда чесого лишени бысте? А теперь говорю вам: Иже иматъ влагалище, да возмет, такожде и мех*

(Лк. 22:35). Ибо в начале должно им было, не нося ничего при себе, изведать на опыте силу Учителя, которая им каждый день без их забот подавал потребное для тела, и даже не это одно, но и сказанное нами незадолго прежде, чтобы, деятельно обучившись нестяжательности, приобрели неизменяемый к ней навык, постепенно преуспевая в беспристрастии к себе самим; потому что сребролюбие погубило многих; оно низринуло в пропасть предательства и Иуду, который привык к деньгам, по причине вверенного ему для служения верным *ковчежца* (Ин. 12:6).

Но не знаю уже, чем защитится отстаивавший буквальный смысл в словах *кто имеет нож, да возмет, а кто не имеет, да продаст ризу и купит нож*; когда Господь везде требует, чтобы ученики Его были мирны и кротки. Посему посмотрим, каким образом это повеление, хотя оно относительно к телу и в смысле буквальном невозможно, в духовном смысле возможно и полезно. Приближаясь уже к страданию и готовясь войти на крест, как по злоумышлению иудеев, так и по собственному изволению ради спасительного домостроительства, говорит сие ученикам Господь, приготавливая к борьбе с противящимися истине, но не к борьбе, по маловажным предлогам предприемлемой, где расположением борющихся управляет раздражение, а к состязанию в подвиге, который внушен Богом по пламенной ревности к богочестию. Ибо Господь видел уже, что бесстыдные иудеи с неистовством восстают против Божественного учения и спешат положить конец спасительной проповеди, а потому, восставляя учеников Своих на сей подвиг с иудеями, повелевает им отложить прежнюю кротость, вооружась же сильным словом идти на обличение покушающихся низложить истину. Хотя христианину прежде всего потребно необходимое одеяние, приличное имени его звания, потому что не менее одежды украшают христианина степенная безмятежность духа и нрав скромный; однако во время борьбы с противниками потребно ему и оружие слова. Посему, говорит Господь, в то время, когда посылал Я вас учителями к Израилю, хорошо вы делали, выказывая мирное состояние духа и таким поведением привлекая непокорных к

послушанию, кротостью доводя их до благопокорности; потому что для убеждения действительнее сильного слова правая жизнь, в себе самой представляющая знающему оную убедительный повод признать себя посрамленным. Но поскольку по Моем Вознесении враги истины нападут на нее, то каждый из имеющих попечение о нравственном благоустройстве да отложит тщание о соблюдении мира, и да уготовится к состязанию; ибо нет никакой несообразности для важнейшего оставить на время менее важное и, отложив кротость, сделаться воителем.

Почему продавший ризу непременно покупает нож, и первой не уничтожая, и приобретая последний? Да и какой покупает он нож? Тот, о котором говорит Христос: *Не приидох воврещи мир, но меч* (Мф. 10:34), мечом называя слово проповеди. Ибо как нож разделяет сросшееся и связанное тело разделяет на части, так слово проповеди, вносимое в дом, во всяком из них, соединенных на зло неверием, отсекало друг от друга, отделяя сына от отца, дочь от матери, невестку от свекрови; рассекая самую природу, показывало цель Господня повеления, а именно, что для великой пользы и во благо людям повелел Он апостолам взять нож.

Посему Петр немедленно отвечает, говоря, что два у них ножа, о которых Господь сказал, что их достаточно для предстоящего подвига. Ножи же сии, как говорит апостол, суть обличение противопоставляемого и утешение верующих. Ибо в послании к Титу так вручает их учителям, говоря: *Да силен будет и утешати во здравом умении и противящихся обличати* (Тит. 1:9). Чем и разделяет слово на два вида; ибо иной вид – слово учения к верным, и иной – слово истины к врагам; и одно есть обличение лжи, а другое – подтверждение истины. А что мечом называет слово, это явно для всякого; так как на памяти у каждого часто повторяемое изречение Писания: *Живо слово Божие и действенно, и острейше всякого меча обоюду остра* (Евр. 4:12).

Толкование св. Василия Великого на 36 стих 22-й гл. Евангелия от Луки

Творения свв. отцов. Тв. Василия Великого

Почему Господь иногда запрещает носить с собою в дороге *влагалище и пиру* (Лк. 10:4), а иногда говорит: *Но ныне, иже иматъ влагалище, да возмет, такожде и мех* (πῆραν), а иже не иматъ, да продаст ризу свою и купит нож (Лк. 22:36)?

Сие объясняет Сам Господь, говоря: *Подобает, да скончается о Мне, еже и со беззаконными вменися* (ст. 37). Ибо тотчас по исполнении пророчества о ноже говорит Петру: *Вси бо, приявшии нож, ножом погибнут* (Мф. 26:52). Посему слова: *но ныне, иже иматъ влагалище, да возмет*, или: *возьмет* (ибо и так читается во многих списках), то есть не повеление, а пророчество предрекающего Господа, что апостолы, забыв Господни дары и закон, осмелятся взяться и за мечи. А что Писание часто повелительный образ речи употребляет вместо пророчественного, сие видно и из других мест, каково, например, следующее: *Да будут сынове его сиры* (Пс. 108:9), и: *диавол да станет одесную его* (ст. 6) и другие подобные места.

О последней беседе Иисуса Христа с учениками пред Его страданием

(Ин. 13:14–17; 31–38)

Иннокентий, архиеп. Херсонский. «Воскресное чтение»,
1801

Последняя беседа Иисуса Христа с учениками, сохраненная для нас святым Иоанном, составляет драгоценнейшую часть сказаний евангельских, обнаруживая пред нами душу и сердце Господа Иисуса в такие решительные минуты, с таких важных сторон, в таком преизбытке Божественного света. Здесь из собственных уст Его мы слышим тайну Его лица и служения, символ Его учения и обетований, великое начало величайшей Его деятельности; видим, откуда Он и для чего пришел, куда и для чего отшел, что намерен соделать из людей, каким образом соединить небо с землею, восставить все падшее, облаженствовать всех сынов Адамовых. Первее же и паче всего видим здесь, слышим, осязаем духом превосходящую разум любовь Христову, которая распространяется до того, что видимо объемлет небо и землю, время и вечность.

Какое неподражаемое величие в минуты самые горестные! Когда самый добродетельный мудрец сказал бы с горестью: я предан теперь; мне должно умереть, – Иисус восклицает: *Ныне прославися Сын Человеческий!* Слушая Его утешения ученикам, можно подумать, что завтра ожидает его не крест, а престол, что на другой день предстоят мучения не Ему, а скорбным ученикам.

Откуда такое святое мужество? Оттого, что князь мира *не имеет в Нем ничего*, ему принадлежащего (Ин. 14:30), и что мир совершенно побежден (Ин. 16:33); оттого, что Он всегда угодное пред Отцом творил и посему не один, а Отец всегда с Ним (Ин. 16:32); оттого, что Он власть имеет душу Свою положить и паки приять, и если полагает ее теперь, то о Себе, по Своей воле (Ин. 10:18); оттого, наконец, что говорящий таким образом есть Тот, *Кто имел славу у Отца, прежде мир не*

бысть (Ин. 17:5), – есть Слово, бывшее *искони* у Бога, Коим все сотворено, и без Него *ничтоже бысть*, *еже бысть* (Ин. 1:1–4).

И у Сына Человеческого обрелось бы столько чистой любви к ближним, чтобы для спасения их претерпеть смерть. Моисей давно уже подал пример к такому самопожертвованию (Исх. 32:32), а Павел готовился повторить его (Рим. 9:3); но только Сын Божий, *Господь с небесе* (1Кор. 15:47), мог в навечерие Своей смерти сказать: *Веруйте в Бога и в Мя веруйте* (Ин. 14:1); *дерзайте, яко Аз победих мир* (Ин. 16:33); *еже аще что воспросите во имя Мое, Аз сотворю* (Ин. 14:33); *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15:5); *веруяй в Мя, дела, яже сотворих, и той сотворит, и больша сих сотворит* (Ин. 14:12).

Недоумения учеников и ответы на них прерывают некоторым образом ход беседы Божественного Учителя и замедляют ее действие на сердце; но истины, кои по причине сих недоумений исходят из уст Иисуса, так важны и драгоценны, – стороны, с коих Он вызывается обнаруживать Себя, так возвышенны и утешительны, что нельзя не благодарить в душе Фому за любопытство о пути (Ин. 14:5–7), Филиппа за желание видеть *Отца* (14:9–12), Иуду не Искаротского за вопрос, почему Учитель не хочет явиться всему миру (Ин. 14:22–24).

Цель всех утешений Иисусовых явно направлена преимущественно к тому, чтобы предохранить учеников от соблазна и отпадения во время Его крестной разлуки с ними. Время непродолжительное по течению часов, но чрезвычайно опасное по течению обстоятельств. Сколько предстояло им соблазнов и страхов! Сколько поводов к нарушению верности! Князь мира, побежденный крестом, без сомнения, не оставил ни одного средства для уловления овец, рассеянных смертию Пастыря. И между тем, в сем-то малом рассеянном стаде было основание для *собрания всех чад Божиих во едино* (Ин. 11:52), – потеря и одного из *чадцев* любви Иисусовой (Ин. 13:33) была бы весьма чувствительна для блага целого мира, имевшего быть обращенным от тьмы к свету их проповедию.

Несмотря, однако, на великую нужду в утешении, надлежало преподать его, не открывая во всей (страшной)

очевидности событий, имевших последовать наутрие. Святейшая тайна всемирного искупления долженствовала быть некоторым образом запечатленной до самого исполнения своего. Самое усердие к Учителю, несвободное от предрассудков, имело нужду быть связанным некоторою неизвестностью. Посему завеса будущего приподнимается не более, как сколько нужно было для того, чтобы предостеречь от падения. Ученики чувствуют, что предстоит какое-то великое искушение, какая-то печальная разлука с Учителем; видят себя в будущем сырыми, ненавидимыми, рассеянными, в печалах и болезнях жены рождающей; но видят Учителя вскоре возвращающимся к ним, приносящего радость и мир; видят другого Утешителя, приходящего пребывать с ними вовек, научить их всему, обличить во всем мире, их ненавидящем; видят опять Самого Учителя, приходящего со Отцом сотворить у каждого из любящих Его Себе обитель: все сие видят, говорю, ученики, как в перспективе, исполненной такого света, среди коего самые печальные предметы получают трогательный вид, умиляющий сердце. Каким именно образом все это произойдет, этого ученики еще не разумели. Одно твердо узнали они – что Учитель их *от Бога исшел*. А это было весьма важно для будущего. Притом у них теперь в руках план событий. Когда придет время, они вспомнят, что им было сказано. Предсказание отнимет силу соблазна у предсказанного.

Кроме сего, последняя беседа Богочеловека была для учеников Его полезна еще особенным образом. И среди человеческих собеседований, слова могут производить действие великое, не будучи понимаемы слышащим в подробности. Можно трогаться, умиляться, изменяться сердцем от одних чувств в словах, не понимая их совершенно. Это замечание – в превосходнейшей степени – должно приложить к последней беседе Иисуса. Ею, так сказать, навеян был на учеников дух мира, терпения: таинственным образом умощен о сердце для удобнейшего перенесения самых жестоких ударов: они не понимали всех мыслей, но поняли чувство, исполнились духом Иисусовым, *осязали о Словеси животнем* (1Ин. 1:1).

О последней молитве Иисусовой (Ин. 17) дерзновенно и говорит языком человеческим; так она всеобъемлюща, величественна, Божественна! После нее, вероятно, Филипп не сказал бы: *Господи, покажи нам Отца!* Ибо в ней для верующего виден сей Отец более, нежели в целом мире. Здесь-то надлежало Петру сказать: *Господи, глаголы живота вечного имаши!* (Ин, 6:67.) Это – молитва великого Первосвященника по чину Мелхиседекову пред входом Его во Святая святых. Кто прочитал ее со вниманием хотя бы один раз, у того она останется в сердце на всю жизнь; а кто одушевился духом ее, тот не может не принадлежать навсегда Иисусу.

Изъяснение прощальных речей Иисуса Христа к Своим ученикам

(Ин. 13:31–17:26)

«Руководство для сельского пастыря», 1868

Наступил последний час, который Иисус Христос пред Своими страданиями еще мог провести в кругу оставшихся верными Ему после измены Иуды учеников. В эти немногие минуты исполненное любви к возлюбленным ученикам сердце Спасителя изливается в трогательных, потрясающих душу речах. Сначала Иисус Христос хочет в минуту расставания утешить Своих учеников обещанием послать им Святого Духа и просветить их свыше; потом увещевает и возбуждает их к внутреннему единению с Ним и друг с другом, верному соблюдению Его заповедей, исповеданию Его имени, несмотря на все имеющие последовать поношения и страдания, и к полной веры молитве к Богу во имя Его. Вначале речь имеет форму дружеской беседы; потом она становится все возбужденнее и торжественнее и заканчивается возвышенною первосвященническою молитвою Иисуса Христа. Этот отдел Евангелия не имеет ничего себе подобного по возвышенности, торжественности и глубине чувства.

Возвещение Спасителя ученикам о Своей смерти и отречении апостола Петра (Ин. 13:31–38)

Едва только уличенный предатель ушел от пасхальной вечери и Иисус Христос остался в кругу одних верных Своих учеников, встревоженных и возмущенных замечаниями Его о предателе, как тотчас же Он произнес следующие торжественные слова: *ныне прославися Сын Человеческий, и Бог прославися о Нем!* (ст. 31). Господь пророчески созерцает уже исполнившимся Свое прославление крестною смертью, а также Свое воскресение и прославление Бога Отца. В крестной смерти Христовой открылась любовь, святость и правда Божия; поэтому крестная смерть Христова была и прославлением Бога во Христе. *Аще Бог прославися о Нем, и Бог прославит Его в Себе, и абие прославит Его* (ст. 32). Бог вскоре (абие)

прославит Сына, воскресив Его со славою из мертвых; и Он прославит Его «в Себе», то есть в единстве с Собою, чрез восприятие в Божественную славу и мироправление. Он посадит Его одесную Себя, *дондеже положит вся враги в подножие ног Своих*, то есть пока доставит полную победу Своему делу на земле. *Чадца, еще с вами мало есмь. Взыщите Мене, и якоже рех Иудеом, яко аможе Аз иду, вы не можете приити: и вам глаголю ныне* (ст. 33). *Чадца* – выражение глубокой отеческой любви Спасителя к Своим ученикам. Не раз Христос говорил иудеям: *Взыщите Мене, и не обрящете* (см. 7:34; 8:21, 24), но Он говорил им эти слова в другом смысле и с другою целью. Там Он совершенно отвергал возможность найти Его, прийти к Нему, здесь же только – *в отношении к настоящему времени*; там Господь произносил слова эти как угрозу, как наказание, здесь же – чтобы тронуть сердца учеников и сделать их восприимчивее к следующей заповеди. Он говорит им это *ныне*, потому что не может долее щадить их.

Взамен видимого присутствия Господа с Своими учениками должна будет служить им взаимная братская их любовь друг к другу; посредством этой любви невидимо во Святом Духе Он отселе будет пребывать с ними: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга: якоже возлюбих вы, да и вы любите себе* (ст. 34). Здесь останавливают тоже внимание слова: *заповедь новую*. Так как еще в книге Левит 19 читаем: *Возлюбиши ближняго своего, яко сам себе*, и так как Сам Иисус Христос эту заповедь о любви к ближнему вместе с заповедью о любви к Богу признал большею всех заповедей в законе (Мф. 22 и т. д.), то каким образом Он Свою эту заповедь о любви мог назвать *новою*? В объяснении этого толковники расходятся. Одни слово – *новую* (καίνην) принимают в значении – «превосходную», другие – «никогда не стареющуюся», как если бы стояло: *всегда новую* (ἀεὶ καίνην), иные в смысле – «последнюю». Некоторые это выражение – *заповедь новую* объясняли также еще в смысле «обновленной заповеди», или, как объяснил блаженный Августин, «заповеди, обновляющей человека», или же слово καίνην заменяли словом καὶνώς – *вновь*. Но все эти толкования произвольны. Ключ к единственно верному объяснению слов

заповедь *новую* заключается в словах: *якоже возлюбих вы*. Заповедь о любви, данная Христом, была настолько *нова*, насколько были новы *побудительные основания* любви, мера требуемой любви и *образец* ее. В Ветхом Завете заповедано было любить ближнего, как *самого себя*; следовательно, там мерою и нормою любви к ближнему служила любовь к самому себе. Кроме того, ветхозаветная заповедь о любви к ближнему была больше отрицательного свойства; требовалось только, как вытекает из связи речи, не нарушать обязанностей *справедливости*. Наконец, заповедь эта заключена была в определенные границы, относилась только к единоплеменникам и допускала существования права возмездия. Но здесь Спаситель наш нормою любви определяет *Свою собственную любовь*; а Его любовь к людям была такого рода, что состояла не только в исполнении долга справедливости, но в *самоотвержении*, в готовности на все жертвы за других, следовательно, любовью более к ближним, чем к самому себе; кроме того, любовь Его была *всеобщая*, обнимавшая собою всех людей, даже Своих врагов. Таким образом, Он по праву мог *Свою* заповедь о любви назвать *новою*. Иисус Христос в этом случае поступает так же, как и в Нагорной проповеди, когда Он сказанному древним противопоставляет Свои новые заповеди. Он только что пред этим установил таинство Евхаристии и при этом Ветхому Завету противопоставил «Новый Завет в Своей Крови», представив вечно обязательный образец самоотверженной любви (ср. 1Ин. 2:8; 3:16). Такой любви, какой требует здесь Господь, еще никто не видел в мире; поэтому, Он мог поставить ее признаком Своих учеников: *О сем разумеют еси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (ст. 35). Все первое послание Иоанна составляет как бы толкование этих слов Господа. А что они исполнились, об этом свидетельствует история Церкви первых веков. По свидетельству Тертуллиана (Апология гл. 39), язычники обыкновенно говорили: «Смотрите, как христиане любят друг друга и как они готовы умереть один за другого».

Вопрос апостола Петра: *Господи! камо идеши?* обращает беседу на прежде сказанные слова Спасителя: *Аз иду, а вы не*

можете прийти (ст. 33). Апостол не понял этих слов и желал знать, куда это хочет идти Учитель его, что он не может следовать за Ним. Иисус Христос не отвечает прямо на этот вопрос и указывает ему на его собственный опыт в дальнейшем будущем: *Аможе Аз иду, не можешу ныне по Мне ити: последи же по Мне идеши* (ст. 36). Апостол Петр еще не мог теперь следовать за своим Господом, так как по Божественному определению еще не пришел час его; он должен был еще укрепить своих братьев и пасти овцы и агнцы Христовы. Этими словами Иисус Христос указывает на будущую мученическую смерть апостола Петра; но в этом же указании заключалось для апостола и утешение, которое могло ободрить его, когда скорбь о глубоком его падении приводила его в состояние близкое отчаянию. *Глагола Ему Петр: Господи! почто не могу ныне по Тебе ити? Душу мою за Тя положу* (ст. 37). Следовательно, Петр и теперь еще не понимает Господа; он догадывается только, что Иисус Христос предпринимает какое-то опасное отшествие и изъявляет готовность положить за Иисуса жизнь свою (ср. 10:11). В последних словах Петра высказывается, с одной стороны, горячий и торопливый характер его, а с другой – его горячая, но только слишком много полагающаяся на себя привязанность к Господу. Чтобы смирить великую его самоуверенность, Иисус Христос отвечает вопросом, выражавшим сомнение: *Душу ли твою за Мя положиши?* и затем предсказывает ему близкое его падение: *Аминь, аминь глаголю тебе, не возгласит алектор, Дбндеже отвержешися Мене трищи* (ст. 38), то есть прежде чем наступит третья ночная стража, начинавшаяся в полночь с пением петуха и оканчивавшаяся со вторым пением петуха около трех часов и поэтому называлась *петлоглашением* *ἀλεκτοροφωνία* (Мк. 13:35), ты успеешь три раза отвергнуться Меня.

Об отшествии Иисуса Христа ко Отцу и послании Утешителя (Ин. 14:1–31)

Предшествующее возвешение Спасителя ученикам о Своем близком отшествии и о том, что один из среды их отвергнется Его, должно было глубоко потрясти учеников. Поэтому Спаситель хочет ободрить их и возбудить в них доверие к Богу и

к Нему Самому надеждою воссоединения с Ним у Отца. Он утешительно взывает к ним: *Да не смущается сердце ваше! Веруйте в Бога и в Мя веруйте.* Свое прежнее доверие к Богу вы должны как бы вновь освежить доверием ко Мне как посреднику и ходатаю вашему пред Богом, к Которому вы должны будете стать в отношении совершенно детского доверия, вследствие Моего имеющего скоро совершиться искупления. С этим возбуждением к доверию Он соединяет откровение надежды на близкое воссоединение: *В доме Отца Моего обители многи суть.* Ученики, следовательно, должны быть убеждены, что небо, которое здесь называется «домом Его Отца», довольно велико, чтобы вместить всех последователей Иисуса Христа; только Он должен пойти наперед, чтобы приготовить для них жилища. В словах *аще ли же ни, рекл бых вам* заключается подтверждение истины: «Это несомненно; вы можете Мне верить; Я бы вам сказал, если бы было не так», но это подтверждение вставлено только мимоходом. Следующие затем слова *иду уготовати место вам* представляют фактическое доказательство существования многих обителей в доме Его Отца, но вместе с этим в приведенных словах заключается и та мысль, что отшествие Иисуса Христа есть условие, при котором ученики могут последовать за Ним. *И аще пойду и уготовлю вам место, паки прииду и пойму вы к Себе: да, идеже есмь Аз, и вы будете* (ст. 3). Христос приготовил у Небесного Отца место Своим ученикам посредством Своей искупительной смерти, которою разрушено средостение между небом и землею, посредством Своего Воскресения, в котором Он победил последнего врага – смерть, и посредством Своего Вознесения на небо, вследствие которого Он воссел одесную славы Своего Отца. *Паки прииду* – нужно сначала понимать в смысле невидимого, внутреннего пришествия Христова во Святом Духе (ср. ст. 18 и далее; 16 и далее), в Котором заключается всякое общение с Ним во времени и вечности. Когда Христос во Святом Духе приходит к нам, тогда, по внутренней сокровенной жизни, мы уже здесь, очевидно, находимся во славе вместе с Ним (Кол. 3и д.); затем Он преобразит и наше уничиженное тело в небесное (Флп. 3:21).

Торжественное же заключение этого пришествия Христова будет в явлении Его на Страшный Суд, когда Спаситель явится видимо, чтобы взять к Себе Своих последователей и ввести их в славу Божию. Следовательно, вообще можно сказать, что выражение *паки прииду* обнимает собою все дела Христовы для спасения верующих, начиная от Его Воскресения и оканчивая Его вторым пришествием. Господь говорит здесь к апостолам как представителям всей Церкви.

И аможе Аз иду, весте, и путь весте. Господь говорит об отшествии Своем ко Отцу, куда должны последовать за Ним и ученики Его. Единственный для них туда путь, по указанию 6-го стиха, – Он Сам. На этот путь Он нередко уже указывал им во всех Своих речах, где Он изображал Себя *органом и откровением* Отца и требовал веры в Себя как необходимого условия ко спасению (например, 10и далее; 6:29); следовательно, ученики знали уже путь к Отцу, по крайней мере могли знать его. Прекрасно по этому случаю замечает блаженный Августин: «Ученики знали, но не знали, что знают». Несправедливо некоторые толковники под словом *путь* разумеют путь страданий и смерти, к которому Он Сам готов был идти. *Глагола Ему Фома: Господи! не вемы, камо идеши, и како можем путь водети?* На слова Господа, что они знают путь к месту, куда Он теперь идет, возражает апостол Фома с тою скептической откровенностью, какая везде высказывается в характере этого апостола (ср. 11:16; 20:25); он говорит, что им неизвестно *место*, куда Он идет; поэтому они не могут знать и пути к нему.

На вопрос Фомы: *Како можем путь водети?* Иисус Христос отвечает замечательными словами: *Аз есмь путь и истина и живот: никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною* (ст. 6). Иисус Христос есть не только путеводитель, Своим учением и примером *показывающий* нам путь к нашему истинному назначению, но есть самый путь, и именно потому, что Он есть единый посредник между Богом и человечеством. Если человек хочет достигнуть предназначенной ему цели, то он может достигнуть ее только чрез Христа, только чрез Него он может прийти ко Отцу. Поэтому Иисус Христос в другом месте (10:7) и

называл Себя *дверью*, как теперь называет *путем*. Но Христос есть не только путь к цели, а и самая *цель*, так как Он есть *истина и жизнь* по преимуществу. Как вечное Слово, как начало всех откровений Божиих, Он есть истина и жизнь *в Себе*, а посему также и единственный источник всякой истины и всякой истинной жизни *для нас*. Без Христа человек находится в духовном мраке и заживо умирает. *Аще Мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо*. Иисус Христос и Бог Отец – едино по Своему Божеству (ср. 10:30). Следовательно, кто истинно *познал* Божественное естество во Христе, тот этим самым *познал* и *Отца*. И *отселе* (когда Я именно уже прославился) *познаете Его и увидите Его*. Здесь Спаситель снова представляет Свое прославление уже совершившимся и указывает следствие Своего прославления, именно, познание Своего Отца в настоящем и прошедшем.

Апостол Филипп все еще не понимает слов Господа. Сознывая, что Иисус Христос говорит о Своем Небесном Отце, он желает *видимого явления* Отца.

Богоявления, как некогда просил этого для себя Моисей (Исх. 33:18), и как ветхозаветные пророки (например Илия) созерцали Бога. Он говорит: *Господи! покажи* (пусть явится) *нам Отца и довлеет нам*, т. е. и мы этим будем довольны. Удивляясь этим словам Филиппа, Иисус Христос с горестью говорит к нему: *Толико время с вами есмь, и не познал еси Мене, Филиппе! Видевый Мене виде Отца: и како ты глаголеши: покажи нам Отца?* Как бы так Спаситель говорит Филиппу: после такого продолжительного обращения со Мною ты все еще не узнал Меня как следует! Доселе ты не знаешь, что по существу Своему Я – едино со Отцом, и что, следовательно, тот, кто очами веры видит во Мне Мое Божественное естество, видит также и Отца и поэтому не может желать *чувственного явления* Отца. В словах: *Не веруеши ли, яко Аз во Отце и Отец во Мне есть?* – так же, как и в предыдущих: *видевый Мене виде Отца*, – ясно выражено, что Господь здесь говорит не о *нравственном* только, но о *существенном* Своем единении со Отцом. Выражения *Аз во Отце* и *Отец во Мне* – не тождесловное повторение одного и

того же, но в них, с одной стороны, выражается постоянное, а с другой – внутреннее существенное взаимодействие, какое существует между Отцом и Сыном. Отец созерцает Себя и любит в Сыне, Своем образе и сиянии Своей славы (Евр. 1:3), как и Сын знает Себя во Отце как Своем вечном первоначале (ср. 10:38). Из этого единства Их, по существу, Господь выводит потом заключение, что все, что Он говорит и делает, суть слова и дела Его Небесного Отца: *Глаголы, яже Аз глаголю вам, о Себе не глаголю*. И в доказательство того, что Он говорит не от Себя Самого, не по собственному полномочию, Он указывает на Свои дела: *Отец же, во Мне пребываяй, Той творит дела*. Затем Он убеждает всех к вере: *Веруйте Мне, яко Аз во Отце, и Отец во Мне: аще ли же ни, за та дела веру имите Ми* (ст. 11). Если они не хотят верить Ему по Его словам, что Он во Отце и Отец в Нем, то должны верить за Его дела, то есть за Его чудеса, в которых открывается Его Божественная сила (ср. 5:36; 7и далее; 10:25). От убеждения к вере ради Его чудес Иисус Христос переходит далее к чудесам самих учеников посредством веры; так как в тех чудесах, которые ученики Его творили после Его отшествия к Своему Отцу, заключалось еще более убедительности к твердости в вере: *Аминь, аминь глаголю вам: веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит* (ст. 12). Здесь особенно обращают на себя внимание слова *больша сих*, т. е. тех, яже Аз творю. Под этими словами нужно разумеать не чудеса в тесном смысле, а общее выражение успехов дальнейшей апостольской деятельности. Когда апостолы в один день целые тысячи обращали ко Христу, когда они далеко за пределы Палестины распространили основанное Христом Божественное царство, когда приобрели победу Евангелия над иудейством и язычеством и т. д.; тогда они действительно производили дела, больше поражающие стороннего зрителя, чем производил Сам Господь. Книга Деяний апостольских представляет самое лучшее толкование этих слов. Такую деятельность учеников Иисус Христос поставляет в причинной связи, с одной стороны, с Своим отшествием к Отцу, а с другой – с молитвою учеников: *яко Аз ко Отцу Моему гряду, и еже аще что просите во имя*

Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне (13 ст. должен быть отделяем от 12-го только запятой). После совершения искупления, после того как Христос – Богочеловек воссел одесную Отца и принял участие в Божественном мироправлении, только после этого Он мог облечь Своих учеников силою свыше, подать им средства распространять Его Царство, совершать большие дела, чем какие Сам Он совершал. Но этой *подающей* деятельности со стороны Христа должна соответствовать и деятельность *воспринимающая* со стороны учеников; эта воспринимающая деятельность и есть *молитва*, ибо молитва есть как бы *дыхание* души, которым человек вдыхает в себя небесный благодатный воздух. Просить же «во имя Христа» значит молиться в Его смысле и духе, как Он научил нас, молиться с верою, что только чрез Него, ради Его заслуг даровано нам будет то, о чем мы молимся, – значит, наконец, молиться с полною преданностью воле Небесного Отца (ср. 15:16; 16:23). Замечательна при этом общность выражения: *и еже аще что просите* – о чем бы вы ни попросили. Если мы истинно молимся во имя Христа, то *всегда* получим, чего бы мы ни просили. Прославление Отца в Сыне – вот конечная цель, ради которой Христос слушает молитвы наши; поэтому и сказано: *Да прославится Отец в Сыне* (ср. 13:31; Рим. 16 и далее; Флп. 2:11). *И аще чесо просит во имя Мое, Аз сотворю*. Здесь Господь еще раз повторяет прежнюю мысль, но с особенным оттенком, что Он есть при этом действующее лицо (Аз).

Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте (ст. 15). Доселе Господь увещевал Своих учеников к *вере* (ст. 12) и к *надежде* (ст. 13), теперь же переходит к *любви*. Но эта любовь к Нему не должна быть одним *чувством*, но должна обнаруживаться *силою* в соблюдении заповедей. Соблюдение заповедей Христовых есть наилучший пробный камень любви к Нему. Словом *заповеди* Господь обнимает все Свое откровение, все, чему Он учил и что повелевал творить. «Соблюдать Его заповеди», следовательно, значит то же, что и «соблюдать Его слово» (8:51) или «пребывать в Нем» (15:7), то есть сердцем и жизнью пребывать во внутреннейшем общении с Ним, так,

чтобы Он думал в нас, говорил и действовал. Эта любовь есть основное условие, при котором только и может быть действительная связь с Христом, а чрез Него и со Отцом во Святом Духе: *И Аз (со Своей стороны) умолю Отца, и иного Утешителя даст вам, да будет с вами в век, Дух истины, егоже мир не может прияти, яко не видит Его, ниже знает Его: вы же знаете Его, яко в вас пребывает, и в вас будет* (ст. 16–17). Слово Утешитель – Παράκλητος, которым Господь называет Святого Духа (ст. 26), в Новом Завете встречается только в Евангелии Иоанна (ср. ст. 26; 15:26; 16:7). По этимологии оно значит «заступник», особенно пред судом, адвокат, потом вообще значит «помощник, советник, ходатай, делопроизводитель», и это первоначальное значение слова и здесь имеет свой смысл. Но так как глагол παρακαλεῖν в Священном Писании имеет также значение «ободрять, утешать», то поэтому еще со времен Оригена и святого Иоанна Златоуста слово Παράκλητος принимается в смысле «Утешителя». Иисус Христос называет Святого Духа *иным*, другим Утешителем, именно *вместо Себя*, так как Он и Сам был Утешитель; потому что пока Он находился с Своими учениками, то Сам был их Утешителем. Поэтому и Христос называется также παράκλητος – ходатай в 1Ин. 2:1. В этих словах, с одной стороны, ясно выражается *личность* Святого Духа, а с другой ипостасное Его отличие от Отца и Сына (ср. Мф. 28:19). Если ниже посольство Святого Духа называется явлением или откровением Самого Иисуса Христа (ст. 21), пребыванием Отца и Сына в человеке, как в Своем жилище (ст. 23) и даже новым пришествием Иисуса Христа (ст. 18; ср. 16 и далее), то это нисколько не противоречит сказанному выше. Ибо как Сын ничего не говорит и не делает Сам от Себя, но живет и действует чрез Отца и есть едино со Отцом; так и Святой Дух, посылаемый в мир Сыном и исходящий от Отца, действует в мире нераздельно с Ними. Иисус Христос обещает *умолить* Отца, чтобы Он послал Святого Духа; ибо Христос как Ходатай (1Ин. 2:1) наш выпрашивает нам у Отца всяк дар совершен, и без нашего сознания в своих грехах и примирения во Христе Дух Святой всегда был бы далеко от нас. В словах да

будет с вами вовек подается нам утешительная уверенность, что это обетование относится не к одним апостолам, но и к истинным их последователям, так что, следовательно, доколе будет существовать мир, Утешитель будет пребывать в Своей Церкви. Этот Утешитель называется *Духом истины*, так как содействует восприятию людьми пребывающей во Христе истины. Но этого Духа истины не может принять в себя *мир*, то есть погрязшее во грехе человечество, потому что он не имеет никакой внутренней восприимлемости для принятия Его; потому что грех в существе своем есть ложь, а с ложью Дух *истины* не может обитать вместе. Грех помрачает и затемняет духовное зрение, так что обремененный грехами человек не может видеть и познавать, то есть умственно замечать пребывающего и действующего в глубине его души Святого Духа. В противоположность миру Господь говорит о Своих учениках, что они знают Духа, потому что Он в них пребывает и в них будет.

Не оставлю вас сиры. Прежде (13:33) Господь назвал Своих учеников *чадцами*, так как Он есть Отец их, возродивший их духовно; сообразно с этим здесь Он употребляет выражение *не оставлю вас сиротами*. Дальнейшие слова Господа *прииду к вам*, судя по связи речи, нельзя понимать в смысле видимого явления Христа после Его Воскресения, а также и в смысле второго пришествия Его на суд, но в смысле *пришествия Христова во Святом Духе*. Христос со Святым Духом и в Святом Духе приходит к людям духовным образом и обитает в них в живой вере и искренней любви. Но полное Его воссоединение с верующими наступит, конечно, после второго пришествия Его (ср. 2Кор. 5:6).

Еще мало, и мир ктому не увидит Мене, именно телесными очами, *вы же увидите Мя, яко Аз живу, и вы живи будете*. После сказанного выше слова: *вы же увидите Мя* нужно относить не к физическому зрению телесно Воскресшего, но к духовному видению Его сердцем и умом. *Аз живу, и вы живи будете* – имеет такой смысл: так как Я – истинная жизнь, и вы будете участниками этой жизни, то вы и познаете Меня, как пребывающее в вас и оживляющее вас начало жизни.

В той день (именно, когда Христос во Святом Духе приидет к ним) уразумеете вы, яко Аз во Отце Моем и вы во Мне, и Аз в вас (ст. 20), следовательно, тогда они познают истинное отношение Христа ко Отцу и свое отношение ко Христу. Они тогда познают, что Христос *во Отце*, то есть едино с Отцом по существу Своему, и что, следовательно, Он – Бог, как и Отец (ср. 10:38); но они поймут также, что и сами находятся в самой живой связи со Христом, и почувствуют себя членами Христовыми. Но эта живая связь со Христом совершается только *в любви*; пробный же камень любви есть соблюдение заповедей. Поэтому: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (ст. 21). «Иметь заповеди» употреблено здесь в смысле «слушаться заповедей, следовать им». Слово *явлюся*, естественно, по связи речи, нужно понимать как внутреннее откровение Христа в сердцах Его учеников, а не в смысле явления Господа по воскресении. Ученики все еще не могли понять этого внутреннего откровения, о котором говорил Спаситель; они все еще думали, что Иисус Христос прославит Себя пред всем миром в качестве мессианского царя; поэтому апостол Иуда (не Искаротский) и спрашивает: *Господи, и что бысть* (что Тебя побуждает? что значит?), *яко нам хоцещи явитися, а не миру?* – *Отвеща Иисус и рече ему: аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит Его, и к нему приидет и обитель у него сотворим. Не любяй Мя словес Моих не соблюдает: и слово, еже слышите, несть Мое, но пославшаго Мя Отца* (ст. 22–24). Иисус Христос не прямо, но косвенно говорил о том внутреннем откровении, которое Он имел ввиду. В любви, говорит Он, которая обнаруживается в соблюдении заповедей (15:21), заключается внутренняя, живая связь с Ним, а чрез Него и с Отцом. Спаситель говорит здесь о той связи живой души с Богом и с Ним Самим, которую подвижники называли «таинственным соединением с Богом» и которая не может быть выражена словами и только испытывается благодатствованными душами. В словах *обитель у него сотворим* выражается мысль о постоянном пребывании Господа вместе с верующею душою.

Отец и Сын подобно путешественнику приходят как бы из Своего небесного отечества (ст. 2) и останавливаются на жительство у любящего Их человека (ср. Откр. 3:20): *Се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой и отверзает двери, вниду к нему и вечеряю с ним, и той со Мною*. В следующем (24) стихе та же мысль выражается только отрицательно: с теми, которые не любят Его слов, то есть Его заповедей, Он не может входить в эту связь; ибо Его слово, заключающее в сей Его заповеди, есть слово *Отца* (ср. 7:16), и, следовательно, они отвергают Самого Бога.

Обозревая все доселе сказанное ученикам в этой речи, Спаситель знал, что ученики еще не вполне поняли Его, что нечто в Его речи оставалось для них темным и загадочным. Поэтому Он после небольшой остановки говорит: *Сия глаголах вам в вас сый* (находясь еще с вами) и обещает им потом Святого Духа, Которого Отец пошлет вместо Него (*во имя Мое*) и Который научит их всему и напомним все, что Он говорил им: *Утешитель же, Дух Святый, егоже послет Отец во имя Мое, Той вы научит, всему и воспомянет вам вся, яже рех вам* (ст. 25–26). Следовательно, Утешитель будет сообщать им не новое какое-либо учение, а разовьет только то, что уже в начатках своих было высказано в словах Иисуса Христа и, таким образом, введет их в обладание полною истиною (ср. 16 и далее); Он верно напечатлеет в памяти их речи Господа и уяснит им смысл их.

Таким образом, Иисус Христос закончил Свои личные наставления ученикам и указал им в будущем на иного Утешителя. Далее мы читаем как бы формальное выражение Его завещания: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не якоже мир дает, Аз даю вам* (ст. 27). В слове *мир* (по-еврейски «шалом» – спасение, спокойствие) Господь обнимает все *спасение*, которое Он с неба принес на землю и которое, будучи принято человеком в вере, производит истинный, невозмутимый, внутренний *мир*. То, чего на Востоке обыкновенно *желали* при прощании (1Цар. 1:17; 20:42; 29:5; Мк. 5:34; Еф. 6:22; 1Пет. 5:14), Иисус Христос *оставляет и подает* Своим ученикам. С ангельским приветствием мира вступил Он в

мир (Лк. 2:14), с завещанием мира Он и уходит из мира. Мир не может дать этого мира, потому что он оторвался от первоисточника всякого мира и спасения; у него одни только пустые желания, обещающие власть, почести, богатство и т. д.

Последние слова Господа естественно должны были исполнить сердца учеников тяжелою скорбью; поэтому Иисус Христос вслед затем высказывает им одобрение: *Да не смущается сердце ваше, ни устрашает, и далее представляет основание этому ободрению: Слышасте, яко Аз рех вам: иду и прииду к вам. Аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте убо, яко рех, иду ко Отцу: яко Отец Мой болии Мене есть* (ст. 28). Здесь радость учеников поставляется в зависимости от их любви ко Господу. Обыкновенная любовь не хочет оставаться без любимого предмета и не может быть в разлуке с ним; но совершенная любовь самоотверженна и радуется только о большем счастье и радости любимого предмета, и такой любви желает Иисус Христос от Своих учеников. Основание же, почему ученики должны радоваться отшествию Его ко Отцу, выражено в словах *яко Отец болии Мене есть*; так как Отец болии Его есть, то отшествие Его ко Отцу должно быть для них предметом радости. Здесь заключается мысль, что отшествие Его ко Отцу должно иметь свои важные последствия, именно прославление и *человеческой* природы Иисуса Христа. Доколе Сын Божий вследствие Своего добровольного унижения был *меньше Отца*, Он в борьбе и страдании стремился к своему Первоисточнику, и все, которые любили Его, должны были вместе с Ним желать Его прославления. Но это желание Его не было у Него своекорыстным; но как Он ради нас унижил Сам Себя, так Он ради нас желал и прославления Своего, которое было и нашим прославлением. Как для *Него* было хорошо идти ко Отцу, так и для учеников (ср. 16:6). *И ныне* (как уже несколько раз и прежде) *рех вам*, что Я иду ко Отцу, *прежде даже не будет, да егда будет, веру имете*, что Я именно пошел ко Отцу (ст. 29). Иисус Христос, так часто повторяя это предсказание о Своем близком отшествии, хочет предохранить

их от соблазна, какой могло возбуждать в них глубочайшее на кресте Его уничижение (ср. 13:19; 16:4).

Ктому немного глаголю с вами: грядет бо сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже (ст. 30). Греховный мир есть область сатаны, в которой он господствует; во Христе же как безгрешном Существе он совершенно ничего не имеет такого, что мог бы назвать своим, и поэтому не имеет над Ним никакой власти. Следовательно, Христос, если бы захотел, мог бы избежать смерти, которая есть плата за грех. Иисус Христос говорит: *грядет* мира князь, то есть в своих орудиях (ср. Лк. 12:43). Иуда Искаротский в то время сделал уже все приготовления к исполнению своего дьявольского плана. Это видел Господь, и, чтобы ясно показать, что Он *добровольно* идет на смерть, для откровения Своей любви к миру и послушания Своему Отцу, Он возбуждает Своих учеников к противодействию дьявольской силе: *Но да разумеет мир, яко люблю Отца, и яко заповеда Мне Отец, тако творю, – восстаните, идем отсюда.* (ст. 31). Слова *восстаните, идем отсюда* нужно понимать в смысле восстания от трапезы и приготовления в путь. И так как в 1 стихе 18 главы повествуется об исшествии Иисуса Христа из города чрез поток Кедронский, то нужно признать, что следующие речи Спаситель произнес, стоя в той же горнице, окруженный учениками. Признать же, согласно с некоторыми толковниками, что речи, заключающиеся в 15 и 16 главах и особенно 17, произнесены *на пути*, значило бы допустить большую психологическую невероятность.

Притча о виноградной лозе и ее ветвях (Ин. 15:1–11)

По какому внешнему поводу Иисус Христос в этой Своей речи воспользовался образом *виноградной лозы* – толковники в объяснении этого расходятся между собою. Но нет нужды прибегать к натянутым догадкам. Естественнее всего находить этот повод в стоявшей еще на столе *чаше с вином*, которая на этой вечери имела такое важное значение. Господь в последний раз только что пил с учениками Своими *от плода лозного* (Мф. 26:29), потом Он претворил вино во всесвятейшую Свою Кровь, предложил ее в питье ученикам и, таким образом, теснейшим образом соединил их с Собою: как легко и естественно в это

время мог представиться Ему образ виноградной лозы и ее ветвей для изображения внутренней связи верующих с Собою; апостол Павел для изображения той же самой мысли избрал образ человеческого *тела* (Еф. 5:30; Кол. 2:19; ср. 1Кор. 12и далее), что в притче Спасителя изображает «виноградная лоза», то у апостола Павла – голова, что у Спасителя – «ветви», то у апостола Павла – члены. Впрочем, в образе, заимствованном от тела, более изображается отношение верующих друг к другу при посредстве главы, тогда как в образе от виноградной лозы – более отношения ко Христу. Еще в Ветхом Завете Израиль представляем был под образом виноградаря и виноградной лозы (см. Ис. 5и далее; Иер. 2:31; Иез. 15и далее; 19и далее; Пс. 79и далее).

Аз есмь лоза истинная, и Отец Мой делатель есть (ст. 1). Все земное служит только образом высшего сверхчувственного мира; в отношении виноградной лозы к своим ветвям образно представляется духовная связь Христа с верующими. Иисус Христос есть *истинная*, первообразная виноградная лоза, и Отец Его, Который посадил Его на земле, то есть по милосердному определению Которого Иисус Христос стал человеком, есть виноградарь.

В первом этом стихе названы только два члена сравнения; третий член – *вы же рождие* – ясно выражен в пятом стихе, но онуже подразумевается и вначале. *Всяку розгу, о Мне не творящую плода, измет ю, и всяку, творящую плод, отребит ю, да множайший плод принесет* (ст. 2). Иисус Христос описывает здесь сначала деятельность виноградаря. Деятельность эта двух родов: отсечение бесплодных и *очищение* плодоносных ветвей, чтобы сделать последние более плодородными. Кто посредством веры и крещения привился, как виноградная ветвь, к истинной виноградной лозе – Христу, и не приносит никаких плодов веры и любви, у того Господь отнимает, наконец, живительную силу Своей благодати; он засыхает и, когда виноградарь очищает виноградные лозы, то есть во время суда, совершенно отсекается от виноградной лозы. Но кто приносит плоды добрых дел и таким образом находится в живом общении со Христом, того Господь очищает

все больше и больше, посредством испытаний отрезая наросты порочных склонностей и посредством Своей благодати увеличивая любовь, то есть внутреннюю жизненную силу, которая потом сама собою очищает все маленькие пятна и уничтожает греховные наросты.

В ободрение учеников Иисус Христос присовокупляет далее, что они Уже прежде очищены, и именно чрез слово, которое Он говорил к ним и которое будучи принято ими с верою, делается оживляющею, очищающею и преобразовывающею силою: *Уже вы чисти есте за слово, еже глаголах вам.* (ст. 3). Под словом нужно разуместь вся откровение Спасителя (ср. 8:43), а не изречение Господа в 13ст., как думают некоторые толковники. Блаженный Августин спрашивает: «Почему Господь не говорит: вы чисты чрез крещение, которым омылись?» – и отвечает: «Потому что и в воде очищает слово. Если отнять слово, то что будет вода, как не вода только? Слово входит в вещество и бывает таинство, которое само есть как бы видимое слово. Это самое сказал Господь, когда омыл ноги ученикам: *Измовенный не требует токмо нозе умыти, есть бо весь чист* (13:10). Откуда приходит воде эта великая сила, что она, касаясь тела, очищает сердце, если не от слова, не потому, что оно произносится, но потому, что веруют ему? Ибо и в слове самом есть нечто другое, кроме исчезающего звука, есть пребывающая в нем сила: *слово веры, которое мы проповедуем*, говорит апостол (Рим. 10:8); этим словом освящается и крещение, так что оно может очищать. *Христос возлюбил Церковь и Себе предаде за ню, да освятит ю, очистив банею водною в глаголе* (в слове) (Еф. 5:26). Таким образом, очищение приписывается отнюдь не преходящему и исчезающему веществу, если не соединяется с ним слово.

Так как ученики верою во Христа уже привились к Нему и чрез это очистились, то теперь нужно было заботиться только о том, чтобы они *пребывали* в Нем, не отклоняясь от жизненного общения с Ним. Поэтому увещание: *будите во Мне*, именно, как виноградная ветвь на лозе, *и Аз* (то есть буду) *в вас* (ст. 4), подобно виноградной лозе, которая не отрывается от своих

ветвей, но постоянно проникает их своею жизненною силою. *Якоже розга не может плода сотворити о себе* (то есть из собственной силы), *аще не будет на лозе: тако и вы* (не можете приносить плодов сами по себе), *аще во Мне не пребудете*. Следовательно, как виноградная ветвь только тогда приносит плод, когда не отделена от своей лозы, так и человек может приносить плоды добрых дел только в жизненном общении со Христом. Та же самая мысль в следующем стихе еще более усиливается и уясняется, чтобы ученики глубже усвоили ее себе: *Аз есмь лоза, вы же рождие. И иже будет во Мне и Аз в нем* (то есть и в котором Я пребываю), *той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже*. В последних словах Господь оставляет образную речь. Он говорит: *Без Мене не можете творити ничесоже*, потому что, как виноградная ветвь, будучи отсечена от своей лозы, совершенно не может приносить никаких плодов, так и человек вне общения со Христом не может совершить ни одного истинно доброго дела, имеющего заслугу для вечности.

Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет, и собирают ю, и во огонь влагают, и сгорает (ст. 6). Кто отсек себя от Христа, тоже подобен засохшей и выброшенной ветви. Кто не утверждаетя во Христе своею верою и любовью, тот лишается живительного сока благодати Божией, засыхает духовным образом и, наконец, совершенно отделяется от Него и, как сухая ветвь, бросается в огонь геенский. Подлежащее к словам *собирают и во огонь влагают* понятно само собою: в образе – слуги виноградаря, а на самом деле – ангелы (ср. Мф. 13:41).

Из образной речи Господь теперь постепенно переходит к собственной: *Аще пребудете во Мне, и глаголы Мои в вас пребудут, егоже аще хотите, просите, и будет вам* (ст. 7). Следовательно, если человек пребывает в живейшей связи со Христом (а он во Христе пребывает, когда с верою исполняет слова Его), то все его прошения исполнены будут, ни в чем не будет ему отказано. *О сем прославится Отец Мой, да плод мног, сотворите и будете Мои ученицы* (ст. 8). В принесении учениками плодов как естественном следствии пребывания их с

Ним и молитвы их заключается прославление Отца, так как сила Божия чрез Сына становится видимою в верующих. И когда ученики будут приносить богатые плоды, тогда они будут собственными и истинными Его учениками.

Якоже возлюбил Мя Отец, и Аз возлюбил вас, будьте в любви Моей! Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей: якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох и пребываю в Его любви (ст. 9–10). Доселе Господь под образом, заимствованным от виноградной лозы и ее ветвей, изображал внутреннюю связь, в какой Он находился с учениками Своими. Но уже с 7 стиха Он постепенно оставлял образную речь. Здесь же говорит Он о той связи, которою завязывается и сохраняется это духовное общение с Ним. Связь эта есть *любовь*, которою Он сначала возлюбил их и которая своим источником и первообразом имеет любовь Отца к Сыну. Стремлением истинных учеников Его должно быть сохранение этой Его любви к ним, особенно радостное исполнение Его заповедей, которые сами по себе суть любовь и жизнь, следовательно, открытый доступ любви. Ибо как Отец живет в Сыне, творчески действуя чрез Него, и как Сын неустанно действует в силе, так и ученик тогда только может наслаждаться благословением любви Иисуса Христа, когда он беспрепятственно приносит плоды, когда с радостью делает то, что любовь повелевает.

В словах *сия глаголах вам, да радость Моя в вас будет, и радость ваша исполнится* (ст. 11) заключается конец отдела. *Сия* относится ко всему сказанному от 1 до 10 стиха, но особенно относится к тому, что Господь только что говорил о любви. Сознание пребывания со Христом, внутреннего общения с Ним в любви и жизни составляет на земле единственный источник радости и счастья. Христос называет эту радость *Своею*, как называл Он Своими любовь и мир, так как Он Сам наслаждается этою радостью (ср. 17:13) и так Как Он произведет ее в сердцах верующих. Такою радостью обладали мученики, мужественно переносившие страдания и гонения. Но совершенной полноты своей эта радость во Христе достигнет в другой жизни, когда Он прославленные члены Свои соединит с Собою внутреннейшею связью.

Заповедь о взаимной любви, основывающейся на любви ко Христу (Ин. 15:12–17)

Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, якоже возлюбих вы (ст. 12). Выше Господь сказал (ст. 10), что главное условие пребывания в Его любви, а затем и в Его радости, составляет соблюдение Его заповедей. Но важнейшая из этих заповедей есть *любовь к ближнему* (ср. Рим. 13:10) Это в собственном смысле – *Его* заповедь, и в исполнении ее Он явил Себя высочайшим примером и образцом. Поэтому: *больше сея любви никтоже имеет, да кто душу* (т. е. жизнь) *свою положит за други своя* (ст. 13). Если апостол Павел в послании к Римлянам 5и далее особенно старается выставить на вид ту мысль, что Христос умер за нас, когда мы еще были *грешниками* и Его врагами, то этим, однако, не выражается ли высшая степень любви Иисуса Христа; потому что и тех, которые ныне, будучи объаты Его любовью, сделались Его друзьями, Он возлюбил, когда они были еще грешниками и Его врагами (ср. 1Ин. 4:10). После 13 стиха для полноты мысли, согласно древним толковникам, следует прибавить: «как Я теперь делаю». Тогда и 14 стих будет стоять в прямой с ним связи; поэтому если и ученики хотят принадлежать к числу тех, за которых Христос предал Свою жизнь, то должны делать то, что Он заповедал им: *Вы други Мои есте, аще творите, елика Аз заповедаю вам*.

Чтобы показать ученикам, какое высокое достоинство заключается в названии «друзи», Господь продолжает: *Не ктому вас глаголю рабы, яко раб не весть, что творит Господь его*, то есть он не знает побуждений его действий. *Вас же рекох други* (именно ст. 14 и Лк. 12:4); *яко вся, яже слышах от Отца Моего, сказах вам* (ст. 15). Правда, Иисус Христос прежде не раз называл Своих учеников *рабами* (12:26; 13и далее), и Он мог так называть их, потому что как Творец и Икупитель Он был их *Господом*. Но Он, однако, всегда обращался с ними как с друзьями, а не как с рабами. Три года они находились в самом близком отношении к Нему. Он их учил и воспитывал, ничего не скрывая от них: *вся... сказах вам*. Правда, Он говорит ниже, что еще многое Он имеет сказать им,

чего они ныне не могут вместить (16:12), но это было только дальнейшее развитие того, что Он уже открыл им. Главное, что касается искупления, Он уже открыл им; все же остальное есть только раскрытие сего, что Он и предоставил деятельности Святого Духа.

Начало этой дружбе положили не ученики, но Сам Христос: *Не вы Меня избрасте, но Аз избрах вас и положих вас, да вы идете и плод принесете, и плод ваш пребудет: да егоже аще просите от Отца во имя Мое, даст вам* (ст. 16). Следовательно, не они Его, но Он их избрал Своею благодатию и милосердием из греховного мира и *положил* их, то есть как виноградные ветви привил к истинной виноградной лозе (ст. 1 и далее), чтобы они *после* (да вы идете) приносили плоды для вечности и чтобы Отец слышал все их молитвы, которые они будут приносить во имя Его, то есть в Его силе, в общении с Ним. В этих словах Господа заключается для учеников урок смирения и вместе великого утешения: всякий плод, который они приносят, есть дело Насадителя, всякая молитва к Отцу услышана бывает во имя Его. Слова: *положих вас* многие принимают в смысле: «Я поставил Своими учениками». Действительно, глагол *положить* – τίθεναι употребляется в значении «поставить на должность» (ср. 1Кор.12:28; 1Тим.1:12); но, как показывает следующее выражение «плод принесете», здесь еще отзывается образ, заимствованный от виноградной лозы.

Так как Господь теперь хочет далее говорить о гонениях, то Он в заключение еще раз выставляет на вид любовь, которую Он предлагает им как бы в вознаграждение за все бедствия, какие готовит им мир. *Сия заповедаю вам, да любите друг друга* (ст. 17). *Сия* относится к сказанному от 12–16 ст. (ср. ст. 11). Цель («да» – ἵνα) и как бы зерно этого есть взаимная любовь.

О ненависти мира к ученикам Христовым (15:18–16:4)

Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы: якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир (15:18–19). Когда ученики испытают

ненависть мира и его гонения, то это не должно удивлять их; при этом они должны иметь в виду и утешаться тем, что Он прежде их испытал ненависть мира (ср. 1Пет. 4 и далее). Объяснение же этому явлению заключается в том, что в них, избранниках Его, и в мире действуют два противоположные начала, которые естественно сталкиваются, как две враждебные силы. В них чрез Христа действует Бог, в мире же сатана; поэтому дружба с миром есть вражда с Богом, и наоборот (ср. 1Ин. 3:13; 4:5). *Пять* раз повторенное слово мир указывает на особенную торжественность речи (ср. 3:17).

Поминайте слово, еже Аз рех вам: несть раб болий господа своего. Аще Мене изгнаша, и вас изженут: аще слово Мое соблюдоша, и ваше соблюдут (ст. 20). Чтобы лучше уяснить ученикам только что высказанную мысль, Господь ссылается на прежде сказанные Им слова, именно 13:16. Как там слова *несть раб болий* и проч. должны были напоминать о том, что ученик и раб должен охотно переносить всякое уничижение и нужду, какую терпит его учитель и господин; так и здесь – никакое страдание, претерпенное Господом, не должно быть для учеников чем-нибудь необыкновенным, неслыханным (ср. Мф. 10:24). Прекрасно замечает при этом блаженный Августин: «Откажись быть членом тела, если не хочешь вместе с главою переносить ненависти мира». Следовательно, если люди преследовали Иисуса Христа, то и ученики Его не могут обойтись без преследований; но если, напротив, они принимали и соблюдали слова Христа, то будут соблюдать и слова учеников Его. Условность речи в том и другом случае не определяет ученикам, что, собственно, постигнет и учеников из того, что было с Самим Иисусом Христом. Но ученики достаточно знали из опыта, как редко принимали люди слово Его; а что и они вообще не встретят себе со стороны иудеев благоприятного приема и потому должны ожидать преследований, достаточно показывает следующий 21 стих.

Но сия вся творят вам за имя Мое, яко не ведут Пославшего Мя (ст. 21). Следовательно, тайная причина того, почему будут преследуемы ученики Господа, заключается в ненависти мира к *имени*, то есть к лицу Иисуса Христа. Мир

ничего не хочет знать об Иисусе, и самое *имя* Его, пред которым должно, однако, преклониться всякое колено небесных, земных и преисподних (Флп. 2:10), противно им. И все это потому, что они не знают Бога истинным образом. Если бы у них было живое познание Бога, то они признали бы и Иисуса Христа посланником Божиим, и именно, как говорится ниже, Его учение и чудеса. Для учеников же мысль о том, что они страдают ради имени Христова, должна служить утешением и ободрением; и как часто они утешали себя этою мыслью, показывают такие места Писания, как Деян. 5:11; 21:13; 2Кор. 12и далее; Гал. 6:17; 1Пет. 4 и далее.

Аще не бых пришел и глаголал им, греха не быша имели; ныне же вины (извинения) не имут о гресе своем (ст. 22). Ненавидяй Мене и Отца Моего ненавидит (ст. 23). Если бы Иисус Христос спасительное Свое учение, которое для всякого простого и искреннего сердца носит само в себе печать истинности и Божественности (ср. 6:63, 68; 7:46; Мф. 7и далее), не проповедал иудеям, то они в этом могли бы еще находить оправдание своему неверию и своей ненависти к имени Иисуса Христа; они могли бы сказать, что Иисус Своею проповедью не доказал, что Он есть обещанный Мессия. Но теперь они не имеют извинения; и в ненависти их к Нему, Который Своим учением заявил Свое посланничество от Бога, заключается вместе с тем ненависть к Богу (ср. 5:23). Но еще большая откроется вина неверующих, если взять во внимание дела, то есть чудеса, которые творил Иисус и в которых Он несомненно явил Себя посланником Божиим: *Аще дел не бых сотворил в них, ихже инь никтоже сотвори, греха не быша имели, ныне же и видеша, и возневидеша Мене и Отца Моего (ст. 24).* Со словами *ихже инь никтоже сотвори* нужно сравнить слова у Матфея 9:33, которые народ произносил после исцеления Иисусом немого бесноватого: «Никогда не бывало такого явления (чудесного действия) в Израиле». Чудеса Иисуса Христа в связи с высотой Его лица и возвышенностью Его учения безусловно превосходили все то, что было в этом роде в Ветхом Завете; по своей природе и по своему явлению это были *Божественные* дела (ср. 5:36; 9и далее; 10:37; 14:10).

Поэтому Господь и говорит, что в чудесах Его они видели и Его Самого как Мессию (10:25), и вместе с тем и Отца (14:10). Но все это должно было совершиться, чтобы сбылось сказанное прообразовательно псалмопевцем о страждущем Мессии: *Но да сбудется слово писанное в законе их: яко возненавидеша Мя туне* (ст. 25). «В законе их», то есть в том их законе, на котором они основываются, от которого ожидают спасения (ср. 5:45; 8:17). Слово *закон* здесь, как в 10:34, нужно понимать в обширном смысле, в смысле всего Ветхого Завета, потому что приведенное заимствовано из Пс. 68или 34:19.

Егда же приидет Утешитель, егоже Аз пошлю вам от Отца (ср. 14:18), *Дух истины* (ср. 14:16), *Иже от Отца исходит, Той свидетельствует о Мне: и вы же свидетельствуете, яко искони со Мною есте* (26–27). Сколько утешительного и ободрительного заключалось для апостолов в этих словах Господа! *Христос*, Господь их и Учитель, пошлет им Утешителя, а Утешитель этот есть *Дух истины*, которая хотя и будет по временам преследуема и угнетаема, но наконец останется победительницею: Сам же *Дух исходит от Отца*, Первоисточника всякой силы и крепости. Внутреннее свидетельство Святого Духа и внешнее свидетельство учеников, очевидцев и слушателей Его учения и чудес, короче, свидетелей всей Его жизни, убедят мир в Божественности Иисуса Христа и Божественности Его учения. В этих словах утешения Спаситель высказывает и призвание апостолов в будущем и их положение в отношении к Церкви на земле. Для сообщения каждому верующему благодати и истины, Иисус Христос хотел во всей Своей *Богочеловеческой*, исторической личности продолжаться в человечестве. Но для этого нужно было двойное свидетельство, *внутреннее*, Божественное в сердце человека и *внешнее*, человеческое. Внешнее свидетельство представили апостолы, и свидетельство их переходит в Церковь от рода в род и будет переходить до конца веков. Поэтому Церковь, будучи устроена на основании апостолов, по справедливости называется *апостольскою*.

Доселе Иисус Христос говорил более общим образом о борьбе, какую неверующий мир уготовляет ученикам. Теперь Он

говорит им определеннее о предстоящих гонениях. *Сия глаголах вам, да не соблазнитесь* (16:1). *Сия* обращает речь к сказанному в 15:18–27: *да не соблазнитесь*, то есть чтобы не поколебались в вере в Меня, когда настанут преследования. Ибо, как говорит святой Григорий: «Предвиденные стрелы обыкновенно не так сильно поражают». *От сонмищ ижденут вы: но (даже) приидет час, да всяк, иже убьет вы, возмнится службу приносить Богу* (ст. 2). Слово *служба* здесь собственно значит жертвоприношение. У раввинов-фанатиков было правило: «Кто проливает кровь нечестивого, тот делает то же, что и приносящий жертву». *И сия творят, яко не познаша Отца, ни Мене* (ст. 3). Но, чтобы не входить далее в частности, – *сия глаголах вам, да егда приидет час, вспомняете сия, яко Аз рех вам*. Дальнейшие слова 4 стиха: *сих же вам исперва не рех*, казалось бы, находятся в противоречии со сказанным у Мф. 5и далее; 10и далее; Лк. 6 и далее; в других местах Евангелия, где Спаситель уже прежде говорил Своим ученикам о преследовании их ради Его. Но между всеми прежними предсказаниями и нынешним есть большое различие. Прежде Он делал им только частные указания насчет будущего, тогда еще отдаленного, и ученики, исполненные еще надежд на блестящее земное Царство Мессии, столь же мало понимали эти слова, как и предсказания Иисуса Христа о Своих страданиях и смерти. Слушая эти слова, они разумели под ними те великие затруднения, какие предстояли им, и не принимали этих слов в буквальном, собственном смысле. Но теперь все получило другое значение; они знали, что Христос скоро оставит их, и потому Он теперь говорит им с гораздо большею определенностью, чем прежде, о том, что их постигнет. Основание же, почему Он прежде так определенно не говорил им об этом, указывает следующее: *Яко с вами бых*. Таким образом, доколе Иисус Христос был в месте со Своими учениками, все преследования касались Его, первее всего Он был предметом, жертвою ненависти мира. Но когда Он крестною смертью взошел к Своему Отцу, тогда на Его место в борьбе с миром выступили Его ученики, чтобы среди страданий и преследований доставить победу Царству Его.

Победа учеников над миром силою Святого Духа и испытание их веры (Ин. 16:5–33)

Ныне же иду к Пославшему Мя, – и никтоже от вас вопрошает Мене: камо идешь? Но яко сия глаголах вам, скорби исполних сердца ваша (ст. 5–6). После слов *ныне же иду к Пославшему Мя* нужно предположить непродолжительное молчание. Господь видит, что слова Его опечалили учеников. Чтобы ободрить и утешить их, Он побуждает их к дальнейшему исследованию касательно Его отшествия к Отцу для их блага. Что апостолы Петр (13:36) и Фома (14:5) уже спрашивали Господа о том, куда Он идет, это не противоречит последним словам Иисуса Христа; потому что Господь здесь порицает мгновенную их скорбь, которая теперь мешает им ясно понимать цель Его разлуки с ними. *Но Аз истину вам глаголю: уне есть вам, да Аз иду. Аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам: аще ли же иду, пошлю Его к вам* (ст. 7). Здесь Спаситель утешает Своих учеников тем, что пришествие Утешителя находится в зависимости от Его отшествия к Отцу. Прежде чем Святой Дух, удалившийся от человечества вследствие первородного греха, снова сойдет к человечеству, должен наперед очиститься грех рода человеческого, и человечество в главе своей, во Христе, должно возродиться, преобразиться. В отношении же собственно к ученикам отшествие Спасителя было полезно тем, что, лишив их видимого Своего присутствия, Господь тем самым очистил их веру и сделал их способными к восприятию Своих тайн.

После этого Спаситель изображает *деятельность Святого Духа* 1) в отношении к *неверующему миру* (ст. 8–11): *И пришед Он (Утешитель) обличит мир о гресе, и о правде, и о суде.* Следовательно, действием Утешителя будет *обличение* мира, то есть Он так будет действовать, так убеждать, что мир постыдится и посрамится. Три предмета этого обличения: *грех, правда и суд* Господь Сам объясняет, продолжая речь: *о гресе убо, яко не веруют в Мя. В словах яко не веруют в Мя выражается содержание греха: Утешитель обличит мир в грехе неверия, в котором он сделался виновен, не признав Иисуса Мессиею и Спасителем мира. Святой Дух Своими действиями в*

апостолах обличил мир в его неверии и продолжает обличать его Своими неоскудевающими действиями в Церкви. Апостольская и церковная проповедь о Христе, Искупителе и Спасителе мира, служит для неверующего мира постоянным призывным голосом, пробуждающим его от греховного сна и обвиняющим в неверии. Церковь, руководимая Святым Духом, своею проповедью о Христе есть видимая *совесть* для неверующего мира, так что ему не будет никакого извинения в своем неверии. *О правде же, яко ко Отцу Моему гряду, и ктому не видите Мене.* Как в предыдущем стихе предметом греха был мир, так здесь предметом правды как противоположности греху есть Христос. О правде Христа Святой Дух обличит мир отшествием Его ко Отцу Своему и Его невидимостью. Неверующий мир отверг и отвергает Иисуса как ложного пророка, следовательно, как *неправедника* и *грешника* (ср. 9:24), который по справедливости предан постыдной смерти (ср. 18:30). Но восприятие Его на небо, прославление Его у Отца, особенно невидимые, но могущественные и победоносные Его действия в Церкви посредством Святого Духа все больше и больше будут обличать и убеждать мир, что Иисус был и есть Праведник (ср. 1Ин. 2:1, 29; 3:7; 1Пет. 3:18), Который один может привести людей к истинной праведности пред Богом. *О суде же, яко князь мира сего осужден бысть.* Грех находит свой конец, а правда свою победу в суде, который начался с отшествием Христа к Отцу и продолжается до конца мира. В этом суде Дух Святой убедит (обличит) мир, показав, что царство сатаны разрушено (ср. 12:31). И мир это заметит по чудесному распространению Царства Христова на земле и по силе Его, преобразующей человечество. Царство сатаны есть царство лжи, обмана и греха; но с распространением христианства должно постепенно исчезнуть. Разделение между светом и тьмою уже, следовательно, наступило, и это разделение для всех, кто не ослепил себя намеренно, видимо в Церкви Христовой и будет всегда видимым до конца веков.

Деятельность Святого Духа 2) в отношении к апостолам и их последователям (12–15). Выше (15:15) Иисус Христос сказал: *вся, яже слышах от Отца Моего, сказах вам*, а здесь

Он говорит: *еще много имам глаголати вам, но не можете носити ныне*. Но тут нет противоречия. Без сомнения, Иисус Христос сообщил апостолам Своим всю Божественную истину, но только как бы в зародыше. Но этот зародыш, который Он, подобно зерну, посеял в их сердце, был способен к бесконечному развитию. Обнять теперь полное развитие этой единой истины во всем ее объеме, апостолы были еще не в состоянии. Святой Дух имел дать им способности к этому. Поэтому и сказано: *егда же приидет Он, Дух истины, наставит вас на всяку истину* (ст. 13). Следовательно, Утешитель, Который есть Дух истины и потому не может заблуждаться и вводить в заблуждение, все глубже и глубже будет вводить их в область этой единой бесконечной истины; под Его охранением положенный Христом зародыш будет все больше и больше развиваться до конца веков. Прекрасно замечает по этому поводу святой Иларий: «Как некогда Христос преуспевал возрастом и премудростию (Лк. 2:52), так теперь – Церковь». Подтверждая слова: *Дух... наставит на всяку истину*. Спаситель присовокупляет: *не от Себе бо глаголати имать*, то есть Утешитель будет для вас не самостоятельным и новым началом истины, Он возвестит вам истину, не отличную от той, которую в зародыше уже получили вы, но Он будет только путеводителем к полной и совершенной истине; *но елика аще уснышит* (именно от Отца) *глаголати имать*. Но Он будет для апостолов не только руководителем в дальнейшем усвоении и развитии принятой ими от Христа истины; Утешитель будет для них и пророческим Духом, Который откроет им будущее развитие и судьбу Церкви: *И грядущее возвестит вам, – Он Мя прославит, яко от Моего примет и возвестит вам. Вся, елика имать Отец, Моя суть: сего ради рех, яко от Моего примет и возвестит вам* (14–15). Развивая и утверждая на земле единую вечную истину, происходящую от Бога Отца, Святой Дух этим самым прославляет Христа, укрепляет в сердцах людей царскую власть Его, потому что истина, которую Святой Дух возвещает, принадлежит как Отцу, так и Христу. Христос как Сын Божий есть существенный образ, Слово Отца, следовательно, и всякая истина, заключающаяся в

Отце как своим первоисточником обитает и в Сыне, «в Котором, – как говорит апостол Павел, – сокрыты все сокровища премудрости и разума» (Кол. 2:3). Поэтому Дух Святой получает истину как от Отца, так и от Сына. *Вмале, и ктому не видите Мене, и паки вмале, и узрите Мя* (ст. 16). Подобно тому, как и выше (14 и далее), Господь и здесь в загадочных и неясных словах говорит о Своей близкой смерти и будущем пришествии во Святом Духе. *Не видите* относится к телесному зрению, а *узрите* – к духовному видению во Святом Духе и Его действиях, но отнюдь не к созерцанию Иисуса Христа после Его воскресения и при втором Его пришествии, как думали некоторые толковники. В словах *яко Аз иду ко Отцу* заключается причина сказанному в обеих частях предыдущего предложения. Апостолы скоро не увидят уже Его больше телесными глазами, потому что Он идет к Отцу и тем лишает их Своего телесного присутствия; потом они скоро увидят Его духовными очами, также потому что Он идет ко Отцу и Его отшествием к Отцу обуславливается пришествие Утешителя.

Реша же (некоторые) от ученик Его к себе: что есть сие, еже глаголет, нам: вмале, и не видите Мене, и паки вмале, и узрите Мя? и: яко Аз иду ко Отцу? – Глаголаху убо: что сие есть, еже глаголет, вмале? Не вемы, что глаголет. (17–18). Если вникнуть в расположение духа апостолов в эти минуты, то легко объяснить непонимание их слов Господа. Несколько раз Иисус указывал на Свое отшествие, и это привело учеников в скорбь (ср. ст. 5 и далее). Теперь снова Он ясно говорит им, что еще немного времени они будут видеть Его; но затем Он столь же ясно присовокупляет, что они также снова скоро увидят Его. Слова эти пробуждают в них смешанное чувство радости и скорби, надежды и страха, они не знают, что и думать. Особенно им желалось ближе уразуметь это «вмале» (μικρόν), потому что Он сказал: *вмале и узрите Мя*. Если бы только, думали они, может быть, это «вмале» продолжилось недолго!

Разуме же Иисус, яко хотяху Его вопрошати, и рече им: о сем ли стязаетеся между собою, яко рех: вмале и не видите Мене, и паки вмале, и узрите Мя (ст. 19). Как Сердцеведец, Иисус Христос, видя желание учеников разрешить загадочный

для них смысл Его слов, предупреждает их вопрос, с которым они хотели обратиться к Нему, и затем представляет объяснение 1) касательно слов: «вмале и не видите Мене, и паки вмале, и узрите Мя» (20–27), потом 2) касательно слов «яко Аз иду ко Отцу». Впрочем, ответ Господа не вполне разрешает для апостолов загадочность Его прежней речи и возбуждает только дальнейшее раздумье и ожидание близкого славного будущего. *Аминь, аминь глаголю вам, яко восплачете и возрыдаете вы, а мир возрадуется: вы же печальни будете, но печаль ваша в радость будет* (ст. 20). Следовательно, скорбь апостолов о разлуке с Ним будет очень велика, и тем больше еще, что нечестивый мир будет тогда думать, что может уже торжествовать свою победу над Богом и Его Сыном. Но их скорбь скоро обратится в радость. Быструю перемену скорби на радость, а вместе с тем то, как скорбь их содержит в себе зародыш непреходящей радости, Господь уясняет весьма глубокомысленным сравнением: *Жена егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея* (то есть время мучений и страданий); *егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир* (ст. 21). В последних словах: «яко родися человек» (а не дитя) выражается высокое чувство собственного достоинства материнской радости. Образ *рождающей жены* для изображения скорби, переходящей в радость, находится и в Ветхом Завете (ср. Ис. 21:3; 26:17; 37:3; 66:7; Ос. 13 и в др. м.). Затем представляется и объяснение сказанному: *И вы же печаль имате убо ныне: паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашае никтоже возмет от вас* (ст. 22). *Паки узрю вы* нужно понимать в смысле созерцания в Святом Духе (ср. 14:18: *паки прииду к вам*). Следовательно, образ скорби рождающей жены в первую очередь нужно относить к *апостолам*. В них еще не вполне возродился «новый человек, созданный по Богу в праведности и святости истины» (Еф. 4:24); в них все еще жил ветхий человек, первый Адам; в них преобладала еще естественная, чувственная любовь. Протекшие три года близкого обращения их с Господом были как бы временем их беременности, в которое образовывался в

них новый человек. Теперь же приближалось время самого рождения, исполнившееся в день Пятидесятницы. Но прежде этого Спаситель должен был сначала лишиться их видимого Своего присутствия; Он должен был пострадать и пойти к Своему Отцу, чтобы послать им Святого Духа – начало духовного возрождения. И это время Его отшествия было для апостолов временем мучительных болей рождения, продолжавшихся до Пятидесятницы. Но за муками рождения тотчас же следовала внутренняя радость в Святом Духе, которой не могли уничтожить в них внешние страдания и преследования (ср. Флп. 2и далее; 4:4; Рим. 14:17). Сказанное здесь Господом относительно апостолов касается также и всех людей вообще. Чтобы зародыш нового творения (ср. 2Кор. 5:17; Гал. 6:15), который Бог вложил в сердца наши Святым Духом, достиг полного своего развития, для этого сначала был умерщвлен в нас ветхий греховный человек. Но это происходит не без слез раскаяния и не без глубокой душевной скорби.

Счастливым следствием этого свидания во Святом Духе и соединенного с этим возрождения учеников будет просвещение их и услышание их молитв: *И в той день Мене не вопросите (больше) ничесоже*, так как у вас не будет недостатка в разумении, поскольку Святой Дух научит вас и объяснит вам все. *Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам.* (ст. 23). Следовательно, в состоянии возрождения они всегда будут с успехом молиться к Отцу; все, о чем бы они ни попросили, дано будет им, и именно *во имя Христа*, то есть ради Христа и Его заслуг. В истинно возрожденном человеке живет Христос; всякое доброе дело, какое производит такой человек, есть дело Христа, пребывающего в нем. Поэтому, если возрожденный человек молится в истинном духе, то молится не столько он сам, сколько Христос в нем; молитва же прославленного Христа всегда бывает услышана Богом Отцом. *Доселе не просите ничесоже во имя Мое. Просите, и приимете, да радость ваша исполнена будет* (ст. 24). Доселе еще ученики не молились как возрожденные, или, другими словами, Христос молился еще не *в них*, а только *за них*, после они должны молиться сами, и

исполнение их прошений доставит им высочайшую радость; на них осуществится утешительный образ рождающей жены в ее радости после перенесенной скорби.

Сия в притчах глаголах вам: но приидет час, егда ктому в притчах не глаголю вам, но яве о Отце возведу вам (ст. 25). В притчах значит здесь – «в несобственных, неясных выражениях». Сия относится к тому, о чем ученики спрашивали (ст. 17 и далее) и что Иисус Христос затем говорил им (ст. 20 и далее). Все, что Он там говорил им о Своем отшествии и возвращении, именно, что Он скоро отойдет от них и равным образом скоро возвратится к ним, однако пошлет им иного Утешителя, что духовное Его возвращение посланием Утешителя соединит Его с ними гораздо более тесными узами, чем какими они связаны были с Ним доселе, – все это большею частью оставалось для них темным и непонятным. Но когда сойдет на них Святой Дух, тогда исчезнет всякая темнота: они вполне поймут тогда Божественную истину, которую Он возвестил им Духом Святым. *В той день, именно когда Дух Святой сойдет на вас, во имя Мое воспросите, и не глаголю вам, яко Аз умолю Отца о вас* (ст. 26), т. е. тогда Я со Своей стороны не буду иметь надобности, как было доселе, молиться за вас, но вы сами будете молиться во имя Мое, и Бог услышит ваши молитвы. Основание же, почему ваши молитвы будут услышаны, следующее: *Сам бо Отец любит вы, яко вы Мене возлюбисте и веровасте, яко Аз от Бога изыдох* (ст. 27), то есть другими словами: потому что Бог любит вас, как верных учеников Единородного Своего Сына. Кто, следовательно, верою и любовью находится в живом отношении со Христом, тот составляет предмет любви Отца, тот как чадо Божие может непосредственно приступать в молитве к Отцу и может быть уверен, что молитва его будет услышана; потому что он всегда молится во имя Христа, вашего вечного Первосвященника и Ходатая у Отца (ср. Евр. 7:25; 9:24; Рим. 8:34). Сначала сказано: *возлюбисте*, а потом: *веровасте*, потому что вера в Божественное естество Иисуса Христа развивалась у учеников мало-помалу из любви к Нему. *От Бога изыдох* нужно понимать в смысле Божественного ниспослания Сына от Отца (ср. 8:12).

Развивая последнюю мысль, Иисус Христос торжественно говорит: *Изыдох от Отца и приидох в мир: и паки оставляю мир, и иду ко Отцу* (ст. 28). Этим Он в заключение указывает главное содержание веры в Него: Христос Бог во времени пришел в мир как человек; совершив дело искупления, Он снова оставил мир и воссел одесную Своего Отца, чтобы там ходатайствовать за нас. Вместе с тем эти слова служат к ближайшему объяснению слов *яко иду ко Отцу*, которые Господь сказал выше (ст. 16) ученикам Своим.

В предшествующих словах Своего Учителя (ст. 20–28) ученики думали уже видеть исполнение Его обетований, которые Он дал им (ст. 23 и 25). И так как они прежде думали, что не так ясно понимают Его, а Иисус Христос здесь представил им объяснение, не ожидая их вопросов, напротив, предупредив их Своим вопросом (ст. 19), то они этим, по их мнению, совершенно неприкровенным учением так были удивлены, что почувствовали теперь уверенность, что Он все знает, даже сокровенные их мысли. Они говорят: *Се ныне не обинуяся глололещи, а притчи ни коеяже не глагалещи. Ныне веми, яко веси вся, и не требуещи, да кто Тя вопрошает: о сем веруем, яко от Бога изшел еси* (ст. 29–30). В последних словах высказывается утверждение, укрепление их веры во Христа.

Самоуверенному исповеданию веры учеников, Иисус Христос противопоставляет вопрос, выражающий сомнение в их вере: *Ныне ли веруете?* (ст. 31). Прежде Господь для ободрения учеников похвалил их веру (ст. 27); но теперь предсказывает им о бегстве их как доказательстве слабости их веры, чтобы они не полагались слишком на самих себя: *Се грядет час, и ныне прииде, да разыдется кийждо во своя и Мене единого оставите* (ст. 32). Этим Господь отчасти противодействует слишком большой робости, а частью слишком большой самоуверенности учеников, так как то и другое легко могло привести их к отпадению от веры. В выражении *разыдется* (σχορπίσθήτε) имеется в виду образ стада, которое разбегается и рассеивается, когда лишается пастыря. *Во своя* – в места своего жительства. Исполнение этого предсказания см.

Мф. 26:56. Уясняя слова *и Мене единого оставите*, Господь присовокупляет: *И несмы един, яко Отец со Мною есть* (ст. 32). Христос говорит здесь совершенно как человек: когда они оставят Его в опасности, Он, однако, не будет возмущен от страха, ибо Он знает, что Бог с Ним и укрепляет Его.

Сия глаголах вам, да во Мне (во время скорбей и страданий, в общении со Мною) *мир имате. В мире скорбни будете, но держайте, яко Аз победих мир* (ст. 33). Сия относится ко всему, что говорилось в 15 и 16 главах, так как сказанное там имело целью возбудить в учениках веру, надежду и любовь. Соединенные со Христом в вере и любви, они и на земле найдут истинное утешение и истинное успокоение, то есть истинный мир (ср. 14:27). Подобно военачальнику, Он предшествует им в победе над миром, поэтому они могут быть уверены, что они победят мир верою в Него, *Его* победа есть *их* спасение. Мир здесь то же значит, что и *князь мира сего* (12:31; 14:30; 1Ин. 3:8). Вслед за этим Господь в торжественной молитве обращается к Своему Небесному Отцу.

Первосвященническая молитва Иисуса Христа (Ин 17:2–26)

С самых древних времен эту молитву называют первосвященническою молитвою, потому что Иисус Христос молится в ней за Себя (ст. 1–5), за Своих учеников (ст. 6–19) и за Свою Церковь (20–26) и посвящает Самого Себя на жертвенную смерть. Обязанность же первосвященника состоит в принесении молитв к Богу и посвящении. Господь в слух учеников произносит эту молитву для возвышения и утешения их. Мысли в этой молитве так просты и ясны, что без труда могут быть понимаемы; но при всей своей ясности они так глубоки, что всякая попытка исчерпать их – напрасна. Эта молитва, бесспорно, самое возвышенное из всего, что передают евангелисты из жизни Спасителя.

Евангелист торжественно вводит в молитву своего Господа словами: **Сия глагола Иисус, и возведе очи Свои на небо, и рече.** Видно, молитва эта произвела глубочайшее впечатление на душу ученика любви. Самая молитва начинается словами: **Отче, прииде час,** именно страданий и смерти (ср. 13:1). **Прослави Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тя** (ср. 13и

далее). Иисус Христос сначала молится о Своем прославлении, то есть о совершении, окончании всего великого, святого дела Его искупления воскресением Его из мертвых, седением одесную Отца и посланием Святого Духа, – о прославлении, которое должно было совершиться чрез страдания. Но в этом прославлении Сына заключалось и прославление Отца, потому что прославление Иисуса Христа не ограничивалось только одним Его лицом; предметом Его деятельности было все человечество; высоким призванием Его было доставить человечеству вечную жизнь, просветить его и тем прославить Отца. Поэтому и говорится далее: **Якоже дал еси Ему власть ваяния плоти, да всяко, еже дал еси Ему, даст им живот вечный** (ст. 2). Ветхозаветное выражение **всяка плоть**, обозначающее собою все человечество, имеет здесь некоторую торжественность и совершенно соответствует общему настроению молитвы. В дальнейших словах заключается объяснение слов **живот вечный: се же есть** (в том состоит) **живот вечный, да знают Тебе, единого истинного Бога, и егоже послал еси Иисус Христа** (ст. 3). Следовательно, вечная жизнь, которую Сын дает всем людям, состоит в познании единого истинного Бога и Иисуса Христа как Спасителя мира. Но это познание есть не только **средство** к вечной жизни, но и самая **вечная жизнь**. Она начинается здесь верою как личным началом и источником всякого истинного познания Бога и Божественных предметов и окончится некогда **созерцанием**. Поэтому, по справедливости, богословие полагает сущность вечного блаженства в **созерцании Бога**. Слова **да знают... Христа** представляют **содержание** познания и вместе с тем сущность или зерно **христианской** веры, в противоположность **языческому** многобожию (**единого истинного Бога**) и **иудейскому** неверию в Иисуса Христа как Мессию (**Егоже послал еси Иисуса Христа**).

Аз прославих Тя на земли, дело соверших, еже дал еси Мне, да сотворю. И ныне прослави Мя Ты, Отче, у тебе Самого славою, юже имех у тебе прежде мир не бысть (ст. 4–5). Христос тем прославил на земле Своего Небесного Отца, что в Добровольном послушании совершил искупление (**дело**),

которое Отец, по милосердной Своей любви вручил Ему. Стоя у цели Своей земной деятельности, Он видит это дело как бы уже совершившимся (**прославих... соверших**) и как бы в награду за эту жертву послушания просит теперь прославления и Своей человеческой природы. Как вечный Сын Божий, как бесплотное Слово Христос от века обладал Божественною славой, но как человек, воплотившееся Слово, Он на время лишил Себя этой славы, **образа Божия** (Флп. 2:6), и принял образ раба. Когда же совершилось искупление, эта слава должна быть возвращена Ему Отцом и сообщена Его человечеству, дабы мир познал, что Отец благоприятно принял Его жертву, и дабы Он, облекшись всею силою на небе и на земле, даровал конечную победу Своему делу.

В дальнейших стихах (ст. 6–8) развиваются прежде сказанные мысли (ст. 2–4). Здесь ближе изображается деятельность Иисуса Христа между людьми как бы в доказательство того, что дело, врученное Ему от Отца, совершено Им. Он говорит: **Явих имя Твое**, то есть Тебя, как святого, праведного и благого и т. д. **человекам, ихже дал еси Мне от мира**, следовательно, ученикам и апостолам, которых Бог Своею благодатию избрал из среды греховного мира (ср. 15:19) и привел ко Христу. **Твои беша, и Мне их дал еси, и слово Твое сохраниша**. Так как Бог, по Своим вечным определениям, избрал их Себе, то они уже принадлежали Ему; потом Он в вере привел их ко Христу, чтобы они сделались участниками искупления, и они уже засвидетельствовали себя твердым и верным соблюдением Его слова. **Ныне**, после того как их вера засвидетельствована практически, они **разумеша, яко вся, елика дал еси Мне, от Тебе суть**, то есть что вся Моя деятельность Божественна. Познания же этого они достигли тем, что Иисус сообщил им Божественные истины, а они с верою приняли их: **Яко глаголы, ихже дал еси Мне, дах им, и тии (с верою) прияша и разумеша воистину, яко от Тебе изыдох, и вероваша, яко Ты Мя послал еси** (ст. 8). Следовательно, верою Его словам ученики достигли истинного познания Его Божественного происхождения и убеждения в Его Божественное посланничество. Это похвальное свидетельство

Иисуса Христа о вере учеников служит введением к самой молитве за них; теперь следует и самая молитва: **Аз о сих молю, не о всем мире молю, но о тех, ихже дал еси Мне, яко Твои суть. И Моя вся Твоя суть, и Твоя – Моя, и прославихся в них** (ст. 9–10). Иисус Христос молится здесь исключительно за Своих учеников, потому что они должны продолжать начатое Им дело и служить Его посланниками человечеству, а для этого им необходима была особенная помощь Небесного Отца. Под **миром** нельзя разумеать всех тех, которые еще были тогда неверующими; Спаситель под миром разумеет всех упорствующих во грехе своем и неверии и поэтому никогда не имеющих прийти к Нему, молиться за них было бы так же напрасно, как и за князя мира. За тех же, которые в будущем уверуют в Него, Господь Сам молится (ст. 20. Лк. 23:34) и нам заповедал молиться (Мф. 5:44). **Ихже дал еси Мне**, то есть привел ко Мне Своею благодатию, **яко Твоя суть**, следовательно, Ты Мне мог дать их. Апостолы и все верующие принадлежали и принадлежат Богу Отцу, потому что Он, по Своему вечному предвидению, предызбрал их Себе (ср. ст. 6). И Отец дал их Ему, потому что ни у Отца, ни у Сына нет какой-нибудь особенной собственности, и потому все, которых избрал Себе Отец, принадлежат и Сыну, и наоборот; ибо только чрез Сына, Богочеловека Христа, падший человек снова приходит ко Отцу. Кто избран Отцом, в том должен первее прославиться Сын; человек, прежде чем в состоянии будет возвратиться к Отцу, должен сделаться образом Христа. **И ктому несмы в мире, и сии в мире, суть, и Аз к Тебе гряду.** Доселе Сам Спаситель защищал Своих учеников, был подле них видимым их Утешителем, но теперь Он расстается с ними и оставляет их в мире, среди опасностей. Поэтому и молитва: **Отче Святыи, соблюди их во имя Твое, ихже дал еси Мне, да будут едино, якоже и Мы** (ст. 11). Слово **святый** должно здесь означать сохраняющую и защищающую от нечистых влияний мира силу Божию, которая сделает их безопасными в борьбе. **Цель** этого **соблюди во имя Твое** заключается в том, **да будут едино** и т. д., да сохранит их Отец в вере во имя Его и исповедание Его, дабы они посредством этой общей веры и

исповедания были одно по образу того единства, какое в Боге существует между Отцом и Сыном. **Егда бех с ними в мире, Аз соблюдах их во имя Твое. ихже дал еси Мне, сохраних, и никтоже от них погибе, токмо сын погибельный, да сбудется Писание** (ст. 12). Как выше (ст. 11), так и здесь Спаситель говорит, как бы Его уже не было в мире, как бы Он уже расстался со Своими учениками: **Егда бех с ними в мире...** Доколе Иисус Христос находился со Своими учениками, Он сохранял их в вере и исповедании Своего Небесного Отца, защищал их от всех злых влияний, как верный пастырь защищает и сохраняет свое стадо, так что ни один из них не погиб (чрез отпадение). В конце молитвы Своей Спаситель вспомнил еще о несчастном Иуде, которого одного Он потерял только из Своего стада не по Своей, однако, вине, но вследствие неверности самого ученика, предсказанной уже в Ветхом Завете (Пс. 40:10; ср. 13:8). **Ныне же к Тебе гряду, и сия** (то есть эту молитву о Твоей защите, ст. 11) **глаголю в мире, да имут радость Мою** (как и 15:11) **исполнену в себе** (ст. 13). Сохраненные Отцом в Его имени, в единстве веры и любви имеют в себе тот мир, ту внутреннюю радость, которую подает только Господь и которой не могут отнять у них все страдания и преследования от мира (ср. 16:24). **Аз дах им слово Твое, и мир возненавиде их, яко не суть от мира, якоже и Аз от мира несмь** (ст. 14). Ученики с верою приняли в себя Его слово, которое есть и слово Отца, и свет, и истина; поэтому и ненавидит их мир, который есть тьма и ложь. И так как они находятся в прямой противоположности с миром, то и нуждаются в особенной Божественной помощи. Поэтому: **Не молю, да возмеш их от мира, но да соблюдеши их от неприязни** (ст. 15). Они не должны быть вполне изъяты из мира, потому что назначение их – действовать в мире и продолжать дело Господа; но Отец должен сохранить их в мире от зла.

Доселе Спаситель выражал только **отрицательную** сторону молитвы: да сохранит Господь учеников от враждебных влияний, от мира. Теперь, в стихе 17 Он выражает и положительную сторону: да освятит и усовершит их **в истине**.

Но пред этим Он еще раз повторяет сказанное прежде (ст. 14): **От мира не суть, якоже и Аз от мира несмы. Святи их во истину Твою** (16–17). Что за истина разумеется здесь, объясняет Сам Господь, присовокупляя: **Слово Твое истина есть**. Твое, а не иное чье, слово есть истина.

Как же можно думать, что Ты не исполнишь просимого освящения? Следовательно, под **истиною** Иисус Христос разумеет слово Своего Небесного Отца, возвестить которое Он пришел на землю и которым, наконец, Он Сам был, будучи вечным Словом Отца. Спаситель молится, чтобы в этой истине, которую ученики с верою приняли и в которой они находятся, как в своей жизненной стихии, Бог **освятил** их, то есть чрез Святого Духа доставил им просвещение, силу, мужество, радость и т. д., и все это для их служебного действия. **Якоже Мене послал еси в мир, и Аз послах их в мир** (ст. 18). В этих словах заключается **первое побуждение к исполнению** прошения об освящении учеников. Ученикам нужно было освящение истиною **для их посланничества**, которое они получили сначала от Христа, а потом и от Отца как начала всякого истинного посланничества, и которое они должны были совершить **уполномочием** от Христа. Для этого им нужно было высшее освящение. Далее (ст. 19) высказывается основание, на котором утверждается освящение служения апостолов, в вместе с тем содержится **второе побуждение к исполнению** прошения об освящении: **И за них Аз свящу Себе, да и тии будут священи воистину**. Освящение истиною ученики могли получить только посредством Святого Духа, Который имел ввести их в полную истину (16:13). Но прежде чем имел сойти на них Святой Дух, Христос должен был сначала посвятить Себя за них и Своею крестною смертью очистить грехи рода человеческого (16:7). Слово «освящение» или «посвящение», употребляемое здесь Христом, нужно понимать, на основании употребления этого выражения в Ветхом Завете, в смысле «жертвы» (Втор. 15и далее; Суд. 17:3; 2Цар. 8:11; ср. Рим. 15:16). Жертвою Христа все верующее человечество посвящалось в жертву Богу (ср. Рим. 12:1); поэтому прибавлено: **Да и тии будут священи во истину**, то есть чтобы и ученики

освящены были **истинно**, в высшем смысле, внутренне, в противоположность освящениям и жертвам ветхозаветным, имевшим только прообразовательное значение.

После этого следует вместе с тем молитва и за всех верующих: **Не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя** (ст. 20). Господь созерцает пред Собою всех верующих, которые чрез апостолов, посредственно или непосредственно, примут учение о спасении. Он молился за них: **Да вси едино будут, якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут**, и целью этого единства верующих Он полагает: **Да и мир веру имет, яко Ты Мя послал еси** (ст. 21). Род человеческий, по мысли Божественной, должен составлять как внешнее, так и внутреннее единство в любви; но грех и самолюбие раздробили его на отдельные части. Христос явился в мир, чтобы снова восстановить единство в разделенном роде человеческом. Основание, на котором утверждается это единство, есть **Святой Дух**, Дух любви. Это невидимое единство в вере и любви должно открываться и вовне, и откровение этого единства верующих должно служить миру постоянным фактическим доказательством Божественного посланничества Христова. **И Аз** (со Своей стороны) **славу, юже дал еси Мне, дах им, да будут едино, якоже Мы едино есмы, Аз в них, и Ты во Мне, да будут совершени во едино** (то есть приведены к полному единству), **и да разумеет мир, яко Ты Мя послал еси и возлюбил еси их, якоже Мене возлюбил еси** (22–23). Под словом **слава** некоторые разумеют славу апостольского служения в учении и чудесах; другие же разумеют любовь и думают, что простой смысл этого выражения будет такой: «Как Ты Меня возлюбил, так Я их; сделай, чтобы и они любили друг друга». Но то и другое объяснения не соответствуют связи речи. По связи речи слово **слава** нужно понимать здесь в смысле **телесного прославления**, которое Небесный Отец доставил Христу в Его воскресении и которое прославленный Спаситель сообщит Своим верующим. Созерцая будущее, как настоящее, Иисус Христос говорит: **дах им**. У верующих эта слава начинается возрождением, в котором они, как живые члены,

прививаются телу Христову, продолжается любовью и достойным принятием Тела и Крови Христовой и достигнет своей полноты в будущем славном воскресении, когда Христос соединит с Собой все Свои прославленные члены. Выражение **Аз в них, и Ты во Мне** служит к ближайшему определению прежде сказанного: **да будут едино** и пр. Единство верующих по образу единства, какое находится между Отцом и Христом (ст. 21), осуществляется только вследствие того, что Христос живет в Своих верующих, а Отец во Христе, Своим вечным Сыне. Словами **да разумеет мир** и проч. подкрепляется сказанное выше: **да и мир веру имет** и проч. Из единства верующих мир не только должен **поверить**, но и **познать** Божественное посланничество Христово и внутреннее отношение, какое существует между Ним и Богом и которое фактически открылось этим посланничеством. В сознании Своей Божественной силы Господь продолжает: **Отче, ихже дал еси Мне, хочу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною, да видят славу Мою, юже дал еси Мне, яко возлюбил Мя еси прежде сложения мира** (ст. 24). Где Христос – глава, там должны быть и верующие Его члены; и они должны созерцать Его славу и, созерцая ее, принимать в ней участие, – ту славу, которую Отец даровал Ему как человеку, потому что от вечности предопределил Его, человека, к славе, следовательно, возлюбил. **Яко возлюбил Мя** и проч. нужно понимать в смысле той любви, по которой Иисус Христос предопределен в вечном совете триипостасного Бога к совершению спасения людей и к прославлению человеческой Своей природы до обожения. В заключение молитвы Иисус Христос еще раз выражает перед Своим Отцом Свое отношение к миру и к ученикам: **Отче праведный, и мир Тебе не позна, Аз же Тя познах, и сии познаша, яко Ты Мя послал еси. И сказах им имя Твое, и скажу (его), да любы, еюже Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них** (ст. 25–26). Иисус Христос говорит здесь Своему Небесному Отцу как праведному Отцу, чтобы показать, что Отцу по Его правде следует рассудить между Христом и верующими в Него, с одной стороны, и неверующим миром – с другой, и что высказанное Им желание (**хочу да...** ст. 24) не может быть

неисполненным. Мир не познал и Отца, потому что не принял Единородного Сына Божия, Который один мог показать ему Отца; но Христос познал Его от вечности и открыл Его Своим ученикам. И хотя они еще не так познали Отца, как бы следовало, однако они твердо стоят в том, что Иисус послан Богом (ср. 16:30); отсюда они получают свет, который осветит им всю истину. В словах **и скажу** молитва переходит **в обет**; Господь говорит, что Он и впредь будет просвещать Своих учеников, именно посредством Утешителя (Рим. 5:5), чтобы любовь Божия и Он Сам (во Святом Духе, Который есть Дух любви) пребывали в них (ср. 14 и далее Гал. 2:20). Книга Деяний Апостольских показывает, как величественно исполнилось это обетование. После этой молитвы, последнее слово которой была любовь, Господь вступает на путь страданий, на котором Он в продолжение немногих часов совершает Свое дело и восходит к славе, которую Он имел у Отца прежде сложения мира.

О том, как понимать слова Иисуса Христа: в доме Отца Моего обители многи суть

(Ин. 14:2)

Св. Ефрем Сирин. Творения, ч. 3

Многими обителями у Отца Спаситель называет меры разумения водворяемых в оной стране, разумею же те различия и разности, с какими наслаждаются там сообразно со своим разумением. Ибо Господь наименовал многие обители не по разности мест, но по степени дарования. Как лучами солнца чувственного наслаждается всякий, по мере чистоты зрительной силы и впечатления, и как от одного светильника, освещающего один дом, каждый луч бывает различен, между тем как свет не делится на многие светильники, так в будущий век все праведные водворяются не раздельно, в единой радости. Но каждый в своей мере озаряется единым мысленным солнцем и по степени достоинства почерпает радость и веселие, как бы в одном воздухе и месте, седалище, созерцании и образе. И никто не видит меры и высшего и низшего, чтобы, смотря на превосходящую благодать другого и на свое лишение, не иметь в этом для себя причины к скорби и беспокойству. Да не будет сего там, где нет ни печали, и ни воздыхания, но всякий, по данной ему благодати, в своей мере веселится внутренне, а по внешности у всех одно созерцание и одна радость! Кроме сих двух чинов, нет иного посредствующего чина, разумею же один чин горний, а другой дольний; середина же их – сие разнообразие в различии воздаяний.

А если сие справедливо, как и действительно справедливо; что безрассуднее или безумнее, чем говорить: «Довольно для меня избежать геенны, а чтобы войти в Царство, о том не забочусь». Избежать геенны уже значит войти в Царство, равно как лишиться Царствия значит идти в геенну. Писание не говорит нам о трех странах. Но что же говорит? *Егда приидет Сын Человеческий во славе Своей, поставит овцы одесную, а козлища ошуюю* (Мф. 25:31, 33). Не сказал о трех чинах, но один чин одесную, а другой ошуюю, и отделил пределы их по

селениям их, сказав: *Идут сии, то есть грешники, в муку вечную, праведницы же в живот вечный (Мф. 25:46), и просветятся, яко солнце (Мф. 13:43); и еще: Приидут от восток и запад, и возлягут на лоне Авраамовом во Царствии Небеснем. Сынове же Царствия изгнаны будут во тму кромешнюю: ту будет плач и скрежет зубом (Мф. 8:11–12).*

Как отшедший от нас ко Отцу Господь уготовляет верным своим обители

(Ин. 14:2–3)

Блж. Августин. Из 68-го Трактата на Евангелие Иоанна (сокращ.)

Господь рек: *В дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, рекл бых вам: иду уготовати место вам (Ин. 14:2),* – чем довольно показал, что есть уже там многие обители, и нет нужды какую-либо готовить. Но Он же глаголет: *И аще пойду и уготовлю место вам, паки прииду и пойму вы к Себе, да, идеже есмь Аз, и вы будете* (там же, ст. 3). Каким образом Он идет и готовит место, если уже есть многие обители? Каким образом они в дому Отца уже существуют, как не требующие уготовления, и еще не существуют, потому что должны быть уготовлены? Как думать о сем, если не так же, как об изречении пророка, который называет Бога сотворившим будущее? Ибо не говорит пророк: «имеющий сотворить грядущая», но: *сотворивый грядущая (Ис. 45:11)*. Сотворил предопределением, а имеет сотворить совершением. Так и обители уготовал и готовит, и те же самые, какие уготовал, готовит Тот, Кто сотворил *грядущая*: уготовил предопределением, готовит совершением. Итак, они уже существуют в предопределении, а если бы не были, то сказал бы: пойду и уготовлю, то есть предназначу. Но как их нет еще в совершении, то говорит: *И аще пойду и уготоваю место вам, паки прииду и пойму вы к Себе*.

Готовит же некоторым образом обители, обителям уготовляя обитателей. Ибо в словах Его *в дому Отца Моего обители многи суть*, что будем разумеать под именем дома Божия, как не храм Божий? Что же храм, спросим о том апостола, и он скажет: *Храм бо Божий свят есть, иже есте вы (1Кор. 3:17)*. Это есть и Царство Божие, которое Сын предаст Отцу (1Кор. 15:24). Это Царство Небесное. Уже и ныне это Царством называется, хотя еще созывается. Еще не царствует сие Царство, но, наконец, будет сказано ему: *Приидите*,

*благословеннии Отца Моего, наследуйте Царство (Мф. 25:34), то есть вы которые были Царством и не царствовали, приидите, царствуйте, дабы чем были в надежде, могли быть на самом деле. Итак, сей дом Божий, этот храм Божий, это Царство Божие и Царство Небесное еще создается, еще устраивается, готовится, собирается. В нем обители будут, потому что еще готовит их Господь; в нем уже есть они, поскольку уже предназначил их Господь. Но как это отошел Он для уготовления, когда нас самих уготовлял; а сего не будет, если оставит нас? Уразумеваю, Господи, как могу: Ты, конечно, означаешь то, что, дабы уготовились оные обители, праведник должен жить верою (Рим. 1:17). Ибо кто *отходит* (странствует) от Господа (2Кор. 5:9), имеет нужду жить по вере и верою уготовляется к ведению. *Блажени, сказано, чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5:8)*, и еще: *Верою очищает сердца их (Деян. 15:9)*. А вера, коею очищаются сердца имеющих зреть Бога, пока они странствуют, относится к тому, чего не видим; ибо если видим, то нет веры. Верующий собирает заслугу, видящий получает награду. Да идет убо Господь и уготовит место; да идет, чтобы не было видения, да сокроется, чтобы было верование. Ибо уготовляется место по той мере, как мы проводим жизнь по вере. Будем желать Того, в Кого веруем, чтобы иметь, Кого желаем: желание любления есть уготовление селения (обители). Так, Господи, уготовляй, что уготовляешь; ибо Ты уготовляешь нас Себе и Себя нам, уготовляя место Себе в нас и в Себе нам, как и рек Ты: *Будите во Мне, и Аз в вас (Ин. 15:4)*. В том будет состоять различие наград по различию заслуг, что один причастен Тебя более, другой менее; в этом будет состоять множество обителей по разнообразию обитателей, и притом всех там живущих вечно и блаженствующих бесконечно.*

Не видеть и однако видеть

(Ин. 14:9; 1:13)

«Воскресное чтение», 1876

«Бога не видел никто: Единородный Сын сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1:18). «Иисус сказал (Филиппу): столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? *Видевший Меня видел Отца*; как же ты говоришь: покажи нам Отца?» (Ин. 14:9). Некоторые из читателей в приведенных текстах могут видеть противоречие. Но при внимательном чтении их оказывается, что они подтверждают себя взаимно и нисколько не противоречат один другому. В первом из них содержится объяснение *невидимости* Божественного существа. *Бога не видел никто*. Человеческие греховные очи не могут взирать на Него. Скорее они в состоянии были бы смотреть на сияющее солнце, чем в лицо Тому, пред Кем даже высшие чины ангельские закрывают свои лица (Ис. 6:2). «Он обитает в неприступном свете, которого никто из человеков не видел и видеть не может» (1Тим. 6:16). Этой истине учило иудеев все устройство их богослужения, особенно же святое святых и завеса пред ним. Отсюда мы видим преимущества откровения Божия во Христе Иисусе и чрез Христа Иисуса: «Он есть Единородный Сын, сущий в недре Отчем»; следовательно, Он – одно с Ним и пришел от Него, чтобы возвестить нам о Самом Боге, существе Его, и открыть Его волю. Из слов первого текста мы *познаем* также и Иисуса Христа в Его Божестве как «истинного Бога и вечную жизнь», но принявшего на Себя человеческую плоть и подавшего нам возможность познать гораздо яснее, чем прежде когда-либо, чрез Себя, как чрез покров, собственное существо Божие.

Совершенно согласны слова первого текста со словами второго, содержащими слова Господа: «Видевший Меня видел Отца». Филипп хотел, чтобы Иисус показал ему Отца, то есть он желал видеть Самого Бога Отца, – на это Господь Иисус отвечал ему порицанием и вместе наставлением. Он дал заметить Филиппу, что совершенные Им чудеса, истины,

которым Он учил, равно как и другие доказательства Его Божества, не имели доселе желанного успеха для полного познания Его. В этом порицание Филиппу. Но вместе с тем ответ Господа содержит и необходимое ему наставление, так как Он здесь ясным образом открыл Свое Божество и Свое единосущие с Отцом, говоря, что кто видит Сына, видит и Отца. Иисус Христос в Своем человеческом естестве есть Слово и посланник Отца, и Его существо и воля, Его слова и дела суть существо, воля, слова и дела Отца; поэтому выражение «видеть Отца» в лице Иисуса Христа находится в полном согласии со словами евангелиста: «Бога не видал никто»; подобное высказывается и в других местах Священного Писания, как, например, в Исх. 33:20; 1Тим. 6 и др.

В кратких словах все это можно представить еще яснее: так как мы в лице Иисуса Христа имеем Самого истинного Бога, то в Нем мы видим и Самого Бога, и так как Иисус Христос едино со Отцом, то Он мог сказать: «Видящий Меня видит Отца». Но так как принятое Им на Себя человечество прикрывало Его собственное существо и Его полную славу, ибо Он был Бог, но «явившийся во плоти», то, следовательно, в человеческом лице Его видели не существо Бога, как Он пребывает на небе, видели Бога, но не так, как могут видеть Его святые; в лице Спасителя и видели Бога, и вместе не видели; видели Бога, но в прикровенном Его величии. Так, на горе Преображения, где Иисус Христос показал славу Свою, апостолы Петр, Иаков и Иоанн иначе видели Его, чем все другие апостолы. Так выясняется истинность того и другого текста и ясно представляется полное их согласие между собою. «Бога никто не видел», и однако Его видели в лице Иисуса Христа, только же в совершенном Его небесном величии. В полном согласии с этим говорит поэтому Иоанн: «Слово, Которое не только в начале было у Бога, но и Само было Бог (Ин. 1:1), стало плотию и обитало с нами, и мы *видели* славу Его, славу как Единородного от Отца» (1:14).

Познаем величие благодати Божией, открытой нам в Иисусе Христе. Бог открыл нам Себя в Своих делах, в Своем слове, но полнее и совершеннее Он открыл нам Себя во Христе Иисусе,

потому что «во Христе был Бог» (2Кор. 5:19). Мы не только познаем чрез Него Бога Отца, но и вступаем в общение с Ним. И если отвергавшие Моисея и пророков привлекали на себя гнев Божий, «то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия», не почитает и отвергает Иисуса Христа (Евр. 10:28–29). «Кто не чтит Сына, тот не знает и Отца, пославшего Его» (Ин. 5:23), и для него нет прощения, нет блаженства; «но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников» (Евр. 10:27). И такие противники все неверующие со своим неверием. «Поэтому не будьте неверующими, но верующими».

Мысли св. Василия Великого на 9 стих 14-й гл. Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов. Тв. св. Василия Великого

Видевый Мене виде Отца: видел не впечатление, не образ, потому что Божие естество не допускает в себе сложности, но благодать воли, которая созерцается в Отце и в Сыне как нечто сопутственное сущности, подобное и равное ей, лучше же сказать, тождественное с нею.

Мысли св. Василия Великого на 17 стих 14-й гл. Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов

Дух истины, егоже мир не может прияти, яко не видит Его, ниже знает Его, вы же знаете Его, яко в вас пребывает. Ибо плотский человек, у которого ум не упражнялся в созерцании, лучше же сказать, весь, как в тине, погребен в плотском мудровании, не может воззреть на духовный свет истины. Поэтому мир, то есть жизнь, поработенная плотским страстям, не приемлет благодати Духа, как больной глаз – света солнечных лучей. А ученикам Своим, о которых Господь засвидетельствовал, что они, следуя учениям Его, имеют чистоту жизни, дает Он и силу быть тайнозрителями и созерцателями Духа. Ибо говорит: Уже вы чисти есте за слово, еже глаголах вам (Ин. 15:3). Посему мир не может прияти, яко не видит Его, вы же знаете Его, яко в вас пребывает. То же говорит и Исаия: Утверждаяй землю, и яже на ней, и даяй дыхание людем, иже на ней, и Дух ходящим на ней (Ис. 42:5). О попирающих земное и о ставших выше него свидетельствует пророк, что они достойны дара Святого Духа. Посему чем должно признать Того, Кто невместим для мира и созерцаем одними святыми по причине чистоты их сердца? Или какие чествования приличны Ему?

Мысли св. Василия Великого на 28 стих 14-й гл. Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов

Отец Мой болей Мене есть. Большее называется большим или по величине, или по времени, или по достоинству, или по силе, или как причина.

Но нельзя сказать, что Отец больше Сына величиною, потому что бестелесен. Но не больше и по времени; ибо Сын – Создатель времен. Но не больше и по достоинству; ибо не стал тем, чем прежде не был. Не больше и по силе; ибо *вся, яже Отец творит, и Сын такожде творит* (Ин. 5:19). Не больше и как причина; потому что одинаково больше Его и нас, если только такая же причина Его, как и нас. Посему сказанное показывает более честь, воздаваемую Сыном Отцу, нежели унижение Сказавшего.

Притом большее не непременно иносущно; ибо говорится, что человек больше человека, конь больше коня. Поэтому хотя и говорится, что Отец больше, но не следует из сего, что Он иной сущности. Вообще же сравнения употребляются между односущными, а не иносущными. Хотя говорится, что человек больше бессловесного, или бессловесное больше бездушного, но не собственно; собственно же человек больше человека, и бессловесное больше бессловесного. Посему Отец единосущен Сыну, хотя и говорится, что больше Сына.

Но и другое понятие заключается в сем изречении. Ибо удивительно ли, что Отца исповедал большим Себя Тот, Кто есть Слово и стал плотию, когда показался Он умаленным и пред ангелами по славе, и пред людьми по виду? Сказано: *Умалил еси Его малым чим от Ангел* (Пс. 8:6); и еще: *А умаленного малым чим от Ангел* (Евр. 2:9); и: *Видехом Его, и не имяше вида, ни доброты; но вид Его умален паче всех человек* (Ис. 53:2–3). Все же сие претерпел по великому Своему человеколюбию к твари, чтобы погибшую овцу спасти и спасенную приобщить к стаду и шедшего из Иерусалима в Иерихон и *впавшего в разбойники* опять ввести здоровым в его

отечество. Ужели в укоризну Ему обратит еретик и ясли, чрез которые Сам Он, будучи бессловесным, воспитан Словом? Ужели станет указывать и на нищету, потому что Сын тектонов не имел у Себя и малого ложа? Потому Сын меньше Отца, что ради Тебя стал мертвецом, чтобы тебя избавить мертвости и соделать участником небесной жизни. Поэтому иной обвинит и врача за то, что наклоняется к ранам и обоняет зловоние, чтобы у врачевать страждущих.

Аз есмь лоза, вы же рождие

(Ин. 15:5)

«Воскресное чтение», 1822

Слова сии усвояют нам что-то великое, но вместе указывают и всю нашу малость.

Мы в добре не самостоятельные деревья и только *рождие*. Пусть помнят это те из нас, кои любят хвалиться самостоятельностью, благоразумием, добрыми делами, ревностью. Мы не более как ветви древнего, испорченного древа, и все преимущества, которыми мы хвалимся, не делают нас свободными от греха; даже грех усиливается в нас по той мере, как увеличивается горделивая надежда на свои силы и способности. Мы бываем только крепкими деревьями в закоренелых предрассудках и греховных действиях; но в совершении правды, в христианском самоотвержении, в истинно полезном труде – слабым рождием. Все мы желаем лучшего; но произвести это лучшее, сделать самих себя лучшими не можем.

Мы рождие лозы небесной. В этом заключается и высокое утешение для нас. Как лоза виноградная постоянно сообщает свой сок своим ветвям, так и Господь постоянно сообщает душе Свою всеоживляющую силу. Что мы имеем нужду в этой силе, что наша духовная жизнь требует освежения и укрепления, это чувствует христианин всегда, особенно же когда вступает в борьбу с врагами спасения своего и хочет принести плоды истинной добродетели. И вот Господь предлагает нам не только Свою помощь, но и Сам хочет вселиться и обитать в нас. Под видом хлеба предлагает нам Свою Плоть, под видом вина Свою Кровь. Небесная лоза чудесным образом соединяется с рождием и вливает в него свою Божественную жизнь. Целыми потоками изливается эта жизнь в нашу природу во время настоящей духовной весны, подобно тому как обыкновенная виноградная лоза сугубо источает свой сок во время весны чувственной.

Но есть и различие между ветвями земной лозы и ветвями лозы небесной. Первые имеют многие органы, чрез которые втекает в них жизненный сок, а у последних один орган – вера. Без веры ни одна капля небесной жизни не войдет в сердце наше. Хотя и оросятся уста, но сердце останется сухим, холодным и мертвым.

Итак, есть ли в тебе этот орган, чрез который втекает небесная жизнь в душу нашу, то есть есть ли крепкая живая вера в Искупителя нашего, Иисуса Христа? Если есть, то благо тебе! Причащение Божественного Тела и Крови Христовой послужит для тебя источником вечной и блаженной жизни духовной; ты самым теснейшим образом соединишься со Своим Господом, и Он будет вовеки твоим помощником и покровителем. Но что, если вера твоя слаба? Если ты приступаешь к этому страшному таинству, обуреваемый сомнениями? В таком случае угрожает тебе страшная опасность быть всегда отторгнутым от лозы небесной. И потому постарайся прогнать эту греховную тьму. Обратись к Господу с пламенной молитвою, и вера, крепкая и живая вера, не замедлит явиться в сердце твоём. Сам Господь, войдя в твою внутренность, усмотрев росток твоей веры, возрастит его и укрепит навсегда.

Мысли св. Василия Великого на 5 стих 15-й гл. Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов

Говорят: «Если Спаситель – Лоза, мы же *рождие*, и Отец делатель; а *рождие* естественно с лозою, лоза же не соестественна с делателем, то Сын соестествен с нами, и мы часть Его. Но Он не соестествен с Отцом, напротив того, по всему с Ним инаков!» Мы скажем им, что Спаситель назвал нас *рождием* не Божества Своего, но плоти Своей, по словам апостола, который сказал: *Мы тело Христово, и уди от части* (1Кор. 12:27); и еще: *Не весте ли, яко телеса ваша удове Христове суть?* (1Кор. 6:15). И в другом месте: *Яков перстный, такови и перстнии: и якове небесный, тацы же и небеснии; и якоже облекохомся во образ перстнаго, да облечемся и во образ небесного* (1Кор. 15:8–49). Если мужу глава Христос, глава же Христу Бог (1Кор. 11:3), а человек не единосущен Христу Богу (потому что не Бог), но Христос единосущен Богу (потому что Бог); то значит, что Христос не в том же смысле глава мужу, в каком Бог глава Христу. Ибо природа твари и Творческое Божество не сходятся в одном и том же. Поэтому Бог глава Христу как Отец; а Христос – наша глава как Творец. Ежели есть на то воля Отца, чтобы мы веровали в Сына Его: *Се есть воля Пославшего Мя, да всяк видяй Сына и веруяй в Него иматъ живот вечный* (Ин. 6:40); то Сын – не Сын воли; иначе оказывается, что мы веруем в Него, или вместе с Ним, или прежде Его.

**Он Мя прославит, яко от Моего примет и
возвестит вам**

(Ин. 16:14)

«Воскресное чтение», 1822

Итак, Святой Дух подает христианам не иную, особенную истину, а истину Христову: только человеческие учителя предлагают таковое учение, которым опровергаются мнения учителей предшествующих. Божественная истина – одна, нераздельна и неизменна.

Он Мя прославит. Благодать Святого Духа дарует христианину силы усвоить искупительные заслуги Иисуса Христа и проразумевать Его Божественное учение. Самая вера в Иисуса Христа невозможна без благодати: *Никтоже, говорит апостол, может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым (1Кор. 12:3).* Посему озарение и просвещение от Святого Духа служит к прославлению имени Христова во Святой Церкви, а чрез нее и во всем человечестве.

Яко от Моего примет. Слова сии изъясняет Сам Иисус Христос: *Вся, елика иматъ Отец, Моя суть: сего ради рех, яко от Моего примет (ст. 15).* Истина, подаваемая Святым Духом, есть та же истина Христова, потому что ее источник в триипостасном Боге есть один и тот же.

Иисус Христос говорит о Своем учении: *Аз от Себе не глаголах: но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю (Ин. 12:49).* То же самое говорит Господь и Спаситель наш об учении, которое подает христианам Дух Святой: *Се не от Себе глаголати иматъ, но елика аще услышит, глаголати иматъ (ст. 13).* Посему учение, исходящее от Святого Духа, не полагает основания иного, паче лежащего, еже есть Иисус Христос (1Кор. 3:11). Святой Дух не основывает в человечестве иной Церкви, кроме Церкви Христовой. Святой Дух, укрепляя и просвещая христианина, только соделывает его истинным последователем Христовым, живым членом и верным сыном Церкви Христовой.

Сообразно с этим нужно судить о тех лжеучителях и лжепророках, которые под предлогом мнимого озарения и просвещения свыше от Святого Духа проповедуют новое учение, и как сами отпадают, так и других отторгают от общения с Церковью Христовой. Эти *лживии пророцы* являлись еще во времена апостольские (1Пет. 2:1) и соблазняли сердца простодушных христиан. Эти *лживии пророцы* не так давно выступали во множестве между народами Запада и, говоря о непосредственном озарении от Святого Духа, о внутреннем ясновидении, об откровении истины в их собственном сердце, расторгли окончательно и без того уже ослабевшее единство Христовой Церкви между поименованными народами: каждый из таких учителей выдавал за откровение свыше то, что всходило на его омраченное и испорченное сердце. Из предыдущего видно, что эти лжеучители внемлют не Духу истины (Ин. 15:13), Который дарует Свое благодатное просвещение только в Церкви Христовой и для преуспевания Церкви Христовой; нет, они внемлют, по апостолу, *духовом лестчим и учением бесовским* (1Тим. 4:1), потому что и дух тьмы, который *от Бога несть и есть антихристов* (1Ин. 4:3), распространяет свои темные откровения, дабы возмущать свет истины Христовой. Нет, тот не имеет Святого Духа истины, *кто много учит и не приступает к здоровым словесем Господа нашего Иисуса Христа* (1Тим. 6:3), которые хранит и проповедует Святая Церковь Христова. Кто отступает от единства Церкви и чистоты ее учения, тот напрасно бы ссылался на внутреннее свидетельство об озарении свыше; потому-то не только свидетельство испорченного человеческого сердца, но и всякое другое или высшее свидетельство ничего не значит в этом случае и есть несчастное обольщение: *Аще мы, говорит апостол, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал. 1:8). *Возлюбленный*, так увещевает святой Иоанн, *не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть, яко мнози лжепророцы изыдоша в мир* (1Ин. 4:1). Поистине, и в наше время много лжепророков, мнимоозаренных от Святого Духа; чтобы избежать искушений, христианин всячески должен

держаться общения со Святою Церковью, в коей неизменно действует Дух Святой, Дух истины.

Толкование св. Василия Великого на 14 стих 16-й гл. Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов

Господь сказал о Духе Святом: *Он Мя прославит* не как тварь, но как *Дух истины*, ясно показывающий в Себе истину, и как Дух премудрости, в величии Своем открывающий Христа, Божию силу и Божию премудрость. А как Утешитель, Он показывает в Себе благодать пославшего Его, Утешителя, и в достоинстве Своем являет величие Того, от Кого исшел. Посему есть слава какая-то естественная, как слава солнца – свет; и есть слава какая-то внешняя, рассудительно воздаваемая достойным, по свободному произволению. Но и сия опять двояка. Ибо сказано: *Сын славит отца, и раб господина своего* (Мал. 1:6). Итак, одна из них рабская и воздается тварью; а другая, скажу так, домашняя (οἰκεῖακή), совершается Духом. Ибо Господь, как о Себе сказал: *Аз прославих Тя на земли, дело соверших, еже дал Мне еси, да сотворю* (Ин. 17:4), так и об Утешителе говорит: *Он Мя прославит, яко от Моего приимет и возвестит вам* (Ин. 16:14). И как прославляется Сын Отцом, Который говорит: *И прославих и паки прослаблю* (Ин. 12:28): так прославляется Дух по причине общения с Отцом и Сыном и по свидетельству Единородного, Который говорит: *Всяк грех и хула отпустится вам, человеком: а яже на Духа хула, не отпустится* (Мф. 12:31).

О молитве во имя Иисуса Христа

(Ин. 16:23–24)

Филарет, митр. Московский. Из Слова в день обретения мощей прп. Сергия

Аминь, аминь глаголю, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просите ничесоже во имя Мое: просите, и приимете, да радость ваша исполнена будет (Ин. 16:23–24). Что такое – просить во имя Господа Иисуса? Просто сие для простых, искренних и смиренных сердец и без исследовательного объяснения, или понятно для них, или ощутительно. *Миро изливанное* имя Твое (Песн. 1:2), Господи Иисусе! Когда изливается миро – его благоухание распространяется, и непритупленное или неподавленное обоняние без искусства и усилия получает ощущение улаждающее и ободряющее. Когда имя Господа Иисуса изливается в молитве – от него распространяется благоухание Святого Духа, и не отягченное земными пристрастиями сердце, не заглушенное страстями чувство внутреннее, легко и просто приемлет ощущение благодати, улаждающее и возвышающее. Так верующая душа в имени Господа Иисуса и чрез то в благодати Духа Святого приближается к Отцу Небесному и с дерзновением вопиет Ему: *Авва Отче*, с детскою простотою скажет Ему свои прошения; и Он благоприемлет ее прошения, сопутствуемые ходатайством Его Единородного Сына и Единосущного Духа.

Толкование св. Василия Великого на 5 стих 17-й гл. Евангелия от Иоанна: *Отче, прослави Мя...*

Творения свв. отцов

Если Сын просил у Отца прославления по Божеству, а не по человечеству, то просил, чего не имел, и ложно говорят – евангелист: *видехом славу Его* (Ин. 1:14), и апостол: *не быша Господа славы распяли* (1Кор. 2:8), и Давид: *и увидет Царь славы* (Пс. 23:7). По этому просит не приумножения славы, но явления домостроительства.

Толкование св. Василия Великого на 10 стих 17-й гл. Евангелия от Иоанна

Творения свв. отцов

Моя вся Твоя суть, потому что к Отцу возводится начало созданий, и *Твоя Моя*, потому что от Отца приемлет Он и то, чтобы стать причиною созидания, не в том смысле, что Сын в действии пользуется пособием Отца, и что Ему особыми частными приказаниями вверяется служение каждого дела – это было бы рабственно и чрезмерно ниже Божеского достоинства, но в том смысле, что Слово, исполнившись Отчими благами, от Отца воссияв, все творит по подобию Рождшего. Ибо если не имеет с Ним разности по сущности, то не будет иметь разности и по могуществу. А у кого сила равная, у тех непременно и действие равное. Христос же *Божия сила и Божия премудрость* (Кол. 1:20). Посему *вся Тем быша* (Ин. 1:3) и *всяческая Тем и о Нем создашася* (Кол. 1:16), не в том смысле, что Он исполняет какое-то орудное и рабское служение, но в том, что Он зиждительно совершает Отчую волю.

В Гефсиманском саду

Свод евангельских сказаний

«Воскресное чтение», 1817

Около Иерусалима, за долиною Иосафатовою, при подошве горы Елеонской была весь, именуемая Гефсиманиею. Туда Господь наш удалялся из Иерусалима на время ночи в последние дни пред страданием Своим; там же, в Масличном саду, молился Он до кровавого пота пред самым отшествием Своим на вольную страсть нашего ради спасения. Есть предание, что Гефсимания принадлежала священникам и левитам и что в ней паслись стада жертвенных животных: оттуда же повели на заклание и Агнца Божия, вземлющего грехи мира.

После того как по знаку предателя толпа вооруженных слуг архиерейских с оружием и дрекольями взяла Господа Иисуса, добровольно предавшего Себя в руки врагов Своих, все ученики оставльше Его бежаша, и Святейшего святых, как преступника, повели на суд первее всего в первосвященнику Анне, тестю Каиафы. Надлежало проходить чрез поток Кедрский, на котором был устроен небольшой мост, и здесь, по преданию древности, Иисус Христос, стертый столпившимся народом в самый поток, испил от струй его в утоление жажды, возбужденной в Нем необыкновенными страданиями, душевными и телесными, и таким образом буквально исполнил пророчество псалмопевца: *От потока на пути пьет, сего ради вознесет главу* (Пс. 109). Из долины Иосафатовой поднялись на Сион и привели Господа в дом первосвященника, находившийся в этой части города (Ин. 18:12–14).

Из всех учеников только Петр и Иоанн осмелились последовать за небесным Учителем своим, но и то – недолго. Сей последний знаем бе архиереови, и потому вошел во двор его, а Петр остался пред дверьми. Иоанн, желая ввести с собою Петра, обратился к придвернице, чтобы она пропустила его, и раба дверница введе Петра, но тотчас же заметила ему: *Еда и ты ученик еси Человека Сего? Как ни любил Петр Господа и*

Учителя своего, но из страха отрекся от Него: *глагола: несмь* (Ин. 18:15–17).

Архиерей допрашивал Иисуса Христа об учении и учениках Его. *Что Мя вопрошаеши?* отвечал ему Господь. *Вопроси слышавших, что глаголах им: се сии ведут, яже рех Аз.* Нечестивый раб нечестивого первосвященника почел ответ Господа дерзостью и ударил Его по ланите, сказав: *Тако ли ошвещаеши архиереови? Аще зле глаголах, сказал на сие Спаситель, свидетельствуй о зле: аще ли добре, что Мя биеши?* (Ин. 18:19–23).

Рабы и слуги разложили огонь на дворе и грелись, ибо время было холодное; к ним пристал и Петр. Но тут узнала его *при свете* (Лк. 22:56) другая рабыня и заметила *сущим тамо* (Мф. 26: 71), что и он был с Иисусом Назарянином (Мк. 14:68). Петр снова отрекся. *Мимошедшу же яко часу единому, ин некий начал говорить с уверенностью, что воистину и сей с Ним бе* (Лк. 22:59); это был родственник тому Малху, которому Петр уреза ухо в Гефсимании. *Не аз ли тя видех в вертограде с Ним?* – говорил он Петру (Ин. 18:26). Другие подтверждали, что и самый выговор его обличает в нем галилеянина (а ученики Христовы были все из Галилеи). Тогда Петр *начат ротитися и клятися, яко не вем Сего Человека, егоже вы глаголете* (Мк. 14:71). *И абие еще глаголющу ему, возгласи петел. И обращя Господь воззре на Петра: и помяну Петр Слово Господне, якоже рече ему, яко прежде даже петел не возгласит, отвержешися Мене трикраты. И исшед вон плакася горько* (Лк. 22:60–62).

От Анны повели Иисуса Христа *связанного* к Каиафе, дом которого был также на Сионе и недалеко от дома Анны (Ин. 18:24). Там архиереи и весь сонм искали лжесвидетельства на Иисуса, но не находили. Приступили, наконец, два лжесвидетеля и стали доказывать, что Он хотел разрушить церковь сию рукотворенную и создать в три для иную, нерукотворенную; но и тут расходились их свидетельства (Мк. 14:56; Мф. 22:81). Что было отвечать на такие обвинения? Господь молчал. *Востав архиерей посреде, вопросы Иисуса глаголя: не отвещаваеши ли ничесоже, что сии на Тя*

свидетельствуют! (Мк. 14:60) Господь молчал. Обвинители, сами чувствуя слабость своих обвинений, решились прибегнуть к последним мерам: со страшным заклинанием подошел архиерей к Иисусу Христу, говоря: *Заклинаю Тя Богом живым, да речеши нам, аще Ты еси Христос.* Тогда Спаситель открыл уста Свои, чтобы засвидетельствовать истину, и отвечал: *Ты рекл еси: обаче глаголю вам: отселе узрите Сына Человеческого сидяща одесную силы и грядуща на облацех небесных.* Услышав такой ответ, архиерей растерзал ризы свои, забыв заповедь Моисееву о первосвященнике: *главы да не откроет и риз своих не раздерет* (Лев. 21:10). *Что вам мнится?* сказал он потом, обращаясь к другим судиям. *Повинен есть смерти!* – отвечали все единогласно. И суд был решен! Судии до утра отошли на свои ложа, а Господа Иисуса отдали на поругание воинам и слугам (Мф. 26:50–66; Мк. 14:55–61; Лк. 22:63–71). На другой день утром снова собрался совет обвинителей и решил окончательно: предать Господа на распятие! Но сего нельзя было сделать без приговора римского прокуратора, и потому отправились все, вместе с Обвиняемым, к Пилату (Мф. 27:1; Мк. 15:1; Лк. 22:66; 23:1).

Пришедши ко двору Пилата, иудеи не хотели войти в претор (в судилище языческое), *да не осквернятся, но да ядят пасху*, и, предав Иисуса Христа игемону, сами извне клеветали на Него, будто Он возбраняет платить дань кесарю и, выдавая Себя за Царя Иудейского, производит возмущение в народе. Прокуратор, вероятно, скоро понял, в чем, собственно, состоит обвинение, и хотел отдать все дело на их собственный суд, но они отказались судить сами, говоря, что *им не достоит убить никогоже* (отказываясь судить, произнесли, однако, наперед приговор свой Подсудимому). Тогда Пилат начал допрашивать Иисуса Христа, точно ли Он царь, то есть выдает Себя за царя. Господь с кротостью и смирением отвечал ему, что Он воистину царь, но Царство Его не от мира сего, и потому нет у Него ни рабов, ни защитников земных, – что Он царь, но – духовный, пришедший возвестить истину людям, и кто любит истину, тот и подданный Его Царства. Услышав о Царстве не земном, об истине, Пилат не хотел заниматься таким возвышенным

предметом. Напитанный, вероятно, современным духом всеобщего сомнения (или *скептицизма*), он поспешил отклонить от себя разговор о вещах вышечувственных как нечто достойное занимать только посетителей школы, и потому, прервав ответ Господа восклицанием: *Что есть истина?* – вывел Его вновь к иудеям и объявил, что ни одной вины не обретает в Нем. Но обвинители с ожесточением настаивали на своем, говоря, что Он развращает народ, уча везде, начиная от Галилеи и до Иерусалима.

Слово *Галилея* внушило Пилату приятную мысль – устранить себя от дела, в котором ему не хотелось участвовать. *Разве Он из Галилеи?* – спросил Пилат у иудеев. Так, отвечали обвинители. И прокуратор немедленно после сего отправил их с Обвиняемым к Ироду Галилейскому, бывшему тогда, по случаю праздника, в Иерусалиме. Но Ирод, не получив на вопросы любопытства своего никакого ответа от Господа, только наругался над Ним и, облекши Его в белую одежду (вероятно, в знак Его невинности и вместе поругания над Ним, как над человеком, не стоящим того, чтобы из-за него возникали такие волнения), снова возвратил к Пилату.

Пилат свидетельствовался теперь поступком Ирода, что нет причины осуждать Иисуса Христа на казнь смертную. Посему, если хотят, он готов отпустить Его, во исполнение их же обычая освобождать кого-нибудь из заключенных пред праздником Пасхи. Но раздраженные, может быть, самую медленностью суда иудеи завопили: *Не Сего, но Варавву!* Варавва же был разбойник. Повинуясь необходимости, прокуратор хотел изведать еще один способ освободить Невинного: он предал Его воинам на раны и бичевания и потом, всего изъязвленного и окровавленного, в терновом венце и багряной ризе вывел снова на террасу (Лифостротон) и сказал: *Се, Человек!* – *Возми, возми, распни Его!* – завопили иудеи, рассвирепевшие, как звери, при виде крови своей жертвы. «Возьмите же вы в распните Его сами (если уже непременно хотите этого), а я никакой вины не нахожу в Нем».

«Мы закон имеем, и по нашему закону Он должен умереть, потому что выдал Себя за Сына Божия!» Пилат опять вошел в

претор, опять начал допрос: *Откуда Ты?* Но Господь уже не отвечал ему. Ибо что можно было сказать на вопрос сей? Настоящего ответа правитель не захотел бы слушать. «Мне ли не отвечаешь, – спросил снова Пилат, – когда в моих руках власть и распять и отпустить Тебя?» – «Нет, – отвечал тогда Господь, – *не имаши власти ни единыя на Мною, аще не бы тебе дано свыше*». То есть ты только орудие (хотя, без сомнения, не чисто страдательное), а дело совершается по высшему предопределению; «посему предатели Мои имеют больший твоего грех».

После такого кроткого и знаменательного ответа Пилат еще более искал отпустить Иисуса; но иудеи решительно говорили: *Аще Сегопустиши, неси друг кесарю*, а это слово страшно было для прокуратора. Итак, и внутренний голос совести, и порядок судопроизводства побуждали Пилата к делу правому: к тому же сама жена его присылала просить за Праведника, устрешенная сновидением; но сильнее всего было для него: *аще Сегопустиши, неси друг кесарю*. В последний раз Пилат вышел на Лифостротон и, указывая на Иисуса, сказал: *Се Царь ваш!* – *Возми, возми, распни Его!* – закричал народ, еще прежде подущенный архиереями. *Царя ли вашего распну?* – *Не имамы царя, токмо кесаря!* – Пилат умыл руки пред народом, говоря: «Я чист от крови Праведника Сего, – смотрите вы!» – *Кровь Его на нас и на чадах наших!* – заключили безумные обвинители.

Тогда предаде Его им, да распнется (ср. Мф. 27:19–24:25; Лк. 23:1–25; Ин. 18:26–40 и 19:1–13).

Долго жаждавшие полной власти над Господом иудеи устремились на Него теперь как на добычу, которую боялись упустить из рук своих. Они взяли Божественного Страдальца, ввели Его внутрь двора, собрали всю спору и начали ругаться Ему, кланяясь пред Ним и говоря: радуйся, Царь Иудейский. И били по главе тростью, и плевали на Него (Мк. 15:16–19). Наконец, насытившись зверскими истязаниями бесконечно долготерпеливого и милосердного Страдальца, мучители возложили на Него крест и повели на распятие. Шествие направилось от дворца Пилата к воротам, называвшимся *судными*, из которых путь шел, между прочим, к лобному месту.

Пресвятая Матерь Божия, говорит предание, услышав об осуждении на смерть Сына и Господа Своего, устремилась к Пилату для испрошения оправдания Ему, но когда прошение Ее осталось без успеха, топ отекла ближайшею улицею навстречу печальной процессии; с Нею был и святой евангелист Иоанн. Место встречи сей осталось памятным для христиан, и святая Едена построила на нем церковь, развалины которой видны еще доселе.

Скоро Спаситель до того изнемог под тяжестью креста, что воины опасались, дабы Он не умер на пути, и потому велели встретившемуся Симону Кирийскому понести крест Его.

Пред концом города сретили Господа жены иерусалимские и плакали, смотря на невинного Страдальца, но, обратившись к ним, Спаситель сказал: *Не плачитесь о Мне, обаче себе плачите и чад ваших*, потому что для вас наступают дни Страшного Суда Божия (Лк. 23:28–31). Прошедши ворота судные, скоро достигли наконец *Голгофы*, и там *Господа славы* распяли на кресте между двумя злодеями!...

Иисус Христос в саду Гефсиманском

Примирение разностей в евангельских сказаниях о внутреннем состоянии Иисуса Христа и других событиях в саду Гефсиманском

Диакон Кудрявцев. «Христианское чтение», 1867

По окончании вечера Господь, по сказаниям всех четырех евангелистов, пошел в сад Гефсиманский. Но этим одним пунктом и ограничивается их согласие; в изображении последующих же событий между ними начинается кажущееся разногласие. Первые три евангелиста согласно говорят, что Господь по прибытии в сад Гефсиманский начал скорбеть, тужить и молиться до кровавого пота (Мф. 26:37–42; Мк. 14:33–41; Лк. 22:41–45). Между тем евангелист Иоанн не только не передает об этих фактах, но даже выставляет как будто нечто противоположное им. По его словам, Господь радуется, что настал наконец этот день, так как он был для Него начатом прославления. Таково содержание всей так называемой первосвященнической молитвы, содержащейся в 17 главе. Чтобы такое кажущееся противоречие не могло показаться для кого-либо действительным противоречием, мы считаем нужным напомнить, что мы много бы очень приняли на себя, если бы взялись судить о душевном состоянии такой высочайшей личности, какова личность Богочеловека Иисуса. Если мы не в состоянии бываем часто судить о самых простых явлениях душевной жизни, и притом обыкновенных людей, то можем ли мы братья судить о таком исключительном состоянии, каково состояние в минуты предсмертные, и притом такой Личности, Которая беспримерна в истории человечества. Следовательно, можем ли мы сказать, что вот это состояние должно быть, а это не должно? Почему не допустить, что как одно было, так было и другое? Если мы обратим внимание на характер смерти Господа, то именно к тому заключению и придем мы, что оба эти состояния возможны. Если бы смерть Иисуса Христа была только делом случая, постигшего Его на пути призвания, то Он, конечно, с таким же точно светлым взором встретил ее, как

встречали ее потом все Его последователи; но смерть Иисуса Христа была нечто другое, чем пожертвование в обыкновенном смысле. В ней коренилась вся сила расширения Его Царства; чрез нее побежден князь этого мира; чрез нее уничтожена преграда, разделявшая людей с Богом. Но это одна, так сказать, светлая сторона, между тем в этой смерти есть другая сторона, которая также должна браться во внимание. В этой смерти сосредоточен, так сказать, весь тот гнев Божий, который тяготел над грешным родом человеческим. Христос есть Агнец Божий, Который взял на Себя грехи мира (Ин. 1:29). Он раб Иеговы, удовлетворяющий Своею смертью правде Божией. Он дает душу Свою во избавление за многих (Мф. 20:28). Он есть умиловительная жертва за наши грехи (Рим. 3:25). От такого двоякого характера смерти необходимо должно произойти и двоякое предсмертное состояние. Он мог радоваться как Искупитель мира, дарующий Своею смертью бесчисленные блага роду человеческому, но вместе и скорбеть как жертва, несущая на Себе грехи всего мира, скорбеть за весь род человеческий. Вследствие всего этого нет и не может быть ничего удивительного, что Господь от одного состояния скоро перешел в другое. В Своей первосвященнической молитве Ему естественно было восторгнуться духом и возблагодарить Бога Отца за то, что Он помог Ему совершить то дело, которое Он принял на Себя; в саду же Гефсиманском, при приближении смертного часа, Ему естественно было возмутиться духом и скорбеть, скорбеть не за Себя, а за род человеческий, подвергшийся такой участи. Итак, если оба состояния возможны, то почему не допустить, что евангелист Иоанн взял один момент этого состояния, именно тот, когда Господь благодарит Бога Отца, а первые евангелисты – другой.

В повествовании о дальнейших событиях в саду Гефсиманском евангелисты, по-видимому, сходятся. Все евангелисты говорят о взятии Господа воинами и об участии в этом, главным образом, Иуды. Если же ближе всмотреться в эти повествования, то и здесь найдем довольно значительные разности. По повествованиям первых трех евангелистов, дело представляется в таком виде, что Господь взят был по указанию

Иуды, выраженному поцелуем. По повествованию евангелиста Иоанна, Господь Сам вышел к ним навстречу, спросил, кого они ищут, и сказал, что это – Он (Ин. 18:2–9; ср. Мф. 26:46–57; Мк. 14:43–50; Лк. 22:46–53). Но и эти разности только кажущиеся. Если евангелист Иоанн и не указал прямо тот род предательства, о котором говорят первые евангелисты, то все же он дал заметить, что этот был ему известен и что он для краткости только не говорил об этом. Об Иуде-предателе он упоминает два раза: в первый раз он говорит о нем, что он предал Господа своим указанием того места, где Учитель его имел обычай бывать с учениками; во второй же раз, сказав, что Иисус Сам вышел навстречу, он вне всякой связи речи замечает: *Стоял же с ними (воинами) и Иуда предатель Его* (ст. 5). Такое указание, поставленное вне связи речи, решительно ведет к тому заключению, что здесь евангелист имел в виду тот второй род предательства, о котором говорят его предшественники. Что же касается замечания евангелиста, что Господь Сам выступил навстречу и действием Своего всемогущего слова поразил противников, то это замечание не только не устраняется первыми евангелистами, но даже вполне предполагается. Все три евангелиста говорят о том, что один из учеников извлек нож и ударил им первосвященнического раба. Но такой поступок был бы очень странным, если бы мы отделили его от приведенного выше замечания евангелиста Иоанна. Было бы в высшей степени странно, как служители, взяв Иисуса, не взяли вместе и Его учеников, и особенно того, который осмелился защищаться. Было бы странно и то, как осмелился апостол, сознавая свою малочисленность, выступить на защиту, и выступить с таким ничтожным оружием, каков нож. Означенное же замечание разрешает эти недоумения. Как скоро допустим, что Господь Сам выступил навстречу и поразил противников, то, с одной стороны, понятна будет оплошность воинов, с другой – понятен будет и поступок апостола. Первая будет иметь свою причину во всеобщем замешательстве, второй – в той смелости, какую внушило всемогущество Господа.

Гефсиманский подвиг Спасителя

«Троицкие листки», 1882

К востоку от Иерусалима, при подножии горы Елеонской, находится сад Гефсиманский. Несколько старинных масличных деревьев и поныне сохранились: они обнесены теперь невысокою каменною оградой. Сюда любил уединяться Господь наш Иисус Христос со Своими учениками; здесь Он часто беседовал в молитве со Своим Небесным Отцом; сюда же пришел Он, возлюбленный Спаситель наш, после Тайной вечери с апостолами, в ночь пред Своими страданиями... Для нас, грешных, сады и верток рады служат обыкновенным местом отдыха и приятной прогулки; не то был сад Гефсиманский для нашего Господа. «Не чистые струи вод, – говорит один благочестивый поклонник святых мест, а потоки кровавого пота здесь источались; не тихое веяние ветра, а вздохи и вопли здесь слышны были; не с благоухающими розами, а с оружием и дрекольями пришли сюда Взять Господа нашего злобные враги Его»... И сколько внутренних страданий, сколько душевных мук должен был Он вытерпеть здесь, еще прежде чем взяли Его, прежде чем начались Его телесные страдания – там, во дворе Анны и Каиафы, в претории Пилата, и наконец, на Голгофе, на кресте! Да, это была ночь, подобных которой не было и не будет, пока мир стоит; это была ночь предсмертных страданий Спасителя мира, страданий самых лютых и невыносимых... Пришед на место, повествуют святые евангелисты, Он сказал ученикам Своим: «Посидите здесь, пока Я пойду, помолюсь там». И взял с Собою Петра и Иакова, и Иоанна, и начал скорбеть, ужасаться и тосковать. Тогда говорит им: «Душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бдите со Мною». И отойдя от них на такое расстояние, на какое можно докинуть камень, преклонил колена, пал лицом на землю и начал молиться. И было о чем скорбеть и тужить, было от чего ужасаться и тосковать! Ведь Он – Агнец Божий, взяв на Себя грехи всего мира; ведь все грехи человеческие, все то, что должен был претерпеть весь мир за свои беззакония, вся эта

тяжесть легла теперь на Него одного! Тяжек и один грех – что же, когда таких грехов больше, чем песку на берегу морском? Как не изнемочь было под эту невыносимую тяжестью греховной Господу нашему? О, Господи, Господи! Если бы мы грешные всегда помнили, чего стоили Тебе грехи наши, мы, наверное, боялись бы их пуще огня; а то мы никогда о том и думать не думаем!...

Чем более усиливалось внутреннее смятение духа, тем прилежнее молился Господь: и был Он в борении, повествует евангелист, и был пот Его как капли крови, падающие на землю... «Но кто же, Господи, не нанося Тебе ран, так изранил Тебя, что Ты весь обливаешься кровию?» – вопрошает святитель Димитрий, и сам же отвечает: «Это – любовь, любовь, крепкая как смерть, к роду человеческому... Два чувства боролись в это время в святейшей душе Богочеловека Спасителя нашего: это страх и любовь. Страх предстоящих ужасных мучений за грехи всего мира понуждает Его звать Отцу Небесному: *Отче, да мимо идет от Мене чаша сия!* а любовь жаждет этой чаши страданий, простирает к ней руку свою и говорит: *Отче Мой! буди воля Твоя!* (Мф. 26:39). Силен страх, крепка любовь, и вот эти-то два чувства борются в Нем и обливают Его кровию! Иов говорит: кто сеет нечестие, тот пожинает печаль; а Ты, кроткий и незлобивый Господи наш, Ты не сеял нечестия, а вот пожинаешь печаль! Истинно слово Твое: *Ин есть сеяй и ин есть жняй*; мы посеяли грех, а Ты пожинаешь за нас болезни»...

В душевной скорби Иисус Христос прекращает молитву и идет к трем возлюбленным ученикам, дабы утешить Себя их присутствием и молитвою, но находит их спящими от печали. Скорбные чувства, хотя и неясное, но все же томительное ожидание близкой разлуки, о которой так недавно говорил им Сам Господь, усталость после трудов целого дня – все это ослабило их телесные силы до того, что они были вовсе неспособны теперь к молитве. «Ты спишь, Симон! – сказал Господь апостолу Петру, который за час пред тем обещал душу положить за Учителя. – Так ли не мог ты и одного часа бодрствовать со Мною? Бдите и молитесь, – обратился Он к

пробудившимся другим двум ученикам, – бдите и молитесь, чтобы не впасть вам в искушение. Дух бодр, но плоть немощна». Уже самый голос Спасителя показывал, что эти слова изливаются из растерзанного печалью сердца! Он отошел от них и опять стал молиться, предавая Себя всецело в волю Отца Небесного...

Но чрезвычайное смирение Богочеловека побуждает Его снова идти к Своим друзьям, дабы найти Себе некую отраду и подкрепление в их молитве, – и Он опять находит их спящими! О, немощная природа человеческая! Ты и среди томительной скорби склонна скорее забыться в сонном расслаблении, чем искать укрепления и освежения в сердечной молитве!

Господу не хотелось тревожить их сна: ведь еще сколько назавтра предстояло им испытать горьких тревог сердечных, так пусть хоть теперь немного забудутся, немного отдохнут, если уж не могут молиться с Ним... И снова Он оставляет их, и снова повергается на землю, и еще прилежнее молится Он, обливаясь потом кровавым...

Этот подвиг молитвы, эта внутренняя душевная тоска, какую испытывал Господь наш в саду Гефсиманском, это томление духа, какое Он выносил теперь в Своем святейшем сердце, все это до того ослабило телесные Его силы, что Его состояние равнялось мучению человека, борющегося со смертью. Нужно было укрепить изнеможенную природу человеческую для предстоящих новых страданий, и вот наконец является ангел небесный и укрепляет Его. Ангел укрепляет Иисуса – укрепляет Того, Кто Сам вся носит глаголом силы Своей! Какая дивная тайна заключается в этих словах! Какая воистину непостижимая глубина Божественного смирения Спасителя нашего!... «Я не знал бы, – говорит блаженный Августин, – как велико благодеяние и любовь ко мне, грешному, моего Господа и Спасителя, если бы Он не обнаружил предо мною, чего они стоят Ему». И в самом деле, если бы мы не знали, как Господь наш страдал в саду Гефсиманском, то могли подумать, что страдания для Него не стоили ничего; но тут мы видим капли кровавого пота, слышим, как Он умоляет Отца, да мимо идет от Него чаша страданий; и мы знаем, как горька эта

чаша, и благоговеем пред Тем, Кто испил ее за нас. «Если и с нами случится искушение, – говорит один из наших архипастырей, – станем пред изображением молящегося Иисуса, посмотрим на чашу сходящую свыше, повергнемся в прах пред Отцом Небесным и скажем Ему словами Единородного Сына Его: да мимоидет и от нас чаша сия; однако не как мы хотим, но как Ты: да будет Воля Твоя! И Отец Небесный услышит молитву нашу, как услышал Он моление Единородного, и спокойствие совести, тишина сердца будет для нас вместо Ангела укрепляющего».

О значении событий в Гефсиманском саду

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова в Великий Пяток. «Воскресное чтение»

Страдания Господа открылись в саду Гефсиманском; там Он *начат скорбети и тужити*, говорит евангелист; и глагола ученикам: *прискорбна есть душа Моя до смерти* (Мф. 26:30–38). Для чего в саду? Был некогда иной сад, о коем сказано в Писании: *И посади Господь Бог рай в Едеме на востоцех. И прозябе Бог от земли всякое древо красное в видение, и доброе в снєдь. И взя Господь Бог человека, егоже созда, и введе его в рай сладости* (Быт. 2:8; 2:15). Но этот рай сладости потерян, и, начиная от первого Адама до второго, никто не входил в оный. Спаситель, молясь в саду Гефсиманском, тем самым уже открывает некий доступ в рай, заключенный грехом в продолжение многих тысяч лет.

В неизъяснимой скорби – это была плата за временную сладость грехов человеческих – Спаситель повергается на землю, молясь к Отцу Своему, и землю орошает потом кровавым. *Паде на лица Своем, паде на земли* (Мф. 26:39; Мк. 14:35). Что означает сие падение? Во-первых, безмерную тяжесть грехов, кои Господь с целого мира подъял на рамена Своя и кои потому как бы невольно преклонили Его земле. Во-вторых, мы можем видеть здесь образ милосердия Господа к грешной земле. Она была проклята некогда Создателем: *Проклята земля в делех твоих*, – с казано Адаму. Теперь Создатель снимает с нее проклятие; падая на лицо, с распростертыми руками, Он как бы лобызает и объемлет ее. Он паки делает ее землею живых, землею благословения. «Земле, земле, – восклицает святой Димитрий Ростовский, – внуши слово; Бог Слово припадает к тебе лицом Своим, как друг, оплакивая прежнее отпадение твое, и теперь снова обнял тебя, как свою искреннюю, в лоно Его возвращенную».

Спаситель орошает землю потоком кровавым; она покрыта была некогда водами потопными; но сии беды, погубивши беззаконников, не смыли беззаконий с лица ее. Теперь

кровавый пот Господа обновляет лицо земли. *Бысть пот Его, яко капли крове, каплющия на землю.* Пала некогда на землю кровь невинного Авеля; но она вопияла на небо об отмщении; падает кровавый пот Спасителя: но вопиет об отпущении и прощении.

Как понимать скорбь Господа в Гефсиманском саду пред крестными страданиями

(Мф. 26:38)

Филарет, митр. Киевский

И поем Петра и оба сына Зеведеова, начат скорбети и тужити. Тогда глагола им Иисус: прискорбна есть душа Моя до смерти (Мф. 26:37–38). Что за скорбь, которою скорбит Помазанный елеем радости паче причастник Своих?

Какая непостижимая сила страданий могла объять и проникнуть всю душу Спасителя Христа, теснейшим союзом соединенную с Божеством, беспредельно блаженным, или паче самым блаженством, никогда неизменяемою радостью и вечно текущими источником чистой и святой радости для Ангелов и человеков? Что за смерть, приведшая Начальника жизни в содрогание и ужас? История Церкви открывает нам многих святых мужей, и даже жен и юных детей, бестрепетно и с радостью сретавших мученическую за Иисуса Христа кончину; а пред сею смертью видим мы Носящего всяческая глаголом силы Своея в страхе, в скорби, в смятении!

Здесь сокрыта тайна внутреннего креста Искупителя нашего, который долженствовал предварить, сопровождать и совершить наружные страдания и крест Его. Иисус Христос, Ходатай спасения нашего, прияв на Себя бремя грехов всего рода человеческого, приял вкупе всю тяжесть мстительной правды Божией за оные, все скорби и страдания телесные и душевные, даже до болезней адовых: все смерти, даже до вечной. Почему, представляя Себя в жертву за спасение мира, святейшая душа Его была вся погружена в беспредельное море скорбей, которое приготовили и долженствовали испытать потомки законопреступного Адама? Бездна грехов всего человечества погружала сердце Его в бездну болезней. Бог Отец зрел в возлюбленном Сыне Своем заветную главу грешников, всего мира грехами обложенную: *не Ведевшаго бо греха по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем (2Кор. 5:21).* Вместо сладостных ощущений действий любви Отчей сердце Его было

растерзано стрелами мщения Праведного Судии. Он долженствовал испытать до последней капли всю чашу гнева Божия за грехи всех человеков. Яко Вождю Церкви Своей, Ему надлежало сражаться со всем адом; и Бог Отец в сей борьбе оставил Его беспомощным. Оставление от Бога, Источника жизни, есть истинная ужасная смерть. До сей-то смерти скорбел Иисус Христос; и в ужасной борьбе человеческого естества Его с сею смертью, могло одержать победу точию Божественное Его естество.

Самое совершенство святости Иисуса Христа умножало Его скорби и страдания. Грешники, в омрачении ума своего, не видят всей гнусности и мерзости грехов. Окаменелые сердца их не чувствуют тех мучений, которые уготованы им в вечности. Они обольщают себя призраками счастья и еще находят удовольствие в самом источнике мучений – в грехах. Бог, не хотяй смерти грешника, но во мнозе долготерпении ведя нас на покаяние, скрывает от нас бездну зол, изрытую беззакониями нашими. А ежели бы грех открылся человеку вдруг во всей наготе своей, со всеми последствиями своими, то ни о дно сердце человеческое не могло бы не умереть от стыда и ужаса.

Совершенно святая душа Иисуса Христа, не терпящая никакой скверны, зрела все грехи всех человеков во всей наготе их. Беспредельно нежное сердце Его ощущало всю силу мучений, неизбежных следствий грехов: сколь убо была велика и беспредельна Его скорбь! Она непостижима. Дух Святой устами пророка Давида изображает ее живыми, но, впрочем, приспособленными к понятию человеческому чертами: *Одержаша мя болезни смертныя, и потоцы беззакония смятоша мя, болезни адовы обыдоша мя, предвариша мя сети смертныя (Пс. 17:5–6). Яко вода излихся, и рассыпашася вся кости моя: бысть сердце мое яко воск таяй посреди чрева моего. Изсше яко скудель крепость моя, и язык мой прильпе к гортани моему (Пс. 21:15–16). Сердце мое смятется, остави мя сила моя, и свет очию моею несть со мною (Пс. 37:11).*

И вот причина троекратного моления Иисуса Христа ко Отцу, да мимоидет от Него чаша сия (Мф. 26:39) – моления с воплем крепким и со слезами (Евр. 5:7), моления горячайшего,

сильнейшего, болезнейшего, какового никогда не было во времени и во всю вечность не будет! Вот слабое изображение того подвига всей души и всех членов священнейшего тела Христова, от которого *бысть пот Его, яко капле крове, каплующие на землю (Лк. 22:44)*. Вот почему Всемогущий имел нужду в помощи ангела с небеси, укрепляющего Его (ст. 43).

Но не в вертограде Гефсиманском окончились сии Божественного Ходатая нашего скорби. Обремененный беспредельными болезнями за нас постепенно умножающимися, шествовал Он из вертограда в Иерусалим, из Иерусалима на Голгофу. И какое страдательное шествие! Душа Его обременена всею тяжестью мстительной правды Божией за грехи всего рода человеческого; сердце Его пронзено печалью о рассеянных учениках Своих и о страдающей Матери Своей; рамена Его отягчены древом крестным; глава Его вся пронзена терновым венцом. И где оканчивает путь светоносной жизни Своей Спаситель мира! На лобном месте, на месте казни злодеев! Чем платит мир Пришедшему спасти его? Воины совлекают последние Его одежды и мучительным образом пригвождают Его ко кресту. Жаждущему спасения всего мира отказывают в единой капле воды для утоления смертной жажды Его (*Ин. 21:19–20*). Какой преступник умирал когда-либо столь болезненную смертью?

Премудрый царь Израильский Соломон из сострадания к человечеству несчастным, осужденным на смерть, повелел давать пить сладкое, нарочно для сего приготовленное вино, дабы они могли смягчить болезнь свою и забыть свое несчастье (*Притч. 31:6–7*). Но злоба иудеев, вопреки сему обычаю, жаждущему Спасителю поднесла оцет, с желчью смешанный. *Видите, аще есть болезнь, якоже болезнь сего Мужа болезней? (Плач. 1:12)*. От преизбытка сей болезни, проникнувшей всю душу и тело Спасителя нашего, висая на древе крестном, воззвал Он гласом велиим: *Боже Мой, Боже Мой! Вскую Мя еси оставил? (Мф. 27:46)*.

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова в Великий Пяток *Прискорбна есть душа Моя даже до смерти (Мф. 26:38)*. И молитвенное беседование с единосущным Отцом не

освобождает Его, а удерживает под тяжестью страдания. *Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты* (Мф. 26:39). Носящий всяческая глаголом силы Своя имеет теперь нужду в укреплении от ангела (Лк. 22:43).

Может быть, смертная скорбь Иисуса представляется некоторым из нас недостойною Бесстрастного. Да ведают они, что сия скорбь не есть действие нетерпения человеческого, но Божеского правосудия. Мог ли Агнец, *заколенный от сложения мира* (Откр. 13:8), убежать Своего жертвенника? Тот, *Егоже Отец святей и посла в мир* (Ин. 10:36), Тот, Который от века приял на Себя служение примирения человеков с Богом, мог ли поколебаться в деле сего служения единою мыслию о страдании? Если Он мог иметь какую нетерпеливость – то разве нетерпеливость совершить наше спасение, поблаженствовать нас. *Крещением имам креститься*, говорит Он, *и како удержуся, Дóндеже скончаются?* (Лк. 12:50). Итак, если Он скорбит, то скорбит не собственной, но нашею скорбью; если мы видим Его *быти в труде и в язве от Бога, и в озлоблении*, то Он *грехи наша носит и о нас болезнует* (Ис. 53:3–4); чаша, которую подает Ему Отец Его, есть чаша беззаконий, нами содеянных, и всех казней, нам уготованных, которая потопила бы весь мир, если бы Он един не восприял, удержал, иссушил ее. Она растворена, во-первых, преслушанием Адама, потом растлением *перваго мира* (Быт. 6:12; 2Петр. 2:5), гордостью и нечестием Вавилона, ожесточением и нераскаянностью Египта, изменами Иерусалима, *избившаго пророки и камением побившаго посланная к нему* (Мф. 23:37), злостью синагоги, суевериями язычества, буйством мудрецов, и, наконец, (поелику Искупитель понес на Себе и будущие грехи мира) соблазнами в самом христианстве; разделениями единого стада Единого Пастыря, дерзновенными мудрованиями лжеучителей, оскудением веры и любви в Царстве веры и любви, возрождением безбожия в недрах самого благочестия. Присовокупим к сему все то, что мы находим в себе и окрест себя достойным отвращения и гнева Божия, а также все, что стараемся сокрыть от своей совести под ухищренным

наименованием *слабостей* – легкомыслие и
законопреступления, утехи юности, закоснение старости,
забвение Промысла в счастии, ропот в несчастиях, тщеславие в
благотворении, корыстолюбие в трудолюбии, медленность в
исправлении, многократные падения после восстания,
беспечность и бездействие, свойственные владычеству
роскоши, своеволие века, надменного мечтою просвещения: все
сии потоки беззакония сливались для Иисуса в единую чашу
скорби и страдания; весь ад устремился на сию небесную душу,
и дивно ли, что она была *прискорбна даже до смерти*.

Смысл Гефсиманской молитвы Иисусовой

(Лк. 22:41–42)

«Воскресное чтение», 1823

И поклонь колена (Иисус) молящися, глаголя: Отче, аще волиши мимо нести чашу сию от Мене: обаче не Моя воля, но Твоя да будет (Лк. 22:41–42). Предвечный Сын Божий, во плоти пришедший, без сомнения, ведал, что чаша страданий, ради нас Ему уготованная, не мимоидет Его – Он затем и воплотился, чтобы бесценною жертвою страданий Своих искупить нас, проданных под грех. И вот, однако, пред самым их началом, при самом приближении *с воплем крепким и со слезами (Евр. 5:7)* возносит Он молитву к Отцу Своему Небесному, о том, чтобы избавил Его от смерти и освободил от предстоящих мучений... Подвиг Его усиленный; слово молитвы решительно; что же за смысл ее, что за цель, для которой Сыну Божию угодно было обратиться в священное дело молитвы этот вопль немощи, благоутробно воспринятой Им ради нас?

Все это было делом любви Его Божественной, спасающей нас, грешных. Господь и Спаситель наш Иисус Христос, *един ведый человеческого естества немощь*, прошел здесь пред нами одну из тех трудных стезей святого и Богоугодного терпения, на которой мы сами, быв оставлены собственным силам, не быв научены и вместе уполномочены сим высоким образцом своего Спасителя, всегда в самом начале падали бы падением бедственным и невозвратным.

Среди различных искушений и напастей жизни, постигающих нас в наказание за грехи, для возбуждения к покаянию или для нашего испытания в добродетели, или же для того и другого совокупно, бывают иногда случаи, особенно для нас трудные и тяжкие, при которых все существо и самое даже терпение наше, так сказать, распинается крестом страдания, при одной встрече с которыми душа и тело у нас потрясаются содроганием, и между тем видим, что встреча сия бывает неминуема. Это верх жизненных страданий, на котором должен открываться верх нашего терпения по Бозе. Бесспорно, что

первое здесь дело, первая забота с нашей стороны – стараться быть послушными распоряжениям воли Божией; первое желание наше тогда должно состоять в том, да будет все с нами так, как угодно Господу, а не нам, легко будет сие или неудобно в величайшей степени, радостно или скорбно до крайности. Но что делать, когда почувствуем, что и сия сыновняя преданность Господу Богу оскудевает у нас в это время, и самое желание духа нашего – бодро поставить себя в подвиг святого терпения – падает, оглушенное воплем немощной плоти, крепко вопиющей против горькой для нее необходимости – стать лицом к лицу с испытанием скорби? В сии-то наипаче минуты может угрожать нам опасность – в одно мгновение явиться лишенными всех тех благих плодов, какие, быть может, приобретены были у нас долговременными трудами веры и терпения. Эта внутренняя мука и туга сердечная, обременяющая душу, скоро может повергнуть ее в тяжкий сон бездейственного уныния или – что хуже – исполнить ее духом роптания, и самый крест, нам посланный, сделать похожим на крест того неразумного разбойника, который хулил распятого с ним Господа, не подражая другому, умолявшему о помиловании.

И вот любвеобильный Спаситель наш, быв *искушен* ради нас *по всяческим*, по подобию всяких с нами случающихся искушений, кроме *греха* (Евр. 4:15), не оставил без призрения Своего и этих встречающихся нам испытаний, когда совершенно начинает изнемогать у нас терпение и немощь наша подавляет собою силу духа прежде, нежели сия последняя успеет ознаменоваться досточестною борьбою. Вот Началосовершитель нашего спасения – Иисус Христос Сам благоизволил довести Свое снисхождение к немощам нашим до этого крайнего предела их на скорбном поприще крестных испытаний, чтобы нам открыть отсюда путь к восхождению по стезе благодатного укрепления. Было и у Него, Спасителя нашего, такое состояние пред крестными страданиями, в котором Он испытал это чувство беспомощности и крайней тяготы сердечной, у нас так скоро обращающееся в чувство совершенной безнадежности. И Он, готовясь в Своем

человечестве понести на кресте тяготу грехов, не Своих грехов, а наших неизмеримых грехов и беззаконий, *начат скорбети и тужити*, и говорит приближенным ученикам Своим: *Прискорбна есть душа Моя до смерти* (Мф. 26:38); тем самым ученикам, которых прежде удерживал от непомерного желания чести указанием на чашу страданий, уготованную для них вместе с Ним (Мк. 10:37–88) и пред которыми теперь Сам обнаруживает ужас и тугу Своего сердца, имея близко у Себя пред очами горькую сию чашу. И сим уже Он прямо показал нам, как естественно и неизбежно слабой природе нашей страшиться и скорбеть при взгляде на беды и страдания жизненного пути и ужасаться оных трудных подвигов, среди которых проходит наш путь царствия: если испытал сие на Себе Праведный из праведных и Святой из святых, то нам ли избегнуть? А чрез это самое в Своем собственном лице Он дал нам право не смущаться совестью и не считать себя безнадежными в подобных случаях, а лучше искать средства управить сердце свое в силе Божией. И что же, какое научил нас Он давать в сии решительные минуты направление этому внутреннему чувству скорби и изнеможения? Какой указал исход сему тревожному чувству, когда волнует оно сердце и, подавляя все силы и действия духа нашего, стремится чем-либо явить себя вовне? Как указал нам спастись в это время свою изнеможенную душу от ропота, уныния, нетерпеливости, спастись свое терпение, готовое исчезнуть? Здесь то особенную важность имеет для нас все то, что творил Господь и Спаситель наш, исходя на вольное Свое страдание. Обратим свое внимание на это единственное средство, которым Сам Он в то время указал поддерживать *бодрость духа против приражений плоти немощной* (Мф. 26:41), – *молитву*, и примем оную собственную молитву Его в саду Гефсиманском за образец, посредством которого Он положил начало сему делу за нас и для нас, и от которого обращаясь, внушал апостолам Своим простираться в такому же подвигу молитвы – тогда весьма много уяснится для нас смысл и значение молитвы Гефсиманской. Если христианин почувствует когда, что немощная плоть его неотразимо вопиет в изнеможении и скорби, отрекаясь идти путем спасительного

терпения, то пусть он в сие время, вместо того чтобы отпасть унынием от воли Божией и пойти против Бога внушаемым оною плотию ропотом, – пусть лучше поспешит сей самый вопль ее принести лицу Божию, как молитву, не опасаясь уже оскорбить сим Его величества, поскольку он уполномочивается на это чрез пример Сына Божия воплощенного. И от того самого, что человек не со врагом Божиим стал совещаться, уклоняясь от трудных подвигов спасения, а Самому Богу смиренно поведал в молитве слабость расстроенной своей природы, ее смущение и нежелание понести возлагаемую на нее тяготу, чудные произойдут перемены в душе его. Молитва сия сама собою умиротворит душу человека тишиною смирения и сладостью любви к Богу, всегда скоро здесь пускающих ростки свои, как на доброй почве; и тогда христианин сам возжелает, да будет с ним во всяком случае не то, чего си собственно просит, но то, что послано будет ему свыше, хотя бы и вовсе противное его желаниям. Тогда, хотя бы он решительно увидел, что не получает просимого им избавления от Скорби и напасти, – во всяком случае воскликнет и сердцем и устами: *Обаче не Моя воля, но Твоя да будет, Господи*, – воскликнет как сын наказуемый; как Спасителю явился ангел в саду Гефсиманском, не замедлит и душе христианина помощь небесная, укрепляющая ее понести с готовностью все, что будет на нее возложено.

Не сей ли именно путь восхождения от немощи к силе Божией открыл и проложил пред нами Господь и Спаситель наш, когда, готовясь испить чашу страданий Своих, начал просить Отца Своего Небесного – мимо нести от Него чашу сию? Обратим внимание на то, что главный предмет, к которому Сам Он тотчас же сводит молитву Свою, это – да совершится непреложно воля Отца Небесного над Ним, та всесвятая воля Божия, о которой Он еще от сложения мира ведал и в предвечном Троичном совете изрек: *Се иду сотворити волю Твою, Боже* (Пс. 39:8–9), сотворить чрез крестное жертвоприношение *тела*, которое совершил Ему Отец в последние лета (ст. 7). И следовательно, что другое, как не полнейшую преданность воле сей, Он являет этим прошением

об отменении предстоящих страданий, когда и сие самое прошение заключает в одну общую молитву: *Обаче не Моя воля, но Твоя да будет?* Не то ли именно хотел Он сказать всею молитвою сею: Отче! немощь естества человеческого, принятого Мною по совету воли Твоей, вопиет к Тебе и просит избавления от предстоящих мучений: повергаю пред Тобою вопль ее и прошу сотворить, да исполнится в ней непреложно воля Твоя с силою Моею? И явление ангела укрепляющего при усиленном повторении одной и той же молитвы не было ли прямым ответом на сию молитву, скоро услышанную, и явным признаком того, к чему она клонилась?

Так, если проникнем оком благоговейным, то должны будем уразуметь сердцем признательным, что молитва Господа Иисуса в саду Гефсиманском пред Его страданиями была молитва глубочайшей преданности и совершеннейшего послушания воле Божией, молитва, посредством которой Сам воплощенный Сын Божий как Богочеловек вознес к престолу Отца Небесного стенания человеческой немощи нашей в час трудного испытания, и там от лица нашего принес их в жертву твердому и безропотному послушанию.

Чему поучает нас моление Иисуса Христа в Гефсимании?

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова на освящение храма Господа нашего Иисуса Христа в честь и память Гефсиманского моления Его

Тогда прииде с ними Иисус в весь, нарицаемую Гефсимания, и глагола учеником: сядите ту, Дóндеже шед помолюся тамо (Мф. 26:36). В какие особенные помышления и расположения должен вводить нас образ Гефсиманского многострадального моления Иисус Христов?

Во-первых, Он дает нам руководительные мысли о молитве уединенной. Когда Господь глаголет ученикам Своим: *Яка аще два от вас совещаеа на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, Иже на небесех: идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18:19–20), – тогда Он показывает потребность и пользу молитвы общественной, в которой соединение многих подкрепляет каждого. Но когда Он Сам, среди Своего великого служения спасению человеческому, прерывая Свою проповедь и Свои чудодействия, *бе отходя в пустыню и моляся* (Лк. 5:16); и когда, наконец, приближаясь к пределу Своего земного поприща, дабы принести Богу Отцу молитву, сколь важную и таинственную по предмету, столь же трудную по обстоятельствам, удалился сперва с тремя избранными учениками от собора прочих, а потом и от трех избранных в совершенное уединение, рекши: *Сядите ту, Дóндеже шед помолюся тамо*, – тогда показал нам потребность и важность молитвы уединенной, во всевозможном удалении от всего сотворенного, погружающей душу в единое присутствие Божие.

Во-вторых, Гефсиманское моление Христово должно вводить нас в умилительные помышления о глубоко смиренном образе моления Христова. *Поклонь колена моляшеся* (Лк. 22:41). *Паде на лицы Своим моляся* (Мф. 26:39). *Паде на земли, и моляшеся* (Мк. 14:35). Когда подумаешь, что это Единородный Сын Божий, от вечности со Отцом и Святым Духом

царствующий на пренебесном престоле и теперь сего престола не оставивший, что Он, облекшись в нашу нищету, немощь, низость, повергается в молитве на землю, чтобы молитвою исходатайствовать нам спасение, а смирением обличить, загладить и уврачевать нашу гордость, тогда пораженная мысль ищет, есть ли в мире довольно униженное место или положение, в которое человек мог себя унижительно повергнуть, дабы ему не слишком стыдно было пред сим Божественным унижением!

В-третьих, Гефсимания, исполненная духом моления Христова, орошенная кровавым потом Его Богочеловеческого молитвенного подвига в навечерие дня Его распятия, представляет благоприятнейшее и благонадежнейшее мысленное место молитвы, для сокрушенного грешника, для возмущаемого скорбью, тугою, унынием, страхом, для боримого всяким искушением. Ибо там сила всех возможных искушений побеждена силою молитвы Христовой; и сия победоносная сила не прешла, но пребывает и пребудет, потому что *Иисус Христос вчера и днесь, Той же и во веки* (Евр. 13:8). Отчего Он, вступая в Гефсиманское поприще, *начат скорбети и тужити* (Мф. 26:37), *ужасатися и тужити* (Мк. 14:33)? От предусмотрения ли приближающихся оскорблений и телесных страданий в Иерусалиме и на Голгофе? Но Он самые сии оскорбления и страдания, не в соображении, а в самом их действии в продолжение многих часов сей же ночи и следующего дня пред синагогою и пред Пилатом, от иудеев и от язычников, в Иерусалиме и на Голгофе переносил, не изъявляя никакого страха, с победоносною твердостью, с высоким спокойствием, то с величием молчания, то со словом любви и молитвы о других, а не скорби о Себе. И если в одну новую таинственную минуту допустил услышаться воплю: *Боже Мой, Боже Мой, Вскую Мя еси оставил* (Мф. 27:46), то немедленно покрыл оный торжественным гласом: *совершишася* (Ин. 19:30). Отчего же еще прежде видимых страданий – скорбь, туга, ужас, прискорбие души даже до смерти? Какую горечь, какую тягость заключала в себе сия таинственная чаша, о которой Он и молился: *Да мимоидет*, являя тем истинное восприятое

человечество, не чуждое немощи, хотя чуждое греха, и которую в то же время принимал по предвечной воле Отца Своего, глаголя: *Не якоже Аз хочу, но якоже Ты* (Мф. 26:39)? Увы, это горечь наших грехов, это тягость нашей виновности пред Богом и заслуженных нами казней, которые все принял на Себя *Агнец Божий, взявляй грехи мира* (Ин. 1:29) и, таким образом, Он скорбел, тужил, ужасался, прискорбен был душою даже до смерти не потому, что истощалось Его терпение, но потому, что Своими внутренними страданиями очищал Он наши внутренние нечистоты, заглаждал нашу виновность, удовлетворял раздраженному на нас правосудию Божию, и вместе с тем молился о нашем помиловании, прощении и спасении, и был услышан. Так изъясняет апостол Павел Гефсиманское моление Иисуса Христа, когда пишет к евреям, что Он *во днях плоти Своея, моления и молитвы к Могущему спасти Его от смерти, с воплем крепким и со слезами принес, и услышан быв от благоговеинства* (Евр. 5:7). Как услышан, не избавлен от смерти крестные? Услышан тем образом, что Ему предоставлено Своею крестною смертью и воскресением избавить нас от владычества греха и смерти вечные. Итак, не правда ли, что в Гефсимании сила всех возможных искушений побеждена молитвою Христовою?

И потому, кто бы ты ни был, немощствующий и бедствующий вместе со мною брат мой, если ты уязвляешься печалью греха, если стесняешься тугою души, неудобно возвышаемой верою, неудобно расширяемой любовью, неблагоподвижной на добродетель; если поражаешься прискорбием души, простирающимся, по-видимому, даже до смерти, не предавайся унынию безнадежному, не дай скорби, туге и страху совсем одолеть тебя, собери остатки твоих изнемогающих сил, беги мысленно на победоносное Гефсиманское поприще Иисусово и там повергнись с твоими грехами, скорбью, тугою, страхом от разверстых челюстей ада и смерти и помни, что горечь твоей чаши уже наибольшею частью испита в великой чаше Христовых страданий, что под бремя, на тебе тяготеющее, уже подложил Свою облегчающую руку крепкий Гефсиманский Подвижник; что твой Спаситель,

совершивший для тебя всецелое дело твоего спасения, ожидает от тебя только *сообщения страстей Его*, какое возможно для твоей, хотя немощной, веры, любви и благодарности.

О кровавом поте Христа Спасителя. Экзегетическое толкование 44 стиха 22-й гл. Евангелия от Луки

Буткевич. «Жизнь Господа нашего Иисуса Христа»

Указание евангелиста Луки на кровавый пот Иисуса Христа («и был пот Его, как капли крови, падающие на землю») некоторые объясняют так, что с лица Иисуса падали капли пота, по объему и тяжести только сходные с каплями крови, но вовсе не кровавый пот. Хотя такое объяснение несколько не противоречит евангельскому тексту: «и был пот Его, как капли крови», но если бы это был обыкновенный пот (а по приведенному объяснению выходит так, потому что всякий пот течет такими каплями, которые по своему объему и падению всегда могут быть названы подобными каплям крови), то евангелист едва ли и упоминал бы особо об этом обстоятельстве. Поэтому нельзя не признать справедливыми мнения тех, которые думают, что евангелист уподобляет пот Иисуса каплям крови не по падению их, не по тяжести, а по форме и цвету, так что его, по-видимому, нужно признать кровавым потом и в собственном смысле. Правда, некоторые утверждают, что кровавый пот является «только как величайшая редкость и как симптом известных болезней». Это подтверждается и многими случаями, о которых повествуют нам многие писатели древности, как, например, Аристотель (*De hist. animal.* 3:19. *De partibus animal.* 3:5), Теофраст (*De sudoribus*), Туанус (*hist. Sui temp.* lib. 10), Марцеллий Донат (*De med. Hist. mirab.* 1. 1:17), Веделиус (*exerc. Medico-philolog.* 3:2) и Бартолинус (*hypomn. De cruce Christti* 4). Но Мольдонат (*comm. in Matth.*) видел в Париже кровавый пот у совершенно здорового и весьма сильного человека. Отчего же к таким явлениям нельзя отнести и кровавый пот, лившийся с лица Иисуса во время Гефсиманской молитвы? Заметим, что в душе Иисуса происходила в это время напряженнейшая борьба, сильнейшие психические потрясения. Веделий же рассказывает и о таких случаях, когда при сильнейших психических потрясениях (*prae*

aegritudine animae summa) выступал не кровавый пот, а даже кровавые слезы.

На слова: *Отче, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты*

(Мф. 26:39)

Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на разные места Священного Писания, т. 2

Что значат эти слова? *Отче, аще возможно есть*, отклони крест. Что говоришь ты? Разве Он не знает, возможно ли это или невозможно? Кто может сказать это? Хотя такие выражения свойственны незнающему, ибо частица *аще* выражает обыкновенно неуверенность, но не должно останавливаться на словах, а нужно обращаться к мыслям и узнавать цель говорящего, и причину, и время, и, сообразив все это, находить, таким образом, заключающийся в них смысл. Неизреченная Премудрость, Тот, Который знает Отца так, как Отец знает Сына, как мог не знать этого? Знание страданий не больше знания существа Божия, которое Он один точно знает. *Якоже*, говорит Он, *знает Мя Отец, и Аз знаю Отца* (Ин. 10:15). И что я говорю о едиnorodном Сыне Божиим? И пророки, казалось бы, не знали этого, но они точно знали и предсказывали с великою уверенностью, что это должно быть, что это непременно будет. Если же пророки знали и о кресте, и о причине креста, и о том, что совершено крестом, и о погребении, и о воскресении, и о вознесении, и о предательстве, и о судилище, и все это с точностью описали, то как не знает об этом Сам пославший их и повелевший возвестить это? Кто из здравомыслящих может сказать это? Видишь ли, что не должно останавливать внимание на одних словах? Здесь не только это возбуждает недоумение, но и последующие слова возбуждают еще большее недоумение. Ибо что говорит Он? *Отче, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия*. Здесь представляется, будто Он не только не знает, но и отказывается от креста. Ибо эти слова значат: если можно, говорит, то Я хотел бы не подвергаться распятию на кресте и умерщвлению. Но если бы Он не хотел, то разве трудно было остановить тех,

которые приступали к Нему? А теперь, видишь, Он Сам поспешает к этому. Когда приступали к Нему, Он сказал: *Кого ищите? Отвещаша Ему: Иисуса. Глагола им: Аз есмь, и идоша вспять, и падоша на земли (Ин. 18:6)*. Так, Он сначала ослепил их и показал, что Он мог избежать, а потом и предал Себя, дабы ты знал, что Он не по необходимости, или принуждению, или насилию приступивших подвергся этому, но добровольно, по собственному предъизбранию и желанию и по давнему приговору к этому. Он просит избавить Его и от смерти, показывая Свое человечество и немощь природы, которая не может без страдания лишиться настоящей жизни. Подлинно, если бы Он не говорил ничего такого, то еретик мог бы сказать: если Он был человеком, то Ему надлежало и испытать свойственное человеку. Что же именно? То, чтобы, приближаясь к распятию на кресте, страшиться и скорбеть и не без скорби лишиться настоящей жизни, ибо в природу вложена любовь к жизни настоящей. Посему Он, желая показать Свое истинное облечение плотию и удостоверить в истине этого домостроительства, с великою ясностью обнаруживает Свои страдания. Это одна причина; но есть и другая, не меньше этой. Какая же именно? Он хотел научить нас молиться, и Сам молился по-человечески, не по Божеству: Божество не причастно страданию, – Он молился, чтобы научить нас просить об избавлении от бедствий; но если это будет невозможно, то с любовью принимать угодное Богу. Потому Он и сказал: *Обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты*, не потому, что иная воля Его и иная Отца, но чтобы научить людей, хотя бы они бедствовали, хотя бы трепетали, хотя бы угрожала им опасность, хотя бы не хотелось им расставаться с настоящей жизнью, несмотря на это предпочитать собственной воле волю Божию.

Св. Василий Великий

Если Сын истинно говорил: *Отче, аще возможно, да мимоидет чаша сия*, – то не только обнаруживал Свою боязнь и немощь, но и думал, что есть нечто невозможное и для Отца. Ибо слова *аще возможно* показывали сомневающегося, а не уверенного, что Отец может спасти Его. Почему же бы Дарующий жизнь и мертвым не мог тем паче сохранить жизнь

живым? Для чего Воскресившей Лазаря и многих мертвых не дает жизни Сам Себе, но просит у Отца, со страхом говоря: *Отче, аще возможно, да мимоидет чаша сия!* И если не по Своей воле умер, то не смирил Себя и не был *послушлив Отцу даже до смерти* (Флп. 2:8); то не Сам Себя предал, как говорит апостол: *давшего Себе избавление по гресех наших* (Гал. 1:4; 1Тим. 2:6). Если же умер по Своей воле, то для чего было нужно говорить: *Отче, аще возможно, да мимоидет чаша сия?* Посему слова сии разуметь должно не о Нем, но о тех, которые имели согрешить против Него, чтобы они не согрешили. За них и распятый говорит Он: *Отче, отпусти им: не ведают бо что творят* (Лк. 23:34). Поэтому сказанного по домостроительству не должно принимать за сказанное просто.

Толкование св. Исидора Пелусиота на слова: *бдите и молитесь, да не внидете в напасть*

(Мф. 26:41)

В сказанном Спасителем: *бдите и молитесь, да не внидете в напасть* подразумевается: молитесь, чтобы не поглотило вас искушение. А если бы Спаситель сказал, что предполагают другие, именно же: молитесь, чтобы никоим образом не впасть в искушение, то не имело бы сие смысла, потому что и пророки, и апостолы, и мужи, наипаче преуспевшие, впадали в многие и весьма великие искушения. Напротив того, не впадать в искушение, может быть, и невозможно, не быть же предубежденным – возможно. Посему как многие из людей, будучи погружены в невежество, в бедах бывают безутешны сердцем, так управляемые целомудренным помыслом отражают от себя беды, не только тем, что переносят их мужественно, но тем, что помышляют о венцах.

Мысли св. Василия Великого

(Лк. 17:40)

Творения свв. отцов. Тв. св. Василия Великого

Поелику Господь учит молиться, *да не внидете в напасть* (Лк. 17:40), то должно ли молиться и о том, чтобы не впадать в телесные страдания, и, если кто впадет в них, как должен переносить?

Господь не различил качества напасти, но вообще повелел: *Молитесь, да не впадете в напасть*. А введенному в напасть должно просить у Господа с искушением и избытия, *яко возмощи понести* (1Кор. 10:12), чтобы исполнилось над нами: *претерпевый же до конца, той спасется* (Мф. 24:13).

О том же толкование Филарета, митрополита Московского

Из Беседы в день памяти преподобного Сергия

Сие наставление преподавал избранным ученикам Своим Христос Спаситель в последнюю ночь жития Своего пред крестною смертью. Он бодрствовал и молился и к тому же побуждал учеников Своих.

Да не внидете в напасть, – сказал Он. То есть: вам угрожает опасность. Враг невидимый и враги видимые приближаются с отчаянными усилиями, чтобы поразить Главу новосозидаемой Церкви и разрушить ее основание- Вашей вере предстоит трудное испытание. Вам должно увидеть вашего Учителя в узах, в страданиях, на кресте, и для себя ожидать подобного. Если бдением и молитвою укрепите веру, то пройдете сквозь искушение невредимы. А если вздремнете и в дремоте угаснет молитва – опасность превратится в действительное бедствие. Бдите и молитесь, да не внидете в напасть.

Посему можно думать, что если бы Петр исполнил в точности наставление своего Божественного Учителя и укрепился в бдении и молитве, то во время опасности сохранил бы спокойную непоколебимость и не перешел бы от неуместного дерзновения к малодушной робости, не сделал бы не рассудительного и бесполезного покушения ударить ножом раба архиереева и не был бы доведен празднословием рабов и рабынь до отречения от Христа. Но он воздремал, и от сего произошли последствия, которые он должен был оплакивать горько.

Бдение христианина есть отнятие от естественного сна только времени, сколько можно без расстройства здоровья и как в сие, так во всякое время – возбуждение души к богомыслию, к молитве, к наблюдению за движениями ума, воли, сердца, чувств, чтобы оные непрестанно направляемы были к истинному и доброму, по воле Божией.

Поучительная ночь, в которую Господь Иисус Христос был предан

«Воскресное чтение», 1808

Евангельская история ночи, в которую Господь наш был предан в руки грешников, представляет нам три весьма различные явления: Спаситель бодрствует, скорбит и молится Богу Отцу; ученики Его предаются сну, когда бы надлежало бодрствовать и молиться; Иуда и иудеи бодрствуют, тогда как лучше бы им не бодрствовать и спать. Сии три различные явления, в одну и ту же ночь, в одном и том же месте изображают три рода людей, и каждый из нас непременно принадлежит к одному из сих родов. История необыкновенной ночи, в которую Господь был предан, в первую очередь представляет нам состояние и действия Спасителя. Пришло определенное время страдания; злоба врагов созрела и начала исполнять свой преступный замысел. Господь, совершив последнюю прощальную вечерю со Своими учениками, удалился в уединенное место и, приготавливаясь к страданиям, каким благоволил предать Свое человечество, начал скорбеть и тужить: *Прискорбна есть душа Моя до смерти*, – говорил Он Своим ученикам. Что же делает Он в эти минуты предсмертной скорби? Отойдя немного от Своих учеников, Он пал на лицо Свое, молился и говорил Богу Отцу Своему: *Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты*. Трижды с воплем крепким и со слезами (Евр. 5:7) возносилась эта молитва к Отцу Небесному, и всякий раз оканчивалась полною преданностью Сына воле Отца, готовностью на все страдания за грешный род человеческий. *Отче Мой, аще не может сия чаша мимо ити от Мене, буди воля Твоя!* Трижды прекращалась она, и каждый раз Господь обращался к ослабевшим ученикам и пробуждал их от сна.

Каких людей изображает сказание о сих действиях и состоянии Спасителя? Тех немногих святых Божиих, немногих истинных последователей Иисуса распятого, которые, подражая

Ему, проводят всю жизнь свою в скорбях душевных и страданиях телесных, в произвольных подвигах покаяния и самоотвержения. Взирая на Начальника и Совершителя веры Иисуса, Который вместо предлежавшей Ему радости претерпел крест, посрамление и поругание от грешников, они добродушно подвергаются всем родам посрамлений и поруганий от людей нечестивых, сражаются против зла до крови, подвизаются против греха до смерти (Евр. 12: 2–4). Но среди невероятных подвигов не ропщут на Бога, нисколько не отчаиваются, а с полным дерзновением и сыновним упованием обращаются в молитве к Отцу Небесному, прося у Него благодатной помощи, облегчения и утешения – и во всяком случае, получают ли просимое или нет, всецело предают себя всеблагой и премудрой воле Отца Небесного: *Отче Мой, аще не может сия чаша мимо ити от Мене, буди воля Твоя*. Наконец, у великих угодников Божиих, несмотря на жесточайшие страдания, достаёт сил и времени помогать ближним, вразумлять заблуждающих, возбуждать ослабевающих и утешать скорбящих. Исполняя обязанности к Богу, они не нарушают ни одной обязанности к ближним; строгие к себе самим, они милостивы и снисходительны к другим; страдая сами, желают участвовать в страданиях своих братьев.

История ночи, в которую Господь был предан, представляет другое явление, изображающее другой род людей. Во время молитвенного подвига, бодрствования и страдания Господа ученики Его, склоняемые немощною природою, предаются сну, несмотря на убеждения Учителя. Сон – естественная потребность человеческой природы, а ночь – законное время для сна; но есть случаи, когда нужно отказывать сей потребности, когда необходимо проводить целые дни и ночи без сна и отдыха для славы Божией, для блага и утешения страждущих братьев и ради спасения души своей. Потому-то и Господь требовал от Своих учеников бодрствования и участия в страшные минуты предсмертных Своих страданий. Но они, несмотря на все убеждение Господа, не возмogli бодрствовать с Ним и одного часа; предавались дреманию и почивали тогда,

когда приближался час предания Господа и Спасителя их в руки грешников.

Кого изображает это явление? Всех слабых христиан, которые иногда всю жизнь свою делают временем непробудного душевного сна, ленивы там, где нужно действовать для славы Божией, для блага братьев своих и во спасение души своей, – следовательно, изображает едва ли не большую часть из нас. Страшное, опасное и не угодное Богу состояние; *Тако ли не возмозосте единаго часа побдети со Мною? Вы все спите и почиваете: се приближается час, и Сын Человеческий предается в руки грешников* (Мф. 26:40, 45). Святая Церковь почти ежедневно в продолжение года в Божественной литургии воспоминает страдания Господа: слабые христиане так равнодушны к этому святейшему богослужению, что под разными ничтожными предлогами присутствуют при нем чрезвычайно редко, несколько раз в год. В алтаре христианского храма во время литургии приносится бескровная жертва, совершается тайна, какая не совершается на небе, при которой со страхом и трепетом присутствуют святые небожители, а слабые христиане стоят во храме без всякого внимания и благоговения, без сердечного участия в общей молитве, как будто священнодействие совершается не для них. Церковь, желая, чтобы мы постоянно имели в мысли и пред глазами образ страждущего Господа, изображает страдания Господа на иконах и на стенах храма, заповедует как можно чаще осенять себя крестным знамением, совершает воспоминание о страданиях Господних и поклонение честному и животворящему кресту – что же беспечные, для которых Господь взшел на крест? Все напрасно! Слабые христиане редко даже рассматривают изображения страданий Господних, стыдятся как бы креста Христова, не хотят осенить своего чела крестным знамением, как подобает православному христианину, и вообще остаются холодными, равнодушными и беспечными. *И пришед, Господь обрете их паки спящих: беста бо им очи отяготене* (Мф. 26:43). После Святой Четыредесятницы наступает Страстная Седмица, посвященная воспоминанию страданий и смерти Господа; слабые христиане проводят ее еще хуже

других седмиц и в извинение своей преступной беспечности указывают то на прошедший долговременный пост, будто бы утомивший их, то на приближающийся праздник Пасхи, к которому будто нужно приготовить то и другое, а о страждущем Спасителе вовсе забывают, зова в храм Божий не слышат, чтению евангельской истории и песням церковным не внимают. Потому и к ним относятся слова Спасителя: *Тако ли не возмогосте единаго часа побдети со Мною? Вы все спите и почиваете: се приближается час, и Сын Человеческий предается в руки грешников.*

Третье явление, какое представляет нам истории достопамятной ночи, есть явление странное и страшное! Иуда-предатель и иудеи-распинатели не спят в ночное время, добровольно отказывают естественной потребности своей; но не для молитвы и подвигов, не для славы Божией или пользы ближних, а для удобнейшего исполнения своего коварного замысла – умертвить Господа Иисуса, пролить кровь неповинную, совершить неслыханное злодеяние, распять Святейшего святых. Под предводительством Иуды-предателя со светильниками целая толпа народа ищет одного Иисуса, да Его погубят, не понимая того, что светильники сии освещали и облегчали путь к собственной их гибели. О, лучше бы вовсе не было для них этой страшной ночи! К ним относятся слова премудрого Соломона: *Не уснут, аще зла не сотворят: отымется сон от них, и не спят* (Притч. 4:16).

Кого изображает это мрачное явление? Тех немногих, которые по делам своим, подобно Иуде и распинателям, из беспечных сделались уже закоренелыми и нераскаянными грешниками, ожесточенными преступниками, обреченными на гибель. Таких людей можно узнать по следующим признакам. Они любят зло без стыда и страха; для удобнейшего исполнения злобных замыслов они готовы на всякую хитрость и, подобно Иуде, лобзанием и под видом дружбы предают своих ближних, даже Самого Господа готовы тысячу раз предать и распять; из мелочных своекорыстных расчетов согласны продать весь род человеческий, все святое и доброе, за тридцать сребреников, даже за одно пустое и минутное

удовольствие Об них сказал премудрый: *Не уснут, аще зла не сотворят: отыметя сон от них и не спят. Тии бо питаются пищею нечестия, вином же законопреступным упиваются* (Притч. 4:16–17). Лучше бы им не родиться и не видеть ни дня, ни ночи. Вот три различные явления, случившиеся в одну и ту же ночь, когда был предан Господь, и вот три рода людей, изображаемых сими явлениями.

Иуда-предатель

Архиеп. Иннокентий. «Воскресное чтение», 1802

Иуда – лицо с первого взгляда ужасное и вместе таинственное, состоящее в какой-то особенной, разительной противоположности с достойным лицом Сына Человеческого. Каиниты, конечно, жестоко заблуждались, почитая Иуду за его предательство, совершенное якобы потому, что он один из апостолов обладал прозрением в тайну спасения человеческого смертию Сына Божия; но несогласно с истиной поступил бы и тот, кто захотел бы видеть во всей прошедшей жизни бывшего апостола одно мрачное и преступное. За противное ручается уже его почти четырехлетнее пребывание с Иисусом, *среди напастей и искушений* (Лк. 22:28), когда многие другие оставляли Его (Ин. 6:66–71). Такое постоянство достается в удел не всякому. Сильное раскаяние во грехе, всенародное признание в нем во храме и торжественное свидетельство о невинности осужденного уже Иисуса, подвергавшее Иуду многим неприятным последствиям, так же громко свидетельствуют, что в душе предателя еще была совесть, что рука его умела не принимать только, а и повергать сребреники. Не присоединись к раскаянию отчаяние, встретись с идущим из храма предателем горький плач Петров – и мы, может быть, увидели бы в Искарите ревностнейшего провозвестника Христа, им преданного, полагающего за Него, подобно прочим апостолам, душу свою. Все это и многое другое заставляло отцов Церкви думать, что душа Иуды не чужда была многих добрых чувствований; почему он и был принят в апостолы и причислен к лику двенадцати. Но вместе с тем в душе Искарита был зародыш губительной страсти сребролюбия. То и другое – и похвальная, и предосудительная сторона его характера – могли равно расположить его следовать за Иисусом. Где более, как не в Его Божественных беседах, было пищи для всех благих помыслов и чувствований? При ком, как не при Нем – Мессии, Царе всего мира – удобнее казалось удовлетворить и свою жажду к серебру? И вот Искарит в числе

учеников Иисусовых. Особенности дарования, коими обладал он, вскоре отличают его от других; а он причтен к лику двенадцати. Быть не может, чтобы Иисус, избравший Своих апостолов после всенощной молитвы, среди собеседований с Отцом, не видел, что Он избирает Своего предателя. *Ведяше искони, кто есть предай, Его* (Ин. 6:64), – и, однако, избрал его! Избрал, да сбудется Писание, *яко никтоже от них погине, токмо сын погибельный* (Ин. 17:12).

Постоянная непосредственная близость к Иисусу должна была по свойству сердца человеческого произвести одно из двух – или подавить совершенно страсть сребролюбия в сердце Иуды и сделать его совершенно чистым, подобно прочим ученикам, или произвести в нем тайную, постепенно возрастающую скуку от святого общества Иисусова, заставить его, убегая света, так ярко сиявшего пред очами и освещавшего все шаги его, более и более погружаться в собственную тьму, предаться совершенно страсти. К несчастью, над Иудой сбылось во всей силе последнее. Тогда как прочие ученики, вступив в святое общество Иисусово, оставляли, так сказать, свою собственную жизнь и со дня на день более начинали жить Божественною жизнью Учителя, Иуда остался со своею губельною самостоятельностью. В его уме продолжался мрак неверия; в его сердце лежал лед самолюбия; он продолжал жить собственной жизнью, противоположною жизни Учителя. Средоточием сей противоположности была страсть к деньгам, столь противная духу нищеты и самоотвержения Сына Человеческого. Но самый Искарот ящик сделался ковчегом завета для сребролюбца, из которого сатана давал ему свои откровения, вся область тьмы обратилась на сию душу, находя в ней убежище и твердыню против Того, Кто пришел разрушить дела диавола. Когда Сын Божий восходил от одного подвига к другому, несчастный сын погибели ниспадал от лукавства к лукавству, от измены к измене. Все злое тем глубже внедрялось в душу Иуды, что долженствовало оставаться тайною его совести: совне он был апостол, и, вероятно, самый ревностный...

Учитель, без сомнения, употреблял все средства к исцелению недугующего ученика. Свидетельство тому последняя вечеря. Сколько трогательных и сильных намеков к покаянию! В Евангелии от Иоанна сохранились и другие следы особенного внимания Иисусова к состоянию души Иудиной. Но по причине заключения чувств сердца, занятого страстью, все доброе оставалось на ее поверхности, не было принято и не могло обращаться в сок и жизнь духовную. Прикосновение – самое легкое и дружеское – врачующей руки к ране производило одно внутреннее содрогание и боль.

Может быть, не раз Искарот, выводимый из терпения своею страстью, подобно другим, думал оставить Иисуса. Но невидимые узы все еще держали его до predetermined времени; внутренний голос сильно еще говорил за Учителя. Могла говорить в пользу пребывания с Иисусом и самая страсть, все еще не терявшая совершенно надежды видеть Иисуса-Мессию. Иуда, как ни тяжело было принуждать себя непрестанно, принуждал и оставался.

Последние события, возбуждавшие и в прочих учениках чаяние о близком воцарении Учителя, в Иуде должны были потрясти всю душу надеждою и страхом. «Теперь, – думал Иуда, – не далее должна решиться Его, – по крайней мере, моя участь! Время подумать решительно о своем будущем состоянии». Что же слышит сребролюбец от Учителя в продолжение всех последних дней? Частые предсказания о Его будущих страданиях, и – ни слова о Его Царстве и наградах ученикам! «Первосвященники и фарисеи собираются для совещаний, берут меры, осуждают нас на смерть; а мы ходим туда и сюда без дела, проводим дни и ночи ни над чем. Прекрасное общество, но оно не по Иуде, коему нужно чем жить. Я не их, и они не мои! Каждый пойдем своим путем!» «Но нельзя ли извлечь, – шептал демон, – последней пользы из твоего почти четырехлетнего пребывания с сими людьми? Синедрион весьма дорожит узнанием местопребывания Иисусова – почему не употребить в свою пользу сего вызова? Указание местопребывания не причинит большого вреда Учителю, а тебе послужит в пользу. Посмеют ли стражи

наложить руки на Иисуса? Не в первый раз им возвращаться от Него без успеха. Даже если бы они захватили Его, то во время праздника, по причине народа, не посмеют причинить Ему ничего худого; дело окончится чем-либо неважным, – по всей вероятности, удалением Иисуса в Галилею; а ты можешь получить награду и отличить себя в глазах фарисеев».

Адская мысль принята, и ученик-предатель весь занят сатаной! Не ищите после сего согласия в его действиях; это значило бы искать порядка в аде. Пусть Каиафа не будет обещать ему ничего более тридцати сребреников – сребреники сии покажутся ему горами золота. Вырваться скорее из рая, обратившегося в темницу, кончить, кончить дело, – вот чего хочет душа Иудина, живущий в ней диавол!

Но дело кончено! – Учитель в руках книжников! Посредством неимоверной поспешности они успевают в продолжение ночи сделать два собрания, выслушать лжесвидетелей, произнести осуждение, предать Осужденного Пилату на распятие. Вести о всех сих событиях, подобно громовым ударам, отдаются в душе Иудиной. Разродившись предательством, освободившись от усиленных действий сатаны (который теперь достиг своего в Иуде), душа предателя сделалась теперь как бы праздною и доступною чувству забытого долга. И какой ужасный голос раздается в пустоте сей! Все доброе, на время забытое, в тысяче видах возникает опять, теснится в сердце, подавляет, разрывает его самую полнотою своею; Иуда одно видит, одно слышит: смерть Учителя! Для него нет более стыда и скрытности, все расчеты, самая страсть исчезла, как адское привидение: осталась одна совесть с мучениями! Дружеское участие в сем положении какого-либо священника, какого-либо человека, может быть, остановило бы душу, готовую упасть в ад. От нескольких минут зависело все. Что же слышит самоосужденный предатель? «Смотри сам», – говорят ему с презрением. О, я хорошо вижу, думает он в отчаянии, чего стоит подобное мне чудовище: *Око за око, кровь за кровь*, – говорит сам закон; и первое древо служит ему орудием казни над самим собою.

После сего уже стократ у нее было, дабы не родился ужасно несчастный человек сей!

«Но речет кто: *аще писано есть пострадати Христу сие, то чего ради порицает Иуде: Писания бо сотворил есть?*

Но не тем изволением, а от лукавства. Аще же не изволение его испытывати будеши, то и диавола от согрешения свободиши. Но несть сие, несть. Бесчисленных бо достойны суть мук и сей, и он, аще и вселенная спасется. Не предание бо Иудино спасение нам содела, но Христова премудрость и Его художества богатство, иных лукавства в пользу нам употребляя. Речеши: «Аще и Иуда не предал бы, ин не предал ли бы?» И что сие на предложение? «Яко аще распятися Христу подобаше, чрез некоего подобаше, – речеши, – аще чрез некоего, чрез такова человека всячески: аще же бы вси были блази, не содеялся бы смотрение о нас». Не буди – Сам бо Всепремудрый ведяше, како устроить полезная нам, и сему не собившуся; изобильна бо Его премудрость и непостижима. Сего ради, да не Кто возмнит, яко слугитель смотрения бысть Иуда, окаевает его».

Как согласить виновность Иуды-предателя и незаконных судей Иисуса Христа с Божественным предопределением об искупительных страданиях Его?

(Мф. 22:24; Лк. 24:46–47)

Архимандрит Августин. «Воскресное чтение», 1872

Тако писано есть, говорил Сам необыкновенный Страдалец по Своем Воскресении, и тако подобаше пострадати Христу и воскреснути от мертвых в третий день, и проповедатися во имя Его покаянию и отпущение грехов во всех языцех, наченше от Иерусалима (Лк. 24:46–47). Этим объясняется многое, что может иногда показаться непонятным при чтении или слушании евангельских рассказов о страданиях Христовых: например, то, почему Иисус Христос так легко дал взять Себя посланному за Ним отряду воинов и так мало и как будто неохотно защищался на суде; почему за Него не вступились люди, Им благодетельствованные, исцеленные и воскрешенные; почему Он не сотворил ни одного чуда и даже не сказал ни одного слова во дворце Ирода, куда привели Его от Пилата, тогда как Ирод с большим удовольствием принял Его и того только и ожидал, что вот Он вдруг сотворит пред ним какое-либо поразительное чудо, и от одного этого, может быть, зависело бы Его освобождение; почему Он не сошел со креста, когда толпа кричала: «Сойди с креста, и мы уверуем в Тебя», и т. п. На все эти и подобные им недоумения – один ответ: *Тако подобаше пострадати Христу*, Он должен был пострадать, и именно так, как пострадал.

Но хотя все это так должно было быть и иначе не могло быть, однако этим нисколько не оправдывается неправда и не извиняется злоба и ненависть ко Христу Его предателей, судей, распинателей. Иногда можно услышать между людьми такого рода суждение: чем же виноват Иуда-предатель и за что осуждать его, когда своим предательством он только исполнил предопределение Божие о Христе, помог, так сказать, Иисусу Христу совершить то дело, для которого Он пришел? А тем

виноват Иуда-предатель, что: 1) живя три с половиною года с таким кротким, мудрым и любовным Учителем, он не только не проникся любовью и благоговением к Нему, а, напротив, еще воспитал в сердце своем чувство неприязни и недоброхотства к Нему, – кто его знает уже, из-за чего и за что; 2) тем, что прельстился 30 сребрениками и из-за них коварно выдал врагам если уж не любимого, то по крайней мере невинного и ничем не обидевшего его Учителя. Отсюда видно, что он имел сердце недоброе, душу низкую; по этим-то дурным качествам своим, а совсем не с тем, чтобы исполнить предопределение Божие о Христе, он и совершил свой предательский поступок, и за это осуждается. Наконец, 3) тем еще виноват Иуда, что, сознав гнусность своего поступка, он не залился слезами покаяния, подобно, например, Петру, отвергшемуся и плакавшемуся горько, но поспешил покончить с собой. Подобно Иуде, виноват и Пилат уже тем одним, что сознательно и намеренно совершил суд неправый, из личных видов и расчетов предал на казнь и смерть Того, Кого сам признал невинным праведником, – виноват, говорим, что бы там ни вышло потом после этой казни и смерти. Виноваты и достойны осуждения и эти архиереи и старцы, книжники и фарисеи, решившиеся погубить Иисуса из зависти и злобы, но старающиеся придать этому делу вид законный. Виновата, наконец, и эта толпа, по наущению и подкупу, или только чтобы прислужиться старшим, измышляющая ложные свидетельства, бьющая по ланитам, ругающаяся, издевающаяся, то и дело кричащая: *Распи, распни Его*, предпочитающая разбойника своему высочайшему Благодетелю и, наконец, с глупою радостью ведущая и возносящая Его на крест. Все эти люди, конечно, сделали то, что должно было совершиться, но не потому они сделали это, что так должно было совершиться, а по своим низким страстям, лукавым целям, нечистым видам, мелким расчетам. Они действовали, не имея в виду Божественного предопределения, которого они и не знали и которое исполнили лишь слепо и бессознательно, сами не понимая, что делают; но все же они действовали худо, лукаво, несправедливо, бессовестно и за это, за свое лукавство и нечестие, они и виновны и достойны

осуждения. Всеблагий и Премудрый и из зла умеет извлекать добро, и посредством злобы людской часто достигает Своих высочайших спасительных целей; но от этого зло несколько не перестает быть злом, не теряет своей мерзости в очах Божиих и в понятиях добрых людей и все-таки заслуживает осуждения и наказания. Итак, обо всех этих людях, обо всем этом незаконном соборнице нечестивых судей, обвинителей и распинателей Иисуса следует сказать то же самое, что сказал Он Сам об Иуде-предателе: *Сын убо Человеческий идет, якоже есть писано о Нем, горе же человеку тому, имже Сын Человеческий предается* (Мф. 26:24). Горе и этому незаконному соборнице, хотя оно своими руками совершило то, что имело совершиться со Христом по Писаниям и было предопределено о Нем от вечности.

Суд первосвященников

Иисус на суде у первосвященников

(Мф. 26:57–75; Мк. 14:53–72; Лк. 22:54–71; Ин. 18:12–27)

Иисуса Христа сперва завели по дороге к тестю и товарищу первосвященника Каиафы, Анне. Этот, рассчитывая найти в словах Иисуса какое-нибудь основание для обвинения, стал расспрашивать Его об Его учении и учениках. «Я говорил публично, – отвечал Иисус, – постоянно учил в синагогах и во храме, куда отовсюду собираются иудеи, Я ничего не говорил втайне. Что же ты спрашиваешь Меня? Спроси слышавших, о чем Я говорил им: они очень хорошо знают это». Ответ обличал в первосвященнике отступление от судебного порядка следствия; поэтому один из служите лей, чтобы подслужиться первосвященнику, ударил Иисуса по щеке иска-зал с искусственным негодованием: «Так-то ты отвечаешь первосвященнику?» «Если Я худо сказал, то покажи, что худо, – кротко возразил Иисус, – а если хорошо, за что же ты бьешь Меня?»

Когда привели Иисуса к Каиафе, здесь, несмотря на ночное время, собрался уже почти весь синедрион. Когда Иисус предстал перед Своих судей, смерть Его была уже решена, нужно было только найти благовидное основание для приговора. За неимением основания стали вызывать доносчиков. В желающих угодить властям не могло быть недостатка: доносчиков являлось много, но все их обвинения были так нетверды, так очевидно ложны, так противоречили всем известному характеру Обвиненного, что судьи при всем желании своем не могли принять их во внимание. Наконец, явились два доносчика и сказали, указывая на Иисуса: «Он говорил, что разрушит этот рукотворенный храм и через три дня воздвигнет другой, нерукотворенный». Это обвинение, очевидно, было извлечено из предсказания Иисуса о Своей смерти, о тридневном воскресении, которое Он три года тому назад изрек после того, как враги Его, раздраженные изгнанием из храма торговцев, потребовали у Него знамения в оправдание такого самовластного образа действия. Но доносчики с

умыслом исказили слова Иисусовы, чтобы в них можно было найти посягательство на безопасность храма и религии. Но и в этом даже виде слова Иисусовы могли подать повод к обвинению Иисуса в самохвальстве и более ничего, и следовательно, отнюдь не могли служить основанием для смертного приговора, даже просто для судебного исследования. Иисус на это ничтожное обвинение, так же как и на прочие, ничего не отвечал. Однако первосвященник за неимением лучшего воспользовался этим обвинением и, встав с места, вышел на середину, где стоял Обвиненный, и спросил Его, едва сдерживая гнев: «Что ж Ты не отвечаешь? Разве не слышишь, что они свидетельствуют против Тебя?» Ответа не было. Вне себя от гнева первосвященник воскликнул: «Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам: Ты ли Мессия, Сын Божий?» На такой торжественный, именем Божиим сделанный, вопрос, и притом относительно истины, для утверждения которой Иисус и жил, Он отвечал: «Да», и прибавил словами пророка Даниила о Мессии: «Отныне (в последующих событиях) вы увидите Сына Человеческого, с едящего одесную силы (Божией) и грядущего на облаках небесных». Несмотря на то, что Иисус Христос давно оправдал такое свидетельство о Своем Божественном достоинстве, оно было принято за богохульство. С притворно благочестным ужасом первосвященник растерзал на себе одежду и воскликнул: «Он богохульствует: на что нам еще свидетелей? Вот теперь вы слышали Его богохульство, как вам кажется?» «Повинен смерти!» – воскликнуло все собрание.

После приговора отдали Иисуса слугам. Буйная толпа вывела Его на двор и начала над Ним ругаться: Его поносили, били, плевали Ему в лицо; другие к побоям и оскорблениям присоединили язвительную насмешку: закрыв Ему глаза и ударив по щеке, спрашивали: «Угадай, Мессия, кто Тебя ударил?» На все эти оскорбления Божественный страдалец отвечал безмолвным терпением. Так прошла ночь. Наутро синедрион в полном составе уже собрался для произнесения формального приговора. Ввели Иисуса. Еще раз официально повторили прежний вопрос: «Ты Мессия?» «Если Я скажу: да, – отвечал Иисус, – вы не поверите; если сделаю вам вопросы

(обличающие ваше неверие), вы не будете отвечать Мне и (ни в каком случае) не отпустите Меня. Отныне Сын Человеческий воссядет одесную силы Божией». «Так Ты Сын Божий?» – спросили Его. «Да», – отвечал Иисус. «Какое еще нужно нам свидетельство (о Его богохульстве)? – вскричали судьи. – Вот, мы сами слышали из уст Его».

Так высшее судилище иудейское приговорило к смерти своего Мессию.

Примирение разностей в евангельских сказаниях о суде над Иисусом Христом у духовной власти

Диакон Кудрявцев. «Христианское чтение», 1867

Из сада Гефсиманского Господь, по сказанию всех четырех евангелистов, отведен был на суд духовный к первосвященнику, но так как первосвященников было в то время два, один, так сказать, заштатный, именно Анна, а другой действительный, именно Каиафа, то между повествованиями евангелистов и открылось кажущееся разногласие в определении того, к какому первосвященнику отведен был Иисус первоначально: к первосвященнику ли Каиафе, как говорят первые евангелисты, или к первосвященнику Анне, как говорит евангелист Иоанн? Если мы сопоставим эти повествования, то мы скоро заметим, что повествования первых евангелистов не могут исключать повествования евангелиста Иоанна. Из всех трех первых евангелистов, только евангелист Матфей назвал первосвященника Каиафою; что же касается других, то они выражались довольно обще. Евангелист Марк говорит, что Господь отведен был просто к первосвященнику, а евангелист Лука, что Он отведен был первоначально к первосвященнику, а потом в синадрион. Значит, и первые евангелисты не говорят решительно, что он отведен был к первосвященнику Каиафе, и значит, вполне допускают возможность того, что Господь был первоначально у первосвященника Анны. Следы такого пребывания особенно можно отыскать у евангелиста Луки. Он говорит, что сперва ввели Иисуса в дом первосвященника, где не было суда в собственном смысле, а где только ругались над Ним и били Его, а потом ввели в синадрион, где уже собственно начался формальный допрос. В этих двух изображениях духовного суда нельзя не узнать, с одной стороны, суда у первосвященника Анны, где и не могло быть суда в собственном смысле, где могли действительно только ругаться над Ним, и суда у первосвященника Каиафы, который как первосвященник лета того собрал синадрион и уже начал судить формально. За достоверность такого пребывания у первосвященника Анны

могут ручаться и другие обстоятельства. Так как Анна был тесть Каиафы и так как он был первосвященник старейший, то нет ничего удивительного, если Каиафа, желая отдать честь своему тестю, приказал отправить Иисуса предварительно к нему. И если бы такого пребывания у первосвященника Анны не было, то трудно было бы объяснить, что могло побудить писателя Евангелия вставить этот новый факт и опустить другой, более выгодный для его целей. Допустить, что он не знал – нельзя; он сам говорит, что от Анны Господь отведен был к Каиафе. Допустить, что он намеренно опустил – тоже нельзя. Пребывание у первосвященника Каиафы, где Господь прямо назвал Себя Богом, прямо относилось к той цели, какую имел в виду евангелист (20:31). Итак, остается предположить, что евангелист опустил этот факт и занялся другим, поскольку знал, что о пребывании у Каиафы уже известно, а о пребывании у Анны ничего еще не было сказано. Итак, на основании сказанного мы можем принять, что Господь был сперва у первосвященника Анны, а потом у первосвященника Каиафы.

Искупительное значение суда над Иисусом Христом пред Каиафою и Пилатом

Прот. Гречумвич. «Странник», 1867

Искупительную силу и значение суда и осуждения, которому благоволил подвергнуться Господь наш Иисус Христос, можно видеть: 1) *из прямого отношения этого суда к Суду Божию над первыми преступниками – прародителями* падшего рода человеческого; 2) *из учения Святой Церкви, которая в различных обстоятельствах суда над Иисусом Христом* находит таинственный смысл, указывая, как во всех внешних действиях выражалось здесь совершение дела искупления.

1. В самом деле, если сравним Суд Божий над падшими человеками с этим судом человеков над Восстановителем падшего рода человеческого, Сыном Божиим, то найдем ближайшее, так сказать, *мздовоздаятельное соотношение* между первым и последним.

И прежде всего, а) что были за *причины*, по которым прародители наши оказались *виновными*, а Иисус Христос *обвиненным*?

И там, и здесь главною причиною была *зависть*. *Завистию диавалею смерть вниде в мир*, говорит Премудрый (Прем. 2:24). Не позавидуй диавол блаженству человека, он не стал бы и искушать его в раю, и наши прародители не оказались бы *виновными*. По зависти предан был и Иисус Христос.

Ведяше Пилат, по свидетельству евангелиста, *яко зависти ради предаша Его* (Мф. 27:18), Иисуса Христа, иудеи – те, которым Сам Господь сказал некогда: *Вы отца вашего диавола есте и похоти отца вашего хотите творити, он человекоубийца бе искони* (Ин. 8:49).

А затем и там и здесь, влекли невинных в погибель *коварство, ложь и клевета*.

Сколько коварства было в лукавых словах древнего змия: *что яко рече Бог: да не ясте* (Быт. 3:1). Мало ли коварства было и в словах иудеев, предуготовлявших, так сказать, осуждение Иисуса Христа: *Рцы нам: что Ты ся мнит?*

достойно ли есть дати кинсон? и т. п. (Мф. 22:17–18; ср. 26:4) и на самом суде: *Аще Ты еси Христос, Сын Божий* (Мф. 26:63)?

Гнусная ложь слышалась в словах змия: *Не смертью умрете*, и проч. Не менее гнусная ложь высказывалась и в лжесвидетельстве иудеев на суде Каиафы (Быт. 3:4; Мф. 31:59)!

Черная клевета на Бога слышна в словах дьявола: *Ведяше бо Бог*. А сколько самой черной клеветы высказано было иудеями на Господа Иисуса Христа в обвинениях Его пред Пилатом (Быт. 3:5; Лк. 23:2) и проч.!

б) Далее, в чем сделался *виновен* падший человек и в чем обвинен Иисус Христос?

Сущность *вины* наших прародителей, нарушивших заповедь Божию, состояла в том, что они возжелали быть *яко бози, ведяще доброе и лукавое*, – присвоить себе *царственную власть* над самими собою и действовать по своей воле, а не по воле Божией (Быт. 3:5). И Спаситель обвинен был, хотя и не был виновен, в присвоении Себе звания *Сына Божия*, равного Богу (Ин. 19:7), тогда как Он *не восхищением непщева быти равен Богу* (Флп. 2:6), обвинен в возмущении против власти и *посягательстве на царское достоинство* (Лк. 23:2), тогда как то и другое обвинение была одна клевета!

в) Обратим теперь внимание на *свойства и действия на суде лиц подсудимых*.

Виновные прародители, позванные на Суд Божий, обнаруживают в нем все признаки греховности, рабский страх, лукавство и т. п. (Быт. 3:10, 12–13). *Обвиняемого* на суде человеческом Иисуса Христа даже виновники Его осуждения – сам игемон Пилат, даже предатель Иуда (Мф. 27:24, 4), признают *невинным, праведником*.

Виновные прародители на суде *молчат*, когда бы нужно было говорить на слова Господа: *Где еси*, – и исповедать грех свой; и *говорят*, где лучше было бы им молчать, – когда лукаво оправдывают себя и тем еще более увеличивают вину свою (Быт. 3и след.). Обвиняемый на суде Иисус Христос говорит, *егда подобало рещи слово* (Ис. 50:4), когда нужно было исповедать истину или обнаружить заблуждение, ослепление

врагов Его, и молчит, когда требовалось явить Свою невинность, и без всякого оправдания очевидную.

г) Посмотрим на участь, какой подсудимые подверглись на суде.

Господь Судия обрекает праматерь на болезни чадорождения, и праотца – на пожатие *терния и волццев* от той земли, которую должен возделывать в поте лица (Быт. 3:16–19). Иисус Христос на суде отдает плечи Свои на *болезненные раны* и после кровавого пота (Лк. 22:44) венчается *тернием*, выращенным землею, *проклятою в делах человека*.

Осужденных праотцев Господь Судия облек в *кожаные ризы*. Это, с одной стороны, видимый знак поругания за грех, так как они заменили собою райскую одежду невинности, а с другой – остаток царственного их величия, так как кожаная риза – некоторая дань со зверей, созданных на службу человека – царя (Быт. 3:21). И когда, таким образом, вместо райской одежды невинности наши прародители облеклись в одежды кожаные, Бог сказал: *Се Адам бысть, яко един от Нас, яко Бог, еже разумети доброе и лукавое* (22). И Господь наш Искупитель облачен был на суде в *ризу багряную* – одежду поругания, а вместе и таинственное знамение царственного Его величия. И когда в таком виде, в такой багрянице, изъязвленный, венчанный тернием, Он представлен был народу, – Пилат воскликнул: *Се человек!* (яко един от нас). *Се, Царь ваш* (Ин. 19:5:14)!

Осужденные прародители осуждены были на смерть (ст. 19). И на Иисуса Христа изречен был приговор: *Повинен смерти, – должен есть умереть* (Мф. 26:66; Ин. 19:7).

Враг первозданных, вовлекший их в бездну виновности, поражен был от праведного Судии *проклятием* (Быт. 3:14). *Проклятие* на себя и на свое семя или потомство изрекли и распинатели Иисуса Христа: *Кровь Его*, кричали они, *на нас и на чадех наших!* (Мф. 27:25).

Но милосерд Господь и на самом действии правосудия: *возвестив бедствия*, Он в то же время и *утешил их надеждою* на избавление. Той обетованный Сын Девы *сотрет главу змия* (Быт. 3:15). Иисус Христос терпел суд, страдания и унижение,

но в то же время и указывал на грядущую славу Свою, на Свою власть судить мир: *Отселе узрите Сына Человеческого сидяща одесную силы и грядуща на облаках небесных* (Мф. 26:64). Видно было, что здесь-то, при Его суде и осуждении, сбывается обетование, дарованное праотцам на самом суде их!

Нет сомнения, что такое разительное соотношение между Судом Божиим над первыми людьми и судом человеческим над Адамом вторым совершенно согласно с тою мыслью, что этот последний суд есть суд искупительный.

2. Искупительность суда, совершившегося над Иисусом Христом, ясно можем видеть, по указанию Святой Церкви Христовой а) *в различных обстоятельствах этого суда*, – в орудия тех страданий, которым Господь Иисус благоволил подвергнуться на нем, и б) *в некоторых обстоятельствах*, сопровождавших суд.

а) Святая Церковь не только вообще учит, что Христос благоволил подвергнуть Себя суду и осуждению, чтобы нас избавить от осуждения за преслушание, но и дает особенное значение всем тем истязаниям, какие Господь претерпел от врагов, осудивших Его на смерть, так что и узы Христовы, и ударение Господа в ланиту, и оплевание Его, бесчестие, покрытие лица, заушение, разоблачение, венчание тернием, облачение в багряницу, вручение Ему трости и т. п. в священных песнопениях Церкви выражает символическое значение страданий Спасителя.

Иисус Христос, Сын Божий, *послушлив быв Отцу* (Флп. 2:8), *судится и осуждается* для того единственно, чтобы избавить Адама и его потомство от осуждения за преслушание (Постн. триодъ: Велик, понед. утр., по 2 стихосл.; Октоих гл. 3; нед. кан. п. 5 тр. 1; гл. 2; нед. кан. п. 7, тр. 1).

Иисус Христос был связан для того, чтобы нас разрешить от уз греховных и от клятвы, а врага диавола связать узами (Окт. гл. 4, пят. кан. п. 4, тр. 1; там же п. 8, тр. 1; Вел. пят. на Госп. воззв. и ныне, Окт. гл. 8 сред. кан. п. 6, тр. 2; гл. 4, пят., кан. п. 8, тр. 1. Гл. 5, ср. кан. п. 8, тр. 2. Гл. 8, среда, кан. п. 6, тр. 2).

Иисус Христос претерпел ударение в ланиту от раба, чтобы нас освободить от рабства диавола (Гл. 4, пят. кан. п. 3, тр. 2).

Иисус Христос понес оплевание и бесчестие, чтобы нас почтить обесчестившихся (Октоих, гл. 4, сред. кан. п. 6, тр. 1).

Иисусу Христу покрывается лице – для очищения греха Адама, преступившим видением, – «во отъятие падения, еже подъят Адам, украден быв, видения ради» (Гл. 6, вторн. на Госп. воззв. сг. 2), – а в отношении к врагам Его – как бы во исполнение слов Самого Бога: *скрыю лице Мое от них* (Втор. 32, ср. 2Кор. 3).

Иисус Христос заушается, чтобы заушить злобу древняго змия и избавить нас от его лести (Гл. 6, сред. кан. п. 7, тр. 1. Гл. 6, четв., на Госп. воззв., ст. 2).

Иисус Христос разоблачается (в претории), чтобы нас обнаженных облечь в одежду нетления и обнаружить врагии коварства (Гл. 5, сред. кан. п. 7, тр. 2. Гл. 8, пят. кан. п. 5, тр. 1).

Иисус Христос венчается тернием – для того, чтобы, с одной стороны, искоренить терние Адамова преслушания и проклятия и насадить в нас семена богоразумия, а с другой – чтобы искоренить в самом естестве нашем терние страстей, и, наконец, чтобы потребить царство лукавого.

Иисус Христос облачается в багряницу, яко Победитель диавола и Икупитель, прикрывающий грехи человеческие и восприимлющий царство мира.

«Когда, – говорит святой Афанасий Великий, – совлекли с Господа одежды и облекли Его в багряницу, то чрез это самое невидимо воздвигался трофей над диаволом. Чудо новое и невероятное, знамение величайшей победы! Кого в посмеяние и поругание били и облекли в триумфальные украшения, багряную ризу и венец терновый, Тот по сему самому, облеченный такого рода одеждою, шел на смерть для того, чтобы явить, что Он одержал победу, и не тщетно, но ради нашего спасения, яко Икупитель». «Своею багряницею, – замечает блаженный Иероним, – Он прикрывает кровавые дела язычников». «Чрез багряную ризу, – прибавляет святой Кирилл

Александрийский, – как бы ознаменовалось, что Христос посредством веры воспримет царство мира».

Иисус Христос *приял в руки трость, чтобы написать нас в книге живота и укрепить Своею Божественною силою нашу слабость*, которой символ – трость, а с другой стороны, для того, чтобы *написать святотатство иудеев и сокрушить врагов Своих* (Октоих, гл. 3, четв., на Госп. воззв., ст. 2).

«Трость приемлет Христос в руки, – говорит святой Амвросий, – для того, чтобы *слабость человеческая уже не колебалась*, подобно трости, ветром колеблемой, но, подкрепленная делами Христовыми, была бы тверда, или, по сказанию евангелиста Марка, тростью били Его по голове, – для того, чтобы от сильнейшего соприкосновения нашего состава» (изображаемого тростью) «к Божеству, не мог Он уже поколебаться».

«Трость держал Христос в руке, – по словам блаженного Иеронима, – для того, чтобы *написать святотатство иудеев*».

б) Особенное значение святые отцы видели и в некоторых обстоятельствах, сопровождавших суд над Иисусом Христом.

Так, *в участии иудеев и язычников* в этом суде они видели указание на то, что оправдание, приобретенное Христом чрез Его осуждение, имело принадлежать как иудеям, так и язычникам. Это мысль святого Иоанна Златоуста.

В примирении Пилата и Ирода по случаю предоставления ими друг другу суда над Иисусом Христом святые отцы видели значение того, что вследствие осуждения и крестных страданий Иисуса Христа, *имеют примириться два враждовавшие народа*, которых представителями здесь были Пилат и Ирод. «Христос, – говорит святой Амвросий, – как бы знаменуя, что имеет примирить крестом два народа, иудейский и языческий, убив вражду в Себе Самом, благоволил показать это даже чрез примирение, последовавшее по случаю суда над Господом!»

В незаконном раздрании Каиафою первосвященнической одежды видели конец ветхозаветному первосвященству, пред лицом великого архиерея по чину Мелхиседекову. «Каиафа, – рассуждал святой Лев Великий, – для усиления ненависти к

ответу Иисуса Христа растерзал ризы свои и, не разумея, что он выражал этим безумием, лишил себя таким образом первосвященнического сана. Где ум души твоей, Каиафа? Где пояс воздержания? Где нагрудник добродетелей? Ты сам себя разоблачил от таинственного и священного одеяния и собственными руками незаконно разорвал архиерейские одежды. Когда уже отчуждался от тебя этот сан, ты сам сделался обличителем своего позора и вместе обнаружил кончину древнего постановления».

Наконец, в предпочтении Иисусу Христу Вараввы иудеями, «единонравными» сему последнему, святые отцы и учителя Церкви видели некоторое предзнаменование того, что и пред кончиною мира неверные иудеи вместо Христа изберут антихриста. Так рассуждали блаженный Иероним и святой Амвросий. «Имя *Вараввы*, – говорит святой Амвросий, – значит: *сын отца*. И его-то избирают те, которым сказано: *Вы отца вашего диавола есте*, – избирают сына своего отца вместо истинного Сына Божия и тем предобразуют, что и пред кончиною изберут вместо Христа антихриста».

Изъяснив таинственный смысл некоторых принадлежностей суда над Господом Иисусом Христом, блаженный Иероним делает такое заключение: «подобно тому, как Каиафа сказал, что Одному надлежало умереть за всех, не ведая, что говорил, – и они все вообще соучастники в осуждении Спасителя, что ни делали, *хотя и с другим намерением делали*, однако нам, верующим, представили нечто таинственное».

Подобным образом и мы, показав значение суда над Господом Иисусом Христом, можем сделать из сказанного справедливое заключение, что, действительно, тогда как виновники осуждения Иисуса Христа, прикрываясь личиною законности, на самом деле допускали беззаконие за беззаконием, они же, сами не ведая, творили то, что должно было совершиться и совершилось *по* премудрым законам благодати Божией, от вечности предопределившей даровать оправдание грешному человеку чрез осуждение единого Всеправедного.

Отречение Петра и слезы его

(Мф.26:69–75 и параллельные)

Предсказание Христа об отречении Петра сбылось со всею точностью. Петр был на дворе первосвященническом в то время, когда под председательством первосвященника происходит незаконный суд над Иисусом. Петр хотел скрыть от находившихся на том же дворе, что он ученик Иисуса. Но лицо его, выражавшее глубокую скорбь и мучительный страх за судьбу Учителя, возбудило против него подозрение в окружавших его. Сперва привратница спросила его: «Не из учеников ли ты Иисуса Назарянина?» Петр сказал: «Не знаю Его и не понимаю, что ты говоришь». Это был час полуночный, и запел петух. Потом слуга архиерейский сказал Петру: «Ты из учеников Иисуса». Петр опять отрекся от Него, и даже с клятвою. Через час уличил его в том, что он из учеников Иисуса, родственник Малха, которому Петр отрубил ухо в саду Гефсиманском. «Не я ли видел тебя с Иисусом в саду?» – сказал он Петру. Петр пришел в крайнее смущение. Сначала он притворился, будто не понимает, о чем говорят ему, потом начать божиться и клясться, что не знает Того Человека. Это было третье отречение; вслед затем опять запел петух. Но в то же время Господь Иисус, выведенный на двор из дворца первосвященнического, обратился туда, где стоял Петр, и посмотрел на него. Этот взор любви и укора проник в сердце малодушного ученика. Он вспомнил слова Господа: «Прежде чем петух пропоет два раза, три раза ты отречешься от Меня», – и *изшед вон плакася горько*. Это был плач грешника, мучимого раскаянием в грехе малодушия и измены Господу. Грех отречения от Христа Петр загладил, когда во время одного из явлений Иисуса Христа по воскресении на троекратный вопрос Иисуса: «Любишь ли Меня?» – отвечал троекратным изъявлением своей неизменной любви к Нему. Но память греха, чувство виновности пред Иисусом были так сильны в Петре, что он, как говорит предание, до самой смерти каждый раз при полночном пении петуха повергался на землю с горькими

слезами о содеянном грехе и вел суровый образ жизни, питаясь какою-то горькой травой. Кроме того, свое раскаяние и неизменную преданность Иисусу он запечатлел апостольскими трудами в распространении Евангелия с неизбежными за них страданиями от неверующих и, наконец, мученической кончиною.

Примирение разностей в евангельских сказаниях об отречении Петра

Диакон Кудрявцев. «Христианское чтение», 1867

По сказанию святого Матфея, отречение апостола Петра в течение всех трех раз происходило во дворе Каиафы, происходило после суда и произнесения приговора синедрионом. В первый раз оно произошло по поводу вопроса рабыни, во второй раз по поводу вопроса другой рабыни, и, наконец, по поводу вопроса стоявших около него (Мф. 26:67–75). Евангелист Марк передает это обстоятельство точно так же, как и его предшественник, с тем только различием, что поводом к отречению во второй раз он поставляет вопрос той же рабыни, которая предложила его и в первый раз (Мк. 14:66–72). Евангелист Лука значительно уклоняется от своих предшественников. Он не говорит, во дворе какого первосвященника происходили отречения, а просто, что они происходили на дворе первосвященника. О времени отречения он замечает, что оно было до суда синедриона и что последнее отречение было через час после двух первых. Что касается лиц, послуживших поводом к отречению, то он указывает, что это были: сперва служанка, потом некий другой, и, наконец, еще некий (Лк. 23:54–60). Евангелист Иоанн еще более уклоняется, чем евангелист Лука; он говорит, что одно отречение было прежде суда, другие же два – после; что первое было еще во дворе первосвященника Анны, а другие два были на Дворе первосвященника Каиафы. Что касается лиц, то он говорит, что Первым поводом был вопрос служанки, но служанки придверницы, вторым поводом были стоявшие у огня, а третьим поводом был вопрос родственника того Малха, которому апостол Петр отрезал ухо. Уже из одной той определенности, какая находится в повествованиях последнего евангелиста, достаточно можно видеть, на стороне которого из повествований находится больше преимуществ. Если же мы войдем в более глубокий разбор повествований, то эти преимущества взойдут на степень несомненной очевидности.

Прежде всего замечательно то, что евангелист указывает при этом на присутствие того «другого ученика», о котором евангелист не раз уже говорил и который был, без сомнения, не кто иной, как он сам. Это замечание, значит, прямо показывает, что подробности дела более ему известны, чем кому-либо. И действительно, ничего не может быть натуральнее того изображения обстоятельств, какое он дает. Если, как мы сказали, пребывание Господа у первосвященника Анны не только возможно, но и необходимо, то, очевидно, необходимо и то, чтобы одно из отречений было на дворе этого первосвященника. Так как апостол Петр неотступно решился следовать за своим Учителем, то немыслимое дело, чтобы он не подвергся испытанию при первом шаге во двор архиерея; немыслимое дело, чтобы вход в этот двор был открыт в то время для всех без изъятия. Так и передает евангелист Иоанн. Он говорит, что первое отречение было не тогда, когда Петр стоял у огня, а тогда, когда он решился еще только вступить во двор архиерея. Оно было от служанки-привратницы. При этом он делает такое замечание, которое прямо показывает, что он не хочет сказать что-либо новое, а что желает только уяснить повествования своих предшественников. Когда он вообще говорил, как Петр вступил во двор архиереев, он называл впустившую просто привратницей; когда же нужно было говорить об отречении, он прибавляет, что это была раба-придверница: ἡ παιδίσκῃ ἡ θυρωρός. Эта приставка прямо показывает, что он имеет в виду точнее определить, кто была та раба, о которой говорят первые евангелисты. В изображении дальнейших обстоятельств отречения евангелист опять ничего не говорил такого, что не было бы известно отчасти из сказания первых евангелистов.

Евангелист Иоанн говорит о том, что два отречения были уже на дворе первосвященника Каиафы; но и первые три евангелиста говорят то же, только менее ясно. По сказанию евангелистов Матфея и Марка, Господь после первого отречения Петра вышел. Куда же это, спрашивается, Он вышел и что за причина такого выхода? Причины такого выхода нельзя придумать, конечно, никакой другой, как только ту, о которой

говорит евангелист Иоанн, что Он перешел во двор другого архиерея. Что же касается того, что, по Евангелию от Иоанна, апостол Петр является стоящим как будто при том же самом огне, который был разведен на дворе первосвященника Анны, то это только кажущееся представление. Текст мало говорит за единичность места, а огонь мог быть по причине холода как на дворе первосвященника Анны, так и на дворе Каиафы. Дальнейшие разности в указании лиц, послуживших поводом к двум дальнейшим отречениям, не могут быть названы даже и разностями. Вся разность состоит в том, что евангелист Иоанн неопределенные выражения «некий, некоторый» прямо заменяет именами. Он прямо говорит, что этот некий был родственник того Малха, которому Петр отрезал ухо. Итак, и здесь не остается никакого места недоумению, и здесь остается призвать полную гармонию в евангельских повествованиях.

Урок покаяния в Великом каноне св. Андрея Критского: *яко Петр, плачу горце*

«Душеполезное чтение», 1881

Подобно Петру, и ты, грешная душа, должна оплакивать свои грехопадения. Их у тебя много, от них не свободны и величайшие праведники. Петр прежде всего согрешил самонадеянностью, с какою уверял Христа, что никогда не изменит Ему. Она-то и ввела его в беду, сделала его бессильным в борьбе с искушением, – он не взвесил своих сил для этой борьбы, не соразмерил их с тяжестью ее и не подготовился к ней смирением, бдительностью и молитвою, – он слишком понадеялся на себя, что постоит за себя в случае опасности. Опасность грозила ему не от одних людей, опаснее людей был сатана. Христос не скрывал от Петра и от прочих учеников грозящей им последней опасности. Он говорил им, что сатана уже просил у Него дозволения сеять их, как пшеницу, то есть разогнать их, а в саду Гефсиманском, когда уже так близка была к ним эта опасность, предостерегал их от нее наставлением: «Бдите и молитесь, чтобы не впасть в искушение. Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26:41). Самонадеянный Петр не воспользовался этими предостережениями и пал от своей самонадеянности, прочие ученики Христовы только разбежались, а он отрекся от Христа. Вопросы себя, грешник, не увлекаешься ли и ты, подобно Петру, самонадеянностью? Не мечтаешь ли одними собственными силами побеждать искушения, без помощи благодати Божией, и потому не молишь о ней Бога? Бойся – не случилось бы с тобою, что случилось с самонадеянным Петром. И если уже, подобно Петру, ты собственным опытом изведal, как опасно полагаться на одного себя при встрече с искушением, то да послужит для тебя этот горький опыт вперед наукою. Смирись пред Господом и, подобно Петру, оплачь свое заблуждение и падение. «Яко Петр, плачу горце», – говори Господу и, смиренно исповедуя пред Ним свою немощь, усердно моли Его, да не

введет тебя в искушение, да не оставит тебя одного вести брань с искушителем.

Падение Петра само по себе, независимо от самонадеянности, было тяжело, ибо состояло в отречении от Христа, и весьма пагубно, ибо «кто отвергается Мене перед человеками, тот отвержен будет пред Ангелами Божиими» (Лк. 12:9), рек Христос. Вопросы себя, грешник, не оскорбляешь ли Христа подобным грехом? Не относишься ли ко Христу так же, как и те нечестивцы, которые, по слову апостола, «говорят, что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и не способны ни к какому доброму делу» (Тит. 1:16)? По делам твоим можно ли узнать, что ты верный ученик Христа, неизменно пребываешь в том союзе с Ним, в который вступил в день крещения, отрекшись в то же время от диавола и всех дел его? Покорен ли ты заповедям Христовым и вместо добрых дел, предписываемых ими, не творишь ли дел, угодных диаволу? Нося имя христианина, не живешь ли по-язычески? Принадлежа к Церкви Христовой, не следуешь ли правилам и обычаям мира, враждебным ее учению и постановлениям? Не готов ли подчас стать на сторону врагов Христа и Его Церкви, выражая сочувствие к их богохульным мнениям и речам, если не по внутреннему убеждению, то из человекоугодия и из опасения показаться в их глазах отсталым и невеждою? Если совесть обличит тебя во всем подобном, то знай, что ты виновен во грехе отречения Петрова. Быть может, она обличит тебя и в другой вине, не менее тяжелой. Петр отрекся от Христа только устами, а не сердцем: в сердце его не иссякала ни вера во Христа, ни любовь к Нему и преданность. Таков ли ты в отношении ко Христу? Укорял Господь некогда израильтян чрез пророка: «Приближаются ко Мне люди устами своими и чтят языком, сердце же их далеко отстоит от Меня» (Ис. 29:19; Мф. 15:8). Не заслуживаешь ли и ты упрека в подобном лицемерии в отношении ко Христу? Не чишь ли Его одними устами и другими внешними знаками, но сердце твое или совсем чуждо веры и любви к Нему, или же ни тепло, ни холодно к Нему? Если действительно таково твое состояние, пойми, как оно пагубно, – оно пагубнее отречения Петрова – и, подобно Петру,

оплачь свой грех. Слезы появились в очах Петра, как только воззрел на него Господь. Взор благодати Божией, призывающей к покаянию, всегда готов осиять нас. Не закрывай, грешник, твоих очей от лица Божия, даже ищи лица Божия, умоляй Господа, чтобы воззрел на тебя оком Своего милосердия и лучами Своей благодати осветил мрак души твоей и растопил ледяную кору твоего сердца. Петр согрешил однажды, но всю жизнь помнил свой грех и оплакивал его. Так поступил и Давид, который тоже согрешил однажды, но свой грех имел пред собою выну во все дни жизни своей. Подражай Петру и Давиду и вместе с ними говори Господу: горько я плачу. Господи, при мысли о грехе, которым оскорбил Тебя. Прими мои слезы, как принял Петровы и Давидовы.

Об отречении Петра

Св. Исидор Пелусиот. Творения свв. отцов. Тв. Исидора Пелусиота

Первоначальный в апостолах, троекратно отрекшись Господа, указал тем на грех всех человеков, троекратно отвергшихся Сотворшего: и когда дана первая заповедь, и когда постановлен закон писанный, и когда воплотилось Слово – Бог наш. И сей-то грех исцелил троекратным также покаянием, и врачевство предложив соответственное язве и показав, что врачеванием всех зол соделалось Господне пришествие.

Слова *прежде даже алектор не возгласит* (Мф. 26:34) значат: прежде нежели воссияет день во скресения; потому что пение сих птиц бывает слышно, когда приближается заря, но на земле еще тень. Посему пред наступлением живоносного восхода птичий голос соделался обвинителем в отречении, давая разуметь как исчезновение ночи проклятия, так и воссияние света жизни.

Что род человеческий троекратно отступил от Бога, сие дал разуметь и Сам Господь, сказав, что троекратно приходил Он и не находил плода на смоковнице (Лк. 13:7), все повреждение которой уврачевал в Себе Самом, определив, чтобы смоковница не приносила уже более плод преступления.

Первое отступление есть нарушение заповеди, повелевающей не вкушать от древа, еже *посреде рая* (Быт. 3:3). Второе злочестие во время закона – приверженность евреев к тельцу. А третье нечестие во время благодати – отречение сказавших: *Не имамы царя токмо кесаря* (Ин. 19:15) и отвергшихся Господа славы.

Погибель Иуды

(Мф. 27:2–7)

Муретов. «Православное обозрение», 1883

Когда связанного Иисуса, уже осужденного синедрионом на смерть, отвели к прокуратору, тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? Смотри сам. И, бросив тридцать сребреников в храме, он удалился и, ушедши, удавился. На брошенные сребреники синедрион положил купить изрытую землю горшечника для погребения странников (Мф. 27:2–7). Лука в книге Деяний приводит речь апостола Петра, в которой сообщает некоторые дополнительные подробности относительно смерти Иуды: предатель низринулся, так что расселось чрево его и выпали внутренности (Деян. 1:18). В этом сказании книги Деяний некоторые находят противоречие со сказанием Матфея и на этом основании отрицают достоверность факта. Правда, глагол ἀπήγξατο у Матфея означает «повесился, удавился» (ср. Гом. «Од.», 11:230; Геродот 7:322; Ксеноф. Киропед. 3:1,14); а πρηνής γεγόμενος в книге Деяний – «низринулся, упал сверху вниз». Но нет никакой необходимости видеть здесь два различных предания о смерти Искарота, как Мейер, и тем менее отрицать достоверность самого факта. Сказание книги Деяний и Евангелия Матфея легко могут быть примирены двояким предположением: а) Иуда мог низринуться с высокого дерева, на котором совершено самоубийство посредством удушения, причем от сильного сотрясения могло рассестись чрево его и выпасть внутренности; б) выражение апостола Петра «низринулся» можно понимать в фигуральном значении, то есть вообще погиб, пал; последнее предположение приобретает особенную вероятность в виду того, что это выражение употреблено апостолом в речи, а не в историческом рассказе, и находит себе аналогию и параллель в

непосредственно пред ним стоящем фигуральном выражении «приобрел землю неправедною мздою».

Покаяние Иудино

«Воскресное чтение», 1829

Увидев Иуда, предавший Иисуса, яко осудиша Его, раскаявся, возврати тридесять сребренники архиереем и старцем, глаголя: согреших, предав кровь невинную (Мф. 27:3–4). Что это в душе Иуды: покаяние ли в страшном преступлении его или нет?

В этом признании, в этом открытом сознании Иуды видны все признаки начального раскаяния. Его упрекает совесть, он чувствует страшные мучения ее, он не может и не хочет затаить и задушить в себе эти мучения, он отвергает сребренники, послужившие искушением для него к совершению страшного преступления, и хотел бы вместе с сребренниками сбросить с себя вину своего преступления; он делает это не тайно, а идет к тем, которые подкупили его, и пред ними публично сознается, что он согрешил, потому что продал кровь неповинную.

Что же последовало затем за этими первыми движениями сознания, раскаяния и самоосуждения в совести Иуды? Что случилось с ним потом?

И поверг сребренники в церкви, отъиде, и шед удавился (Мф. 27:5). Конец неожиданный. Это не плод его раскаяния, которому нельзя отказать в прямоте, искренности, силе и живости. Отчего же это так вышло? Отчего начало раскаяния во грехе кончилось ожесточением и самоубийством? Чего не доставало в раскаянии Иуды, чтобы оно кончилось покаянием, благотворным и спасительным для него?

Иуда не туда обратился с своими чувствами раскаяния, с мучениями своей совести, куда призывает человека истинное покаяние.

Он обратился к архиереям, подкупившим его на зло. Он думал найти в этих людях одобрение своему поступку, подкрепление, утешение себе в борьбе с совестью и покровительство себе, в котором он чувствовал нужду теперь как изменник дружбе и чувствам избранного общества великого своего Учителя и Чудотворца. Но эти люди с презрением и с

холодным равнодушием отнеслись к раскаянию презренного сребролюбца: «Что нам задело до тебя, до твоих чувств и твоего положения? – сказали они ему. – Сам смотри, что выйдет из твоего поступка» (Мф. 27:4). Иуда не встретил ничего соответствующего своему душевному состоянию в подстрекателях и участниках его злодеяния.

Иуде следовало бы теперь, как и прежде того, прямо обратиться к Богу со своим раскаянием, с мучениями своей совести, повергнуться пред Его беспредельным милосердием и изливать свою скорбь душевную в молитве о помиловании и в слезах покаяния, и именно в молитве и в слезах покаяния, потому что истинное покаяние в злодеянии не может быть без молитвы и слез; если нет этих проявлений покаяния, простое раскаяние совести в беззаконии бывает бесплодно. У Иуды не было молитвы и слез покаяния пред милосердным Богом, и он удавился. Апостол Петр, отрекшийся Господа, плакал в чувстве истинного раскаяния о своем грехе, плакал горько, – и помилован Господом. Горе и муки падшей и кающейся души изливаются и облегчаются слезами покаяния и молитвы; душа умягчается и делается еще способнее плакать и молиться; и милосердие Божие, касаясь больной души своею благодатью, полагает начало внутреннего мира, примирения с совестью.

Путь простого раскаяния в тяжком преступлении, раскаяния, которое бывает плодом невольного потрясения и угрызения совести, без молитвы и слез покаяния пред Богом большею частью кончается самоубийством мучимых совестью преступников.

Если же преступник не приходит к такому несчастному концу, то не приходит и к покаянию. Болезнь души от времени утихает и остается навсегда достоянием заглохшей совести. Такой преступник делается смелее в совершении других преступлений и переносит их уже без болезни душевной, – совесть у него убита. Если он когда-либо возвращается к покаянию, то покаяние это бывает вследствие особых потрясений души, которые зависят от одной милости Божией. В том и другом случае много значат участники преступления и первые советники, к которым обращается Преступнике больной

и потрясенной душой. Худо делают те, которые стараются успокоить и усыпить больную совесть такими советами и развлечениями, с помощью которых время утишает тревогу совести. Они помогают преступнику делаться преступником ожесточенным. Такие преступники с дерзкою отвагою совершают преступления и не мучатся уже совестью, а открыто, с самодовольством хвастаются злодеянием. Еще хуже делают те, которые без всякого участия, с холодным презрением относятся к раскаянию потрясенной совести преступника. Они помогают ему сделаться самоубийцей.

Вот пример истинного, дружеского участия в опасном состоянии преступника, участия, от которого зависело покаяние и спасение его. Опекун сиротского имущества по жадности к богатству растратил достояние сирот и чрез это сделался виновником разврата и преждевременной смерти без покаяния трех сирот. Совесть содрогнулась у злого опекуна, когда узнал он о плачевной гибели окраденных сирот, и начались невыносимые муки ее. Преступник открыл болезнь своей души доброму товарищу по торговле, который не был участником в преступлении бесовестного опекуна, но догадывался о злостной растрате им сиротского имущества. Друг высказал душевное участие в душевной болезни преступника и те спускал с него глаз. Положение преступника час от часу становилось опаснее, и он не скрывал, что думает наложить на себя руки. Умный и благочестивый друг поспешил привести несчастного к пути покаяния путем молитвы. Тайно открыв дело священнику, друг больного преступника как бы мимоходом завел его в отпертую церковь, где, по условию со священником, не было никого, кроме сторожа, который выметал пол в притворе церкви. Друг остановился с больным пред иконою Распятия Господа среди двух злодеев. Преступник стоял пред иконою, машинально крестился, до не видно было покаянного движения его души; зато не трогался он с места, чтобы выйти из церкви. Друг стоял на коленях и горячо молился о спасении преступника. В душе преступника произошло особое волнение, которое обнаруживалось глубокими вздохами. Друг зажег свечу пред иконою Распятия и, указав больному на распятых

разбойников, промолвил, что один из них спасся, а другой погиб. Больной содрогнулся. Зажженная свеча была знаком, по которому церковный сторож должен был позвать священника в церковь. Когда вошел священник, больной заглушил свои вздохи и затаился в себе. Друг не хотел терять минут и попросил священника служить молебен о спасении погибающего. Больной не находил в себе сил освободиться из-под влияния друга в виду священника, повиновался и молился. Среди молебна у него пробились слезы, и он в рыданиях упал на колена и молился. После молебна он сам открылся священнику, отдал себя в его волю и просил его открыть ему путь примирения с Господом. Преступник спасен.

Итак, болезненное раскаяние в преступлении еще не покаяние. Это покаяние – покаяние Иудино. Раскаявшемуся Иуде не доставало слез и молитвы, чтобы истинно покаяться и найти спасение в милосердии Божиим.

Великий Пяток

Иисус Христос на суде у Пилата

(Ин. 18:28–38; Мк. 15:1–5; Лк. 23:1–4; Мф. 27:2, 11–14)

Прот. Богословский

Так как у синедриона римским правительством отнята была власть предавать кого бы то ни было смерти, то они связали Иисуса; все множество их поднялось из дома Каиафы; повели своего Узника в преторию, то есть в дом правителя. В это время правителем был римский чиновник, наблюдавший в особенности за доходами казны, или иначе прокуратор, называвшийся Понтием Пилатом. Члены синедриона, приведшие Иисуса Христа к Пилату с тем, чтобы испросить Ему смертную казнь, не вошли в преторию, потому что в претории произносились смертные приговоры, и они, вошедши в нее, боялись оскверниться, а им по вечеру надлежало закалать и есть пасхального агнца. Пилат вышел к ним вон и спросил: «В чем вы обвиняете Этого Человека?» Они отвечали: «Если бы Он не был злодей, то мы не предали бы Его тебе». Должно быть, члены синедриона надеялись, что они делают великую честь прокуратору своим появлением у претории и что достаточно одного их слова, дабы он выполнил их ожидание. Но он, не слышав обвинения и не видя улики на Обвиняемого, сказал им: «Возьмите же Его вы и судите Его по вашему закону». На это иудеи сказали ему: «Нам не дозволено никого предавать смерти». И чтобы доказать, что Иисус повинен смерти, начали уверять Пилата такими словами: «Мы нашли, что Он развращает народ и запрещает кесарю дань давать, называя Себя Христом Царем». Пилат спросил Его: «Ты – Царь Иудейский?» Он отвечал: «Это правда». После такого ответа Пилат вошел в преторию, призвал Иисуса и опять спросил Его: «Царь ли Ты Иудейский?»

Когда Иисус принял наименование Царя Иудейского пред членами синедриона, это значило, что Он выдает Себя за Мессию, Которого иудеи ожидал как Царя своего; но когда Пилат теперь спрашивает Его наедине, в устах прокуратора римского слово «царь» означало искателя земного царства,

который замышляет свергнуть владычество римлян и воцариться в Иудее. Если бы эти замыслы были, то Пилат, Который, уже семь лет живя в Палестине, не мог не знать от своих лазутчиков о возмутительном нраве и о всех враждебных движениях иудеев, и, во время праздников присутствуя в Иерусалиме, без сомнения, усугублял бдительность надзора за иудеями, должен был бы иметь о них, если не самые верные, то хотя какие-нибудь сведения.

Иисус Христос отвечал ему: «От себя ли ты это говоришь или другие тебе сказали обо Мне?» (то есть: «Сам ли ты, вследствие каких-нибудь известий, полагаешь, что Я ищущий царства, или иудеи тебе рассказали о Моих мнимых замыслах, которых, как тебе лучше всякого известно, вовсе не бывало?»). Пилат сказал на это: «Разве я иудей, (что буду верить их мечтам о появлении царя-завоевателя из среды их? Но) Твой народ и первосвященники предали Тебя мне. (И этому должна же быть причина. Если Ты действительно не домогался царства, то) что (же) Ты сделал?» Иисус Христос отвечал: «Царство Мое не (имеет ничего общего с царствами) этого мира. Если бы Царство Мое было такое же, как и все царства земные, то служители, охраняющие Меня, стали бы сражаться за Меня и не допустили бы до того, чтобы Я впал в руки иудейского синедриона. (Уже из этого видно, что) Царство Мое не здешнее». Пилат сказал Ему: «Но все же, Ты – Царь?» Иисус Христос отвечал: «Правда, Я – Царь. Я для того родился, для того и в мир пришел, чтобы свидетельствовать об истине; и всякий, кто сочувствует истине и любит истину, (это Мой подданный, он) слушает голоса Моего». Пилат, который теперь ясно видел, что он имеет дело не с искателем царства, а с учителем народным, или, как называли таких римляне и греки, с философом, и который, должно быть, не очень расположен был к труженикам и глашатаям истины, на слова Иисуса Христа отозвался с пренебрежением: «А что такое истина?» – как бы давая этим разуместь: «Стоит ли заниматься тем, о чем слышишь только споры и от чего не видать никакой выгоды?» Сказав это, он опять вышел и говорит первосвященникам и народу: «Я никакой вины не нахожу в Этом Человеке». Первосвященники и старейшины начали повторять и

распространять свои обвинения. Иисус Христос не возражал. Пилат с просил Его: «Что же Ты ничего не отвечаешь? Видишь, как много на Тебя обвинений!» Но Иисус Христос все ничего не отвечал, так что Пилат весьма дивился (отчего Он не защищается, когда очень легко мог бы опровергнуть клевету).

Иисус Христос на суде у Ирода

(Лк. 23:5–12)

Между многими обвинениями главное было то, будто Иисус возмущает народ, распространяя Свое учение по всей Иудее, начав с Галилеи, и вот, даже до Иерусалима. Пилат, услышав о Галилее, спросил: «А разве Он галилеянин?» Иудеи подтвердили, что Он из области Иродовой. В это время галилейский тетрарх по случаю праздника был в Иерусалиме. Пилат и Ирод были во вражде между собою, которая, без сомнения, была усилена недавним избиением галилеян близ жертвенника. Прокуратор искал примириться с Иродом, а тетрарх давно искал случая видеть Иисуса, о Котором он слышал много удивительного. Пилат как нельзя лучше воспользовался настоящими обстоятельствами. Чтобы отклонить от себя это неприятное дело, а вместе с тем и приобрести расположение Ирода, он послал к нему Иисуса. Ирод, увидав Узника, обрадовался; он надеялся теперь увидеть от Него какое-нибудь чудо. Стал расспрашивать Его о многом, но Иисус Христос на все вопросы его молчал, несмотря на то, что первосвященники и книжники, стоя тут, сильно обвиняли Его. Кончилось тем, что Ирод со своим двором, наругавшись над Ним, облек Его в белую одежду (как одевались искавшие консульства в Риме, в знак того, что это неопасный искатель царства) и отослал Его назад к Пилату. Таким образом, Ирод не увидел чуда, но Пилат приобрел дружбу Ирода.

Быста же дру́га Ирод же и Пилат в той день с собою: прежде бо беста вражду имуща между собою

(Лк. 23:12)

«Воскресное чтение», 1823

Вот замечательная черта в картине мира, который нигде так ясно не обнаружил своего сердца, как при встрече лицом к лицу с Божественною Истиною, во дни страданий и смерти Сына Божия.

Ирод и Пилат были во вражде между собою. А благоразумие говорит: «Имей врагов, сколько можно, меньше; чья дружба тебе бесполезна, того вражда может быть вредна. Итак, покупай мир, но ценою по возможности дешевою; старайся поменьше уступить твоих прав и не роняй своего достоинства». Далее, мир рассуждает: «Какая мне нужда до человека простого, до человека бедного?»

Судя по этому, мог ли Пилат купить мир у Ирода дешевле, как сослав к нему галилейского пророка? Со стороны Пилата это было вежливое внимание, которое польстило Ироду, а дело Подсудимого для него было маловажно. Какая ему нужда была до бедного и страждущего Иисуса? Положим, что Он постраждет лишний час, положим, что Он потерпит несколько лишних поруганий; что нужды до этого? Ведь это не какой-нибудь богатый и славный гражданин Рима.

Может быть, в ту же неделю какой-нибудь знатный римлянин, находившийся при Пилате, задумывался, как бы помирить своего господина с Иродом, потому что их ссора может помешать их увеселениям во время великого праздника, к которому готовился Иерусалим; может быть, он перебрал в своем уме десятки различных предположений. Но что для этой цели может быть употреблен бедный Иисус, это ему и в голову не приходило. Как дивны пути Божии! Как они совершаются не по человеческим соображениям!

Мир! Чем ты ни пользовался для достижения своих целей? И к чему ты ни употреблял смиренных праведников Божиих?

Слезы исторгаются, когда читаем истории святых и видим их отношение к миру.

Голова великого праведника, которого уважали и люди мира, приносится духом мира в подарок девице за приятные танцы. И вот, тому же властителю, который сделал этот кровавый подарок, в свою очередь дух мира присылает в подарок Того, Которому помянутый праведник не достоин был *сапоги понести* (Мф. 3:11). Как это лестно! Как тут не произойти дружбе! *Быста же друга Ирод же и Пилат в той день с собою.*

Здесь мы видим все твое сердце, о несчастный мир! Ты равнодушен к участи бедного и незнатного; ты не считаешь его достойным своего внимания; ты позволяешь себе пользоваться им, как простою вещью для достижения своих целей; ты забываешь долг и правду, когда дело касается лица незнатного.

Ты говоришь, жалкий сын мира: «Пусть этот Подсудимый и не виноват, я и сам знаю, что Он предан суду неправо, *зависти ради*: я и сам *ни коеяже обретаю вины в Человеце Сем* (Лк. 23:4); но что же тут особенного, если Он понесет лишнюю беду, лишнее оскорбление, лишнюю насмешку; а между тем я чрез это восстанавливаю дружбу с человеком полезным для меня? Притом же мне скучно разбирать это судебное дело; оно не представляет для меня никакой пользы; Подсудимый беден: так отошлю Его к человеку, которого суду хоть Он прямо и не подлежит, но который желает *от многа времени видети Его* (Лк. 23:8) и которому будет приятна моя вежливость. А право ли порешит этот человек дело или нет, это вопрос вторичной важности: об этом я могу не беспокоить себя. Я только надеюсь таким образом восстановить с ним добрые отношения». *Посла Его к Ироду. Быста же друга Ирод же и Пилат в той день с собою* (Лк. 23:7, 12).

Мы не знаем, за какое правое дело поссорились между собою Пилат и Ирод, но видим, что дружба между ними восстановлена делом, противным человеческой совести и Божественной правде: страданиями и поруганиями Праведника, Которого они сами признавали невинным (Лк. 23:4, 15). Так сыны мира в один день делаются друзьями, когда единодушно заглушают в себе голос совести и презирают дело Божие.

Но посмотрим на другую сторону события. В этот день Пилат и Ирод сделали друзьями, – Пилат как представитель язычников, Ирод как представитель иудеев. В истории страданий нашего Спасителя нет ни одного события, которое бы не имело высшего знаменования и которое не открывало бы нам дивных путей Божественного Промысла. Читая книгу апостольских Деяний и наблюдая, как иудеи и язычники входят в Христову Церковь, в которой примиряются и составляют одно тело и один дух во Христе, мы невольно возвращаемся к свидетельству святого Луки, что Пилат и Ирод сделали друзьями с того дня, как они судили Иисуса Христа: *прежде бо беста вражду имуща между собою*.

Ирод и Пилат сделалась друзьями чрез Иисуса Христа: опять, какое знамение! Не видим ли уже здесь, что Иисус Христос уничтожает *средостение* между миром языческим и иудейским, что Он разрушает вражду *плотию Своею*, предавая ее на биение и поругание? Не видим ли уже здесь, что Он есть *мир, сотворивый обоя едино* (Еф. 11:14)?

Пусть же сыны мира играют делом Божиим; пусть они презируют его, этим они только себя повергают в вечную погибель. А дело Божие не зависит от них: оно совершается по вечному совету Триипостасного Бога. Не Пилат и не Ирод вознесли Агнца Божия на жертвенник; они только хлопотали о восстановлении расстроенной приязни, хотя бы за счет совести и долга. Всеблагий Отец Небесный так возлюбил человека, что не пощадил Своего Возлюбленного Единородного Сына, поэтому христианин в истории страданий и смерти своего Спасителя видит Сына Божия, свободно землющего грехи мира, грядущего на вольную смерть, не вынужденную человеческим произволом; поэтому он молится, благоговеет и проливает слезы благодарения и покаяния, читая эту священную историю.

Второй суд у Пилата

(Лк. 23:13–23; Мк. 15:6–14; Мф. 27:15–23; Ин. 18:39–19:12)

Прот. Богословский

Когда Иисус Христос приведен был от Ирода обратно на суд к Пилату, тогда Пилат позвал первосвященников, начальников и народ, и сказал им: «Вы привели ко мне Этого Человека как развратителя народа. Вот, я при вас расспрашивал и решительно не нашел, чтобы Этот Человек виновен был, в чем вы Его обвиняете, и Ирод также. Потому что я посылал Его к Ироду, оказалось, что Он не сделал ничего, за что заслуживал бы смертную казнь. Итак, я, наказав Его, отпущу». А ему и надлежало, по заведенному порядку, ради праздника Пасхи (в память освобождения евреев из Египта) отпустить одного узника, на которого укажет народ. Народ уже и имел в виду одного узника, по имени Варавву, который в это время содержался в темнице с другими сообщниками за какое-то убийство в городе, произведенное ими во время мятежа. И так как народ, собравшись пред домом правителя, начинал кричать и просить того, что всегда для них делали, то Пилат и задумал воспользоваться этим случаем к освобождению Иисуса. Он знал, что первосвященники предали Его из зависти, и полагал, что народ будет рад освободить Его. И потому сказал народу: «У вас есть обычай, чтобы я одного (узника) освобождал вам ради Пасхи: хотите ли, я отпущу вам Царя Иудейского – Иисуса, называемого Христом?» (Между народом начались переговоры).

Между тем, когда Пилат сидел на судейском месте, жена его, которую предание называет Клавдиєю Прокулою, прислала ему сказать: «Не делай ничего Этому Праведнику; потому что я ныне во сне много пострадала за Него».

В это время первосвященники и старейшины научили народ просить, чтобы лучше отпустили им Варавву (который, должно быть, выставлен был перед ними как ревнитель их отечественной свободы), а Иисуса (Который возбудил было такие ожидания, а теперь и Сам спасти Себя не может)

погубили. Итак, когда Пилат обратился к народу за ответом, кого отпустить им, они закричали все: «Не Его, но Варавву». Пилат говорит им: «Что же мне делать с Иисусом, Которого вы называете Христом, Царем Иудейским?» Они опять закричали все: «Распять, распять Его!» Пилат сказал им: «Какое зло сделал Он? Я ничего достойного смерти не нашел в Нем. Наказать накажу Его; но отпущу». Но они еще больше стали кричать: «Распни Его!» И превозмог крик народа и первосвященников.

Тогда Пилат приказал бичевать Иисуса. Между тем воины, сплетши венец из терния, надели Ему на голову, и облекли Его в багряницу; и начали приветствовать: «Здравствуй, Царь иудейский!» и били Его по щекам. Пилат опять вышел и говорит им: «Вот, я вывожу Его к вам, дабы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины». Тогда выведен был Иисус в терновом венце и багрянице. Пилат сказал им: «Смотрите: человек!» Но только что увидали Его первосвященники и служители, как закричали: «На крест, на крест Его!» Пилат говорит им: «Возьмите Его вы и распните; а я не нахожу в Нем вины». Иудеи отвечали ему: «У нас есть закон, и по нашему закону Он заслужил смерть; потому что выдал Себя за Сына Божия».

(Не успевши оклеветать Иисуса Христа в возмутительных намерениях против римского правительства, иудеи, не теряя из вида своей цели, теперь клеветают на свой закон. В их законе нигде не говорится, что если придет Мессия и назовет Себя Сыном Божиим, то Он подлежит смерти; а говорится, что если кто станет пророчествовать именем Господа и пророчество не сбудется, то такого лжепророка должно предать смерти. Между тем члены синедриона ничем не доказали, что слова Иисусовы не исполнились; напротив, все предсказанное Им доселе сбывалось, и некоторые из Его пророчеств о Его смерти в руках язычников и о Его воскресении они твердо помнили. Известие, что Иисус выдавал Себя за Сына Божия, произвело на Пилата сильное впечатление. Он сам был свидетелем Божественного спокойствия на лице и невозмутимой твердости в духе предстоящего Узника; мог слышать о чудесах Его; поневоле должен был припомнить необычайный сон жены своей и ее

заботливое предостережение; и очень вероятно, что все это смешалось в его мыслях с баснословными рассказами язычества о явлениях полубогов между смертными).

Пилат был в большом замешательстве. Он поспешил в преторию вместе с Иисусом и спросил Его: «Откуда Ты?» (то есть: «Какого Ты происхождения? Не усвояешь ли Ты Себе родства с существами, высшими человека?») Что было отвечать на это язычнику, который о превечном рождении Слова из Отца и постичь не мог, а о бессемейном воплощении от Пречистой Девы Марии и слышать не должен был?). Иисус Христос не дал ему ответа. (Оскорбленный таким молчанием) Пилат (несмотря на тайный страх) говорит Ему: «Ты мне не отвечаешь? Ты не знаешь, что в моей власти распять Тебя и в моей власти отпустить Тебя!» Иисус Христос отвечал: «Надо Мною ты не имел бы никакой власти, если бы тебе не дано было свыше; потому более греха на том, кто предал Меня тебе».

Должно быть, в Пилате осталась уверенность, что Иисус не простой человек, потому что он настаивал отпустить Его. Но члены синедриона, со своей стороны, решительно заметили ему: «Если тыпустишь Его, то этим самым покажешь, что ты не благоприотствуешь кесарю. (Ты покровотельствуешь Тому, Кто называет Себя царем. Но известно, что) всякий, называющий себя царем, противник кесарю».

(Эти слова, которые напомнили Пилату, что в Риме царствует подозрительный Тиверий, окончательно заставили прокуратора решиться предать смерти Иисуса. Но, дабы показать, что он действует не по принуждению и чтобы отмстить за косвенную угрозу, он хотел поругаться над их верованием в Царя-Мессию и унизить их, унизив Иисуса).

Пилат вывел Иисуса из претории перед народ, сам сел на возвышенном месте, которого помост был выстлан разноцветным мрамором. Время было перед полуднем. И говорит Пилат иудеям: «Смотрите: Царь ваш!» Но они закричали: «Казни! Казни! На крест Его!» Пилат им говорит: «Как? Царя вашего на крест?» Первосвященники отвечали: «Нет у нас царя, кроме кесаря!»

Пилат, видя, что ничто не помогает, напротив, волнение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, промолвив: «Не виноват я в (пролитии) крови Этого Праведника: вы отвечайте!» На это весь народ ответил криком: «Кровь Его на нас и на детях наших!»

Таким образом, Пилат решил быть по их прошению. Имея свои причины угодить народу, он отпустил им Варавву, о котором просили, несмотря на то, что Варавва содержался под стражею за возмущение и убийство, а Иисуса бичевал и предал на распятие.

О суде Пилата и о подражателях ему

Иеромонах Августин. «Воскресное чтение», 1831

Шумно волнуется народ иудейский. Целую ночь и следующее затем угрю Водит он своего Господа связанным по улицам и стогнам города, от одного судилища к другому, от другого к третьему; на судилищах бессовестно клеветает, явно лжесвидетельствует на Него и открыто и нагло требует Его казни. Слепая толпа то и дело кричит: *Возми, возми, распни Его!* Лукавые первосвященники и старейшины с гордою важностью полагают: *Мы закон имамы, и по закону нашему должен есть умереть.* Постоянные ученики Его, могшие быть лучшими свидетелями о Нем на суде, в страхе и ужасе разбегаются, оставив Его на волю врагов, на произвол судьбы. Среди всей этой суматохи один только Пилат, казалось бы, беспристрастно относится к делу. Он прямо и неоднократно свидетельствует, что в Обвиняемом он не находит решительно никакой вины; мало того, он даже принимает некоторые меры к тому, чтобы как-нибудь успокоить народную ярость и злобу и покончить это дело без пролития невинной крови. Пилат был главным начальником Иудеи; от него зависело окончательное решение судебного дела над Иисусом; можно было поэтому от его беспристрастного голоса и принятых им мер ожидать совсем иного оборота для несправедливого дела. Но... известно, чем и как кончилось это дело: тот же самый Пилат подписал смертный приговор Тому, в Ком не находил никакой вины, осудил на казнь злодея Того, Кого сам признал праведником. Что же это значит? Что заставило этого, доселе такого рассудительного и беспристрастного судью вдруг перемениться в отношении к Подсудимому и поступить с Ним вопреки своим убеждениям, против своей собственной совести? Евангелист говорит, что Пилат до тех пор отклонял свой приговор над Иисусом, пока иудеи не представили ему такого возражения: *Аще сегопустиши, неси друг кесарев* (Ин. 19:12); другой евангелист замечает, что Пилат осудил Иисуса Христа на распятие, *хотя народу хотение сотворити* (Мк. 15:15). Итак, вот что заставило

Пилата бессовестно поступить с Иисусом: он хотел угодить этим своему начальству и народу, боялся потерять благосклонность к себе и кесаря римского, и общества иудейского в случае несогласия с лукавою волею синедриона. Угодничество и ласкательство побудили его решиться на бессовестный поступок и, обманывая себя и других, он только умывает руки пред народом, в знак своей мнимой невинности в бесчестном деле! И нашими действиями и отношениями к ближним очень часто заправляет то же чувство угодливости, какое было в Пилате, и так же часто побуждает и заставляет нас действовать против долга, против чести, против совести, нередко – прямо ко вреду и гибели других. Казалось бы, чувство угодливости меньше всего способно вредить людям. Ведь на то оно и чувство угодливости, что хочет угождать людям; но на деле большею частью выходит совсем напротив. Это оттого, что в основе его лежит обыкновенно не любовь христианская, а самолюбие человеческое, не самоотвержение евангельское, а лукавая самоугодливость; поэтому оно ищет угодить главным образом самому себе, и если угождает другим, то не всем и каждому, а лишь некоторым, и не так просто, без ничего, а непременно с какою-нибудь заднею целью: угодить же самому себе и еще кой-кому другому часто можно, лишь вредя другим.

В проявлениях религиозного чувства угодничество сопровождается часто такими действиями, которые суть в своем роде осуждение Иисуса Христа на распятие и смерть. У вас, например, есть друг, зараженный неверием; вы часто бываете свидетелем его кощунственных речей, его противорелигиозных действий, в душе вы совершенно иначе убеждены и настроены, чем ваш друг, но вместо того чтобы заградить ему уста, по крайней мере напомнить ему, чтобы он не слишком уж завирался, вы или молчите при всех его богохульных выходках, или же еще и поддакиваете ему одобрительною улыбкою, утвердительным знаком, сочувственным словом, иногда и делом, небольшим грешком совместно с ним, вроде нарушения поста и т. п. Как же можно перечить другу: еще, пожалуй, оскорбишь его этим! Так лучше уж оскорбить Бога вместо него...

Апостол Павел сказал о себе: *Аще бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (Гал. 1:10). Быть может, это сказал он потому, что в его время общество человеческое состояло по преимуществу то из иудеев, то из язычников: нельзя было тогда остаться верным Христу и в то же время угодить какому-нибудь еврею, угодить язычнику и пребыть верным рабом Христовым. В обществах христианских каково наше, казалось бы, должно быть иначе, потому что здесь все – рабы Христовы. Однако слово апостола имеет значение свое и в наше время, приложимо и к нашему христианскому обществу. И теперь не может быть Христовым рабом тот, кто из угодничества не говорит правды там, где следует, говорит ложь и неправду, которой никогда никому говорить не следует, кто лестью и угодничеством пролагает себе дорогу в жизни и на этой дороге не щадит доброго имени, чести и благосостояния всякого встречного, кто из угодничества боится сказать слово в защиту осмеиваемой и поругаемой религии и готов даже сам пристать к ее ругателям. Будем же всегда помнить это слово апостольское и отвергнем от себя всякое угодничество, низость, лесть, ласкательство, пресмыкательство, так противные нашему христианскому призванию. *Куплени есте ценою*, говорит тот же апостол, *ценою крови Сына Божия, поэтому не будите раби человекам* (1Кор. 7:23)...

О том, что не следует безусловно доверять суду общественного мнения

(Мф. 27:22–25)

Иннокентий, митр. Московский. Из Слова в Великий Пяток

Глагола Пилат Иудеом: что сотворю Иисусу глаголемому Христу? Глаголаша ему еси: да распят будет. Игемон же рече: кое убо зло сотвори? Они же излиха вопияху, глаголюще: да пропят будет. Видев же Пилат, яко ничтоже успевает, но паче молва бывает, прием воду, умы руце пред народом, глаголя: неповинен есмь от крове Праведного Сего: вы узрите. И отвечающе еси людие, реша: кровь Его на нас и на чадех наших (Мф. 27:22–25). Так завершался суд над Святейшим святых – суд гласный, всенародный. Голос народа, требовавший позорной смертной казни Господа, превозмог над голосом судии, вполне сознавшего невинность Подсудимого и употребившего несколько мерк Его оправданию. *И устаяху, замечают святые евангелисты, гласи неистовой толпы, и посуди Пилат быти прошению их и предаде Его им, да распнется, и поемше Иисуса, ведоша (Лк. 23:23–24; Ин. 19:16)* и, истощивши над Ним все виды злобных насмешек и ругательств, *распяша Господа славы.*

За что? Никто не ведал и ведать не хотел. Вопияли, правда, во время суда некоторые: *Мы закон имамы, и по закону нашему должен есть умереть (Ин. 19:7);* но, по слову Самого Господа, они не ведали, что творили, – не разумели, конечно, что и говорили. Последним ответом на вопрос судии: *Кое убо зло сотвори,* – в чем виноват Он? – в устах всех было усиленное восклицание: *мы все хотим этого, – они же излиха вопияху, глаголюще: да пропят будет,* – все на себя берем ответственность в этом деле, в чем бы ни состояла она: *кровь Его на нас и на чадех наших.* И слабодушный судия, желая сделать угодное народу, *предаде Иисуса, да пропнут Его.*

Не то было за три дня пред этим. *Приближаешся праздник опреснок, глаголемый Пасха (Лк. 22:1).* По закону Моисееву, к этому празднику должны были собираться в Иерусалим иудеи,

не только жившие в Палестине, но и рассеянные по всем странам мира. И действительно, многие, в особенности жившие в отдаленных странах, еще задолго до праздника *взыдоша во Иерусалим да очистятся* (Ин. 11:55). Слава об учении и чудесах, совершаемых Иисусом Христом, пронеслась по всей Палестине и далеко за пределами ее. Многие были очевидцами Его чудотворений, другие были лично знакомы с Ним, иные только слышали о Нем как о великом чудотворце. Естественно, что при таком положении *пророк Галилейский*, как большинство называло Господа, быть предметом общего внимания и разговоров. Пришедшие издалека на праздник еще задолго до праздника искали Его и допытывались друг у друга: как вы думаете, не придет ли Он на праздник? (Ин. 11:56). Незадолго пред тем совершенное Им в особенности поразительное чудо – воскрешение четверодневного Лазаря – еще более возбудило общее внимание. Наконец, за шесть дней до Пасхи приходит Иисус в Вифанию, *идеже бе Лазарь умерый, егоже воскресил от мертвых*: признательные сестры воскресшего устрояют для Него там вечерю. Слух о сем тотчас же достигает Иерусалима, и вот *народ мног от Иудей, сошедшихся к празднику, разумев, яко ту есть, приидоша не Иисуса ради токмо, но да и Лазаря видят* (Ин. 12:9). Наутро Господь торжественно входит в Иерусалим. Народному восторгу нет предела: Его встречают с ваиями и ветвями, Ему постилают одежды свои по пути; предшествующие и сопровождающие Его восклицают: *Осанна Сыну Давидову: благословен грядый Царь во имя Господне: мир на небеси и слава в вышних!* (Мф. 21:9; Лк 19:38). К восклицаниям взрослых присоединяются и голоса детей, зовущих и глаголющих: *Осанна Сыну Давидову!* (Мф. 21:15). Когда Господь вошел в Иерусалим, *потрясая весь град, глаголя: кто есть сей* (Мф. 21:10) Самые закоренелые враги Господа должны были затаить в себе свою злобу и зависть к Нему, и только между собою говорили: *Видите, яко никакаяже польза есть: се мир по Нем идет* (Ин. 12:19). Народный восторг не прекращался и в следующее дни. Наутро, вшедши снова в Иерусалим, Он изгоняет продающих и купующих в церкви, ниспровергает столы торгующих и седалища продающих

голуби – и все беспрекословно повинуются распоряжениям Его. В толпе народа, как обыкновенно бывает, не все могли видеть Господа, и вот, улучивши благоприятную минуту, некоторые из пришедших на праздник эллинов обращаются не к Нему Самому, а к одному из учеников Его, *и моляху Его глаголюще: господи, хотим Иисуса видети* (Ин. 12:21), – обстоятельство, показывающее, что восторг народный дошел до степени благоговейного почитания к Иисусу Христу. Торжественный глас с небеси от Бога Отца пред лицом всего народа: *и прославих и паки прославлю* (ст. 28), еще более усиливает внимание и благоговение к Нему. Сами враги Спасителя, давно уже положившие в душе умертвить Его, в торжественном своем совещании находят это время неблагоприятным для своих замыслов и определяют действовать со скрытною осторожностью: *совещаща, да Иисуса лестию имут и убьют*, – и то не теперь, не во время праздника, чтобы не сделалось возмущение в народе (Мф. 26:5). Но едва прошло два дня после сего, как картина совершенно изменяется. Те, которые не находили слов выразить свой восторг и благоговение к великому Пророку, единодушно, целым народом, требуют Его смерти. Мало сего, не разбирают никаких средств, чтобы достигнуть своей цели. Нужно врагам Его прикрыть благовидным предлогом свою ненависть к Нему – выискиваются свидетели, готовые взвести на Него все что угодно. Что нужды, что в их свидетельствах явные противоречия? Они принимаются всеми как несомненно истинные. Нужно взвести клевету на Обвиняемого? Нет остановки и за этим: *Аще не бы был сей злодей, не быхом предали Его тебе* (Ин. 18:30), и затем градом сыплются обвинения одно за другим. Когда и это не помогло, производят общее волнение целым народом, чтобы силою вынудить желаемый приговор. Приговор, наконец, произнесен, цель достигнута: Варавва, страх и ужас народа, – освобожден, а невинный Благодетель народа осужден на позорную и ужасную казнь – висит пригвожденный ко кресту, между двумя злодеями. Казалось бы, время уже возбудиться в сердцах всех естественной жалости даже и действительному преступнику; но невинно Осужденный общественным судом не возбуждает к

Себе и этого невольного участия. Над Ним издеваются, Его поносят и во время крестной казни. И пусть бы это делали враги Его: они имели свои причины ненавидеть Его, нет: *и вси мимоходящи хуляху Его, покиваяще главами своими и глаголюще: уа, Разоряй церковь и трети денми Созидаяй: спасися Сам, и сниди со креста* (Мк. 15:29–30).

Ревнитель и поборник мнения общественного, думающий видеть в нем всегда непогрешимый голос Самого Бога! Не будь невнимателен к этому поразительному и ужасному случаю. Что совершилось однажды, то может повторяться, и, может быть, нередко, хотя и не в столь поразительных чертах. Посмотри внимательнее вокруг себя: не бывает ли и теперь подобного? Увы, как часто общественный приговор венчает и развенчивает общественных деятелей, и нередко в самое непродолжительное время! Сегодня возносят до небес, а на завтра низвергают до бездны! И нужно ли удивляться сему, когда и теперь, как прежде, большинство слепо следует за своими немногими предводителями? Присмотритесь, как обыкновенно слагается так называемое общественное мнение, или, правильнее, мнение большинства. Сколько ни превозносятся в наш век независимостью или самостоятельностью убеждений, на деле, в жизни действительной, едва ли не большая часть подобных независимых судей смотрят на все чужими глазами, повторяют приговор лицам с чужих слов. И чем жестче подобный приговор, чем резче и решительнее высказывается он, тем с большею уверенностью принимается другими, тем скорее усваивается большинством, тем, следовательно, удобнее переходит в общественное мнение. Трудно сказать, что руководит в подобных случаях большинством: просто ли легкомыслие, считающее за ничто омрачить в глазах всех добрую славу ближнего, или желание идти в уровень в своих взглядах с людьми передовыми, чтобы не показаться отсталыми, или, может быть, не вполне сознаваемое желание успокоить свою совесть, мятущуюся при представлении своих собственных недостатков, сравнением себя с другими, из которого выходило бы, что вот-де я вовсе не таков, как другие, или, может быть, все эти побуждения соединяются вместе — только, как

свидетельствует опыт жизни, едва ли не большая часть общественных приговоре» слагается подобным образом. Вот человек, казалось бы, с истинным, не притворным жаром вопиет против злоупотреблений того или другого; попробуйте спросить у него: в чем дело? Он, пожалуй, не затруднится засыпать вас обвинениями, конечно, общими и голословными; но полюбопытствуйте дойти до источника этих обвинений – и окажется, что дело окончательно сведется к тому, что все так говорят, тогда как из этих всех он сам, может быть, первый разносит подобную молву. Второй, подобный, после него передает то же самое третьему, и так далее, нередко прибавив к слышанному и от себя нечто, – передает уже без зазрения совести, потому что он, по собственному его суду, действует бескорыстно и беспристрастно, как действительно слышавший, что передает, и нередко не состоящий нив каких сношениях с лицом, о котором передает.

Если так изменчиво и неосновательно бывает общественное мнение в своих приговорах о лицах, то тем менее можно безусловно полагаться на него в суждениях о предметах. Опыты всех веков свидетельствуют, что людей истинно здравомыслящих всегда сравнительно меньше, чем увлекающихся; что ложь, представленная в благовидном образе, больше увлекает за собою, чем истина. Первая нравится многим своею новизною, игривостью, применительностью к современным вкусам и потребностям; последняя отталкивает многих своею простотою, строгостью и трезвенностью. Удивительно ли после сего, что на стороне истины большею частию бывает меньшинство, а большинство на стороне лжи? Удивительно ли, что ложь торжествует, а истина преследуется? По временам это проявляется в особенно поразительном виде, так что почти все становятся под знамена лжи, чтобы ратовать против истины. Ной, по повелению Божию, сто двадцать лет проповедует современникам своим о покаянии; а они по-прежнему ядят, пьют, женятся и посягают, и только глумятся над его проповедью, пока все не погибают в водах потопных. Лот убеждает жителей Содома не делать зла вошедшим под кров его странникам; а они все, *от юноши даже*

до старца, весь народ вкупе, отвечают ему: вот, пришел пожить, и хочет судить! Что было бы, если бы он последовал образу мыслей и жизни всех? Без сомнения, ион погиб бы в том жупеле и огне, который одождил Господь с небес. Нужно ли напоминать о том, как ложь, поддерживаемая большинством, целых три века по явлении христианства гнала и преследовала истину, содержащую меньшинством, — насмешками и укоризнами, клевета-ми и злоречием, огнем и мечем? Но еже было, тожде есть, то же и будет...

Погибель Пилата

«Воскресное чтение», 1822

Понтий Пилат, бывший прокуратором римским в Иудее во время страданий и смерти Иисуса Христа, питал непримиримую ненависть к народу, управляемому им, в особенности же к религии и обрядам его. Эта самая Ненависть была причиною гибели его по следующему случаю. Один обманщик собрал на горе Гаризим великое множество самарян, чтобы показать им, как он говорит, священные сосуды, скрытые будто бы здесь Моисеем. Пилат, видевший в этом собрании возмущение против римского правительства, воспользовался случаем наказать ему ненавистных людей за мнимое преступление их. Он окружил их своею конницею и велел знатнейших из них казнить, а прочих изрубить всех без разбора. Самаряне, соотечественники избитых, принесли жалобу на него правителю Сирии Вителлию, отцу императора того имени, имевшему Иудею под своею властью. Вследствие этой жалобы Вителлий, признав Пилата виновным, приказал ему отправиться в Рим для оправдания себя пред императором Тиверием, который имел уже невыгодное мнение о нем по жалобе Марии Магдалины на его несправедливые поступки (Никиф. Калл., кн. 2, гл. 10). По прибытии в Рим прокуратор Иудеи, не могши оправдаться, был отрешен от своей должности и сослан в Галлию в 37 году по Рождестве Христовом, в начале царствования Калигулы. Предание говорит, что он удалился в город Виенну, в области Дофине, где прожил еще два года, и, наконец, изнуренный печалью и скукою, терзаемый угрызениями совести и отчаянием, сам себя лишил жизни.

Распятие и смерть Иисуса Христа

Гора Голгофа

«Воскресное чтение», 1807

(Мф. 27:31–56; Мк. 15:20–41; Лк. 23:26–73; Ин. 19:16–37)

Осудив Иисуса на смерть, Пилат велел воинам взять Его и вести на казнь. Воины сняли с Иисуса багряницу и одели в собственные Его одежды, возложили на рамена Его крест, на котором Он должен был умереть, и повели за город на место казни. Это место, где обезглавливали преступников, называлось оттого Голгофой, то есть Лобным местом. Измученный Иисус Христос несколько раз падал под крестом, пока, наконец, не потерял последних сил. Воины увидели необходимость снять с Него крест. В это время возвращался с полевой работы некто Симон, уроженец Киринейский. На него возложили крест Христов, и он донес его до места казни.

В толпе, сопровождавшей Господа, было много благочестивых женщин; идя за Ним, они громко рыдали. Иисус даже в эти страшные для Него минуты думал не о Себе, но об ужасной участи, ожидающей преступный народ, и, обратившись к женам, сказал: «Не плачьте обо Мне, плачьте о себе и о детях ваших; ибо близки уже те дни, когда (несчастные матери) будут говорить: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие. Тогда будут взывать горам и холмам: падите на нас и покройте нас. Ибо если с зеленеющим деревом (со Мной) так поступают, то с сухим (с этим народом) что будет?» Пришли на Голгофу. Стали ставить кресты и подали Иисусу и двоим бунтовщикам и убийцам, осужденным вместе с Ним на крестную смерть, выпить смеси из вина с смирной. Это питье, кислое, как уксус, и горькое, как желчь, обыкновенно давалось из сострадания осужденным на крестную смерть, самую мучительную из всех родов казни, чтобы отнятием сознания ослабить силу страданий. Но Иисус Христос не стал пить. Он не хотел облегчения Своих вольных страданий.

Поставили кресты, раздели осужденных, подняли и распяли убийц по краям, а Иисуса с жестокою насмешкою, как главу их,

в середине. Так исполнилось пророчество: *И со беззаконными вменися* (Ис. 53:12).

Иисус Христос страшно страдал: гвозди раздирали Его тело, кровь потоками лилась из ран; но вместо воплей и стонов из Его уст слышалась молитва за распинателей: «Отче, – взывал Он, – прости им; они не знают, что делают!»

Воины стали, по обыкновению, делить между собою одежды казненных. Но нижнее платье Иисуса, хитон, им жаль было разрывать, потому что он был без швов, весь тканый, и потому они бросили о нем жребий. Таким образом исполнилось другое пророчество: *Разделиша ризы Моя себе и о одежди Моей меташа жребий* (Пс. 21:19).

На кресте обыкновенно прибавалась дощечка с объяснением вины распятого; на кресте Иисусовом Пилат назо синедриону велел написать: «Царь Иудейский», и притом на трех языках: еврейском, греческом и латинском, чтобы всякий иностранец видел в этой надписи позор иудейского народа, допустившего предать поноснейшей казни царя, которого сами ожидали. Оскорбленные вельможи поспешили к Пилату и стали просить его написать вместо этого: «Я Царь иудейский», чтобы видно было, что Распятый самозванец, а не настоящей царь. «Что я написал, то написал», – холодно отвечал Пилат. Сконфуженные, воротились они на Голгофу, чтобы насладиться, по крайней мере, мучениями своей жертвы. Там стояла большая толпа народа и осыпала Божественного Страдальца насмешками. «Э! Разрушающий церковь и в три дня Созидающий! – говорила толпа, кивая головами. – Спаси теперь Себя и сойди со креста». «Других спасал, а Себя спасти не может, – прибавляли язвительно сановники. – Если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и тогда мы уверуем в Него. Он уповал на Бога – пусть же теперь Бог избавит Его, если Он угоден Ему; ведь Он называл Себя Сыном Божиим». «В самом деле, – бессмысленно вторили иудеям солдаты, – если Ты Царь Иудейский, спаси Себя». Эти насмешки увеличивали муку Божественного Страдальца и тем более, что находили для себя пищу и оружие против Него в самом Его терпении. «Боже Мой, Боже мой! – воскликнул Он в

невыразимой тоске, – зачем Ты оставил Меня?» Этот горестный вопль дал новую пищу насмешке. Пользуясь созвучием слова Элои (Боже мой) со словом Илия и намекая на верование народа, считавшего Илию помощником несчастных и предтечею Мессии, за которого Иисус объявил Себя, врага Его говорили: «Вот уж Он зовет Илию». «Жажду!» – воскликнул Иисус, томимый смертельною жаждою. Один из воинов, омочив губку в уксусе, служившем обыкновенным питьем для солдат и простого народа, поднес на трости к горящим устам Иисуса Христа. «Оставь, – говорили враги Иисусовы, – посмотрим, придет ли Илия спасти Его».

Так все окружающее осыпали Иисуса насмешками; даже один из распятых с Ним злодеев, и тот не отставал от прочих: «Если Ты Христос, спаси Себя и нас», – говорил он насмешливо Иисусу. Раздался только один голос сострадания; это был голос другого разбойника. Услышав насмешку товарища, он обратился к нему с упреком: «Или ты не боишься Бога, сказал он, хотя и сам осужден на ту же казнь? Да мы-то осуждены справедливо и получили то, что заслужили своими делами, а Он ничего худого не сделал». И, обратясь к Иисусу, прибавил: *Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!* Этот единственный голос сострадания, сердечного покаяния, смиренной покорности и изумительной веры вызвал такие слова Иисуса Христа: «Уверю тебя, – сказал Он разбойнику, – ныне же ты будешь со Мной в раю». И разбойник прямо со креста первый вступил в только что открывшееся небо, заключенное более пяти тысяч лет даже для величайших ветхозаветных праведников.

Было в народе при Иисусовом кресте и еще несколько лиц, глубоко страдавших Божественному Страдальцу. Это были некоторые благочестивые жены; между ними исцеленная Иисусом Мария Магдалина, любимый ученик Иисусов Иоанн и Мать Иисусова. Как и всегда, не столько думая о Себе, сколько о других, Иисус Христос, желая пролить утешение в скорбную душу Матери, сказал, указывая Ей взором на Иоанна: «Жено, вот сын Твой», потом сказал ученику, поручая его заботам Свою Матерь: «А это Мать твоя». Ученик свято

исполнил последнюю волю умирающего Учителя: он взял Мать Божию к себе в дом, окружал Ее нежнейшими попечениями и до самого Ее блаженного успения не отлучался от Иерусалима, тогда как прочие апостолы рассеялись по разным странам для распространения Евангелия.

Теперь страждущий Господь видел, что все уже совершилось, чему должно было совершиться: искупление человечества совершено, искупительные страдания достигли последнего предела, пророчества исполнились все до последнего, – и вот Он воскликнул громким голосом: «Совершилось, Отче! В руки Твои предаю дух Мой!» – и, приклонив голову, испустил дух. Еще с минуты распятия, то есть с 12-го часа солнце в ужасе померкло, и тьма покрыла землю; теперь, в минуту смерти Богочеловека, потряслась земля, раздралась церковная завеса, отделявшая святое святых, указывая близкое разрушение храма и уничтожение ветхозаветного служения; расселись скалы и раскрылись гробовые пещеры, многие из погребенных там святых воскресли и по воскресении вошли во святой город и явились многим.

Ужас объял толпу, стоявшую на Голгофе: народ, ударяя себя в грудь и испуская стоны, спешил удалиться. Умолкли насмешки, и святая тишина воцарилась у креста. Даже язычники – римский сотник с отрядом воинов, – стерегшие распятых, объяты были страхом, и сотник воскликнул: «Действительно это был Сын Божий!»

Одни только вожди и учителя иудейского народа помышляли не о покаянии, а о том, чтобы нанести новое оскорбление распятому Мессии.

Иисус умер в пятницу в три часа пополудни; наступал пасхальный вечер и канун пасхальной субботы. По закону тела казненных должны быть убраны еще до захождения солнца, особенно для такого великого дня. Поэтому для ускорения смерти распятых посланы были воины перебить им голени. Перебили голени разбойникам; подошли к Иисусу Христу. Он уже был мертв, и перебивать голени не было нужды. Тогда один из воинов, еще не вполне уверенный в Его смерти, пронзил Ему копьем бок. Из раны потекла кровь и вода, то есть

холодная, разлагающаяся кровь, верный признак смерти. Так исполнилось еще последнее пророчество: *Воззрят Нань, егоже прободоша.*

Теперь понятно стало, почему у пасхального агнца, прообразовавшего Спасителя – этого Агнца Божия, вземлющего грехи мира, – запрещено было раздроблять кости.

В Священном Писании Голгофа нигде не называется горою, а только Голгофою (*locus Calvariae* – κρανίον, лоб, череп, лобное место). Внимание всех четырех евангелистов в точном указании места сего и в объяснение его значения, *еже есть глаголемо краниево место* (Мф. 27:33), *еже есть сказуемо Лобное место* (Мк. 15:22) и пр., само собою становится замечательным при чтении Евангелия.

По значению указанных слов, Голгофа означает или а) некоторое кругообразное возвышение наподобие черепа головы человеческой, или б) место, где казнят преступников и зарывают их вместе с орудиями, коими были замучены и где видимы были остатки – кости, черепа казненных, или, наконец, в) указывает на то древнее предание иудейское, что на месте крестных страданий и смерти Икупителя мира погребен был отец всех человеков – Адам и что посему, думают, на изображении у ног распятого Спасителя, по древнему христианскому обычаю, видим главу Адама с двумя костями, крестообразно положенными. Удовлетворительнее мнение тех, кои под Голгофою хотят разуметь место страшной смертной казни преступников, где, по определению судеб Вышнего, нужно было пострадать и умереть поносною казнью Святому святых в искупительную жертву за грехи преступного мира. Последнее значение, коим указывается на предание иудейское о погребении праотца Адама на Голгофе, не представляет в себе ничего противоречащего исторической вероятности и, соединяя собою другие значения, имеет то преимущество, что а) оно сохранено как достойное святыми отцами: Афанасием и Василием Великим, святым Иоанном Златоустом, святым Амвросием и святым Епифанием, также Тертуллианом, Оригеном и другими близкими к началу преданий христианских; б) латинское *calvaria* и греческое *κρανίον* значат только указание

евангелистов на часть главы, еврейское означает целую, как она представляется на изображении у ног распятого Спасителя, для показания Главы и Вождя рода человеческого. Итак, считая сие предание справедливым, чья душа не обымется благоговейною, призрашною мыслью о путях Божественного Провидения, определившего, чтобы смерть была побеждена на том самом месте, на котором низвела она в прах первого преступника заповеди Божией – нашего отца, а в лице его всех нас, его детей; и чтобы приговор смертный, произнесенный против нас всех, был уничтожен Икупителем на том месте, где исполнен был над первым грешником!

Вся юдоля мертвых и пепла не истребится и не разорится во век. Когда уничтоженный холм был уже возвеличен крестом Спасителя, прославлен благоговением христиан, судьба святой горы сопровождалась такими разрушительными обстоятельствами, при которых можно было бы истребиться из памяти самому имени Голгофы. Но тайным мановением Промысла Божия сии самые обстоятельства способствовали к исполнению определения – не истребиться и не разрушиться вовеки священному месту. Иудеи, чтобы ослабить благоговение христиан к их святыне, старались оскорблять ее: утес гроба Господня был глубоко засыпан, на Голгофе непрестанно увеличивались насыпи. Язычники воздвигли на ней капище Венере, на погребальном вертепе Спасителя – Юпитеру. Нечестивые не видели, что они ненамеренно старались о сохранении святыни христианской; насыпи были для нее памятниками и идолы стражами до установленного времени. Равноапостольная Елена, прибыв в Иерусалим, собрав свежие предания, открыла по указанию их святыне места Голгофские, капища ниспровергла, вековые насыпи сняла до самой той земли, которая освящена стопами Божественного Страдальца, обагрена Его кровию. Северо-западная часть Голгофы – поприще страданий и смерти Икупителя – включена в обширный храм Воскресения Господня. Малая Церковь, вмещенная в обширный храм, устроена на том самом месте, где водружен был страдальческий крест Икупителя, и там, где Он – Агнец Божий

– заклан был, доселе приносится бескровная жертва; отверстие, где стоял Крест, вместились под престол, который для благоговейных поклонников открыт по бокам. Подле него с правой стороны находится отверстие другое – расселина горы Голгофской, треснувшей от ужаса при смерти Создателя. Сумрачная церковь Голгофская напоминает собою поклоннику те минуты, когда среди дня солнце лучи свои потаило и *от шестого часа тма бысть по всей земли до часа девятого*. В приделе, направо от престола, мраморный на полу четвероугольник означает то место, где нечестивые простерли на крест Спасителя и вонзили в Него гвозди. У восхода на вершину Голгофы из алтаря церкви во имя Иоанна Предтечи видны камни, распавшиеся при смерти Икупителя. Остальная большая часть Голгофы находится вне храма, занята монастырем святого Авраама и жилищами христиан. У подошвы ее с северо-восточной стороны находится тот вертеп, куда свержались кресты и тела распинаемых и где обретен был крест Спасителя, указанный чудесным исцелением жены.

Судьба святой Голгофы с того времени, как она украсилась подобающим благоговением, до настоящих времен, одна с судьбою всей святыни Иерусалима. Персы, арабы, латины, турки и другие проносились здесь тьмочисленными полчищами и оставляли кровавые следы. Несколько раз храм Воскресения Господня обнимался пламенем, но место, освященное Господу, не разорилось и не истребилось. Заветные сокровища Церкви Христовой – скала Голгофы и погребальный вертеп Икупителя – сохранились в целости доныне.

Мысли св. Епифания Кипрского о том, почему место, на котором распят Господь наш Иисус Христос, называется Лобным

«Воскресное чтение», 1821

Предания говорят, что Господь наш Иисус Христос распят на Голгофе, на том самом месте, где погребено было тело Адамово, потому что Адам, прожив довольно времени против рая по изгнании из оногo и быв в разных местах, напоследок пришел на то место, где построен Иерусалим, чтобы здесь отдать долг природе, и погребен на Голгофе, почему место сие справедливо названо Лобным. К такому наименованию Голгофы другой причины нет, потому что она не имеет никакого сходства с черепом, ибо находится не на возвышенном месте, как голова на туловище, ни выше окружающих ее мест; напротив, гора Елеонская выше ее; даже крепость, прежде существовавшая на Сионе, а ныне уже скрытая, была выше Голгофы. Итак, отчего же она названа Лобным местом? Оттого что здесь найден череп первосозданного человека и что здесь погребено тело его. Таким образом, не напрасно из прободенного Иисусова ребра на сие место истекла кровь и вода; кровию здесь орошено тело первосозданного человека — начаток состава нашего, в показание того, что Господь наш Иисус Христос кровь Свою пролил во очищение нашей скверны, а вода излита на лежащего и погребенного на сем месте, дабы удостоверить его и нас, потомков его, в истреблении и очищении скверны грехов наших. Посему на сем месте исполнились слова Писания: *Востани спяй и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос* (Еф. 5:14). Хотя слова сии относятся и к нам, кои мертвы делами и погружены в глубокий сон неведения; впрочем, главным образом они исполнились на Адаме, ибо в Евангелии сказано, что тогда *тела усопших святых восташа, и изшедши из гроб, по воскресении Его, внидоша во святой град* (Мф. 27:52).

Крест Христов и голгофские события, его окружающие

Архимандрит Фотий. «Странник», 1869

1. Господь претерпел за грехи наши распятие и умер на кресте. Почему же такой род смерти Господь претерпел, а не другой? – Конечно, судьбы Божии неисповедимы; но не неуместны тут и благоговейные соображения человеческие. Первая причина сему – злоба нечестивых врагов Господа, которые постарались умертвить своего Обличителя самую злейшую смертью. Но злоба врагов, сама не зная того, делала то, что устроила для спасения нашего рука Господня, рука Отца Небесного. Самое дело спасения нашего требовало крестной смерти. От древа – *от древа познания добра и зла* – в раю началась и разлилась смерть на весь род человеческий чрез первого Адама; от древа же – древа креста – чрез второго Адама истекает и струится жизнь на весь мир христианский. Притом нужно было Спасителю нашему снять клятву, нужно было Ему переложить ее. Как же мы подвергались клятве? По слову Божию: *Проклят всяк, иже не пребудет в словесах закона* (Гал. 3:10), – не исполнит заповедей Господних. А как никто не мог исполнить закона во всей его целости, то все и подверглись этой клятве. Как же эту клятву перенести на Спасителя, святых Святейшего, чтобы Он, взяв ее на Себя, уничтожил ее? Особенный Промысл Божий, устрояющий наше спасение, делает вот что: изрекает закон: *Проклят всяк висяй на древе* (Втор. 21:23). Спаситель наш Иисус Христос возносится на крест и, вися на нем, по этому закону подвергается клятве, терпит, несет эту клятву за нас, снимает ее с нас, уничтожает и избавляет нас от клятвы, *быв по нас*, или за нас *клятвою*. Посему-то и нужно было Ему умереть на дереве, вознестись на крест, висеть на нем. Умирает Господь крестною смертью, ибо нужно было для спасения нашего пролитие крови Господней, дабы не только избавить нас от смерти вечной, но и дать нам живот вечный, *да живот имамы и лишше* (больше) *имамы* (Ин. 10:10). Ибо кровь Иисуса Христа

не только *очищает нас от всякого греха* (1Ин. 1:7), но и дарует нам, вносит в нас жизнь вечную, начало и залог вечной жизни. Ибо на пролитии крови Христовой основывается установление таинства Евхаристии, или причащения, этой *бескровной* жертвы, чрез которую мы не только очищаемся от грехов, но и получаем залог вечной жизни и обожаемся, делаясь *причастниками Божественного естества* (2Петр. 1:4). Пять язв или ран терпит Господь на кресте, как бы в очищение особенно пяти чувств наших, этих входов и исходищ греха. Прободается Господь в ребро: это новый, второй Адам, из ребра Которого, уснувшего сном смерти, творит Господь невесту Его – Церковь, *юже стяжа Он кровию Своею* (Деян. 20:28). Венец, хотя и терновый, приличествует Ему как Жениху, на кресте сочетавшемуся с Церковию Своею.

Возносится Господь на кресте – как жертва о гресех наших, приносимая правосудию небесному. Возносится с распростертыми и пригвожденными руками на древо креста: это за дерзновенное, преступное простертие руки прародительской к плоду запрещенному.

2. Простирает руки на кресте Спаситель наш вместе и как священник, *иерей вовек по чину Мелхиседекову* (Пс. 109:4). Архиерей великий, приносящей о нас жертву искупления и молящийся о нас, Он есть и жертва, и приносящий в жертву Самого Себя, и молящийся, воздевая руки Свои. Он молился на Иордане при крещении, молился на Фаворе во время преображения – мог ли не молиться теперь, в сии святейшие часы и минуты? И Он молился духом с воплем внутренним, *крепким: Боже Мой! Боже Мой! Вскую Мя еси оставил?* (Мф. 27:46) и: *Отче! в руке Твои предаю дух Мой* (Лк. 23:46). Это, можно сказать, только краткие возгласы после внутренней, безмолвной молитвы сего Иерея великого, совершавшего великую литургию – основание наших литургий – на жертвеннике креста.

3. Среди двух разбойников возносится Господь на крест голгофский. Не случайно вместе с разбойниками распинается Господь, не случайной крест Его водружается посреде, а кресты разбойников острану Его, не случайно, наконец, и крест

благоразумного разбойника одесную страну, а безрассудного ошуюю. В сем важном Божественном событии ничто не может быть случайным и незначительным, но все – по высшему устройению, с премудрою целью и глубоким значением. Что же значит это событие, эти обстоятельства креста Христова? Со *беззаконными* *вменяется*, причисляется к ним Господь, по пророчеству (Ис. 53:12), – первее потому, что Господу, дабы избавить нас от поношения вечного, нужно было претерпеть поносную смерть. Но событие сие имеет еще и другую сторону, другое значение. Претерпевая Страшный Суд небесный за грехи наши, Спаситель в то же время Сам является здесь и Царем, и как бы Судиею, в венце терновом восседающим на кресте, как на престоле царском, предъизображая будущий суд Свой; и слова: *днесь со Мною будеши в раи* (Лк. 23:43) – слова истинно царственные, обещающие Небесное Царство. Разбойник одесную – образ тех из верующих, кои станут одесную Господа, когда Он паки приидет судить вселенную; разбойник ошуюю изображает тех, кои станут в тот страшный день ошуюю Господа.

Но откуда такое дивное благоразумие у разбойника и такая дивная, живая вера в Того, Коего оставили самые ученики: *оставльше Его бежаша* (Мф. 26:56)?... Не могло быть этого без особенной Божией благодати: это – плод ее. За что же дана ему особенная благодать? Видно, в душе его, при всей его преступной жизни, было немало добра, что и доказал он самым делом еще во время прежней своей жизни. Есть предание священное, что когда Матерь Божия с младенчествуящим Сыном Своим Иисусом Христом бежала в Египет от преследования Ирода и подверглась на пути нападению разбойников, то этот самый разбойник, видя дивную, Божественную красоту Младенца, убедил своих сообщников пощадить Его и Матерь; и Матерь Божия за сие доброе дело его сказала ему тогда же, что Сей Младенец воздаст ему за благодеяние его.

4. На горе Голгофе водружается крест Христов. Почему на горе и на сей именно горе? Опять не случайно и сие обстоятельство. Важнейшие события в жизни Господа и вообще

события веры нашей совершались на горах: *Синай, Хорив, Фавор, Елеон* – тому свидетели. Почему и говорится в слове Божиим, что *высоты гор Того суть* (Пс. 94:4). Притом возвышение горы служит приличнейшим подножием жертвеннику креста, на коем приносится небу святейшая жертва за грехи земнородных. На горе *Голгофе* водружается крест. Видимая, внешняя причина сему та, что здесь совершалась вообще казнь крестная. Но высшая причина – премудрое распоряжение Промысла Божия. По священному преданию, сохраненному у святого Василия Великого, здесь, на сей горе погребено было тело праотца нашего Адама. Посему не прилично ли было животворным каплям нового Адама упасть на мертвенные останки ветхого Адама – открыться источнику жизни там, где опочила глава, передавшая нам смерть и тление? Потому не без основания на святом кресте Господа Иисуса и изображается у ног Его глава умершего.

5. Вне, но близ города Иерусалима претерпел Господь крестную казнь. *Вне врат пострадати изволил* (Евр. 13:12), говорит о Спасителе апостол Его, – *близ бе место града* (Ин. 19:20). *Вне врат пострадати изволил* Господь! Так сей Камень, драгоценнейший всего неба, положившийся в основание спасения нашего, пренебрежен и как бы изринут из града! *Камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла* (Пс. 117:22). Таковы часто бывают суждение и оценка у людей мира! А между тем Промысл делал свое дело, и где приличнее было Господу претерпеть крестную смерть, как не под величественным сводом неба? Так, Он и родился не в храмине, а в вертепе, и преобразился, и вознесся не в граде и не из града, а вне града.

6. Но не менее образа и места смерти Господа знаменательно и время ее. *Во дни праздника Пасхи умер Господь*. Ветхозаветная Пасха праздновалась в воспоминание величайшего благодеяния Божия – изведения Израиля из Египта, из этого тяжкого плена: как прилично было в эти же дни последовать и тому великому событию, которое избавляет нас от плена ада и от работы греху и диаволу! Как прилично было *заклатися и датися в снедь верным небесному Агнцу Божию*,

вземлющему грехи мира, в то время, когда закалили и снесли агнца пасхального, служившего прообразом Его! А между тем сей великий праздник, собиравший народ со всех стран земли на его торжество к Иерусалиму, собрал вместе и на сие зрелище крестной Жертвы, которая назначена для всего мира.

7. В пяток претерпел Господь страдания крестные и смерть. И день бе пяток (Лк. 23:54), говорит Евангелие. По ветхозаветному счислению дней седмицы, это был день шестой в седмице, предшествовавший субботе или дню седьмому. Этот шестой день – день и сотворения человека. Так, в шестой день или, по-нашему, в пяток, совершилось и сотворение человека, и воссоединение его. По всей вероятности, в сей же день последовало и падение Адамово, каковой мысли даже требует точная, везде усматриваемая в деле искупления ответственность между собою падения и восстановления человека.

8. Бе же час яко шестый, и распяша Его (Лк. 23:24), повествует Евангелие о распятии Господа. Час шестой от утра, что, по нашему часосчислению с полуночи, соответствует концу двенадцатого часа дня или началу первого пополудни. Это, по всей вероятности, тот самый час, в который, как в преполовление дня, прародительница наша, ощутившая уже алчбу, искала плодов для пищи и, подошедши к запрещенному дереву, по искушению змия-диавола, простерла руку к запрещенному плоду, вкусила от него и подала мужу своему Адаму, и ядоста оба (Быт. 3:6). В сей-то час у второго Адама простираются руки на кресте и гвоздем прободаются, чем искупляется то дерзновенное простертое рук прародителей, причинившее нам столько зол и бедствий. Почему и призывает Церковь: *Иже в шестый день же и час на кресте пригвождей в раи дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас!*

9. Когда, таким образом, Господь вознесен был на крест и пригвожден ко кресту, последовало дивное знамение на небе и на земле: Солнце померче, и тма бысть по всей земли до часа девятого (Лк. 23:44–45). О сем чудесном явлении, десницею Божию устроенном, еще издали веков предвозвестили пророки

Господни. *И будет в той день, глаголет Господь Бог, зайдет солнце в полудне, и померкнет на земли в день свет (Ам. 8:9). И будет день един, и день той знаем Господеви, и не день и не ночь, и при вечере будет свет, и будет в день он ужас Господень велий (Зах. 14:7, 13).* И сей-то день есть день распятия Господня; и день этот – не день и не ночь, потому что была тьма, а полдень. *И при вечере будет свет* – с девятого, или, по нашему счислению, третьего часа опять воссиял свет.

Что же знаменует это чудное помрачение солнца, силою высшею произведенное? Солнце, видя Творца своего и Владыку вселенной столь поруганным, в ужасе как бы закрывает лицо свое, не может взирать на сие зрелище безмерной неправды человеческой и уничижения Господа, подобно тому как светлые херувимы не могут открыто взирать на бесконечную славу Его и закрывают лица свои. Помрачается око солнца – оно как бы стесняется мраком негодования на ужасную и безмерную злобу и беззаконие осудивших святых Святейшего. Помрачается солнце, и разливается тьма по всей земле: это как бы скорбь всей твари о лютых страданиях Господа своего. Как верные чада и домочадцы при кончине родителей своих и домовладык облачаются в черные одежды сетования и скорби, так и вся тварь, верная Творцу своему, облачается мраком, как бы облачается в ризу печали. Помрачается солнце, *и тма бысть по всей земли*; это как бы и одеяние и покров для Господа, обнаженного на кресте, а вместе – и покров смертный, покров, облачающий тайну смерти Господней; ибо таинства любят покровы.

10. О девятом часе, или третьем пополудни, по нашему счислению, Господь *испустил дух Свой (Мф. 27:46, 50)*. Около трех часов висел Он на кресте, держащий вселенную всю, – время, нужно полагать, то самое, которое протекло от падения или преступления прародителей до времени явления к ним Господа, явившегося к ним в тот же день пополудни и произнесшего на них праведный суд и осуждение, и сим утвердивший Свой приговор: *В оньже аще день снете от плода, смертию умрете (Быт. 2:17)*. В сие-то самое время вкусил смерть за нас и второй Адам – Спаситель наш.

За сим следуют новые, дивные явления, силою высшею устроенные: *завеса церковная раздрася на двое, с вышнего края до нижнего: земля потрясется: многа телеса усопших святых восташа из гробов своих* (Мф. 27:51–52).

11. *Завеса церковная раздрася.* Церковь – невеста Христова – как бы раздирает свою одежду в великой скорби о возлюбленном Женихе своем, изъязвленном и столь многие мучения претерпевшим, столь тяжко пострадавшем и испутившем Свой дух. А вместе с тем это служило знамением того, что кончилось уже ветхозаветное богослужение, что прешли сени и гадания законные, *благодати пришедши*, что потому не нужны уже покровы, не нужны прообразы, когда явился сам предмет прообразуемый.

12. *Земля потрясется.* Потрясается земля силою Божиею в знамение того, что она как бы трепещет от страха при виде Бога, висящего на кресте среди злодеев, – при виде ужаснейшего и беззаконнейшего богоубийства. *Аще не бы Бог был висящий на кресте, вещает Церковь, не бы солнце лучи свои потаило, ниже бы земля трепещущи тряслася.*

13. *Многа телеса усопших святых восташа.* Это первые чудные плоды Животворной и спасительной смерти Господней и первые залого и предвестники воскресения Христова, как бы ранние, предвесенние цветы и растения, выходящие из-под снега там, где особенно сосредоточиваются лучи солнца.

Крестная смерть

«Воскресное чтение», 1814

Что такое был крест пред очами древнего языческого мира и иудеев? Казнь, которая по римским законам назначена была преступным рабам, возмутителям и разбойникам, то есть самому низкому и презренному роду людей. Все подробности и все обстоятельства ее дышали таким ужасом и жестокостью, что славный Цицерон именем человечества требовал у римского сената повсеместной отмены и уничтожения ее. Опишем эти печальные подробности ее, ибо христианину должно знать их, чтобы тем сильнее почувствовать весь ужас греха и все неизреченное и беспримерное милосердие Икупителя, *уже грехи наша вознесе на теле Своем на древо* (1Петр. 2:24).

Когда осужденный признаваем был достойным крестной казни, претор обыкновенно произносил над ним народное определение: «Ступай на крест» (*ibis ad crucem*). Но древнее предание несколько распространяет это определение относительно Иисуса Христа и передает его в следующих словах, сказанных Пилатом: «Иисуса Назарянина, по свидетельству старейшин народа Его, как презрителя кесаря, возмутителя общественного и ложного Мессию, отведите на место казни и пригвоздите ко кресту». После произнесения приговора осужденный переходил в руки римских воинов, которые, совлеки с него одежды, привязывали его к низкому столбу и бичевали, иногда с такою жестокостью, что он умирал под их ударами, число которых никогда не было назначено. Истерзанного бичеванием страдальца одевали после сего в ризы его, возлагали на рамена его крест, который сам он должен был нести до места казни. Оно обыкновенно находилось за городом, близ главной проезжей дороги, на каком-нибудь возвышении. В Иерусалиме это место называлось Голгофою и находилось за стенами его, к северу, так что, по справедливому замечанию некоторых, последний взор Господа, умирающего на кресте, обращен был к странам православного

отечества нашего, как в знамение будущего христианского величия его, основанного и утвержденного на кресте. По прибытии на место казни, крест утверждали в земле; весь вид его уподоблялся букве Т; обыкновенно он состоял из продолговатого дерева высотой до 4 аршин с другим поперечным, из-за которого продолговатое несколько выдавалось, и на этой выдавшейся верхушке прибавляли дощечку с надписью вины распятого. О подножии на кресте древние ничего не упоминают, а только говорят, что почти в середине креста вбивали небольшой кол наподобие рога, на который тело распятого несколько опиралось, чтобы тяжесть его не оборвала язв ручных. Иудеи, на основании слов из книги Притчей: *Дадите сикера сущим во печалех и вино пити сущим в болезнях* (31:6), – пред распятием давали осужденным вино, смешанное со смирною, которое производило помрачение рассудка и некоторую нечувствительность, и тем несколько смягчали мучения страдальца; но Иисус Христос отверг это питье, желая страдать с полным сознанием.

На месте казни осужденного обнажали от одежд его, которые поступали в собственность воинов, поднимали на крест и руки и ноги его прибавляли к нему железными гвоздями – каждую порознь. Так говорят о сем святые Киприан и Тертуллиан, жившие в то время, когда крестная казнь была еще в употреблении у римлян, и, без сомнения, несколько раз видевшие ее. В сем мучительном положении, которое не позволяло никакого движения, с часу на час более и более раздирало язвы гвоздинные и производило внутренний палящий жар в теле – страдалец проводил большею частью три, а иногда до семи дней.

По законам римским, распятого нельзя было снимать со креста, даже и после кончины его, потому что труп казненного лишался погребения и должен был служить пищею птицам и зверям. Только иногда, в день своего рождения, или по другому торжественному случаю, кесарь дозволял друзьям или родственникам погребать распятого. Однако Иудея изъята была из этого общего закона о крестной казни. По закону Моисееву, тело казненного не должно было висеть на древе до утра, но его

должно было погребать в тот же день (Втор. 21:23). Хитрая политика римлян, удерживавшая побежденные народы в повиновения Риму, между прочим, снисхождением к их законам и обычаям, позволяла иудеям погребать казненных на кресте в тот же день. Почему, для скорейшего прекращения их жизни или задушали их дымом от огня, разведенного подле креста, или прободали бок, или же – чаще всего – железным молотом перебивали им ножные кости. Иудеи просили Пилата совершить это последнее и над Иисусом Христом; но ранняя кончина Спасителя на кресте отвратила от Него это новое поругание и страдание, и только, по сказанию евангелиста, один из воинов римской стражи, стоявшей у креста, пронзил копьем Его бок, из которого излились, во очищение мира от грехов, кровь и вода.

Таковы подробности ужаснейшей из казней – крестной казни, на которую Отец Небесный предал Единородного Сына Своего из любви и милосердия к падшему человеку! Пади, христианин, в духе живейшей благодарности пред сею непостижимою и недомыслимою любовью Божиею к тебе и всегда помни, как Господь наш *смирил Себя, послушлив был даже до смерти, смерти же крестныя.*

Причины крестной смерти Христа Спасителя по учению святых отцов и учителей Церкви

«Воскресное чтение», 1803

Иисус Христос благоволил крестом спасти грешный род человеческий. Спасенным очень полезно углубляться размышлением в сию душеспасительную истину, дабы тем большее восчувствовать благоговение к орудию своего спасения – Кресту Господню; полезно наследовать причины крестной смерти Спасителя, наследовать не собственным мудрованием, но по руководству Богомудрых пастырей и учителей Церкви. Причины сии, по мнению святых отцов и учителей Церкви, были следующие:

Первою причиною крестной смерти Иисуса Христа, по мнению Лактанция, было то, что Спаситель, претерпев такой бесславный род смерти, явил нам образец смирения, а вместе показал и то, что страдания Его имеют быть спасительны и для людей самого низкого состояния. Вот собственные слова Лактанция: «Может быть, кто-нибудь скажет: для чего Иисус Христос, будучи Бог и благоволив умереть, не умер, по крайней мере, некоторым славным родом смерти? Для чего Он претерпел именно сей бесславный род смерти – крестом, тогда как эта смерть недостойна человека свободного, хотя и виновного? Но сие допущено для того, чтобы Тот, Кто пришел в смиренном виде, подал помощь людям самым низким и немощным и показал бы всем надежду к спасению. Он благоволил умереть такою смертью, какою умирают люди низкие и немощные, дабы не нашлось ни одного такого, который не мог бы Ему последовать».

Вторую причину крестной смерти нашего Исккупителя представляют святой Афанасий и блаженный Августин. На вопрос, для чего Христос не уклонился от поноснейшей крестной смерти, первый из них отвечает так: «Если бы Он сие сделал, то явное о Себе подал бы подозрение, что Он имеет силу не на всякого рода смерть, а только на ту, которую Сам избрал». «Избрал, – говорит и блаженный Августин, – избрал

презреннейший и поноснейший род смерти Тот, Кто имел умертвить всякую смерть».

Третьею причиною, или, лучше сказать, третьею целью крестной смерти Богочеловека полагают то, чтобы и при будущем воскресении тело Его осталось целым и нераздробленным. «Известно всякому, – говорит Лактанций, – что Иисус Христос прежде страдания Своего о смерти Своей возвестил всем, что Он имеет власть, когда пожелает, *душу Свою положить и паки приять оную* (Ин. 10:17). Потом, когда полагал душу Свою, Он пригвождаем был ко кресту; но в это время и убийцы не сокрушили Ему голеней, как обыкновенно делали, а только прободили Его в ребро. Таким образом, тело Его снято со креста в целости и со тщанием положено во гроб. Все сие сделано для того, чтобы тело Богочеловека (если бы было рассечено и раздроблено на части), не было неспособным к восстанию». Такое мнение подтверждается и следующими словами святого Афанасия Великого. «Иисус Христос, – говорит он, – не претерпел ни смерти Иоанновой – отсечением главы, ни смерти Исаиной – препилением пилою, дабы и в смерти тело Его сохранилось нерассеченным, и дабы чрез сие отнять повод у тех, которые бы дерзнули разбирать на части Его Церковь».

Четвертую причину крестной смерти Иисуса Христа находят в том, что Иисус Христос, благоволив быть пригвожденным ко кресту, хотел чрез сие показать, что как величие, так и страдание Его имеют быть известны и спасительны для всей вселенной. Это мнение принадлежит также Лактанцию. «Главнейшею причиною, – говорит он, – почему Бог избрал крест, было и то, что на нем необходимо нужно было вознестись и сделать очевидным для всех народов страдание Божие. Ибо если повешенный бывает виден от всех и возвышается над всеми, то не иное что лучшее избрано для сего, как крест, дабы показать, что Христос столько будет виден и столько возвышен, что для познания Его и для поклонения Ему соберутся все народы со всей вселенной. Посему-то нет ни одного народа столь грубого, ни одной страны столь отдаленной, где бы неведомы были или страдание, или величество славы Его. Во время страдания Своего на кресте Он

распростер руки и измерил землю, дабы чрез то показать, что от востока солнца и до запада придет под крыле Его, из всех языков и племен собранный, великий народ, и примет на челах своих оную великую и высокую печать (крест)». Сходно с Лактанцием изъясняется о сем и святой Афанасий в вышеприведенном месте. «Ежели, – говорит он, – смерть Господа нашего Иисуса Христа есть искупление всех, ежели смертию Его разрушается средостение преграды и совершается призвание языков, то как бы Он призвал нас, если бы не был распят? Ибо на одном кресте претерпевается смерть с распростертыми руками. И потому Господу нужно было претерпеть смерть такого рода и распростереть руки Свои, дабы, то есть, одною рукою привлечь древний народ, а другою язычников, и обоих собрать во едино. Ибо и Сам Он, показывая, какую смертью имел искупить всех, предсказал: *Аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе* (Ин. 12:32).

Пятую причину крестной смерти Иисуса Христа представляет святой Иоанн Дамаскин. По его мнению, она состоит в том, что крест, в самом устройении своем, показывая соединение в себе разстоящих частей, явственно изображает в себе соединение всего во Христе. «Как четыре конца креста, – говорит он, – связываются и соединяются средним центром; так Божию силою содержатся и высота, и глубина, и долготы, и широта, то есть вся видимая и невидимая тварь».

Шестую причину распятия на кресте Иисуса Христа, по мнению Древних отцов Церкви, было вкушение Адамом плода от запрещенного дерева: то есть как первый Адам вкушением сего плода произвел всеобщую смерть, так прилично было и второму Адаму, то есть Иисусу Христу, чрез древо же даровать нам жизнь. Так святой Ириней говорит: «Иисус Христос, истребляя то непослушание Адама, которое вначале сделано чрез Древо, послушлив был даже до смерти, смерти же крестная; или иначе: То преслушание, которое учинено чрез древо, исцелил послушанием, соделавшимся на древе». А святой Григорий Богослов выражается о сем так: «Древо за древо; и руки, простертые доблественно, за руку, простертую воздержно, пригвожденные гвоздьми – за ослабленную,

соединяющие концы всего мира – за извергшую Адама». Святой Амвросий ту же самую мысль выражает следующим образом: «Христос пригвождается на древе: это премудро соделано для того, дабы человек, как в раю прельщен был древом сластолюбия, так древом и ныне спасен был, и дабы то же самое вещество, которое было причиною смерти, соделалось вместе и средством ко спасению». Наконец, святой Иоанн Златоуст пишет о сем следующее: «Видишь ли, чем диавол победил, тем и сам побежден; он чрез древо одолел Адама, и Христос древом же препобедил его. И то древо низвело нас во ад, а сие и низверженных во ад извело оттуда». И еще: «То древо сокрыло нагого пленника, а сие обнаженного на высоком месте явило победителем. Та смерть пала и на потомков, а сия воскресила и бывших прежде Христа. Кто возглаголет силы Господни? Из мертвых мы сделались бессмертными. Таковы действия креста».

Седьмую причину святой Афанасий объясняет так: «Ежели Иисус Христос пришел для того, чтобы понести на Себе наши смертные грехи и нашу клятву, то каким бы другим образом мог Он принять на Себя клятву или удовлетворить Богу за наши смертные грехи, если бы не претерпел смерти, приличествующей проклятым, а сие-то и есть крест; ибо написано: *проклят всяк висий на древе*».

Наконец, святые отцы Церкви указывают и еще одну – **восьмую** – причину крестной смерти Богочеловека Иисуса Христа. Так, святой Григорий Нисский, изъясняя символ веры, между прочим, говорит: «Крест соделал торжество. Ибо Христос, пришедший на землю, покорил Себе, как говорит апостол, три царства (Флп. 2:10). Эта мысль заключается в следующих словах его: *о имени Иисусове всяко колени поклонится: небесных и земных и преисподних*; то есть смертью Своею Он победил все сии три царства. Посему весьма сообразно с таинством (домостроительства Божия) употреблена смерть крестная: дабы Христос, возвысаясь на воздухе и покоряя воздушные силы, одержал победу над ними. Простертые же на древе руки Свои Он держал весь день, как говорит Исаия (65:2), для людей, живущих на земле, дабы

неповинующихся отвергнуть, а верующих призвать; наконец, частию древа, водруженного на земле, Он покорил Себе преисподнее царство». Сходно со святым Григорием рассуждает и святой Афанасий Великий. «Враг рода нашего – диавол, – говорит он, – низпадши с неба, блуждает по сему дольному воздуху; Господь пришел, чтобы низвергнуть диавола, очистить воздух и открыть на небеса путь, как говорит апостол, *завесою, сиречь плотью Своею* (Евр. 10:10). И это долженствовало быть исполнено смертию Его. Какою же другою смертию могло быть совершено сие, как не тою, которая претерпевается на воздухе? Я говорю о кресте, ибо один только тот умирает на воздухе, кто оканчивает свою жизнь на кресте. Следовательно, не без причины Господь подъял сию смерть. Ибо Он, будучи вознесен таким образом, очистил воздух от диавольского и всякого демонского нападения, говоря: *Видех сатану яко молнию с небесе спадша* (Лк. 18:18). Таким образом Он очистил и обновил непроходимый путь на небеса. Посему правильно и прилично смерть Христова совершилась на кресте; и достаточные были причины на то, что спасение всех долженствовало быть совершено не иначе, как крестом».

Итак, христианин, не стыдись креста, – сего, казалось бы, позорного орудия страданий и смерти твоего Искупителя; искренно благоговей пред ним, смиренно поклоняйся ему, радостно лобызай его; взирай на него такими же самыми очами, какими взирали святые отцы и учителя Церкви, которые подобно апостолу не хотели никого более *знать как только Иисуса Христа, и Сего распята* (1Кор. 2:2), и ничем более хвалиться, как *только крестом Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. 6:14). В таком случае ты не будешь посрамлен, и тогда, как пред наступлением Страшного Суда Христова, *явится на небе знамение Сына Человеческого* (Мф. 24:30) для последнего торжественного обличения *врагов креста Христова*.

Мысли св. Григория Нисского о тайне Креста

«Воскресное чтение», 1819

Кто может достаточно изъяснить тайну креста, послужившего орудием страданий Спасителя? В самом деле, сколько было других способов, посредством которых Он мог исполнить совет Свой относительно страдания за нас! И однако из всех Он восхотел и избрал сей один, как Сам предрек, говоря о Себе: *подобает Сыну Человеческому...* Заметь, как говорит Он здесь: не просто только и в общих чертах предсказывает Свои страдания, как сделал бы другой кто, но, по таинственной некоей необходимости, обозначает и как бы узаконяет для Себя один род смерти: *Подобает Сыну Человеческому много пострадати... и пропяту быти и в третий день воскреснути* (Лк. 9:22; 24:7).

Вникни в значение этого *подобает* и ты увидишь, что в нем заключается именно нечто такое, что не допускает другого рода смерти, кроме креста. Какая же причина сего? Один Павел, восхищенный в притворы рая и слышавший в них неизреченные глаголы, может изъяснить ее... Один, говоря, Павел может истолковать эту тайну креста, как отчасти и сделал сие в Послании к Ефесянам, когда, разъясняя ее для них, говорит: *Да возможете разумети со всеми святыми, что́ широта и долгота, и глубина и высота, разумети же преспеющую разум любовь Христову, да исполнитесь во всяко исполнение Божие* (Еф. 3: 18–19). Не произвольно, конечно, Божественный взор апостола созерцает и начертывает здесь образ креста, но самое уже сие показывает, что чудесно очищенный от тьмы неведения взор сей ясно прозрел в самую истину вещи, ибо в очертании, состоящем из четырех противоположных рогов, выходящих из общего средоточия, он усматривает всеобъемлющее могущество и дивное промышление Того, Который благоволил явиться в нем миру; потому-то апостол каждой из частей сего очертания усваивает особое наименование, и именно – ту, которая из середины нисходит к низу, называет глубиною, а идущую вверх – высотой, обе же протянутые поперек – широтою и

долготою. Сим он, как мне кажется, ясно хочет выразить, что все, что ни есть во вселенной, превыше ли небес, в преисподних ли, или на земли от одного края ее до другого, – все это живет и пребывает манием Божественным под осенением крестным.

Можешь еще созерцать вещи Божественные и в представлениях души твоей, ибо воззри на небо и умом обними преисподняя, а равно прости мысленный взор твой от одного края земли до другого, помысли при этом и о том могучем средоточии, которое все это связывает и содержит, и тогда в душе твоей само собою вообразится очертание креста, простирающего концы свои от верха к низу и от одного края земли до другого. Сие очертание представлял и великий Давид, когда говорил о себе: *Камо пойду от Духа Твоего и от лица Твоего камо бежу? Аще възыду на небо* (это высота), *Ты тамо еси: аще снйду во ад* (это глубина) – *тамо еси: аще возму крыле мои рано*, то есть *на заре*, с востока солнца, (это широта) *и вселюся в последних моря*, – а морем у иудеев назывался запад (это долгота), *и тамо рука Твоя наставит мя* (Пс. 138:8–9). Видишь ли, как Давид изображает здесь начертание креста? «Ты еси, – говорит он к Богу, – Тот, Который повсюду существуешь, все Собою связуешь и все в Себе содержишь; Ты вверху и Ты внизу, рука Твоя одесную и рука Твоя ошуюю». По той же причине и святой апостол говорит, что в то время, когда все преисполнено будет веры и ведения, Сущий паче всякого имени будет призываем и поклоняем о имени Иисуса Христа от небесных, земных и преисподних (Еф. 1:21; Флп. 2:10).

По моему мнению, тайна креста сокрыта также и в иной *иоте* (если рассматривать ее с верхнею поперечною чертою †), которая и небес крепче и земли тверже, и всех вещей прочнее, и о которой говорит Спаситель: *Небо и земля преидет, иота едина или черта не преидет от закона* (Мф. 5:18). Мне кажется, что сии Божественные слова имеют в виду – таинственно *и* яко *зерцалом*, в *гадании* показать, что образом креста все содержится в мире и что он вековечнее всего содержимого им.

По сим-то причинам Господь не просто сказал: *подобает Сыну Человеческому умереть, но пропяту быти*, для того, то есть, чтобы созерцательнейшим из богословов показать, что во образе креста сокрыта всемогущая сила Того, Который почил на нем и благоизволил, да крест является всячески во всем!

Несение креста Спасителем

(Ин. 19:17; Мк. 15:21)

«Воскресное чтение», 1876

И нося крест Свой изыде на глаголемое Лобное место (Ин. 19:17). И задета мимоходящу некоему Симону Кириею, грядущу с села (отцу Александру и Руфову), да возьмет крест Его (Мк. 15:21). Все подробности в истории земной жизни Спасителя имеют свое значение; особенно это нужно сказать о подробностях касательно страданий и смерти Иисуса Христа. Все четыре евангелиста в изображении жизни Спасителя имеют свои особенности, в общем согласно представляющие один целостный образ Богочеловека и полную историю Его земной жизни. К числу этих особенностей относится и то, что о некоторых событиях и подробностях одни евангелисты только намекают или и совсем не упоминают, между тем как другие более или менее обстоятельно повествуют о них.

Это нужно сказать и о вышеприведенных текстах, в которых повествуемое евангелистом Марком есть не что иное, как *восполнение* того, о чем евангелист Иоанн упоминает только как бы мимоходом.

Евангелист Марк повествует, что Иисуса Христа повели на место казни, и при этом замечает, как повели. Слова, которыми он это изображает: *И повели Его, чтобы распять Его*, – тогда у римлян составляли обычное выражение, под которым разумелось, что осужденный ведется на смерть, причем он всегда нес и крест, на котором должен был умереть, так как к наказанию осужденного принадлежало и самое несение креста, который привязывался к спине его веревкою.

Евангелист Иоанн повествует иначе: он говорит о несении креста, что передается и в повествовании евангелиста Марка, но ничего не упоминает о том, что происходило на пути на Голгофу. Он замечает: *и взяли Иисуса и повели Его*, и по выходе из претории Он Сам «нес Свой крест» по всему скорбному пути до самых ворот. На этом же пути от ворот до Голгофы случилось и то, что подробнее изображает евангелист

Марк словами: «И заставили проходящего некоего киринеянина Симона, отца Александрова и Руфова, идущего с поля, нести крест Его». Даже жестокосердые воины могли заметить, что Иисус Христос вследствие перенесенных Им мучений упадет под тяжестью креста и не в состоянии будет идти дальше; Поэтому они и заставили встретившегося им на пути Симона-киринеянина донести крест Его до места казни.

Евангелист Иоанн ничего не говорит о том, что происходило на пути от претории до Голгофы, и сообщает только одно из того, что заключается в выражении евангелиста Марка (ст. 20), именно, что когда Иисус Христос начал этот путь, то «понес Свой крест». Но евангелист Марк повествует и о недостающем у Иоанна и говорит, восполняя, а не противореча другим евангелистам, о том, что происходило на дороге. Это восполнение находит свое подтверждение и в Евангелиях от Матфея и Луки, из которых последний также говорит: «И когда повели Его, то, захватив некоего Симона Киринеянина, шедшего с поля, возложили на него крест, чтобы нес за Иисусом». Евангелист Лука упоминает еще об одном обстоятельстве, о котором умалчивают Иоанн и Марк, именно о последовании великого множества народа, о плаче женщин, о словах к ним Господа и о ведении с Ним на смерть двух злодеев (Лк. 23:27–31:32). Что Иисус Христос на остальной части Своего скорбного пути облегчен был от тяжести креста, подтверждается, кажется, и тем обстоятельством, что такое облегчение дало Господу Иисусу возможность обратиться со строгою речью к последовавшей за Ним толпе народа, заканчивавшеюся словами: «Если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?»

Нельзя также не обратить здесь внимания и на то, что на основании слов евангелиста Луки (23:26) «возложили на него (Симона Киринейкого) крест, чтобы нес за Иисусом» представляется, что Симона заставили нести только нижнюю часть креста, между тем как тяжелейшая часть его оставалась на плечах Спасителя, и следовательно, Он Сам нес Свой крест до места распятия. Приведем здесь изъяснение одного толковника: «Господу сделано было только некоторое

облегчение, а не совершенное освобождение от тяжести креста. Крест веревкою был привязан к плечам, и, конечно, немного времени потребовалось, чтобы отвязать его от Спасителя и нижний конец возложить на плечи Симона. Следовательно, здесь речь не о совершенном снятии с Него креста, но о совместном несении нижней части; и если даже признать, что тяжесть от этого для Господа только увеличилась, а не облегчилась, так как верхняя часть тем тяжелее должна была упереться на Его плеча, то из этого будет только следовать здесь, как нередко и в других случаях, что милосердие нечестивых было жестокое. Впрочем, мы и не читаем ни у одного из евангелистов, что Спаситель не мог уже долее держаться под тяжестью креста и упал бы, если бы в надлежащее время не пособил Ему Симон. И здесь Спаситель несет тяжелейшую часть бремени, между тем как легчайшая (сравнительно) остается на плечах того, кто за ним следует».

Обыкновенно принимают, что Иисус Христос вследствие перенесенных Им дотоле страданий упал под тяжестью креста; но это мнение ни на чем не основано, так как ни один из евангелистов не говорит об этом, и потому положительно утверждать этого нельзя. Несомненно только, что Иисус Христос Сам нес Свой крест от претории до ворот городских; несомненно также и то, о чем повествует с дополнением и евангелист Марк.

Но упал ли Иисус Христос под тяжестью креста, сделано ли было Ему некоторое облегчение от тяжести креста или Его и совсем освободили от нее, несомненно также, что Он говорил на пути к народу, как повествует евангелист Лука. Впрочем, для веры достаточно, что Он нес крест и что в этом было наше спасение; это нам необходимо знать, и это мы знаем определенно.

Несение креста Господом Иисусом Христом напоминает нам о наших грехах, ради которых Он обременен был как символом тяжести проклятия и гнева Божия, которая легла на Иисуса Христа и которая совершенно подавила бы нас и вечно мучила бы, так как она даже Сына Божия повергла на землю. Было совершенно справедливо несомый Им крест передать

человеку, так как это был, собственно, не Его, но наш крест. Не должны ли и мы, после того как Иисус Христос понес на Себе наш крест, добровольно и охотно нести и Его крест? Крест, который Он понес за нас, был самый тяжелый, но Его крест, который мы должны нести, есть «легкое бремя»; наш крест, который мы возложили на Него, был древом проклятия и мучений, Его же крест имеет спасительное для нас действие, приводящее нас к вечному спасению.

О плаче жен иерусалимских

(Лк. 23:28–31)

«Воскресное чтение», 1821

*Дщери Иерусалимски! не плачитесь о Мне, обаче себе плачите и чад ваших! яко се дние грядут, в няже рекут: блажены неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, яже не доиша. Тогда начнут глаголати горам: падите на ны, и холмам: покройте ны (Лк. 23:28–30). Почему Спаситель запрещает дочерям иерусалимским плакать о Нем? Божественным учением, святостию жизни и чудесами Иисус Христос прославил на земле Отца Небесного – и Его осудили как богохулителя. Он пришел на землю, дабы исполнить всякую правду, и смиренно подчинился человеческой власти и Его приговорили к позорной смерти как возмутителя. Почему же не плакать о Нем, когда невинно проливается Его драгоценная кровь? Потому, что пострадать и умереть – было непременно и пламенным желанием Спасителя. Цель пришествия Его на землю была та, чтобы искупить род человеческий от греха, диавола и смерти – и вот Он идет на Голгофу, дабы совершить это величайшее дело Божественной любви: *никтоже возмет душу Мою от Мене*, сказал Сам Спаситель пред страданием, *но Аз полагаю ю о Себе*.*

Себе *плачите*, продолжает Спаситель, и чад *ваших*. Ибо причиною страданий и смерти Икупителя нашего были грехи рода человеческого, за которые правосудие небесное требовало жертвы. Зависть книжников и фарисеев, корыстолюбие Иуды, легкомыслие народа, грубость воинов и подобные сим явления, о которых говорит нам история страданий Спасителя, суть плоды того греховного семени, которое получаем мы от родителей и передаем чадам. Об этом-то ужасном развращении рода нашего мы должны плакать!

Плачь о себе, завистливый, ибо твой грех присутствовал в нечестивом совете врагов Христовых! Плачь о себе, корыстолюбец, ибо ты в лице Иисуса продал Христа своего! Плачь о себе, легкомысленный, ибо ты вместе с народом

взывал прежде: *Осанна!* – а потом: *Распни Его!*... Плачь каждый о своем грехе; плачь не слезами дочерей иерусалимских, а слезами Петра и грешницы в доме Симона прокаженного. Но кто не знает этих слез, слез истинного покаяния, тот будет плакать безутешными слезами отчаяния: *Седние грядут*, говорит Господь, *в няже рекут: блажены неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша.* Тогда начнут глаголати горам: падите на ны, и холмом: покройте ны.

Слезы необходимы для грешника. И кто не плачет о грехах своих, тот будет плакать от наказаний за грех. Но какое бесконечное различие между тем и другим плачем! Это не те слезы, которые пролил мытарь, взывая: *Боже, милостив буди мне грешному.* Это не тот плач блудного сына, с которым он вопиял: *Отче! согреших на небо и пред тобою.*

Это не то раскаяние, которое трогает сердце Отца Небесного и располагает Его к прощению, но плач безутешный, на который никто не отзовется; ибо сказано о грешниках, что он напрасно будет *взывать горам: падите на ны, и холмом: покройте ны.*

Еще не пришло время этого страшного плача; еще глаза наши не закрылись для слез покаяния. Плачь же, грешник, этими сладкими слезами, чтобы не плакать после горькими слезами отчаяния!

О, как часто мы стоим в глубокой скорби у ложа больного и плачем горькими слезами у гробов наших близких! Почему же не плачем о своей смертельной болезни? Не плачем при мысли о той духовной смерти, которая уготовляется нераскаянному грешнику? Почему другие слезы так нередки, а редки слезы Петра и подобных кающихся?

Господи Боже! Сердце мое окаменело и неспособно источать слез покаяния. Сокруши его Своею благодатию и дай мне сердце плотяное! Даруй мне *печаль, яже по Бозе*, и да произведет она во мне *покаяние нераскаянно во спасение!*

Прп. Исидор Пелусиот

Не должно оплакивать мужественного борца, выходящего на подвиг, где покрывается он пылью и терпит удары, потому

что труды его окончатся венцами. Не должно также сопровождать слезами доблестного воина, идущего на брань, где может потерпеть и раны и смерть, потому что возвратится победоносным и удостоится памятников и похвал. Должно же о тех плакать, которые выходят на разбои и человекоубийства, особливо когда совершают злодеяния, потом когда бывают наказываемы. Итак, почему же просил ты научить тебя, по какой причине Христос, когда шел на крест как победитель, не только не одобрил плачущих жен, но и запретил им плакать? Известно, что сострадание страждущему невольно доставляет утешение, а страждущему добровольно наносит обиду. Ибо обидна сострадательность тому, чье страдание не произвольно. Итак, поскольку Христос добровольно шел на страдание, чтобы уничтожить смерть и низложить диавола, а жены плакали о Том, Кого справедливо было прославлять и сопровождать рукоплесканиями, то посему, как думают некоторые, положил на них проклятие, а как требует сказать истина, предугадал им бедствия, какие их постигнут. Ибо непозволительно было оплакивать победителя греха, спешившего не только умертвить и связать диавола, но и освободить плененных всем этим.

Архиеп. Иннокентий. «Последние дни земной жизни Иисуса Христа»

Дщи Иерусалимския! – сказал Господь, обратясь к ним, – не плачитесь о Мне: себе паче плачите и чад ваших.

(Такое дивное запрещение плакать о Нем, когда Он, изнемогая под крестом, шел на очевидную и мучительную смерть, могло быть совершенно понято не прежде воскресения Иисуса Христа; но совет плакать о себе и чадах своих и теперь давал разуметь женам и каждому, какое великое различие между чувствами Иисуса Христа в таком положении, не оставляющего мысли и заботы не только о настоящей, но и будущей судьбе чад Иерусалима, – и бесчувствием первосвященников, кои пред Пилатом с таким безрассудством призывали на всех чад Иерусалима кровь Праведника).

Яко се, продолжал Господь, дние грядут, в няже рекут: блаженны неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша. Тогда начнут глаголати горам: падите на ны, и

холмам: покрыйте ны. Зане аще в сурове (зеленеющем) древе сия творят, в сусе (древе) что будет?

Нельзя было сильнее изобразить бедствий, угрожающих Иерусалиму. Бесчадство почиталось у иудеев самым тяжким несчастьем и наказанием Божиим, а посему дойти до того, чтобы завидовать бесчадным, значило прийти в отчаянное состояние. Так выражались и пророки, когда от имени Бога Израилева угрожали Израилю за его преступления. Но сия угроза произнесена Сыном Человеческим без всякого чувства личного негодования на неблагодарных соотечественников. Он не говорит, что наступают дни, когда вы, испросившие Меня на казнь, *скажете*, а говорит просто: *скажут*, нимало не касаясь личных врагов Своих. Высочайшее чувство самоотвержения заставляет Его забыть все собственные страдания, и Он запрещает плакать о Себе; но истинное чувство любви к бедному отечеству побуждает не скрывать ужасных зол, его окружающих, в предостережение тем, кои еще могли внимать истине. Это была последняя проповедь покаяния, которую народ слышал из уст своего Мессии, произнесенная с самым нежным чувством любви к ближним. Войны, глад, язвы и прочие бедствия, имевшие предшествовать разрушению Иерусалима, действительно должны были оказать всю свою свирепость, особенно над женами непраздными и матерями, имеющими грудных младенцев. Так и прежде, изображая ученикам Своим сии бедствия, Господь представлял особенно участь жен непраздных: *Горе же доящим в тыя дни*.

Слова «если с зеленеющим деревом (со Мною) сие делают; то что будет с сухим» – (с народом иудейским) – выражают много, очень много ужасного для народа иудейского. Но и в сих словах нет никакого личного негодования. Это присловие, постоянно переходившее из уст в уста; и когда же приличнее было употребить его, как не теперь, для вразумления всех и каждого? Если вожди народа иудейского, первосвященники, фарисеи и книжники сравниваются здесь с сухим деревом (обыкновенный у пророков символ людей нечестивых), то сие сравнение еще с большей выразительностью было уже слышимо из уст Иоанна Крестителя в то время, когда

торжественное посольство от лица синедриона спрашивало его, не он ли Мессия.

В то время, когда Иисус Христос в последний раз предостерегал таким образом Своих соотечественников, слова Его, вероятно, были приняты с любовью немногими. Но во время разрушения Иерусалима, последовавшего спустя несколько лет, самые упорные враги Господа должны были привести их себе на память. Нельзя без содрогания читать описания тогдашних бедствий народа иудейского. Состояние матерей было таково, что некоторые из них решались закалать собственных детей для снеди... Тогда скалы и пещеры палестинские, служившие во время войн обыкновенным убежищем иудеев, соделались, как предрекал теперь Господь, гробами для многих тысяч несчастных, кои действительно призывали сами на себя смерть как последнюю отраду.

Примирение разностей в евангельских сказаниях о времени распятия Иисуса Христа

Диакон Кудрявцев. «Христианское чтение», 1867

По Евангелию от Иоанна, в шестом часу судебный приговор принимает только более решительный характер (Ин. 19:14). По сказаниям же первых евангелистов, в третьем часу уже последовало распятие (Мк. 15:25), а от шестого до девятого была уже тьма (ст. 33). Такие указания были бы действительно указаниями противоречащими, если бы необходимо принять было, что, как евангелист Иоанн, так и первые евангелисты следовали в определении времени одному и тому же обычаю. Но в том-то и дело, что евангелист Иоанн как имевший в виду повествования предшественников и как назначавший свои повествования для читателей, мало знакомых с судебским времяопределением, счел нужным, как очевидец событий, определить время так, как определялось оно при римском судопроизводстве. Римляне при производстве суда счисление часов начинали от середины ночи, так что шестой час равнялся нашему шестому часу. Между тем первые евангелисты определяют время согласно с иудейскими обычаями – от начала утра. От этого произошло кажущееся различие. Следовательно, стоит только принять во внимание это обстоятельство, и кажущееся противоречие падет само собою. Если около шестого часа по римскому счислению Пилат взошел на судебное место, чтобы произнести окончательно приговор над Иисусом, если принять еще то обстоятельство, что вместе с Господом произнесен был приговор над двумя преступниками, что довольно потратилось времени на путешествие до Голгофы, на приготовление к распятию, то время распятия и по Евангелию от Иоанна будет соответствовать тому третьему часу, о котором, согласно обыденному счислению времени, говорит евангелист Марк, то есть будет соответствовать нашему девятому часу. Что таково именно было счисление времени у римлян, об этом свидетельствует ученый Гуг. Приведя множество мест из сочинений Плутарха, Макровия, Цицерона,

Сенеки и многих других писателей, где прямо говорится, что таково именно было счисление времени у римлян, Гуг прибавляет: если Иоанн обозначает шестой час утра как время произнесения судебного решения, то он, так как писал для христиан из язычников, следует в этом римскому судебному языку. Итак, определение времени евангелистом Иоанном, будучи соглашено с обыденным иудейским счислением времени, никак не может стоять в противоречии.

Мысли св. Кирилла Александрийского о распятии двух разбойников со Христом

Изъяснение на слова из Евангелия, читаемого в день Крестовоздвижения. «Воскресное чтение», 1811

Поемше же Иисуса и ведоша: и нося крест Свой изыде на глаголемое Лобное место, еже глаголется Еврейски Голгофа, идеже пропяша Его, и с Ним ина два сюду и сюду посреде же Иисуса (Ин. 19:17–18). Что со Христом были распяты два разбойника, то иудеи сделали сие по злобе; именно, чтобы более обесславить смерть Спасителя, они осудили на оную вместе с праведным беззаконников. Между тем осужденные на распятие со Христом разбойники означали два народа, кои вскоре должны были присоединиться ко Христу, то есть израильян и язычников; потому что иудеев осуждал закон, коего они были преступники, а язычников заблуждение их, ибо они почтоша и послужиша твари паче Творца (Рим. 1:25). Впрочем, поскольку присоединяющиеся ко Христу сораспинаются Ему особенным образом, именно, умирая прежде греховной жизни, преобразуются в жизнь новую и евангельскую, как это видно из слов апостола Павла, который говорит: Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми (Гал. 5:24); или: аз законом закону умрох, да Богу жив буду, Христови сраспяхся (Гал. 2:19); или: аще умросте со Христом от стихий мира, почто аки живуще в мире стяжаетесь (Кол. 2:20) (ибо отречение от мирского образа жизни есть начало жизни во Христе), то распятие двух разбойников со Христом Спасителем еще знаменует и то, что означаемые ими два народа умрут со Христом, отвергнувшись мирских удовольствий и плотской жизни, и будут жить вместе с Господом Своим, проводя жизнь по правилам Его. Образ не теряет своей силы от того, что повешенные были злодеи, потому что прежде пришествия веры мы все были естеством чада гнева и повинны смерти.

Каким образом враги Иисуса Христа дошли до сатанинского злорадства и глумления над Ним во время ужаснейших страданий Его на кресте?

(Мф. 27:39–44)

Павел, архиеп. Кишиневский. Из Слова на повечерии в пяток первой седмицы Великого поста, в первую пессию

Мимоходящи хуляху Иисуса, покиваяще головами своими и глаголюще: Разоряяй церковь и тремя денми Созидаяй, спасися Сам: аще Сын еси Божий, снуди со креста (Мф. 27:39–40). Из всех проявлений злобы и ненависти к Господу нашему Иисусу Христу преступных врагов и мучителей Его самым возмутительным, ужасным, позорным, отвратительным, конечно, было глумление их над тяжело страдающим Богочеловеком. Не так ужасна была злоба их тогда, когда она разразилась яростными, неистовыми криками: *Распни, распни Его*, как в минуты злобно-хладнокровного глумления над добровольно-беззащитным предметом их ненависти – неповинным Страдальцем. Ярость сама страдает, ярясь против ненавистного ей существа, и потому хотя несколько наказывается за свою преступность. В поруганиях же и насмешках злоба демонски наслаждается, ликует и торжествует, и, не страдая сама, зверски наслаждается страданиями своей жертвы. В глумлениях над Богочеловеком злоба с особенною силою обнаружила свой сатанинский характер; здесь она явилась вполне достойною своего изобретателя – духа злобы, всегда с торжеством и радостью взирающего на бедствия человеческие. Потому присутствие духа адского, сатанинского с особенною силою чувствуется в этих хулах и поношениях, и трепет и ужас невольно объемлют душу при размышлении о них и приводят ее в содрогание. Ужасно было состояние врагов Иисусовых, имевших полную возможность сделаться сынами Божиими и добровольно сделавшихся чадами отца своего диавола (Ин. 8:44), вполне послушными орудиями его. Какими путями дошли они до такого состояния?

Пути, по которым враги Богочеловека дошли до нечеловеческой жестокости – до способности злорадно глумиться над ужаснейшими страданиями, различались по различию самых путей и образа их жизни. Одни – фарисеи – старались снискать себе славу и счастье лицемерною праведностью и, пришедши в соприкосновение с Богочеловеком, Своею Божественною праведностию совершенно затмившим их мнимую праведность, воскипели завистью и ненавистью к Нему и решились погубить Богочеловека, не отступая ни пред какою жестокостью для достижения своей цели. Другие – первосвященники, саддукеи – искали в своем высоком положении средств к жизни удобной, веселой, чувственной и возненавидели Иисуса со всею злобою, со всем ожесточением сластолюбцев, трепещущих от опасения лишиться средств к жизни веселой. Третьи – народ – всю жизнь вляялись всяким ветром учения, обещаний, надежд и мечтаний о чувственно-блаженном царстве Мессии, служили орудием в руках предводителей разных партий для поражения партий враждебных и вместе с вождями своими торжествовали свои победы над врагами или терпели от поражений: с бессердечием нравственного ничтожества, с озлоблением разочарования и обманутых надежд на земное царствование Иисуса, с жестокостью низкого ласкательства и угодничества пред торжествующими врагами Христовыми, они хулят Божественного Страдальца, глумятся над Ним. Четвертые – воины и хулящий разбойник – допустили себя до огрубения среди опасностей, лишений, насилий и жестокостей, особенно при совершении казней, потому от них невозможно было и ожидать сострадательности и мягкости сердца; невозможно было и ожидать, что они не присоединят к хулам и насмешкам толпы своих глумлений.

Первыми врагами Богочеловека – и прежде других начавшими злобствовать, и более других злобствовавшими против Него – были фарисеи. Ревнителю закона и отечественной старины, постоянно и усиленно стремившиеся к снисканию себе уважения народа и влияния на него, к привлечению его на свою сторону своею ревностью к старине, своею внешнею

лицемерною праведностью, и потому постоянно вращавшиеся среди народа, – фарисеи первые должны были прийти в столкновение с Иисусом Христом – новым, необыкновенным народным Учителем, возвещающим учение живое, новое, Божественно возвышенное, благое, утешительное и благотворное, и отличающимся совершеннейшею праведностью, святостию, безграничною любовью, чудодейственной силою. Необычайное влияние Его на народ, уронившее их влияние, внимание народа к Его учению и благоговение пред Его святостию и чудесами возбуждают в надменных, честолюбивых душах фарисеев чувство зависти; опасение совершенно потерять свое влияние на народ, свое могущество, свою славу, приобретенные нелегким трудом лицемерия и различными лишениями, сопряженными со внешнею праведностью, наполняет сердца их ненавистью к Богочеловеку. Первое обнаружение вражды начинается с того, что зависть и ненависть в лице фарисеев начинает зорко следить за всеми словами и делами Богочеловека, перетолковывать их и стараться убедить и себя, и других в том, что и учение Иисуса Христа ложно, и жизнь Его не праведна, и чудеса не Божественны. Начинается, в тех, по крайней мере у кого еще не совсем сожжена совесть, тяжелая борьба между голосом совести, свидетельствующим о Божественном посланничестве Иисуса, и между требованием ослепленного завистью и предрассудками ума видеть в словах Иисуса Христа хулу против Бога, в Его чудесах – дела веельзевула. Выступает целый ряд волнующих и раздражающих завистливую душу неудач уловить Иисуса Христа в слове или деле, восстановить против Него идущий во след Его народ. Чем чаще и сильнее голос совести начинает заглушаться голосом зависти и злобы, не желающей видеть истины учения и святости жизни Богочеловека; чем чаще и сильнее завистники начинают терпеть неудачу в своих попытках и затем в упорном старании подорвать доверие к Иисусу Христу как Мессии и приготовить Ему гибель; чем выше после каждой новой беседы и нового чуда становится Иисус Христос во мнении народа, тем сильнее воспламеняется их ненависть к Нему, тем ожесточеннее

становится зависть. Каждое новое чудо Его – новая стрела, вонзающаяся в их сердце; каждое торжество Его – новая рана для их души. Воскрешение Лазаря и торжественный вход Воскресившего в Иерусалим доводят до крайних пределов их злобу и ненависть. Как истерзали бы они предмет своей злобы и ненависти! Как усладились бы они страданиями и гибелью ненавистного им Назарянина, увлекшего весь народ за Собою! И вот, Господь для совершения великих судов Своих о спасении мира попускает на время зависти и злобе фарисеев проявить всю свою лютость над своею жертвою – Богочеловеком, и злоба тем яростнее и неистовее открывается, чем дольше накоплялась, усиливалась и раздражалась неудачами, чем больше, по мере славы Христовой, возрастала. Членов верховного судилища иудейского зависть и злоба заставляют забыть и свое важное положение, и свои, конечно, почтенные лета (Мф. 26:58), и они, унижаясь до привычек и нравов невоспитанной толпы, плюют Иисусу Христу в лицо, заушают Его, а другие, ударяя по щекам, говорят: *Скажи нам, Христос, кто ударил Тебя?* (ст. 68). Членов синедриона, вождей народа, зависть и ненависть обращают в позорных подстрекателей безумной толпы; вожди народа стараются возбудить и раздражить в черни дурные инстинкты, могущие сделаться гибельными для целого народа. Членов верховного судилища, обязанных быть образцами любви и сострадания к самим даже преступникам, являться в своих судах и решениях праведными судьями, но не страстными мучителями виновных и подавать пример богоугодного приготовления к дням великим и святым, – зависть и злоба влекут в пяток пасхальный за город, на Лобное место, чтобы там насладиться зрелищем страданий невинного Страдальца, поглумиться над Ним, усладить свою душу преступным торжеством. Так, восторжествовавшая над Христом зависть врагов Его привела их в состояние сатанинского злорадства, подобно тому как зависть диавола, внесшая грех в мир человеческий, приводит его в состояние злорадства при каждом падении нашем.

Ругавшиеся над Иисусом Христом первосвященники принадлежали к ереси саддукейской (Деян. 5:17). Коренное

правило жизни людей, принадлежавших к этой ереси, точно выражается словами: *Душе, почивай, яждь, пей и веселися* (Лк. 12:19). *Случайно мы рождены, и после будем как небывшие: дыхание в ноздрях наших – дым, и слово – искра в движении нашего сердца. Когда она угаснет, тело обратится в прах, и дух рассеется, как жидкий воздух* (Прем. Солом. 2:2–4) – такова почти была философия этих людей, таковы почти были понятия и о начале и конце существующего. Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью; преисполнимся дорогим вином и благовониями, и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни; увенчаемся цветами роз прежде, нежели оне увяли; никто из нас не лишай себя участия в нашем наслаждении; везде оставим следы веселия, ибо то наша доля и наш жребий (ст. 6–10) – таковы были нравственные правила саддукейские. Будучи слугами Бога живого, вечного, святого, первосвященники-саддукеи тем не менее отвергали вечную жизнь и презирали нравственную строгость, требующую обуздания своих страстей и воздержания от чувственных пожеланий.

С первого взгляда могут казаться непонятными и необъяснимыми злостные, жестокие преследования своих врагов и глумления над их бедствиями со стороны людей, предающихся веселью, которое, казалось бы, способно смягчать души человеческие: возможно ли, чтобы смех и веселие порождали жестокость и злобу? Но связь между грубым весельем и жестокостью представляется необъяснимою только на первый взгляд. На самом же деле мало что до такой степени огрубляет, ожесточает человека и делает бесчувственным к горю и страданиям ближнего, как привычка к чувственным наслаждениям, как жизнь, протекающая в ежедневном веселье, неумолкающем смехе. Евангельский богач, веселившийся по вся дни светло, всегда равнодушно проходил мимо страдавшего от голода и проказы Лазаря (Лк. 16:19–21). Пиршество сластолюбивого, чувственного Ирода закончилось усечением главы Иоанна Крестителя (Мф. 14:3–11). Веселье и смех, приучая вообще человека к легкомыслию, к легкому

взгляду на все, приучают к легкомысленному и легкому взгляду и на страдания людей, к взгляду на них с улыбкою, даже смехом. Подобно тому как в знойное, не освежаемое дождями лето яркое, палящее солнце своими знойными лучами иссушает землю и делает ее бесплодную в то самое время, когда, казалось бы, ласково улыбается ей и призывает к пиру и веселью, – подобно тому постоянное веселье и неумолкающий смех сушат сердце и делают его совершенно неспособным ни к какому теплоте чувству. Напротив, жестокость легко и скоро развивается среди пиршеств и веселья. Вот какие ужасные слова, изображающие понятия и нравы любителей пиршеств и чувственных удовольствий, влагае уста их Премудрый: *Будем притеснять бедняка праведника, не пощадим вдовы и не постыдимся многолетних седин старца. Сила наша да будет законом правды; ибо бессилие оказывается бесполезным. Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам, и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания; объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; он пред нами – обличение помыслов наших. Тяжело нам и смотреть на него; ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его; он считает нас мерзостью и удаляется от путей наших как от нечистот; ублажает кончину праведных и тщеславно называет отцом своим Бога. Увидим, истинны ли слова его, и испытаем, какой будет исход его; если этот праведник есть сын Божий, то Бог защитит его и избавит его от руки врагов. Испытаем его оскорблением и мучением, дабы узнать смирение его и видеть незлобие его; осудим его на бесчестную смерть, ибо, по словам его, о нем попечение будет (Прем. 2:10–20).* Так естествен и легок, по словам Премудрого, переход от утех и наслаждений к обидам и насилию, к ужаснейшим жестокостям.

Этим же путем порочных и преступных наслаждений, хищений, насилий, жестокого глумления над жертвами своих неправд шли, конечно, и первосвященники-саддукеи в своем развращении и взошли на вершину сатанинского глумления над невинным Страдальцем. Пламенный Обличитель книжников и

фарисеев, снедавших дома вдовиц (Мф. 23:14), Господь наш Иисус Христос, естественно, казался опасным и сделался ненавистным для саддукеев-первосвященников, живших хищениями и неправдами. Неукротимую злобу, непримиримую ненависть Он должен был возбуждать в сердцах их Своими обличениями как безбожного учения саддукейского, отвергавшего бессмертие души, так и безнравственной, чувственной жизни саддукеев, устрояемой по началам сего учения! Как ненавистен должен был быть для них образ жизни Его, святой, строгий, чистый, благотворительный, служивший живым укором их жизни непотребной! С каким потому нетерпением они искали случая подвергнуть Его всей тяжести страданий за то, что Он именует Себя Сыном Божиим и грозит им бедствиями и казнями за их нечестие! И вот, когда лестью – предательством – уловили Праведника, – они, опьянев от злобы, не только предают Его ужаснейшим и позорнейшим мучениям, но и бесстыдно идут к Лобному месту для того, чтобы насладиться торжеством своим, зрелищем страданий невинного Страдальца и, если можно, своими поруганиями увеличить их, влить новую горечь в чашу их. Преступное пристрастие к чувственным удовольствиям сделало первосвященников-саддукеев людьми злобными и приучило их к злорадованию.

Хулившая Иисуса Христа народная толпа, суетная и легкомысленная, по обычаю всякой толпы, была слепым орудием вождей народных и со своей стороны всего более искала от Иисуса Христа, как можно догадываться, между прочим, и из содержания хулы ее, зрелищ – необычайных, чудесных дел, знамений. Она с любопытством посмотрела бы на сведение Им огня с неба, подобно тому как свел огонь с неба Илия; она полюбовалась бы на хождение Его по водам, на чудесное проведение Им, подобно Моисею, народа чрез моря и реки, и проч., и проч. Ее любопытству, как ей показалось, и обещано, готовится полное удовлетворение, готовится небывалое, необычайное знамение со стороны Назаретского Пророка. Он рано или поздно разрушит храм, строившийся в течение десятков лет, и в три дня снова воздвигнет его: так поняла толпа неразумная слова Богочеловека о разрушении

врагами Его храма – тела Его – и о тридневном Его воскресении. Но суетное любопытство напрасно ждет, напрасно с настойчивостью просит у Божественного Учителя и Чудотворца суетных, бесплодных знамений: чудотворящий только для уврачевания недугов человеческих, для вразумления, нравственного очищения и освящения людей, для возбуждения веры в людях, способных верить, Господь не творит бесплодных знамений и даже прямо объявляет искателям знамений, что им не дастся знамение, *только значение Ионы пророка* (Мф. 12:38–40). Негодование овладевает толпою; вражда закипает в толпе, обманутой в своих ожиданиях, как бы оскорбленной неисполнением обещанного ей и восстановленной против Иисуса злобными врагами, изображавшими Христа толпе грешником, богохульником. И вот когда Чудотворец-Богочеловек впадает в руки первосвященников, книжников и старейшин и когда начинают искать улики и лжесвидетельства против невинного Иисуса для того, чтобы погубить Его, из толпы являются лжесвидетели и обвиняют Его в том, что Он говорил: *Могу разрушить храм Божий и в три дня воздвигнуть его* (Мф. 26:61). Обвиненный понесет жестокую кару от сильных врагов Своих за неуважительные слова о храме, за непочтительность к святыне его, думали они, будем отмщены и мы за наши обманутые чаяния, надежды видеть необычайное знамение. И злоба, ожесточение толпы против обвиняемого Чудотворца растет по мере возрастания унижения Иисусова и торжества врагов. С бессердечием нравственной низости и пресмыкательства пред сильными мира толпа входит в планы, в самый дух врагов Иисуса, воспламеняется их ненавистью к Нему и повторяет до последних оттенков все злобные нападения их на Богочеловека. За ответ Иисуса Христа первосвященнику, вопрошавшему Его об учениках и учении (Ин. 18:19), один из слуг ударяет Иисуса в ланиту, говоря: *Так-то Ты отвечаешь первосвященнику?* (Ин. 18:22) – ударяет за ответ правдивый, что Он говорил явно миру, учил в синагогах, а тайно не говорил ничего и что вместо вопрошания Его первосвященнику естественнее спросить предстоящих об

учении Его (20:21). Пред Пилатом злобная толпа неистово, мятежно вопиет об Иисусе: *Распи Его* (Мк. 15:13). И когда малодушный Пилат, уступив преступным настояниям жестокого народа, пригвозждает Его ко кресту, злоба толпы не утихает и тогда: она мстит Чудотворцу, будто бы обещавшему разрушить и потом в три дня воссоздать храм и обманувшему ее ожидания, – мстит глумлением над Его чудотворною силою. *Разрушающий храм и в три дня создающий!* – злословит она Христа. – *Спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди со креста* (Мф. 27:40). Так, привычка легкомысленно искать зрелищ, знамений, положим, принадлежащих и к области религиозной, вместо того чтобы искать вразумления, исправления и очищения; невнимание и неуважение к нравственным требованиям, правилам и истинным достоинствам ближних и раболепное ласкательство пред правом сильного сделали иудейский народ преступным и злобным хулителем Богочеловека.

Наконец, злобными хулителями Иисуса Христа, глумящимися над Ним во время крестных страданий Его, являются воины-распинатели и распятый с Ним разбойник, висевший ошуюю Его. Первых суровыми и жестокими сделали военное ремесло, при жестоком образе войны в древности до крайней степени огрублявшее людей, с увлечением предававшихся жестокостям; частое обращение с действительными или мнимыми преступниками и особенно совершение над ними казни, при котором воинам представлялся полный простор для насыщения, удовлетворения своих кровожадных инстинктов. Особенно мнимые или действительные враги владычества римского возбуждали в римских воинах свирепость и мстительность: горе было тому, кто восстал против власти, которой они служили. Разбойник огрубел и сделался бесчувственным от тревог и опасностей своей преступной жизни, от привычки к насилию, к зрелищу страданий и смерти жертв его преступного промысла: глумиться и над чужими бедствиями и страданиями, и над своими муками естественно подобным людям. Особенно злостный дух глумления овладевает подобными людьми при

зрелище страданий людей невинных и высоких. Когда человек невинный и высокий низводится со своей высоты и вменяется с беззаконниками – его уничтожение и страдания дают преступникам обильную пищу для глумлений над мнимым ничтожеством и бесполезностью добродетели, над неразумием добродетельных. Не к одному ли с пороком концу приводит человека и добродетель? Разумно ли было обречь себя на различные лишения, стеснения для добродетели, когда и добродетельного может постигнуть одинаковая участь с наслаждавшимся веселою жизнью преступником? Эти мысли часто представляются страждущему преступнику при виде невинного страдальца и дают пищу его глумлению. Привыкшие к жестокости воины-распинатели и неразумный разбойник, распятый со Христом, злобно хулят Голгофского Страдальца. Ничто не ускользает от злобного внимания воинов, решившихся наругаться над Страстотерпцем. Им сделалось известным, что Страдалец называл Себя Царем Иудейским, и они с заботливостью и точностью, достойною лучшей цели, ругаются над Ним как над Царем Иудейским, ругательно усвая Ему все почести царские. Сняв с Него собственные Его одежды, они облачают Его в багряницу; сплетши венец из терния, возлагают Ему на голову; в правую руку дают Ему трость и, преклоняя пред Ним колена, насмешливо говорят Ему: *Здравствуй, царь Иудейский* (Мф. 27:28–29). Страдая от страшных мук, и телесных, и душевных, Он громким голосом взывает к Отцу Своему: *Или, Или, лама савахфани?* – то есть: *Боже Мой! Боже Мой! почему Ты Меня оставил?* – и бессердечные воины и в этом страдальческом вопле Иисуса находят повод к глумлению над Ним. *Илию зовет Он*, – с насмешкою говорят они, пользуясь созвучием слова. – *Постой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его*, – говорят они воину, который, взяв губу, наполнил ее уксусом и, положив на трость, поил Его (Мф. 27:46–50). А разбойник? Сам терпя ужасные муки, он не сострадает Страдальцу и вместо того чтобы покаянием и размышлением о будущей жизни приготовиться к ней, злобно хулит невинного Сострадальца. *Если Ты Христос, спаси Себя и нас* (Лк. 23:39), говорит он, злословя. Так жестокость, не

уничтоженная в войнах и разбойнике в самом зародыше и допущенная ими до дальнейшего развития, проявилась, наконец, в свирепости ужасающей!

Семь слов Спасителя на кресте

«Воскресное чтение», 1876

Первое слово: Отче, прости им, не ведут бо что творят!

(Лк. 23:34)

«Распни, распни Его!» – кричал народ иудейский, слуги и их господа; Пилат же и старейшины народа, грехи всего мира, а между ними и ты, и я, пригвоздили ко кресту Господа Иисуса Христа. Они не знали тогда, что делали, когда вешали Богочеловека на древо проклятия; они не знали, что распинали в Нем своего Творца, своего Иегову, Господа славы. Но они могли это знать, и самое их незнание было грехом. И теперь многочисленные грешники не знают, что они делают, не знают, что они своими грехами помогают распинать Христа. Но они могли бы хорошо это знать, теперь еще лучше, чем тогда, так как теперь солнце Евангелия ясно светит каждому. Незнание теперь еще больший грех, чем тогда. Но Агнец Божий молится за все эти грехи неведения: «Отче, прости им, не ведут бо, что творят! Да будет пройдено забвением время их неведения!» К чему была бы такая молитва о прощении грехов неведения, если бы они не вменялись? Пусть, следовательно, никто не извиняется своим неведением и приносит покаяние и в грехах неведения. Но, конечно, ведомые грехи тяжелее пред Богом. Если бы мы совершенно знали, что мы делаем, если бы мы вполне ясно и по внутреннему опыту знали, что Иисус есть Господь славы и что вне Его нет спасения, и однако все-таки пригвозждали Его ко кресту, то Господь не молился бы за нас, потому что в таком случае мы совершали бы *такие* грехи, которые не могут быть прощены ни в сей жизни, ни в будущей. Но, смотри, какое величие любви Иисуса Христа и благодати Божией! Смотри, особенно ты, вздыхающий о любви! Смотри сюда и ты, обманутый горькими испытаниями, который думаешь, что нет нигде верности. Смотри также и ты, объятый ужасом от холодности своего собственного сердца! Здесь вечная, неизменно верная, превосходящая всякий ум и возвышающаяся над всяким временем любовь, в которой

выздоровеет твое собственное сердце, в которой может согреться сердце всего мира для новой, священной любви, новою, священной любовью. Смотри, у Нее прободены ее святые руки и ноги, и повешена на позорном дереве. Достаточно было бы одного движения Его воли, и весь мир был бы сокрушен и уничтожен пред Его славою, но Он молится: «Отче, прости им, не ведут бо, что творят!» Он думает не о Себе, не о Своей скорби, Он молится за нас, грехи которых причинили Ему столько ран.

Второе слово: Аминь глаголю тебе: днешь со Мною будешь в раи

(Лк. 23:43)

Господь висит на кресте. По сторонам Его два разбойника. Народ стоит вокруг и смотрит. Необычайная тишина. Не пробудится ли в народе голос совести и сострадания при взгляде на эту окровавленную жертву его ненависти, и не обратится ли ярость его против своих начальников? Вот кто-то из толпы громко говорит: «Других спасал, пусть спасет Себя Самого, если Он Христос, избранный Божий!» Народ раздражается и подзадоривается к насмешкам. «Э, – кричат проходящие, кивая головами своими, – э, Разрушающий храм и в три дня Созидающий! Спаси Себя Самого и сойди со креста!» Воины вторят проходящим, а также и разбойник, висящий по левую сторону. Неужели никто не заступится за Агнца Божия? На это решается только один, разбойник, распятый по правую сторону. Он унимает своего товарища, говоря: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал». И, обратившись к Господу, сказал: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» И на это мужественное исповедание, на этот вопль сердца дается ему драгоценное и утешительное обещание: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю!» Кто говорит эти властные, эти царские слова? Распятый на кресте, Отверженный Своим народом, весь Окровавленный. И к кому относится это обещание? К разбойнику, который обращается к Сораспятому с ним и взывает к Нему как к Царю и Избавителю.

Ты, злодеяния которого довели до этого постыдного дерева, но который и в одиннадцатом часу обратился с глубокою скорбною о своих грехах, который исповедаясь в них пред поруганным Сыном Божиим и молишь Его о милости; ты и все подобные тебе души будете со Мною, Царем, Которому дана всякая власть на небе и на земле. Ты, ничтожный червь, терзаемый телесными и душевными муками, будешь близко к престолу Божию, будешь со Мною в раю. Рай, со времени падения Адама остававшийся пустым и не находившийся на земле, должен принять тебя как первенца: ты будешь иметь предпочтение пред Авраамом, Давидом и всеми пророками, ты сегодня будешь со Мною там, не как ты думаешь и просишь, в конце дней, но сегодня, еще до захода солнца, дана будет тебе награда за твоё исповедание, услышана будет твоя молитва. Поступай и ты, христианская душа, подобно благоразумному разбойнику, и получишь от Господа то же, что и он получил.

Третье слово: Жено, се сын Твой! – Се Мати твоя!

(Ин. 19:26–27)

Где те гордо отважные люди, которые хотели с Господом Иисусом Христом идти на смерть? Они разбежались и попрятались. Но слабые женщины последними ушли от креста и первыми пришли ко гробу. В Царстве Божием нет мужеского пола, ни женского, но новый человек в Христе Иисусе, и сила Господня проявляется в слабых. Иоанн и женщины издали выжидали минуты, когда у креста станет немного тише. Насмешники и любопытные ушли обедать, и вот они подходят ко кресту и стоят, вперив взоры в Страдальца. В эти мгновения меч прошел душу Пресвятой Девы; Она увидела в муках Того, Кого родила Она, Кого любила и в Кого веровала. Покровитель Её, праведный Иосиф, уже умер, Сын Её на кресте, – кто же будет утешать Её и помогать Ей? Господь смотрит на Нее, Он видит мысли и чувства Её, и, указывая головою на Иоанна, говорит Ей: «Жено, се сын Твой», и к Иоанну: «Се Мати твоя». Жено, говорит Господь к Своей Матери, не для того, чтобы пощадить Её материнское сердце, не для того, чтобы не подать повода к насмешкам, – в таком случае Он не назвал бы Её, как не назвал Он Иоанна, – но чтобы дать понять Ей нежным, но

ясным образом, что с этого времени Ее материнское отношение к Нему и сыновнее Его к Ней изменились; теперь Он в Ее глазах не сын уже в прежнем значении, но Сын и Бог. Родственные отношения определены были Богом для этого мира, но у ворот вечности и уже на этой земле он должны были стать иные. Поэтому и тогда еще, когда Господь проповедовал и Ему один раз сказали, что пришла Мать Его и братья, Он отвечал на это: «А кто Моя мать и кто Мои братья? Тот, кто исполняет волю Отца Моего Небесного, тот Мой брат, сестра и мать». Этими словами Он простился с Нею на земле, показывая, что Он Бог Ее, но Своею заботливостию о Ней давая знать, что Он и на небе не престанет быть *Сыном* Ее и в месте Богом. – Иоанн с *этого часа* взял Ее к себе в дом, и следовательно, пощадил Ее от созерцания минуты смерти Иисуса Христа. Только уже после полудня, когда Христос предал Свой дух Богу, они возвратились к кресту. Первые два слова Свои на кресте Господь произнес как Первосвященник и Царь, третье же сказал как Сын Человеческий. В то время, когда душа Его занята была всецело оканчивавшимся делом искупления мира, и в это время мысль об оставляемой Им Матери, заботливая любовь к Ней не оставляли Его. Чего же поэтому не может теперь выпросить у Него молитва Его Матери, когда мы обращаемся к Ней со своими прошениями о ходатайстве за нас пред Ее Сыном и Богом? Спаситель со креста учит нас, как мы всегда должны заботиться даже в самых тяжелых лично нас постигающих бедствиях и страданиях о своих близких, не забывать попечения о своих родителях; а с другой стороны, примером Иоанна всем внушает оказывать помощь, защиту всем нуждающимся, особенно вдовам и сиротам.

Четвертое слово: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?

(Мф. 27:46)

Господь снова один. Мать Его и любимый ученик ушли от креста. Некому было утешить Его. Но Он и не желал утешения. Настал час, когда Он до дна должен был осушить чашу страданий. В невыразимой скорби и муках висит Он на кресте. Вечный Бог – проклятие всего мира! Поистине здесь необходимо

было чудо. Потому что с тех пор, как существует мир, не было более ужасного греха. Все развращение человечества, полная богоотчужденность и боговраждебность прорвались здесь страшным нарывом. И знамение совершается. «От шестого часа тьма была по всей земле до часа девятого, и солнце помрачилось». Ангелы не дерзали, человечество не хотело утешить Его, и неразумная природа должна была засвидетельствовать о мраке греха, наполнявшего сердце человечества. И около девятого часа Иисус возопил громким голосом: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» Мы не можем представить, что в те три часа происходило в душе нашего Первосвященника, но в словах Его: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» – мы видим, что это была безмерная скорбь и печаль. Боже Мой, Боже Мой! – в других же случаях Иисус называл Его не Богом, но Отцом. Чувство Богосыновства теперь как бы не существовало у Него; Он чувствует Себя только Сыном Человеческим. Он не чувствует близости любви Божией, так как Он говорит: Боже Мой! Он чувствует произведенную нашими грехами между Богом и Им пропасть; Он взял на Себя эти грехи и несет как Свои собственные; Он чувствует проклятие греха, но и в этой глубине не унижения Он не оставляет Бога, как Своего Бога. Будучи Сам безгрешен, Иисус Христос приходил в мир взять на Себя наказание за грехи наши, дабы примирить нас. К наказанию же за наши грехи принадлежит вместе с телесными муками особенно чувство богооставленности, отлучения от Бога, и отсюда страх вечной смерти и осуждения. Поэтому и взывает Иисус как Агнец Божий, взявший на Себя грехи мира, словами 21 псалма: «Боже Мой, Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил?» – в доказательство, что эта скорбь относится к мессианскому Его служению.

Если и тебя, христианин, постигает скорбь и горе, если ты чувствуешь всю великость грехов твоих, отдаляющих тебя от Бога, то не забывай, что и твои грехи взял на Себя Спаситель твой, и не отчаивайся в своем спасении, как бы ни казалось оно тебе далеким по причине грехопадений твоих.

Пятое слово: Жажду!

(Ин. 19:28)

В страшной непроглядной тьме от шестого часа до девятого, то есть от 12 до 3 пополудни, висел Господь Иисус Христос на кресте. Около этого часа Он возопил громким голосом: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» И тотчас после этого сказал: «Жажду!» С предшествующего вечера, в который Он совершил со Своими учениками пасхальную вечерю, ни одной капли телесного подкрепления не было на устах Его. А что между тем перенес Он в течение этих протекших восемнадцати часов? Душевный подвиг в Гефсимании, бессонную ночь, судебный допрос, бичевание, распятие с потерей крови, трехчасовое висение на кресте под палящим и лучами солнца и скорбь душевную! Поистине никто не испытывал такой жажды, как Спаситель. Он мог бы повелеть ручьям, и они утолили бы Его жажду, но Он переносит мучение и удаляет от Себя Искушение помочь Самому Себе, чтобы нам не томиться вечною жаждою. Но здесь было больше, чем телесная жажда. Душа Его жаждет Бога, живого Бога, жаждет того вечного и блаженного единения со Своим Отцом, которое Он имел от начала мира и которое отняли у Него на время грехи наши. О, если бы мы ощущали жажду вечного, непрестающего, блаженного единения с Богом! Если бы и нам уничтожить в своей душе жажду к жалким, ничтожным и греховным земным предметам! Если бы и нам познать и признать, что только в Нем можно найти полное довольство! Господь жаждет окончания Своего дела. Знаем ли мы, где оно оканчивается? Оно оканчивается в нашей душе, когда мы всецело предаемся Ему, когда в знак нашего единения с Ним достойно причащаемся пречистого Тела Его и Крови. Не уксусом и вином утолится жажда нашего Спасителя, но только нашею душою. Если мы удержим ее у себя, то будем жесточе того воина, который напоил Его. Теперь Он нас жаждет – будем же бояться того времени, когда мы, подобно богачу евангельскому, будем Его жаждать и когда ни одной капли воды не найдем для утоления своей жажды.

Шестое и седьмое слово: Совершилось! Отче, в руке Твои предаю дух Мой

(Ин. 19и Лк. 23:46)

В течение шести часов, в которые Иисус Христос висел на кресте, Он семь раз открывал уста Свои. Около девяти часов утра пригвоздили Его ко кресту, около двенадцати часов была великая тьма, продолжавшаяся до трех часов пополудни. До двенадцати часов Господь говорил три раза: молился за Своих мучителей, обещал рай покаявшемуся разбойнику и высказал Свою последнюю волю апостолу Иоанну касательно Своей Матери. В продолжение трехчасовой темы в душе Его становилось все мрачнее и мрачнее; страшный подвиг происходил в душе Его, который Он перенес, не открывая уст Своих, пока в заключение не воскликнул: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» Скоро после этого Он произнес и Свои последние слова: «Совершилось! Отче, в руки Твои предаю дух Мой!» И затем склонил голову и скончался. При слове «Совершилось!» Господь чувствует близость смерти, приближавшийся конец Своих невыразимых страданий. Это победные слова. Совершился великий, тяжелый подвиг страданий, совершилось дело послушания, чрез которое Ему предстояло войти в славу Свою; совершилось предсказанное в Писании словами, событиями и преобразовательными жертвами. Все совершилось. Принесена единая и единственная жертва, невинная жизнь человеческая за грехи мира. Бог примирен. Слышишь, душа? Твои преступления отплачены, твое примирение с Богом совершилось: только веруй, надейся и люби – и получишь полноту утешения, сокрытого в словах твоего Господа: «Совершилось! Отче! В руки Твои предаю дух Мой!» С полным сознанием и свободною волею Он отдает Свой дух на разлуку со Своим телом; смерть не имела бы над Ним никакой власти, если бы Он не отдался ей добровольно. Он распоряжается Своею душою как имеющий власть над нею и предает ее Своему Отцу, к Которому Он возвращается в сыновнее отношение по совершении крестной жертвы. Не забывай, душа, что Христос всецело принадлежит нам. И для нас, вследствие примирения, совершенного чрез Христа, Бог снова стал Отцом; если Иисус после искупления нашей вины назвал Его Отцом, то этим Он и для нас снова приобрел

усыновление; и если Он, наш Ходатай, предал дух Свой Богу, то этим Он и нашему духу проложил путь к Богу, чтобы и мы в свой последний час могли распоряжаться своим духом и предали его Богу, зная, что небо открыто, и как душу Лазаря ангелы отнесли в лоно Авраама, так и нашу душу отнесут к Господу.

Божественный пример молитвы за врагов

(Лк. 23:34)

Иннокентий, архиеп. Херсонский

После разнообразных страданий Господа Иисуса Христа во дворе Каиафы, в претории Пилата и во дворе Ирода, после изнурительного шествия под крестом на Голгофу наступила минута распятия. Древо утверждено на земле. Последние одежды совлечены. Распинаемый вознесен накрест. Руки и ноги простерты. Ужасный млат стучит. Кровь потоками льется на землю!... Что сказал бы в сию минуту, на сем месте, самый архангел?... Богочеловек кротко возводит очи к небу и вслух всех молится. О чем? Об отмщении врагам? О защищении Своего дела? О ниспослании Себе терпения? – Нет; *Отче*, вещает Он, *отпусти им: не ведают бо, что творят* (Лк. 23:34)! Не ведают! – Так римский воин-распинатель не знал, что делал, быв только слепым орудием повелений своего прокуратора Пилата; иудейская чернь не ведала, что творила, наущенная льстивыми и вместе грозными внушениями своих слепых вождей и владык; сам синедрион, при всей безнравственности своей, не знал наверное, что посягает теперь на жизнь своего истинного Мессии. *Аще бо быша разумели* скажем словами апостола, *не быша Господа славы распяли* (1Кор. 2:8). Сколько, однако, преступлений было в этом неведении, особенно в тех, кои так легко могли все уведать и сто раз смежали очи, чтобы ничего не видеть! И это совершенно забыто Распинаемым! Сколько, при самом неведении, резких следов преднамеренного лукавства и низкой жестокости, кои обличали во врагах и гонителях Иисуса личную злобу к Нему, явное желание ожесточить казнь, и без того ужасную, обесславить крест, сам по себе поносный? Но и это все пренебрежено Распинаемым! А лютейшие болезни при пронзении рук и ног! Не достаточно ли было их одних, чтобы самое первое чувство в Распинаемом сосредоточить теперь на Нем Самом, на Его собственных страданиях? Но распинаемый Богочеловек возносится духом превыше всего; забывает Свой крест и Свою смерть и как

Первосвященник по чину Мелхиседекову едва возносится на крест, как возносит молитву о врагах Своих: *Отче, отпусти им: не ведают бо что творят!...* О, кто по сей одной черте не узнает в Распинаемом Агнца Божия, закалаемого за грехи всего мира? А вместе с сим кто из истинных последователей Его не даст обета быть кротким ко врагам своим? Кто ни разу в жизни не простил своему врагу во имя Распятого Спасителя своего, молившего на кресте о врагах, тот не христианин!...

О молитве Спасителя за распинателей

(Лк. 23:34)

М. Ястребов. «Воскресное чтение», 1882

Иисус же глаголаше: Отче, отпусти им: не ведут бо что творят (Лк. 23:34). За кого была произнесена эта молитва? Лица, которых имеет в виду эта молитва, суть вообще виновники смерти Иисуса Христа. Но виновниками смерти Его были трех родов лица: во-первых, иудеи, настоявшие на смертном приговоре, во-вторых, Пилат, произнесший этот приговор, и, наконец, воины, приведшие его в исполнение. Все эти люди виновны не в равной степени. Воины действовали по приказанию своих начальников, и хотя нельзя оправдывать их за то, что они были орудиями такой безбожной казни, еще менее за то, что они увеличивали тяжесть этой казни добровольно, во всяком случае преступление их не может быть сравниваемо ни с преступлением иудеев, ни с преступлением Пилата. Что же касается сравнительной виновности Пилата и иудеев, то более виновными должны быть признаны, без сомнения, иудеи: *Предавый Мя тебе болий грех имать*, – говорил Иисус Христос Пилату (Ин. 19:2). Если теперь можно доказать, что молитва Иисуса Христа имела в виду и иудеев, первых и главных виновников смерти Его, то само собою будет доказано, что она имела в виду и воинов, и Пилата и что если любовь Спасителя обнимала наиболее виновных, то обнимала она, конечно, и менее виновных. Что любовь Спасителя обнимала и иудеев, доказательством того служит история апостольской проповеди. Первые, кому апостолы предлагают плоды искупительной смерти Иисуса Христа, были иудеи, – первый город, в котором они проповедуют Евангелие мира, был Иерусалим. Ясно, что иудеи были предметом любви Спасителя: можно заключить, что были они также предметом и Его молитвы.

Но, спрашивается, каким образом Иисус Христос мог молиться за людей, столь окаянных? Такими они, по крайней мере, представляются на наш человеческий взгляд.

Глубочайшее основание этой молитвы Христа Спасителя нужно прежде всего видеть в особенном характере Лица Его. Это – молитва не простого человека, даже и не пророка, но Сына Божия, Ходатая мира, – молитва Того, Кто принял на Себя возвышеннейшую, задачу – быть примирителем неба с землею. Молитва Спасителя была, так сказать, частным актом добровольно принятого Им на Себя великого искупительного подвига, ради которого Он явился на землю, а по отношению к иудеям она представляет последнюю из тех попыток, о которых говорил несколько раньше Спаситель: *Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки и камением побиваяй посланные к тебе, колькраты восхотех собрать чада твоя, якоже собирает кокош птенцы своя под криле* (Мф. 23:37). И, без сомнения, действию этой молитвы мы должны приписать великое число иудеев, уверовавших в Того Самого Иисуса, Которого они, по выражению Евангелия, прободоша.

С другой стороны, ближайшее основание Своей молитвы за распинателей указывает Сам Спаситель в незнании их: *Не ведут бо что творят*. Как понимать это незнание? Не знали Иисуса Христа, Его жизни, дел и учения, быть может, воины и Пилат, но каким образом не знали этого иудеи? Что надобно разуметь под тем незнанием, о котором говорит Спаситель в Своей молитве?

Бывает трех родов незнание. Во-первых, незнание невольное, темное, так сказать, неразрешимое, устранить и победить которое человек не имеет средств и возможности. Не такого рода было то незнание, о котором говорит в Своей молитве Спаситель. Если бы иудеи считали Иисуса Христа заслуживающим смерти в силу решительной невозможности убедиться в противном, если бы в незнании относительно этого предмета совершенно не участвовала их воля, то они не были бы и виновными. *Аще бысте слепи были, говорит Спаситель, не бысте имели греха, ныне же глаголете, яко видим: грех убо ваш пребывает* (Ин. 9:41). Во-вторых, незнание намеренное и упорное, незнание человека, который, имея все средства к познанию нормы, упрямо и намеренно закрывает пред нею глаза. Таково было, например, незнание фарисеев

относительно происхождения чудес Иисуса Христа. Незнание этого рода не только не извиняет преступления, а напротив, увеличивает его и делает непростительным. Отсюда, Иисус Христос объявляет фарисеям, приписывавшим Его чудеса силе веельзевула, что они не получают прощения ни в сем веке, ни в будущем (Мф. 12:32). Наконец, есть третий род незнания, которое, не будучи ни всецело слепым, ни всецело намеренным, приближается, однако, к тому и другому. Например, язычник может знать, что душа бессмертна, но чтобы дойти до этого познания, ему необходимо употребить множество усилий мысли, разрешить множество побочных вопросов, освободиться от множества предрассудков. Этот продолжительный путь исследования утомляет его, он отказывается от него и, таким образом, остается при незнании, что душа бессмертна. Незнание его ни всецело слепое, так как, употребив надлежащие усилия мысли, он мог бы победить и устранить его, ни всецело намеренное, так как он пытается разрешить его. Подобно тому и иудеи могли и имели средства убедиться в той истине, что Иисус Христос есть Мессия и что искать и домогаться смерти Его было величайшим злодейством. Но предрассудки, которым они были преданы, отсутствие блеска во внешнем положении Спасителя, прикровенность пророчеств о Нем, проклятия, произносимые против тех, которые становились на Его сторону, – все это были такие отделявшие иудеев от истины преграды, устранить которые они могли только путем глубокого и внимательного исследования. Притом многие чудеса Иисус Христос совершал тайно и запрещал до времени объявлять о них. Наконец, не было еще тогда тех доказательств Его Божественного посланничества, которые мы видим в Его воскресении, в вознесении на небо, в сошествии на апостолов Святого Духа, в разрушении иудейской нации, в распространении Евангелия среди язычников. Таким образом, незнание иудеев, о котором говорит Спаситель в Своей за них молитве к Отцу, было ни чисто намеренным, ни всецело ненамеренным. Тут была доля и намеренного лукавства, и темного неведения. Намеренно увеличивали жестокость казни и без того жестокой; намеренно увеличивали

бесславию креста, и без того позорного. Но вместе с тем не понимали, Кого вели на крест. Самые члены синедриона, книжники и фарисеи, ослепленные ненавистью, не понимали, Кого распинали. *Аще бо быша разумели, говорит апостол Павел, не быша Господа славы распяли (1Кор. 11:9). Начальника жизни убисте, говорит апостол Петр в своей второй проповеди иудеям, и ныне, братие, вем, яко по неведению сие сотворите, якоже и князи ваши (Деян. 3:17).*

Однако мы ошиблись бы, если бы незнание, о котором говорит Спаситель в Своей молитве за распинателей, приняли в значении незнания невинного или извинительного. Грех, о прощении которого молил Отца страждущий Спаситель, был страшно велик. И если в основание Своей молитвы о прощении распинателей Спаситель поставляет их незнание, это самое показывает, что для получения ими прощения необходимо было сознание греховности деяния, совершенного во мраке неведения. Апостол Петр говорит тем, которые по неведению убили Начальника жизни: *Покайтесь, да очистится от грех ваших.* И он же в другой проповеди иудеям, на их вопрос, что им делать, отвечал: *Покайтесь, и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа, во оставление грехов (Деян. 2:38).*

Таким образом, молитва Спасителя испрашивала милости всем иудеям, но плодами ее могли воспользоваться только те, которые делались достойными их путем раскаяния и обращении ко Христу, подобно тому как смерть Спасителя сделала возможным спасение каждого человека, но действительно спасается лишь тот, кто становится достойным спасения, вступая чрез крещение в число чад Христовой Церкви и пользуясь ее благодатными средствами, яже к животу и благочестию.

Попечение Иисуса Христа на кресте о Своей Матери и образ Ее жизни

(Ин. 19:26–27)

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова в день Успения Божией Матери

Иисус же виде Матерь и ученика стояща, егоже любляше, глагола Матери Своей: Жено, се сын Твой. Потом глагола ученику: се Мати твоя. И от того часа поят Ю ученик во своя си (Ин. 19:26–27). Евангелие повествует, что Спаситель наш, виде на кресте Своем Свою Матерь и возлюбленного ученика Своего Иоанна, *глагола Матери Своей: Жено, се сын Твой. Потом же глагола ученику: се Мати твоя.* В сих изречениях видим любовь Божественного Сына к земной Матери, Которую Он хочет не просто утешить в лишении Сына, но как бы возратить Ей Себя в другом лице, и чтобы почтить Ее девство и вместе вознаградить девство Своего ученика, избирает девственника Иоанна в нареченного сына Приснодевы. Но мы не догадались бы, что в особенности заключается в оных изречениях Господних, если бы возлюбленный ученик, без сомнения, лучше всех понимавший сердце и мысль своего Учителя, не изъяснил оных исполнением. Каким исполнением? – *От того часа поят Ю ученик во своя си.* Из сего открывается, что усыновление Иоанна Пресвятой Деве призывало его, между прочим, к тому, чтобы обеспечить Ее жилищем и потребностями жизни временной, и что, следственно, собственного в сем обеспечения Она не имела. Должно думать, что Ее любовь и вера к Божественному Сыну побуждала Ее быть всегда, сколько можно, близко к Нему в Его непрерывном странствовании по градам, весям и пустыням, и потому, как Он чужд был братии Своей, так и Она; как Он не имел, *где главы поклонити*, так и Она.

Так Пресвятая Дева, шествуя во внутренней жизни путем веры и совершенной преданности в волю Божию, в жизни внешней шла путем отрешения от земных привязанностей, от земных благ и удовольствий, путем простоты,

нестяжательности, добровольных лишений, приносимых в жертву вере и Богу.

Поят Ю ученик во своя си. Мать Царя Небесного не в чертогах, не в великолепии, не среди множества служащих и ждущих манования; Она пешешествует по стогне в сопровождении одного рыбака, чтобы обитать в малом, и то чужом, доме, без славы, без блеска, в тишине, в простоте, чтобы пользоваться только таким успокоением и служением, какое может быть Ей принесено благоговейным усердием бедного и одинокого рыбака.

Взирай на сие, и учись не высоко ценить богатство, не алкать удовольствий, не гоняться за славой, не прельщаться блеском, любить простоту и тихую посредственность, не презирать нищеты, когда встречаешь ее у других, не страшиться ее, если она тебя посетить хочет, не стыдиться ее, если она уже поселилась с тобою.

Вопрос и ответ к словам Иисуса Христа: *Боже Мой, Боже Мой, Вскую Мя еси оставил?*

(Мф. 27:46)

«Душеполезное чтение», 1864

Вопрос. Есть ли возможность узнать истинное значение слов Иисуса Христа, произнесенных со креста: *Боже Мой, Боже Мой! Вскую Мя еси оставил?*

Ежели Божество хотя на миг оставляло Иисуса, то было время, когда Он был не Богочеловек, а просто человек (что богохульно); если же не оставляло, то напрасны те слова, произнесенные Иисусом, сущей Истиной (что нелепо). Середины, однако, не видно. Лица, писавшие об этом предмете, едва касались предмета; следовательно, он не важен и не точно известен. Преосвященный Иннокентий в своем сочинении «Последние дни земной жизни Иисуса Христа» не решился сказать об этом ничего более, как только: «Богочеловек испил полную чашу страданий и был оставлен Отцом, чтобы нам не быть оставленными Богом». Святой Лев, Папа Римский, говорит, что Иисус Христос не мог быть оставлен Тем, от Кого неотделим, и что Он спрашивал за нас, немощных, а не за Себя. Подобно думает и святой Нил, подвижник Синайский. Но в Евангелии нет этого, чтобы Спаситель обратил те слова к Богу Отцу не от Себя и не за Себя, а от нас и за нас человеков; нет того и в преданиях апостольских, и в учении Вселенской Церкви: следовательно, мысль эта произвольна, составляет частное мнение только некоторых отдельных лиц и потому не есть непременно истина; между тем слова: «Вскую Мя еси оставил?» – стоят в Евангелии.

Ответ. Для объяснения слов: *Боже Мой, Вскую Мя еси оставил?* (Мф. 27:46) надобно обратить внимание на то, что Иисус Христос, будучи Богом, был в то же время и человек в полном смысле этого слова. Как человек, Он имел нужду для совершения высоких подвигов в сверхъестественной помощи Божией. Поэтому, хотя Он Сам был Лицо Божеское, но вступлению Его в общественное служение предшествовало

обильное излияние на Него Святого Духа от Бога Отца при крещении. И как личное соединение в Иисусе Христе естества Божеского с человеческим нисколько не увеличилось вследствие ниспослания на Него Святого Духа при крещении; так оно не могло и уменьшиться или прекратиться в том случае, если сверхъестественная помощь Божия человеческому естеству Иисуса Христа была уменьшена или совершенно прекращена. Такое уменьшение или, может быть, совершенное прекращение сверхъестественной помощи Божией потерпел Искупитель наш в последние минуты Своих страданий, что и высказано Им в словах: *Боже Мой, Боже Мой, Вскую Мя еси оставил?* Таким образом, истинное значение сих слов нисколько не благоприятствует мнению, будто личное соединение в Иисусе Христе естества Божеского с человеческим когда-либо прекращалось.

Свидетельства языческих писателей о тьме, бывшей во время страданий Спасителя

(Мф. 28:45)

«Воскресное чтение», 1818

Кроме евангельского повествования о чудесной тьме, покрывшей внезапно землю во время крестных страданий Сына Божия, древность сохранила несколько свидетельств о том же частью языческих писателей, частью таких, которые, хотя впоследствии обратились в христианство, но во время самого события вовсе не видали Иисуса Христа. К числу сих последних принадлежит святой Дионисий Ареопагит. В письме к святому Поликарпу, отвечая на упреки прежнего друга своего Аполлофана, укорявшего его за то, что для опровержения язычества он употребляет свидетельства самих же язычников, он пишет между прочим: «Сам Аполлофан должен бы вспомнить то, что происходило, когда мы были вместе с ним в Египте. Оба мы, находясь близ города Илиополя, увидели вдруг, что луна потекла на соединение с солнцем, хотя это не было время соединения, и что от этого произошло затмение последнего. Потом около девятого часа дня (по нашему счету около 3 часов пополудни) мы опять увидели, что она оставила занятое ею место внизу солнца и потекла на сторону диаметрально противоположную. Напомни ему, прошу тебя, об этом. Сам Аполлофан – осмелится ли он уличать меня во лжи, меня, который был и смотрел вместе с ним на это зрелище и изумлялся ему? Наконец, во время самого затмения, не он ли, как бы вне себя и как будто угадывая, что происходит, воскликнул, обращаясь ко мне: Дионисий! Эти изменения (в природе) от руки Божией!»

Известно, что и Дионисий со своей стороны воскликнул: «Или Творец природы страждет, или машина мира разрушается!» Предположение Дионисия, тогда еще язычника, о страдании Бога не должно удивлять нас, потому что ему как ученому афинянину известны были сочинения Платона, описывавшего страдания Бога, если Он когда-либо явится

среди людей, – что философ предполагал и нужным, и возможным.

В другом письме, писанном к самому Аполлофану, уже по обращении его к христианству, святой Дионисий говорит: «Я хочу напомнить тебе то, что произошло, когда мы были вместе с тобою у Илиополя в Египте. Мне было тогда около 25 лет, думаю, что и тебе тоже. В пятницу около 6 часов, или около полудня, мы увидели вдруг, что луна потекла к низу солнца, и от этого произошло затмение, исполнившее нас обоих ужасом. В то время я спросил тебя: что думаешь ты об этом необыкновенном явлении, и слова твои никогда не изгладятся из моей памяти. Ты отвечал мне: «Дионисий, эти изменения от руки Божией!» Я тщательно заметил год и число этого явления, и сообразив мои заметки с тем, что мне открыл впоследствии (св.) Павел, я обратился к истине, к которой и ты теперь, благодарение Богу, принадлежишь».

К сим свидетельствам прибавим еще свидетельство Флегона, отпущенника императора Адриана. Он был язычник и написал историю олимпиад в 16 книгах – от начала их до 140 года по Рождестве Христове. Между прочим, он говорит, что 4 год 202 олимпиады, оканчивавшейся около половины 33 года нашей эры (год, в который пострадал Спаситель), произошло страшное и невиданное дотоле затмение солнца. Мрак был так велик, что даже в полдень можно было видеть звезды на небе. Тогда же, продолжает тот же писатель, случилось сильное потрясение земли, разрушившее в Вифинии большую часть города Никеи. Фалос, греческий историк, повторяет свидетельство Флегона о необыкновенном солнечном затмении. Неизвестно в точности время, в которое жил он; но так как святой Иустин и Тертуллиан приводили из него в апологиях своих свидетельства против язычников, то надобно думать, что он был, по крайней мере, современник Флегона, если еще не старше его. На сих-то двух языческих писателей Тертуллиан и святой мученик Лукиан, пресвитер Антиохийский, указывали язычникам как на посторонних свидетелей того чудесного мрака, который простерся над землею во время крестных страданий Спасителя.

Так, Голгофский Страдалец и в уничижении крестном *не* *несвидетельствована Себе остави* (Деян. 14:17) не только пред иудеями, *ищущими знамения*, но и пред любомудрыми эллинами, и при первом, так сказать, шаге Его на крест уже начали приходить в исполнение слова Его: *Аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе* (Ин. 12:32).

О прободении ребра Иисуса Христа

(Ин. 19:32–37)

Филарет, архиеп. Черниговский

Приидоша же воины, и первому убо пребиша голени и другому распятому с Ним, на Иисуса же пришедше, яко видеша Его уже умерша, не пребиша Ему голени: но един от воин копием ребра Ему прободе, и абие изыде кровь и вода (ст. 32–34).

По повествованию Иоанна видно, что воины – исполнители новых повелений синедриона – были не те, что распинали и стерегли тело Иисуса. Те хорошо видели, как умер Иисус; особенно же полное внимание их на Него обращено было страшными знаменами (Мф. 27:54). А эти только тогда, как обратились к Иисусу Христу для исполнения над Ним приказа синедриона, увидели, что Он уже умер. Что ж учинили сии воины с Иисусом? Когда недостаток движения и дыхания, висящая глава, померкшие очи показали воинам, что душа уже оставила тело Иисусово, то они не хотели мучить бездыханное тело. Только один воин, не желая оставить ни для себя, ни для синедриона сомнения в смерти Иисуса, ударил Иисуса копьем в ребро, и вслед за тем из раны истекла кровь и вода. Для объяснения жестокости удара нет нужды настаивать на том, что удар был нанесен в левый бок или, что то же, в сердце или вблизи сердца; нет нужды тем более, что, по древнему преданию, удар был нанесен в правый бок. А орудие и сила удара сами собою показывают, что удар был смертельный. Глубина и ширина раны видны из слов апостола Фомы: в язвы рук и ног Спасителя он хотел вложить только перст, – а в рану ребер надеялся вложить свою руку (Ин. 20:25, 27). При таком ударе, при такой широкой и глубокой ране, не замечая движения в теле, каждый враг уверился бы, что в теле уже нет жизни. Кровь и вода, истекшие из ребра Иисусова, не оставляли, наконец, никакого сомнения и для врача, что Иисус уже умер. Из тела, давно остывшего, не потечет кровь. Разложение крови не в каждом умершем начинается в одинаковое время; но ни в

ком не бывает раньше четверти часа после смерти. Итак, кровь и вода, истекшие из прободенного ребра Иисусова, сами собою свидетельствовали, что Иисус умер, по крайней мере, за четверть часа до удара, извлечшего кровь и воду. Для нас это соображение вполне оправдывается повествованием евангелистов об обстоятельствах погребения Спасителя. По закону Моисея, тело, повешенное на древе, не могло быть погребено позже заката солнца, и следовательно, позже 6 часов пополудни (Втор. 21:23). Примите же во внимание, что Иосифу и потом сотнику надобно было употребить для обратного путешествия между преториєю Пилата и Голгофою около 2 часов; около часа надобно было употребить на погребение. Иисус умер в начале 9 иудейского часа, по нашему счету, в первой половине 4-го часа. Затем ясно, что удар воина последовал не позже получаса после смерти Иисусовой, когда кровь и вода – свидетели смерти – могли истечь из прободенного ребра Иисусова.

И видевый свидетельствова, и истинно есть свидетельство его: и той вестъ яко истину глаголет, да вы веру имете (ст. 35). Святой Иоанн счел нужным выставить себя очевидным свидетелем прободения ребра Иисусова и истечения крови и воды. Он останавливает внимание читателей на этом событии как на событии важном. Почему это так? Свидетельство святого Иоанна имеет связь с двумя обстоятельствами. Во-первых, в его же евангельском повествовании видим мы, что Фома не хотел иначе верить воскресению Спасителя, как если он сам вложит руку свою в прободенные ребра Иисуса. Фома считал вложение руки в ребра несомненным удостоверением в том, что являющийся по смерти действительно не есть призрак, а воскресший из мертвых Иисус Христос. Если же в истории воскресения весьма важным обстоятельством было прободенное ребро Иисусово, то и в истории страданий Спасителя святой Иоанн не мог не обратить внимания на то, как и при ком совершилось прободение ребра в теле Спасителя, тем более, что он один рассказывал об этом прободении. Прободенное ребро – несомненный знак, что Иисус умер, так же как явление Иисуса с прободенным ребром – доказательство

тому, что Он воскрес. С другой стороны, в послании своем святой Иоанн пишет: *Всяк дух, иже не исповедует Иисуса во плоти пришедша, от Бога несть* (1Ин. 4:3), и потом в оправдание сей мысли Говорит: *Сей есть пришедый водою и кровию и духом, Иисус Христос, не водою точию, но и кровию* (1Ин. 5:6), то есть указывает на то самое событие голгофское, о котором говорит он в Евангелии. Значит, по мыслям святого Иоанна, истечение крови и воды из прободенного бока Спасителя служит доказательством тому, что Иисус Христос вместе с тем, как был и есть истинный Сын Божий, вечное Слово Отца, был и есть истинный человек. В таком духе писал и ученик святого Иоанна, святой Игнатий Богоносец: «Он истинно потерпел гонение при Понтии Пилате, истинно распят и умер. Если же некоторые безбожники, то есть неверы говорят, что Он пострадал по видимости, то сами они живут только по видимости».

быша бо сия, да сбудется Писание: кость не сокрушится от Него, и паки другое Писание глаголет: воззрят Нань, егоже прободоша (ст. 36–37). Тогда как синедрион употреблял все усилия унизить и обесчестить Иисуса, по распоряжению неба дела синедриона обращались только к славе Иисуса. Синедрион желал пребитием ног Спасителя увеличить страдания Его и еще позорнее представить смерть Его как смерть отверженного небом преступника. А исполнение этого замысла кончилось тем, что еще два предсказания о Мессии исполнились над Иисусом.

Первое предсказание относилось к пасхальному агнцу. По закону Моисея (Исх. 12:10), пасхального агнца надлежало печь целым и не ломать ни одной кости его. Это постановление было само по себе непонятно: ни в празднике, ни в агнце, ни в случае, по которому установлен пасхальный праздник, нельзя было указать причины сему установлению. Потому это установление само собою показывало, что причина его скрывалась в особенном совете Божиим о судьбах человечества, или, что то же, агнец пасхальный был образом другого – небесного Агнца. Святой Иоанн Креститель уже называл Иисуса Христа Агнцем Божиим, вземлющим грехи мира

(Ин. 1:29). И вот исполняется над Иисусом то, что было прообразовано пасхальным агнцем: кости Его не сокрушаются. Это исполнение тем более поразительно, что совершается в тот самый вечер, когда по закону вкушали пасхального агнца.

Второе предсказание взято из пророческого видения Захарии. Пророк говорит: «Излию дух благодати и щедрот на дом Давида и на жителей Иерусалима, и воззрят на Него, Которого пронзили. И будут плакать о Нем, как плачут о Единородном» (12:10). Сказав потом (ст. 11–14), что будут плакать колена и семейства, пророк говорит: «В тот день будет открыт источник дому Давидову и живущим во Иерусалиме для омовения грехов и скверны» (ст. 13:1). Затем (13:2–6) описывает истребление идолов и ложных прорицаний; и все это предсказание говорит Иегова (12:1). Таково пророчество пророка! И предание иудейское видело в этом пророчестве пророчество о Мессии (Талмуд Иерусалимский). Слова «Излию дух благодати» не мог произносить от лица своего ни пророк, ни кто-либо другой из обыкновенных сынов человеческих. Открыть источник для омовения греха и истребить всякое суеверие мог также только Мессия. Наконец, Тот, Кто называется здесь пронзенным, есть вместе Иегова. Святой Иоанн в апокалиптическом видении своем указывает в пророчестве Захарии Христа Иисуса (Откр. 1:7). Таким образом, синедрион против собственных намерений пронзил Своего Мессию. По распоряжению высшему это допущено было с тем, чтобы во исполнение пророчества способные из сынов Израиля к приятию духа благодати при воззрении на Прободенного оплакали грех распятия Мессии в духе благодатного раскаяния (Деян. 3:19), а ожесточенные бесплодно оплакивали тот же грех целую вечность.

К вопросу о перебитии голеней распятому Господу

(Ин. 19:31–34)

«Чтения в Обществе любителей духовного просвещения»,
1884

В Евангелии от Иоанна (19:31–34) к рассказу о распятии, смерти и погребении Господа, общему у него с другими евангелистами, присоединено повествование о том, что по просьбе иудеев воины перебили голени разбойникам, распятым на кресте с Иисусом, дабы не оставить тел на кресте в субботу: Иисусу же не перебили голеней, так как увидели Его умершим, но один из воинов копьем пронзил Ему бок. Почему воин копьем пронзил ребра Господа – это понятно: он хотел доподлинно узнать, действительно ли не было признаков жизни в Иисусе, чтобы не было никакого сомнения в действительности смерти Его и чтобы в этом доподлинном дознании иметь на случай пред начальством оправдание того, что они (воины) не перебили голеней Иисусу. Понятна и забота иудеев о том, чтобы поскорее умертвить повешенных на кресте, снять их и погresti: закон Моисеев (Втор. 21:22–23) не позволял тела казненных чрез повешение оставлять на дереве на ночь, а предписывал погребать их в тот же день; в данном случае эта забота их была тем естественнее, что на другой день была суббота праздника Пасхи – величайшего праздника евреев. Но некоторое недоумение вызывает евангельский рассказ о самом способе насильственного ускорения смерти повешенных на кресте. В объяснение этого способа говорят, что хотя у евреев не видно следов этого жестокого обычая перебивать голени распятым, но так как сами евреи не имели права ускорять смерть казненных, как и наказывать смертью, то и просили они Пилата (наместника римского правительства), чтобы перебиты были голени распятых, как в обычае было у жестоких римлян. Этот жестокий обычай перебития голеней употреблялся у римлян как жестокое наказание и особо (см. «Толк. Ев.» архиеп. Михаила). Но вот в чем вопрос: почему именно этот, а не какой-либо другой способ

был в широком употреблении у римлян? И почему перебитие голеней как средство для ускорения смерти не приложено было к Иисусу?

Евангелист говорит, что Иисус уже умер. Но по его же сказанию один из воинов счел нужным для окончательного удостоверения в смерти Господа копьем пронзить Ему бок; стало быть, относительно этой смерти оставалось какое-либо сомнение. Мало сказать, что в данном случае воин действовал из сострадания к распятому Иисусу, Который, вероятно, самым видом Своим, кротким и изможденным, не в пример сораспятым с Ним, невольно возбуждал жалость в Себе; потому что и употребленное взамен перебитая голень пронзание копьем в бок – далеко не гуманное средство к тому, чтобы доподлинно дознаться, жив или не жив повешенный. И если бы и после этого дознания Господь каким-либо невольным вздрагиванием обнаружил в Себе признаки жизни, то едва ли бы можно было ожидать, что жестокое средство перебитая голень не было бы приложено к Нему. Да и самое перебитие голеней, при всей жестокости этого действия, едва ли можно представлять самым верным средством ускорить смерть повешенного. Поэтому думается нам, что мотивом, по которому вошло в законное и обычное употребление у римлян жестокое наказание перебитием голеней осужденному, было нечто другое, а не простое соображение о скорейшей смерти преступника. Не по тому же ли соображению практиковалось это средство, по какому и у нас еще ворами-конокрадам отбивают пятки или наколачивают в них гвозди, чтобы воры с отбитыми пятками не могли уже бегать? У римлян было к тому же иногда в обычае не пригвождать ко кресту, а вешать на крест осужденного, привязывая его ко кресту веревками по рукам и ногам; а при таком способе крестной казни возможна была еще мысль о побеге, особенно для сильных и здоровых натур, каковыми были иногда гладиаторы, атлеты и т. п. Понятно, во избежание побега нужно было стеречь повешенного, что должно было быть, конечно, делом воинов, и делом, нужно согласиться, не особенно приятным. Чтобы избавиться от этого неприятного дела, с одной стороны, а с другой – не подпасть обвинению в

нерадении, и придумано, быть может, было такое средство, как перебитие голеней повешенного. От этого перебитая голень ускорялась и самая смерть повешенного на кресте; но это было уже естественным следствием, а не целью перебития голеней, практиковавшегося для прекращения всякой возможности к побегу. Понятным теперь становится и то, почему один из воинов, производивших казнь над Господом и двумя разбойниками, повешенными с Ним, для доподлинного удостоверения в действительности смерти Господа употребил не перебитое голень, которое к тому же так бы гармонировало с общим враждебным настроением народа к Иисусу, а именно пронзание копьем ребр Его. Самый вид Господа, измученного и обессиленного предыдущими распятию страданиями Его, должен был подсказать воину, что относительно Этого Человека не может быть мысли о побеге, и он копьем пронзил Ему бок.

Святой Иоанн, рассказав о разбираемом событии, замечает: *Ибо сие произошло, да сбудется Писание: кость Его да не сокрушится.* В объяснение этого замечания евангелиста епископ Михаил говорит, что если неперебитие голеней предуказано было еще в Ветхом Завете и исполнилось теперь на Иисусе Христе, то этим ясно показывается, между прочим, то, что Он есть истинный Мессия. Место Писания, приведенное здесь, взято из книги Исход (12:46). По закону пасхальному, у агнца пасхального не должны быть сокрушаемы кости, а все оставшееся от снедения его должно быть предано огню. Иоанн указывает причину сего, непонятную в отношении к агнцу пасхальному самому по себе, в том, что он прообразовал истинного пасхального Агнца Христа, у Которого не должны быть сокрушены кости в пречистом теле Его. В прообразе было так наперед ради истины, то есть ради того, что так должно было быть в событии, прообразованном им. Почему же в самом этом событии дело это должно было случиться так, а не иначе? Если сам евангелист и замечанием о несомненной подлинности своего рассказа о нем с присовокуплением слов, что он для того и рассказал, чтобы читатели веровали в него (ст. 35), и ссылкой на исполнившееся на Нем ветхозаветное пророчество (ст. 36) дает нам знать, что это событие важное, достойное

особенного внимания, то естественно ожидать, что в событии этом есть какой-либо внутренний смысл, объясняющий нам не только его фактическую естественность, а и его логическую законность и необходимость, по которой оно и должно было быть именно таким, а не иным.

Указанные нами соображения о цели, с какою обычно перебивали голени повешенному, дают собою нить к открытию этого смысла. Цель эта – прекратить для повешенного на кресте всякую возможность к побегу, так чтобы у него не могло остаться и мысли не только о побеге, а и о том, что если он висит – терпит наказание, то переносит его не добровольно и сознательно, а поневоле, по необходимости. Между тем мысль о вольном шествии Господа на страдания и сознательном перенесении Им этих страданий до конца – главная мысль в догмате об искупительном значении этих страданий. *Се иду*, сказал Он в Предвечном Совете, *и не отвержеся*. Вся жизнь Его была именно вольным шествием на эти страдания, и Он пострадал чрез три с половиною года после выступления на служение роду человеческому не потому, что так сложились внешние обстоятельства; ибо и прежде не раз и народ сам хотел, и начальники посылали служителей, чтобы схватить Его, но не могли, потому что не пришел час Его. Даже тогда, когда настал этот час, Он веден был сначала на допрос, а потом и на казнь не потому, что не мог сопротивляться, а потому, что Сам того хотел. Воины взяли Иисуса не насильно, а когда Он Сам спросил их: *Кого Ищете?* – и Сам предал Себя им. Сам нес крест Свой, чтобы показать, что Он добровольно страждет. Для этого же Он не хотел пить и оцта с желчью, чтобы показать миру, что страдания Его вольные и сознательные. Не для этого ли в Предвечном Совете положено было и умереть Ему прежде, чем воин подошел для перебития голени, чтобы те, которые в своих неверующих насмешках говорили Ему: «Сойди со креста, и мы уверуем, что Ты Сын Божий», и подобные тем, ни тогда, ни после когда-либо не посмели сказать, что Он потому и не сошел с креста, что не мог, что у Него перебиты были голени? Не для того ли и было сие, чтобы ясно было для всех и не сомнительно, что Господь наш Иисус Христос испил чашу Своих

страданий до дна добровольно и сознательно – по любви к людям, чтобы поэтому мы смело могли надеяться на искупительное значение этих страданий, чтобы мы веровали в Него как Спасителя Своего, чтобы на Нем исполнилось слово Предвечного Совета; лишь в прообразовательном событии пасхального агнца открытое нам, что Он добровольно страдал за нас, что в Своих страданиях Он не сопротивлялся до того, чтобы в неравной борьбе с мучителями сокрушились кости Его, что Он не противился злу и оттого нога Его не повредилась, как у Иакова? И пусть не говорят нам, что уступил же Он насилию, когда вознесен был на крест; Он вознесен был свободно; свободно Он отказался и от оцта и желчи. Но Он не должен был свободно отказаться от перебития голеней, чтобы не уличили Его в малодушии; с другой же стороны, не должен был иметь на теле Своем ясные следы разрушения от перебития голеней. Нужно было, чтобы ясно было для всех, что Он цел и невредим остался в Своей человеческой природе, и в смерти Своей, бывшей нетленною.

Символическое значение крови и воды, истекших из прободенных ребер Спасителя

Прот. Нечаев. Уроки покаяния, заимствованные из Евангелия в Великом каноне святого Андрея Критского. «Душеполезное чтение», 1881

Да будет ми купель кровь из ребр Твоих, вкупе и питание, источившее воду оставления, да обоюду очищаюся, помазуюся и пия, яко помазание и питание, Слове, животочные Твоя словеса (Кровь из бока Твоего, Слово, да будет мне купелью, и истекшая вода – питием отрады, дабы мне тем и другим очищаться, употребляя вместо масти и пития животворные слова Твои).

Кровь Христа, истекшая из ребер Его, есть купель в том смысле, что сею кровию по вере в ее искупительную силу омываются грехи в таинстве крещения, потом в таинстве покаяния.

Вода, вместе с кровию истекшая из ребер Распятого, знаменует в рассматриваемом стихе животворные словеса Христовы, то есть учение Христа о спасении. Это учение поистине животворно: как вода утоляет жажду, так и учение Христово есть питание отрады, ибо вносит в душу мир и успокоение, возвещая о спасении грешнику, томящемуся жаждою спасения, но не находящему в себе самом средств к утолению этой жажды. Это же учение имеет свойство также елея, возливаемого на раны и умягчающего боль от них. Грех – это язва для души. Душа, уязвляемая грехом, испытывает не менее острую боль, как и от телесных ран. Эта боль есть естественное последствие пустоты душевной, сопутствующей греху, жгучей жажды новых греховных ощущений для ее наполнения, всегда бесплодных и потому мучительных, особенно же тревог совести, по временам пробуждающейся и в закоренелых грешниках. Животворные слова Христовы заключают в себе благодатную силу, достаточную для обличения душевной боли и для умягчения ее. Слово *мир*, изрекаемое кающемуся грешнику устами священнослужителя в

таинстве исповеди от лица Самого Христа, не есть праздное слово, праздное выражение доброго желания, подобное житейским выражениям благожелательства, а проводник действительного духовного мира и радости в кающуюся душу, по обетованию Христову: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не якоже мир дает, Аз даю вам* (Ин. 14:27). Поистине мир Христов есть елей, умягчающий боль от душевных язв; поистине слово этого мира есть животворное слово.

Чудесные знамения, последовавшие за смертью Господа нашего Иисуса Христа

(Мф. 27:51–53)

Архимандрит Никодим

Знамения и чудеса, прославившие земную жизнь Богочеловека, не кончились с Его жизнью. Когда Начальник жизни нашей (Деян. 3:15), Господь Иисус Христос, пригвожденный ко кресту, испустил дух – последовал целый ряд необычайных, поразительных знамений. *И се завеса церковная раздрася на двое с вышняго края до нижняго: и земля потрясся, и камене распадется: и гроби отверзошася, и многа телеса усопших святых восташа: и исшедше из гроб, по воскресении Его, внидоша во святыи град и явишася мнозем* (Мф. 27:51–53).

Господь никогда без особенного намерения и благодетельных целей не являет Своей чудодейственной силы. И голгофские знамения, без сомнения, имеют особенное глубокое значение. Чудодействующая десница Божия чрез них благоволила показать величие и могущество Распятого на кресте, величие и силу тех благ, какие дарованы людям Его смертью. Сам Господь Иисус предсказал о сих знамениях и предварительно указал их значение и цель. Он говорил однажды иудеям: *Егда вознесете Сына Человеческого*, то есть когда распнете Меня, – *тогда познаете, яко Аз есмь* (Ин. 8:28), то есть тогда узнаете, что Я истинный Сын Божий, узнаете Мою силу и власть.

В час смерти Иисуса Христа завеса раздралась надвое, сверху донизу, во храме Иерусалимском. Это была та завеса, которою святое святых отделялось от святилища (Исх. 26:33; 2Пар. 3:14). В храме Иерусалимском, кроме двора, в котором стоял народ во время богослужения, были две главные части: святилище и святая святых²⁴. Важнейшею частью храма было *святая святых*. Здесь находился ковчег завета, самая, главная святыня иудейского храма. Он был сделан из драгоценного дерева вне и внутри окован самым чистым золотом. Наверху

его был золотой покров, названный *очистилицем*, по обеим сторонам которого стояли два изображения херувимов. В ковчеге хранились скрижали закона, золотой сосуд с манною и жезл Ааронов. Очистилище было престолом, с которого Бог принимал поклонение и давал слышать глас Свой и открывал волю Свою. Сделанная из богатой ткани и украшенная шитьем завеса (Исх. 20:31–32) отделяла сию часть храма от святилища. В святилище ежедневно входили священники совершать богослужение (Евр. 9:6). Но в святая святых входил один только первосвященник, один раз в год, с кровью жертвенного животного для очищения грехов своих и грехов народа. Это было в один из великих праздников иудейских, в день *очищения*. Нет сомнения, что скиния Моисеева, будучи сотворена по образу, показанному Моисею Богом на горе (Исх. 25:40), а следовательно, и храм Иерусалимский, созданный по образу скинии, изображали собою предметы высшие, духовные, небесные. Важнейшая часть скинии и храма, *святая святых*, это место обитания Божия на земле, по изъяснению апостола Павла, изображала собою небо, где является славное присутствие Божие. Христос, говорит апостол, не в рукотворенное вошел святилище, но в самое небо (Евр. 9:24). Соответственно таинственному значению важнейшей части храма, и завеса, закрывавшая вход в нее, имела таинственное же знаменование. По объяснению апостола (Евр. 9:8), эта завеса таинственно изображала то, что путь в истинное святое небо тогда возбранен был людям. Созданный для неба, для жизни с Богом человек за нарушение Божественной заповеди лишен был того близкого общения с Богом, при котором для него прежде возможно было непосредственное беседование с Ним; заградил себе доступ к Богу и сам по себе не мог восстановить расторгнутого союза. Вот почему во время законодательства Синайского, где Господь явил Свое особенное присутствие, Он запретил евреям под страхом смерти подходить к горе ближе определенной черты. Этим Он показал, что люди, не имея святости, требуемой Богом и достойной Его, недостойны были и близкого доступа к Богу, так что, дабы хотя издали стоять пред Ним, они должны были совершить пред

(ПРОПУСК ТЕКСТА В КНИГЕ)

ный первосвященник, однажды в год входивший с кровью во святая святых. Когда Господь Иисус как истинный Первосвященник, скажем словами апостола Павла: *не с кровию козлов и тельцов, но со Своею пречистою кровию вошел единожды во святилище, не в рукотворенное святилище, которым изображается истинное, но в самое небо, и явился пред лицом Божиим*, как Ходатай за нас для уничтожения грехов наших (Евр. 9:12, 24); тогда Он снова отверз людям небо, опять даровал нам доступ к Богу. И о сем-то великом благодеении, дарованном человечеству смертью Сына Божия, чудодействующая десница Божия проповедует людям раздиранием церковной завесы. Посему апостол Павел писал к верующим, что они имеют свободу входить во святилище, за завесу, куда Предтеча Иисус вошел за нас (Евр. 6:20; 10:19–20). За Христом, Предтечею о нас, мы можем теперь приступать к *Сионстей горе и ко граду Бога живого – Иерусалиму небесному и тмам ангелов, торжеству и Церкви первородных, на небесех написанных, и Судии всех Богу, и духом праведник совершенных, и к Ходатаю завета нового Иисусу, и крови кропления, лучше глаголющей, нежели Авелева* (Евр. 12:22–25).

Раздирание церковной завесы означало вместе и то, что со смертью Иисуса Христа Ветхий Завет кончился и жертвы ветхозаветные отменены. По учению апостола Павла, все ветхозаветное устройство имело временное назначение, установлено было только до времени лучшего распоряжения (Евр. 9:10). Дары и жертвы ветхозаветные не могли сделать совершенными приносящих (Евр. 10:1); не могли вполне успокоить совести (Евр. 9:9), не могли истребить грехов их (Евр. 10:11), ибо невозможно, чтобы кровь волов и козлов уничтожала грехи (Евр. 10:4). Напротив того, сими жертвами ежегодно делалось только напоминание грехов (Евр. 10:3). Посему, когда Христос в конце веков явился с жертвою Своею для уничтожения греха (Евр. 9:26), когда Он единожды вошел во святилище со Своею кровию, очищающею совесть нашу от мертвых дел (Евр. 9:12, 14), когда единократным приношением тела Иисуса Христова верующие в Него освящены (Евр. 10:10) и

сделаны совершенными (Евр. 10:14), тогда Ветхий Завет и все жертвы ветхозаветные стали не нужны. Ибо где прощение грехов, там не нужно уже приношение за них (Евр. 10:18). После Жертвы Иисуса Христа, живой и духовной, кровь козлов и тельцов потеряла свое значение, Завет Ветхий отменен, и в знамение сего раздирается церковная завеса ветхозаветного храма.

Вместе с раздиранием церковной завесы в час смерти Христа Спасителя последовало землетрясение и распадение камней. Евангелисты не говорят того, что землетрясение ограничилось одною Палестиною. А по свидетельствам языческим видно, что оно было замечено и в других местах. Флегонт, язычник второго века, пишет, что на 4-м году 202 Олимпиады (то есть в год страдания и смерти Христа Господа) было сильное землетрясение в Вифинии и разрушило большую часть Nikei. Другой языческий писатель, приводимый Евсевием, говорит о том же годе, что тогда землетрясение колебало Вифинию и большая часть Nikei пала. Святой Кирилл Иерусалимский, спустя три века после смерти Спасителя, вслух христиан Иерусалимских говорил, что на скалах, окружающих Иерусалим, сохранились еще следы разрушения, совершившегося во время смерти Господа Иисуса. Святой мученик Лукиан в речи своей пред Никомидийским префектом говорил о Христе: «Он умер для того только, чтобы воскресением победить смерть. То, что говорю вам, совершилось не в темном месте и не остается без свидетелей. Если еще не верите, приведу вам в свидетели то самое место, где совершилось событие. Согласно с этим самое место в Иерусалиме и Голгофская скала, расторгшаяся под тяжестью креста».

Сии знамения, то есть землетрясение и распадение камней, были гласом природы, которая, не терпя видети распинаема своего Творца и Владыку, изъявляла свое сострадание к Распятому и негодование на распинателей. Припомним здесь то, что говорил Иисус Христос фарисеям во время торжественного входа Своего в Иерусалим. Тогда народ, бывший неоднократно свидетелем чудес Христовых, подстилал

Ему свои одежды по дороге и восклицал: *Благословен грядый Царь во имя Господне: мир на небеси и слава в вышних*. Фарисеи, слыша сие, предложили Господу запретить сие народу, но Он отвечал: *Глаголю вам, яко аще сии умолчат, камене возопиют (Лк. 19:40)*. Слова сии подтвердились тем, что было во время смерти Иисуса Христа. Когда в Распятом на кресте иудеи не хотели видеть своего Мессию, когда и самые ученики Его в ужасе разбежались, тогда потрясшаяся земля и распавшиеся камни в обличение первых и утешение последних вещали, что Распятый есть Бог всея твари.

Свидетельствуя о Божественном достоинстве Распятого, знамения сии служили также знаком того, что после смерти Господа на земле должно произойти великое потрясение и переворот в человечестве, великое нравственное обновление живущих на земле. Человечество в нравственном отношении было тогда не что иное как поле, исполненное сухих костей, в которые надлежало ввести дух животен, которым надлежало дать жилы и плоть, чтобы они ожили (*Иез. 37*); людям надлежало выйти из того нравственного рабства, в каком находились они. И сей-то переворот произведен смертью Спасителя. Немного проходит времени после смерти Господа, и на земле уже не то, что было прежде. Ученики Распятого с евангельскою проповедью обтекают землю. Мрак многобожия и идолопоклонства видимо исчезает. Люди, сидящие во тьме и сени смертной, усматривают свет великий, от ложных богов обращаются к Богу живому, Который сотворил небо и землю, море и все, что в них (*Деян. 14:15*), и научаются почитать Его. Они познают добро и научаются быть добродетельными.

И о сем-то великом изменении человечества и обновлении его смертью Иисуса Христа чудодействующий Бог возвещает людям чрез потрясение земли во время Его смерти. Так еще издали вдохновенный пророк Аггей будущее просвещение и изменение людей евангельскою проповедью представляет под образом потрясения всех языков. *Сице глаголет Господь Вседержитель, вещает он, еще единою Аз потрясу небом и землею и морем и сушею, и стрясу вся языки, и приидут избранная всех языков (Агг. 2:7–8)*. Также пророк Иезекииль под

образом оживления сухих костей представив будущее нравственное обновление человечества благодатию Евангелия, говорит: *Се трус, и совокупляхуся кости, кость к кости, каяжда к составу своему, и быша им жилы и плоть растяше* (Иез. 37).

В частности, распадение камней служило указанием на сокрушение окаменевших сердец человеческих, изменение их свойств и расположений благодатию Христовою. Господь устами пророка Иезекииля так возвещает о сем людям: *И дам вам сердце ново и дух нов дам вам, и отъиму сердце каменное от плоти вашей и дам вам сердце плотяно: и дух Мой дам в вас. И сотворю, да в заповедех Моих ходите, и суды Моя сохраните и сотворите я* (Иез. 36:26–27). И действительно, с принятием веры в Распятого люди получают сие новое сердце и новый дух. Они приемлют благодать Божию, которая смягчает их каменные сердца и преклоняет к добродетели.

После потрясения земли и распадения камней, за смертью Господа Иисуса последовало знамение более других поразительное – отверстие гробов и воскресение многих усопших святых, которые, вышедши из гробов, по воскресении Господа явились многим во Иерусалиме. Думают, что воскресли те святые, которые ожидали пришествия Мессии Господа, в которых это ожидание было действующим началом всей жизни; восстали, впрочем, не все из этих святых, но только те, которые могли быть узнаны почему-либо, которые известны были при жизни, или, как говорит святой Епифаний, могли быть узнаваемы своими, как умершие за несколько времени пред тем. Посему со всею вероятностью полагают в числе воскресших Симеона Богоприимца и Анну пророчицу, Захарию и Елисавету. Есть предание о воскресении и явлении двух сыновей Симеона Богоприимца.

Знамение сие имеет прямое отношение к смерти Иисуса Христа, служа очевидным изображением ее силы и величия. Оно засвидетельствовало, что Богочеловек Иисус Христос Своею смертью попрал смерть, *упразднив имущаго державу смерти, сиречь диавола*, избавил находящихся в его власти и извел их из ада для вечной жизни на небесах.

Знамение сие служит также залогом нашего будущего воскресения. И после того как Своею смертью Иисус Христос сокрушил царство смерти, люди умирают, как умирали прежде. Но мы твердо веруем, что некогда труба архангела воззовет всех людей из гробов их, *да примет кийждо*, в день Страшного Суда Божия, *яже с телом содела или блага или зла* (2Кор. 5:10). Иисус Христос, победив смерть, силою Своею воскресил многа тела усопших святых; Он же воскресит и всех нас. *Якоже о Адаме вси умирают, такожде и о Христе вси оживут* (1Кор. 15:22).

О воскресении усопших, последовавшем за смертью Иисуса Христа

(Мф. 27:53)

Мысли св. Григория Двоеслова. «Воскресное чтение», 1808

И многа телеса усопших святых восташа (Мф. 27:53).

Имеем уже надежду воскресения нашего, взирая на славу Главы нашего Господа Иисуса Христа. Но чтобы кто-нибудь и несколько не усомнился даже в мыслях своих и не подумал, что Христос потому воскрес, что был вместе Бог и человек (как Бог Он победил смерть, которую подъял как человек), а мы как обыкновенные люди не можем освободиться от осуждения смерти, – для сего во время воскресения Своего Он воскресил телеса многих святых, чтобы в Своем воскресении показать образ, а воскресением других, подобных нам, человеков утвердить надежду нашего воскресения. Теперь, если бы человек не надеялся воспринять то, что явил в Себе Богочеловек, то должен увериться, что несомненно произойдет то же и с ним, что совершилось в других, которые, без всякого сомнения, были такие же люди. Есть, впрочем, и теперь такие маловеры, которые, видя, как дух разрешается от плоти, как плоть предается тлению, как тлением превращается в прах, как прах до того измельчается и разрешается на свои начала, что становится неприметным для глаза, – сомневаются в возможности воскресения; и когда видят голые и сухие кости – не верят, чтобы они опять облеклись плотию и ожили для жизни. Но если не хотят веровать воскресению из повиновения Слову Божию – должны поверить хотя собственному разуму. Ибо что являет нам ежедневно мир, как не образ нашего воскресения? Мы видим каждодневно, что временный сей свет как бы умирает, когда наступает ночь, и как бы воскресает опять, когда рассеивается ночной мрак. Видим также, как в известное время года деревья сбрасывают с себя свой зеленый покров, остаются голы и бесплодны; и вот при наступлении весны, как бы при наступлении дня воскресения, на голых ветвях разворачиваются листья, вырастают цветы и плоды, и ожившее древо является во

всей красоте своей. Непрестанно видим, как из малых древесных семян, вверенных земле, вырастают большие деревья, украшенные листьями и плодами. Рассмотрим же малое семя, которое ввергается в землю и из которого вырастает потом какое-либо дерево; и изъясни, если можешь, где в таком малом семени сокрывалось выросшее из него столь огромное дерево, где корень, где древесина, где кора, где зелень листьев, где красота и вкус плодов? Было ли видно что-либо похожее в семени, когда бросали его в землю? И однако, по чудному устройству Зиждителя всяческих, и в мягкости семени скрывалась жесткость коры, и в нежности его – крепость древесины, в сухости – обилие плодоношения. Что ж удивительного, если мельчайший прах, когда восхощет, образует в человека Тот, Кто из малейших семян произрастает величайшие деревья? Будучи созданы разумными, мы должны были бы чрез рассмотрение окружающих нас тварей уверяться в собственном воскресении и бессмертии; но поскольку разум наш притупел и помрачился, то является в помощь благодать Искупителя. Приходит к нам Сам Творец, подымлет смерть, являет воскресение, чтобы мы, не могшие убедиться разумом в истине воскресения, убедились Его примером. Но для вразумления нашего невежества, для укрепления нашей немощи Господь наш благоволил явить нам пример воскресения не только Своего, но и многих. Ибо один Он умер на кресте, но не один воскрес, а много, *тела усопших святых восташа*. Теперь отъяты все предлоги неверия. Дабы не сказал кто; «Не может ожидать себе человек того, что явил во плоти Своей Бог», – вот, с Богочеловеком воскресают те, о коих не можем сомневаться, что они были подобные нам человеки. Итак, если мы члены нашего Искупителя, то можем ожидать того же, что совершилось в Главе; должны по крайней мере ожидать того же, что совершилось в других, бывших прежде нас, членах.

Иннокентий, архиеп. Херсонский. Из Слова в пяток Светлой седмицы. Киев, 1842

И изшедше из гроб (святые), по воскресении Его, внидоша во святой град, и явишася мнозем (Мф. 27:53). Кто

воскресшие? Святые, отвечает евангелист, а какие именно, не рассказывает. Почему не рассказывает? Между прочим, конечно, и потому, что имена их не могли придать ничего к их воскресению. Воскрес тот или другой праведник, все равно: сила не в имени воскресшего, а в воскресении, в чуде. Если, впрочем, судить по приличию, коего не чуждаются и чудеса, то всего ближе было воскреснуть тем, кои преимущественно соединены были по плоти с воскресшим Господом, как Авраам, Давид или яснее других предсказали Его смерть и воскресение, как Исаия, Иезекииль, Даниил; или явственнее предызобразили сии события своею жизнью, как Иов и Иона. Если судить по нужде – быть скорее признанными от тех, кому воскресшие являлись по воскресении; то, кажется, надлежало воскреснуть недавно почившим, каковы были Иоанн Креститель, Симеон, Анна, Иосиф и проч. А может быть, все сии соображения как низшего порядка, не имели в сем случае силы, а воздействовало одно высшее соображение; воскресли те, в коих, по внутреннему их человеку, наиболее отразилась сила смерти и Воскресения Господа, то есть праведники совершеннейшие; хотя к числу их могли принадлежать и те, коим приличествовало воскреснуть по другим отношениям, нами указанным. Как бы то ни было, только сонм воскресших был не мал: много телеса усопших святых *восташа*. Торжественная свита такого Победителя и Царя, каков Сын Божий, не могла быть скудна и малочисленна.

Но моя мысль при сем невольно останавливается на одном выражении евангелиста о воскресении святых: *телеса усопших святых восташа*, говорит он. Почему не говорит: святые восстали, или воскресли; а *телеса их восташа и изыдоша из гробов*? – Как бы сии телеса уже давно лежали в гробах, готовые к восстанию и исшествию! Такие выражения весьма прилично можно бы употребить о воскресении телес угодников Божиих, нетленно в нашем граде почивающих. Но мы несколько не видим из истории Церкви Ветхозаветной, чтобы в ней были какие-либо нетленные телеса усопших святых. Откуда же взялись в Иерусалиме телеса, кои, по свидетельству евангелиста, *восташа и изыдоша* из гробов в час смерти Господа? Можно отвечать различно; а мне кажется это знаком,

что в гробах усопших уже находятся таинственным образом начатки тех нетленных телес, в кои имеют облещися души в последний день; подобно как в продолжение зимы уже находятся в семенах, посеянных осенью, тела будущих летних растений; так что, если бы каким-либо чудом воссияло среди зимы летнее солнце, то они вышли бы из своих гробниц и явились взору всех.

Когда именно *восташа* тела усопших святых и когда *внидоша во святой град, и явишася мнозем*? Восстали тотчас по смерти Господа на кресте. Ибо, когда *Иисус, возопив гласом велиим, испусти дух* и когда вследствие сего *завеса церковная раздрася, земля потрясется, камене распадется*, – в то же время, по свидетельству евангелиста, и *гробы отверзошася, и многа тела усопших святых восташа*. Но исшествие из гробов, вшествие во святой град и явление многим, по указанию евангелиста, последовало не вдруг по смерти Господа, а после – по Его преславном воскресении. Здесь опять не без тайны. Смерть Господа представляется как бы великим ударом громовым, который раздался посему миру, привел в сотрясение всю землю, сокрушил твердыни адовы и пробудил почивавшие в сердце земли тела святых; и вот, они восстали, разрешились от уз смерти, но всю полноту обновленной жизни восприяли не прежде, как по воскресении и от воскресения Господа, *да будет Он*, по выражению апостола, *во всем первенствуя*.

Кому являлись воскресшие святые? *Мнозем*, отвечает евангелист; а кому именно – опять не указывает; может быть, потому, что число удостоившихся явления было очень велико, а имена их не так примечательны. В самом деле, не видно, чтобы восставшие святые являлись, например, апостолам. Много ли бы для них значило сие явление, когда они несколько раз имели счастье видеть Самого воскресшего Учителя своего? Подобное, кажется, должно сказать и о всех прочих, удостоившихся видеть Самого Господа по Его воскресении. Воскресшие святые, вероятно, должны были явлением своим заменить Его явление; посему, кому являлся Он Сам, тому не являлись уже они. И Он Сам являлся многим; ибо в последний раз явился, по

свидетельству Павла, более пятисот *братиям*, но воскресшие праведники, может быть, являлись еще множайшим из последователей Господа; так что все имевшие нужду в скорейшем свидетельстве о воскресении Его прияли оное от совоскресших с Ним. А может быть, удостоились сего свидетельства и некоторые из неверовавших дотоле в Господа, но имевших в душе расположенность к вере, подобно тому как еще высшая милость оказана потом – в особенном, чрезвычайном виде – Савлу.

Явление воскресших праведников по самому существу своему было самым сильным свидетельством истины воскресения Иисуса Христа и Его Божественного достоинства. Когда воскресший кому-либо говорил: я воскрес силою Иисуса распятого и воскресшего; веруй в Него также несомненно, как несомненно видишь теперь меня, то всем сомнениям надлежало исчезнуть, всем возражениям пасть самим собою.

Что последовало с воскресшими праведниками, по окончании их явления многим? В разрешение сего вопроса ни евангелист, ни церковная история не говорят ни слова. Но самое молчание деписаний дает знать, что явившиеся праведники не остались на пребывание в Иерусалиме не только между неверующими, но и между теми, коим являлись. Как бы они начали жить на земле? Земля явно была не по ним; равно как и они не по земле. Куда же отошли они? Ужели во гробы, из коих вышли? Это было бы несообразно с их воскресением. Если Лазарь воскрешенный умер паки, по прошествии известного времени, то должно помнить, что Лазарь воскрес с прежним телом, то есть с обыкновенным человеческим телом; а святые, воскрешенные смертью Господа, воскресли в теле обновленном, таком, каковы будут тела всех святых по всеобщем воскресении, или близком к тому. С таким телом как опять разлучаться душе? Такому телу как входить паки во гроб? И для чего? Посему-то святые отцы издревле полагали благочестно, что воскресшие святые не умирали уже паки, а сопровождали невидимо Господа на небо при Его вознесении, составив из себя вокруг Его начатки обновленного человечества, к коему потом присоединилась в свое время

Матерь Божия, взятая с телом на небо, и, может быть, присоединяются по временам другие святые.

Обратимся к последнему вопросу: в какой связи это воскресение святых с воскресением Самого Господа? Во внешней ли только, по действию всемогущества Божия, которое воззвало к жизни святых в минуту смерти Всесвятого, дабы дать свидетельство о Его невинности и Божественном достоинстве? Или и в связи внутренней, как действие, выходящее из своей причины непосредственно, как эхо после звука громового? Если бы не было внутренней, непосредственной связи смерти Господа с восстанием святых, то Ему не надлежало бы, кажется, и происходить в это время, дабы не быть преждевременным; ибо явление их многим во святом граде имело последовать не прежде воскресения Господня; посему тогда же, а не прежде, надлежало бы произойти и их воскресению, дабы таким образом избежать промежутка времени, в противном случае вовсе не нужного. Между тем, хотя время свидетельствовать о Воскресшем не наступило еще, но святые воскресают; и это происходит в ту самую минуту, когда Господь предает на кресте Свой дух Отцу. Как после сего не подумать, что они восстают именно от всемогущего дуновения сего животворящего духа? Посему-то мы и уподобили смерть Господа такому великому удару, который сотряс весь мир и возбудил, по выражению Церкви, мертвые от века. Возбуждены все, но действие не во всех произошло равное, смотря по различию почивавших. Для большей части оно ограничилось тем, что почившие, пробудясь от сна смертного, могли за Победителем смерти, по Его сошествии во ад, выйти вслед Его своими душами из ада. А другие, кои спали тонее и легче, по возбуждении своем столько прияли в себя живоносной силы от воскресшего Господа, что не только вышли душою из ада, но восхитили с собою и самые свои тела из гробов и, облекшись ими, могли в благодарность послужить своим явлением для многих Воскресшему, а потом в награду вознестись вслед Его на небо. Всем смысле еще святой Игнатий Богоносец называл настоящее воскресение святых продолжением, дополнением воскресения Господня.

Нравственные уроки из евангельского повествования о чудесных знамениях, последовавших за смертью Господа нашего Иисуса Христа

(Мф. 27:51–52, 54)

«Воскресное чтение», 1816

И се, повествует евангелист, завеса церковная раздрася посреде, с вышняго края до нижняго. Что значит это раздрание завесы храма? Это знамение для иудеев, да почувствуют они, что храм их и все жертвы более не угодны Богу, потому что принесена уже единственная спасительная Жертва, которой все обрядные жертвы были только прообразованием; да веруют они в сию всесвятую Жертву, если хотят спастись, и не надеются на свои обряды и на все свои внешние преимущества. Не служит ли это знамение наставлением и для нас, христиан? Так! И мы не должны надеяться ни на что более, как на силу искупительной Божественной Жертвы. Она одна дает силу и нашим храмам, нашим священнодействиям и даже всем нашим добродетелям, а без нее все у нас было бы мертво, недействительно, без нее и мы были бы мертвы. Потому-то сам апостол говорит о себе: *Верую живу в Сына Божия, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мне (Гал. 2:20).* Верую в Сына Божия, *распятаго за ны, страдавша и погребенна,* живем и мы и спасаемся. Сия вера оживляет все благие надежды грешников кающихся; сия вера открывает нам и Царство Небесное. Не образовало ли и сего раздрание завесы в храме? Истинно так! Это раскрытие святого святых Иерусалимского образовало раскрытие святого святых небесного, то есть отверстие самого неба, *куда вниде Христос, да явится лицу Божию о нас (Евр. 9:24), даровав и нам дерзновение входить в сия святая кровию Его, путем новым и живым (Евр. 10:19).*

Но где, спросим, взять нам сил, чтобы отрешиться от оков земных, от уз греховных страстей и возвысить дух к небесному? Где взять сил, это показывает нам та же история страстей

Христовых. Не видим ли мы, как сила креста проникает землю и она сотрясается; проникает твердые камни – и они распадаются? Так на неразумной природе показал Господь, что может сотворить Он в нашей природе разумной, если мы допустим действовать в нас силу Его страданий и смерти. Сею самую да сотрясется и наш земной ветхий человек, сею самую да сокрушатся твердейшие камни преграды, какие полагаем благодати Божией ожесточением сердец наших! Да совершится в нас то, что предсказал Бог у пророка: *И отъиму сердце каменное от плоти вашей, и дам вам сердце плотяно, и дух нов дам вам (Иез. 36:27)*. Если силою креста Господня греховный мир распинается или делается недействующим в отношении к верующему и верующий в отношении к миру, то какие преграды постоит пред Его силою?

Смотрим далее на действие страстей Господних. Вот, в то же время, когда сотрясается земля и распадаются камни, отверзаются и гробы, и дух жизни входит в тела умерших. Что показывает сие? То, что сила страданий и смерти Христовой, разрушая преграды спасения, в то же время вводит дух жизни в сердца кающихся. И *суции мертвии прегрешеньми сооживляются Христом (Еф. 2:5)*, *отлагают ветхого человека, тлеющего в похотех прелестных, и облакаются в нового человека, созданного по Богу в правде и преподобии истины (Еф. 4:22–24)*. И что еще? Вместе с жизнью для души та же сила Господня полагает в верующем семя бессмертной жизни для самого тела. Ибо *аще дух Воскресившаго Иисуса от мертвых живет в вас*, говорит апостол, *воздвигий Христа из мертвых оживотворит и мертвенная телеса ваша живущим Духом Его в вас*.

Такова сила страстей Христовых! А чтобы мы видели и ближайший пример спасительного действия этой силы на сердца людей, Евангелие представляет нам это действие в распинателях Христовых и начальнике их, Лонгине-сотнике. *Сотник же и иже с ним стрегущии Иисуса, видевше трус и бывшая, убояшася зело, глаголюще: воистину Божий Сын бе Сей*. Вот сотрясение душ и распадание окаменелых сердец! Распинатели-язычники *убояшася зело*. Вот как дух жизни

отверзает гробы и оживляет умерших! Неверующие, отчужденные от жизни Божией, веруют, причащаются истинной жизни; ибо взывают: *Воистину Божий Сын бе Сей*. И заметим, что это не минутное только действие силы крестной. Известно по крайней мере о Лонгине-сотнике, что он и после не переставал исповедовать Иисуса Христа Сыном Божиим, и, наконец, веру свою запечатлел мученической смертью.

Благоговейно воспоминай страсти Господни, христианин, и ты не только не согрешишь грехом смертным, а еще будешь готов на всякое благое дело. Так, если какой-либо соблазн будет увлекать тебя на грех, если какая-либо злая страсть будет возникать в сердце твоём, ты скорее обратись духом к Спасителю, пригвожденному ко кресту, и скажи сам себе: смотри, до чего довели грехи наши Господа и Владыку всех! Пусть грех обещает тебе множество утех и удовольствий, ты скажи сам в себе: за такие наши преступные удовольствия Господь испил горчайшую чашу страданий крестных. Пусть грех грозит лишить тебя мнимых друзей твоих и многих мирских выгод, если ты не покоришься ему. Ты опять воззри на крест Христов и скажи: нет лучшего друга и благодетеля, как Господь мой, и нет высшего блага, как быть в общении с Ним. Такая мысль и такие чувствования могут ли пустить в душу твою мысли и чувствования преступные? *Кое общение свету ко тме? Кое согласие Христови с Велиаром?* (2Кор. 6:14–15). Подобным образом поступай, христианин, и когда представляется тебе случай совершить благое дело. Просят ли, например, у тебя прощения в причиненном тебе оскорблении, ты вспомни Спасителя, на кресте молящегося за Своих распинателей, вспомни и то, сколько долгов тебе прощает Господь, и ужели не простишь ты брата своего? Просят ли помощи у тебя бедствующие, нуждающиеся? Опять обратись духом ко Господу, Который для избавления нас от бед вечных снизошел до зрака раба и не пощадил бесценной крови и самой жизни Своей, и ужели не поможешь ты бедствующим братьям твоим, которых Господь называет и Своими братьями меньшими? *Понеже, говорит, сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25:40). В той же мысли о

кресте Господнем ищи, душа верующая, и самой себе помощи и утешения, когда подвергнешься каким-либо бедам и напастьям. Представь Божественного Страдальца, вспомни Подвигоположника нашего, заповедавшего и нам нести крест свой и идти в след Его, и будь уверена, что столько *Пострадавший за нас, Сам искушен быв, может и нам искушаемым помощи* (Евр. 2:18).

Как мог Спаситель быть в раю в день Своей смерти, когда после Он Сам сказал, что не восшел еще к Отцу Своему

«Воскресное чтение», 1874

В Евангелии Луки (23:43) говорится, что Иисус Христос сказал распятому с Ним раскаявшемуся разбойнику: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю». А евангелист Иоанн повествует (20:17), что в первый день недели Иисус, явившись Марии Магдалине, сказал ей: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел ко Отцу Моему». В тот же день Он явился ученикам (ст. 19), потом явился им снова после 8 дней (ст. 26). Как помирить кажущееся противоречие евангелистов в приведенных местах? Говоря распятому разбойнику: «Ныне же будешь со Мною в раю», Господь разумел не тело Свое, но душу, имевшую отделиться от тела, что видно из дальнейших слов Его: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой» (Лк. 23:46). Слова же Господа, сказанные Марии Магдалине: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему», относятся к Его телу, которое действительно оставалось на земле до 40-го дня после Его воскресения. Таким образом, в указанных местах евангелистов нет ни действительного противоречия, ни мистификации, ибо душа отлична от тела и может существовать независимо от него. Душа раскаявшегося разбойника вошла в рай в тот же день, как и душа распятого Спасителя, а тело оставалось вне его, подобно телу Господа. Но и оно воскреснет, как воскресло тело Господа, и тогда, соединившись с душой, вечно будет жить с Господом. Разбойник раскаялся искренне и получил небесную награду. Только искренне кающемуся открыт рай. Вот высокая утешительная истина, которой никогда не следует забывать: она путеводная звезда наша.

Погребение Господа нашего Иисуса Христа

(Мф. 27:57–66 и парал.)

Архим. Фотий. «Духовная беседа», т. 17

Получив отрадное дозволение от Пилата – снять со креста тело Иисуса Христа, Иосиф Аримафейский спешит исполнить священное желание своего сердца: снимает драгоценное для него тело благоговейно чтимого Учителя своего (Пророка, как он думал, конечно, о Спасителе) и, купив плащаницу чистую, или чистое полотно, приуготовил ее для сего погребения. В это время приходит и присоединяется к нему друг по служению, и наипаче по духу, Никодим, также ученик Иисуса Христа, дабы вкупе устроить погребение Умершему. У богатого Иосифа, невдалеке от Голгофы, был сад, и в нем *иссеченный в камени* – в каменистом месте или скале – новый гроб (то есть пещера), в котором еще никто не был погребен и который приготовил было Иосиф для себя самого. Сей-то самый гроб уступает он для погребения тела высокочтимого им Мертвеца Сего. А Никодим приносит для сего драгоценные ароматы или благовонные вещества в весьма значительном количестве – соединение смирны и алая. Уготовив все это, они приемлют тело Иисусово, обвивают его чистою плащаницею, покрытою ароматами, – как было в обычае у иудеев совершать погребение – и полагают пречистое тело в новом гробе. Потом, *возвалив камень велий над двери гроба*, отходят. Полагается камень по тому же обычаю: это служило заграждением входа во гроб и памятником гроба. Видно, что и эти приближенные и преданные к Спасителю ученики не думали о скором воскресении Погребаемого, и погребали Его навсегда, до последнего дня мира. Обвивают тело плащаницею, обложенною ароматами, тоже по обычаю погребения у иудеев. Так погребен был и Лазарь, которого воззвал из гроба всесильным, животворящим гласом Своим Господь Спаситель, и мертвый воскрес и пошел из гроба, *обязан, сказано, рукама и ногама укроем или платом*, – сповитый весь, как младенец. Добрый и знаменательный

обычай! Погребаемый представляется здесь как бы младенцем, повитым пеленами, а гроб – как бы колыбелью его.

Смерть, действительно, есть переход, как бы рождение души в новую, высшую жизнь; и само тело человека верующего *вселяется* во гроб, на *уповании* воскресения.

Что же враги Христа Спасителя? Торжество злобы их, когда при распятии Господа солнце померкло, а вдруг, со смертью Его, *земля потрясется, камни распадется* (что почти все бывшие на Голгофе признали за чудо и возвращались оттуда, *бия в перси своя* в чувстве скорби о невинном Страдальце и при виде такого важного чуда), – торжество злобы врагов Спасителя довольно помрачилось, и они присмирели; но сердца их, твердейшие камней, не сокрушились раскаянием. Они помышляют о новом деле злобы своей против Господа, преследуют Его не только до креста, а и в самом гробе, не только распятого, но и погребенного. Внимательно, сколько можно, слушая все слова Спасителя при жизни Его, не для верования и спасения своего, а подстерегая их, дабы уловить Его в слове и что-либо сказать в Его осуждение, они, быть может, лучше всех заметили слова Господа, в которых Он предсказал о Своем тридневном воскресении и, не веря им по злобе и нечестию своему, на другой день, то есть утром в субботу обращаются к Пилату с просьбою – повелеть утвердить гроб Христов до третьего дня, дабы, по их лукавому и злому предположению, ученики Иисуса Христа не похитили нощью тело Иисусово и не сказали, что Он восстал от мертвых. Пилат дает им стражу, и они с злою радостью в утро того же дня субботнего приставляют стражу ко гробу, а камень печатают своею печатью. Но это самое, вопреки их желанию и намерению, послужит и будет служить еще к большему уверению не только в истине смерти и погребения, а и воскресения Господа. Так совершилось погребение Спасителя и Господа!

Что мы здесь видим? Что нас особенно поражает? Какое назидание можем извлечь из этого события? Какая тайна промысла Божия открывается в нем?

Прежде всего, конечно, трогает нашу душу усердие преданных Господу учеников Его Иосифа и Никодима. Они не хотят допустить, чтобы тело благоговейно чтимого ими Учителя, снятое распинателями со креста по причине наступающего праздника, да не останутся тела в субботу, было погребено в каком-либо неприличном месте, с телами разбойников, и хотят погребсти Его с честью, обычным погребением. Они действовали по внушению своего любящего сердца, а между тем послужили к исполнению древнего пророчества, по которому погребение пострадавшего Мессии будет у *богатого* (Ис. 63:9), что *покой Его будет честь и с миром погребение Его*.

Смертью умрете, сказано первому Адаму. Почему и Икупитель – второй Адам должен был умереть один за всех, для избавления всех от смерти вечной. *Земля еси, и в землю отыдеши*, сказано падшему прародителю; потому и второму Адаму нужно было, хотя на некоторое малое время, отойти в землю, быть в недрах ее. И вот Он чрез погребение пребывает в сердце земли, как второй Адам.

Нужно было Господу приять погребение, дабы уверить еще более в истине смерти Своей, что Он действительно пострадал пречистым телом Своим, которое и погребено было во гробе.

Нужно было приять погребение Господу, дабы ввести жизнь и силу воскресения в наши гробы, от силы Своего животворящего гроба, и дабы сущим во гробах даровать воскресение и жизнь.

Нужно было Господу возлечь во гроб и приять погребение, дабы разогнать, сколько можно, страх и мрак гробов наших, дабы Ему – Спасителю – духовно и благодатно быть и при наших гробах, чтобы верующая душа могла рещи во уповании: *еще и иду посреди сени смертныя, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси*.

Нужно было приять погребение Господу, чтобы освятить наши гробы и наше погребение и вместе с сим освятить самые недра земли, вселившись в них пречистым телом Своим чрез тридневное погребение. Так, Своим крещением, погружаясь в Иордане, Он освятил естество водное; вознесенный на крест, Своим крестом, вися на нем, освятил все четыре страны мира

воздушные, – и высоту, и широту, и глубину, и долготу вселенной. Погребением Он освящает недра земные.

Нужно было, по телу, приять погребение Господу, в соответствие и сообразность с самым сошествием Своим душою во ад. Ибо Он, Вездесущий, будучи во гробе плотию с Божеством Своим, – душою в это время также вместе с Божеством Своим сходил во ад для нашего спасения: посетил там умерший род человеческий, от самых дней Адама переходивший туда. Духовное солнце наше зашло во гроб, но не погасло, а только сокрылось на время, дабы взойти в другом, так сказать, полушарии духовном, в мире душ, отшедших отселе, взойти, дабы озарить их светом веры и извести в царство света. Так Он, премилосердый, возлюбил нас, что не только сшел с неба на землю, восшел на крест, сошел в землю, а и нисшел во ад ради нашего спасения.

Наконец, Сыну Божию – Христу Спасителю нужно было приять погребение потому, что крестною смертью должно было окончиться безмерное уничтожение Его. *Подобало* Сыну Божию *пострадати* и потом *внити в славу Свою*. Проблеск этой славы виден уже в самом погребении Господа Он приемлет погребение, и погребение славное и богатое. Во-первых, погребаются благочестивыми и богоугоднейшими людьми, их чистыми руками. Об Иосифе сказано, что он был *муж благ и праведен*; подобный ему был и Никодим, сотрудник ему в сем святом деле, или подвиге. Они, можно сказать, намеренно воздвигнуты для сего Богом, подобно как Симеон – для воцерковления Христа младенствующего, и Иоанн Предтеча – для совершения крещения над Ним во Иордане. Погребаются Господь богатыми людьми и богатым погребением в новом, в камени иссеченном, гробе (или пещере), чистом, в котором никто не был положен; обвивается чистою плащаницею с драгоценными благовонными ароматами, в обильном их количестве, – погребаются, как могли погребаться только самые богатые люди тогдашнего времени. *И дам богатая вместо погребения Его*. Погребаются в вертограде, в тихий вечер весенний, что соответствует и свойству самого события сего – смерти или успения: Господь, *позде сущу*, возлегает во гроб, как

бы на одр ночный – при тишине природы внешней, при утишении самого шума и молвы народной, бывших на Голгофе, и самой злобы врагов. *И будет покой Его – честь*, и он действительно есть честь.

Но вот враги Господни наутро рано злоумышляют новые козни на Умершего, окружают стражею гроб Его. Не нарушает ли это чести гроба? Не нарушает и не уменьшает, а еще больше умножает ее; враги Христа Спасителя, сами не зная того и против намерения своего, делают это. Так и Каиафа, в чувстве злобы, говорил: *уне есть – лучше, да един умрет за люди*; а между тем ненамеренно пророчествует о том, что Спасителю нужно умереть для спасения всех людей. Подобно этому и здесь враги Господа *совещают злая*, а выходит, против воли их, *благая*. Приставляют стражу ко гробу, из ложного опасения похищения тела Господня; а между тем стража эта стоит у гроба сего, подобно как и гробы царей окружаются стражею, ради чести и важности их. Так и пред крестною казнию Спасителя злоба врагов облекает Его в червленую или багряного цвета одежду, возлагает на Него венец терновый, дает трость в десницу Его, злоба ругается над Ним, а сама, не ведая того, служит к тому, что Господь является Царем, в венце, в багрянице и со скипетром. Сами дают трость в руку Его, *да сокрушит* Он непокаянных врагов Своих *жезлом яко сосуды скудельничи*. Так и здесь *покой Его – честь*.

Вспоминая честное и славное погребение Господа, можно ли не вспомнить при сем и не ублажить Иосифа приснопамятного и Никодима, мудрого сотрудника его в этом святейшем деле! Сама Церковь, по руководству повествования евангельского, воспоминает их и ублажает в священно-трогательных песнях своих, и призывает всех нас к их ублажению. *Приидите*, поет она, ублажим Иосифа приснопамятного, живота всех у Пилата испросившего и купно с Никодимом приявшего на руки свои Того, Который держит всю тварь; одеющегося светом, яко ризою, облекающего небо облаки, они облекают плащаницею. Ублажим его, достоблаженного, дерзнувшего приступить к Пилату и испросить погresti тело Господа, всеми оставленного. Ублажим его,

уступившего распятому на кресте Спасителю свой новый гроб в вертограде своем! Ублажим их, совершивших погребение Господа! Счастливый жребий! Достоблаженная участь!

Можно ли и нам иметь теперь эту участь, хотя как-либо участвовать в ней? Можно, потому что и мы можем сделать, если не это же самое, то подобное сему. Храм Божий есть такое место, где находятся гроб и плащаница Христовы; это святой престол, где Спаситель почивает Своим Телом и Кровию. Так, и теперь Господь нередко имеет нужду в новом гробе, или престоле, а паче в плащанице, или вообще утвари церковной. Почему и теперь можно делать подобное тому, что сделали ублажаемый Иосиф с Никодимом. Способствующий благолепию храма своим посильным приношением поступает подобно Иосифу, уступившему для Господа свой новый гроб и купившему плащаницу, и подобно Никодиму, принесшему драгоценные ароматы. Немалое воздаяние от Господа ожидает таких. Святая Церковь каждодневно молится о них, чтобы Господь *освятил любящих благолепие дому Его и воспрославил их Божественною славою*. И Он воспрославит их. Кто заботится о жилище Божиим здесь, тому Господь уготовит обитель там.

Есть еще средство подражать Иосифу и Никодиму. Нищие суть как бы образы и представители Христовы: кто оденет нагого или полуобнаженного, тот как бы обвиет Господа плащаницею. И Господь не останется в Долгу: сторицею, тысячекратно воздаст за сие; ибо Он *щедр* и любит ущедрять в воздаяниях Своих.

Иосиф Аримафейский

Д. Державин. «Воскресное чтение», 1829

Иосиф Аримафейский был человек богатый и знатный, принадлежавший к высшим правительственным лицам, *благообразен советник* (Мк. 15:43), то есть знаменитый член народного совета. Характер его евангелисты описывают не многими, но высокими чертами: они называют *благим и праведным* (Лк. 23:50), *благим*, то есть исполненным любви к ближним, *праведным*, то есть благочестивым, полным любви к Богу, и прибавляют одну, особенно важную, черту, что он *чаял Царствия Божия* (Мк. 15:43), то есть, веруя в древнее обетование, ожидал Спасителя, *имеющего спасти Израиля*, и признал его в Иисусе Христе. Правда, эта вера была общею всему народу; но вера Иосифа была несравненно правильнее и крепче, чем вера Его современников. Иудеи ждали в Мессии царя земного, который должен был, по их понятиям, освободить отечество от ига иноплеменников и создать славное им царство земное. Не так смотрел на Иисуса Христа Иосиф: он видел в Нем царя духовного, коего *Царство* не от мира сего, *Царство истины*, *Царство благодатное*, *Царство Божие*: *той чаял Царствия Божия*. При такой чистой и высокой вере в Иисуса Христа он был учеником Его, но учеником только *тайным*, *страха ради Иудейска* (Ин. 19:38), то есть во избежание гонений от врагов Иисусовых, гонений, которым он, по своему высокому положению в обществе, мог подвергнуться вместе с Учителем. Таился ли он потому, что боялся гонений лично за себя, или потому, что боялся повредить Учителю, открыто став на Его стороне, – как бы то ни было, только он при осуждении Иисуса Христа на смерть, мало того, что не пристал к совету и делу врагов Господа, но и решился, наконец, доказать и свою необыкновенную любовь к Иисусу Христу и свою готовность пожертвовать за Него честью, благосостоянием, а может быть, жизнью.

Итак, в характере Иосифа мы видим три высокие черты: любовь к ближним, благочестие и чистую веру в Господа Иисуса

Христа. Эти высокие качества явились во всей полноте в великом подвиге Иосифа при погребении Господа.

Что же это за подвиг? Подвиг, казалось бы, очень простой и обыкновенный: знатный и богатый человек погребает бедного Странника, всю жизнь посвятившего любви к ближним и не *имевшего где главы подклонити* (Лк. 9:58), – Странника, Которого, кроме него с Никодимом, может быть, никто не решился бы честно похоронить. Итак, богатый человек делает последнюю милость бедному, ученик воздаёт последний долг Учителю... Вникнем в обстоятельства сего подвига и тогда поймем, почему все четыре евангелиста нашли нужным упомянуть о нем и Церковь ежегодно воспоминает его вместе с деяниями Самого Господа.

С самого вступления Господа Иисуса Христа в открытое служение Его преследовала ожесточенная злоба многочисленных врагов: против Него вооружились высшие члены общества – старейшины, книжники – ученые, фарисеи, саддукеи; они выискивали разные средства погубить Его; не решались только на насилие, боясь народа, уважавшего Иисуса Христа за высокое и чистое учение, чудеса и непорочную жизнь. Но чем более возрастала слава Иисуса Христа, тем более возрастала злоба врагов, так что после славного входа Его в Иерусалим, когда народ встретил Его, как обетованного Царя, Спасителя, злоба врагов Его дошла до крайности, и они решились погубить Его во что бы то ни стало. Наконец, с помощью предателя им удалось схватить Иисуса Христа ночью, не возбудив никакого волнения в народе. Они рассчитывали на известное непостоянство толпы они знали, что эти люди уважают человека только до тех пор, пока он пользуется успехом, и готовы топтать его, как скоро он падает. Так, действительно, и случилось. Пока Иисус Христос пользовался свободой, учил, обличал, творил чудеса – народ уважал Его, встречал как пророка, как царя, не внимал Его завистникам – и враги боялись употребить насилие; но лишь только Он был взят и предан суду как преступник – уважение к Нему народа не смело высказаться: забыты были и высокое Его учение, и беспримерно святая жизнь, и чудеса, и все Его благодеяния, так

что врагам очень нетрудно было теперь уверить непостоянный и легковверный народ что Тот, в Ком он видел пророка и царя, есть обманщик и богохульник. И вот тот же самый народ, который недавно встречал Иисуса Христа как Царя, теперь в слепоте и безумии требует Его казни. Итак, все вооружилось против Него, злоба Его врагов восторжествовала, и – Он пригвожден ко кресту. Некому воздать Ему и последнего долга: кто осмелится почитать погребением Того, Который умер на кресте, *яко злодей*? Не значит ли это признать себя Его сообщником? Кто осмелится идти наперекор приговору начальников и всего народа – идти наперекор всеобщему мнению? Не значит ли это сильнее слов обличить в неправде и преступлении Его судей и распинателей и потому обратить их злобу на себя? Кто отважится приступить с почтением ко кресту казненного, когда и неразлучные ученики Его оставили Его, лишь только Он был взят Под стражу? Кто решится явить себя учеником Распятого, когда и самый ревностный из учеников Петр отрекся от Него? Если незнатные и бедные ученики не решились на это, хотя, по незнатности своей, они легко могли избежать преследований как люди неопасные, то как решиться на это вельможе, члену того судилища, которое приговорило Иисуса к смерти? Как решиться, не имея никакой надежды остаться незамеченным?... И однако Иосиф решается: *дерзнув вниде к Пилату и проси тело Иисусово* (Мк. 15:43) для Честного погребения; просит у Пилата, кто утвердил смертный приговор над Распятым, и погребает Его в собственном саду с великою честью!...

Но если великое мужество нужно было, чтобы победить страх и пренебречь опасностью, то не менее нужно было мужество, чтобы победить стыд, хотя и ложный. Представьте, на месте казни, между трупами двух разбойников на позорном древе крестном, висит тело Человека, Который казнен как обманщик и возмутитель. Этого Человека, обещенного более всех сынов человеческих (Ис. 63:3), погребает с великою честью богатый и знатный человек: снимает со креста, помазывает благовониями, покрывает чистою плащаницею и полагает в своем саду, в новом гробе, который приготовлен был им для

себя или для членов своего семейства. Для совершения такого подвига потребно было истинное мужество и самоотвержение.

Что же могло подвигнуть Иосифа на такой великий подвиг? Что, кроме крепкой любви и веры к Господу? Другие видят в Иисусе Христе обманщика, возмутителя, чародея, – Иосиф по-прежнему видит в Нем, даже в поруганном и распятом, пророка, обещанного Избавителя; он недоумевает при виде уничижения и смерти Господа, видит в этом непостижимую тайну, но не перестает в Него веровать и любить Его. Вера и любовь Иосифа остаются непоколебимы; вера разжигает в нем любовь, любовь подкрепляет веру, и обе вместе подвигают его на великое дело самоотвержения. Иосиф видит изнуренное, израненное, поруганное тело Учителя и Господа своего на кресте, видит Его одиноким, всеми оставленным, слышит вопли поносящих Его распинателей, дух его возмущается, сердце ноет от жалости, он забывает и страх, и стыд и спешит снять драгоценное тело с позорного древа, увлечь с места казни и скрыть от наглых взоров, публично почтив Его погребальными почестям и в виду всех поруганий.

Вот подвиг Иосифа, подвиг, достойный нашего удивления, утешения и *подражания*.

О Воскресении Господа нашего Иисуса Христа

Примирение некоторых видимых несогласий в повествовании святых евангелистов о воскресении и явлениях воскресшего Господа

Св. Амвросий Медиоланский. «Воскресное чтение», 1814

1) О времени Воскресения Господа Иисуса Христа.

Многие находятся в небольшом недоумении касательно времени воскресения Господа; ибо хотя евангелисты не противоречат друг другу, однако, казалось бы, различно говорят о сем. Именно: по евангелисту Луке – *зело рано* (24:1), по евангелисту Марку – *зело завтра* (16:2), по евангелисту Матфею – *в вечер субботний* (28:1), по евангелисту Иоанну – *во едину от суббот, еще сущей тме* (20:1) жены пришли ко гробу. Итак, как примирить сие, чтобы не допустить, что евангелисты говорят о различных временах? Прежде всего должно обратить внимание на то, что написано: *в вечер же субботний свитаючи во едину от суббот, прииде Мариа Магдалина и другая Мариа видети гроб. И се трус бысть велий* (Мф. 28:1–2). Значит, Господь воскрес не в день субботний, так как в *субботу* жены *умолчала по заповеди* (Лк. 23:56), но после субботнего дня, следовательно, ночью; ибо жены, пришедшие завтра, хотя пришли зело рано, но узнают, что Господь уже воскрес.

Итак, должно так расположить время, чтобы Воскресение приходилось утром в день воскресный, первый после субботы, а не в субботу; ибо иначе как бы исполнились три дня? Значит, Господь воскрес не при наступлении вечера, а после полуночи. И действительно, в греческом тексте стоит – *поздно* (по нашему переводу: *в вечер* (Мф. 28:1) – выражение, означающее и час при заходе солнца, и употребляемое для выражения вообще промедления, если, например, сказать: вещь сия доставлена мне поздно, то есть не в надлежащую пору; или: он поздно пришел, то есть пришел после назначенного времени, и хотя бы пришел утром в следующий день, все, однако, поздно, потому что прошло назначенное время. Поздно означает также и глубокую полночь, если, например, сказать: он поздно встал для ночной работы, то есть встал не в вечернее время, а в

глубокую полночь. Далее, и архиереи, собравшиеся со старцы, подтверждают, что воскресение случилось ночью, говоря стражам: *Рцыте, яко ученицы Его нощю пришедше украдоша Его, нам спящим* (Мф. 28:13); они думали подтвердить обман свой временем, в которое, по словам стражей, сие случилось. Наконец, святой Иоанн говорит, что Мария Магдалина пришла к нему и к Петру завтра, *еще сущей тме* (20:1), и вместе представляет ее неведущую о совершившемся воскресении; а если бы оно совершилось при наступлении вечера, то тотчас же могло сделаться известным.

2) Как согласить, что у евангелиста Иоанна апостолы в первое явление приняли Духа Святого (20:22), а у евангелиста Луки им повелевается *сидеть во граде Иерусалимсте, Дóндеже облекутся силою свыше?*

Духа Святого воскресший Господь или вдохнул только одиннадцати апостолам как более совершенным, а остальным обещает сообщить после или одним и тем же и там вдохнул, и здесь обещал. Противоречия здесь нет; поскольку *разделения дарований суть: овому бо Духом дается слово премудрости, иному же слово разума о том же Дусе: другому же вера тем же Духом, иному же дарования исцелений о том же Дусе: другому же действия сил, иному же пророчество, другому же рассуждения духовом, иному же роди языков, другому же сказания языков* (1Кор. 12:8–10). Итак, одно действие вдохнул там, другое обещает здесь. Ибо там дана была благодать – *отпускать грехи*, и потому-то вдыхается Христом, чтобы ты верил, что это – Дух Христа, и верил, что Дух от Бога; ибо один Бог отпускает грехи: а Лука описывает сообщение дара языков. Посему там читаем; *Приимите Дух Свят: имже отпустите грехи, отпустятся им* (Ин. 20:22–23); а в Деяниях Апостольских говорится так: *И исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Дух даяше им провещавати* (11:4).

3) Почему святой Лука упоминает о видении женами двух мужей (24:4); Марк – одного юноши, *сидяща в десных, одеяна в одежду белу* (16:5), Матфей – одного ангела (28:2), а Иоанн – двух ангелов, *единого у главы и единого у ногу* (20:12)?

Различие видений означает множество служебных ангелов, по обетованию Самого Господа: *Узрите Ангелы, восходящая и нисходящая над Сына Человеческого* (Ин. 1:51).

4) Почему у святого Матфея и Марка Господь велит сказать ученикам: *Варяю вы в Галилеи: тамо Мене видите* (Мф. 26:32; 28:7; Мк. 16:7), а по евангелистам Луке и Иоанну, Он явился им еще в горнице в Иерусалиме?

Он являлся часто – и более пятисот братьям, и Петру, и Иакову, как свидетельствует о сем святой апостол (1Кор. 15:5–8); и Лука в Деяниях Апостольских говорит, что Он пред учениками *постави Себе жива по страдании Своем, во мнозех истинных знамениих являлся им и глаголя яже о Царствии Божии* (1:3). Мне кажется, приличнее всего допустить, что Господь повелел ученикам идти в Галилею видеть Его; но поскольку они страха ради заперлись в горнице, то Он прежде явился им здесь и, ободрив их, велел одиннадцати ученикам идти в Галилею.

Евангельские известия о воскресении Христовом

Ф. Смирнов. «Воскресное чтение», 1882

Кто внимательно стал бы сравнивать известия четырех евангелистов об этом событии во всех подробностях, тот может встретиться с некоторыми разностями и даже противоречиями в их рассказе, которые, казалось бы, трудно примирить.

Так, святой Матфей (ст. 28) рассказывает о двух женах, Марии Магдалине и другой Марии, матери Иакова, что они, пришедши рано ко гробу, нашли его пустым и получили от ангела весть о воскресении Иисуса Христа вместе с поручением ученикам, чтобы они спешили в Галилею, где и увидят Воскресшего. То же повторяет этим двум женам Сам Иисус Христос, явившийся им на обратном пути. И одиннадцать учеников спешат в Галилею, видят там Господа на горе и получают Его последние повеления. Кроме этого одного явления ученикам, у евангелиста Матфея ни о каком другом не говорится; даже кажется, будто другого явления прежде этого и быть не могло, так как некоторые из учеников, увидев Воскресшего, усомнились (ст. 17).

Евангелист Марк (16:1) начинает рассказ, подобно евангелисту Матфею, только к двум Мариям присоединяет еще Саломию; три жены видят ангела, сидящего во гробе, и после услышанной от него вести бегут с таким страхом, что не смеют никому ничего сообщить. Только Марии Магдалине, по рассказу евангелиста Марка, явился Иисус, и она одна видела Его – о других же женах не говорится. Но к этому у евангелиста Марка присоединяется явление Иисуса Христа двум ученикам на дороге, когда они шли в Эммаус, о чем святой Матфей не упоминает, и затем явление Господа одиннадцати возлежавшим, вероятно, на пасхальной вечери. Хотя сказанное Воскресшим в этом случае (Мк. 16 и др.) согласно с тою речью, какую евангелист Матфей влагает в Его уста, когда говорит о явлении ученикам на горе в Галилее, однако евангелист Марк ни одним словом не дает заметить, что они произнесены в Галилее, хотя и упоминает о повелении ангела ученикам идти

туда. Скорее кажется, будто как явление это, так и все следовавшее за ним по рассказу евангелиста Марка, совершилось в самый первый вечер по воскресении, и притом в Иерусалиме.

Подобное же впечатление производит повествование евангелиста Луки (ст. 24). По его рассказу, ко гробу пришли Мария Магдалина, Иоанна, Мария Иаковлева и другие с ними, стало быть, по крайней мере, пять жен пришли ко гробу, нашли его пустым, видели стоящих в нем двух ангелов, принесли полученную от них весть ученикам и тем возбудили Петра спешить ко гробу. Что одна или многие жены видели Самого Воскресшего – об этом он ничего не говорит. Напротив, он рассказывает потом об учениках, шедших в Еммаус, и о явлении им Господа, упоминает мимоходом, что и Симон видел Господа (ст. 34), присоединяя к этому историю явления Воскресшего одиннадцати вечером того же дня, и ведет рассказ, подобно евангелисту Марку, до конца непрерывно, так что кажется, будто Иисус Христос в тот же вечер и вознесся на небо, выведши, впрочем, учеников из Иерусалима и доведши до Вифании (ст. 50).

Повествование евангелиста Иоанна резко отличается от известия других евангелистов. По его рассказу, только Мария Магдалина еще до рассвета пришла ко гробу, и, нашедши камень отваленным, в величайшем смятении спешит к Петру и Иоанну со страшною вестью: взяли Господа из гроба. Оба апостола пришли, посмотрели гроб и возвратились. Мария же, пришедшая снова и оставшаяся после них у гроба, видела двух ангелов во гробе и Самого Иисуса, Которого она сначала приняла за садовника и принесла весть собравшимся ученикам. Вечером в тот же день им явился Иисус чрез затворенные двери, с приветствием мира, удостоверил их в Своем Воскресении и сообщил Духа Святого. Только Фома не присутствовал при этом. Потому Господь спустя восемь дней является в другой раз, чтобы уверить и этого ученика, и затем в третий раз является нескольким собравшимся вместе апостолам в Галилее, при море Тивериадском (Ин. 21:14).

О явлениях Иисуса Христа по воскресении упоминает, наконец, апостол Павел, по словам которого, Воскресший явился Кифе, то есть Петру, потом двенадцати, затем более нежели пятистам братьев вместе, о чем не упоминает ни один евангелист, потом Иакову, брату Господню, о чем также умалчивают евангелисты, а также всем апостолам, и наконец, ему самому (1Кор. 15:4–9).

Таким образом, в известиях евангелистов относительно воскресения Христова замечаются разногласия, и даже, казалось бы, некоторые противоречия. Противоречие наиболее заметно в том, что евангелист Матфей не говорит ни о каком другом явлении Воскресшего ученикам, кроме явления в Галилее, а рассказ евангелиста Луки, напротив, казалось бы, совершенно исключает это явление. Быть в Галилее по воскресении прежде учеников Иисус Христос обещал им уже в ночь пред Его страданиями (Мф. 26:32); по воскресении ангел подтверждает Его обещание, равно как повторяет его и Сам Иисус Христос, когда является женам (Мф. 28:7–10). Но как скоро Он повелевает ученикам идти в Галилею, кажется, будто они ничего не должны ожидать в Иерусалиме, а по рассказу евангелиста Луки (24:49) выходит, напротив, будто Он решительно запрещает им отлучаться из Иерусалима: «Оставайтесь в Иерусалиме, пока облечетесь силою свыше», – говорит Он им как будто уже вечером в день воскресения.

Как примирить это противоречие? Некоторые пытаются примирить это противоречие тем, что под горою Галилейскою, о которой говорит евангелист Матфей, разумеют северную вершину Масличной горы. Но такое объяснение натянуто и произвольно, и притом в таком случае не остается места для явления при море Тивериадском. Поищем другого объяснения.

Прежде всего свидетельство апостола Павла приводит к убеждению, что явления воскресшего Господа не могли совершиться все в течение одного дня, так что если по рассказу евангелиста Марка и Луки и кажется, будто они совершились в первый день, то не больше, как кажется так. Это подтверждает и сам евангелист Лука. В книге Деяний (1:3), им же написанной, мы читаем, что Воскресший в течение сорока дней

неоднократно являлся ученикам и что повеление не отлучаться из Иерусалима Он дал им при Своей разлуке (ст. 11), равно как и апостольские полномочия, а так как это повеление своего Господа они получили только в день вознесения Его на небо, то до этого дня они уже могли возвратиться от моря Тивериадского и с Галилейской горы.

Таким образом, евангелист Лука чрез это более точное указание времени означенного события дает нам ключ к правильному пониманию сего евангельского известия. Именно он, равно как и евангелист Марк, и в своем известии о воскресении Христовом ряд явлений Воскресшего и, главное, содержание Его речей соединил для краткости в одно. Это соответствует чудесному характеру тех дней, когда время и часы исчезали для учеников. Все откровения Воскресшего ученикам, это неоднократное появление и исчезновение Его было одною сплошною разлукою, так что каждое из них казалось как бы последним. Но если непрерывный ход событий, как изложен он в Евангелии, представить совершающимся в разные времена и в разных местах, то повеление оставаться в Иерусалиме, данное ученикам позже, нисколько не противоречит пришествию их в Галилею, совершившемуся гораздо раньше.

Точно так же и в повествовании евангелиста Матфея, если иметь в виду особенность его Евангелия, явление Иисуса Христа по воскресении в Галилее не исключает явления в Иерусалиме. Евангелист Матфей раскрывает в своем Евангелии основные истины в крупных чертах. О полноте в подробностях он не заботится, равным образом хронологическая точность в передаче подробностей имела для него второстепенное значение. Что Иисус Христос есть семя Авраама, сын Давида, обещанный царь Мессия – вот вообще предмет всего его Евангелия. Один он сообщает опущенный другими евангелистами, но значительный факт, что власти плотского Израиля в Иерусалиме старались уничтожить весть о воскресении чрез подкуп стражей. Этой козни врагов он противопоставляет явление Воскресшего в Галилее одиннадцати ученикам, которых Он поставил главами нового

общества. Явление Иисуса Христа на горе, когда Он говорит самым торжественным образом о власти, Ему данной, и Своим посланникам для устройства Своего царства дает повеления, полномочия и обетования, – это явление, составляя противовес иудейской басне, преимущественно пред другими представлялось ему достойным заключением его Евангелия. Что явление это было единственное, – этого евангелист Матфей нигде не говорит; скорее, замечая, что одиннадцать пошли в Галилею, куда повелел им Иисус (28:16), дает этим заметить, что прежде явления в Галилее Иисус являлся уже ученикам, хотя не рассказывает, когда и где было это явление.

С высокосламенательным явлением Воскресшего на горе в Галилее, вероятно, тождественно явление Его более чем пятистам братьев, из коих многие были еще в живых, когда апостол Павел, упоминая об этом явлении, писал свое послание (1Кор. 15:6). По крайней мере легче понять, что евангелист Матфей, оставаясь верным характеру своего рассказа, не счел нужным упоминать о большом числе верующих, ограничившись только главами общества, чем то, что явление пятистам братьев могло быть обойдено всеми евангелистами. Притом и гора была удобным местом для такого большого собрания, и в Галилее, где Господь имел наибольшее последователей, скорее всего могло найтись такое большое число последователей, тогда как в Иерусалиме в день Пятидесятницы собралось только 120 учеников (Деян. 1:15). Наконец, так как евангелист Матфей замечает, что некоторые из присутствовавших на горе в Галилее при виде Воскресшего еще усомнились (28:17), то это скорее возможно при большом стечении учеников, из которых многие еще не видели Его, чем при собрании только одиннадцати, которым Он являлся уже не раз.

Таким образом, главное различие и кажущееся противоречие между евангельскими известиями, относящимися к событиям воскресения Христова, примиряется без натяжки. Притом, всматриваясь внимательнее в евангельские повествования, нельзя не заметить, что настроение, в каком находились ученики Иисуса Христа в первый день воскресения

Его, далеко не благоприятствовало высоковажному собранию их в Галилее. Из евангельского рассказа мы видим, что они не высказывали твердой готовности следовать повелению идти в Галилею. Когда жены принесли им ангельскую весть о воскресении Учителя – это показалось им баснею (Лк. 24:11). Когда Мария Магдалина сказала, что сама видела Господа, они не поверили (Мк.16:11). Когда два ученика, возвратившиеся из Еммауса, принесли радостную весть о встрече с Воскресшим одиннадцати – последние хотя отвечали: «Воистину воскрес Господь и явился Симону», но вера их была еще слаба, не проникла в их сердца и не перешла в уверенность, и они усомнились и испугались, когда Он предстал пред ними, принимая Его за привидение (Лк. 24:34, 37, 41), так что евангелист Марк справедливо мог сказать, что и двум эммаусским они не поверили (16:13). Только тогда, когда Господь рассеял их неверие и уверил их всеми признаками телесности Своей, они уверовали и обрадовались; то же самое Он должен был сделать для одного Фомы спустя восемь дней (Ин. 20:20, 26). Так сильно было недоверие и сомнение. Каким же образом апостолы, с таким трудом поверившие воскресению при виде Воскресшего собственными глазами, могли бы по одному заочному повелению идти в Галилею, если бы прежде этого в Иерусалиме не было побеждено их неверие и они собственными глазами не удостоверились в Его воскресении?

Попытаемся теперь установить порядок событий, насколько это возможно. После субботы, когда настал первый день недели (так говорится у евангелиста Матфея 28:1), две Марии с Саломиею (Мк. 16:1), Иоанною и другими (Лк. 24:10) вышли, чтобы идти ко гробу. Рано еще до рассвета (в утренние сумерки) оставили они город (Лк. 24:1). Землетрясение навело на них страх (Мф. 28:2) и вместе навело на мысль, что что-то случилось необыкновенное. Мария Магдалина, наиболее возбужденная, поспешила вперед и пришла ко гробу, когда еще темно было (Ин. 20:1), увидела камень отваленным и, полная страха, убежала назад; и прибежавши к ученикам, она, от лица многих, хотя о других женах у Иоанна не упоминается, говорит: взяли Господа, и мы не знаем, где положили Его (ст. 2).

В то время, как она собиралась уходить, вероятно, пришли остальные жены, когда только что солнце взошло (Мк. 16:2). Они вошли во гроб и видят ангела (Мф. 28:5; Мк. 16:5) или двух (Лк. 24:4, 23), одного уже вне гроба (Мф.), и внутри двух или одного, сидящего (Мк.) или стоящего (Лк.) – это меняется, смотря по вестнице. Ангелы возвещают им, чтобы они не искали Живого между мертвыми.

После этого жены возвращаются, полные радости и страха. Они сначала не смели никому ничего сказать из опасения, что их рассказ примут за басню, как это и случилось.

Между тем апостол Петр, по известию Луки, один (24:12), а по известию Иоанна (20:3), Петр и другой ученик, которого, впрочем, Петр опередил, идут ко гробу; по известию Иоанна, после вести, принесенной Магдалиною, так как он упоминает о ней одной как первой вестнице, а по известию Луки – по возвращении всех жен, так как и другие, вероятно, возвратились вслед за Магдалиною, прежде чем ученики могли уйти.

После того как два ученика оставили гроб, Мария Магдалина, пришедшая, вероятно, опять вслед за ними, остается у гроба, видит там ангела и затем Самого Господа (Ин. 20:14; Мк. 16:9). Очень может быть, что к этому времени подросла и другая Мария, согласно известию Матфея (28:9–10), по которому Иисус явился двум Мариям, если только евангелист не соединил разновременные явления в одно, так как Воскресший явился и всем женам вместе, когда они возвращались уже назад.

Во всяком случае, кажется, два ученика, шедшие в Эммаус, оставили Иерусалим, прежде чем какая-нибудь из жен видела Самого Воскресшего, или, по крайней мере, не зная еще ничего о таком явлении (Лк. 24:23). На пути Господь, пришедши к ним, прежде чем они Его узнали, зажег их сердца объяснением Писания (Лк. 24:32). В то время, когда они спешили назад в Иерусалим, Воскресший явился и Симону Петру (Лк. 24:35; 1Кор. 15:5), потом собравшимся апостолам (Мк. 16:14; Лк. 24:36, 43; Ин. 20:19–23; 1Кор. 15:5), и чрез восемь дней – в другой раз, когда и Фома был с ними (Ин. 20 и далее); в третий

раз Он явился семи ученикам при море Тивериадском (Ин. 21); затем явился одиннадцати апостолам и, вероятно, в это же время более пятистам братьев на горе в Галилее (Мф. 28 и далее; Мк. 16:15–18; 1Кор. 15:6). Тем временем еще Иаков особо удостоился видеть Господа (1Кор. 15:7). Наконец, Он явился в последний раз всем апостолам и, выведши их из Иерусалима до Вифании, пред их глазами вознесся на небо (1Кор. 15:7; Мк. 16:19; Лк. 24 и далее; Деян. 1). По вознесении на небо явился одному апостолу Павлу.

Так возникла и утвердилась в мире весть о воскресении Иисуса Христа, о которой апостол Павел говорит: «Я ли, или они (то есть другие апостолы), мы так проповедуем и так вы уверовали» (1Кор. 15:11). Свидетельство апостола Павла о воскресении, таким образом, включает в себе свидетельство двенадцати и даже более пятисот братьев. Свидетельство апостола Павла имеет особенную важность как свидетельство человека, в котором явление воскресшего Господа произвело столь решительный и чудесный переворот в образе мыслей и жизни; человека, который истинность своего убеждения доказал целою жизнью, одушевленную пламенной любовью ко Христу, полную борьбы и самопожертвования; человека, который, обладая Богодухновенною ясностью ума, умел отличать от состояний экстаза, о которых он лишь изредка и неохотно говорил и в которых он слышал неизреченные глаголы (2Кор. 12:4), действительное событие, когда он в Дамаске видел Господа, о котором он часто говорил в своей проповеди как о событии, с которого началось его обращение ко Христу и его призвание к апостольству в среде язычников (Гал. 1:16–17; 1Кор. 9:5; 15:3, 8). Как известно, уже в его время в Коринфском обществе были люди, отрицавшие воскресение Христово и воскресение вообще. Это давало апостолу повод к могущественному свидетельству истины, которое не только тогда низлагало заблуждение, но и для последующего времени остается как бы скалою, пред которою со стыдом останавливаются пенящиеся волны того же лжеумудрствования.

Правда, есть нечто в высшей степени поражающее в пасхальном евангельском повествовании: Умерший снова стоит

живой пред Своими учениками, с телом, которое имеет свойства действительного тела и в то же время свойства совершенно иные, противоположные – с телом из плоти и костей, которое видимо и осязаемо, как прежде, которое сохраняет раны, вкушает пищу и которое, однако, проходит чрез затворенные двери, делается невидимым и, наконец, возносится на небо. Это кажется нам совершенным противоречием законам бытия и законам нашей мысли; логически такое тело немыслимо. Но так и должно быть, когда высшие силы действуют в этом мире, когда преображенная жизнь является среди непреображенной. И мы должны некогда достигнуть подобия прославленному телу Христа Спасителя (Флп. 3:21; 1Кор. 15:49); так как и мы носим в нашем естественном, или – как называет апостол – душевном теле зародыш духовной жизни, подобно семени, заключающему в себе начало высшего развития (1Кор. 15:44, 37).

Духовное тело не есть чистый дух, так точно, как наше теперешнее тело не состоит только из души, но как настоящее тело, в своем временном непродолжительном бытии, служит душе орудием, так духу, когда он в царстве славы достигнет полного развития силы и господства, будет дано соответствующее орудие, то есть телесная форма, чуждая слабостей материи, в которой ничто не будет представлять духу препятствия в его свободнейшем движении.

Это и видим мы в Иисусе Христе, первенце из мертвых. Мы не можем себе представить этого в настоящем состоянии. Но мы понимаем это как завершение дела искупления, без которого последнее было бы сводом, которому недоставало бы заключительного камня. Мы понимаем это, как действие всемогущей силы Божией, которою Он действует во Христе (Еф. 1:19–20).

Да, воскресение Распятого есть корень, основание Евангелия. *Если Христос не воскрес, говорит апостол Павел, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша* (1Кор. 15:14). Если бы не было воскресения Христова, тогда не было бы и искупления. Что такое искупление? Это выкуп от греха и смерти; выкуп, чрез который исполнена всякая правда и в силу которого мы получаем право на вечную жизнь. *За грехи наши*

Господь предан и воскрес для нашего оправдания (Рим. 4:24), и мы, оправдавшись верою, имеем мир с Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией (Рим. 5:1–2). Без воскресения Христова все это рушится, и мы пребывали бы еще во грехах и смерти.

Ангелы во гробе воскресшего Спасителя

«Воскресное чтение», 1876

И вшедше во гроб, видеша юношу сидяща в десных, одяна в одежду белу, и ужасошася (Мк. 16:5). И виде два Ангела в белых ризах сидяща, единаго у главы и единаго у ногу, идеже бе лежало тело Иисусово (Ин. 20:12). При ближайшем сравнении четырех Евангелий открывается, что евангелисты Марк и Лука вестников, виденных во гробе воскресшего Спасителя, называют юношами, между тем как евангелисты Матфей и Иоанн называют их ангелами. Нужно, конечно, согласиться, что небесные духи, чтобы быть видимыми человеку, должны были принять какой-либо человеческий вид. И поскольку они нередко являлись в человеческом виде, то поэтому в таких случаях и говорится о них, как о *людях*, что, конечно, относилось ко *временному* их явлению; в другой же раз они являлись как *ангелы*, и потому там и говорится о них, как об ангелах, каковым названием обозначалось *собственное* их существо (Быт. 18:2; 19:1; 32:24).

Совершенно согласно с этим поступают и евангелисты в названии небесных вестников и посетителей гроба Иисуса Христа. Два евангелиста называют их юношами, потому что видели их в человеческом виде, а другие два называют прямо ангелами, выражая этим собственное их существо и то, чем они были в действительности. Может ли в этом представляться что-нибудь странное или противоречащее?

Другое мнимое противоречие касается *числа* ангелов: евангелисты Матфей и Марк говорят об *одном*, евангелисты же Лука и Иоанн, напротив, упоминают о *двух*.

Но это противоречие, при ближайшем рассмотрении, оказывается больше воображаемым, чем действительным. Нужно сначала заметить, что оба евангелиста, упоминающие об одном только ангеле, ничего не говорят такого, что исключало бы возможность присутствия там другого ангела; они, собственно, упоминают только о говорившем ангеле, что во всяком случае допускает возможность присутствия и другого

ангела, своим молчанием показавшего свое согласие с тем, что говорил первый. При этом нужно взять также во внимание, что Мария не один раз приходила ко гробу, и в первый раз она видела одного, а в другой раз двух ангелов (Ин. 20:1–12), что очень легко объясняется также и из того обстоятельства, что когда она в первый раз пришла ко гробу, то была еще полутьма, *светало*, так что очень легко могло произойти, что она заметила одного ангела вместо двух, чему немало способствовал и ее страх при виде ангела.

Подобные мнимые разногласия в Евангелиях при беспристрастном рассмотрении их служат скорее доказательствами Божественного происхождения Евангелий и ничего не говорят против их подлинности. Если бы тут был подлог, то постарались бы о полнейшем согласии в самых мелочах для устранения всякого подозрения в обмане. При написании же священных книг писатели их не только не совещались один с другим, а нередко не знали даже друг о друге. Каждый писал по внушению Святого Духа, а вместе и по собственному убеждению, что написанное им была Божественная истина. Имея же в виду, что книги Священного Писания написаны различными лицами в разные времена и в различных местах, тем более мы должны удивляться, что все они вполне согласны между собою и составляют гармоническое целое. Это могло произойти только оттого, что один и тот же Дух Святой руководил всеми библейскими писателями. Вследствие этого и бывает очень часто, что под мнимыми противоречиями сокрыто самое точное согласие и что изречения Священного Писания, казалось бы, подрывающие авторитет его, в действительности служат самыми сильными, прямыми или косвенными, доказательствами его Божественности, убеждающими неверующих, обильно награждающими прилежных исследователей его и укрепляющими в вере верующих. Самый же факт, что ангелы оставались в пустом гробе Спасителя, служит доказательством Его воскресения, равно как и действительности нашего искупления.

Воскресение Христово

По синаксарю в святую Неделю Пасхи. «Воскресное чтение», 1873

В святую и великую неделю Пасхи празднуем живоносное Воскресение Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Этот праздник называется Пасхою (еврейское слово значит прехождение). В этот день Бог вначале привел мир из небытия в бытие; в этот день Он провел израильтян из египетской неволи чрез Чермное море; в этот же день Господь, сшедши с небес, вселился в девственную утробу, а теперь, исторгнув из адских темниц человеческое естество, возвел его на небо и возвратил ему древнее достояние нетления. Поэтому мы с необычайною радостью светло празднуем Воскресение Христово и в знак прекращения вражды и примирения с Богом и с ангелами приветствуем лобзанием друг друга.

Воскресение же Христово было так: когда ангел отвалил камень от гроба и произошло землетрясение, воины, бывшие у гроба на страже, разбежались от ужаса. Тогда же пришли ко гробу и жены. Первее всех воскресение Христово дано было познать Божией Матери, сидевшей с Магдалиною у гроба. Евангелист же говорит, что первой явлено было Воскресение Марии Магдалине для того, чтобы весть о воскресении Христовом не была заподозрена, если бы она передана была от Матери Божией. Воскресение возвестил женам ангел. Сказав апостолам Петру и Иоанну радостную весть о Воскресении Господнем, Мария Магдалина с другою Мариєю первые удостоились явления воскресшего Господа. Так и надо было, чтобы тот пол, который впервые слышал: «В болезнях родиши чада твоя», – прежде другого услышал и радостную весть. Затем ко гробу пришли Иоанн и Петр. А Мария Магдалина с другими женами приходит в третий раз ко гробу и опять слышит от двух ангелов весть о воскресении Христовом и, возвращаясь от гроба, встречает Христа и слышит от Него повеление возвестить братии о том, что она видела и слышала. Впрочем, прихождение жен ко гробу было неоднократно, и об этом

говорят различно, а с ними была и Богородица, Которую Евангелие в сем случае называет Марию Иосиевою.

Нельзя определить, в каком именно часу последовало воскресение Христово; об этом говорят различно. А как считается воскресение Христово тридневным, – узнай: вечер четверга и день пятка – вот сутки, по еврейскому счету. Ночь пятка и день субботний – другие сутки. Субботняя ночь и день недельный – третьи сутки. Здесь начало дня приписывается за целый день. Считают еще и так: в третий час пятка распят был Христос, от шестого до девятого часа была тьма, – вот день и ночь. После затмения солнца день и ночь пятка, – это другие сутки. Впрочем, если Спаситель, обещав восстать из гроба в третий день, и скорейше соделал благодеяние, – и тако благодать и слава Ему во веки веков. Аминь.

Воскресение Христово. *Воистину воста Господь*

(Лк. 24:34)

«Воскресное чтение», 1876

Господь Иисус Христос склонил Свою голову на кресте и испустил дух; это не то значит, что смерть возобладала над Ним, но что Господь Сам восхотел отдать на смерть Свою жизнь как выкуп за жизнь мира. Христос, по словам апостола, умерщвлен был по плоти, но ожил духом, которым и взошел на небо, то есть в рай, чтобы ввести в него разбойника, и проповедал искупление находившимся в темнице духам (1Пет. 3:18–19); пречистое тело Его в это время почивало в субботу от совершенного Им дела искупления, как почил Бог в седьмой день от дела творения. В воскресение же утром с первым лучом солнца дух Его снова соединился с почивавшим во гробе Своим телом, которое чрез это соединение тотчас преобразилось для небесного жилища, пробудилось к новой жизни, и Господь восстал, как первенец искупленного рода человеческого, в правде и Чистоте вечно живущего пред Богом. Так Господь восстал от гроба и смерти, несмотря на стражу, камень и печать. Камень уже был отвален ангелом для мироносиц, чтобы они с апостолами могли убедиться, что во гробе уже не было Спасителя, и приготовились к явлению им Воскресшего. Господь *воистину* воскрес! Стражи были свидетелями обстоятельств, сопровождавших воскресение; они видели ангела, который отвалил камень от гроба, испытали землетрясение и засвидетельствовали обо всем этом пред первосвященниками. Жены мироносицы и все апостолы видели Его воскресшего телесно; неверующий Фома влагал свои персты в язвы от гвоздей и свои руки в ребра Его, а один раз Воскресший явился больше чем пятистам братьев. Может ли быть какое-нибудь событие более засвидетельствовано, чем это? Радуйся, христианин! Господь воистину воскрес. Дело искупления совершено, как Он сказал на кресте, предавая Свою душу в руки Своего Отца. Но кто этому мог бы поверить, если бы Он не воскрес, не восстал из гроба в новом,

преображенном, прославленном теле! Теперь же Он стоит пред нашим взором в блестящем сиянии восходящего утреннего солнца, принятый Отцом в Свою славу, за кровавый труд Свой увенчанный вечным сиянием Первосвященник и Искупитель душ и телес наших. Пусть ученые пишут толстые книги для доказательства бессмертия души. Но самое лучшее и самое краткое доказательство ее бессмертия состоит в том, что она сама себя являет живою. Но вот здесь больше. Здесь душа и тело являются в живом соединении как совершенно новый, прославленный человек. Что пользы также в том, когда доказывают нам бессмертие нашей души, которое и без того уже написано на ней неизгладимыми буквами, если у нас нет при этом уверенности, что жизнь наша должна быть *святою* жизнью? Эту непоколебимую уверенность дает нам *только* вера в смерть и воскресение Христова. «Я есмь Воскресение и жизнь, – говорит Сам Господь, – верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всяк, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Веруешь ли сему?» Веришь ли ты сему, добрый христианин?

Воскресение Христово

Из апологетических очерков Вернера. «Воскресное чтение», 1872

Несмотря на то, что воскресение Христово засвидетельствовано евангелистами и предполагается всеми остальными новозаветными писателями; несмотря на то, что и апостол Павел, писатель с ясною логическою мыслью, положительно говорит о воскресении и, исходя из исторического факта, считает его основанием нашей веры, несмотря на все это, есть еще люди, недоверчиво покачивающие головою при упоминании об этом факте и выдающие за новейшую мудрость те возражения против воскресения, которые высказывал еще Цельс во втором веке. Мы тотчас услышим их.

Так как нельзя отрицать свидетельств о воскресении таких лиц, как Мария, Петр, Иаков, вообще апостолы, пятьсот братьев, видевших Воскресшего, и, наконец, Павел, то неверующие прибегли к другим средствам. Воскресение Христово они стараются объяснить предположением *мнимой смерти* Спасителя. В прохладной пещере Иисус, говорят, отдохнул и успокоился от страданий. Пробудившись после тридцатишестичасового отдохновения, Он, несмотря на ослабление сил (слишком крепкая требуется вера, чтобы поверить этому!), оттолкнул запечатанный тяжелый камень и потом прободенными ногами в продолжение двух часов шел с учениками в Эммаус... Достаточно уже одного этого, чтобы видеть всю несостоятельность этой гипотезы; да она довольно скоро и оставлена. Сами ученые критики отнеслись с пренебрежением и насмешкой к этому «единственному в то время научно состоятельному мнению». Так обыкновенно бывает с подобными мнениями: одно за другим они появляются и исчезают; основание же нашей веры стоит неподвижно.

Нужно поэтому было взяться за другое средство для отвержения чуда воскресения; и вот явилось новое мнение: упоминаемые в Евангелии свидетели воскресения, конечно, видели Воскресшего, но видели Его внутренним образом,

вследствие своего духовного возбуждения, иначе, это было *видение*. В таком случае христианская Церковь была бы основана на болезненном возбуждении нескольких сотен человек, и начало ее низводилось бы в темную область болезненно возбужденной душевной жизни. Но кто же не видит здесь противоречия тому, что несомненно известно о первенствующей христианской Церкви? Как предположить, чтобы пораженные страданием и смертью своего Учителя свидетели вследствие видения почти чрез 48 часов внезапно могли поверить и убедиться, что «воистину восста Господь», как говорили они? После смерти Господа ученики пришли в уныние и рассеялись; но вот они внезапно являются героями, оставляют места, где скрывались, и твердо проповедуют о Воскресшем – объяснимо ли это без действительного воскресения? Да и мыслимое ли дело, чтобы 500 братьев все находились под влиянием видения? Неужели между пятьюстами не нашлось ни одного с трезвым, ясным умом и здоровыми чувствами? Как объяснить, наконец, видением воздушного существа обращение апостола Павла, который из дышавшего яростью гонителя сделался смиренным верующим почитателем Христовым?

Затруднительное положение отрицателей чуда воскресения еще больше увеличивается, если ближе рассмотреть евангельское повествование о воскресении Господа. Что делать с *пустым гробом*? Где же тело, когда гроб был пуст? Если ученики украли его, то они знают, где оно погребено, и в таком случае их поведение, их речи могут быть объяснены только наглою ложью и лицемерием, что совершенно несовместимо с прежним их характером.

Как дальше быть с поведением Фомы, который мог убедиться только осязательным доказательством? Как случилось затем, что ученики не условились по крайней мере единогласно обо всем рассказывать? Отчего они равнодушны к точному указанию, кто первый видел Господа, где и как часто Он являлся им? Или, может быть, тело украли иудеи? Отчего же они ничего не говорили о теле ученикам, когда те проповедовали о воскресении?

Но, возразит иной, все еще не убеждающийся в истинности воскресения Христова, неужели воскресение Христово имеет значение для нашей веры и жизни? Несомненно одно, что только под условием веры, что Христос *живет*, мы имеем право на пасхальные радости. Что, однако, значит это только: Христос живет? Выражение «Христос живет» тогда только имеет значение, если я признаю, что Он не был удержан узами смерти, как обыкновенный человек, но разорвал их и воскрес. Если Иисус действительно был истинный Бог, от вечности от Отца рожденный, а также и истинный человек, от Девы Марии во времени рожденный, во всем нам подобный, исключая греха; если Его Бог послал в мир принести миру жизнь, то Он не мог оставаться во гробе; узы смерти не могли удержать Его, Начальника жизни. Поэтому воскресение представляется нам действием Божественной необходимости. К тому же результату приходим мы, когда принимаем в рассмотрение совершенное Им дело. Дело Его было дело искупления и примирения. Без воскресения это дело было бы не окончено, человечество не имело бы полного убеждения в том, что Он исполнил то, что обещал. Крестная смерть Его могла бы возбуждать в нас слезы страдания, но не сделала бы ничего доброго. Но когда Бог воскресил Его из мертвых, то этим Он как бы объявил: *принимая жертву, которую Ты принес за мир: Ты еси Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих.*

Вера в Воскресение Христово имеет, наконец, еще практическое значение. Немаловажное утешение для меня, если я знаю, что не все покончится, когда усталое мое тело отойдет на покой, но что и в мрачной гробовой могиле я должен ожидать и для себя утра воскресения, когда и на мне исполнятся слова Сказавшего: «Я живу, и вы живы будете!» Священное предчувствие, заключенное в глубине каждой человеческой души, становится для меня несомненным убеждением, когда Спаситель мой очевидным фактом показал, что врата гроба ведут к жизни. Во имя Его в мрачный час смерти я могу воскликнуть: «Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа? Благодарение Богу, даровавшему мне победу Господом Иисусом Христом».

О значении воскресения Иисуса Христа

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова в неделю седьмую по Пасхе

Оно служит 1) доказательством Божества Иисуса Христа, 2) началом нашего воскресения.

Утверждение веры в воскресение Христово есть дело великой важности для христианства и для христианина.

Главная сила христианства состоит в том, чтобы признать Господа Иисуса Спасителем мира, согрешившего против Бога и Богом осужденного на смерть. А чтобы с полной надеждою признать в Нем сие могущественное качество, для сего нужно совершенное удостоверение, что Он есть Единородный Сын Божий и истинный Бог; потому что хорошо сказано, хотя и не хорошими людьми сказано: *Кто может оставлять грехи, токмо един Бог? (Лк. 5:21)*. Только милосердие Бога Сына может представить достойное удовлетворение оскорбленному величеству и правосудию Бога Отца; только Бог может возвратить жизнь осужденным на смерть от Бога.

Но сильнейшее удостоверение в Божественности Иисуса Христа заключается в Его воскресении. Сию мысль подал Он Сам. Когда иудеи, удивленные необычайною властью, которую показал Он, изгоняя из храма продающих и купующих, спросили Его: *Кое знамение являеши нам, яко сия твориши?* то есть каким чудом докажешь, что Бог дал тебе власть над храмом Своим? Тогда Он, преимущественно пред другими чудесами Своими, указал на чудо Своего воскресения. *И рече им: разорите церковь сию, и трети денми воздвигну ю (Ин. 2:18–19)*, то есть в третий день воскресну. В самом деле, чудеса, которые творил Господь Иисус во время земной Своей жизни над другими, даже и самое дивное из них, воскрешение мертвых, творили и пророки, хотя не с таким полномочием, как Он. Так Илия молился: *Господи Боже Мой, да возвратится убо душа отрочища сего вонь (3Цар. 17:21)*; но Иисус повелевал: *Лазаре, гряди вон (Ин. 11:43)* из гроба. Однако сего различия иные могли не заметить, и потому могли познать Иисуса как

Пророка и Посланника Божия и еще не познать в Нем Единородного Сына Божия. Но никогда не было и не можно представить возможным того, чтобы человек воскресил сам себя; и потому самовоскресением Господа Иисуса дано совершеннейшее удостоверение в том, что Он есть истинный Бог, владычествующий жизнью и смертью, и Божественный Спаситель, имеющий могущество воскресить всех людей, умерщвленных прегрешениями.

Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть (1Кор. 15:20). То есть воскресение Христово есть начало воскресения всех умерших людей, – воскресения уже не в жизнь временную, как было воскресение Лазаря и других прежде его, но в вечную. До воскресения Христова ходили между людьми темные и нетвердые мнения о бессмертии души человеческой; но о воскресении души с телом всего менее думали даже те, которые более других усиливались мыслить. Не светел был и взор избранного народа на сей предмета. Когда Христос Спаситель, обличая саддукеев, в наименовании Бога Авраамова, Исаакова и Иаковлева открыл мысль о воскресении мертвых; тогда не только саддукеи, но и лучше их мыслящие поражены были новостью сего открытия: *слышавше народи, дивляхуся о учении Его (Мф. 22:32–33).* А чем менее знали будущую жизнь, тем, конечно, менее имели побуждения приготовляться к ней. Христос Спаситель чрез Свое учение на место шатких мнений о бессмертии поставил твердую истину воскресения и чрез Свое воскресение соделал сию истину даже опытною. Он учил: *Грядет час, в онъже вси сущии во гробех услышат глас Сына Божья, и изыдут сотворшии благая в воскрешение живота, а сотворшии злая в воскрешение суда (Ин. 5:28–29).* Дополняет апостол: *Да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла (2Кор. 5:10).*

Ложь иудеев, доказывающая истину воскресения Христова

«Воскресное чтение», 1816

Собравшася архиереи и фарисеи к Пилату, глаголюще: Господи, помянухом, яко льстец он рече еще сый жив: по триех днех востану. Повели убо утвердити гроб до третияго дне, да не како пришедше ученицы Его нощию украдут Его и рекут людям: воста от мертвых: и будет последняя лесть горша первая (Мф. 27:62–64).

Когда читаем или слышим сии богохульные слова иудейского синедриона, они производят скорбное чувство в душе христианина; но когда рассмотрим с надлежащею подробностью лукавый замысел архиереев и фарисеев, найдем, что грубая ложь этих людей наилучшим образом доказывает истину воскресения Христова, что все предприятия синедриона – беречь во гробе как можно крепче пречистое тело Искупителя, казалось бы, весьма искусно придуманные, придуманы и выполнены как бы нарочно для того, чтобы со всею историческою ясностью утвердить достоверность события, которое члены синедриона хотели затмить и представить ложным.

1. Из всех слов и деяний, совершенных Господом Иисусом, архиереи и фарисеи, кажется, тверже всего помнят предсказание Его о Своем воскресении и повторяют оное с необыкновенною ясностью: *Рече еще сый жив: по триех днех востану*. Это показывает, что враги боялись Иисуса Христа и по смерти Его и с каким-то предчувствием говорили о страшных для них последствиях воскресения Господня. *И будет, говорили, последняя лесть горша первая*. Ученики Господни, пораженные скорбью, имели нужду в ангелах, чтобы вспомнить глаголы о воскресении (Лк. 24:8), а враги не могли забыть сего нежеланного им пророчества!

2. Архиереи и фарисеи предполагают, что ученики Господа могут похитить ночью тело Его: *Да не како пришедше ученицы Его нощию украдут Его*. Только страх и крайнее

замешательство могли выдумать такое предположение. Кража мертвых тел возможна сделалась в новейшие времена, а в древние времена «кто виде, кто слыша мертва украдена когда?» Она была неслыханное дело у народов языческих, невозможное у евреев. Как это ученый синедрион, знавший, сколько глав, стихов и букв в каждой библейской книге, мог забыть свой отечественный, весьма ясный и строжайший закон в рассуждении мертвых – закон, ежедневно исполнявшийся в глазах самого синедриона? Как не пришло ему на мысль, что по этому закону не только похищение, но одно прикосновение к мертвому телу почиталось нечистотою до семи дней; что прикасавшийся по необходимости должен был очиститься очистительною жертвенною водою и что неочистившийся подвергался смерти (Числ. 19:11–22)? Как же при таком законе, строго исполняемом от всего народа, предполагать кражу мертвого тела? С другой стороны, разве ученым фарисеям, которые красили гробы пророков, не было известно из обычаев народных глубокое уважение всего народа к своим покойникам, глубокое усердие к достойному их погребению? Подумали бы ученики, любившие Господа, нанести бесславие пречистому телу Его, погребенному честно, в гробе знатного человека, князя Иудейского? Что ж такое делал синедрион, составляя предположение о краже, несообразной с их законами отеческими и с современными обычаями народными?

3. *Рцыте*, подучали архиереи и книжники римских воинов, извещавших о воскресении Господа, *рцыте, яко ученицы Его ноции пришедш украдоша Его, нам спящим* (Мф. 28:13). Но как сказать и кого можно обмануть этою ложью? Если воины, сторожившие гроб, спали (а они должны были, по свойству предполагаемой лжи, спать весьма глубоким сном), то, само собою разумеется, не могли ни видеть, ни знать, украдено ли и кем украдено стрегомое ими тело или как иначе не стало его во гробе? Если они не могли противиться одолевавшей их сонливости (что, впрочем, отнюдь не естественно, римскому ли воину заснуть на вверенном ему посту?) – то из предосторожности необходимо должны были ложиться у самого входа в пещеру и заслонить его своими телами крепче камня

Иосифова. Как же между воинами, по самому роду жизни своей всегда чуткими, мог кто-либо пройти, ни одного из них не разбудив? И кто бы осмелился пройти? Евреи вообще не отличались великою отвагою; тем менее простодушные ученики Спасителя, которые, по смерти Его, крепко запирались в домах своих *страха ради Иудейского*. Им ли было помышлять о краже тела Учителева? И на что оно им теперь, когда они почитали все надежды свои угасшими? Почему сам синедрион, распустивши нелепую молву, ни одного ученика не призвал к допросу, не произвел никакого следствия? Разве архиереи опустили бы этот случай без внимания, если бы сами не видели всей нелепости в своей лжи? Обратимся еще к некоторым обстоятельствам.

4. Евангелист замечает, что камень гроба Господня был *великий* (Мф. 27:6). Он по необходимости долженствовал быть велик, чтобы совершенно закрывать вход в пещеру; вход также по необходимости был велик, иначе сквозь него нельзя было пронести почившее тело Господне и пройти по крайней мере двум погребальщикам. Сверх сего, по устройству древних гробниц иудейских камень не просто приваливался ко входу в каменную пещеру, а плотно вдвигался в устье пещеры и составлял с ее краями почти одну сплошную стену. Как же было вынуть такой камень, не сделав великого шума? А сделав шум, как не разбудить стражи? Да и с шумом невозможно было вынуть в темноте ночной.

5. Плащаница, убрус (вероятно, немалой цены) и другие перевязи, которые обыкновенно употреблялись при погребении и которыми обвито было пречистое тело Господа, все осталось во гробе, расположенное порядком. Зачем было оставлять сии принадлежности, если бы тело Искупителя захотели похитить? Для чего брать нагое, а не обвитое тело мертвого? Достало ли бы времени освободить почившего от полотенцев и перевязей, прилипших к Его телу с мастию, и потом свивать их опять без всякой цели в темноте, тогда как нужно было всемерно поспешать?

6. Благообразный Иосиф положил пречистое тело Господа в гробе *новом, в немже николиже никтоже положена бе* (Ин. 19:41). Это обстоятельство избавило синедрион от дальнейшей

лжи. Если бы гроб, то есть высеченная в каменной скале пещера для положения мертвых тел, не был нов, если бы в нем прежде положения тела Господня почивали мертвецы с давних времен, иудеи не пропустили бы случая сковать две лжи: во-первых, «если и воскрес, то воскрес кто-нибудь другой, а не Иисус, Которого мы распяли». Во-вторых, «если и Он воскрес, то не собственной силою, а от прикосновения к какому-нибудь почивающему в пещере праведнику, о чудодейной силе коего мы доселе не ведали». Для толпы легкомысленной такая ложь была бы тем вероятнее, что ученые фарисеи могли подкрепить ее примерами из своей истории (4Цар. 13:20–22).

7. Синедрион запечатал своею печатью камень гроба Господня. Церковное предание постоянно уверяет, что при воскресении Спасителя камень был отвален, а печать не тронута. Надобно думать, что синедрион знал о целости и нерушимости своей печати. Быть не может, чтобы кто-нибудь из членов, хотя из простого любопытства, не пошел и не освидетельствовал правительственной печати. Зачем было и прикладывать ее, если оставить без всякого внимания? Видели – и молчали. Как печать могла остаться неприкосновенною? Одним чудом. Чтобы, выдвигая камень, не нарушить печати, надобно предположить, что или каменный край входа раздался, или камень размягчился, как воск, в той стороне, которую он выдвигался из отверстия пещеры. То и другое невозможно без чуда.

Злоба часто ослепляет человека до такой степени, что он может не верить тому, что подлинно знает и в чем действительно уверен. Есть люди, которые спокойно могут говорить истине: «Так что ж? Хоть знаю, да не верю».

Синедрион и апостолы при вести о воскресении Христовом

(Мф. 28:12–13; Лк. 24:11–37)

«Воскресное чтение», 1821

Весть о воскресении Спасителя, принесенная в Иерусалим стражами гроба Христова и святыми мироносицами, произвела там два противоположные явления. Ближайшие собеседники Христовы и постоянные свидетели Его чудес – те, которые не раз слышали от Него, что *Сын Человеческий предан будет архиереем и книжником, и осудят Его на смерть и предадут Его языком на поругание и биение и пропятие, и в третий день воскреснет* (Мф. 20:18–19), словом, ученики Христовы усомнились в истине рассказа жен мироносиц и нашли Его как бы не заслуживающим веры: *Явишася пред ними, яко лжа глаголы их, и не вероваху им* (Лк. 24:11). Совсем не так поступили члены синедриона, предавшие на смерть Иисуса Христа. Весть о воскресении Его как громом поразила их! Как ни хотелось бы им сомневаться и не веровать, но и то и другое было теперь неуместно: неопровержимые доводы воскресения Распятого ими стояли теперь пред ними, как живая улика всякому сомнению, в лице не опомнившихся еще от страха стражей гроба Христова – людей, как хорошо было известно синедриону, вовсе посторонних Распятому и еще недавно издевавшихся над Ним в претории Пилатовой, как над жалким самозванцем. Итак, что оставалось делать синедриону, как не преклониться только, хотя и против воли, пред очевидностью события? И мы не преувеличим, если скажем, что в эту минуту, среди тайных совещаний своих, члены его (по крайней мере некоторые) так же мало сомневались в истине события, как и ближайшие свидетели его – стражи гроба Христова. Только вера тех и других была не та благодатная вера, которая животворит душу, просвещает ум и радуется сердцу, но та вера демонов, которая верует и трепещет (Иак. 2:19).

В самом деле, вместо того чтобы благоразумно и осторожно обследовать столь важное известие, каково воскресение

Распятого, синедрион, от смущения и страха не зная, в чем найти для себя точку опоры, хватается за первую представившуюся ему клевету, не замечая от торопливости и страха, как груба и неловка ткань этой клеветы и как она не только не закроет света истины, но обнаружит вместе и недалекость и бесстыдство виновников своих: *Собравшиеся со старцы, совет сотвориша, сребреники довольны даша воином, глаголюще: рцыте, яко ученицы Его нощию пришедше украдоша Его, нам спящим... Они же приемши сребреники, сотвориша, якоже научены быша* (Мф. 28:12,13,15). Но...

1) Слыхано ли когда, чтобы не один, или два, но несколько воинов, поставленных на посту, вверенном их военной чести и за целостность которого они отвечают собственную жизнь (Деян. 12:19), как будто сговорясь нарочно, предались сну все разом, вдруг? Подобного поступка, конечно, нельзя встретить в военных летописях ни одного народа, тем менее – в летописях римского народа, известного строгостью своей военной дисциплины.

2) Предположим, впрочем, что все воины, бывшие на страже гроба Христова, разом предались сну. Но для того чтобы проникнуть в гробовую пещеру, вынести и унести из нее тело, надлежало быть в заговоре не одному или двум, но нескольким человекам, потому что им надлежало прежде всего не только отвалить, но и подвинуть, по крайней мере, на некоторое расстояние камень *велий зело*, надобно было, кроме того, все это сделать во время ночи, и следовательно, впотьмах и ощупью – сделать притом без малейшего шума и, так сказать, притаив дыхание, чтобы не пробудить стражи. Можно ли же поверить, чтобы вся эта работа, сколько сложная, столько же и неудобная от тесноты места, не пробудила ни одного из стражей, спавших, без сомнения, у самого доступа к гробовой пещере? Событие, до такой степени лишенное вероятности, требует, по словам блаженного Августина, ручательства более надежного, чем спавшая стража.

3) Тот же блаженный отец справедливо замечает, что если стража спала, то как могла знать, что унесено тело и кто унес

его; если же не спала, то как допустила кражу?

4) И кто, в самом деле, мог решиться на подобный поступок? Без сомнения, одни ученики Распятого. Но они не могли иметь решительно никакого побуждения к сему. В самом деле, ученики или ожидали воскресения Господа согласно Его предсказанию, или не ожидали. Если первое, то их, постоянных свидетелей Его чудес, должна была уже совершенно успокаивать та мысль, что Он, отверзавший столько раз очи слепым и слух глухим, исцелявший одним словом недужных и расслабленных, воскрешавший мертвых, силен разрешить оковы и собственной смерти и осуществить предреченное Им воскресение Свое. В сем случае они не могли иметь никакого побуждения решиться на такое предприятие, которое столько же было опасно, сколько и преступно.

Если ж не ожидали, то не видится никакого побуждения для них, никакой выгоды, никакой надежды, которая могла бы склонить их к похищению тела своего Учителя с тою только целью, чтобы сочинить вследствие этого басню о Его воскресении. Со стороны мира им угрожало в таком случае всё: ненависть, презрение, все роды наказаний, назначаемых правосудием человеческим для обманщиков, для гробовых татей и дерзких нарушителей печати правительства. Со стороны Божеского правосудия они еще более должны были страшиться кары небесной за обман и нечестие, с которым усиливались бы выдавать за Бога такого человека, Который (если не воскрес) не мог победить смерти, которой был предан. Прибавим к сему, что состояние духа учеников во все время Голгофских событий делает вовсе невероятною какую бы то ни было с их стороны попытку к похищению тела своего Учителя, стражемого в гробе, как им было известно, римскою стражей. Как люди, убитые горем и одержимые сильнейшим страхом, они пугаются всего, даже и голоса женщины, боятся показаться среди людей, прячутся по отдаленным концам города, сидят и трепещут в запертой горнице *страха ради Иудейского*. В этом ли состоянии духа составлять смелые планы с определению целью и отваживаться на дерзкие предприятия?.. Сильная горесть, как и

сильный страх, убивает, как известно, бодрость духа и останавливает деятельность его.

5) Скажем, наконец, что и сам синедрион никогда не думал считать и не считал апостолов похитителями тела Христова. Об этом свидетельствует вся история первоначальной их проповеди. Когда иудеи заключают в темницу и велят бить Петра, Иоанна и других апостолов, когда предадут смерти обоим Иаковов и святого Симеона, то обвиняют ли их в том, что они похитили тело своего Учителя и потом разгласили лживую весть о Его воскресении? Нет! Они только обвиняют их в том, что они проповедуют о *Человеке Сем* (Деян. 5:28) вопреки строгому их запрещению. Между тем для придания хоть тени правды клевете, еще недавно распущенной синедрионом, как важно было бы уличить апостолов, по крайней мере для виду, в похищении тела их Учителя!

Так видимо и очевидно сбылись в сем случае над синедрионом слова пророка: *Солга неправда себе... ров изры и ископа и падет в яму, юже содела* (Пс. 7:16; 26:12).

Но тогда как синедрион трепетал и клеветал, как приняли весть о воскресении апостолы? Они... не поверили женам, благовестившим им это радостное событие; впрочем, неверие их отнюдь не происходило от упорства или от какого-либо сердечного ожесточения, но оттого, что они сильно желали увериться в том, чего так жаждала душа их. Внезапный переход от глубокой печали к сильнейшей радости не совершается в человеке вообще без некоторого разъединения мысли и чувства: тогда как сердце истаивает от предчувствия радости и всею силою емлется за предмет ее, холодный рассудок неумолимо составляет свои соображения и останавливает порывы сердца. То же случилось и с апостолами. *Сердца их горели* (Лк. 24:32); между тем рассудок требовал своих прав, произносил свой приговор: *Аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя и вложу перста моего в язвы гвоздинныя и вложу руку мою в ребра Его, не иму веры* (Ин. 20:25). Это была с их стороны невольная дань слабости природы человеческой; Бог же, обращающий и самые страсти и слабости наши к мудрым целям Своим, благоволил обратить и это неверие апостолов к

большему утверждению истины воскресения. Ибо, если бы апостолы, получив от мироносиц весть о воскресении Христовом, тотчас поверили ей без удостоверения, если бы не оказали при сем никакого колебания и сомнения, то чего впоследствии не могло бы выдумать неверие насчет их легковерия, какой клеветы не взвело бы оно на их простоту и доверчивость! Но продолжительное сомнение апостолов, их неверие даже собственным чувствам при виде воскресшего Господа, смыкают теперь уста неверию и обезоруживают всякое сомнение. В самом деле, Иисус Христос является Марии Магдалине и прочим женам, бывшим у гроба, которые преемственно, один за другим свидетельствуют пред апостолами об истине воскресения и которых свидетельство не могло не быть искренно; но эти глаголы радости принимаются ими хотя и с участием, но и с недоверчивостью. Петр течет ко гробу, рассматривает погребальные пелены и только *дивится бывшему*. Господь является потом среди собрания апостолов, но при этом сомнение их не исчезает: они *мнят дух видети* (Лк. 24:37), Он приглашает их осязать Себя; недоверие все еще продолжается (ст. 41) и только тогда исчезает совершенно и уступает место невозмутимой радости, когда Господь для полного удостоверения их вкушает пред ними пищу. Так медленно и осторожно убеждались апостолы в истине воскресения! Зато прочна и несокрушима, как адамант, была вера их впоследствии! Она-то вдохновляла их пред лицом царей и владык земных; она-то при виде угроз и мучений влагала в уста их доблестные речи: *Не можем, яже видехом и слышахом, не глаголати* (Деян. 4:20)! Понятно после сего и то, почему вера эта должна была, так сказать, воспитаться видениями и откровениями. Ей надлежало быть верою самовидцев и непосредственных слуг воплощенного Слова – слуг, которые пройдут по всем концам вселенной и повсюду, куда угодно будет Святому Духу повесть их, скажут с уверенностью к людям: *Сего Иисуса воскреси Бог, Емуже мы есмы свидетели... преднареченные от Бога, иже с Ним ядохом и пихом по воскресении Его от мертвых* (Деян. 2:32; 10:41). Это свидетельство оснует церкви, сокрушит идолов, разрушит

капища, обратит иудеев, уловит язычников; на нем целые племена и народы – все человечество оснует свое благоденствие. Вот почему вера апостолов должна была опираться на видение! Вот почему и Сам Спаситель, дабы устранить из умов их всякую тень сомнения и более и более убедить их в подлинности Своего воскресения, умножал и разнообразил Свои явления апостолам в продолжение целых 40 дней, которые оставался на земле по воскресении!

Почему Господь Иисус Христос не явился всем иудеям по Воскресении

Св. Иоанн Златоуст. «Воскресное чтение», 1809

Многие спрашивают и говорят: почему Господь по воскресении не явился тотчас всем иудеям? Вопрос тщетный и суетный. Если бы Своим явлением Он мог обратить всех к вере, то не преминул бы явиться всем. Но Он никак не преклонил бы иудеев к вере, если бы явился им по воскресении: сему Он научает нас чрез Лазаря. Ибо когда Христос воскресил сего четверодневного мертвеца, смердящего и тлевшего, когда по гласу Его сей мертвец, обвитый погребальными пеленами, встал пред лицом всех, то и тогда не только не обратил их к вере, но еще раздражил против Себя. Пришедшие туда совещались убить и самого Лазаря за то, что он был предметом чуда Христова (Ин. 12:10). Итак, если они за то, что Господь другого воскресил из мертвых, не уверовали в Него, то каким неистовством воспылали бы против Него, если бы Он явил им Себя Самого, воскресшего собственною силою? Хотя они ничего не могли бы Ему сделать, однако с большим неистовством устремились бы к нечестию. Посему, желая избавить их от напрасного неистовства, Он скрывался от них. Притом они подверглись бы и более жестокому наказанию, если бы Он явился им после Своих страданий. Потому-то, щадя их, хотя Сам и скрывался от очей их, но в то же время (для обращения их) и открывался в знамениях и чудесах. Так, слышать Петра, говорящего: *Во имя Иисуса Христа востани и ходи* (Деян. 3:6), не менее значило, как и видеть Христа воскресшего. И что первое служило весьма сильным доказательством воскресения (Христова) и, удобнее располагало к вере, нежели последнее, то есть что сердца человеческие скорее могли быть утверждены в вере видением чудес, совершенных во имя Его, нежели явлением Его Самого по воскресении, это явствует из следующего: Христос воскрес и явился Своим ученикам; нашелся, однако, и между ними один неверующий – Фома, называемый Дидим. Для уверения своего он требовал вложить

персты свои в язвы гвоздинные, осязать ребра Христовы. Если же ученик оный, который три года жил со Христом, участвовал в трапезе Господней, был свидетелем величайших Его знамений и чудес, слушал Его беседы и уже видел Его воскресшим, и при всем том не прежде поверил, как когда узрел самые язвы от гвоздей и копия, то скажи мне, как уверовал бы в Него весь мир потому только, что все видели Его в то время воскресшим? Кто дерзнет утверждать сие? Но не сей только, а и другие укажем примеры на то, что чудеса гораздо более имели силы убеждения, нежели явление воскресшего пред очами других. Вот – когда народ услышал Петра, говорящего хромому: *Во имя Иисуса Христа встань и ходи*, – вдруг пять тысяч мужей обратились к вере во Христа (Деян. 4:4); а ученик, видевший Самого Воскресшего, оставался в неверии. Видишь ли, как это чудо гораздо скорее возбудило веру в воскресение? Одно явление Христа воскресшего не вывело из неверия даже ближайшего ученика Его; а свидетели чуда, сотворенного Петром, из врагов Христовых сделались верующими. Столько-то последнее доказательство (чудо) было важнее и очевиднее первого (явления) и больше имело силы расположить и преклонить людей к вере в воскресение! Но что я говорю о Фоме? Если хочешь знать, что и прочие ученики, увидев Господа по воскресении, не вдруг поверили, выслушай разумно. Только не осуждай их, возлюбленный. Если Христос их не осудил, то и ты не осуждай; ибо ученики видели необыкновенное и чудное видение Самого Первородного воскресшим из мертвых, а столь великие чудеса сначала обыкновенно поражают ужасом, доколе, спустя несколько времени в сердцах верующих не водворится спокойствие. Это самое и случилось тогда с учениками. Ибо после того как Христос, воскресший из мертвых, приветствовал их словами: «Мир вам», они, как сказано, *убоявшеся и пристрашни бывше, мняху дух видети. И рече им Иисус: что смущени есте? Потом показа им руце и нозе; еще же им неверующим от радости и чудящимся, рече им: имате ли что сядно зде?* (Лк. 24:37–40). Вот каким способом желал Он уверить учеников Своих в воскресении! Если, говорит, не убеждают вас

прободенные копием ребра Мои, не убеждают и прочие язвы, то пусть убедит трапеза... Итак, когда ты слышишь, что Он *пред ними* (учениками) *постави Себе жива, денми чetyредесyтми* являлся им, с ними же и ядый (Деян. 1:3–4), то причиною сего ядения признавай не то, чтобы Он Сам имел нужду в пище, но то, что Он желал уврачевать немощь учеников; а отсюда ясно разумеи, что знамения и чудеса самих апостолов служили самым непререкаемым доказательством Христова воскресения.

Кому прежде всех явился Господь Иисус Христос по воскресении?

В. Певчицкий. «Воскресное чтение», 1883

По евангельским сказаниям, первое явление Господа по воскресении было Марии Магдалине. Евангелист Марк прямо говорит: *Воскрес Иисус завтра в первую субботу, явися прежде Марии Магдалины, из неяже изгна семь бесов. От же шедши возвести с Ним бывшим, плачущимся и рыдающим (Мк. 16:9–10)*. Со свидетельством Марка согласуются повествования о явлениях воскресшего Господа, читаемые нами в Евангелиях Иоанна (20:11–18) и Матфея (28:9–10).

Но Святая Церковь хранит благочестивое предание о другом явлении воскресшего Господа, бывшем раньше явления Его Марии Магдалине. По ее верованию, прежде всех по воскресении из гроба Господь явился Пресвятой Богоматери, и Ей же прежде других сообщена была ангелом радостная весть о восстании Сына Ее из гроба. Она ближе всех из земнородных была к Господу Иисусу Христу, и сердце Ее более других было поражено невыразимою сердечною скорбью, когда Она видела на кресте Спасителя мира, по Своему человечеству Ею рожденного и воспитанного и связанного с Нею самыми тесными кровными узами. По предречению праведного Симеона, во дни страданий Господних оружие пронзило Ее душу, и раны Ее сердца были гораздо тяжелее тех кровавых ран, какие наносит меч или стрела. Господь видел со креста страдания Своей Матери, и в нежной сыновней заботливости о Ней в предсмертные минуты поручил Ее попечениям Своего возлюбленного ученика. Можно ли предположить, чтобы этот необыкновенный Сын необыкновенной Матери забыл о Ней, когда открылся и настал день Его славы и когда Он с торжеством явился на земле победителем смерти и ада? Можно ли думать, чтобы Ему угодно было продлить минуты страданий Той, от Которой Он принял плоть Свою, которая Им жила и дышала и в Которой Он находил утешение и отраду в дни земной жизни Своей?

В Иерусалиме, в храме Воскресения, до сих пор указывают место явления воскресшего Спасителя Пресвятой Богоматери, недалеко от кувуклии, или бывшего гроба Господня. На этом месте стоит католический придел явления Спасителя Богоматери. Предание, освященное веками, конечно, имеет в основании своем несомненные факты. Святая Церковь в своих пасхальных песнопениях очень часто возвращается к этому событию и то воспоминает ангельское приветствие Богоматери, то указывает на явление Ей Самого Воскресшего. В этих песнях есть прямое указание на то, что именно Богоматери, а не кому-либо другому повелено было ангелу сообщить первую радостную весть о воскресении. Со второго дня Святой Пасхи к пасхальному канону, поемому в первый день, присоединяется другой канон в честь Богородицы, творение Феофана и Иосифа, и этот канон есть не что иное, как воспроизведение и подробное раскрытие того радостного приветствия, с каким обратился к Богоматери ангел во утрие дня воскресения Христова. Всем известен припев девятой песни пасхального канона: *Ангел вопияше благодатней: чистая Дево, радуйся, и паки реку: радуйся: Твой Сын воскресе тридневен от гроба*. Несколько раз повторяется это приветствие с разными добавлениями в пасхальном Богородичном каноне, к сожалению, не так у нас известно. Например: *Воскресшаго видевши Сына Твоего и Бога, радуйся со Апостолы, Богоблагодатная чистая, и еже радуйся, первее, яко всех радости вина, восприяла еси, Богомати всенепорочная* (канон Богородице, 2 ст. 1 песн.). *Бога, егоже родила еси плотию из мертвых, яхоже рече, воставша видевши, чистая, ликуй* (канон Богородице, 2 ст. 2 песн.), *Егоже родила еси Христа, прекрасна из мертвых возсиявша, чистая, зрящи, добрая и непорочная в женах и красная, днесь во спасение всех, со Апостолы радующися. Того прославляй* (канон Богородице, 2 ст. 4 песн.).

Отчего же нет упоминания о явлении Спасителя Богоматери и об ангельском благовестии Ей о воскресении Ее Сына в сказаниях евангелистов? Но в Евангелиях не изображены очень многие из деяний Господа Иисуса Христа и из обстоятельств Его земной жизни. Евангелисты не имели в виду представить

подробную запись всех слов, сказанных Господом, всех дел, Им совершенных, и всех случаев, какими ознаменовано было Его пребывание на земле. Из многого, совершенного Иисусом Христом, они передали потомству на память то, что наиболее могло внушить веру в Божественное посланничество Господа и что показывало Его вышечеловеческую силу и вышечеловеческое достоинство. Евангелист Иоанн два раза указывает на то, что в Евангелиях далеко не все записано, что видели и слышали от Господа Иисуса Христа люди, бывшие свидетелями Его дел и чудес и воспринимавшие сердцем слова благодати, текшие из уст Его. *Суть же и ина многа*, говорит он в заключение своего Евангелия, *яже сотвори Иисус, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему миру вместити пишемых книг (Ин. 21:25)*. *Многа и ина знамения сотвори Иисус пред ученики Своими* (читаем мы в другом месте Евангелия от Иоанна), *яже не суть писана в книгах сих. Сия же писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий, и да верующе, живот имате во имя Его (Ин. 20:30–31)*. Оба эти замечания евангелиста Иоанна сделаны в тех главах его Евангелия, где он рассказывает о явлениях Господа Иисуса Христа по воскресении, одно после рассказа о явлении Иисуса Христа ученикам в комнате, при затворенных дверях в вечер дня воскресения, и потом в восьмой день по воскресении, для уверения апостола Фомы в истине Своего воскресения, и другое после описания явления Его ученикам на море Тивериадском и Его беседы с Симоном Петром. Включение этих замечаний в историю явлений Господа Иисуса Христа по воскресении дает нам право заключать, что именно здесь, по отношению к явлениям воскресшего Господа, не все записано апостолами, что было известно, а многое хранилось в живом устном предании. В частности, о Божией Матери в Евангелии говорится очень мало, и даже упоминается о Ней очень редко. После того как Она послужила тайне воплощения Единородного Сына Божия, Она как бы совершенно скрывается из вида и пребывает в неизвестности. Ее имя мы встречаем в Евангелии, когда евангелисты описывают обстоятельства, относящиеся к рождеству Господа Иисуса Христа. Затем упоминается о Ней

(причем Она не называется по имени), когда Господь Иисус, будучи двенадцатилетним Отроком, был с родителями в Иерусалиме на празднике Пасхи и не пошел с ними в обратный путь, и когда родители, не видя Его в толпе возвращавшихся богомольцев, должны были вернуться в Иерусалим и после долгих поисков нашли Его в церкви сидящим посреди учителей (Лк. 11:43–51). Еще упоминается о Ней, когда Господь Иисус Христос совершил первое чудо на браке в Кане Галилейской, где Он был вместе с Материю (Ин. 11:1–5). Наконец, евангелист Иоанн указывает Ее в числе стоящих у креста Христова, когда Господь поручил Ее на хранение этому Своему возлюбленному ученику (Ин. 19:25–27). И только. Между тем, живя постоянно со Своим единственным Сыном, окруженная Его вниманием, вся посвященная Своим материнским заботам и чтимая всеми, видевшими в Ее Сыне необыкновенного чудотворца, Она могла бы дать материал для многих страниц священной истории.

Но, видно, Ей Самой неудобно было, чтобы разглашали о Ней и выставляли напоказ тайну Ее жизни. Смирение было одним из главных и отличительных Ее качеств. Господь, по Ее собственным словам, *призрел на смирение Рабы Своея* (Лк. 1:48), когда избрал Ее послужить искуплению рода человеческого чрез восприятие от Нее пречистой плоти, – и этому смирению Она не изменила во все годы Своей жизни, как во дни скорби, так и во дни славы Своего Сына и Господа. Ей желательна и приятна была тихая, скромная, сосредоточенная жизнь, далекая от всякого общественного шума, и больно, тяжело чувствовалось на Ее сердце, когда кто-либо нарушал сокровенную тишину, в какой любила пребывать Она. Апостолы с благоговением относились к этому необычайному смирению величайшей из матерей, свято берегли Ее желания и не хотели говорить о Ней, когда Она более всего любила молчание.

Как убеждались первые ученики Господа в истине воскресения Его?

Архим. Варфоломей. «Воскресное чтение», 1829

Радость светлого воскресения Христа Спасителя не вдруг овладевала сердцами последователей и учеников Его; не все и не в одно время равно убедились в Его воскресении и одинаково возрадовались. Так, апостол Фома до восьми дней не был удостоен лицезрения воскресшего Господа, а иные, и увидя Его, на первый раз усомнились (Мф. 28:17). И впоследствии, во времена апостольские были и такие верующие, которых ублажает святой апостол Петр за то, что они, *не видевши Иисуса Христа, любят Его и на Негоже ныне зряще, веруют в Него и радуются радостью неизглаголанною и прославленною* (1Пет. 1:8). Но были и такие в обществе самых христиан, которые сомневались в возможности воскресения мертвых, а тем самым отвергали и действительность Христова воскресения. Таких христиан укорял в свое время апостол Павел: *Како глаголют нецыи в вас, яко воскресение мертвых несть? И аще воскресение мертвых несть, то ни Христос воста* (1Кор. 15:12–13). Опыты прошедшего и настоящего убеждают, что недуги сомнения и маловерия, даже болезни совершенного неверия в Иисуса Христа или спасительное Его воскресение могут всегда рождаться и находить место между христианами.

Недуги сомнения и неверия в истину о воскресении Христовом при первом благовестии о нем в обществе апостолов врачевались и уничтожались Самим Господом различно, у одних такими средствами, у других иными. Посмотрим, нельзя ли в благовестии о явлении воскресшего Господа верующим, сомневающимся и коснеющим в сомнении ученикам Своим, указать уроки вразумления для веры, сомнения, маловерия и неверия нашего времени.

Воскресший рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине (Мк. 16:9). Мария очень рано, когда было еще темно (Ин. 20:1), пришла ко гробу Спасителя и, не

нашедши в нем тела Господня, горько плакала, стоя вне гроба. В скорби и слезах, а может быть, еще и от темноты, она приняла явившегося ей Господа за вертоградаря; но на зов Его: *Марие!* – вдруг обратилась к Нему с радостным восклицанием: *Учитель!* – и пала к стопам Его (Ин. 20:17). Спустя несколько минут подошли и другие жены-мироносицы; но они там не видели Господа, а получили уверение в воскресении Его от ангелов. Возвращаясь домой от гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить о том, что слышали от ангелов, ученикам Его. Когда же шли они возвестить ученикам Его, воскресший Господь встретил их и сказал: *Радуйтесь. Они поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус: не бойтесь: пойдите, возвестите братиям Моим* (Мф. 28:8–10). Таким образом, жены-мироносицы, пришедшие очень рано ко гробу помазать тело Господне, первые удостоились собственными очами видеть воскресшего Господа Иисуса и собственными руками осязать прославленные стопы Его. Не очевидно ли отсюда для всякого, что святая любовь, любовь живая и деятельная, сильнее всего влечет сердце к Богу и скорее всего соединяет с Возлюбленным? Не ясно ли для всякого, что простота веры прежде всяких умствований и изысканий открывает живого Бога, беседует с Ним в чистоте сердца и невозмутимо радуется обретению Его? Святые жены не могли бы первые встретить воскресшего Господа, если бы любовь не возбудила их очень рано на служение Почившему. Так воскресши, всегда живой и повсюду сущий, Господь Иисус открывает Себя и доселе сердцам, искренно любящим Его и в простоте верующим Ему.

Но в той же первый день воскресения, повествует Святое Евангелие, Господь в ином образе явился двум из учеников Своих. Они шли в селение Эммаус и разговаривали между собою о всех событиях последних дней. И когда они разговаривали и рассуждали между собою, в то время и Сам Иисус приблизясь пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его. Господь спросил их: *О чем вы это рассуждаете между собою, и отчего вы печальны?* Ученики рассказывают неведомому спутнику об Иисусе Христе

Назарянин, какой Он был великий пророк, сильный делом и словом, как архиереи осудили его и предали на смерть; мы же, говорят они, надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиль: но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло. Тогда Господь сказал им: *О несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснил им сказанное о Нем во всем Писании* (Мк. 16:12; Лк. 24:13–17). Как сильны были Его доводы из Священного Писания, как от света слова Божия мало-помалу рассеивался мрак всех их сомнений и недоразумений и вместо тяжкого уныния возгорелись в сердце радость и надежда, – это выразили сами ученики, узнавши Господа после за трапезою. Они сказали друг другу: *Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?* (Лк. 24 и 35). Вот иной путь к живому Богу, путь медленный и нелегкий, путь сомнений и исследований, религиозных изысканий и разумного убеждения! Недоверчивый разум не всегда соглашался на общую веру простосердечных христиан, что Господь Иисус, распятый на кресте, умерший и погребенный, *воскрес в третий день по Писанию*. Но если это разум, искренно ищущий верного пути к истине и спасению, то Господь не оставит его блуждать во мраке мучительных сомнений: Он Сам в лице друга или доброго наставника, или даже в образе случайно встретившегося незнакомца, сблизится с ним духовно, примет живейшее участие в его душевном положении и научит, где искать Того, Который есть верный *путь и истина и живот*. Он покажет, что вера в воскресшего Спасителя мира основана на свидетельстве не одних женомироносиц, но более, нежели *пятисот самовидцев и служителей Слова*, запечатлевших кровию свое благовестие; что с первого дня по воскресении до наших времен и до конца мира эта святая вера исповедуется не только одними простодушными и неучеными людьми, но твердыми в своих убеждениях людьми учеными, и даже такими, которые были прежде жестокими гонителями ее, что основанием нашей веры

мы имамы известнейшее пророческое слово: и ему внимаем якоже светилу в темном месте (2Пет. 1:19). Это пророческое и евангельское слово – живое и действенное слово Божие, и острейше паче всякаго меча обоюдоуостра, проходящее до разделения души и духа, разрешит всякие недоумения в душе, рассеет всякий мрак сомнений и заблуждений и озарит сердце светоносною истиною светлого воскресения Христа Спасителя.

В тот же первый день, то есть в день воскресения Господа, вечером, когда двери дома, где собрались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус и стал посреди и говорит им: мир вам! Ученики обрадовались, увидя Господа... (Ин. 20:19–20). Кто может изобразить радость убитых горем и страхом учеников, когда они внезапно, сверх всякого ожидания, узрели в кругу себя воскресшего и прославленного своего Господа, Учителя, Благодетеля, свою надежду и жизнь! Они сами не могли опомниться от прилива внезапной Радости; когда же они от радости еще не верили и дивились, Господь Иисус сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на Руки Мои и на ноги Мои; это – Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня... Есть ли у вас здесь какая пища? Они же дали Ему часть печеней рыбы и сотового меда. И взяв, ел перед ними... (Лк. 24:39–45). Иисус же сказал им вторично: мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав то, дунул и говорит им: примите Духа Святаго (Ин. 20:21, 22). Тогда отверз им ум к уразумению Писаний (Лк. 24:45); даровал им власть отпускать грехи; показал, какие знамения последуют уверовавшим в Него: Именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не вредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы (Мк. 16:17–18). Многие и другое сотворил Иисус пред учениками Своими для убеждения и наставления их (Ин. 21:25). Вот самое осязательное явление воскресшего Господа Иисуса – явление, не оставляющее ни малейшего сомнения в воскресении Господнем и для тех, которые не хотели скоро верить благовестию других. Не довольно того, что Господь явился в

кругу многих учеников Своих, показал им Свои руки и ноги, вкусил пищи пред ними, беседовал с ними, Он еще оставил им вечные знамения Своего воскресения и явления им: даровал им Духа Святого, разумение Писаний, дар языков, чудотворений и прочее. Могли ли после этого святые апостолы не свидетельствовать пред целым светом, что Господь Иисус *хотя и умерщвлен был плотию*, как истинный человек, но *ожил вместе с плотию Духом (1Пет. 3:18)*, как *вечно живое Слово Божие, еже бе исперва, еже слышахом, еже видехом очима нашими, еже узрехом и руки наша осязаша (1Ин. 1:1)!*

Было ли когда в последующие времена и бывает ли теперь такое очевидное явление воскресшего Господа Иисуса? Для великих целей – для спасения народов, для обращения великих мужей, для укрепления великих мучеников, Господь видимо открывал Себя и тем свидетельствовал о Себе, что Он всегда жив, всегда один и тот же: *вчера и днесь тойже и во веки!* Но и всякой искренно верующей душе Своих братьев Господь Иисус по бесконечной любви и благодати Своей являет Себя так же ощутительно, хотя и невидимо, также чудодейственно и живо, хотя духовно и таинственно! Когда гонимая злобою врагов Христовых любовь ко Христу заключится в храмине верующего сердца со всеми своими надеждами и желаниями и почувствует томление одиночества, горесть беззащитного уединения, жажду утешения от Господа, тогда *дверем заключенным* неожиданно приходит Он – Любовь и Надежда – и подает мир скорбящей душе! Тогда верующая душа видит Его очами веры, она встречает Его святою надеждою, она касается Его благоговейною любовью. И что это – Сам Он, Царь и Бог ее, а не мысль только об Нем, не воображаемый призрак, она узнает по свойству бесценных даров Его, даров, каковых не может дать ей целый мир. *Мир Свой даю тебе!* – говорит Царь душе. – *Не так, как мир дает, Я даю тебе!* (ср. *Ин. 14:27*). И душа чувствует, что сей Богодарованный мир *превосходит всяк ум*, – всякое представление. Тогда увидит она ясно, что все Священные Писания *непререкаемо свидетельствуют о Сыне Божием, что глаголы Его Самого дух суть и живот суть*, что она восприяла силу творить чудеса: она не говорит на новых

языках, когда это не бывает нужно, но зато родным языком громко возвещает величия Божия; не исцеляет недужных возложением рук, но воскрешает мертвых душою, закоренелых грешников одним благодатным словом своим! «Вот самые великие чудеса! Вот дивные знамения!» – восклицает святой Иоанн Златоуст (в Беседе 32 на Мф.).

Были и еще свидетели воскресения Христова, невольные, но несомненные; это воины, распявшие Его и хранившие гроб Его. Но *сребреники довольны*, то есть сребролюбие и человекоугодие, изменили истину свидетельства их в ложь, в ту ложь, будто *ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали! И пронеслось слово сие между иудеями до сего дня* (Мф. 28: 12–15). Истина продана ими.

Повторяется ли это с религиозными убеждениями в мире христианском? Бывает: из выгод и земных расчетов переменить веру или религиозные убеждения значит сделать то же, что сделали воины. Но чаще всего это бывает на суде, где за сребреники продают истину и говорят не то, что видели.

Явления Иисуса Христа по воскресении

«Воскресное чтение», 1804

Марии Магдалине

Мария, пришедши рано ко гробу и видя его отверстым, неутешно плачет, думая, что тело Господа кем-либо взято; видит двух ангелов при гробе; потом, обратясь назад, видит Самого Иисуса Христа, принимает Его за вертоградаря и спрашивает: не он ли взял тело Господа? Тогда глагола ей *Иисус: Марие! Она же обратившись глагола ему: Раввунни, еже глаголется, учителю. Глагола ей Иисус: не прикасайся Мне, не убо вздых ко Отцу Моему: иди же ко братии Моей и рцы им: восхожду к Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему (Ин. 20:11–17; Мк. 16:9).*

Магдалине и Марии Иаковлевой и другим мироносицам

Слышав при гробе благовестие ангела, они идут с радостною вестью к апостолам. *Егда же идясте возвестити учеником Его, и се, Иисус сретет я, глаголя: радуйтесь! Оне же приступльше, ястеся за нозе Его и поклонитесь Ему. Тогда глагола им Иисус: не бойтесь: идите, возвестите братии Моей, да идут в Галилею, и ту Мя видят (Мф. 28:1–10; Мк. 16:1; Лк. 24:10).*

Двум ученикам, шедшим в Еммаус

В первый же день по воскресении Клеопа и другой ученик, шедши из Иерусалима в селение Эммаус, беседовали о том, что они слышали от мироносиц. На пути присоединяется к ним Сам Господь, вступает с ними в разговор и изъясняет пророчества о воскресении Мессии; но они не узнают Воскресшего. Наконец, упрашивают Его зайти с ними в селение для отдохновения. *И бысть яко возлеже с нима, и приим хлеб благослови, и преломив даяше има. Онема же отверзостеся очи, и познаста Его: и Той невидимь бысть има (Лк. 24:13–31).*

Апостолу Петру

Ученики, сподобившиеся видеть Воскресшего в Эммаусе, тот же час возвращаются в Иерусалим к апостолам. *И обретоста совокупленных единомадесяте, и иже бяху с ними,*

глаголющих, яко воистину воста Господь, и явился Симону (Лк. 24:33–34).

Всем апостолам, кроме Фомы

Сущу позде в день той, – дверем затворенным, идеже бяху ученицы Его собрани, страха ради Иудейска, прииде Иисус и ста посреде и глагола им: мир вам! И сие рек, показа им руце и нозе и ребра Своя. При сем Господь в Своем дуновении преподал им Святого Духа и власть пастырскую (Ин. 20:19–23).

Апостолам же вместе с Фомою

Апостол Фома, по некоторому случаю не бывший с прочими апостолами в час явления им Господа, не хотел верить Его воскресению, пока сам не увидит и не осяжет ран Распятого и Воскресшего. *И по днех осмих паки бяху внутрь ученицы Его, и Фома с ними. Прииде Иисус дверем затворенным, и ста посреде их и рече: мир вам! Потом глагола Фоме: принеси перст твой семо и виждь руце Мои, и принеси руку твою и вложи в ребра Моя, и не буди неверен, но верен. Фома в восторге восклицает к Нему: Господь мой и Бог мой! (Ин. 20: 26–29).*

Петру, Фоме, Нафанаилу, Иакову, Иоанну и двум другим ученикам в Галилее, на озере Тивериадском

Когда ученики сии, пришедшие в Галилею по повелению Господа, в одну ночь занимались здесь ловлею рыб, поутру увидели на берегу озера Самого Иисуса Христа; сначала не узнали Его, а узнали уже тогда, как Он даровал им чудесную ловитву рыб. После сего Господь благоволил предложить им обед и беседовал с ними. *Се уже третье явился Иисус учеником Своим, встав от мертвых. В сие время, по троекратном вопросе к Петру: Любиши ли Мя? – Спаситель троекратно повелевал ему пасти овец Своих и предрек мученическую смерть его (Ин. 21:1–22).*

Одиннадцати апостолам в Галилее же

Единици же надесеате ученицы идоша в Галилею, в гору, аможе повеле им Иисус. И видевшие Его, поклонишася Ему: овии же усумнешася. Господь, приступив к ним, объявил власть Свою на небеси и на земли, а им преподал власть

проповедания и священнодействия, обещав Свое благодатное присутствие с Церковью до скончания века (Мф. 28:16–20).

Более нежели пятистам братьям

Здесь же, вероятно, в Галилее, Господь явился однажды великому собранию верующих, как свидетельствует апостол Павел: *Посем же явися боле пятисот братьям единою, от нихже множайшии пребывают доселе, нецыи же и почиша* (1Кор. 15:6).

Апостолу Иакову

Неизвестно, где и когда было еще особенное явление апостолу Иакову; как свидетельствует тот же апостол Павел: *Потом же явися Иакову* (1Кор. 15:7).

Всем апостолам на горе Елеонской

В последний раз Господь, многократно являвшийся апостолам в продолжение сорока дней и беседовавший с ними о Царствии Божий, изводит их из Иерусалима до Вифании; обещает им крещение Святым Духом и силу свыше для свидетельствования о Нем – до последних земли. Потом, воздвиг руце Свои, благослови их. *И бысть, егда благословляше их, отступи от них, и возношашеся на небо, и облак подъят Его от очию их.*

Уроки Амвросия, еп. Медиоланского, из евангельского повествования о женах-мироносицах

«Воскресное чтение», 1818

Святые жены, пришедшие ко гробу с ароматами, да помажут Иисуса (Мк. 16:1), увидели там ангела, ибо евангелист говорит так: *И вшедше во гроб, видеша юношу сидяща в десных... он же глагола им: Иисуса ищите Назарянина распятого: воста, несть zde... но идите, рцыте учеником Его, яко варяет вы в Галилеи: тамо Его видите* (Мк. 16:5–7). А что этот юноша был ангел, о том засвидетельствовал другой евангелист: *Ангел бо Господень сшед с небесе, приступль, отвали камень от двери гроба, и сидяше на нем* (Мф. 28:2). Мария же Магдалина, пламеннее других любившая Иисуса и не отходившая от гроба, прежде всех у самого гроба удостоилась увидеть воскресшего Господа и пред самыми апостолами быть благовестницею несказанной радости о воскресении Его. *Мариа же стояше у гроба плачущи*, – замечает евангелист Иоанн, – *и виде Иисуса*; и далее: *прииде же Мариа Магдалина поведаящи учеником, яко виде Господа* (20:11, 14, 18). Этот урок прежде всего научает нас Тому, что ищущие Господа должны искать Его – каждый с ароматами добрых дел своих, составляющих пред Ним воню благоухания, коими благоугождается Господь.

Далее, эти благочестивые жены искали во гробе *телесе Иисусова, да помажут*. Чего же и мы с вами ищем в Церкви Божией, как не Иисуса, то есть Спасителя? Но если желаете обрести Его, поспешайте, подобно оным женам, зело рано, и, *возсиявшу солнцу*, ищите, да обрящете: дела тьмы да не омрачают вас; ибо омраченные ими не видят света и не понимают Христа.

Внемлите еще слышанному вами: Мария Магдалина обрела Того, Кого искала, потому что не отходила от гроба: *Мариа же стояше у гроба плачущи*, – обрела по своему неотступному, слезному, пламеневшему любовью терпению; *претерпевый бо до конца*, по словам Спасителя, *той спасен будет* (Мф. 10:22). Посему не только надлежит от дел греховных удаляться,

нисколько не приобщаясь пагубной язве оных, но и в добрых подвигах христианских постоянно пребывать, подвизаясь на сем душеспасительном поприще до конца жизни, если хотим узреть Господа славы и внити с Ним в Царство славы.

Черты жизни Марии Магдалины по евангельским сказаниям

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Беседы в день тезоименитства Государыни Императрицы

Из первой части жития Марии Магдалины ничего не известно нам, кроме того, что она была подвержена тяжкому и страшному недугу, в котором обыкновенные врачи тем менее умеют подавать помощь, чем менее понимают его начало. И если бы кто, как некогда апостолы о слепорожденном, спросил о ней: *сия ли согреши, или родители ея*, да тако страждет, – не знаем, можно ли было бы, подобно как о том, сказать и о ней: *ни сия согреши, ни родители ея, но да явятся дела Божия на ней*. Но, как бы то ни было, за грехи ли, или не за грехи подверглась она страданиям, мы не колеблясь можем утверждать, что сие допущено было Провидением Божиим для того, чтобы над нею совершилось спасительное дело Божие. Если бы она не подверглась страданиям и не испытала беспомощности в них, то, вероятно, жила бы в родной стране Магдальской в неведении о чудесах Иисуса Христа и о учении Его; или слух о них приняла бы только с любопытством, с удивлением, с недоверием и не возвысилась бы до живой веры и до *крепкой, яко смерть*, любви ко Спасителю. Но страждущая и беспомощная в страдании не могла быть равнодушна к слуху о Чудотворце, *исцеляющем всяк недуг и всяку язю в людех* (Мф. 9:35); она поспешила найти Его, сделалась самовидицею чудес Его, уверовала в Божественную силу Его; по вере получила исцеление и из порабощения силе тьмы перешла в свободу света; таким образом, недорогою ценою временного бедствия купила вечно блаженную жизнь.

Наказание, со смиренною покорностью судьбе Божией понесенное в первой части жития, во второй части принесло *мирный плод правды*.

Когда Христос Спаситель освободил ее от мучительства темных сил и исцелил от тяжкого недуга, тогда в душе ее к силе веры присоединилась сила благодарности и любви к

Избавителю, чтобы дать жизни ее новое сильное направление. Обновленную Христом жизнь Мария совершенно посвятила на служение Христу.

Когда Он проходил *сквозе грады и веси, проповедуя и благовествуя Царствие Божие*, тогда за Ним, после апостолов, следовали многие жены, *яже служаху Ему от имений своих*, и в числе их первую именует святой евангелист Лука *Марию Магдалину* (Лк. 8:1–3). Посему должно полагать, что или она первая вступила в сие служение и подала пример другим, или преимуществовала пред прочими усердием и деятельностью в сем служении.

В грозные часы страданий и смерти Христа Спасителя, когда почти все апостолы, после обещания умереть с Ним, побеждены были страхом и скрылись, Магдалина любовью победила страх: она стояла при кресте Иисуса; она была при Его погребении.

Наипаче же, как молния в ночи, просияла крепкая, как смерть, любовь Магдалины в том подвиге, который дал ей вместе с некоторыми другими женами наименование *мироносицы*. И здесь два евангелиста ставят ее первую между ними; а святой Иоанн одну только ее именует: *во едину от суббот Мариа Магдалина прииде, еще сущей тме, на гроб Иисусов с благоуханным миром* (Ин. 20:1). Это значит, что предприятие принадлежало ей, а другие следовали ее предводительству. Рассмотрите сие предприятие. Господь Иисус умер на кресте и погребен. Близкие к Нему в опасности, потому что враги Его и воскрешенного Им Лазаря решились убить, и на апостолов готовы были наложить руки, если бы не воспрепятствовало и в самом страдании владычественное слово: *Оставьте сих ити* (Ин. 18:8). В высшей степени вероятно, что предречение Иисуса о Его воскресении известно было Магдалине, если не непосредственно, то чрез апостолов; но, видно, и сей луч света угас в уме ее среди мрачных событий. Ибо в чаянии воскресения не нашла бы она нужным помазывать миром тело Иисуса, как обыкновенного мертвого, и не произнесла бы сих, отнюдь не воскресных слов: *Взяша Господа от гроба, и не вем, где положиша Его* (Ин. 20:13).

Итак, угрожаемая опасностью, не подкрепляемая надеждою, как дерзнула Магдалина идти, *еще сущей тме*, на гроб Иисуса? На пути представилось мыслям ее непреодолимое препятствие. Она вспомнила, чтобы гроб Иисуса закрыт таким тяжелым камнем, которого не в силах отвалить ни она, ни спутницы ее. Как же и непреодолимое препятствие не остановило ее? Какая всепревозмогающая сила одушевляла и влекла ее? Сила любви и благодарности к Божественному Спасителю, сила святого сострадания к Святому, безвинно пострадавшему.

И какая за высокий подвиг высокая награда? Магдалина первая узрела Господа воскресшего, сделалась Христовым апостолом для самих апостолов, ибо она первая возвестила им воскресение Христово.

Как Мария Магдалина могла достигнуть первенства в видении Господа воскресшего, и почему Он явился ей одной, а не вместе с Петром и Иоанном?

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Беседы в день тезоименитства Государины Императрицы

В жизни святой Марии Магдалины есть необыкновенно светлая черта. В утро воскресения Христова она сподобилась видеть Господа воскресшего первая из учеников и учениц Его и первая сделалась проповедницею для них Воскресения Его, по непосредственному Его повелению. *Воскрес Иисус завтра в первую субботу, явися прежде Марии Магдалины. – Иди ко братии Моей, и рцы им: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему* (Мк. 16:9; Ин. 20:17). В сие время Мария в высшей степени достойна была данного ей впоследствии времени Церковью наименования равноапостольной. Апостолы проповедали воскресение Христово миру, были апостолами для мира – Магдалина проповедала воскресение Христово апостолам, была апостолом для апостолов.

Как же достигла Мария первенства в видении Господа воскресшего и в проповедании воскресения Его?

Ее преимущественно возвышенная и деятельная любовь ко Христу Спасителю доставила ей преимущество первой узреть Его по воскресении Его и быть провозвестницею воскресения Его другим.

В самом деле, какая сила действовала в том, что, когда страх от врагов Христовых самих апостолов почти всех заставил скрыться, тогда Мария Магдалина, препообеждая немощь своего пола, презирая опасность, предстояла распятому Господу до кончины Его, сопровождала пренесение тела Его от креста ко гробу, присутствовала при совершении погребения Его, потом в первые часы после субботнего дня, *еще сущей тме* (Ин. 20:1), поспешила на гроб, не обретши же тела Его и возвестив о том апостолу Петру и Иоанну, вновь устремилась ко гробу Господа и, не уразумев еще Воскресения

Его, со слезами искала бездыханного тела Его? Какая сила могла все это произвести, если не *крепкая, яко смерть, любви* (Песн. 8:6)? Ее крепкий подвиг на смертном поприще Господнем и награжден праведно ускоренным живоносным лицезрением Господа воскресшего.

Любознательные могут заметить, что апостолы Петр и Иоанн так же, как и Мария, возлюбившие Господа крепкою любовью, были у гроба Его в одно время с нею, почему же не всем троим, а по удалении двоих, одной Марии Он явился? Что на сие скажем? Не дано нам испытывать всякую тайну душ верующих и Божией благодати, действующей в них очистительно, испытательно, уготовительно и, наконец, совершительно. Однако, если будем внимательны, можем и в Петре и Иоанне усмотреть действие, в различных степенях, того же закона любви, которым определился жребий Марии. Можно думать, что любовь Петра была в сие время, хотя не в изнеможении, но в некоем невольном затмении тяжким сознанием трикратного отречения от Христа. Любовь Иоанна, которая только на минуту не была *крепкою, яко смерть*, во время бегства от Христа из Гефсиманского сада, но вскоре воспрянула и неуклонно влекла его вослед за страждущим Спасителем, не была стеснена в душе его и свободнее, нежели Петра, вела его ко гробу Господню: *другий ученик тече скорее Петра* (Ин. 20:4). Сим различным состоянием любви соответствовали различные последствия. Петр *вниде во гроб* Господень, но еще не нашел в нем света воскресения и вынес из него только удивление: *отъиде в себе, дивяся бывшему* (Лк. 24:12). Иоанн также вошел во гроб и обрел хотя невидимый, но действительный внутренний свет веры в воскресение Христово. *Вниде и другой ученик, и виде и верова* (Ин. 20:8). Для Петра же нужно было, чтобы слово Марии, *яко виде Господа* воскресшего, светлое сколько по своему предмету, столько же по решительной достоверности, разогнало мглу души его и приготовило его незатменным светом веры и любви принять свет Божественного явления. И действительно, после сего в тот же день воскресший Господь *явися Симону* (Лк. 24:34).

Таким образом, все примеры, теперь рассмотренные, свидетельствуют об одной общей истине: что по мере деятельной любви ко Христу человек делается способным к благодатному с Ним общению, к созерцанию Его внутреннему, а при благопотребности – и к принятию особенных Его явлений и откровений.

Блж. Августина изъяснение слов Спасителя к Марии Магдалине: *не прикасайся Мне, не у бо вздых ко Отцу Моему*

(Ин. 20:17)

«Воскресное чтение», 1812

Рассмотрим при помощи Самого Господа, что значат сии слова Его. Когда восшел Он ко Отцу? По свидетельству Деяний апостольских, в сорок день по воскресении Своем, день, который мы еще будем праздновать во имя Его; тогда восшел ко Отцу; тогда ученики, осязавшие Его руками, проводили Его очами, тогда раздался глас ангельский: *Мужие Галилейстии, что стоите зряще на небо? Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом, увидите Его идуща на небо* (Деян. 1:2). Если же тогда восшел Он ко Отцу, то что сказать нам, братия? Как Мария, не могшая прикоснуться к Нему, стоящему на земле, могла прикоснуться к сидящему на небе? Если здесь не могла, то не тем ли паче там? Что же значат слова сии: *Не прикасайся Мне, не у бо вздых ко Отцу Моему?*

Ужели скажет какой-либо неразумный, что до восшествия ко Отцу мужи могли касаться Его, а жены не могли, как только по восшествии ко Отцу? Такая мысль нелепа, такое мнение превратно. Что же значат слова сии: *Не прикасайся Мне, не у бо вздых ко Отцу Моему?* Ты, видя Меня, считаешь только человеком, а еще не знаешь равенства Моего со Отцом; не прикасайся ко Мне, как к простому человеку, не принимай Меня такою верою, но уразумей во Мне Слово, равное Отцу. Взойду ко Отцу – и тогда прикасайся. Для тебя взойду Я тогда, когда ты уразумеешь Меня как равного Отцу. Доколе же считаешь Меня меньшим, Я еще не вошел для тебя.

Да слышит убо Церковь, которой образ имела Мария, да слышит, что слышала Мария. Все мы да прикасаемся, когда веруем. Уже Он восшел ко Отцу, сидит одесную Отца. Сие исповедует ныне вся Церковь, веруя *во восшедшаго на небеса и сидяща одесную Отца*. Сие слышат крещаемые и сему

веруют еще прежде крещения. Когда они веруют, Мария прикасается Христу. Это разумение неясно, но спасительно: оно заключено для неверующих, а для толкующего верою отверсто. Сам убо Господь Иисус Христос и там, и с нами есть; и со Отцом, и в нас; и от Него не отступает, и нас не оставляет, и научает нас молиться как Наставник, и внимает молитве нашей вместе со Отцом как Сын.

О том же мысли св. Кирилла, архиепископа Александрийского

Из Толкований св. Кирилла на Евангелие Иоанна (сокращенно)

Изречение сие имеет сокровенный смысл и заключает в себе таинство. Жена прибегла к Господу и спешила коснуться Его; это, однако, воспрещается ей по той причине, что, как говорит Господь, Я не восшел еще ко Отцу Моему. Каким образом следует из сего то, чтобы любящие Его (Господа) не прикасались к Нему? Между многими и различными причинами пришествия Спасителя была особенно та, которую Сам Он объясняет в словах Своих: *Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние (Мф. 9:13)*. Посему прежде страдания и воскресения Своего Он обращался и с праведными, и с неправедными, так что и всякий мытарь и грешник мог свободно приступать к Нему; так поступал Он для того, да всех освятит и приведет к познанию истины. Прежде креста и воскресения Своего позволял всем, даже грешникам прикасаться к Нему и получать от Него благословение; но когда уже совершилось искупление, после креста и воскресения Своего не тотчас позволяет сие каждому, преподавая нам то правило, которое и закон Моисеев означал в жертве агнца, о коей как образе Христа пишется: *Всяк необрезанный да не яст от нее (Исх. 12:48)*. Необрезанным же называет всякого нечистого; а таково по естеству есть человечество. Почему не необрезанным, но чистым и обрезанным духовно людям надлежит прикасаться к святейшему Телу Господа. Обрезание же сердца совершается Духом, по словам Павла, и его нельзя иметь человеку, если Дух Святой не вселится в нем верою и крещением. Ибо хотя Христос воскрес от мертвых, но Дух Святой еще не был послан Им от Отца к людям, а послан уже тогда, когда восшел Он (Иисус Христос) к Отцу; потому и говорит: *Уне есть вам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам; аще ли же иду, пошлю Его к вам (Ин. 16:7)*. Итак, поскольку Он не послал еще Духа, то и возбранял Марии прикасаться к Себе и

говорил: *Не убо въздох ко Отцу Моему*, то есть еще Отец не послал к вам чрез Меня Святого Духа. Отсюда Церковь приняла правило, по которому мы возбраняем оглашенным участвовать в святой трапезе, хотя они уже познали истину и исповедали веру, возбраняем как еще не исполненным Святого Духа, Который обитает только в совершенных крещением. Но когда примут крещение, коим вселяется в них Дух Святой, тогда уже не возбраняется им прикасаться к спасительному Телу Христову. Потому и служители таинства вопиют к приступающим к таинственному благословию: *Святая святым!* – означая тем то, что одни освященные *Духом* и имеют право причащаться святого.

О том же мысли св. Иоанна Златоуста

Из 35-й Беседы на Евангелие от Иоанна

Для чего Христос сказал Марии Магдалине: *Не прикасайся Мне?* Некоторые говорят, что она просила дара Духа Святого, слышав Его, говорившего ученикам: *Аще иду ко Отцу, умолю Его, и много Утешителя даст вам* (Ин. 14:16; 16:7). Но как она слышала это, не быв (в то время) с учениками? Притом как она могла просить сего, когда Христос еще не отходил ко Отцу? Что же это значит? Мне кажется, что она и теперь хотела обращаться с Ним по-прежнему, и от радости не представляла себе в Нем ничего особенного, хотя Он и стал по плоти гораздо совершеннейшим. Посему, удаляя от нее такую мысль и внушая ей беседовать с Собою с большим страхом (ибо и с учениками по воскресении Он обращался не так, как прежде), возвышает ее понятие, дабы она обращалась с Ним с большим благоговением. Если бы Он сказал: не приступай ко Мне, как прежде; Я теперь уже не в таком состоянии и не буду уже обращаться с вами по-прежнему, – то это было бы жестко и величаво. Но когда сказал: *Не прикасайся Мне, не убо взыдох ко Отцу*, – это значило то же, а было не так жестко. Словами *не у взыдох* показывает, что Он стремится и спешит туда; когда же Он имел отойти и не жить более с людьми, то на Него уже не должно было смотреть так, как прежде. А что этот именно смысл слов, видно из следующего: *Иди же ко братии Моей и рцы им; восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему*. Впрочем, Он исполнил сие не тотчас, а спустя сорок дней. Для чего же Он говорит так? Дабы возвысить мысль Марии и уверить, что Он отходит на небо. А говорит: *Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему*, – в отношении к воплощению, так как и восхождение относится к плоти. Но неужели Бог в ином смысле Отец Его и в ином смысле наш? Конечно, так. Ибо если Бог в ином смысле есть Бог праведников, а в ином прочих людей, то тем более в ином – Сына, а в ином наш. А дабы из слов Его *рцы братии* не заключил кто о каком-либо равенстве Его с учениками,

показывает различие: Сам Он сядет на престоле Отца, а они будут предстоять. Итак, хотя по естеству плоти Он сделался братом нашим, но честью далеко и несказанно отличен от нас.

О явлении Иисуса Христа ученикам в первый день по воскресении

(Лк. 24:13–36)

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Слова в 3-й день Пасхи
В самый день воскресения Христова, пред вечером, два ученика Христовых, Клеопа, наименованный в Евангелии, и другой, по преданию, Лука, писатель Евангелия (умолчавший о своем имени по смирению), идут из Иерусалима в недалнее селение Эммаус, не знаем, по какой надобности, но, конечно, не без надобности, в такой день, в который оставаться в Иерусалиме было весьма любопытно, хотя не для всех безопасно. Идут и разговаривают. О чем? О надобности ли, для которой идут? Или о разных предметах, случайно попадающих на ум и на язык? Нет. Их разговор не легкомысленный, не празднословный. *Та беседоваста к себе о всех сих приключшихся.* Они беседовали между собою о страданиях Иисуса Христа, о Его распятии, о Его погребении, наконец, о Его воскресении, которому любящее Христа сердце их желало бы верить, но которому нераскрытое разумение их боялось еще верить. Сомнение не удалило их от Христа, к Которому влекла их любовь, и страх врагов Его не воспрепятствовал им исповедать Его как чаемого Спасителя, нечаянному неизвестному спутнику: *Надеяхомся, яко Сей есть хотяй избавити Израиля* (Лк. 24:21).

Лука и Клеопа за добрую о Христе, хотя и несовершенную в вере и разумении беседу на пути получили чудную награду. *Бысть, беседующима има и совопрошающемася, и Сам Иисус приближився, идяше с нима.* Сперва показался Он им неизвестным путешественником и не дал им узнать Себя, без сомнения, по предусмотрению, что внезапность открытого чудесного явления поразила бы их душевные и телесные силы и сделала бы их неспособными принять наставление, которое Он намерен был преподать им. От собственного их разговора Он заимствовал случай изложить и истолковать им предречения и предзнаменования Священных Писаний о Его страдании,

смерти и воскресении и, таким образом, прекратил их недоумения и утвердил колебавшуюся веру их. И в то же время тайным действием Своей Божественной силы Он возжег в сердцах их святой огонь благодатного утешения. Наконец, когда, беседуя, дошел с ними до Эммауса и до места привитания их, и когда они не хотели расстаться с таким собеседником, Он вошел с ними в дом, возлег с ними за трапезу, и как уже приготовленным к общению открыто чудесному, благословляя и преломляя хлеб, даровал им совершенную радость узнать Его и увидеть в свете воскресения Его. Сие осияние было мгновенно, и Он тотчас перестал быть видим, потому что уже совершилось действие, благопотребное и благотворное для тех, которые от них услышат о бывшем видении.

Благонамеренные путешественники, получившие столь счастливый исход путешествия в Эммаус, сделали еще прекрасное дело, не довольствуясь своим счастьем одни, но поспешив разделить оное со другими учениками Христовыми, которых вера в начале сего дня также боролась с недоумениями. Немедленно возвратились они в Иерусалим, вошли в собрание апостолов и сообщили им свое чудесное удостоверение в Воскресении Христовом. Апостолы же сообщили им взаимно такое же свое удостоверение после нескольких свидетельств мироносиц, довершенное тем, что воскресший Господь явился апостолу Петру. Смотрите, как и апостолы проводили великий, не вдруг разгаданный ими, день. Двери собрания их были заперты *страха ради Иудейского*, но не страх собрал их; страх рассеял бы их по разным для каждого более надежным тайным местам, а не повел бы в одно место, всем им известное и посему не довольно скрытое и от других. Это была, по всей вероятности, та сионская горница, в которой Господь совершил с ними тайную вечерю пред Своими страданиями. Какая же сила собрала их в одно место, и притом не вполне безопасное? Конечно, еще не умершая вера и особенно живая, сильная любовь к распятому Господу, которая в общении с любящими Его искала облегчения скорби и подкрепления веры. И по укреплении сей веры сия не отпадающая любовь учеников Христовых так же награждена в

Иерусалиме, как и в Эммаусе. Сам Иисус ста посреде и глагола им: мир вам.

Толкование св. Исидора Пелусиота на 26 стих 24-й гл. Евангелия от Луки

Творения свв. отцов. Тв. Исидора Пелусиота

Если *подобаше пострадати Христу* (Лк. 24:26), то почему наказаны распявшие?

Поелику писал ты: если *подобаше пострадати Христу*, то почему наказаны распявшие? Ответствую на сие. Сказанное: *подобаше пострадати* указывает на вольное избрание страдания и на Божественное домостроительство, но не подает мысли об извинительности действовавших, потому что злонамеренность нечестивых не была в согласии с Божественным изволением. Она старалась даже разрушить то, что домостроительствовал Бог. Почему в злодеях действовало нечестие, а Богом совершено премудрое домостроительство и освобождение людей; лукавство распинателей обращено в благодеяние человеческому роду, и плоть ехидны употреблена на приготовление врачебного пособия.

О явлении Иисуса Христа одиннадцати ученикам

(Мк. 16:14–18)

Св. Григорий Двоеслов

Ст. 14. Евангелист Марк повествует, что Господь прежде вознесения Своего на небо укорял учеников за неверие и жестокосердие, чтобы глубже напечатлеть на их сердцах последние Свои слова; ибо после упрека Он сказал им: *Шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари.*

Ст. 15. Евангелие проповедуется всей твари, когда оно проповедуется человеку, потому что чрез сие научается тот, для кого все на земли сотворено и кто со всеми тварями имеет сходство. Под именем всей твари можно разуметь также и язычников, ибо прежде апостолам было сказано: *На путь язык не идите* (Мф. 10:5), а теперь велено проповедовать всей твари, то есть апостольская проповедь тогда должна была нам послужить в пользу, когда во свидетельство осуждения своего отвергли ее гордые иудеи.

Ст. 16. *Иже веру имет и крестится, спасен будет: а иже не имет веры, осужден будет.* В истине веры должен удостоверить нас образ жизни нашей, и мы тогда только можем назваться истинно верующими, когда на деле исполняем данное при крещении обещание отречься сатаны, и всех дел его, и всего служения его; а посему каждый из вас да обратит тщательное внимание на самого себя; и ежели кто после крещения сохранил все обещания, тот есть истинно верующий, а ежели кто не соблюл своего обещания, обратился на дела незаконные и сердцем своим устремился к удовольствиям мира, тот должен оплакивать свои согрешения. Ибо милосердый Господь приемлет в число верующих и того, кто обращается от пути заблуждения к истине; Он, принимая всех истинно кающихся, заглаживает Своим милосердием всякое беззаконие наше.

Ст. 17–18. *Знамения же веровавшим сия последуют: именем Моим бесы ижденут: языки возглаголют новы: змия возмут: аще и что смертно испиют, не вредит им: на*

недужныя руки возложат, и здравы будут. Ежели вы, братие любезные, не творите тех знамений, кои были необходимы при начале Церкви Христовой, то по сему одному не исключайте себя из числа верующих. Чудеса нужны были только для распространения веры, подобно как и мы, насаждая деревья, дотолѣ только поливаем их водою, пока они укоренятся; а когда они вырастут и пустят глубоко корни свои в землю, то перестаем их поливать. Посему апостол Павел говорит: *Тем же языцы в знамение суть не верующим, но неверным (1Кор. 14:22).* Впрочем, и мы обладаем этими знаменами и чудесами, только в духовном смысле; ибо Святая Церковь не престаёт и ныне духовным образом то же делать, что делали апостолы видимым образом. Так, когда священники при заклинании нечистых духов возлагают руки на верующих, то они благодатию Христовою, подобно апостолам, изгоняют бесов; равным образом, когда верующий, оставляя мирские разговоры, беседует о духовном, говорит о таинствах Церкви, воспекает хвалебные песни во славу Творца, то что иное он делает, как не новыми языки глаголет? Кто благими своими советами искореняет в сердце брата своего злобу, тот змия возьмлет, кто, слыша худые советы, не следует им, тот хотя и смертное испивает, но оно не вредит ему, кто всеми мерами содействует еще не утвержденному в благочестивой жизни ближнему своему и примером своей добродетельной жизни утверждает его в благочестии, тот как бы на недужные возлагает руки, да здравы будут. Польза, какая происходит от таких духовных чудес, так же важна; и эти чудеса еще спасительнее, потому что врачуют не тела, а души.

О явлении Иисуса Христа апостолу Фоме

(Ин. 20:26–29)

Св. Кирилл Александрийский. Из Толкований на Евангелие Иоанна (сокращенно)

И по днех осмих паки бяху внутрь ученицы Его, и Фома с ними: прииде Иисус дверем затворенным и ста посреде их, и рече: мир вам. Потом глагола Фоме: принеси перст твой семо и виждь руце мои: и принеси руку твою, и вложи в ребра Моя: и не буди неверен, но верен (Ин. 20:26–27).

Паки чудесно при заключенных дверях является ученикам; и теперь, в присутствии Фомы, так же, как в его отсутствие, становится посреди храмины, чтобы уврачевать маловерие ученика, и обычное произносит слово, подавая им благо мира. Приметь здесь, что евангелист не просто поведал происшествие, но с намерением прибавил: *по днех осмих*, и то, что собраны были все в одном месте. Сей осьмой день не другой может быть, как воскресный; ибо *во едину от суббот*, то есть в день воскресный Господь явился прочим, а потом, со включением в счет сего дня, в день осьмый собранные ученики вместе с Фомою опять подобно видят Господа. Справедливо убо в осьмый день бывают собрания в церквах, где, при дверях затворенных, видимо и вместе невидимо является Христос всем, – невидимо как Бог, а видимо в теле, ибо предлагает нам для осязания Плоть Свою, да твердо веруем тому, что Он истинно воздвиг Свой храм. А что общение таинственного благословения есть некоторое исповедание воскресения Христова, это доказывается словами Самого Христа. Разделяя преломленный хлеб, Он говорил: *Сие есть тело Мое, еже за вы ломимое, во оставление грехов: сие творите в Мое воспоминание*. Следовательно, причастие таинства точно есть некое исповедание и воспоминание того, что для нас и за нас Господь умер и воскрес, и исполняет нас за то Божественным благословением. Убоимся же неверности, осязав Христа, но явимся твердыми и постоянными, чуждыми всякого сомнения.

При сем внимательные пусть припомнят Магдалину, которой возбранено было прикасаться Христу: *Не прикасайся Мне*, сказано ей, *не убо взыдох ко Отцу*. Не так Фома: ему позволяется и осязать ребра, и язвы от гвоздей испытать перстом. Почему так? Первой не позволено касаться, как еще не освященной благодатию Духа, потому что до вознесения Господня на небо не нисходил на всех Дух, а Фома позволялось, так как он вместе с другими апостолами получил Духа. Ибо хотя он отсутствовал, но и на него простерлась щедрота Дающего.

Еще достойным рассуждения мне кажется следующее: Фома осязал бок Спасителя, внимательно испытал рану от воинского копья, тщательно осмотрел гвоздинные язвы. Как же, скажут, в теле нетленном являлись знаки разрушения? Ибо язвы на руках и ногах и прободение железа суть знаки повреждения тела, а тело Христово, преобразованное в нетление, долженствовало отложить вместе с повреждением и все, что относится к повреждению. Ужели хромой и в другой жизни будет хромать? Или кривые с одним оком воскреснут? И как освободимся посему от тления, когда происходящие от него болезни останутся в телах наших? На этот вопрос мы скажем следующее: после воскресения не будет в людях никаких остатков повреждения, никаких признаков, предшествующих ему или за ним следующих, но посеянное в немощи восстанет в силе, как говорит Павел, и посеянное не в честь восстанет в славе (1Кор. 15:43). Что же другое значит восстать в силе и славе, как не то, что всякая немощь, всякое бесчестие повреждения будут удалены, и род человеческий возвратится к истинному нетлению? Но как Фома требовал того для своей уверенности, то Господь наш Иисус Христос, чтобы не подать нам никакого повода к маловерию, так и является, как Фома требовал. Сие для того, дабы мы правильно разумели таинство воскресения, то есть веровали бы, что воскресло не другое тело, а то самое, которое умерло на кресте.

И отвеща Фома и рече Ему: Господь мой и Бог мой (Ин. 20:28). Так скор и ревностен был к исповеданию, кто прежде казался медлительным! Когда Господь показал язвы от гвоздей

и самый бок Свой, дух Фомы тотчас, освободясь от всякого недоумения, утверждает. Но скажет кто-либо: почему столь подробными знаками ум учеников приводится к вере? Не достаточно ли было познания Христа – видеть возраст тела и черты лица Его? Но это было бы еще сомнительно. Ибо могли они подумать, что некий дух принял образ Спасителя, и к этой мысли легко привело бы их самое прохождение чрез заключенные двери, потому что земное тело по своей природе требует соразмерного себе входа. Итак, необходимо было, чтобы Господь наш Иисус Христос обнажил бок Свой и раны и показал кровавые знаки плоти, дабы утвердить учеников. Когда же удален всякий повод к сомнению, Фома справедливо воскликнул: *Господь мой и Бог мой!* Ибо кто Господь всех по естеству, Тот, по необходимости, есть Бог истинный, и обратно: кто Бог по естеству, Тот необходимо и господствует над всеми. То и другое говорится с членом (то есть такую частицу на греческом, которая означает определенность, особенность), дабы всякий понял, что Он называется Господом и Богом не по подобию ангелов, а в собственном смысле. Фома называет Его собственно как Сына Бога истинного Самим Господом и Богом; а что еще более, Сам Спаситель, слыша сие от ученика, не порицает того, не отвергает, а похваляет то и приемлет, даже повелевает прочим так проповедовать: *Шедше, говорит, научите вся языки* (Мф. 28:19). Слышав сие, Фома вместе с другими, что иное мог говорить, как не то, чему веровал сам? Из чего видно, что и от нас желает Господь такого же исповедания, какое произнес Фома. Ибо Он по естеству Господь и Бог и после того, как принял человечество. Примечай также и то, что ученик, осязавший руки и ноги и ребра, исповедал Его, не разделяя Еммануила на двух сынов. Ибо един Господь Иисус Христос, по Писанию.

Глагола ему Иисус: яко видев Мя веровал еси: блажени не видевшии и веровавшие. Слова Спасителя исполнены великого провидения и величайшую приносят нам пользу. Для большого уверения показав ученикам Свой прободенный бок и язвы от гвоздей, приняв и пищу, хотя не имел в том нужды, дабы не оставить никакого повода к неверию, Он печется и о нас. Ибо

знал, что будут такие, кои не станут признавать воскресения мертвых и скажут: и мы желаем видеть и осязать так же, как Фома, присвояя себе это право по подражанию ученику Спасителя. Сие-то падение предотвращает Христос, когда говорит: *Блажени не видевшии и веровавшие*. И справедливо: ибо для видящего нет никакого повода к сомнению; но кто верует тому, чего не видит, а слышит о том от учителей, тот отлично почитает того, в кого верует. Блаженны убо все, кои веровали посредством проповеди апостолов очевидных свидетелей и служителей Слова. Им должны мы верить, если желаем получить жизнь вечную и жить и в селениях небесных.

Взгляд Церкви на неверие апостола Фомы

(в богослужебных песнях)
«Воскресное чтение», 1817

1. В чем состояло неверие апостола:

а) в неверовании свидетельству соучеников о явлении им Господа. *Глаголаше (апостолам): не иму веры, аще не увижду и аз Владыки (стих. веч.) Аще не узрю, не верую словесем вашим (седал.);*

б) в неверовании самому воскресению.

Не верова Твоему воскресению и видевшим Тя вопияше: аще не вложу перста в ребра Его и гвоздей язвы, не верую, яко востал еси (Стихир., хвал.);

2. Что было в основании сего неверия:

а) сильное желание узреть Господа.

Вожделевый Твое радостное видение, прежде не вероваше Фома (Кан., п. 8);

б) желание совершенной уверенности для себя и для всех.

Не всуе усумневся Фома о востании Твоем, не низложися, но несумнительное тщаешься показати сие, Христе, всем языком (п. 7). Не вероваше реченным ему, от неверия в веру извествующа (ст. веч.);

3. Что произвело благотворную перемену в душе апостола:

а) благодатное явление Самого Воскресшего.

Неверующему ученику руке показал еси и пречистое ребро: он же веровав вопияше Тебе: Господь мой и Бог мой, слава Тебе! (стих. вечер.) Веровав Фома зрением руку и ребр Твоих, Господа и Бога Тя исповеда (там же);

б) в особенности живоносная сила язв Господних.

Со страхом руку Фома в ребра Твоя живоносная, Христе, вложив, трепетен ощути действо, Спасе, сугубое, двема естествами, в Тебе соединяемыми неслиянно, и верую взываше глаголя: Ты еси Господь... (п. 7.) Ощущая рукою Твое сугубое существо, со страхом вопияше верно, верую влеком: Господь мой и Бог мой, слава Тебе! (стих. на Лит.).

4. Что последовало за сею переменою в апостоле:

а) явление вместо неверия твердой веры.

Вложив Фома руку в огненные ребра Иисуса Христа Бога, не опалился осязанием: души бо зловерство преложи на благоверие (стихов. утр.);

б) высокое исповедание и ревность возвещать всем истину.

Ребро Твое Божественное радуясь Фома осязав, Господа и Зиждителя Тя прослави (сред. стих. вечер.). Возопи, егда виде Тя, Всесильне: Ты еси Бог мой и Господь... кланяюсь Твоей державе и миру возвещаю страшное Твое и всесильное восстание (Понед. веч. стих.). О, преславного чудесе! Иоанн на перси возлеже, Фома же ребра осязати сподобися. Но ов убо отонуду страшно Богословия глубокое извлече смотрение: ов же сподобися тайно научити нас: представляет бо показание ясно восстания Его (стих.).

5. Какие благотворные действия перемены в апостоле для мира и Церкви:

а) большее утверждение веры в Воскресшего.

О, доброе неверие Фомино! верных сердца в познание приведи (стих. веч.). О, преславного чудесе! неверие веру известную роди (стиховн.). Неверною верою облагодетельствовавший нас Фома близнец, решит убо мрачное неведение всех концов, верным неверствием (п. 7). Радуетися испытает: темже, Человеколюбче, на сие повелеваеши Фоме, простирая неверующему ребра, миру уверяя Твое, Христе, тридневное восстание (п. 4);

б) открытие высоких истин богословия.

Богатство почерп от сокровища некрадомого Божественного, копием прободенна Твоего ребра, премудрости и разума исполняет мир близнец (п. 4). Твое сокровище, утаенное нам, отверзе Фома: богословив бо языком Богоносным, пойте Господа, глаголаше, и превозносите Его во вся веки (п. 8).

Блажени невидевшии и веровавшие

(Ин. 20:29)

«Воскресное чтение», 1801

Кроме тех, которые не видят и не веруют (людей в состоянии младенческом), есть три рода людей по отношению к христианству: одни видят и не веруют, другие видят и веруют, третьи не видят и веруют. По слову Спасителя, блаженнее всех *невидевшии и веровавшии*. Следовательно, не столь блаженны те, которые видя веровали, а окаянны те, которые и видят, и не веруют.

Апостолы, к которым относится замечание Спасителя, были из числа видевших и веровавших. Те, которые после приняли веру от апостолов, суть невидевшие. Итак, ужели они блаженнее апостолов? Так! По вере они блаженнее; и если бы кто из них мог столько же и с такою же ревностью потрудиться для Христа, как апостолы, то такой получил бы и высшую награду по всему. Сами апостолы усвояли другим христианам высокое блаженство именно потому, что они, веровавшие, были невидевшие. *Егоже не видевше*, говорит апостол Петр, *любите, и на Негоже ныне не зряще, верующе же, радуетесь радостию неизглаголанною и прославленною* (1Пет. 1:8).

Кто же те, которые и видят и не веруют? Фарисеи и книжники, упорно противившиеся евангельской истине, были точно такие: *И видеша*, говорит Господь, *и возненавидеша Мене и Отца Моего* (Ин. 16:24). Но возможно ли это? Как возможно смотреть на солнце и не чувствовать ни света, ни теплоты его? Люцифер еще более видел и знал Бога; но и он мог возненавидеть Его. Вот что производит самолюбие и гордость! Не близки ли к такому погибельному состоянию и те из называющих себя христианами, которые и при свете Евангелия, и при свете разума, часто просвещенного, образованного, не хотят веровать тому, чему верят души простые? Несчастные, они думают посредством неверия возвысить себя пред другими! А на самом деле как это много унижает их!

Таинственное изъяснение евангельского сказания о чудесной ловле рыб

(Ин. 21:6)

Блж. Августин. Тракта́т 122-й на Евангелие от Иоанна

Вверзите мрежу одесную страну корабля, и обрящете. Ввергоша же, и ктому не можаху привлещи ея от множества рыб (Ин. 21:6). Здесь Господь означает, какова будет Церковь в конце века, так же как при другой ловле (Лк. 5) означал, какова Церковь ныне. Первое чудо сотворил Он в начале Своей проповеди, а это после Своего воскресения, показуя тем, что первая ловля рыб означает добрых и злых, каких ныне имеет Церковь, а эта – только добрых, каких будет иметь вечно, когда в конце сего века исполнится воскресение мертвых. Там Христос, когда повелевал ловлю рыб, не стоял на берегу, как здесь, а взошел на один корабль, который принадлежал Симону, просил его (Симона) отступить мало от земли и, сидя на корабле, учил народ; когда же престал говорить, сказал Симону: *Поступи во глубину, и вверзите мрежи ваша в ловитву.* Притом все пойманные рыбы там были в кораблях, а здесь мрежа извлечена на землю. Сими и другими, какие можно здесь найти, признаками изображена Церковь – в первом случае какова она в настоящем веке, а в другом – какова в конце века, потому первое чудо совершено прежде, а второе после воскресения Господня; там Христос изобразил нас званых, а здесь воскресших. Там сети опускаются не по одну правую сторону, чтобы не означили одних добрых, ни по одну левую, чтобы не означили одних злых, а безразлично: *Вверзите, говорит, мрежи ваша в ловитву,* дабы мы разумели вообще – и добрых и злых; но здесь говорит: *Вверзите мрежу одесную страну корабля,* дабы означить тех, кои стоят одесную, то есть добрых. Там сеть для означения расколов проторгалась; а здесь, так как по воскресении в совершенном мире святых никаких расколов не будет, прилично было сказать евангелисту: *И толико сущим, не проторжеся мрежа,* так как бы он имел в виду первое проторжение, и, по сравнению с тем злом, одобрял

нам сие благо. Там поймано такое множество рыб, что наполненные ими два корабля погружались, то есть склонялись к погружению: они хотя не погрузились, но бедствовали. Подобно сему, не оттого ли происходят в Церкви толикия бедствия, нами оплакиваемые, что нельзя воспрепятствовать такому множеству людей, кои со своими нравами, совершенно удаленными от пути святых, входят к нам, угрожая потоплением (церковному) благочинию? Но здесь ввергли сеть по правую сторону, *и ктому не можаху привлеци ея от множества рыб.* Что значит – *ктому не можаху привлеци ея*, как не то, что принадлежащие к воскресению живота, то есть, к десной стране, и внутрь мрежи христианского имени скончавающиеся, явятся только на берегу, то есть в конце века – по Воскресении? По сей причине не могли привлечь сети, чтобы преложить в корабль пойманных рыб, подобно тому как поступили с теми рыбами, коими проторжена мрежа и корабли были отягчены. Церковь имеет оных десных, по скончании сей жизни, во сне мира, как бы сокрытых во глубине – дотолѣ, пока мрежа, коею влечется, достигнет берега.

Восстановление Петра в чине апостольства

(Ин. 21:15–19)

Свящ. М. Трухманов. «Симон Петр, апостол Господа»

По явлении Своим ученикам на берегу Галилейского моря Господь предложил им обед, который Сам приготовил для них. По окончании этой счастливой трапезы Он обращается к Симону Петру с вопросом: «Симон Ионин! Любишь ли ты Меня больше, нежели они?» Здесь невольно обращает на себя внимание выражение «Симон Ионин», которое было употреблено три раза. Господь называет апостола прежним его именем: Симоном Иониным, между тем Сам же ему дал новое имя Петра и при этом обещание: «на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». Конечно, это имеет свое основание. Называя апостола Симоном, Господь хочет напомнить ему, что он еще не камень, но человек и сын человека, и побудить его еще раз подумать о самом себе, еще раз посмотреть на свою человеческую слабость, прежде нежели он совершенно последует за Господом. Чрез отречение свое Симон Петр показал себя недостойным нового имени. Ветхий человек брал еще над ним верх, влиял еще на его мысль и дело, потому и должен он был назваться своим старым именем. Преосвященный Игнатий так объясняет выражение Господне «Симон Ионин»: «Господь как бы говорит Петру: Симон Ионин, Симон Ионин! Я наименовал тебя некогда Петром, *каменем*, и ты не был, как должно, тверд, оттого именно, что, получив свое имя по благодати Моей, ты мог быть действительно с ним тогда только, когда бы пребыл во благодати сей, но ты положился на собственные силы природы своей, и от того стал опять не Петром, *каменем*, а тем, чем был ты по рождению, обыкновенным слабым человеком. Не говорил ли Я пред самым разлучением с тобою, когда шли все мы в вертоград Гефсиманскнй, что *якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на* (виноградной) *лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете* (Ин. 15:1–27)? Не ясно ли говорил Я вам тогда, указывая на виноград, мимо которого шли мы, что без

Мене не можете творити нічого, що ще хто во Мене не перебуває, извержеться вон, якоже розга, и изсхне?

Для сего-то и дал Я вам пред тем и оставил навсегда, под видом крови гроздовой, собственную Мою Кровь. Пребудешь ли, Петр, по крайней мере далее, *во Мене*, чтобы и Мне быть в тебе *едино с тобою*?

Господь спрашивает Петра три раза: «Симон Ионин! Любишь ли ты Меня?» Эти три вопроса – напоминания о троекратном отречении Петра. Господь как бы говорил: ты три раза отрекся от Меня; теперь очисти свою вину троекратным признанием, что любишь Меня больше, чем кто бы то ни было.

В первый раз Господь спрашивает Петра: «Симон Ионин! Любишь ли ты Меня (ἀγαπᾷς Με) больше нежели они (πλεῖον τούτων, то есть прочие апостолы)? Очевидно, такое сравнение приводит на память Петру его заносчивость, когда он некогда высказал с такою уверенностью среди братьев: «Если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь». Здесь заключалось утверждение: «Я люблю Тебя больше, чем все прочие, я не способен соблазниться о Тебе». И при всем том он отрекся от Него, и отрекся с клятвою и божбою. Но Петр не прежний уже. Он не утверждает сравнения в вопросе Иисуса; он не полагается теперь на свою силу и свое суждение; он не говорит: да, Господи, я люблю Тебя больше, нежели все мои соученики; он не говорит: я знаю, что люблю Тебя. Теперь мы видим гордость его сокрушенною, горячность его укрощенною: он уже не смеет больше возвышать себя над другими. Те покаянные слезы, которые он пролил в ту тяжкую ночь, сделали его глаза ясными и светлыми. Теперь он совершенно покоряется своему Учителю и Господу, ссылается на суждение Самого Сердцеведа, – со смирением отвечает «Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя (φιλῶ Σε)», но «больше, нежели они», – оставляет без ответа, не сравнивает своей любви к Господу с любовью прочих учеников, исповедует свою любовь безотносительно к любви соучеников, чего не сделал бы за несколько недель до этого. Притом вместо глагола ἀγαπᾷν, употребленного в вопросе Господа и означающего совершенную, глубокую, вечную любовь, Петр употребляет

глагол φιλεῖν, выражающий просто личную привязанность, дружескую преданность. Нужно при этом заметить, что в вопросе Господа не заключается того, будто Он не знал о состоянии внутренней жизни апостола, будто Ему неизвестна была степень любви, которую питал к Нему Петр.

Господь спрашивает Петра во второй раз: «Симон Ионин! Любишь ли ты Меня?» – но не употребляет уже «больше, нежели они» – уже без высказанного прежде упрека, видя из первого ответа глубокое смирение Петра, по которому он не дерзает сравнивать свою любовь к Господу с любовью прочих учеников. Петр не понимал цели, с какою повторен был вопрос, и повторил ответ в тех же самых выражениях.

Господь обращается к Петру в третий раз с вопросом: «Симон Ионин! Любишь ли ты Меня (φνλεῖς Με)?» Тяжело пали эти слова на сердце апостола, и, как замечает евангелист, «Петр опечалился». Больно ему стало, что Господь тот же вопрос повторяет в третий раз, как будто Он сомневается в сердечном расположении его к Нему, в его φιλεῖν, как замечает Мейер. Но со стыдом и печалью чувствует он, что его Божественный Друг имеет право и причину спрашивать его трижды: он вспомнил свой грех, когда трижды отрекся от Него, несмотря на свою прежнюю самонадеянность, на настойчивое уверение, что не оставит своего Учителя, хотя бы довелось ему за Него и в темницу, и на смерть идти. Со стыдом и печалью чувствует он, как в роковую ночь он показал себя в борьбе с искушением не твердым, как камень, человеком, не *Петром*, но слабым *Симоном*. При этом могла озаботить и опечалить его мысль, не провидит ли его Господь нового искушения, не менее, как прежде, опасного для его любви? Не предвещает ли ему Он нового отречения от Него? Когда спрошен был Петр в третий раз, то смутился, говорит св. Иоанн Златоуст, убоявшись, чтобы опять не случилось того же, что было прежде; потому что и тогда он говорил с уверенностью, но последствия опровергли его. Но вместе с тем Петр сознает, что он верно и искренно любит Господа, верит в эту любовь к Нему, и потому с особенною силою и как бы с усилием исповедует эту свою любовь к Нему, ссылаясь на Его всеведение: «Господи! Ты все

знаешь; Ты знаешь, как тяжело и глубоко я пал; но также Ты знаешь, что я люблю Тебя». Как в третий раз он с клятвой и божбою отрекся от Христа, так в третий раз с особенною силою исповедует свою любовь к Нему.

Господь отвечает Симону Петру на исповедание его любви непосредственно вслед за каждым ответом его на Свой вопрос: «Паси агнцев Моих, паси овец Моих». И этими словами Господь торжественно восстанавливает падшего ученика в чине апостольства. «Примечательны обстоятельства этой беседы Господа с Петром, – говорит епископ Михаил. – С одной стороны, чудная ловитва рыбы, напоминающая ту, после которой Петр призван был к апостольскому служению (Лк. 5и дал.), с другой – разведенный огонь, напоминающий тот, около которого он отрекся от Господа во дворе Каиафы. Трижды Петр отрекся, трижды спрашивает Господь Петра о любви к Себе, трижды слышит его исповедание, трижды поручает ему пасти овец духовного стада. Все это показывает, что эта беседа Господа с Петром имеет прямое отношение к отречению Петра от Господа, и можно полагать, что она имеет целью торжественное восстановление падшего Петра в чине апостольства. «Троекратным вопрошением и исповеданием врачует троекратное отречение и словами исправляет падение, бывшее на словах» (блж. Феофилакт).

«Паси агнцев Моих, паси овец Моих» – этими словами Господь показывает Петру, что цель его будущего апостольского служения не *ловитва* только *человеков*, но что он должен быть также *верным пастырем* приобретенных чрез это его служение членов духовного Царства Его. Теперь настало время вызвать в памяти его слова Спасителя: «Ты, некогда обратившись, утверди братьев твоих» (Лк. 22:32). Поэтому – неоднократное, настоятельное требование Воскресшего: «Паси агнцев Моих, паси овец Моих». Мало того, хочет Господь сказать Петру, что ты евангельскою проповедью обращаешь к вере в Меня людей, что они составляют собственность Мою, что они веруют во имя Мое и делаются членами Моего Царства, кроме этого, ты должен со всею верностью вести, руководить, *питать* и укреплять этих юных, нежных, слабых членов Моего Царства,

иметь о них заботливый уход, как о новорожденных агнцах, и действовать до того, чтобы они всегда принадлежали Мне, пребывали в общении со Мною и были достойными членами Моего Царства. Мало того, что ты собираешь Мне стадо, ты должен также оберегать и стеречь это стадо и *паст*и его со всяким тщанием, как пасет пастух своих овец. К этому Я торжественно призываю тебя, это апостольство, эта пастырская должность – отныне твое призвание... Ясно, что в настоящем случае Господь повторил Петру то, что Он прежде сказал ему: «Ты Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою» (Мф. 16:18). Теперь же Господь вручил Петру «дело созидания Тела Своего», Церкви (Еф. 4:12). Там сказано: *создам*; здесь *питай, паси*. Там обещано, предназначено; здесь поручено. И ученик не забыл, что ему в этот час повелел его Господь и Учитель. Он верно пас агнцев и овец своего Спасителя. Даже пред своею смертью он заботился о том, чтобы и другие пастыри были послушны этому повелению и поручению их Пастыреначальника и совершали это дело. Поэтому в своем первом послании он увещает пастырей: «Пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно (и Богоугодно), не для гнусной корысти, но из усердия; и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду; и когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы» (5:2–4).

Но апостольская деятельность Петра, пастырство его требуют любви к Пастыреначальнику как необходимого условия для успешного и плодотворного прохождения сего служения. И Господь требует этой любви от Петра.

Показав цель, благословение и условие апостольской деятельности Петра, Господь открывает ему и конец ее: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь». Как бы так говорит Господь Петру: «До сих пор ты, Петр, был своенравным и самовольным, сам опоясывался и ходил, куда хотел. С юношеским восторгом ты хотел построить кущи на горе Моего Преображения, потому что тебе нравилось

это. С юношескою самонадеянностью и самоуверенностью ты хотел идти на смерть за Меня. Недавно с юношескою быстротою ты опоясался одеждою и бросился с лодки в море, чтобы поспешить ко Мне, не дожидаясь Моего зова. Вообще до сих пор ты располагал сам собою самостоятельно, свободно во всех случаях твоей жизни. Но придет время, в старости твоей этого уже не будет с тобою: ты должен дойти и дойдешь до того, когда другие возьмут насильно, обнажат и опояшут тебя, а ты потянешь руки твои и принужден будешь идти нежелательным для твоей естественной воли и плоти, при всей бодрости духа и любви, тяжким путем насильственного исхода». Конечно, Петр понял символическую форму речи своего Господа, представил себе мысленно трудный путь последующей апостольской деятельности и полный образ крестной смерти, как конец этой деятельности. Что на это указал Господь, показывает нам евангелист Иоанн, который ясно прибавляет в объяснение иносказательной речи Иисуса: «Сказал же сие, давая разуметь [1]

Последняя беседа Петра с Господом

(Ин. 21:20–33)

Свящ. М. Трухманов. «Симон Петр, апостол Господа»

Высказав пророчество о мученичестве Симона Петра, Господь обращается в Своему ученику с требованием: «Иди за Мною». Просто, ясно и определенно это требование, которым повторяется только то, что до сих пор не раз уже Господь требовал от него и на что не раз уже с полным усердием он решался. Еще после первой чудесной ловли на озере Геннисаретском, когда ученики получили сильнейшее впечатление от Божественного могущества и величия Спасителя, они и особенно Петр оказались готовыми оставить все и последовать за Ним. К этому же последованию Он снова приглашает помилованного апостола; и последний прежде уже с большою радостью присоединился к Господу и в обращении и общении с Ним нашел высочайшее счастье своей жизни, в союзе с Ним чувствовал себя блаженным, испытал невыразимую любовь и величие Иисуса. Потому мало стоило ему труда по Его зову пожертвовать всем, оставить все и последовать за Ним. Но нынешнее последование было выше, чем простое присоединение к Воскресшему, чем простое внешнее общение с Ним. Без сомнения, оно прежде всего состояло в том, что Он сопровождал прославленного Спасителя, пока Он пребывал еще на земле в кругу учеников; но мы знаем, как скоро Он лишил их Своего видимого присутствия, чтобы возвратиться к Отцу, от Которого Он исшел и явился в мир, дабы снять с нас проклятие греха. Посему последование, к которому Он призывал Петра, должны мы понимать преимущественно как *внутреннее*, которое проявлялось бы у ученика в неотступном стремлении уподобляться своему Божественному Наставнику и Господу в мысли, желании и действии.

Слова Господа «Иди за Мною» стоят здесь в тесной связи с предыдущим. Эта связь указывает нам, очевидно, на последование Петра за Господом в страдании и мученической

смерти. Воскресший только что открыл Своему ученику, «какою смертью Он прославит Бога», открыл ему будущую судьбу его жизни и непосредственно за этим говорит ему: «Иди за Мною». Ясно отсюда, что жизнь Петра будет подобна жизни Самого Господа, что она пройдет путем борьбы, страдания и мученической смерти. Этим путем шел Спаситель, и этим же путем пойдет за Ним и ученик. Что у него не будет недостатка в мужестве, терпении и смелости, об этом частью уже позаботился Господь посредством опытов, которые имел случай сделать Петр в Его обществе, частью позаботился еще позднее чрез послание Святого Духа, Который должен быть ему, равно и всем прочим ученикам, могущественнейшим Утешителем и Помощником на свидетельском пути, проложить который они были призваны. История показывает нам также, с какою преданностью, с какою самоотверженной любовью, с какою смелою верою, с каким постоянным мужеством следовал Петр за воскресшим Господом в страдании и смерти, как он терпелив был в страдании, к которому он был призван (1Пет. 2:20–21), и как он оставался непоколебимым даже в виду смерти, которою он должен был прославить Господа.

Апостол Петр услышал и принял это требование, тотчас же готов был идти за своим Господом и Учителем, как и куда бы Он ни повел его. Он был уже не *Симон*, а *Петр*, сердце его стало твердо, как скала; он готов на смерть, чтобы только повиноваться голосу, который сказал ему: «Иди за Мною». Господь пошел из Галилеи, Петр шел за Ним, всецело исполненный мысли о своей мученической смерти. Оглянувшись назад, он увидел Иоанна, всегдашнего своего товарища и любимого Иисусом ученика, который тихо следовал за ними. Указывая на него, он спросил: «Господи! А он что?»

Почему Петр предлагает своему Господу и Учителю такой вопрос? Этот вопрос можно решать различно, как и делается это толкователями. Можно сказать, что это было излишнее и необдуманное любопытство, побудившее Петра к этому вопросу. Не довольно ему было знать, к чему он призван, какая определена была ему судьба, он хотел бы также получить достоверное известие о будущей судьбе жизни и своего

соученика, тяжелее или легче будет Иоанну в жизни, чем ему. Это, конечно, излишнее любопытство. Можно далее сказать, что, может быть, в основании вопроса Петра заключалась не совсем-то чистая мысль: это было движение зависти. Он только что узнал, что ему предстоит тяжелый и трудный путь в служении Господу, что он окончит свою жизнь в борьбе и страдании, что этот путь, может быть, будет наказанием за грех отречения, которому он подпал. Между тем Иоанну ничего подобного не было возведено, и отсюда он заключал, что на долю этого ученика падет легкий и приятный жребий, что, следовательно, он некоторым образом предпочтен ему. Поэтому он желал бы знать, тяжелее или легче, чем ему, будет Иоанну в его апостольской деятельности и жизни. Может быть, в том вопросе Петра к Господу относительно Иоанна сказала у него минутная гордость, высокомерие. К нему только Господь обратился: «Иди за Мною», а к Иоанну такое определенное требование не относилось. Как легко могла возникнуть в сердце склонного к тщеславию и надменности ученика мысль: ты избранный; тебя, тебя преимущественно хочет привлечь к себе Господь; ты будешь Его доверенным преимущественно пред всеми другими. В этом случае вопрос его: «Господи! А он что?» был бы как бы требованием к Господу отослать назад Иоанна, запретить ему идти вместе с ними. Можно дать, наконец, и еще одно объяснение вопросу Петра, которое можно вывести из приложения слов об ученике, шедшем вслед: «Петр же, обратясь, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонясь к груди Его, сказал: Господи, кто предаст Тебя?» Почему Иоанн делает еще это приложение, которое, казалось бы, вовсе не относится сюда? Почему он упоминает о том вопросе на вечери: «Господи! Кто предаст Тебя?» Ответ: потому что этот вопрос сделан был тогда по желанно и знаку Петра. Петр и Иоанн были искренние и верные друзья; во всем Евангелии и в Деяниях Апостольских обнаруживается их взаимная любовь. Здесь мы можем также искать основания для вопроса Петра: он очень любил Иоанна, и сердечная дружба, сострадательная любовь к своему соученику внушила Петру тот вопрос. Ему стало жаль, что этот ученик не

получил от Иисуса никакого слова, никакого обещания. Он охотно желал бы доставить и ему такое слово и такое обещание. Ему, Петру, высказана вся судьба до конца, и столь решительно и столь ясно, а о любимом его друге ничего. Посему естественно, что при виде Иоанна он желал бы соединить с полною уже известностью собственной участи, считавшейся, может быть, им величайшею милостию Божией для себя и величайшей славой своей, соединить известность участи и его друга, и как Иоанн на вечери спрашивал за *Петра*: «Господи! Кто предаст Тебя?» так и Петр взамен этого, может быть, по знаку также Иоанна, когда первый взглянул назад, спросил за него: «Господи! А он что?» поскольку Христос предсказал Петру величие, вручил ему вселенную, предвозвестил мученичество и засвидетельствовал, что его любовь больше любви других учеников; то Петр, желая иметь общником и Иоанна, говорит: *Сей же что?* Не пойдет ли и он одним с нами путем? Как прежде, не дерзая сам спросить Господа, поручил это Иоанну, так теперь, платя ему тем же и думая, что он хотел бы спросить о себе, но не смеет, сам берет на себя предложить о нем вопрос.

Как бы мы ни рассматривали дело, выводим ли вопрос Петра из любопытства, или из движения зависти, или из гордости, или, наконец, из любви к Иоанну, во всяком случае не можем не признать, что Петр, предлагая тот вопрос Господу, не имел на это права; что вопрос его был бесполезен и бесцелен. К чему он заботился об Иоанне, когда ему уяснилось назначение его! Он должен был следовать за Иисусом и это только иметь в виду; он не должен был смотреть ни направо, ни налево, но только думать о Господе и в своем следовании за Ним ничему не позволять останавливать себя. На это указал ему Господь в Своем ответе на его вопрос: «Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? Ты иди за Мною». Этими словами Господь как бы так хочет наставить Петра: «Я иду из Галилеи; ты идешь за Мною; и ты заботишься о друге нашем Иоанне, что он остается. Какое тебе дело до судьбы других Моих учеников? Помни свою и никогда не теряй ее из виду; не думай ни о чем ином, как о том, что ты идешь за Мною

и непоколебимо пребываешь в общении со Мною; заботься только об одном – всегда быть послушным Мне и следовать за Мною, *ты по Мне гряди*. А об Иоанне предоставь заботу Мне, поскольку и он, как ты, Мой ученик. Я его люблю и не забуду. Путь его в Моей власти и предопределен Мною. Я поведу его в жизни его, может быть, и не таким путем, как тебя. Иоанн, может быть, пребудет, пока Я приду: коротко ли, долго ли это продолжится, это тебя не касается. По духу евангельской покорности судьбам, никогда в жизни не следует тебе входить в то, что скрыто в судьбах и тебя не касается. *Ты по Мне гряди* по пути страданий и смерти Моей». Св. Иоанн Златоуст говорит: «Христос говорит Петру: тебе поручено дело; заботься о нем, совершай его, терпи и подвизайся. Что тебе, если Я хочу, чтобы Иоанн здесь пребывал? Ты смотри за своим делом и о нем заботься». Таким образом, Своими словами Господь показывает Петру, что он не имеет права и цели спрашивать о судьбе Иоанна. Эти несколько темные слова Господа ввели первоначальную Церковь в недоразумение, что Иоанн не должен умереть до второго пришествия. Христа, и служили с самого начала предметом различных сказаний и толкований. Мы ограничимся показанием простейшего их смысла. Если именно обращенное к Петру требование Господа «Иди за Мною» относилось к особенному назначению ученика следовать за Спасителем путем борьбы и страданий, который должен кончиться крестом, мученической его смертью на кресте, то слова Господа «Я хочу, чтобы Иоанн пребыл», очевидно, означают противное и относятся к тихому и спокойному образу жизни этого ученика. Ему не было определено идти в жизни таким трудным путем, как Петру. Деятельность его в служении Спасителю меньше будет полна борьбы и опасности, и он прославит Бога не мученической смертью, но в спокойном терпении будет ждать той минуты, когда, Господь *придет* отозвать его к Себе от земных трудов его посредством обыкновенной естественной, не мученической кончины. Что Иоанн не умрет, на это нет ни малейшего указания в словах Господа, как и сам евангелист говорит: «Иисус не сказал ему, что не умрет». Они показывают только, что в

противоположность трудной, богатой испытаниями жизни Петра, Иоанн будет идти в жизни спокойным, тихим путем. Пылкий, огненный, решительный и нередко надменный Петр должен проходить терновый путь, должен получить венец славы в жестокой борьбе среди бедствий и страданий. Напротив, Иоанн хотя и вступает в тесные врата и узкий путь (Мф. 7:14), но его жизнь останется пощаженною тяжкою борьбою и сильными потрясениями; тише и спокойнее, чем у Петра и Павла, протечет его жизнь, пока он не перейдет в вечность посредством тихой и спокойной смерти.

О явлении Иисуса Христа на горе Галилейской

(Мф. 28:16–20)

Св. Иоанн Златоуст. Из 11-й Беседы на евангелиста Матфея *Единиинадешате ученицы идоша в Галилею: и видевшие Его, поклонишася Ему, ови же усомнешася (Мф. 28:16–17)*. Это, мне кажется, было то последнее явление Иисуса Христа в Галилее, когда Он послал их с повелением крестить. Если же некоторые усомнились, то и в сем случае подивись их любви к истине, что они не скрывали своих погрешностей даже в последние дни с ними случившихся. Итак, что Он сказал, явившись им? *Дадеса Ми всяка власть на небеси и на земли*. Опять говорит с ними по-человечески, поскольку они не прияли еще Духа Святого, Который бы соделал их возвышеннее. *Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам*. Здесь Он говорит об учении и заповедях, но ничего не упоминает об иудеях, молчит о прежних происшествиях, не укоряет Петра за его отвержение и никого из прочих за бегство, а только повелевает возвестить по всей вселенной учение, которое им вручил вместе с заповедию о крещении. Но поскольку им заповедал дело великое, то, одобряя их сердца, сказал: *Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века*. Не видишь ли опять силы Его? И не видишь ли притом, с каким снисхождением Он говорит это? Не с ними только будет находиться, говорит Он, но и со всеми теми, которые после них будут веровать. Ибо апостолы не могли пребыть *до скончания века*, но Он говорит ко всем верным, как бы к одному телу. Не говорите Мне, сказал Он, о препятствиях со стороны обстоятельств: Я с вами, Я разрушающий все препятствия. Это и в Ветхом Завете говорил Он часто пророкам: Иеремии, когда тот указывал на юность свою; Моисею и Иезекиилю отказывающимся Он говорил: *Я с вами*. То же самое и в сем случае говорит ученикам Своим. Теперь посмотри, какое различие между теми и другими. Те часто отказывались, будучи посылаемы к одному народу: сии, посылаемые во всю

вселенную, ничего подобного не говорили. О скончании же века Он напоминает им для того, чтобы более привлечь их и чтобы они не на настоящие скорби только смотрели, но и на будущие бесконечные блага. Скорби, говорит Он, которым вы подвергнетесь, оканчиваются с сею жизнью, поскольку окончится и самый век; блага же, которые вы получите, вечны, как Я вам и прежде часто говорил. Таким образом, укрепив и ободрив их дух и сим напоминанием о последнем дне, Он послал их в мир.

**Изъяснение 18 стиха 28-й гл. Евангелия от Матфея:
*И приступль Иисус, рече им, глаголя: дадесе Ми
всяка власть на небеси и на земли***

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Беседы в пяток Пасхи

1) Явление Иисуса Христа по воскресении в Галилее

Господь наш Иисус Христос по воскресении Своим из мертвых многократно являлся Своим ближайшим ученикам и другим верующим в Него в продолжении сорока дней до Своего вознесения на небо. Первые Его явления имели целью дать полное удостоверение в том, что Он действительно воскрес из мертвых. В других последующих явлениях Он *глаголал яже о Царствии Божии* (Деян. 1:3), преподавал высшие познания истин и таинств веры и устроил Свою Церковь. Евангелист Матфей в конце своего Евангелия описал одно из сих явлений, имеющее особенную знаменательность, как можно усмотреть, между прочим, из того, что в других явлениях Господь открывал Себя одному или многим, без предварения, как внезапный посетитель или спутник, а о сем явлении предупредил учеников Своих и назначил для него место: *Да идут в Галилею, и ту Мя видят* (Мф. 28:10).

Евангелист не определяет времени сего явления, но, без сомнения, оно последовало уже тогда, когда предшествовавшими явлениями по крайней мере в ближайших учениках Его достаточно была утверждена и освобождена от сомнений вера в совершившееся воскресение Господа.

Хотя евангелист только на одиннадцать апостолов указывает как на очевидцев сего явления Господа; однако вероятно, что в сем участвовали и многие другие. Вероятно, к сему клонилось и раннее о сем явлении предупреждение и назначение места в Галилее, где Христос Спаситель много проповедовал прежде страдания Своего и где тогда много было уверовавших в Него; и, конечно, из сих-то *овии усумнешася*, не были приготовлены видением предшествовавших явлений Воскресшего, как приготовлены были апостолы.

2) Раскрытие понятия о Царстве Небесном

Господь Иисус начал Свою евангельскую проповедь возвещением, что *приблизится Царство Небесное* (Мф. 4:17), и при конце Своего земного поприща уже самую короткою мерою определял сию близость: *Не имам ясти, не имам пити, Дóндеже Царствие Божие приидет* (Лк. 22:16, 18). Но ученики Его еще не довольно понимали Царствие Небесное; они еще не освободились от иудейской мысли о земном царстве Мессии. С Воскресением Господа настало время, поскольку открылась удобность, дать им ясное, опытное понятие о Царствии Небесном, показать им оное в самом действии. Для сего воскресший Господь является собранным по предварительному повелению Его в Галилею ученикам и провозглашает Свое воцарение в том Царстве, которого приближение предсказывал: *приступль Иисус, рече им, глаголя: дадеса Ми всяка власть па небеси и на земли*. Теперь видите: Царь предвозвещенного царства есть воскресший Христос; Его Царство есть *Небесное*, потому что Его воскресшая жизнь очевидно есть уже не земная, а небесная и пренебесная, и такова же Его деятельность, но царство Его не ограничивается небом, а простирается и на всю землю, для того в особенности, чтобы верующих в Него человек из земной, несовершенной, смертной жизни, посредством благодатного возрождения возводить в жизнь небесную, совершенную, в блаженство Царства Небесного.

3) Почему не прежде чем по воскресении дана Иисусу Христу всякая власть на небеси и на земли?

Но слово Господа воскресшего, разрешая вопрос, что такое Царство Небесное, которого приближение Он предсказывал, в то же время порождает другой вопрос: каким образом не прежде чем по воскресении дана Ему всякая власть на небеси и на земли, когда Он имел сию власть от вечности, яко Единородный Сын Божий, Которым *создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли* (Кол. 1:16), и Который *носит всяческая глаголом силы Своея*? (Евр. 1:3).

Для разрешения сего вопроса надлежит различить состояние Сына Божия до Его воплощения от состояния Его по воплощении, состояние Его как Бога и состояние Его как Богочеловека. По первому состоянию, как Бог, Он имеет

всегдашнюю неограниченную власть над всем, что Им создано и провидением Его хранимо и управляемо. Во втором состоянии Он, вступая в земную жизнь, *Себе умалил, зрак раба приим* (Флп. 11:7); и тогда слава Божества Его была сокрыта; Его человечество только еще готовилось к прославлению. Принеся Себя, по человечеству, за повинное пред Богом наше всеродное человечество, в очистительную жертву правосудию Бога Отца, Он приобрел в Воскресении Своем прославление Своему человечеству и вместе надежду прославления нашему всеродному человечеству. Туда, где от века пребывал Он и пребывает как Бог, теперь восшел как Богочеловек, *превыше всех небес*, и, как воспевают Церковь, *Ангели дивятся, человека зряще превыше себе* (Стихира на вознесение Господне).

До крестной смерти и Воскресения Христа Спасителя для человека, грехом и осуждением греха изринутного из рая, рай и небо заключены были вечным правосудием, и не видно было власти, их отверзающей, врата ада за нисходящими в него грешниками были заключены, и не видно было власти, их отверзающей. Воскресший Христос есть *святой и истинный, имеющий ключ Давидов*, – крест, *отверзая, и никтоже затворит* (Откр. 3:7). Ему дадётся власть отверзать ад и изводить древле осужденных, отверзать небо и вводить помилованных.

Власть, которая дадётся воскресшему Христу Богочеловеку *на земли*, есть та же, действующая здесь начинательно, которая действует совершительно на небеси. Здесь Он вводит верующих из Царства поврежденной природы в Царство благодати, чадам ветхого Адама *даёт область чадам Божиим быти* (Ин. 1:12): там из Царства благодати возводит их в Царство славы.

4) Пространство сей власти

Наконец, в провозглашении царской власти воскресшего Христа да не будет оставлено без особенного внимания открываемое пространство сей власти: *всяка власть на небеси и на земли*. В каких разнообразных видах является *всяка власть* Его *на небеси*, это недоступно нашему созерцанию. Помыслим о ближайшей к нам всякой власти Его на земли. Если Он имеет *всякую власть*, то нет здесь никакой власти и

силы, которая не была бы подчинена Его власти. Простирая власть благодати на каждую душу верующую и на все царство веры, на созданную Им Церковь, Он также простирает власть Своей премудрости, благодати и правды и на видимую жизнь человека, личную и общественную, и на все царство природы. Подвластно Его премудрости и благодати животворно солнце светит, ветер дышит, облака дождят, вода орошает и поит, земля износит благопотребные человеку прозябения. Под властью Его премудрости и благодати рождается человек, возникает семейство, возрастает, укрепляется и цветет народ, создается, утверждается и возвышается царство. Под властью оскорбленной благодати и правды Его солнце опалает, воздух дышит тлетворно, облак пускает смертоносные стрелы молний, вода потопляет, земля отказывает человеку в дарах своих. Под властью оскорбленной благодати и правды Его невнимательный к сей власти человек лишается света и блуждает, семейство расстраивается, народ смущается, царство колеблется. Кроткую для кротких, а для *шатающихся языков*, для *людей, поучающихся тщетным*, для *расторгающих узы* Божественного закона – грозную власть дал Отец Небесный Единородному Сыну Своему, Царю Христу, Своим предопределением: *Проси от Мене, и дам Ти языки достояние Твое; упасеши я жезлом железным, яко сосуды скудельничи сокрушиши я* (Пс. 2:1; 3:8–9).

Вознесение Христово

Вознесение Христово

«Воскресное чтение», 1872

В сороковой день после Своего Воскресения, после неоднократного явления Своим ученикам и последователям и наставлений им, Иисус Христос расстался с ними, благословляя их. Он разлучился с ними вблизи Вифании, на Елеонской горе, где было место глубочайшего Его уничижения (Лк. 24:50; Деян. 1:12). Не вдруг, не внезапно Он стал невидим для них, как это бывало прежде (Лк. 24:31); но преображенное Его тело, свободное от законов тяготения, пред изумленными взорами учеников стало постепенно удаляться от них и возноситься на небо, пока, наконец, светлое облако, как бы некая триумфальная колесница, взяло Его из вида их и на крыльях света принесло в небесное Святое святых. Небесные силы, прославившие Его рождение, без сомнения, сопровождали Его (Пс. 46:1–6) при торжественном Его вшествии в мир славы. Так начало и конец Его пребывания на земле должны были соответствовать друг другу; это было единственно приличное завершение земной Его истории, награда за Его уничижение, возвращение в Его отечество, необходимое вступление в царство, где нет греха и смерти, наконец, условие Его благодатных отношений к миру, Им искупленному. Он, по выражению апостола, взошел превыше всех небес, дабы наполнить все (Еф. 4:10). Как солнце, когда оно стоит высоко на небе, действует гораздо сильнее и обширнее, чем когда оно находится близко к горизонту, так и солнце мира духов. Видимое отшествие Его к Отцу было печатью к Его словам: «Я изшел от Отца и пришел в мир» (Ин. 16:28; 13:3). Но вместе с тем здесь заключалось Подтверждение истины, что есть небесный отечественный град, отечественный дом со многими обителями (Ин. 14:2), что с неба нужно испрашивать силы благодати и благословения, и что Он с неба будет устроить Свое Царство на земле. Это чудесное событие засвидетельствовано не только евангелистами Марком и Лукою (Мк. 16:19; Лк. 24:51; Деян. 1:9), но и словами апостола Петра:

«Взошедши на небо, Он Пребывает одесную Бога» (1Пет. 4:22; ср. Деян. 2:33–34) и Многими местами в посланиях апостола Павла (Еф. 4:8–10; 1Тим. 3:16; Рим. 10:6; ср. Евр. 1:1); это есть и в Евангелии от Иоанна (3:13; 6:62; 8:21; 20:17), хотя и нет о нем исторического повествования; предполагается Вознесение и заключение Евангелия от Матфея (28:20). Как некогда Аарон поднял свои руки и благословил народ, так Христос вознесся, благословляя Своих учеников. Этим Он явил в Себе истинного Первосвященника, о Котором говорится, что Он всегда жив и ходатайствует за людей (Евр. 7:25). Своим Вознесением Он открыл бывший доселе для всех заключенным, вследствие людских грехов, вход в небесное святилище (Еф. 2:6; Ин. 16:7), соединил новою связью небо с землею и даровал возможность богатого и обильнейшего излияния Святого Духа (Ин. 16:7). Христианская жизнь должна быть постоянным восхождением и вознесением к небу; мы должны ежедневно искать как духовного воскресения со Христом, так и духовного вознесения (Кол. 3:1; Флп. 3:20; Рим. 8:5).

О Вознесении Господа на небо

(Мк. 16:19–20)

Св. Григорий Двоеслов. «Христианское чтение», 1846

Ст. 19. *Господь же убо по глаголании Его к ним вознесся на небо и седе одесную Бога.* В Ветхом Завете Илия был восхищен на небо, но на воздушное, которое отлично от эфирного, ибо оно ближе к земле (почему птиц, летающих по воздуху, мы называем небесными), так что он был отведен в сокровенную область земную, где должен обитать в телесном и душевном успокоении дотоле, пока при кончине мира паки явится на земле заплатить долг смерти, потому что Бог, по премудрым судьбам Своим, только отсрочил ему время смерти, но не избавил его вовсе от оной; между тем как Спаситель победил смерть и Своим славным Воскресением истребил ее, а в Вознесении явил славу Воскресения Своего. Здесь нужно заметить и то, что Илия вознесся на небо на колеснице в доказательство того, что он, яко человек, не мог быть без внешних пособий. Это пособие сделали ему ангелы, когда он восходил на воздушное небо, ибо он сам собою не мог вознестись и туда, потому что естественная слабость не позволяла ему отделяться от земли; между тем как Спасителю не нужна была колесница, не нужны были ангелы, ибо Творец Своею Божественною силою вознесся на небо, потому что Он возвратился туда, откуда сошел; вошел туда, где от века имел пребывание; ибо хотя по человечеству Он возносился, но по Божеству обладал и небом, и землею.

При сем не излишне обратить внимание и на то, почему Марк сказал о Господе, что Он *седе одесную Бога*; а первомученик Стефан видел Его *одесную Бога стояща* (Деян. 7:56); то есть почему евангелист Марк говорит, что Он *сидит*, а Стефан, что Он *стоит*? Для разрешения сего предварительно заметьте, что сидение принадлежит судье, а стояние помощнику; посему евангелист Марк потому описывает Господа сидящим, что Он после Вознесения Своего явится во всей славе Своей яко Судия, ибо Спаситель, вознесшись на небо,

восприял над всем суд; а Стефан потому видел Его во время мученического своего подвига стоящим, что Он помогал, ибо, чтобы победить неверие мучителей, Спаситель Сам ратовал за Стефана Своею благодатию.

Ст. 20. *Они же изшедше проповедаша всюду, Господу поспешествующу и слово утверждающе последствующими знаменьями.* Здесь достойно замечания те, что со стороны апостолов за заповедью тотчас последовало повиновение, а за повиновением последовали чудеса.

Займемся беседою и о торжестве настоящего праздника.

При сем прежде всего надобно исследовать, отчего это, когда Господь наш Иисус Христос родился, то хотя ангелы являлись, но не в белых ризах; а во время вознесения Его они являлись в ризах белых и блестящих; ибо в Писании говорится, что *зрящим им взятся и облак подъят Его от очию их. И егда взирающе бяху на небо, идущу Ему, и се, мужа два стапта пред ними в одежде беле* (Деян. 1:8–9). Ангелы во время вознесения Господня были одеты в одежду белую в знамение того, что вознесение Господа во плоти составляло величайшее торжество для них, потому что белая одежда есть знак веселия и радости сердечной; а по рождестве Его они потому не явились в белых ризах, что во время плотского рождения Его Божество уничижалось, тогда как в вознесении человечество Его обожалось.

Но при настоящем торжестве особенно мы должны размышлять о том, что ныне разорвано рукописание грехов и осуждения нашего и изменилось определение о нашем осуждении, потому что то самое естество, которому было сказано: *Земля еси в землю отъидеши*, ныне вознесено на небо. Псалмопевец о настоящем торжестве говорит следующее: *Яко взятся великолепие Твое превыше небес* (Пс. 8:2); *взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубне* (Пс. 44:6); *возшел еси на высоту, пленил еси плен, приял еси даяния в человецех* (Пс. 67:19). Восшед на небеса, Он подлинно пленил плен, ибо силою Своего нетления истребил наше тление и даровал даяние человеком, потому что ниспослал Святого Духа на апостолов, даровав иному слово премудрости, другому дух

разума, иному дух ведения, другому силу исцелений; одному знание языков, а другому сказание языков. Об этой славе вознесения Его и пророк Аввакум говорил следующее: *Воздвигнется солнце и луна ста в чине своем* (Авв. 3:11). Здесь под именем солнца разумеется не иной кто, как Сам Господь, а под именем луны Святая Церковь; ибо пока Господь не вознесся на небо, Святая Церковь непрестанно страшилась бедствий со стороны мира; а когда Он вознесся, то она утвердилась и всюду начала проповедовать веру свою, а таким образом действительно сбылись слова: *Воздвигнется солнце и луна ста в чине своем*; ибо как скоро Господь восшел на небеса. Церковь с дерзновением стала проповедовать. Посему-то Соломон от лица Церкви говорил: *Се Той идет, скача на горы и прескоча на холмы* (Песн. 2:8). Спаситель, идя на избавление нас, действительно делал как бы некие скачки. Вам желательно знать, какие это скачки? Вот они: во-первых, Он с неба снисшел в девическое чрево, из девического чрева пришел в ясли; потом от яслей восшел на крест; с креста снисшел во гроб, из гроба восшел на небо. Таким образом, проходя все степени человеческой жизни, Он пролагал нам путь, чтобы следовали за Ним. Поэтому Дух Святой устами пророка говорил: *Возрадуется, яко исполнил тещи путь* (Пс. 18:6), дабы и мы могли сказать с Премудрым: *Привлекоша Тя: вслед Тебе, в воню мира Твоего течем* (Песн. 1:3).

О Вознесении Господа на небо

(Лк. 24:50–52)

Свт. Филарет, митр. Московский. Из Беседы в день Вознесения Господня и обретения мощей свт. Алексея

1) Почему Господь пред Своим Вознесением явился в Иерусалиме, а не на месте, Им избранном для Вознесения

Извед их вон до Вифании и воздвиг руце Свои, и благослови их (Лк. 24:50).

Воскресший Господь являлся ученикам Своим не только в Иерусалиме, но и на пути в Эммаус, и в Галилее на горе, и на берегу озера Тивериадского: почему же, наконец, Он явился им не прямо на месте, которое избрал для Своего вознесения, но в Иерусалиме и вывел из него вон? Нет сомнения, что как всякое действие Божественной мудрости Его, так и сие исполнено глубокого знаменования. Это значит, что благодать отступает от ветхого Иерусалима, который обетованного ему Христа, *во Своя пришедшаго, не принял (Ин. 1:11)*, излившую для спасения мира кровь Его сам на себя принял к своему осуждению, своим неверием и христубийством сам себе приготовил оставление и разрушение. И как Пришедший не погубит души человеков, но спасти из среды погибающих начал уже избирать Себе спасаемых, взял из ветхого града лучшие камни и художеством небесного архитекторства – словом истины и спасения – очистил и приготовил их для нового здания; то дабы показать, что Он не ветхому, отжившему служит, не к ветхой ризе новый плат приставляет, не в ветхие мехи вино новое вливает, а устрояет новую ризу спасения, новые сосуды благодати, новый живой град Небесного Царствия на земле; Он несет избранные Им живые камни из ветхого града на свободное, чистое, высокое место, дабы здесь благословить новосозидаемую Церковь Свою, подобно как некогда благословил Свое новое райское творение.

2) О благословении, преподанном Господом апостолам, а чрез них всем верующим в Него, при вознесении на небо

*Извед их вон до Вифании и воздвиг руце Свои, и благослови их. Воздвиг руце на небо и простер их на благословляемых в знамение, что преподает благословение небесное и пренебесное, и так обширное, как далеко досягают Его руце, в которых *все концы земли* (Пс. 94:4). Какими словами благословил? Сего не написал святой Лука; но веруем, что то был поток Божественной благодати, жизни и силы, который не только исполнил предстоявшие сосуды, но и простерся и простирается и на всю Церковь Христову до последнего истинного христианина пред вторым пришествием Христовым. Более нежели вероятно, что к сему благословию принадлежат преданные святым Матфеем слова Христовы: *Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. 28:20).*

И бысть, егда благословляше их, отступи от них, и возношашеся на небо. Приметьте, что евангелист не говорит: *егда благослови*, когда окончил благословение, но *егда благословляше*, когда еще продолжал благословлять. Какой чудный образ действия! Господь благословляет и еще не оканчивает благословения, а продолжает благословлять, и между тем возносится на небо. Что это значит? То, что Он не хочет прекратить Своего благословения, но продолжает без конца благословлять Свою Церковь и всех верующих в Него. Помыслим, братия, что еще веруем, и ныне и над нами простерты руце Его, и взор Его, и благословение Его! Какой стыд и страх для тех, которые в суете мирской забывают Его! Какая радость для любящих Его!

3) Почему Господь избрал для вознесения гору Елеонскую?

Предел, от которого начинается вознесение Господа, есть гора Елеонская. Почему она избрана для сего, а не иное место? Можно думать, потому, что и прежде она была у Него избранным местом, которое освятил Он многократным Своим пребыванием и молением, особенно же потому, что здесь начались Его спасительные для нас страдания равною смерти скорбью душевною и многотрудною молитвою, простертою до произлипания кровавого пота. Обратив место начавшихся страданий в место совершившегося прославления, Он чрез сие ознаменовал то, что Его страдания и прославление составляют

один стройный состав спасительного для нас домостроительства Божия, одну золотую цепь, выработанную в горниле премудрости Божией, для возвещения на небо падшего из рая человечества...

4) О сидении Господа Иисуса Христа одесную Бога Отца по вознесении на небо (Мк. 16:19)

А где предел, до которого простирается вознесение Господа? Если возможен для слова человеческого некоторый на сие ответ, то его можно найти в изречении апостола: *Сшедый той есть и возшедый превыше всех небес, да исполнит всяческая* (Еф. 4:10). Присоединим к сему слово евангелиста, что вознесшийся Господь сядет одесную Бога (Мк. 16:19); причем слышащий не должен представлять в уме ничего телесного и чувственного. Ты слышишь иногда, что человек говорит о другом человеке: «он – моя правая рука», и не думаешь, чтобы он сделался рукою, а разумеешь сие так, что он близок к другому, подобно как его собственная рука, и по воле его превосходно действует, подобно как правая рука превосходно действует в сравнении с левою. Колями паче не должен ты прилагать телесных понятий к бестелесному и ограничивать местом Невместимого и Вездесущего. Слыша, что Христос *сидит одесную Бога Отца*, помышляй, что Он имеет единую с Отцем Вседержителем власть, единую с Ним славу, единое царственное промышление о всем мире, и особенно о Церкви спасаемых. Вообще не устремляй дерзновенно полета испытующей мысли в сию безмерную высоту: там *свет неприступный* (1Тим. 6:16). Если пред сотворенным светом видимого солнца изнемогает твое око – как не изнеможет неочищенное от брения око ума твоего пред светом вечного Солнца духов, пред Которым и высшие из ангелов закрывают лица? И апостольские взоры недалеко могли следовать за возносившимся Господом; облак подъял Его и скрыл от них. И как они в сие время *поклонились Ему*, так и ты после скромного взора веры на небо пади, сын праха, смиренно в прах, и неизреченное величие почти безмолвным благоговением.

5) Почему апостолы были исполнены радостью, когда Господь вознесся на небо?

Неожиданным показаться может засвидетельствованное евангелистом действие вознесения Господня на апостолов: *Возвратишася в Иерусалим с радостию великою*. Можно бы подумать, что они будут очень опечалены разлучением со Своим Божественным Учителем и Спасителем, но они очень радуются. Почему это? Радуются потому, что теперь совершенна вера их, и отверст ум их к разумению тайн Христовых: они веруют и знают, что Христос как воскресением Своим сокрушил двери ада и открыл верующим исход из него, так Вознесением Своим отверзает двери неба и открывает верующим вход в него. Радуются потому что совершенна их любовь: сладостно для них то, что возлюбленный Спаситель восходит на небо в блаженство и славу, хотя сами они остаются на земле для подвигов и страданий. Радуются потому, что совершенна их надежда, они чают и предчувствуют, что вознесшийся Господь, по обещанию Своему, вскоре пошлет им иного Утешителя Святого Духа; и что, наконец, по предвестию ангельскому, *Сей Иисус вознесыйся на небо, такожде приидет* (Деян. 1:11); и приидет для того, чтобы исполнить Свое другое обещание: *Паки прииду и пойму вы к Себе* (Ин. 14:3).

Предания о месте и времени Вознесения Иисуса Христа на небо

«Воскресное чтения», 1806

Евангелист Лука и в своем Евангелии, и в книге Деяний повествует о последних часах пребывания Сына Божия на земле. По словам его, Иисус Христос в сорокый день по Воскресении Своим явился ученикам в Иерусалиме, потом извел их из Иерусалима до Вифании, и, преподав им на горе Елеонской благословение Свое, вознесся отсюда на небеса к Богу Отцу. Это была средняя, или восточная вершина Елеона – та самая гора, на которой Спаситель плакал о слепоте Иерусалима и предсказал ужасное разорение его. Евсевий говорит, что в том холме, с которого Спаситель вознесся на небеса, была пещера, в которой Он преподавал ученикам Своим последние наставления относительно тайн Царствия Божия, или Церкви Своей на земли. Неизвестный сочинитель толкования на книгу Деяний Апостольских, принадлежащего к IV веку, говорит, что Иисус Христос, возносясь на небеса, оставил отпечаток Божественных стоп Своих на холме, с которого вознесся, и что сей отпечаток никогда не изглаждался, хотя верные непрерывно брали оттуда землю для хранения при себе. Блаженный Августин свидетельствует также, что в его время бесчисленное множество христиан стекалось в Иерусалим для поклонения следам ног Спасителя на горе вознесения. Так буквально исполнились слова пророка Захарии о Мессии: *Станут нозе Его в день он на горе Елеонстей, яже есть прямо Иерусалиму на восток (Зах. 14:4).*

На сем месте благочестивая императрица Елена воздвигла в начале IV века великолепный храм вознесения, купол которого над самым местом вознесения при всех усилиях зодчих не мог быть заделанным; искусство человеческое не дерзнуло после сего бранным сводом преградить ту стезю, которою Богочеловек восшел от земли на небо. Теперь храм вознесения лежит в развалинах, но в древности в праздник вознесения бесчисленное множество народа стекалось в него, и

с возжженными светильниками они целую ночь провождали в пении и молитвословии, так что вся гора Елеонская, по словам одного благочестивого путешественника, писателя VIII века, казалась горящею. Тот же писатель прибавляет, что в храме сем после литургии в день вознесения поднимался столь сильный вихрь, что все присутствовавшие повергались на землю в священном благоговении. Святой Иоанн Златоуст в одной из бесед своих упоминает о мнении некоторых, что вознесение Иисуса Христа на небо последовало в субботний день, но здесь же прибавляет, что это одно гадание; древнейшее предание Церкви, напротив, назначает днем вознесения, согласно повествованию св. Луки, сорок четвертый день по воскресении, или четверток 6-й недели по Пасхе. Это, по словам блж. Августина, было в 14 день мая, в поддень.

Примечания

¹ - Выражение метафорическое, означающее должность законоучителей, изъяснявших закон Моисеев, и потому бывших как бы преемниками Моисея.

² - Закон обрядов, по одной многочисленности их, уже составлял иго довольно тяжкое. Фарисеи еще увеличивали сию тяжесть присовокуплением множества преданий, распространением смысла обрядовых правил, внушением, что нарушение малейших обрядов есть важное преступление.

³ - Хранилища – повязки на лбу и на руках, со словами закона, особенно следующими: Исх. 13:1–10; 11–16; Втор. 6:4; 15:13–21. Обыкновение носить сии повязки составилось на основании буквального изъяснения некоторых предписаний Моисеевых, напр. Исх. 13:9, 16; Втор. 6:8; 11:18. фарисеи для показания особенной набожности делали сии хранилища как можно больше и шире.

⁴ - Воскрилия – шнурки синего цвета, предназначенного законом для одежды священников. Моисей предписал, чтобы у каждого еврея по концам одежды нашит был синий шнурок в напоминание, что весь народ еврейский должен быть народом священным (Числ. 15:38; Втор. 22:12). Фарисеи не умедлили обратить сии шнурки в пищу своему лицемерию, увеличивая их как можно более.

⁵ - Ученики Иисусовы действительно никогда не выдавали себя за независимых учителей, а только за посланников одного Учителя – Иисуса. Впрочем, Господь запретил тщеславие, с коим фарисеи любили называться учителями, а не имя, которое само по себе невинно. Апостол Павел в одном месте (1Тим. 2:7) называет себя учителем языков, хотя постоянно отзывается о себе как о последнем из учеников Иисусовых.

⁶ - У евреев начальники школы назывались также отцами, от коих ученики заимствовали себе прозвание, например, последователи Шаммая назывались шаммаитами, последователи Гиллеля – гиллелитами. Подобно сему в церкви Коринфской начали было одни называться Павловыми, другие

Аполлосовыми, иные Кифиными; но апостол Павел прекратил сей обычай, угрожающий разделением христианской Церкви на мелкие общества (1Кор. 1:2, ср. 3:4).

⁷ - Καθηγούμενος – начало вождь. Так называли они председателей синагоги и синагоги.

⁸ - Фарисеи посягали на дома вдовиц долгими своими молитвами. – Посредством ложной набожности, становясь распорядителями совести и имущества набожных женщин, они заставляли их делать разные пожертвования в свою пользу, даже объявлять себя наследниками их имущества в предосуждение и с обидою истинных наследников.

⁹ - Фарисеи (у коих божба была в великом употреблении) разделяли клятвы на большие, непроступные, и малые, удобопроступные. Клятва церковными сокровищами и жертвами с намерением отнесена была к важнейшим клятвам, дабы возвысить в глазах народа важность сих вещей и расположить его тем к большим пожертвованиям в пользу храма.

¹⁰ - Законом было поведено давать десятину от полевых и садовых плодов (Лев. 27:40; Втор. 14:22), но фарисеи, не принадлежавшие к сословию левитов, свободному от сего закона, чтобы показаться набожнее, давали десятую часть и со всех прочих огородных растений, кои, по общему мнению, не подлежали десятине.

¹¹ - Пословица иудейская.

¹² - Фарисеи, чтобы как-нибудь не сделаться нечистыми от прикосновения к нечистому, с возможною тщательностью вымывали все употребляемые для пищи и питья сосуды. Между тем чистые чаши их наполнены были неправдою, пища, в них содержащаяся, была плод обмана, хищения и лицемерства!

¹³ - Сравнение самое сильное и унижающее! Гробы у евреев почитались так нечистыми, что одно прикосновение к ним уже оскверняло человека.

¹⁴ - Современная история иудейская не представляет подобного примера, но действие сие совершенно в духе фарисеев.

¹⁵ - Ср. Мф. 23:34; Лк. 11:49.

¹⁶ - Христос дает здесь ученикам Своим название, бывшее в употреблении у тогдашних иудейских учителей. У евангелиста Луки сказано прямее: «пошлю пророков и апостолов» (11:49).

¹⁷ - В истории иудейской известны три Захарии: 1) священник, который за обличение царя Иоаса по его повелению побит камнями во храме (2Пар. 24:10), но он называется сыном Иодия, а не Захарии. 2) Пророк, коего мы имеем пророчества, но о смерти его ничего неизвестно. 3) Захария, сын Варухов, который, по словам Флавия (Bel. Iud. 4. 6. 4), пред разрушением Иерусалима умерщвлен зилотами во храме. Но сие событие случилось спустя довольно времени по вознесении Христовом. Итак, о каком Захарии упоминает здесь Иисус Христос? – Вероятно, о первом, коего убиение иудейскими писателями поставляется одною из главных причин Божия наказания, постигшего народ иудейский при разрушении Иерусалима. По обычаю иудеев, Иодай, отец Захарии, мог иметь другое имя – Варах. Господь указывает на два убийства – Авеля и Захарии, потому что они были примечательнейшие и составляли первое и последнее убиение праведников, о коем упоминается в исторических книгах Ветхого Завета.

¹⁸ - Весьма сходное по выражениям и мыслям место находится в 3 книге Ездры 1:30–33.

¹⁹ - Если слова сии относить к следующему стиху, то смысл будет таков: «Меня более не увидят в сем храме». А если относить его к предыдущему (ст. 35–36) и к следующей главе (24:1–34), то в них будет содержаться предсказание о разрушении храма. Лучше соединять тот и другой смысл, так как они не только не исключают, а скорее предполагают друг друга.

²⁰ - Заметить должно, что в Евангелии, когда говорится о празднике семидневном, то обыкновенно 15-й день Нисана называется первым днем опресночным, а когда об осьмидневном, то называется так 14-й день месяца; вечером в этот день начиналось уже пасхальное употребление пресного хлеба.

²¹ - То есть столовую комнату, убранную коврами для возлежания, по восточному обычаю. Такие комнаты у древних находились обыкновенно в верхнем этаже дома; и слово *ανωγειον*, здесь употребленное, иногда означает также и верхний этаж.

²² - И приготовили пасху, то есть заготовили агнца пасхального, пресный хлеб и предписанные для пасхи травы или плоды.

²³ - Греческое слово *θύειν* означает и жертву приносить, и закалать. Священники закалили агнцев, приносимых в жертву Богу, прежде нежели были съедаемы агнцы пасхальные по домам. Но когда оба эти действия – и жертвоприношение агнцев в храме, и вкушение агнцев в домах, – обозначаются одним и тем же выражением: закалать пасхального агнца, то легко принять одно за другое, тогда как они совершенно различны – и по времени, и по месту, и по значению своему.

²⁴ - В святилище находились: золотой стол с двенадцатью пресными хлебами, которые назывались хлебами предложения, золотой семисвечник и золотой кадильный алтарь, на котором каждодневно утром и вечером священники возжигали благовонный фимиам (кадило).